

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТИФЛИСЬ, 1893.

Типографія Канцеляріи Главнотачальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. Станица Прохладная, Терской области, Пятигорскаго округа. <i>С. Ф. Головчанскаго</i>	стр. 1—36
Историческія свѣдѣнія	1—3
Досвитки	3—6
Свадебныя обряды и пѣсни	6—36
II. Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Слѣпцовской, Владиміанскаго округа. Сообщилъ завѣдывающій Слѣпцовскимъ двухкласснымъ училищемъ, <i>П. Семеновъ</i>	37—140
I. Свадебныя пѣсни:	37—61
II. Любовныя пѣсни	61—67
III. Бытовыя пѣсни	67—82
IV. Историческія пѣсни	82—140
III. Станица Наурская, Грозненскаго округа. Положеніе станицы, историческія и статистическія свѣдѣнія. Инспектора народныхъ училищъ Терской области, <i>М. Мохіра</i> ,	141—144
Пѣсни, поющіяся въ той же станицѣ. Сообщилъ учитель Наурскаго станичнаго училища, <i>В. Пятирублевъ</i>	145—226
I. Свадебныя пѣсни	145—156
II. Обрядовыя пѣсни	156—169
III. Шуточныя пѣсни	169—170
IV. Любовныя пѣсни	170—183
V. Бытовыя пѣсни	183—203
VI. Былевыя и историческія пѣсни	203—226
IV. Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Ищерской, Грозненскаго округа. Сообщ. учительница Бороздинскаго станичнаго училища, <i>Е. Бутова</i>	227—289
I. Свадебныя обряды и пѣсни	227—253
II. Троицкія пѣсни	253—254

III. Любовныя пѣсни	254—261
IV. Бытовныя пѣсни.	261—274
V. Былевныя и историческія пѣсни	274—289
V. Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Бороздинской, Низлярскаго округа. Сообщ. <i>она же</i>	290—301
I. Свадебная пѣсня.	290
II. Любовныя пѣсни	290—293
III. Бытовныя пѣсни	293—296
IV. Былевныя и историческія пѣсни.	296—301
VI. Свадебныя пѣсни, поющіяся въ станицѣ Терской, Владикавказскаго округа. Сообщ. учитель Терскаго станичнаго училища, <i>Л. Романовъ</i>	302—303
VII. Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Архонской, Владикавказскаго округа. Сообщ. учитель Умаханъ-Юртовскаго станичнаго училища, <i>В. Кикоть</i>	304—314
I. Любовныя пѣсни	304—309
II. Бытовныя пѣсни.	310—314
VIII. Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Умаханъ-Юртовской, Грозненскаго округа. Сообщилъ <i>она же</i>	315—335
I. Любовныя пѣсни	315—317
II. Бытовныя пѣсни.	317—328
III. Шуточная пѣсня.	328—329
IV. Былевныя и историческія пѣсни.	329—335

ОТДѢЛЪ II.

I. Сказки, записанныя въ станицѣ Слъпцовой <i>II. Семёновымъ</i>	1—146
Отъ собирателя сказокъ.	1—3
Сказки: 1. Сказка о трехъ братьяхъ-деревицахъ	3—19
2. Золотая яблочка	19—29
3. Сказка о трехъ братьяхъ крестьянскихъ	29—45
4. Дуракъ	45—47
5. Не люби—не слушай, а лгати не мѣшай	47—56
6. Царевичъ-малышка	56—70
7. Иванъ-малышъ	70—76
8. Сынъ пастуха	76—88
9. Ракъ-царевичъ.	88—95
10. Незнайка	95—103
11. Воръ Кляйка	103—111
12. Мертвая деревна—дочь мучительна	111—118
13. Золотой фонарь	118—125
14. Братъ и сестра	125—132
15. Васютка и Аленушка	132—135

16. Росло-повыросло	135—138
17. Пѣтухъ	138—139
18. Котъ Котоенчъ	139—144
19. Сказка безъ конца	144—146
II. Сказки, записанныя въ станицѣ Наурской учителемъ	
<i>В. Пятирублевымъ</i>	147—178
1. Терпѣливый и безстрашный Иванъ.	147—164
2. Мертвая рука.	164—167
3. Красная и зеленая сумки.	168—170
4. Помѣщикъ и крестьянинъ.	170—177
5. Три калмыка (анекдотъ)	177—178
III. Сказки, предразсудки, пословицы, поговорки и загадки, записанныя въ ст. Умаханъ-Юртовской учителемъ	
<i>В. Кикотемъ</i>	179—192
Сказки: 1. Сынъ вдовы.	179—184
2. Мужикъ и разбойники	184—187
3. Жена-спорщика	187—189
4. Ляса и волеъ	189
Предразсудки 1—17	189—190
Пословицы и поговорки 1—13	190—191
Загадки 1—12	191—192
IV. Сказка «Воръ», записанная въ слободѣ Воздвиженской, Грозненскаго округа воспитанникомъ Закавказской учительской семинаріи, Е. Максимилянковымъ.	
	193—195

О П Е Ч А Т К И.

О т д ъ л ъ I.

Страница.	Строка (сверху).	Напечатано:	Следует читать:
8	22	пшккккк	пшккккк
9	10	Параск	Параска
12	21	смы-	смы-
—	35	Батынько	Батынько
13	35	ккккк	ккккк
14	11	Слава	Слава
16	6	пшккккк,	пшккккк,
26	26	молодсенькый,	молодсенькый,
31	32	„завывайничка“	„завывайничка“
35	4	Тещина	Тещины
64	10	Воздно	Поздно
79	18	глотать.	глотать.
80	19	если,	ели,
127	24	По рѣчкамъ	По рѣчкамъ
128	10	Осмотрѣлся	Осмотрѣлся
149	20	стлал,	стлал,
163	8	9)	8)
169	22	Застанусь	Дастанусь

О т д ъ л ъ II.

13	26	двора	дворца
137	15	кубыремъ	кубаремъ.

П О П Р А В К А.

На 105 страницѣ I Отд. въ примѣчаніи следуетъ читать: Упоминаемая здѣсь *чешка*—названіе игры. Маленькая пушка уцѣлѣла до настоящаго времени и т. д.

Настоящій выпускъ по своему содержанію представляетъ частный и общій интересъ: въ немъ предлагаются данныя изъ исторіи, быта, нравовъ и воззрѣній великорусскаго и малорусскаго населенія Имперіи, а главнымъ образомъ казаковъ Терской области и Кавказскихъ горцевъ. Матеріалы снабжены замѣчаніями, касающимися тѣхъ ихъ сторонъ, съ какихъ они представляютъ наибольшій интересъ. Почти всѣ пѣсни обрядовыя и любовныя, а также значительное большинство пѣсень бытовыхъ, какъ составляющія продуктъ народнаго творчества, выяснены въ бытовомъ и другихъ отношеніяхъ приуроченіемъ ихъ къ тѣмъ или другимъ народнымъ обрядамъ, филологическими соображеніями, а чаще всего сравненіями ихъ, съ пѣснями разныхъ сборниковъ въ отношеніи аналогичныхъ мотивовъ *). Значительное большинство пѣсень военно-бытовыхъ и историческихъ, особенно тѣ, которыя связаны съ лицами и событіями позднѣйшаго времени (XVIII и XIX в.), не суть народныя по своему происхожденію, а составляютъ продуктъ пѣснотворче-

*) Кстати предлагаемъ здѣсь перечень пѣсень изъ „Терскаго сборника“ (Приложеніе къ Терскому календарю за 1891 г. Вып. I, Отд. II, стр. 105—149) для сравненія ихъ съ напечатанными въ настоящемъ выпускѣ. Пѣсни ст. *Наурской*— №№ 4, 5, 6, 13, 14, 15, 16 (последнія три съ вариантами станицы *Кисловодской*), 17, 19, 27, 28, 31, 34, 35, 38, 39, 40, 44 (двѣ), 54, 55 и 60, ст. *Самашкинской*— №№ 26, 45, 47, 50, 51 и 66 и ст. *Новоладковской*— № 23 напечатаны у насъ съ болѣе или менѣе важными особенностями въ языкѣ, стихѣ и мотивахъ въ отдѣлѣ п. ст. *Наурской* (стр. 148—208); пѣсни ст. *Наурской*— №№ 30, 36, 37, 64, 70 и 71 и ст. *Самашкинской*— №№ 48 и 59 аналогичны тѣмъ, которыя у насъ помѣщены въ отдѣлѣ пѣсень ст. *Ищерской* (стр. 229—280); пѣсни ст. *Наурской*— №№ 3, 53 и 67, ст. *Чераленной*— № 7 и ст. *Староладковской*— № 20 въ основныхъ мотивахъ сходны съ пѣснями ст. *Слѣпцовской* (стр. 65 и 88); пѣсня ст. *Чераленной*— № 52 представляетъ вариантъ п. ст. *Архонской* (стр. 310—311). Этими всѣми аналогіями мы не могли въ своемъ мѣстѣ воспользоваться, такъ какъ только теперь имѣемъ подъ руками означенный „Сборникъ“.

ства въ средѣ солдатъ и казаковъ (Сравни. на стр. 113 примѣч.). Эти пѣсни, хотя и лишены поэтическаго достоинства (Ср. Вып. I Пѣс. Кирѣвскаго, стр. V), но заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ, какъ памятники времени. Почти всѣ имена и событія въ этихъ пѣсняхъ, представляющія историческій, географическій и этнографическій интересъ, снабжены комментаріями.

Въ концѣ I отдѣла приложены напѣвы нѣкоторыхъ пѣсень, доставленные въ редакцію собирателями матеріаловъ: напѣвы ст. Прохладной сообщены *С. Ф. Головчанскимъ*, напѣвы ст. Слѣпцовской, отмѣченные знакомъ *, взяты изъ печатной брошюры (См. на стр. 77 прим.), а варианты къ нимъ и пѣсни той же станицы, не отмѣченныя никакимъ знакомъ, сообщены учителемъ Слѣпцовскаго станичнаго училища *А. Денбювецкимъ*; напѣвы ст. Наурской сообщены учителемъ станичнаго училища *В. Пятирублевымъ*.

Сказочный эпосъ II отдѣла снабженъ только самыми необходимыми замѣчаніями въ виду того, что онъ вмѣстѣ съ матеріалами того же рода, напечатанными въ предыдущихъ выпускахъ „Сборника“, долженъ быть предметомъ общаго изслѣдованія.

Н. Иванцкій.

СТАНИЦА ПРОХЛАДНАЯ,

Терской области, Пятигорскаго округа.

Историческія свѣдѣнія.

Главнымъ источникомъ для опредѣленія времени и хода первоначальнаго заселенія станицы служатъ мѣстныя преданія. По преданію, записанному въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія со словъ тогдашнихъ старожиловъ и хранящемуся въ дѣлахъ станичнаго правленія, основаніе Прохладной отнесится къ 1765 году *). Но нужно имѣть въ виду, что приблизительно въ то же время станица, тогда еще селеніе государственныхъ крестьянъ, внесена въ число уже организованныхъ общинъ для несенія государственныхъ повинностей **),—фактъ, установившій бытъ поселянъ на все послѣдующее время, слѣдовательно, болѣе важный и памятный, чѣмъ первоначальное поселеніе ихъ предковъ на р. Малгѣ. На этомъ основаніи мы должны отнести зарожденіе станицы къ годамъ, предшествовавшимъ 1765.

О стародавнихъ физическихъ условіяхъ мѣстности по р. Малгѣ и о первыхъ поселенцахъ станицы вотъ что разсказываютъ нѣкоторые станичныя старожилы. Все пространство,

*) Подъ тѣмъ же годомъ показано основаніе станицы и въ „Сборникѣ свѣдѣній о Терской области“. Вып. I, стр. 372. Владикавказъ. 1878 г. *Ред.*

**) Свѣдѣнія о государственныхъ повинностяхъ гребенскихъ казаковъ находимъ въ историческомъ очеркѣ И. Понко „Гребенское войско“. Сиб. 1880 г.; на стр. 194—5, между прочимъ, читаемъ: „сверхъ всякихъ воинскихъ службъ“, „казаки отправляютъ почтовую гоньбу“, стоятъ „на заставахъ“, „возятъ на полки (регулярные) провіантъ и фуражъ“.

занимаемое нынѣшней станицей и ея окрестностями, въ старину покрыто было дремучимъ дубовымъ лѣсомъ *). Въ этомъ лѣсу, верстахъ въ 6 или 7 отъ нынѣшней станицы, вверхъ по р. Малѣй, шесть семействъ построили себѣ курени и образовали изъ себя поселокъ. Какой-то вельможа, говорятъ, *Потемкинъ*, проѣзжая поблизости къ поселку, обратилъ вниманіе на дымокъ, взвивавшійся надъ лѣсомъ, и послалъ сопровождавшихъ его узнать, кто обитаетъ въ лѣсу. Оказалось, что тамъ жили свои люди, государственные крестьяне. Вельможа предложилъ имъ перейти на другое, болѣе удобное, мѣсто; это новое мѣсто и есть то, которое нынѣ занимаетъ станица **). Преданіе добавляетъ, будто бы тотъ же вельможа далъ и названіе селенію „Прохладное“ подѣ впечатлѣніемъ замѣченной имъ лѣсной прохлады въ томъ мѣстѣ. Откуда прибыли первые поселенцы и сколько лѣтъ они жили на старомъ мѣстѣ, неизвѣстно.

Въ 1825 году селеніе переименовано въ станицу, и жители его обращены въ казаковъ. Численность населенія къ

*) На существованіе въ былыя времена дубоваго лѣса по р. Малѣй указываютъ, между прочимъ, бывшія еще недавно въ Прохладной избы стариннаго типа, съ глухими стѣнами на улицу, построенныя изъ круглыхъ дубовыхъ бревенъ, а также найденныя, во время археологическихъ раскопокъ, въ 1879 году, въ могильникахъ, близъ станицы, пластины (бревна), хотя ислѣвшія, но вполне сохранившія рисунокъ дуба.

Авт.

**) Приведенное преданіе весьма любопытно сопоставить съ правительственными мѣропріятіями того времени. Чтобы упрочить за собою владѣніе обширными степями сѣвернаго Кавказа, правительство во второй половинѣ прошлаго столѣтія принимало дѣятельныя мѣры къ распространенію русскихъ селеній по Кавказской линіи, отъ Кизляра до Моздока и далѣе до Азова, и къ охранѣ этой линіи казачьими войсками отъ вторженій и грабежей воинственныхъ горцевъ (начальство надъ всѣми войсками отъ Каспійскаго до Чернаго и Азовскаго морей ввѣрено было генералъ-поручику кн. *Потемкину*). Радачей земли подѣ населенія, предоставленіемъ широкихъ льготъ и денежными пособіями оно привлекало въ этотъ край отставныхъ солдатъ, казенныхъ крестьянъ и даже крестьянъ частныхъ владѣльцевъ. „Опытъ географіи Кавказскаго края“ П. П. Надеждина, стр. 96—97. Тула. 1891 года; „Кавк. сборн.“ 1879 г. т. III, стр. 236, 239—244; „Сборн. свѣд. о Терек. обл.“ Вып. I, стр. 81. Въ связи съ этими мѣрами правительства организація селенія Прохладнаго на новомъ мѣстѣ перестаетъ быть случайнымъ фактомъ. *Ред.*

этому времени стала уже настолько значительна, что явилась возможность построить въ станицѣ церкви и содержать причтъ. Откуда увеличилось население Прохладной, никто не знаетъ; несомнѣнно только то, что все население станицы въ разсматриваемое время состояло исключительно изъ малороссовъ: въ церковныхъ метрикахъ за 1825—1827 годы находимъ фамилии: Щербакъ, Середя, Субота, Радько, Головко, Вовкъ, Сорока, Клюй, Горохъ и под., сохранившіяся въ станицѣ до настоящаго времени, но не встрѣчаемъ ни одной великорусской фамилии или прозвища. О доселенцахъ, прибывшихъ въ станицу въ послѣдующее время, имѣются точныя указанія въ дѣлахъ мѣстнаго правленія. Въ 1836 году въ ней поселилось четыре семейства выходцевъ изъ Полтавской губерніи; въ 1849 году—восемь семействъ изъ Харьковской и 34 семейства изъ Воронежской губерній. Въ станицѣ есть переселенцы и изъ Черниговской губерніи, но сколько ихъ и когда они переселились изъ этой губерніи, свѣдѣній не имѣется *).

Досвитки **).

Сохраняя основную, установившуюся истари, программу, „досвитки“, бакъ и „весилля“ и другіе обычаи, въ настоя-

*) Обычаи и пѣсни станицы, приводимыя ниже, сходны не только въ главныхъ чертахъ, но верѣдко и въ частностяхъ съ таковыми же здѣсь названныхъ малороссійскихъ губерній. Ред.

По „Списку населенныхъ мѣстъ Терской области“ въ 1872 г. жителей въ станицѣ Прохладной числилось 2.886 обоюго пола; по станичнымъ отчетамъ къ 1-му января 1878 года—2.815 („Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 372). Въ „Сборн. матер. для опис. мѣст. и пл. Кавк.“. Вып. VIII. Отд. I (1889 г.), на стр. 120 показано число жителей 3.461 обоюго пола; тамъ же, на стр. 120—123, и на стр. 14—16 Вып. XI. Отд. II имѣются свѣдѣнія о промысловыхъ занятіяхъ жителей. Ред.

**) Въ виду практической и научной важности фонетическаго правописанія народныхъ словъ, мы измѣнили все условное въ написаніи нашимъ авторомъ малороссійскихъ словъ, руководясь изданіемъ „Кабзая“ Т. Г. Шевченка, 1884 года. Слб. Ред.

щее время лишены многих интересных подробностей и утеряли прежнюю нравственную чистоту *). Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ „досвиты“ сохраняли стародавнюю полноту и ничего вреднаго для молодежи въ нравственномъ отношеніи въ себѣ не имѣли. Несмотря на то, что дѣвушки и парни вмѣстѣ проводили цѣлыя ночи, въ ихъ отношеніяхъ строжайшимъ образомъ соблюдалась скромность и благопристойность. На „досвиткахъ“ молодые казаки, между прочимъ, высматривали себѣ подругъ для семейной жизни, а дѣвушки-казачки за веселой бесѣдой показывали свое умѣнье и степень успѣшности въ женскихъ работахъ (шитьѣ, пряденѣ и проч.)—бачества, считающіяся и въ настоящее время одними изъ важнѣйшихъ достоинствъ дѣвушки при выходѣ замужъ. Нравственная чистота „досвитокъ“ обставлялась такими строгими условіями, что едва ли у молодыхъ людей могла являться даже мысль допустить свободныя отношенія между собою. Замѣченная въ безнравственномъ проступкѣ дѣвушка уже не могла выйти замужъ за казака, чѣмъ и выражалось общественное въ ней призрачье. Если какой и удавалось скрыть свой проступокъ до замужества, то онъ, все таки, обнаруживался въ день свадьбы, и тогда уже ее постигала самая тяжелая кара. Старый свадебный обычай въ этомъ случаѣ всегда выдавалъ головою не только провинившуюся дѣвушку, но и ея родителей и родственниковъ, плохо смотрѣвшихъ за нею. Въ день свадьбы, вечеромъ, когда молодая жена только что входила въ домъ мужа, компанія молодыхъ женщинъ и мужчинъ, удостовѣрившись въ нецѣломудренности *молодой*, съ позорными для провинившейся и ея родителей пѣснями, шла въ домъ ея отца съ роковымъ извѣстіемъ; а на другой день послѣ свадьбы на отца и мать такой преступницы надѣвали *хомуты* и въ такомъ нарядѣ, съ особыми на этотъ случай пѣснями, водили ихъ по

*) См. ст. Голованскаго же въ „Терскихъ Вѣдомостяхъ“ 1887 г. № 9: „Перерожденіе старыхъ обычаевъ“.

улицамъ станицы *). Не оставялась въ покоѣ и та семья, въ которую выдавалась замужъ такая дѣвушка: на домѣ вывѣшивали на показъ всему міру позорный флагъ. Этотъ варварскій обычай въ значительной мѣрѣ обезпечивалъ нравственную чистоту „досвитокъ“ и вообще поддерживалъ строгость нравовъ прохладненскихъ казаковъ.

Измѣненіе стариннаго характера „досвитокъ“, равно какъ и другихъ обычаевъ, происходило и происходитъ подъ вліяніемъ новыхъ условій быта казаковъ въ станицѣ. Съ проведеніемъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, черезъ станицу почтоваго тракта, а потомъ, съ 1875 г., и желѣзной дороги, Прохладная все болѣе и болѣе пріобрѣтала значеніе важнаго торговаго пункта **). Въ-стѣ съ этимъ пришлый и постоянно мѣняющійся торговый и промышленный людъ сталъ вносить въ среду станичныхъ казаковъ и казачекъ новыя, небывалыя потребности, нерѣдко совершенно несогласныя со скромной и нравственной стариной ***). Другимъ факторомъ, дѣйствующимъ на нравы жителей растлѣвающимъ образомъ, служатъ квартированіе въ станицѣ войскъ. Появленіе незаконнорожденныхъ дѣтей, подкидышей перестало быть необычайностью, какъ было въ станицѣ еще не такъ давно; даже такое печальное явленіе, какъ открытый развратъ, никого уже не удивляетъ. Совмѣстно съ этимъ вредное вліяніе на народную нравственность оказываютъ и служба казаковъ внѣ станицы. Отвлекаемые службою отъ семейнаго очага на болѣе или менѣе продолжительное время, казаки, искусившись на сторонѣ соблазнами холостой

*) Сравни. „Свадебные обычаи“ кизлярско-гребенскихъ казаковъ въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 236. Вып. I. Ред.

***) 5 сентября въ станицѣ бываетъ Александровская ярмарка. Въ 1876 г. оборотъ ея простирался до 83.880 рублей. Первое мѣсто въ торговлѣ Прохладной занимаютъ рогатый скотъ и лошади; потомъ рыба (красная и черная изъ р. Малки), медъ, хлѣбъ и проч. „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 109—110. Ред.

****) Сравни. стр. 110 „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк.“. Вып. I. Отд. I. Ред.

жизни, вносятъ въ свою среду новыя склонности и новыя возрѣнія, извиняющія разные грѣшныя казачекъ.

Подъ вліяніемъ новыхъ условій быта „досвитки“ въ Прокладной станицѣ утратили и свое прежнее практическое значеніе и получили новый, совсѣмъ нежелательный, характеръ, вслѣдствіе чего въ концѣ 1886 года по общественному приговору этотъ обычай запрещенъ.

Свадебные обряды и пѣсни *).

Свадьба, выполнявшаяся еще такъ недавно, всего лѣтъ 15—20 тому назадъ, со всѣми старинными подробностями, теперь, подъ вліяніемъ указанныхъ выше условій быта, значительно измѣнилась и упростилась; многія пѣсни съ ихъ старинными напѣвами давно уже забыты въ станицѣ. Намъ удалось собрать довольно давнія свадебныя пѣсни, но, къ сожалѣнію, не всѣ съ напѣвами **).

Сватанье совершается обычнымъ порядкомъ. Освѣдомившись о томъ, кого намѣренъ сватать женихъ, и желаютъ ли того его родители, „старосты“, нарочно для этого избранные послѣдними изъ своей родни, съ хлѣбомъ и водкой идутъ въ домъ намѣченной дѣвушки. Родители дѣвушки, хотя и готовы отдать свою дочь за предлагаемаго жениха, но въ первый визитъ старость не хотятъ этого показать и потому не даютъ опредѣленнаго отвѣта на предложеніе, а подъ какимъ-нибудь предлогомъ откладываютъ его на нѣсколько дней или даже недѣль; иногда это дѣлается съ цѣлью выждать, не

*) Малороссійская свадьба описана въ главныхъ чертахъ въ „Сборн. матер. для опис. мѣст. и пл. Кавк.“, на стр. 165—169 Вып. VI. Отд. II. Предлагаемое описаніе свадьбы представляетъ интересъ въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, оно сообщаетъ характерныя особенности, свойственныя быту казаковъ—малороссійскъ сѣвернаго Кавказа, съ другой—пѣсни здѣсь точно приурочены къ опредѣленнымъ моментамъ свадебнаго ритуала. *Ред.*

**) Пѣсни записаны со словъ 60 лѣтней старухи, М. Генхи, въ 1879 г. Изъ нихъ положены на ноты только тѣ, мотивы которыхъ были въ народномъ употребленіи въ 60 и 70-хъ годахъ. Напѣвы см. въ концѣ отдѣла. *Авт.*

подвернется ли лучший женихъ. Родители дѣвухи совѣщаютъ ся, потомъ, со своими родственниками по возбужденному вопросу и, въ случаѣ рѣшенія его въ пользу жениха, который сватается, во второй визитъ старость принимаютъ отъ нихъ хлѣбъ и пьютъ водку *), въ противномъ же случаѣ, отказываются отъ того и другого. Случай неудачнаго сватанья, когда старосты пробуютъ счастья въ нѣсколькихъ домахъ народъ отмѣтилъ насмѣшливымъ выраженіемъ „корякіи дѣлать“. „Покиль женився, полѣшавъ корякіи!“ говоритъ женатый казакъ, которому сватанье обошлось не безъ подобныхъ неудачъ. Прежде, чѣмъ приниматься за выпивку и закусыванье по случаю „ладовъ“, старосты и родители невесты „зводятъ дитя“, т. е. спрашиваютъ у невесты и у пришедшаго въ этотъ разъ вмѣстѣ со сватами жениха согласія на вступленіе въ бракъ. Женихъ обыкновенно даетъ отвѣтъ прямой и утвердительный; а невеста изъ скромности выражаетъ свое согласіе изъясненіемъ покорности волѣ своихъ родителей: „въ вашей воли не выйду“. Общее согласіе подтверждается молитвою. Затѣмъ мать невесты ломаетъ (но не рѣжетъ) хлѣбъ, принесенный старостами, на куски и раздаетъ всѣмъ собравшимся въ этой церемоніи своимъ родственникамъ и членамъ семьи; а водкой угощаются всѣ присутствующіе, причемъ къ ней прибавляется и водка невестина. Въ тотъ же день, послѣ угощенья въ домѣ невесты, всѣ идутъ въ домъ жениха „печи *модать* **). На слѣдующій день женихъ снова идетъ въ домъ невесты,

*) Сравни „Свадебныя обычаи“ князьро-гребенскихъ казаковъ, на стр. 228 „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“ Вып. I; также стр. 112 „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк.“ Вып. I. Отд. I. Ред.

**) Въ Малороссіи встарѣ ведется обычай такъ называемыхъ „розгляднякъ“ (отъ „глядить“—смотреть, осматривать; не смѣшая ли этотъ глаголъ съ русскимъ *модать*?), состоящій въ томъ, что родители и родственники невесты послѣ заповъ сватанья, осматриваютъ хозяйство жениха, въ томъ числѣ и мечъ, около которой молодой придется „пѣрацца“, съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться въ достаткѣ той семьи, куда отдается невеста замужъ. Сравни также значеніе домашняго очага—*котла* у чеченцевъ. „Свѣд. о Терск. обл.“, стр. 255. Ред.

на этотъ разъ уже со всей своей родней. Невѣста даритъ всѣмъ имъ по платку головному или носовому—обычай „давать рушники“ *).

Этимъ заканчивается обрядовая сторона сватанья, за которой слѣдуетъ непрерывная попойка въ теченіе 3—6 дней, *зывается сватанье*. Каждый день кутежъ начинается у молодыхъ, къ которымъ съ ранняго утра всѣ участники гулянья собираются „похмыляцца“; затѣмъ вся компанія дѣлится на двѣ партіи, которыя продолжаютъ веселье каждая отдѣльно въ теченіе всего дня, при чемъ каждый членъ партіи считаетъ непремѣннымъ долгомъ заввать къ себѣ въ домъ всѣхъ своихъ соучастниковъ и угостить чѣмъ Богъ послалъ. Къ вечеру обѣ партіи снова сходятся въ молодымъ „до чопѣ“ **)— въ вольной водкѣ.

Въ первое послѣ сватанья воскресенье въ домѣ жениха сваты съ участіемъ родственниковъ совѣщаются о днѣ свадьбы, и уже послѣ этого все время до самой свадьбы проходитъ безъ попойекъ, тихо.

За день до свадьбы и наканунѣ въ домахъ обоихъ молодыхъ пекутъ изъ пшеничной муки „вытушкѣ“ (калачи), „коровой“, „лежень“ (продолговатый хлѣбъ) и „круглый калачъ“— все съ разными украшеніями изъ тѣста: „пишкѣмъ“ (на подобіе еловыхъ или сосновыхъ шишекъ), птичками и под. для свадебнаго стола. Коровой, кромѣ того, украшается „гильцемъ“ (вѣткой изъ дерева или травы), перевязаннымъ розовой лентой ***). Необходимую принадлежность стола составляютъ вод-

*) Сравни. пѣсни г. Острогояска, *Воронежской губерніи*, и г. Остра, *Черниговской*, въ сборникѣ „Народн. южнор. п.“ А. Метлинскаго, на стр. 124, 126—7. Киевъ. 1854 г. Ред.

**) *Чопъ* (чипъ)—затычка въ винной бочкѣ. (Употребляется въ малороссійскомъ говорѣ *Курской губерніи*). „Толковый словарь жив. великор. языка“ В. И. Даля Ч. IV, стр. 539. Ред.

***) Сравни. украшенія коровай на стр. 98 „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк.“ Вып. VI. Отд. I; также въ сбор. „Народн. южнор. п.“ стр. 132—„Якъ вильце вьють“ (Овручъ, *Волинской губ.*). Ред.

ка и вино (виноградное) въ большихъ посудахъ, затнутыхъ колосьями пшеницы, ржи, ячменя, овса, проса и также перевязанныхъ рововыми лентами. Вся эта декорация остается съ кануна свадьбы до вечера слѣдующаго дня, когда невѣсту увезутъ къ жениху. Всѣ эти приготовления свадебнаго стола составляютъ обычай *лпыть шыкы* *). На шыкы приглашаются родственницы и сосѣди молодыхъ. Во время лѣпленья шишекъ поютъ пѣсни:

1) Параскына ненька
(Парака—имя невѣсты)
По улыци ходе,
Сусидочокъ просе:
„Сусидочки, мѣй голубочки,
Идять вы до мене,
До мого дытаты
Калачымы бгаты“ **).

2) Зашумила, зашелестила
Яра пшеныченька ў поли...
Не подобонька яри пшеныченьци
У поли стояты,
А часъ—подобонька
Ў калачымы бгаты ***).

3) Не стій, вербо, надъ водою,

*) Процессъ лѣпленья шишекъ подробно описанъ на стр. 160 „Народн. южнор. п.“. Ред.

**) Судя по предлагаемымъ пѣснямъ, малороссійскій языкъ въ ст. Прохладной сохранился въ довольно чистомъ видѣ. (Увоенныя великорусскія слова въговариваются на чисто малороссійскій ладъ, напр., горница произносится горниця. *Собир.*) Руссизмы отмѣчены ниже въ примѣчаніяхъ къ пѣснямъ, въ которыхъ они встрѣчаются. Ред.

***) Въ нашей пѣснѣ образъ пшеницы выступаетъ не такъ ярко и живо, какъ въ пѣснѣ Хорольской (Черниговской губ.): тамъ она сама заговорила: „Та не подобонька мени въ стозы (въ скирдѣ) стояты, Та подобонька зъ мене коровай бгаты“... „Нар. южнор. п.“, стр. 163. Ред.

Стань сѣбѣ, вербо, на рыночку,
Звѣй сѣбѣ, вербо, симсотъ квитовъ,
Симсотъ квитовъ, ще й чотыри:
Всімъ боярамъ—по квитоци,
А Васылю квиты немае:
(*Васыль—имя жениха*)
Васылю квитка—Параска-дивва *).

Невѣстѣ-сиротѣ поють:

4) Велькый дворъ,
Та маленькый збиръ,—
Ще не вся родынонька.
Тымъ вона—не вся,
Тымъ не весѣла,
Що нема батынька (или непькы).
— „Посылай, Параско (или Васыльку),
Соловеечка
До раю—до батынька,
А сыву зузуленьку
На *Вкрайноньку*,
На свою *родыноньку*“!
— Ни соловья зъ саду,
— Ни батынька зъ раю,
— Ни родыны зъ Украины **).

*) Сравни. въ сборн. „Нар. южнор. п.“, на стр. 155 пѣсню, записанную въ Звенигородѣ, *Киѣвской* губ. (здесь пощія обращаются къ соснѣ); также пѣсню подъ № 84 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк.“. Вып. III. Отд. II, стр. 71. Мотивъ послѣдней пѣсни болѣе развитъ, зато наша пѣсня, какъ и звенигородская, больше выигрываетъ въ точности и отчетливости того же мотива. *Ред.*

**) Данная пѣсня составляетъ лишь первую половину пѣсни, которая поется въ Глуховѣ и Острѣ, *Черниговской* губ., и въ м. Шеловѣ, *Могилевской* губ. Вторую половину пѣсни составляетъ отвѣтъ „батынька зъ сырой земелькы“, что онъ „радъ бы встаты, Та парьдоноку дати“; но „Сырая земля двери залягла, Виконьця за-слоньла; жовтый писочокъ залигъ носочокъ,—нельзя продохнути“. „Народн. южнор. п.“ стр. 150—151. Отсутствие, въ нашей пѣснѣ отвѣта батынька отчасти по-полняется пѣснями №№ 6 и 7. *Ред.*

5) — „Зеленая рутонька,
Та жовтенькый цвѣть;
Чы у тебе, Параско,
Та матинкы *нитъ*?^{*)}
— „Ой есть у мене матинка,
Та далеко;
Пысала бь я писмечко,
Та не вмю,
Попросыла бь писарыка,
Та не смю,
Сама бь пишла, молоденька, —
Забраюся:
Далекая дороженька —
Не звернуся“.

6) Ой Параскыня ненька
Передь Господомь стоять,
Нахресть ручки держе,
У Господа просе:
„Ой, Господы, Ты, мій Боже,
Спусти мене зь неба на землю
Подвыщца на свою дытynu,
Чы хороше воно зряжене,
Чы *въ часъ посажене*“.
Зряжене, якъ паньска дытна,
Сыдыть воно, якъ сыротына.

7) Да ходыла Параска
По крутій гори,
Забачыла сиру вутву
На тыхій води.
— „Плывы, плывы, сира вутво,

*) *Нитъ* — руссизмъ, введенъ, очевидно, для рѣмки.

Тыхо по води,
Прыбуй, прыбуй, мой матиню,
Тепера *кз* *) мыни,
Та дай мыни порадоныку,
Бидній сыротыни!“
— „Я бь рада тепера
Прыбуты *кз* *) тоби,
Та дачь тоби порадоныку,
Бидній сыроти,
Та насыпано сырой земли
На руку мой“ **).

Наканунъ свадьбы, въ послѣобѣденную пору, женихъ и невѣста одѣваются въ праздничные костюмы и съ земнымъ поклономъ просятъ каждый отдѣльно у обоихъ родителей благословенья и совѣта, кого изъ молодежи пригласить *въ бояры* и *въ дружки*, а изъ пожилыхъ въ гости, *на весилля*. Снабженные нужными инструкціями, молды каждый отдѣльно, идутъ созывать гостей. Зайдя въ хату указанныхъ родителями сосѣдей или родственниковъ, женихъ или невѣста обращается къ хозяйну и хозяйкѣ дома обыкновенно съ слѣдующими словами: „просылы батько й мати на хлибъ-на сыйль-на весилля, а мыни дайте боярына въ бояры“ (женихъ) или „дружку въ дружки“ (невѣста). Въ случаѣ согласія приглашаемыхъ, пѣвицы, при выходѣ изъ хаты, благодарятъ „за дружку, за ихъ послушку“.

*) *Кз* мыни, *кз* тоби—русскими, допущены, какъ видно, по требованію стиховъ. Ред.

***) Продолженіе отвѣта матери мы находимъ въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк.“ Вул. IV. Отд. II, на стр. 107, № 69, также въ сборн. „Нар. южнор. п.“, на стр. 129—130, въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Ковотошѣ и въ Черниговѣ, а также въ въ Золотоношѣ, *Полтавской* губ. Мать или отецъ даетъ своей сыротыни совѣтъ поклониться „усій родни“ или „чужій чужыни“ и у нея попросить „порадоныкн“. Дочь общается „не разъ и не два“ поклониться, обливаясь „дрийными слезонькамн“, и уже „не разъ и не три“ дѣлала попытку, но „никто не дастъ порадоныкн“ такой, какъ бытынько или невѣка: „чужая родыноныка не посмила, а ридная родыноныка не скотила“. Ред.

8) Спасыби за дружку,
Спасыби за дружку,
За вашу послушку:
Хоть не вміе граты,
Вміе танцюваты.

Во время собиранія дружекъ, послѣднія сопровождаютъ невѣсту по улицамъ съ пѣснями:

9) Де ты, душечко наша Параско? *)
Колесомъ, колесомъ соннычко въ гору йде:
То жъ наша Параска по дружечки йде;
На се ййи батынько день добрый дае,
Сей день—увесь день, та й до вечора.
Якъ бы ты, Параско, батыньку вгождала,
То бъ ты и се лито зъ дивеами гуляла,
То бъ твоя коса на плѣчахъ лежала,
То бъ твоя краса въ лыченьку стояла.

10) Ой попе, попе Гордію,
Не двоны рано въ нидилю,
Задвоны рано въ субботу,
Потырай дивочкамъ роботу;
Та нехай дивочки не прядуть,
До нашої Параски въ дружкы йдуть,
Та нашій Парасци винны вьють
Изъ клынъ-дерева, зъ ялыны,
Изъ червонои валыны **).

*) Этимъ обращеніемъ къ невѣстѣ начинается пѣсня № 10 и вообще пѣсни, которыя поютъ дружкы, когда ходятъ съ молодою по селу „запрошувать (приглашать) на веселля“. Сравни. двѣ пѣсни Гадыча, *Полтавской губерніи*, на стр. 181 сборн. „Нар. южнор. п.“. Ред.

**) Сравни. пѣсню на стр. 128 сборн. „Нар. южнор. п.“. Здѣсь дружкы вьють не вѣнки, а вилыцѣ и притомъ „Зъ хрещатого бариньку,
Зъ запашного васильку,
Зъ червонои валыны
Для молодои княгини“ (*Лубны, Полтавской губ.*). Ред.

Собравъ такимъ образомъ дружокъ, невѣста возвращается вмѣстѣ съ ними къ себѣ домой, гдѣ готовится къ приему жениха (*молода на посади*). Дружки поютъ:

11) Слала зирочка до мисяця:

— „Ты, мисяцю—*половытцыку* *),

Не зиходь же ты попередь мене,

А зйдемо обое разомъ,

Обое разомъ, обое рядомъ,

Освители небо и землю“.

Звирь у поли, высь у дорози—

Слава Параска до Васильба:

— „Не сидай же ты попередь мене,

А *сядемо обое разомъ,*

Обое разомъ, обое рядомъ,

Та звеселымъ батька и неньку,

Батька и неньку,

Всю родыненьку“ **).

12) Чого море грало?

— Дытатко тошало,

Батынька прохало:

„Якъ ты мене отдавать будешь,

Намалой же ты мене

Въ свитлоньци у себе.

Якъ въ свитлоньку ввйдешь,

Дытатко згадаешь“ ***).

Подъ эту послѣднюю и другія такъ называемая „жалобни“ пѣсни невѣста громко и неудержимо голосить ****).

*) Въ соответствующемъ мѣстѣ сходной пѣсни на стр. 184 того же сборн. мисяченью названъ *браткомъ* зарп. *Ред.*

**) Родыненьку *жм.* родыненьку (М 4)—для рими. *Ред.*

***) Кромѣ приведенныхъ, въ этотъ моментъ поется также пѣсня М 8, а невѣсть-сиротѣ МЛ 4—7. *Ред.*

****) Въ „жалобныхъ“ („Народн. южнор.“, на стр. 146—158) пѣсняхъ невѣста плачетъ потому, что ей жалъ разстаться на вѣки съ роднымъ „батынькомъ“, жалъ

„Пиддружый“ (товарищъ дружка) съ двумя старостами идутъ звать жениха въ невістѣ на посадь. По улицѣ жениха сопровождаютъ „бодры, дружокъ, свитыля и свашка“. Свитыля (обыкновенно сестра или ближайшая родственница жениха) несетъ въ рукахъ *огонь и мечь*—деревянную палку, обложенную васильками, гваздиной и другими душистыми травами и цвѣтами и съ зажженною восковой свѣчой на концѣ; сванки дорогой поютъ пѣсню № 10, а передъ дворомъ невісты

13) — „Ой чы ў тебе, Васыльо,
Тестенька немае,
Що винъ не выйде,
Не привитае
И здоровья не спытае?“
— „Ой есть у мене тестенько,
Есть у мене старенькый;
То винъ и выйде,
И привитае
И здоровья испытае“.

Между тѣмъ пиддружый и старосты успѣли воротиться назадъ съ тѣмъ, чтобы быть готовымъ ко встрѣчѣ „молодого князя“. Жениха и его свиту не сразу впускаютъ во дворъ и въ домъ невісты. Пиддружый и старосты выходятъ на встрѣчу съ зажженной восковой свѣчой и черезъ запертыя ворота спрашиваютъ пришедшихъ, что—за народъ, откуда и зачѣмъ пришли. Пришедшіе за воротами имъ отвѣчаютъ, что де пришли *купцы* съ добрымъ намѣреніемъ: слышали, что въ этомъ

разучится съ роднымъ очагомъ и хозяйствомъ, съ волей дѣвицей, коханьемъ и хорошии подругами—словомъ со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ она душой и тѣломъ сроднилась у того же „ридного батылька“, и чего, какъ она предчувствуетъ, не будетъ у грознаго „свегорка“ и мужа на чужой сторонѣ. Наша пѣсня (№ 12), такимъ образомъ, является типичною жалобною пѣсней, хотя основной мотивъ жалобы въ ней не совсѣмъ ясенъ.

Ред.

домѣ нѣтъся подходящій товаръ, и пришли помытатъ счастья, неудастся ли имъ купить его *).

Послѣ такихъ переговоровъ, ворота отворяются, пиддружый съ старостами выходитъ на улицу и здѣсь съ „купцами“ заключаетъ дружественный союзъ, въ знакъ чего обѣ стороны мѣняются до трехъ разъ „перешійными пышками“, т. е. пьютъ „сватове пиво“ (женихово и невѣстино). При этомъ пьющаго поддерживаютъ кто за уши, кто за волосы, чтобы онъ не свалился съ ногъ отъ пива. „Добре сватове пиво“, или „Сватове пиво зъ нигъ збыло“, съ испытаннымъ удовольствіемъ приговариваетъ выпившій. Свѣчу, вынесенную отъ невѣсты пиддружымъ, прилѣбливаютъ въ мечу вмѣстѣ со свѣчой жениха. Затѣмъ женихъ и сопровождающіе его входятъ во дворъ невѣсты. Съ этого момента дружо вступаетъ въ свою распорядительную роль, которая остается за нимъ безсмѣнно до конца свадьбы. Прежде, чѣмъ жениху и его свитѣ войти въ хату, онъ передъ запертою дверью *благословляется* слѣдующимъ діалогомъ съ паномъ-старостомъ, находящимся въ хатѣ.

— „Господы Сусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“

— „Аминь“.

— „За аминь спасыби. Старосте, пане старѣсте! хто до вѣдо—я до Бога, до вашего здоровья“.

— „А мы ради слушать“.

— „Благословить въ сей чесный домъ молодого князя завести!“

— „Богъ благословить“.

— „Въ другой разъ и въ третій“.

— „Богъ благословить вси три разомъ“.

Женихъ со всѣми, его сопровождавшими, входитъ въ хату. Дружо снова просить „благословенья *молодого князя за*

*) Сравни пѣсню № 174, на стр. 152 „Сказ. русск. нар.“. Сахарова, также пѣсню № 7, на стр. 88 „Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк.“. Вып. III. Отд. II. Ред.

*стѣль завѣсты**. Жениха сажаютъ рядомъ съ невѣстой, съ правой стороны.

Дружки поютъ:

14) Десь бувъ селезенько,
Десь була вутиня;
А теперѣ воны—
Въ одномъ ставочку,
Та йидать же воны
Дрибную рясочку,
Та пьютъ же воны
Холодну воду.
Десь бувъ Васылько,
Десь була Параска;
А теперѣ воны—
Въ одной свитлошци,
Та *сидять* же воны
За *тесовымъ* *) *столомъ*,
Та йидать же воны
Били калачи,
Били калачи
Зъ одной печи,
Та пьютъ же воны
Зелене выно,
Зелене выно
Зъ одного кубочку *).

„Батько головатый, подывысь на пару!“ обращается дружокъ къ отцу невѣсты—къ тестю жениха. Тесть подходитъ къ столу; молодые встаютъ съ своихъ мѣстъ и низко кланяются ему. „А за цю висть—чарокъ шить, а зъ шести—хоть на одну звести!“ снова заявляетъ дружокъ. Ему подносятъ стаканъ вина, но онъ кобенится, не принимаетъ—тре-

*) Сравни пѣсню черноморскую, на стр. 214—215 сбор. „Нар. южнор. п.“. Русскимъ *тесовымъ* въ этой пѣснѣ не встрѣчается. *Ред.*

буетъ себя и своему товарищу „по хустци“ (по платку) „руки потерты“. Получивъ по куску холста въ аршинъ длиною, товарищи перевязываются этими хустками черезъ плечо, выпиваютъ поднесенное вино и выходятъ изъ-за стола. Всѣ гости усаживаются за столомъ около молодыхъ въ обычномъ порядкѣ: по правую сторону, возлѣ жениха, — свитылка, свашки и бояры, по лѣвую, возлѣ невѣсты, — дружки. Всѣхъ, за исключеніемъ молодыхъ, обносятъ виномъ.

Съ наступленіемъ вечера, дружка проситъ у сватовъ позволенія „дтей (молодыхъ) на прогуляння вывести“ и этимъ возвѣщаетъ о началѣ *дъвичника* *). Стариви ужинаютъ и расходятся по домамъ, а молодежь — бояры, дружки и вообще всѣ „прошенныя“ остаются съ женихомъ и невѣстой; „непрошенныхъ“, собравшихся поглядѣть, безцеремонно выпроваживаютъ изъ хаты. Весь вечеръ до ужина проходитъ въ играхъ, пѣсняхъ и плясѣхъ. За ужиномъ всѣ гости сидятъ за столомъ, а женихъ и невѣста обносятъ ихъ виномъ, при чемъ за каждымъ стаканомъ общимъ крикомъ „горько“ ихъ заставляютъ подсластить вино подѣлуями. Ужинъ заканчивается угощеніемъ молодыхъ. Женихъ съ невѣстой садятся за столъ, и имъ съ тѣмъ же подслащиваньемъ старшій бояринъ и старшая дружка подносятъ вино, но уже не хозяйское, а купленное боярами въ сладчину.

Днемъ *вѣнчанья* обыкновенно избирается воскресенье **)

*) *Дъвичникъ* — руссизмъ вм. „вечера“. „Народныя южнор. п.“, стр. 158 и 214. Ред.

**) Въ „Кобзарѣ“ Шевченка, на стр. 180 (изд. 1884 г. СПб.), мы находимъ объясненія этого, распространеннаго въ Малороссіи, обыкновенія. Поэтъ рассказываетъ о женитбѣ *круглаго сироты* на дочери *вдовы*: „Не торгувались зъ старостамы, Якъ бува зъ багатырямы (богатыми), Не торгувався и павъ-отець (священникъ) (*На дыво людямъ та на чудол!*): За *тры кони* звичаць у *буддень*, Безъ пыхи, такъ якъ довелось“. Очевидно, вѣнчаніе у *буддень*, а не въ воскресенье дупускають только такіе бѣдняки и сироты, которые отбываютъ свадьбу просто, безъ всякихъ затей, „якъ довелось“, и съ которыми священникъ, на удивленіе людемъ, не торгуется, ограничиваясь платомъ за свой трудъ въ *тры кони*, т. е. 1 р. 50 к.

Ред.

(послѣ обѣдни). Передъ тѣмъ, какъ идти къ вѣнцу, молодые, отдѣльно, а не вмѣстѣ, просятъ благословенія у обоихъ родителей; если же у кого-либо изъ нихъ нѣтъ отца или матери, то они вмѣстѣ идутъ на могилу поклониться умершимъ и испросить у нихъ благословенія. При возвращеніи новобрачныхъ отъ вѣнца домой, ведется у зажиточныхъ казаковъ обычай приглашать священника съ причтомъ *проводить* молодыхъ отъ церкви въ домъ жениха и отправить здѣсь молебень. Молодые, въ этомъ случаѣ, идутъ по улицѣ до самаго дома въ вѣнцахъ, которые снимаются священникомъ только послѣ молебна. Обыкновенно же молодые, послѣ вѣнца, возвращаются каждый къ своимъ родителямъ, которые встрѣчаютъ свою „дочь“ на порогѣ дома съ хлѣбомъ-солью и съ иконою. Друзья сопровождаютъ невѣсту по улицѣ съ пѣснями:

15) Пивъ винчавъ,
Не богато взявъ:
Пивъ золотого,
Коня вороного,—
Ще й мало.

16) Да стояла Параска *пидъ винцемъ*,
Да чесала височку *гребинцемъ*;
Да упавъ *гребинецъ* *пидъ* *столець*.
— „Да подай, Васыльку, *гребинецъ!*“
— „Я жъ тобі, Параско, не вдовець,
Щобъ я тобі *подававъ* *гребинецъ*“ *).

*) Описано совершенно невѣроятное происшествіе съ „гребинцемъ“: невѣста не могла, конечно, чесать своей косы, стоя „пидъ винцемъ“, въ церкви, и „гребинецъ“ не могъ упасть подъ столъ (?). Въ черниговской пѣснѣ („Нар. южнор. п.“, стр. 167) та же картина изображена вполне правдоподобно: невѣста чесала свою косу, собирався ѣхать „до винца“, и выронила „гребинецъ до долу“ (на полъ) — все это дома, а не въ церкви. Ясно, что пѣсня въ Прокладной станицѣ стала забываться. Любопытно то, что всѣ искаженія отмѣчены въ пѣснѣ рвemuющими словами: „пидъ винцемъ—гребинцемъ, пидъ столець—гребинецъ, не вдовець—гребинецъ“ (тутъ - вся разгадка невѣроятности картины). Ред.

17) Выйды ты, матинко, противъ насъ,
Глянь же ты, матинко, на всихъ насъ:
Кращай Параска одъ всихъ насъ *).

18) Не пизвала маты
Своёго дытаты
Промижъ дружечкѣмы
Да за слезочкѣмы.

Остальное время дня посвящается *прогулкѣ* и *чествованію* молодыхъ. Бояры съ женихомъ и дружки съ невѣстой образуютъ двѣ отдѣльныя процессіи, первые—конную, на осѣдланыхъ лошадяхъ, а вторыя—пѣшую, и въ торжественномъ шествіи по улицамъ станицы взвеселяютъ молодыхъ *князя* и *княжину*. Кортель съ женихомъ, по приглашенію, заѣзжаетъ сначала къ старшему боярину, а потомъ и къ другимъ боярамъ, при чемъ послѣдніе по дорогѣ *джигитуютъ* **), между тѣмъ—какъ женихъ держитъ себя по-вняжески, солидно; такъ же точно дружки съ невѣстой идутъ съ пѣснями сперва къ старшей дружкѣ, а потомъ и къ остальнымъ подругамъ—поютъ:

19) Ой брязнули влючи,
На море идуче (?);
Спивалы дружечкы,
Улыцею йдуче.

20) Де ты, душечко наша, Параско ***)?

*) Мотивъ далеко не законченъ, какъ можно судить по сравненію данной пѣсни съ пѣсней Василькова (Кіевской губ.), на стр. 171 сборника, указаннаго въ предмудшемъ примѣчаніи. Въ послѣдней пѣснѣ дружки невѣсты, сверхъ того, сообщаютъ матери, гдѣ ея „дытатко бывало“ и что „чувало“. *Ред.*

**) Джигитовка, безъ сомнѣнія, усвоена прохладненскими казаками у сосѣднихъ горцевъ сѣвернаго Кавказа, гдѣ это народное развлеченіе очень распространено и даетъ молодежи полную возможность показать публично свое удалство. Слѣзка и джигитовка въ Дагестанѣ подробно описаны въ кн. П. Надеждина „Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ“, на стр. 138—141. 1860 г. Слб. *Ред.*

***) См. выше примѣч. къ п. № 9.

Ред.

Мы дружечку любимъ,
До дружечы пидимъ:
Зеленая орипына—на двори,
А медъ, вино—на столи.
21) . . . До дружкы—до подружкы
Та на сырянїи (съ сыромъ),
Та на масляни
Пырожкы.

22) Мы въ (ў) дружечы булы,
Горилочку пылы—
Не простую,
А *корыстўю*,
Ще й зъ медкомъ.

При встрѣчѣ одной процессїи съ другой, бояре гарцуютъ передъ дружкой на своихъ разгоряченныхъ коняхъ и вообще вслѣдствїемъ стараются показать передъ ними свое удалство, а дружки напутствуютъ ихъ пѣсней:

23) Нызомъ, бояры, нызомъ!
Завыдана дороженька хмызомъ *).
Пидъ Васылемъ (женихомъ)—кинь вороненькїй,
Перескоче хмызъ зелененькїй.

Каждому встрѣчному по дорогѣ, безъ различїя пола и даже возраста, женихъ и невѣста отвѣщаютъ низкїй поклонъ; на перекресткахъ улицъ они всякїй разъ совершаютъ крестное знаменїе **). Нерѣдко бываетъ, что въ станицѣ одновременно совершается нѣсколько свадебъ; тогда, при встрѣчѣ одного кортежа съ другимъ, молодые привѣтствуютъ другъ друга поклономъ и троекратно цѣлуются.

*) *Хмызъ*—мелкїй кустарникъ. „Толков. словарь жив. великорусск. яз.“ В. И. Даля. Ч. IV, стр. 506. Ред.

**) Сравни подобный же обычай на стр. 92 „Сборн. матер. для опис. мѣстн. влѣм. Кавк.“ Вып. VI. Отд. 1. Здѣсь есть указанїе на значенїе обычая (предосторожности противъ порчи). Ред.

Побывавъ у своихъ бояръ въ гостяхъ, женихъ возвращается съ ними къ себѣ домой, усаживаетъ всѣхъ ихъ за столъ и угощаетъ виномъ, при чемъ каждому въ шапкѣ пришивается „квитка“—цвѣтная ленточка съ бумажнымъ украшеніемъ, наподобіе подсолнечника *). Во весь этотъ день получаютъ угощеніе, безъ запрета, и всѣ непрошенные гости, которымъ среди двора ставятъ на столѣ водку и закуску.

Во время угощенія бояръ, на дворѣ готовится „пойздъ“: запрягаются двѣ—три пары или тройки лошадей въ телѣги подъ свитылку, свашекъ и визныцю и укладываются калачи, приготовленные еще наканунѣ свадьбы. Когда все готово, то бояры выходятъ изъ хаты, садятся на своихъ осѣдланыхъ коней и стройнымъ рядомъ присоединяются къ „пойзду“. Всѣмъ поѣзжанамъ мать молодого, черезъ друга, даетъ подарки: боярамъ цвѣтныя небольшіе платки, а всѣмъ прочимъ (женскому полу)—головныя платки. Раздачу подарковъ дружка совершаетъ съ помощью длинной палки, которою онъ ихъ подаетъ каждому со словами: „посылае вамъ свать и сваха“. Каждый получающій подарокъ отвѣчаетъ дружку: „спасыби сватови и свахи“.

Прежде, чѣмъ поѣзду двинуться со двора, мать молодого, накинувъ на плечи овчинную шубу шерстью вверху и надѣвъ на голову вывороченную мужскую шапку, идетъ въ толпѣ зрителей вокругъ поѣзда и бросаетъ орѣхи, смѣшанные съ хмѣлемъ **). Дорогу ей очищаетъ дружка съ помощью длинной хворостины, которою онъ ударяетъ по землѣ будто бы для остраски толпы. Обошедши такимъ образомъ вокругъ поѣзда три раза, она беретъ подъ уздцы лошадь молодого рукой, завернутой въ полу шубы, и обводитъ тоже три раза вокругъ

*) Свашки въ это время поютъ пѣсню № 3.

Собир.

***) О значеніи хмѣля въ подобномъ же обычаѣ см. на стр. 33 „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк.“. Вып. VI Отд. I. Сравни также описаніе другихъ обычаевъ, но того же характера и значенія, на стр. 190 сборн. „Народ. южнор. п.“. (Дубны, Полтавской губ.).

Ред.

поѣзда, послѣ чего, выводя лошадь на улицу, она въ воротахъ сбрасываетъ съ себя шубу такъ, чтобы лошадь молодого не-премѣнно перешла черезъ нее *). За молодымъ трогается со двора весь поѣздъ, при чемъ старшій бояринъ въ воротахъ стрѣляетъ изъ ружья. Во время катанья поѣзда, свашки поютъ:

24) Ой красно, ясно—
Калынонька въ лузи;
Краснише, ряснише
Васылывъ поѣздъ.
— „Грай же ты, Васыльво:
Ты до тестя йдышь“.
— „Самъ же я не граю
И боярамъ не велю,
И боярамъ не велю,
И коныкывъ не втомлю“.
— „Грай же ты, Васыльво:
Ты до тещи йдышь“.
— „Самъ же я не граю
И боярамъ не велю,
И боярамъ не велю,
И коныкывъ не втомлю“.
— „Грай же ты, Васыльво:
Ты до дивкы йдышь“.
— „Самъ же я граю
И боярамъ велю,
И боярамъ велю,
И коныкывъ утомлю“.

Прокатившись по улицамъ станицы, поѣзжане заѣзжаютъ всѣмъ составомъ въ свату (отцу невѣсты), отъ котораго иногда также получаютъ подарки, и тоже черезъ друга. Получившій подарокъ тутъ выражаетъ свою благодарность словами: „спасыби сватови и сваси и молодій внягыни, що

*) Сравни. тамъ же пѣсню, на стр. 191 (Хорогъ, Полтавск. губ.). *Ред.*

рано вставала, да подарочки прила". Поѣздъ снова отправляется „въ провать". Дружки съ невѣстой въ поѣздѣ не участвуютъ: онѣ уходятъ куда-нибудь изъ дому и вообще всачески стараются скрыть свою нягиню отъ дружка, чтобы выиграть ей хоть полчаса дѣвичьей свободы, но ихъ отыскиваютъ и возвращаютъ домой. Дружки поютъ:

25) Найшовъ дружео дружку
Въ зеленому лужку,
Ни въ рутѣ, ни въ мятѣ,
А въ рублыни хатѣ.

За столомъ дружки поютъ:

26) Ой пидлитае—
Криличвамы мае
Соловеечко
Пидъ вышневы садъ,
Ой заглядае черезъ тыночокъ
Въ вышневы садочокъ.
— „Десь тута була
Голубка моя;
Голубка моя
Гниздечко выла;
Не сама вона
Гниздечко выла,
Галочки спомогалы,
Ой спомогалы,
По лысточку клалы".
Ой пидъйвждае—
Коныкомъ грае
Молодый Васылько
Пидъ новую свитлоньку,
Ой заглядае
У кватырочку,
У новую свитлоньку.

— „Десь тута була
 Параска моя;
 Параска моя
 Виночки выла;
 Не сама вона
 Виночки выла,
 Дружечкы спомогалы“ *).

Во второй раз поѣздъ подкатываетъ **) ко двору свата уже за *невѣстой*. У воротъ старосты встрѣчаютъ поѣздъ враждебно, съ допросомъ, что—за народъ—повторяется сцена приѣма жениха на посадъ; когда дѣло сводится на мировую, то стороны и тутъ мѣняются „перепійными пышкѣми“ (пьютъ „сватове пиво“) и *деруть другъ друга за чубы* ***). Передъ входомъ жениха въ хату, шуринь (братъ невѣсты, а за неимѣніемъ его ближайшій родственникъ ея) продаетъ сестру: онъ садится на коня зятя и, будто не соглашаясь принять ту плату, которую ему предлагаютъ, отъѣзжаетъ въ сторону, но, когда ему обѣщаютъ „набавить“, возвращается; это повторяется нѣсколько разъ, пока „молодой свать“ не получаетъ требуемой суммы (20—30 коп.) ****). Женихъ съ обычнымъ благословеніемъ входитъ въ хату. Дружки поютъ:

27) Братіку-намиснычу,
 Сядь же ты на крислечко,

*) Сравни тамъ же пѣсню, на стр. 177—178. (Гадячъ, *Полтавской* губ.). При полномъ сходствѣ основныхъ мотивовъ, пѣсни имѣютъ отличія въ частностихъ комическихкихъ образовъ: въ гадячской пѣснѣ невѣста, какъ и ея подруги, уподобляется „галочкѣ“, а женихъ—„соколоньку“, который, ища своей подруги, „вдарывся“ крыльями о зеленый садъ. Конь, на которомъ женихъ ищетъ своей невѣсты, подѣхавши къ тестиному двору, „вдарывся копытомъ объ новый поригъ“. При этихъ характерныхъ частностихъ образы гадячской пѣсни не имѣютъ той нѣжности и граціи, которыя составляютъ особенность нашей пѣсни. *Ред.*

**) При этомъ сватки поютъ пѣсню № 18.

Собир.

***) Ясный намекъ на ту „выначе войну“ „пальцями, кіями“, которая описана въ примѣчаніи къ свадебнымъ пѣснямъ, на стр. 186—187 сборника „Народи вжвор. п.“ (Радисль). *Ред.*

****) Тамъ же стр. 166.

Ред.

Не продавай сестру
За рубль—за чотыри,
Просы золотою,
Коня вороною
Одъ вятя молодого,
Одъ пойизду ёго *)!

Въ хатѣ, у стола, за которымъ сидитъ невѣста съ друзьями и другими своими гостьями (дѣвушками и „молодыцями“), сцена продажи невѣсты повторяется съ другимъ шуриномъ (меньшимъ ея братомъ). Дружеко платитъ ему 10—20 копеекъ, и жениха сажаютъ за столъ рядомъ съ невѣстой. Дѣвушки и молодыцы поютъ:

28) Ой, татарынь, братику, татарынь!
Продавъ ты сестру за даромъ,
Та взявъ за сестру сто рубливъ,—
Русу косу за пятакъ,
Биле лычко отдавъ такъ **).

29) Та казаны: сваты богаты,—
Ажъ воны—убоги:
Йихъ вони—безноги,
Самы воны та пишкомъ йшлы,
Молодого ў мишку неслы,
А свашку въ торбыни (въ сумѣ),
Щобъ не зылы свыни.

30) Та казаны: дружеко—старъ, старъ,—
Ажъ винъ—молоденькый,

*) Сравни пѣсню № 18, на стр. 112 „Сказ. русск. нар.“ Сахарова. Т. I кн. III. Ред.

**) Сравни пѣсни на стр. 194—195 сбор. „Нар. вѣнор. п.“ (Радомирскъ и Черниговъ), также №№ 81 и 82, на стр. 70 „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. III. Отд. II, и №№ 12 и 13, на стр. 76—77 Вып. VII. Отд. I. Ред.

Якъ лукъ **)—зеленесеньбый;
Мочалою борода сшита,
Обручамы голова сбыта;
Лычкомъ пидперезався (подпоясался),
На весилля прыбрався *).

31) Свашка—нелипашка
Шышокъ не липыла,
Дружокъ не дарыла;
Одну излипыла
Зъ зеленого сина,
Та й ту сама зсила;
Чого жъ не дойила,
Къ *) столу прылипыла;
Бояры глодалы—
Зубы поламалы.

Свашки оправдываются:

32) *Враки* **), дружычы, *враки* **),
Брешете вы, якъ собаки:
Мы шышы липылы
И дружокъ дарылы.

• Дружко испрашивает у свата благословенія „святыи хлѣбъ по миру роздать“ и приступаетъ къ раздачѣ жениховыхъ подарковъ и калачей по указанію того же свата. Теща получаетъ сапоги, ея родня—по платку, а весь прочій „миръ“—по шышеѣ. Дружки и прочія гости въ это время упрашиваютъ свитылку спѣть:

33) Свашечко-свитылочко,
Сній **) же намъ хотъ одну
Перейижджюю писеньку!

*) Подобнымъ же образомъ срамать дружка, купившаго невѣсту, ея подруги въ пѣснѣ, на стр. 88—89 „Сборника“. Вып. VI. отд. 1. *Ред.*

**) *Лукъ, къ, враки, сній*, какъ и выше *старъ*,—русскими, допущены, очевидно, по требованію стихотворной рѣчи. *Ред.*

Свитылка со свашками отвѣчаютъ:

34) Дружечки,
Наши голубочки,
Що умилы —
Перепилы *),
Що виємо —
Не смиємо;
Чужа сторона,
Не давай соромат:—
Велькъ перейиздь,
Шырока дорога,
Зелена даброва.
Спивайте самы **).

Чтобы приготовить молодыхъ къ отъѣзду въ домъ жениха, дружео вызываетъ мастериць „сдилать изъ кныша паляныцю (лепешку)—зъ дивчыны молодыцю“, т. е. убрать ее, какъ слѣдуетъ быть замужней. Одна изъ мастериць снимаетъ съ головы невѣсты платокъ, срываетъ съ него „рожеву квитку“ и пришиваетъ къ шапкѣ молодого; поютъ:

35) Якъ була я швачка,
Изъ кѣпань кѣяночка,
Шовѣкы закупала,
Квиткы прышывала ***).

Къ ней присоединяется другая мастерица, и онѣ вмѣ-

*) *Перепилы*—руссизмъ.

Ред.

***) Лучшимъ комментариемъ содержания нашей пѣсни, особенно второй, не довольно ясной, ея половины, служатъ пѣсни того же мотива, въ сборн. „Нар. южнор. п.“, на стр. 196—197 (Лубны и Гадать, *Полтавск. губ.*). Оказывается, что свитылка и свашки не могутъ исполнить просьбу дружокъ спѣть еще „перейиздюд писеньку“ не потому только, что онѣ больше не знаютъ ни одной такой пѣсни, а потому главнымъ образомъ, что онѣ отъ дальней дороги утомились и боятся неудачнымъ пѣніемъ осрамиться на чужой сторонѣ. Такимъ образомъ „Спивайте самы“—не капризный ихъ отказъ, а скорѣе просьба къ дружкамъ замѣнить ихъ: „просымо васъ“ ясно сказано въ лубенской пѣснѣ.

Ред.

***) Тамъ же, стр. 197 (Лубны).

Ред.

стѣ расплетаютъ дѣвичью косу молодой и заплетаютъ въ двѣ *).

Дружки поютъ:

36) Мае коса, мае—
Васылю хустыи немае;
Стали косу трипаты—
Васылю хустеу даваты

Затѣмъ мастерицы *покрывають* молодую. Обрядъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Надѣвъ невѣстѣ на голову „шлычку“ **), мастерицы берутъ бѣлый платокъ за углы и, ставши на лавку, до трехъ разъ поднимаютъ и опускаютъ его надъ головами обонхъ молодыхъ, припѣвая:

37) *Покрывалочка* плаче:
Покрытыся хоче;
Мы жъ ийи покрывемо,
Мы жъ ийи нарядымо,
Зъ кыньпа паляныцю—
Зъ дивчыны молодыцю ***).

За каждымъ разомъ мастерицы цѣлуются и мѣняются платкомъ молодой и шапкой молодого, которые, въ продолженіе всего обряда, остаются на головахъ у мастерицъ. Послѣ третьяго раза, голову молодой повязываютъ названнымъ бѣлымъ платкомъ, а жениха перевязываютъ черезъ плечо платкомъ его молодой жены.

*) Тамъ же, на стр. 169, примѣч. къ пѣснямъ Радомысли, *Кіевской*, и *Золотоноши*, *Полтавской* губ. Ред.

**) *Шлычка*—*великорусское* названіе головного убора замужнихъ женщинъ („Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк.“ Вых. III. Отд. II, стр. 71); ему соответствуютъ малороссійскія: „кантур“, „стричка“, „серпанок“, „чепец“, „очипок“. „Нар. южнор. п.“, стр. 208 (примѣч.: Овручъ) и 210 (пѣсня) *Ред.*

***) Сравни тамъ же, на стр. 210, пѣсню (Овручъ) и п. № 87 въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вых. III Отд. II, стр. 71; также п. № 2. Вых. IV. Отд. I, на стр. 98. *Покрывалочка* (наметка)—это тотъ самый платокъ, которымъ повязываютъ голову молодой; въ пѣсняхъ онъ иначе называется „завыванья“, или „завывало“, „покрыванья“, или „покрывало“. Сравни также въ сборн. „Нар. южнор. п.“ стр. 206—208. Ред.

Дружки поють:

38) — „Ой де се ты, Параско, да ходыла?
Чого въ тебе головонька побилила?“

— „Ой ходыла у *Вильбову* *) по дружечы,
А въ Вильбови — непогодонька, —
Тымъ моя побилила головонька“.

39) Брала Параска лень, лень —
Выганяла дружечокъ вонъ, вонъ...
Нащо було й браты,
Колы выгоняты **).

Изъ хаты выходятъ дружки, а молодыцы, остающіяся
въ хатѣ, поють молодой:

40) — „Чого жъ ты, Параско, досыжуишь,
Своѣму батыньку не дякуишь?

Уже й коньченькы

Позапрягани, —

Тилько систы,

Та пойхаты“.

— „Велю коньченькамъ

Вивса дать,

А визнѣченькамъ

Пидождать,

Покы прыйде мій батынько

Зъ того саду — винограду

Къ мыни на порадѣ (на совѣтъ)“.

Тилько батынько — на поригъ,

А вона ёму — нызько до нигъ:

— „Спасыби тобі, мій батынько,

За твое коханнячко!

*) Сборн. „Нар. вѣнор. п.“, стр. 197 (Радомысль).

Ред.

***) Наша пѣсня по мотиву сходна съ пѣсней, на стр. 211 (Хорогъ, Полтавской губ.) того же сборника.

Ред.

Якъ я въ тебе гуляла—
Важного дѣла не знала;
Тилько я знала
Биску чесаты,
Та питты погуляты *)“.

Друзьки со двора подь окномъ хаты зовуть къ себѣ „на улыцю“ невѣсту—свою подругу:

41) Ходе голубъ воло хаты—
Нижы волохати.
— „Выйды, выйды ты, Параско,
Голубко, изъ хаты.
Хиба въ тебе, да Параско,—
Не ридная маты?
Вси дивчата—на улыци,
Тебе не выдаты.
Хиба въ тебе, да Параско,—
Не маты, сестрыця?
Вси дивчата—на улыци,
А ты—якъ черныця“.

Во все время приготовленій къ отъѣзду изъ родительскаго дома, особенно во время расплетанія косы и покрыванія, молодая *голосить*, иногда настолько искренно, что вызываетъ слезы и у своихъ подругъ **).

*) Въ черняговской пѣснѣ того же содержанія, на стр. 225—227 сборника „Нар. южнор. п.“, молодая подобнымъ образомъ благодаритъ мать и брата; но отъ такого сокращенія предлагаемая пѣсня ничего не теряетъ въ полнотѣ и законченности характерныхъ бытовыхъ чертъ. *Ред.*

**) Сравн. пѣсни тамъ же, на стр. 204—210. Изъ этого сравненія вполне выясняется искренность голошенья: молодая оплакиваетъ свою дѣвичью красу—„русу косу“, которую она „Сняъ зить кохала, Що суботоньки чесала, Що недиленьки виввала (вбирала)“, и которую „роспустыли (расплели) на выки“, чтобы она не ходила „у дружкы“, плачетъ она и о томъ, что бѣлаго „завывайнечка“ и „чепца“ (шляпки), этой „латкы-поганкы“, которые превратили ее въ „молодицю“ „на увесь выкъ“, „ни витеръ не звѣе, ни сонце не запале, ни дрибенъ дощыкъ не змоче“. *Ред.*

Обрядовая сторона сборовъ выполнена; приданое молодой уложено на воза,—все готово. Объ этомъ моментѣ напоминаетъ дружко просьбою къ родителямъ молодой благословить „дтей на прогуляння вывести“ и выводитъ молодыхъ изъ-за стола. Обрядъ прощальнаго благословенія состоитъ въ слѣдующемъ. Молодые, по-очередно, кланяются въ ноги тестю и тещѣ, которые при этомъ даютъ имъ наставленія, какъ жить на свѣтѣ; тестъ закрѣпляетъ свои наставленія легкимъ ударомъ палки по спинамъ „дтей“. Послѣ благословенія, молодыхъ усаживаютъ на телѣгу; поѣздъ трогается со двора къ дому молодого.

Подъѣзжая къ двору послѣдняго, свашки пѣсней вызываютъ свекровь посмотреть на привезенную „княгню“:

42) Выйды, маты, въ хаты

До своего дятаты,—

Що тоби бояры

Привезлы: и *скрыню*,

И молоду княгню *).

Во дворъ поѣздъ молодыхъ въѣзжаетъ черезъ *костерь*, разложенный, нарочно для этого случая, въ воротахъ. У дверей дома молодыхъ встрѣчаютъ родители жениха и благословляютъ иконою и хлѣбомъ-солью. Послѣ встрѣчи, молодыхъ немедленно укладываютъ спать; но гости, прибывшіе вмѣстѣ съ ними въ поѣздѣ, не расходятся по домамъ, потому-что предстоитъ еще *перезва*—обычай, состоящій въ слѣдующемъ. Какъ скоро молодыхъ *поднимутъ* (осмотрятъ), мужчины и женщины съ шумомъ и гамомъ гурьбой идутъ къ родителямъ молодой сообщить доброе извѣстіе объ ихъ дочери; поютъ:

*) Пѣсня печатается съ двойною пѣлюю: съ одной стороны, какъ вариантъ „южнорусской“ пѣсни, стр. 290 (Гадячь) сборника, съ другой—въ виду имѣющагося въ ней указанія на важнѣйшую статью приданнаго—*скрыню* (сундукъ съ холстами полотна, бѣльемъ и проч.).

43) Не бійся, матинко, не бійся,—
Въ червони чобиткы обуйся...

Ой, свату, свату, сваточку,
Спасыби тобі за дочку...

Ой спасыби да морозоньку,
Що не побывъ да калыноньку,
Не засмутывъ да родыноньку.

При неблагоприятныхъ результатахъ подниманія поются пѣсни противоположнаго содержания: въ нихъ выставляется на позоръ предосудительное поведеніе молодой до замужества *).

Практикуется и другой способъ обнаруженія *честности* молодой: утромъ слѣдующаго дня молодежь взбирается на крышу дома, устанавливаетъ красный флагъ и столъ съ виномъ и закуской; за выпивкой поютъ пѣсни примѣнительно къ обнаруженному поведенію молодой до замужества.

Въ тотъ же день происходитъ *раздача коровай*—заключительный свадебный обрядъ. Молодой со старшимъ бояриномъ и со всею своей родней идетъ звать къ себѣ тещу и ея родню. Дружко при этомъ несетъ на головѣ коровай съ гильцемъ, покрытымъ краснымъ платкомъ. Всѣ спутники молодого поютъ:

44) Ой добрая та годынонька настала,
Що Параска по матинку послала:
Запрягала четверо кѣней, пятый визъ,
А шдстого визнычнька, щобъ привизъ;
Положила четверо хлибывъ на страву,
Щобъ привезлы ййи матинку на славу.

Въ то время, какъ молодой съ земнымъ поклономъ проситъ къ себѣ тещу, родня послѣдней, собравшаяся къ ней опохмѣлиться, поетъ:

*) См. выше, стр. 4—5.

45) Якъ прійхавъ зять
Насъ на весилля звать;
А мы до ёго
Та й не пидемо,
А хоть пидемо,
Та не будемъ пыты,
А хоть будемъ пыты,
Та не будемъ пьяни,
А хоть будемъ пьяни,
Та не ляжемъ спаты,
А хоть ляжемъ спаты,
Та не въ свата въ хати,
А ляжемъ спаты
Пидъ вышенькою.
Вышня—черешня
Одъ солця красна;
Наша Параска
Одъ батька чесна.

Эту пѣсню (а также пѣсню № 43) поють и тогда, когда молодой со старшимъ бояриномъ ведутъ тещу подъ руки. Вошедши въ домъ молодого, тещина родня спрашиваетъ насмѣшливо сватовъ (родныхъ молодого):

Ой де сваты подивалыся?
Чы въ солому поховалыся?

Къ ней отзывается тѣмъ же тономъ сватова родня:

46) Чого сваты та найхалы?
Чы пыва одпывать,
Чы хлиба одъидать,
Чы за тою перепелкою,
Що вчѣра изъ вечѣра
Одъ васъ одлынула,
До насъ прылынула?

Не вышвайте, не полохвайте!
Нехай тая перепелочка
Прывыкае въ соловеечку *).

Гости оправдываются:

47) Нехай жынуть,
Якъ виночки вьютъ,—
Того жъ мы й найихалы;
А не пыва одпывать,
Не хлеба одъидать,
Не за тою перепелкою,
Що вчѣра изъ вѣчѣра
Одъ насъ одлынула,
До васъ прылынула.
Не вышвайте, не полохайте!
Нехай тая наша *тютя* **)
Прывыкае тута.

48) А въ пашого свата—
Та *барыло* *говорило* ***).
Якъ мы ёго та не выпьемо.
Бодай ёго розсадыло!
Бодай тѣи обручи
Погорилы у печи!
Подай тѣи денци
Полопалысь 'дъ (одъ) сонца!

Всѣмъ собравшимся родственникамъ молодые подносятъ на тарелкахъ по ставану вина или водки, по куску коровай

*) Сравн. пѣсню № 16, на стр. 77 „Сборн. матер. для опис. жѣств. и пл. Кавк.“. Вып. VII. Отд. I. Ред.

***) *Тютя*—дѣтское общее наименованіе дворовой птицы. „Толков. словарь жив. великор. яз.“, Далъ. Ч. IV, стр. 418. Ред.

****) *Барыло*—деревянная посуда, бочонокъ для водки или вина. *Говорило*—слово безъ особеннаго значенія; своимъ созвучіемъ съ предыдущимъ оно указываетъ на величину посуды. Ред.

и подарки (платки, шали). Каждый, принимающій угощенье и подарокъ, съ приличными наставленіями и пожеланіями дарить съ своей стороны телушку, или овцу, или свинью, или гусей, или утокъ и под., смотря по достатку и добротѣ.

Всѣ гости, затѣмъ, расходятся, но гулянье ихъ еще не кончилось: родня молодой и молодого, каждая особо, продолжаетъ еще нѣсколько дней гулять „весилля“, точно такъ же, какъ гулялось сватанье: опохмѣлившись у молодыхъ, всѣ участвующіе цѣлый день ходятъ съ двора на дворъ къ своимъ сочленамъ и вечеромъ снова собираются къ молодымъ „до чопѣ“.

Вся свадьба, особенно сватанье и „весилля“, обходится родителямъ брачущихся весьма дорого: мяса, сала, капусты, огурцовъ, хлѣба и другихъ запасовъ расходуется громадное количество помимо денегъ на вино, водку и подарки. На этотъ предметъ родители невѣсты, особенно бѣдные, еще на сговорѣ („змовынахъ“) иногда выговариваютъ себѣ у родителей жениха пособіе деньгами, водкой, виномъ, мукой и разными продуктами изъ домашняго хозяйства. Размѣръ этой субсидіи опредѣляется, конечно, достаткомъ родныхъ жениха.

Помощникъ учителя въ училищѣ Общества Владикавказскихъ ремесленниковъ, *С. Ф. Головчанскій*.

ПѢСНИ, ПОЮЩАЯСЯ ВЪ СТ. СЛѢЩОВСКОЙ,

Владикавказскаго округа.

I. Свадебныя пѣсни *).

Поются до начала „вечеринки“, когда только что про-
сватаютъ дѣвушку.

1) Во высокомъ терему сижу,
Я далеко по зарѣ слышу,
Какъ голубь голубку кличетъ.
— „Полетимъ, голубушка, со мною:
У меня гнѣздышко тепленько,
У меня луга зелененьки,
Подъ правымъ крылышкомъ тепленько“.
Во высокомъ терему сижу,
Я далеко по зарѣ слышу,
Какъ Иванушка Настасьюшку кличетъ.
— „Ты пойдешь, Настасьюшка, со мною:
У меня подворье-раздолье,
Комнаты свѣтлы,
Одѣяла шелковы,
Изголовья высоки,
Перины пуховы!“ **)

*) Предлагаемыя свадебныя пѣсни служатъ дополненіемъ къ обрядовой сто-
ронѣ свадьбы, описанной въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып.
У Отд. I, стр. 198—202. Ред.

**) Сравни пѣсни въ „Сборникъ“ Вып. III Отд. II, на стр. 54 № 40, на-
званную „предсвадебною“ (поютъ дѣвушки, когда „сидятъ по мѣсяцу“, т. е. во
время лунныхъ вечеровъ), и на стр. 68 № 67, поющуря при „обыгриваніи“ же-

2) Волга-рѣка разливается,
Вьюнъ на водѣ увивается,
А зять у воротъ убивается:
Ударилъ *ружьемъ* объ новыя ворота,
Объ точеные столбѣ.

— „Выдайте мнѣ мою суженую!“

Волга-рѣка разливается,
Вьюнъ на водѣ увивается,
А зять у воротъ убивается:
Ударилъ *ружьемъ* объ новыя ворота,
Объ точеные столбѣ;
Онъ просить свою суженую,
Свою суженую и дарованую.
Вывели ему коня съ сѣдломъ,
Съ золотымъ *уздомъ*.

— „Это не мое суженое-дарованое“.

Волга-рѣка разливается,
Вьюнъ на водѣ увивается,
А зять у воротъ убивается:
Ударилъ *ружьемъ* объ новыя ворота,
Объ точеные столбѣ;
Онъ просить свою суженую,
Свою суженую и дарованую.
Вынесли ему сундукъ съ добромъ,
Съ золотымъ замкомъ.

— „Это не мое суженое-дарованое“.

Волга-рѣка разливается,
Вьюнъ на водѣ увивается,

натыхъ. Обѣ эти пѣсни, особенно первая, сходятся съ нашей въ основномъ мотивѣ и въ построении, но разнятся отъ нея, какъ и между собой, въ частностяхъ, сообщающихъ каждой изъ нихъ особый характеръ. Обстановка спальни, описываемая во вторыхъ половинахъ пѣсенъ, уподобляется въ первыхъ ихъ половинахъ озерамъ широкимъ (№ 40), конопелькѣ зеленой (№ 67) и гнѣздышку тепленькому (наша), соответственно уподоблениямъ жениха и ревѣсты (или мужа и жены) лебедю и лебедушкѣ, воробу (воробью) и воробушкѣ, голубю и голубкѣ. *Ред.*

А зять у воротъ убивается:
Ударилъ ружьемъ объ новыя ворота,
Объ точеные столба;
Онъ просить свою суженую,
Свою суженую и дарованую.
Вывели ему Настасьюшку.
— „Это моя суженая и дарованая!“

3) — „Сестрицы мои, подруженьки,
Какъ мнѣ теперь быть,
Въ чужіе люди итти?
Какъ мнѣ къ чужимъ людямъ привыкати,
Какъ мнѣ лютаго свекра называти?
Назову я съ горя-горя батюшкой“.
Не по сѣничкамъ Настасьюшка ходила,
Девять ключей во рукахъ носила,
Десятую себѣ думушку думала;
Она думала себѣ думушку больше всѣхъ,
Наклонила головушку ниже всѣхъ.

— „Сестрицы мои, подруженьки,
Какъ мнѣ теперь быть,
Въ чужіе люди итти?
Какъ мнѣ къ чужой семьѣ привыкати,
Какъ мнѣ лютую свекровьюшку называти?
Назову я съ горя-горя матушкой родимою“ *)).

*) Для сравненія приводимъ пѣсню, записанную нами въ с. Ленцѣ, Кур-ской губерніи, Щигровскаго уѣзда.

Сбирала Стихванида всѣхъ подругъ,	Ой, какъ мнѣ итти въ чужіи люди,
Сажала 'на (она) всѣхъ за столь,	Ой, какъ мнѣ звать свекра-батюшку,
Сама садилася выше всѣхъ,	Ой, какъ звать Максимушку!..“
Думала хумушку больше всѣхъ.	— „Сястрица наша, Стихванидушка,
— „Ой, сястрици, вы, мои подружки!	Назови свекра батюшкой,
Вы придумайте, пригадайте,	А свякровьюшку матушкой,
Ой, какъ мнѣ быть, красной дѣвушкѣ,	А Максимушку—милий другъ!“

Сравни. также вторую половину пѣсни, на стр. 234 „Сборн. свѣд. о Терской обла-сти“. Вып. I.

4) Какъ по морю-морю,
По широкому раздолью,
Плавала утенушка,
Сѣрая, хохлатая;
За ней селезенюшка
Уплынь заплываетъ *),
За перья хватаетъ,
Глаза задираетъ.
— „Ты любишь ли меня,
Приголубишь ли къ себѣ?“
— „Давно полюбился мнѣ,—
Всѣмъ уткамъ корила:
Себѣ наровила!“
Какъ по морю-морю,
По широкому раздолью,
Тамъ плавала красная дѣвушка,
Настасьюшка;
Молодой Иванушка
Ей уступъ заступаетъ *),
Андреевичъ Настасьюшку
За косу хватаетъ.
— „Ты любишь ли меня,
Приголубишь ли къ себѣ?“
— „Давно полюбился мнѣ,—

*) *Уплынь заплываетъ* и *уступъ заступаетъ*—выраженія совершенно аналогичныя и выясняются одно съ помощью другого въ контекстѣ рѣчи. Въ „Толковомъ словарѣ живого великорусскаго языка“, В. И. Даля, для глагола *заступать* находимъ значеніе „ступая преграждать“, т. е. загроживать путь (Ч. I, стр. 575); отсюда ему соответствующій глаголъ *заплывать* значитъ то же самое, только прижвительно къ уткѣ на морѣ. Съ другой стороны, *уплынь*, въ томъ же словарѣ, однозначно съ *ст—уплынь, вплавь* (Ч. IV, стр. 460), откуда, по аналогіи, и *уступъ* равнозначно *ст—ступъ, по слыдамъ*. Въ пѣснѣ селезенюшка не только хватаетъ утенушку за перья, но и „глаза задираетъ“. Такимъ образомъ данныя выраженія пѣсни рисуютъ совершенно одинаково слѣдующіе образы: и селезенюшка, и молодой Иванушка, догнавъ своихъ подругъ, опережаютъ ихъ, преграждаютъ имъ путь съ дѣломъ остановить и выпытать у нихъ признанье въ любви. *Ред.*

Всѣмъ дѣвкамъ кора:ла:
Себѣ наровила“

5) На зарѣ сине море рано заиграло,
Волной сподбывало.

По бережку ходить молодой Иванушка,
Сутулый—горбатый,
По-вѣкъ неженатый,
Животомъ надорватый.

На зарѣ сине море рано заиграло,
Волной сподбывало...

— „Крутые бережечки, желтые песочки,
Кто меня съ моря вынетъ,
За того замужь пойду
Волею-охотою, съ большою радостью!“

6) Ой да не летай, гулюшка-воркунонь, въ поле,
Не летай въ зеленый садъ,

Не садись на виноградъ,

Не клюй, гуля, висточки:

Безъ тебя, гуля, жить тошно.

Безъ милаго дружка того тошнѣ:

Безъ огня сердце сожгло,

А безъ полымя сгорѣло.

Ой да ты, родимый мой батюшка,

Ты сострой мнѣ горенку

На восходъ солнца окнами,

А на западъ-то дверями,

Чтобы мой миленькій ходилъ бы,

Сладки пряники носилъ бы,

Сладки праники, орѣшники! *)

*) Вторая половина данной пѣсни напоминаетъ собою пѣсню, записанную нами въ с. Гуторовомъ, Курской губернии и уѣзда. Мы не приводимъ ее здѣсь

7) Озера, озера глубокы;
На озерахъ бѣла рыбица-бѣлуга.
Всколыхнися, бѣла рыба, встрепенися,
Лѣли, ай ле, лѣли (*припѣвъ*),
Встрепенися!
Какъ поѣхали по рыбу рыболовы,
Рыболовы-ребятушки молодые,
Лѣли, ай ле, лѣли,
Молодые,
Не женатые-холостые,
Лѣли, ай ле, лѣли,
Холостые,
Съ желѣзными они со крюками,
Лѣли, ай ле, лѣли,
Со крюками,
Съ шелковыми они неводами,
Лѣли, ай ле, лѣли,
Неводами;
Хотятъ тебя, бѣла рыбица, поймати,
Лѣли, ай ле, лѣли,
Поймати,
На двѣнадцать частей разрубати,
Лѣли, ай ле, лѣли,
Разрубати,
На двѣнадцать тарелокъ раскладати,
Лѣли, ай ле, лѣли,
Раскладати,
На двѣнадцать столовъ становити
Лѣли, ай ле, лѣли,
Становити.

для сравненія потому, что она во всѣхъ подробностяхъ, за исключеніемъ мѣстныхъ особенностей языка, сходна съ пѣсней, подъ № 10 въ „Сборн. матер. для описанія плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, стр. 39.

Ред.

Хотятъ тебя, Настасьюшка, приповорить,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Приповорить—

При всемъ мѣрѣ, при народѣ обнимати,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Обнимати,

При родимомъ батюшкѣ цѣловати,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Цѣловати.

Догадалась дѣвушка, догадалась,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Догадалась.

— „Ужъ я тебѣ, Иванушка, все вспомню,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Вспомню!—

Ужъ я изъ горенки во горенку ходила,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Ходила,

Во овошечко орѣшники бросала,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Бросала,

Ужъ я Вани *кудрицы* *) попутляла,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Попутляла“.

— „Ужъ я тебѣ, Настасьюшка, все вспомню,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Вспомню,

Во своихъ высовихъ во хоромахъ,

Лѣли, ай ле, лѣли,

Во хоромахъ!“

*) Въ рукописи: „Ужъ я Ваню по кудрицамъ понала, попутляла“.

8) — „Травушка-муравушка —
Зелененькій лужокъ;
Что селезень, селезень,
Невеселенькій сидишь?“
— „Да какъ же мнѣ, селезню,
Веселому быть?
Вчера поздно съ вечера
Была утушка со мной,
А нынче ранехонько —
Прострѣленная.
Не жаль бы мнѣ было,
Когда бъ на водѣ,
А то она прострѣлена
На шелковой на травѣ“.
— „Ты, молодець, молодець,
Что не весель живешь?“
— „Да какъ же мнѣ, молодцу,
Веселому жить?
Вчера поздно съ вечера
Со мной дѣвушка была,
Поутру ранехонько
Она ужъ просватана.
Еслибъ она просватана
Была за меня,
А то она просватана
За лиходѣя моего“.

Поютъ на „сводахъ“, когда женихъ въ первый разъ
вводится въ домъ невѣсты.

9) Вы, куры мои, куры рябья,
Кочета молодые —
Гребешки золотые!
Не пойте, куры, рано по зарѣ,

Не будите, куры, меня молоду,
Красну дѣвушку!
Ужь какъ я, молода, всю ночь не спала,
Постелюшку стлала, Ивана ждала.
Пріѣхаль Иванушка изъ иного села-города,
Поставилъ коня среди двора,
Супротивъ окна, окна яснаго,
Самъ пошелъ въ садъ винограднѣ рвать.
Сорвалъ висточку виноградошка,
Думаль—кисточка виноградошка,
А это—Настасьюшка-ненаглядочка.

10) Вылетѣль сизый голубь
Изъ чистаго поля;
Вылетала голубушка
Со синяго моря.
— „Свѣтъ ты мой, сизый голубь,
Гдѣ тебя посадити,
Чѣмъ тебя накормити?
Посажу я сиза голубя
Во свою голубню,
Накормлю сиза голубя
Яровой пшеницей,
Напою сиза голубя
Водой ключевою“.
Выѣзжалъ Иванушка
Изъ иного городочка,
Прекрасная Настасьюшка
Изъ своего теремочку.
— „Свѣтъ ты мой, Иванушка,
Гдѣ тебя посадити,
Чѣмъ тебя накормити?
Посажу я Иванушку

Во свой высокъ теремъ,
Накормлю я Иванушку
Сдобными валачами,
Напою сударь Андреевича
Сладкими медами“.

11) — „Вечоръ во мнѣ, дѣвушки,
Нежданный гость приходилъ,
Нежданный гость дорогой,
Максимушка молодой,
Максимъ — сударь Григорьичъ;
Максимушка приходилъ,
Подарочекъ приносилъ,
Подарочекъ небольшой —
Съ руки перстень золотой,
Позолоченный, витой“.

У насъ Авдотьюшка тужить,
У насъ Федотьевна горюеть:
Не знаетъ она, какъ ей быть,
Какъ золотъ перстень носить.

— „Пойду млада по лугу,
Возьму перстенецъ съ собой,
Брошу его на воду,
На самую глубину.

„Ужъ ты, перстень, перстенецъ,
Что не тонешь, не плывешь,
Прочь отъ берега не идешь?““

— „Я, золото, не плыву,
„Я, серебро, не тону,
Прочь отъ берега не йду“.

12 Какъ за рѣчкой, за рѣкой
Росла трава — *ковыла* *).

*) *Ковыла*, очевидно, вмѣсто *ковыль* (*ковыль*) — для стиха.

Ковылушка зелена—
Агаёюшка молода,
Степановна хороша.
Никить—сударь сѣно носить,
Агаёюшка воду носить.
Нивитушка воспотѣлъ,
Испить воды захотѣлъ;
Агаёюшка не смѣла,
Испить воды не дала.
Осмѣлилась, воротилась,
Никитушку напоила,
Ему рѣчи говорила:
— „Никитушка бѣль-вудрявъ,
Почто долго неженать“?
— „А ты сама не ведѣла,
За меня замужь хотѣла,
За такого удалого,
За Нивиту молодого“.

Поютъ на „дѣвичникѣ“.

13 Какъ у насъ было при вечерѣ—вечериночѣ,
При Машиномъ дѣвичникѣ:
Не ясенъ-то соколъ залетывалъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряную подпорочку,—
Добрый молодецъ забъживалъ.
Увидала его матушка
Со высокаго терема,
Со краснаго окошечка,
Сквозь хрустальное стеволушко,
Закричала громкимъ голосомъ:
— „Ты, дитѣ ли, мое дитятко,
Чадо милое, свѣтъ Машурочка!

Ты сустрѣнь, сустрѣнь ясна сокола,
Ясна сокола—что залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!“
— „Я бы рада сустрѣть его,—
Мои ноженъки подломилися,
Бѣлы рученьки опустилися,
Ясны очушки помутилися“ *)

Покуть при „обыгрываніи“.

14 Мальчикъ—кудрявичекъ мой,
Кудряватая головушка твоя!
Кто жъ тебя породилъ, молодца?
— „Породила меня маменька,
Возлелѣяла чужая сторона,
Завивала, приговаривала:
„Когда кудрицы разовьются,
Бутылочки разстановятся,
А стаганы *походя* (?) говорятъ,
Винтовочки разговариваютъ,
Аксиньюшку подманиваютъ“ **)

15) Господа въ саду соѣзжались,
Этому дитяткѣ дивовались:
— „Что это за дитятко уродилося,
Что это за милое уродилося“?
Передъ нимъ стоять красна Марьюшка,
Въ рукахъ держитъ трость калиновую.
*На той трости—лента букетовая ***),*
На Степанѣ—жилетъ бархатный.

*) Сравни пѣсню подъ № 70 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, стр. 65. Ред.

**) Сравни. тамъ же пѣсню подъ № 58, стр. 60, также п. подъ № 2 Вып. VI. Отд. I, стр. 82. Ред.

***) См. „Толковный словарь живого верхнор. языка“, В. И. Дала. Ч. IV, стр. 398. Ред.

16) Веря моя, верешка,
Веря дубовая,
Не сама завивалася,
Завивали плотнички,
Плотнички москвовскіе,
Струменты нѣмецкіе,
Топоры турецкіе. *) **)

Поють невѣстѣ-сиротѣ.

17) Волгѣ-рѣвѣ да не долго течь —
Со весны, со весны да до осени;
А мнѣ, красной дѣвушкѣ,
Да недолго сидѣть —
Со утра, со утра и до вечера.
Пріѣхали ко мнѣ да наѣзднички,
Наѣхало полонѣ дворѣ гостей,
Полонѣ дворѣ гостей — все князей, бояръ;
Поломали сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами,
Растворили широкія ворота;
Только у меня родненькой матушки нѣтъ.
Подвезите золоту карету;
Я сяду, поѣду ко Божьей церкви.
Да ударьте вы въ большой колоколь,

*) Сравни пѣсню под № 61 въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія хѣст-
ностей и племенъ Кавказа“ Вып. III. Отд. II, на стр. 62. Верѣ здѣсь уподоб-
ляются кудерцы Ивана, завитые родимой матушкой. *Ред.* Предлагаемая пѣсня по-
ется тому изъ обыгрываемыхъ, кто отказывается (для потѣхи) дать поощимъ пла-
ту за величаніе. *Собир.*

**) Поется далѣе пѣсня, напечатанная въ „Сборникѣ“ под № 64 Вып. III.
Отд. II, на стр. 68, или Вып. VI. Отд. I, на стр. 82. Пѣвица, какъ видно, при-
помнила только ея начало и особый припѣвъ: „Та та лёли, та та лёлюшка“.

Ред.

Пробудите мою матушку.
Встань, родимая моя матушка,
Возьми (дай?) благословеньице!
Только мнѣ и благословеньице,
Что отъ родимаго батюшки.

18) Ты, рѣка ли моя, рѣчущка,
Ты, рѣка ли моя быстрая!
Течешь, рѣчка,—не шелохнешься.
Ты душа ли, красна дѣвица!
Сидить дѣвка—не улыбнется,
Говорить рѣчь—не усмѣхнется.
— „Милыя сестрицы, подружки мои,
Мои бѣлыя лебедушки!
Да и какъ, сидя, улыбнуться мнѣ,
Говорить рѣчь—усмѣхнуться мнѣ:
Полонъ дворъ и коней, и саней,
Полна горница князей да бояръ,
Князей, бояръ со княгинями;
Одного-то моего гостя нѣтъ,
Что гостечка самаго любимаго—
Моего батюшки родимаго.
Ужъ ты, братецъ мой родимый,
Ты пойдѣ-ка во комнатушку,
Тамъ возьми уздечку невладанную,
А сѣдѣльце-то черкасское;
Ты подѣ-ка на конюшеньку,
Осѣдай коня неѣзжаного,
Поѣзжай, братецъ, ко Божьей церкви,
Да ударь ты въ большой колоколь,
Пробуди ты моего гостечка,
Моего гостечка любимаго—
Моего батюшку родимаго,

Не встанетъ ли онъ благословить меня,
Ко Божьей церкви проводить меня* *).

19) Несчастное дерево—

Не далъ Богъ листа,
А мнѣ, красной дѣвушкѣ,
Не далъ Богъ счастья:
Отдалъ меня батюшка
Замужъ далеко.

Мачиха сказала:

„Семь лѣтъ не владать!“
Не была годочекъ,
Не была другой,

*) Сравни пѣсню подъ № 2 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, стр. 71—72. Не лишено интереса, что совершенно однородна съ цитируемой здѣсь пѣсней и предлагаемымъ №№ 18 и 19 въ отношеніи содержанія повѣся и въ Курской губерніи. Одна пѣсня нами записана въ городѣ Обояни.

Много вѣтвей и павѣтвей,
Много листву широково,
Много моху зеленово;
Только вѣтъ въ сиромѣ дубу
Золотой верхушечки—
Позолоченой макушечки.
Много, много у Вольгуши,
Много роду и племени—
Много дядюшекъ, тетюшекъ,
Много братьевъ, невѣстюшекъ;
Только вѣтъ у Вольгуши
Да родимой матушки.
— „Ужъ ты, братецъ Матвѣюшка,

Ты поди во конюшеньку,
Оскѣдай ворона коня,
Поѣзжай къ Божьей церковкѣ,
Ты ударь въ большой колоколъ,
Разбуди мою матушку:
Что теперь еѣ наломво
Да къ этому времлячку—
Моему благословеньячку;
Къ *Вожью суду* ѣхати,
Золотой вѣнецъ привати
Благословить меня некому;
Благословить меня Богъ-Судья,
Да родимый батюшка“.

Другая записана въ дер. Сухоробринкѣ, Щигровскаго уѣзда.

Много, много во сиромѣ дуба,
Много листьивъ на вѣтвяхъ,
Только вѣту во сиромѣ дуба
Золотой йиво макушечки;
Много, много у Настасьюши,
Много, много роду-племени,
Только вѣту у Настасьюшки
Да родимаво батюшки.

Да родимая ли батюшка,
Онъ спить крѣпко—не прѣснитца,
А лижить—не ворохнитца.
Вы тому ли часу—времени
Благословить іѣ некому;
Благословить іѣ матушка
И сестрицы-подруженьки.

Ред.

На третій годочекъ
Соскучилася.
Полечу кукушечкой
Съ чужой стороны
Ко батюшкѣ своему во садъ,
Сяду я, кукушечка,
На любимый кустъ,
Завую, кукушечка,
Громкимъ голосомъ.
Батюшка по сѣнничкамъ
Похаживаетъ,
Лютую мачиху
Онъ побуживаетъ.
Старшій братъ говоритъ:
„Надо ружье зарядить
Да кукушку убить“.
Средній братъ говоритъ:
„Надо посмотреть—
Подглядѣть“.
Меньшій братъ говоритъ:
„Не наша ли кукушечка
Съ чужой стороны?“
Завую, кукушечка,
Громкимъ голосомъ,
Своимъ кукованьемъ
Весь садъ завеселю,
Своими горькими слезами
Весь садъ затоплю *)

Поютъ, когда невѣстѣ плетуть косу; невѣста голосить.
20) Да не трубушка равно трубила по зарѣ,

*) Сравни пѣсню № 110 въ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“
Вып. III. Отд. II, стр. 78. Ред.

Авдотьюшка тосковала по своей русой косѣ.

— „Да и свѣтъ ты, моя косушка,

Ты, коса моя русая, дѣвичья,

Лента моя алая, непошенная!

Какъ вечеръ мою косушку

Дѣвушки плели,

Да плетучи мою косушку,

Сами *играли* *).

По утру ранехонько матушка плела,

Да плетучи мою косушку,

Сама плакала;

Намочила мою косушку

Горючѣй слезой“.

21) За столами за дубовыми,

Рано, рано (*принѣз*),

За скатертями шелковыми,

Рано, рано,

Тамъ сидѣла красна дѣвушка,

Рано, рано,

Красна дѣвушка, Федосьюшка,

Рано, рано,

Жалобно, слезно плакала,

Рано, рано,

Жалобнѣй того причитывала,

Рано, рано,

Жалобу творила на батюшку,

Рано, рано,

Жалобнѣй того на матушку,

Рано, рано.

— „Государь ты, мой батюшка,

Рано, рано,

*) *Играли* — пѣли.

Государыня ты, моя матушка,
Рано, рано,
Да и что это за стужъ стучить,
Рано, рано,
Да и что это за громъ гремить,
Рано, рано?^а
— „Ты дитё ли мое родное,
Рано, рано,
Чадо милое мое, Федосьюшка,
Рано, рано,
Это не стужъ стучить,
Рано, рано,
Да это не громъ гремить,
Рано, рано,
Андрей—сударь ѣдетъ съ поѣздомъ,
Рано, рано,
Ивановичъ со боярами,
Рано, рано,
По твою ли буйну голову,
Рано, рано,
По твою ли косу русую,
Рано, рано,
По твою ли красу дѣвичью,
Рано, рано“

22) Зима, лѣто—сосенка зелена;
У батюшки Варварушка—молода,
У матушки Семеновна—пригожа.
— „Отдаешь ты меня, родной батюшка, отъ себя,
Оставляешь мои алые цвѣтики у себя.
Вставай же ты, родной батюшка, раненько,
Поливай ты алые цвѣтики частенько—

Не утренними, вечерними росами,
Варварушкиными горячими слезами!“

23) Бзворковала, взворковала голубка
Во своемъ голубиномъ сидѣньи,
На своихъ голубей гляючи.
— „Не хотѣлось мнѣ отъ стадушка отстати“.
Всплакнула, заплакнула Еленушка, сидючи,
На своихъ милыхъ подруженекъ гляючи.
— „Не хотѣлось отъ подруженекъ отстати;
Я по неволюшеѣ отстала,
Я по неволюшеѣ по большой:
Немилостивая свашенька сманула,
На-двое косушку раздѣлила“ *).

Невѣста — „на посадѣ“ **).

24) Зайди, дружокъ, въ клѣтку,

*) Данная пѣсня есть не болѣе, какъ вариантъ болѣе сложной пѣсни, напечатанной въ „Трудахъ Курскаго Статистическаго Комитета“ Вып. I, на стр. 497. Курскъ. 1863 г. Въ первой половинѣ этой пѣсни голубка „сгунула по своему стадичку голубиному“, потому-что „стадичко за море улетѣло“, а она „за негодю дурною осталася“; во второй половинѣ невѣста „всплакнула“ по ушедѣннѣ на улицу подругамъ, такъ-какъ она „за неволею и кручиною своею“ должна осталася дома: прѣѣхалъ женихъ „си дядькою—си дружкомъ“, „съ понивальною, гордою, спѣсивою свахой“ „рвать да метать русую косушку, на-двое плести, въ оправочку оправлять“. Сравнивая эти мотивы съ мотивами нашей пѣсни, находимъ, что, хотя *обоянская* пѣсня и выигрываетъ въ полнотѣ, ясности и подробности образовъ, зато наша пѣсня имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ нею въ естественности аналогичныхъ положеній голубки и невѣсты, одинаково вынужденныхъ неволею покинуть родное стадушко и подружекъ и отлетѣть (*отстати*) въ чужую, дальнюю сторону. Ред.

**) Поется пѣсня (пѣвица припомнила только ея начало), напечатанная подъ № 2 въ „Сборн. матер. для опис. мѣсти. и плем. Кавк.“ Вып. VI. Отд. I, на стр. 87—88, или подъ № 8. Вып. VII. Отд. I, на стр. 74. Особенность ея—только въ послѣднемъ стихѣ: гуси—лебеди зовутъ невѣсту на посадѣ „русу косу расчесать“. Ред.

Въ онучахъ—въ отрепкахъ;
Обручами голова сбита,
Мочалой борода спита,
Мѣшкомъ подпоясавшись,
А возгрей *) застегнувшись **)

25) Гдѣ дружка дѣлся,
Гдѣ завалился?
Или подѣ полѣ провалился?
Одари, одари,
Три червонца положи!
Черепки собирали,
Дѣвокъ одѣляли **).

26) Несчастливая Дунюшка зародилась:
Къ Дунюшкѣ горюшко привалилось.
Да куда я, Дуня, ни пойду,
Всѣ меня журять-бранять:
— „Поплачь, поплачь, Дунюшка,
По своемъ горѣ-горюшкѣ,
По миломъ дружкѣ, по Ванюшечкѣ,
Душечкѣ своемъ разлюбезномъ!“

27) Дубровушка зеленая,
Рано, рано (*припѣвъ*),
Что ты рано зашумѣла,
Душа моя? (*припѣвъ*).
— „Не сама я зашумѣла,
Рано, рано,
Зашумѣли буйные вѣтры,
Душа моя,

*) *Возгря* — содержимое носа.

Собир.

**) Сравни выше, на стр. 26—27, пѣсню подѣ № 30 и указанную въ примѣчаніи въ ней.

Ред.

Буйные вѣтры со вихрями,
Рано, рано,
Со сильными со дождями,
Душа моя,
Со лютыми морозами,
Рано, рано.
На морѣ дѣвушка чары мыла,
Душа моя,
Она мыла, попускала,
Рано, рано.

28) Какъ на рѣчкѣ, на березочкѣ,
Рано, рано,
Настасьюшка чары мыла,
Душа моя,
Чары мыла, попускала,
Рано, рано,
— „Плывите, мои чары,
Душа моя,
Вдоль по Дунаю,
Рано, рано,
Ко свекрову двору,
Душа моя,
Ко свекрухину теремочку,
Рано, рано!
Я за вами скоро буду,
Душа моя;
Я въ пятницу уберуся,
Рано, рано,
Я въ субботу снаряжуся,
Душа моя,
Въ воскресенье рано буду,
Рано, рано,

Рано буду во *Божьему суду*,
Душа моя“ *).

Поють при продажѣ косы.

29) Не приступай, Литва!
Будемъ съ тобою биться,
Будемъ воевати—
Сестрицу не отдавати!
Братецъ, скоро—*мясничка* **);
Не продавай сестричку,—
Проси золотого
Отъ князя! молодого ***).

30) Вдоль по рѣчкѣй
Плавала сѣрая утка;
За ней плыветь
Сизый селезень.
— „Постой, утушка,
Я съ тобой погуркую.
Былъ я у лавки,
Слышала я *славки* ****)
Про тебя, сѣрая утка:
Купують сѣти
На твои дѣти,
На тебя, сѣрая утка.“
— „Пускай купують,
Пусть закупають,

*) По содержанию и даже языку данная пѣсня не имѣетъ существенныхъ отличій отъ пѣсни, напечатанной въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 72—73 подъ № 5; но въ частности (четыре послѣднихъ стиха безъ призывовъ) она представляетъ особенности, не лишеныя интереса и значенія.

**)*Мясничка*—мясоѣдъ.

Ред.
Собир.

***) Сравни выше стр. 25—26, тамъ же пѣсни подъ №№ 27 и 28 и другія, указанная въ примѣчаніяхъ къ нимъ; сравни также пѣсню на стр. 215 сборника „Народныхъ южнорусскихъ пѣс.“ (Гадячь, Лубны). Изд. А. Метлинскаго. Кіевъ. 1854 г.

Ред.

****) *Славки* (слава)—слушь, вѣсти.

Собир.

А я не боюся:
Дѣточки порхнутъ,
Сѣточки порвутъ,
А я перелечу*.
Вдоль по улицѣ,
Вдоль по широкой
Шла-прошла
Красная дѣвица;
За ней идетъ
Удалъ добрый молодець.
— „Стой, постой, дѣвица,
Стой, постой, красная,
Я съ тобою поговорю.
Былъ я у тестя,
Слышала я вѣсти
Про тебя, красная дѣвка:
Купують чепчикъ,
Купують *балочки* *)
На твою головушку“.
— „Пускай купують,
Пусть закупають,
А я не боюся:
Чепчики сброшу,
Балочки порву,
Золотъ вѣнецъ надѣну“.

Поютъ, когда невѣсту ведутъ къ вѣнцу.

31) Свашенька—гоголушка **),

*) *Балочки* (болокъ, бологать—обологать? *Ред.*)—головное украшение молодой замужней женщины. *Собир.*

**) Въ „Толков. слов. жив. великор. яз.“ В. Дала (Ч. I, стр. 322) находимъ для имени *гоголь* (собственно, особая порода утокъ, плоскихъ и круглыхъ) переносное значеніе „франтъ, щѣголь“. Эпитетъ *гоголущика* (несомнѣнно, производный отъ имени гоголь и имѣющій тоже переносное значеніе) въ нашей пѣснѣ опредѣляетъ красоту одежды, нарядность свашеньки, какъ другой эпитетъ „бѣлая лебедушка“—красоту, миловидность природу. *Ред.*

Бѣлая лебедушка,
Съ нами пила, ѣла,
Отъ насъ отлетѣла.
Оглянися, мати,
Какъ у тебя въ хатѣ:
Чашки, ложки—подъ лавкой,
Заросли муравкой.

32) Солнышко-заря закатилось,
Ясная заря за дуброву;
Настасьюшка со двора съѣзжаетъ,
Батюшка ее увимаеъ:
— „Дочечка, заночуй хоть ночку,
Дочечка, заночуй другую!“
— „Батюшка, я свекра боюся,
Родневнѣй, лютаго боюся“.
— „Родная, его дома нѣту“.
— „Батюшка, гроза *) его дома“.

33) Утушки на морѣ купалися,
Сѣрыя на синемъ полоскалися;
На морѣ дѣвушки купалися,
Сурмилами-бѣлилами натиралися.
Красныя дѣвушки дивовалися.
— „Вотъ тебѣ, Волга-рѣка, да не долго течь—
Со весны, со весны и до осени;
Вотъ тебѣ, Натальюшка, да не долго сидѣть—
Со утра, со утра и до вечера.
— „Красныя дѣвушки, не дивуйтеса:
Сами того не минуете“.

Поютъ, когда молодыхъ ведутъ отъ вѣнца.

34) Поди-ка, мамепька, посмотри,

*) Свекровь.

Что намъ бояре привели;
Привели бояре *ярочку* *)—
Нашему Андрею парочку **).

35) Чарочка—*чапурушка* ***),
Ужь я тебя *чекерезну* ****),
Чекерезну, чекерезну, чекерезну,
Во донышко поцѣлю!

II. ЛЮБОВНЫЯ ПѢСНИ.

1) Долина моя, долинушка,
Долина моя широкая,
Раздолье мое далекое!
Какъ по этой долинушкѣ
Выростала трава *рушица* (?);
Какъ по этой рушицѣ
Туманъ разстилается;
Какъ изъ-подъ того туманушка
Заря занимается;
Какъ изъ-подъ этой зорюшки
Солнце выкаталось,
Ясное солнышко на зеленый лугъ.
Какъ на этомъ на лужочкѣ
Дѣвушки гуляли,
Красныя молодца къ себѣ манули.
— „Ты, молодець разудалый,
Иди къ намъ на лугъ:

*) *Ярочка* (ярушка, ярка)—молодая, одноосенняя овца. „Томков. слов. жнв. великор. яз.“, В. И. Дала. Ч. IV, стр. 622. Ред.

***) Сравни. выше п. № 42, на стр. 32. Ред.

***) *Чапурушка* (чапаруха, чап(б)арка, отъ чапать-черпать)—чарка, ставка. Слов. Дала. Ч. IV, стр. 531. Ред.

****) *Чекерезну*—сразу, за одинъ духъ выпью. Собир.

Съ тобою намъ, миленькій,
Веселѣ быть,
Безъ тебя намъ, другъ любезный,
Тошнехоньбо жить“.

2) Ужъ вы, бабочки, бабеночки мои,
Чернобровыя, хорошенькія,
Да не вы ли меня высушили?
Присушили русы вудри мои,
Присушивши, стали вудрицы чесать.
— „Побывай, бывай, удала голова!“ —
Разливалась въ полѣ полая вода,
Затопляла всѣ зеленые луга;
Оставался одинъ маленькій лужокъ.
Стосковался по мнѣ миленькій дружокъ.
Черезъ ту рѣчку мосточекъ помощью,
Я смощу, смощу калиновый мостокъ—
Переблдинки черешневыя;
Черезъ тотъ мостокъ сама я перейду,
За собою своего милаго перведу“.

3) Дорогіе денечки проходятъ...
Скрылось солнышко изъ глазъ,—
Нѣтъ веселья ни на часъ.
Во слезахъ я, млада, *приуснула* *),
Пробуждалась во тоскѣ.
Съ той тоски я—кручинушки
Пойду, млада, прохожусь,
Не найду ль я ручеекъ;
На томъ мѣстѣ умоюсь,
Утрусь, уберусь,
Нарумянюсь, набѣлюсь—

*) Въ рукописи „приуныла“.

Сама себя украшу,
Во стекольце погляжу.
Что счастливъ ли выходи мой?
— Стоялъ милый предо мной,
Говорилъ рѣчи со мной.

4) Подъ окошечкомъ сироточка сидитъ,
Противъ яснаго окошечка глядитъ.
Въ чистомъ полѣ цвѣтетъ аленькій цвѣтокъ,
Онъ алѣется, голубѣется;
Цвѣтокъ этотъ—миленькій, возлюбленный дружокъ;
Часто ходитъ мимо моего двора.
Понравилась мнѣ походочка твоя:
Походочка твоя—частенькая,
Разговоры твои—ласковые.
Да и кто жъ тебя породилъ, молодца?
— „Породила меня маменька,
Возлелѣла чужа—дальня сторона,
Завила кудри сударушка моя,
Завивала, приговаривала:
„Когда кудрицы разовьются,
Быстры рѣченъки разольются *),
Тогда съ миленькимъ разойдемся,
Чтобъ по-вѣки не видатися
И навстрѣчу не встрѣчатися.“

5) Ужъ вы, вѣтры, вѣтерочки,
Въ полуденные денечки
Вы не дуйте, не бушуйте,
Синя моря не колышьте!
Сине море колыхливо,

*) Сравни. выше, на стр. 48, пѣсню подъ № 14 и указанія въ примѣчаніи къ ней; также первую половину пѣсни подъ № 14 въ „Сборн. матер. для опис. кнѣст. и плем. Кавк.“. Вып. VII. Отд. I, стр. 84—85. Ред.

Бѣла рыбица пуглива.
Красная дѣвушка тужлива:
Она тужила, горевала
По миломъ дружкѣ, Ванюшѣ.
— „Что ты, Ванюшка, не весель,
Буйную голову повѣсилъ,
Кабардиночкой *) наврылся,
Горючой слезой залился?“ **).

б) Сидѣла молода
Воздно съ вечера одна,
Зажигала свѣчу,
Свѣчу ярую,
Дожидала молодца
Разудалаго.
Онъ стучить и гремить
Объ окошечко.
— „Я пришелъ-то къ тебѣ—
Не разбойничекъ,
Да я—прежній твой
Полюбовничекъ ***);
Я пришелъ-то къ тебѣ

*) *Кабардиночка* (кабардинка)—папаха. *Собир.* Сравн. описаніе шапки-кабардинки въ „Толк. слов. жив. великор. яз.“ Далъ. Ч. II, стр. 688. *Ред.*

**) Первая часть данной пѣсни имѣеть сходство съ концомъ пѣсни, напечатанной въ „Сборникъ“. Вып. VII. Отд. I, на стр. 87, № 16; вторая часть—аналогична п. № 31 въ томъ же „Сборн.“. Вып. III. Отд. II, стр. 48. Для сравненія приводимъ и пѣсню, записанную нами въ с. Нижней Ольховаткѣ, *Курской губ.*, Щигровскаго уѣзда.

Ужъ ты Иванушка дружочикъ,
Размаливайвай душочикъ!
Выпалъ бѣленькій снижочикъ,
Застылъ товненькій ледочикъ.
Какъ на томъ ледочку—рыбята,
Ани *бьлаи* съ кудрами.

Дружокъ Ванюшка ни весель,
Буйную голову повѣсилъ,
Горючой слезой залился,
Шолкавимъ платкомъ утерси;
Шолкавимъ платокъ—съ каймами,
Посередачки—съ орлами. *Ред.*

***) Сравн. конецъ п. подъ № 119 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. III. Отд. II, стр. 81. *Ред.*

Допросить у тебя:

Ты дозвожь, ты дозвожь

Мнѣ жениться!*

— „Ты женись, ты женись,

Разбесовѣстный,

Ты возьми, ты возьми

У сосѣда дочку,

Все подружку мою *);

(Съ нею) я водилася,

Одной ниточкой подѣлялася,

Одной голочкой обшивалася“.

7) Грушица, грушица зелена, садова,

Почто ты незелено стоишь,

Почто незелено цвѣтешь?

— „Почто же мнѣ зелено стоять,

Почто мнѣ лазорево цвѣсти?

Со вершины солнышко печеть,

Со кореня два ключика бьеть“.

Подъ грушею—свѣтла свѣтлица;

Во свѣтлицѣ красна дѣвушка сидить,

Разумныя рѣчи говорить:

„Нынче какія времена:

Сушать жонъ хорошіе мужья,

А дѣвушекъ дальніе друзья.

Дальній другъ—велика сухота,

Ближній другъ—свиданье навсегда.

Хотѣлъ милый до-вѣку любить,

*) Сравни. пѣсню № 19 въ приложеніи къ статьѣ Н. Бѣлоруссова „Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи“. Русск. Филол. Вѣсти. 1887 г. № 4, стр. 277. Между тѣмъ-какъ въ этой послѣдней пѣснѣ милый, отъѣзжал „во дороженьку“, пришелъ къ своей лапушкѣ „распроститися“, въ нашей пѣснѣ „разудалый молодець“ пришелъ къ своей подружкѣ, какъ прежній полюбивичекъ, т. е. возвратясь изъ отлучки.

А теперь покинулъ—позабылъ
На чужой, на дальней сторонѣ—
Во матушкинъ Кременной Москвѣ“.

8) Ужъ я, бабочка—вдова,
Незамужняя жена,
Всю я ночь не спала,
Къ себѣ милаго ждала.
На утренней на зарѣ
Пришелъ миленькій ко мнѣ;
У кровати стоитъ,
Жалки рѣчи говорить:
„Жаль *болую* *) будить,
Про здоровіе спросить“.
— „А какое мнѣ здоровье?
Давно миленькій бывалъ:
Съ хорошею гуливалъ,
Пригожую цѣловалъ.
Ты послушай, мой милой,
Что я буду говорить:
Перестань меня любить!“
— „Тебя не брошу, не покину,
Буду любить цѣлый вѣкъ;
За твой ласковый привѣтъ
Стану любить цѣлый вѣкъ“.

9) Ужъ вы, бабочки, бабеночки мои,
Помогите плакати,
Мила дружка вливати!
Мой миленькій отъ меня бѣжить,

*) *Болочая* — любимая. Собр. В „Толковомъ словарѣ“ Даля (Ч. I, стр. 100) *болочій* (болыій) — сострадательный (диск.). Въ нашей пѣснѣ этотъ эпитетъ получаетъ новый, сострадательный, отгѣнокъ въ значеніи: *опущающій состраданіе*.
Ред.

Ровно кто его гонить.
Его прежняя милая
За ручку держала,
А вторая милая
Въ походъ провожала,
Ужъ какъ третья милая
Въ уста цѣловала.
Есть у моего милаго
Три зеленыхъ сада:
Какъ во первомъ во садочку
Кукушечка жалобно кукуетъ,
Во второмъ-то садочку
Соловюшко громко распѣваетъ,
Ужъ какъ во третьемъ во садикѣ
Самъ милый гуляетъ;
Гулетъ онъ, мой миленькій,
Меня забываетъ.
Забудь, забудь, мой дружочекъ,
Кто по тебѣ тужить;
Не знай, не знай, мое сердце,
Кто больно горюетъ.
Съ этой тоски—разнесчастья
Я умру навѣки.

III. Вытовые пѣсни.

а) Семейно-бытовая.

1) — „Что ты, Ванюшка, не весель,
Буйну голову повѣсилъ,
Кабардиночкой наврылся,
Горючдой слезой залился?“ *)

*) См. выше № 5, на стр. 64.

— „Ужь ты, матушка родная,
Зачѣмъ на горе родила,
Молодымъ меня женила?
Какъ жена моя лпхая
Меня съ кровати свихнула,
Ручки, ноженьки свихнула“.
Жена мужа не влюбила,
Недоросткомъ называла,
Недоросткомъ, недоноскомъ.
— „Недоростокъ, недоносокъ,
Глупый, маленькій ребенокъ!“ *)

2) Загоралась жаркая вапна,
Закипала въ колодезѣ вода;
Заболѣло у молодца сердце.
— „Зналъ бы, зналъ бы, младець, не женился,
Не завязывалъ бы буйную голову:
У людей жоны хороши, пригожи,
Моя жена, шельма, *некорыстна* **),
На работу она независтна,
Люди—въ полѣ, моя жена—дома,
Дома, дома, она нездорова,—
Полюбила парня молодого.

*) Сравни пѣсню № 1 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VI. Отд. I, стр. 29. Изъ сравненія пѣсенъ въ основномъ ихъ мотивѣ имъ видно, что личныя достоинства жениха въ главахъ дѣвушки состоятъ въ ростѣ, красотѣ и молодецкой чистотѣ, съ которыми „не стыдно въ гостишки поѣхать“ и „подруженькамъ похвалиться“, а главный порокъ—въ маломъ ростѣ. О значеніи роста-дородства и вообще о достоинствахъ молодца съ точки зрѣнія дѣвушки можно судить и по пѣснѣ, записанной нами въ с. Нижней Гремачкѣ, Курской губ., Щигровскаго уѣзда.

Я пасѣю василечникъ у садочку.

Урадися, василечникъ, у садочку,

Урадися, лазоревай, у зеленамъ!

Урадися Василюшка бѣлы, дородякъ,

Урадился Ивановичъ чирнабросвай,—

Онъ и ростамъ, и дародствамъ,

Онъ сваю красоту,

Маладецкай чистатою. Ред.

**) *Некорыстна*—нетрудолюбива. Собр. Въ „Толков. слов.“ Дала (Ч. II, стр. 779) *корыстный* (о дѣлѣ)—выгодный, прибыльный. Ред.

Ходи, ходи, Дуня, хорошенько,
Носи, носи платице аленько,
На головушкѣ аленькій платочекъ,
А на ножкахъ чулки, полсапожки.

3) Горе, горе—кто кого не любить,
А еще того горшѣе—кто съ кѣмъ разстается.
Разставался парень со дѣвчонкой—
Сомыкался *) парень со бабенкой.
Какъ приходитъ темная ночь,
Стучить-гемить милый въ окошко.
— „Выйди, выйди ты, моя милѣя,
Выйди, радость моя дорогая!“
— „Я бы рада, голубчикъ мой, выйти,
Законный мужъ за рученьку держать,
Держить, милый, меня не пускаетъ“.
Намолю я тучу градовую:
Убей, убей, туча градовая,
Моего законнаго мужа!

4) Какъ сказали про милого,
Что онъ не живъ, не здоровъ,
Сказали прѣ удалого:
Совсѣмъ безъ вѣсти пропалъ;
Онъ рано—ранешенько
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Да любимую свою пѣсенку
На свисточекъ просвисталъ,
Душечкѣ—красной дѣвицѣ
Въ теремъ голосъ подавалъ.
— „Душечка, красна дѣвица,
Что ты спишь—лежишь?“

*) *С(о)мыкаться*—сближаться, дружить. „Толков. словарь“ Даля, Ч. IV,
стр. 218. Ред.

— „Я не сплю, не сплю, миленькій,
На умѣ тебя держу.

Почто, почто, миленькій,
Поздно вечеромъ не приходилъ?“

— „Раздушечка, красна дѣвица,
Какъ съ ревнивою женой
У насъ побраночка была“.

— „Раздушечка, храбрый молодець,
Ты побилъ бы ее, пожурилъ,
А во мнѣ, красной дѣвицѣ,
Пораньше приходилъ.

Ты убей, убей, миленькій,
Свою ревнивую жену“.

— „Глупая ты, красная дѣвица!
Мнѣ съ женою вѣкъ вѣковать,
А съ тобою, красна дѣвица,
Одну ноченьку гулять“ *).

б) Выйду за ворота,
Выйду за новыя;
Тамъ—лужочки зеленые.
Луга зеленѣютъ—
Мое сердце поетъ,
Что милаго дома нѣту.
Вижу: свѣтъ бѣленькій—
Идетъ мой миленькій,
На порогъ вступаетъ,
Тяжелехонько вдыхаетъ,
На другой вступаетъ—
Жена его ругаетъ:
„Гдѣ жъ ты шлялся,

*) Сравн. пѣсню подъ № 13 въ приложеніи къ статьѣ Н. Бѣлоруссова „Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи“. Русск. Филол. Вѣст. 1887 г. № 4, стр. 278. Ред.

Гдѣ волочился?
Ночною порою—
Съ чужой, шельмой, женою?^{*)}
— „Чужая жена лучше,
Чужая жена краше,
Личкомъ своимъ она бѣленька,
Брови у чужой жены чернѣнныя“^{*)}.
— „Я сама брови сажей намажу,
Чужой женѣ, шельмѣ, не уважу“.

6) На зарѣ то было—на зорюшкѣ,
На восходѣ солнца яснаго,
Денечка прекраснаго:
Случилось-то молодцу
Мимо саду ѣхати—
Садикъ зеленаго;
Случилось ему, молодцу,
Женскій голосъ слышати,
Постоять—послушати.
Какъ и мужъ-то жену
Журить-то—бранить,
Да убить ее хотить.
Какъ жена-то мужа
Уговариваетъ:
„Ужъ ты, мужъ, ты, мой мужъ,
Ты, законный мой другъ,
Ты не бей же меня
Рано съ вечера,
А убей же меня
Въ глухую полночь,
Когда сосѣдушки

^{*)} „Сравн. глѣсно подъ № 108 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, стр. 77. Ред.

Приспокоются,
А малы мои дѣточки
Крѣпко спать будутъ!“
Малы дѣточки проснулись,
Про родимую маменьку *стрѣнулись* (взыскались).
— „Ты родимый нашъ батюшка,
Гдѣ же наша родна матушка?“
— „Ваша родна матушка
Бѣлится, румянится,
Съ молодымъ вупцомъ
Гулять убирается“.
— „Да не правда же твоя,
Родный нашъ батюшка!
Наша родная маменька
Гулять—не охотница;
Она, наша маменька,
Теперь ужъ—убитая,
Подъ зеленою грушею,
Родная, зарытая,
Дубовѣй доскою накрытая,
Желтымъ пескомъ присыпана“ *).

в) *Военно-бытовья.*

1) Пойдемъ же мы, *братцы*,
Вдоль по улицѣ,
Пойдемъ, братцы, мы въ кабакъ,
Да мы сядемъ, сядемъ тамъ,
Вдоль по лавочкѣ,
Да споемъ мы пѣсню, братцы,
Пѣсню новую!

*) Сравни пѣсню № 109 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. в плем. Казака“. Вып. 3. Отд. II, стр. 77—78. Ред.

Да и пусть нашъ хозяинъ
Догадается—
Поднесетъ намъ по рюмочкѣ
Сладкой водочки;
А мы выпьемъ, братцы, по рюмочкѣ
Сладкой водочки,
Да ужъ сыграемъ, мы, братцы,
Пѣсню новую;
А ужъ какъ выпьемъ по другой—
Зашумятъ головочки.

2) Какъ и въ нашемъ-то полку,
У насъ, у казаченьковъ,
Будетъ завтра большой праздникъ,
Будетъ пиръ-бесѣдушка;
Какъ у насъ, друзья-казаченьки,
Всѣ будутъ разодѣты-снаряжены,
Какъ для насъ-то, казаченьковъ,
Кабачки всѣ будутъ растворены.

3) Русь святая торжествуетъ—
Пушки съ крѣпости палятъ.
Что же нашъ народъ ликуетъ?
Что волокола гудятъ?
Братцы, бравые *сунженцы*,
Этотъ день былъ намъ знакомъ;
Поздравляю (я) васъ, хватовъ,
Съ именинникомъ—Царемъ!
Будь здоровъ, Отецъ Державный!
Мы счастливый вѣкъ живемъ.
Не продлить ли Господь вѣку
Чести русской, всей землѣ?
Для Тебя, нашъ Царь великій,

Соберемъ въ-вруговую,
Мы для нынѣшняго дня
Выпьемъ радостную чарку—
Кварту пьянаго вина!
Грянемъ пѣсню удалую
. *)
Для тебя, нашъ Царь великій,
Мы кричимъ всегда ура! **)

4) Прости, прощай, моя станица,
И вы, предобрые друзья!
Благослови-ка, маменька родная,
Быть-можетъ, мѣтвая винтовка
Изъ-за вуста меня сразить:
Налетитъ отважно, ловко
Черкесъ (чеченецъ), мой черепъ раздробить,
И кровь, согрѣтая любовою
Къ роднымъ и сродникамъ, друзьямъ,
Пролетѣтъ съ силой роковою,
Задымитъ къ небесамъ,
И, крикомъ воздухъ оглашая,
На тѣло птицы налѣтять.
Свершится тризна роковая,
Лишь кости голыя лежать;
Лежать, надъ ними вѣтръ бушуетъ,
Гнѣздится въ черепѣ змѣя.
И это будетъ—духъ мой чуетъ,
Вѣщуетъ сердце, *тпру я* ***).

*) Въ рукописи: своего Вѣлаго Царя.

Ред.

**) Судя по языку и точно размѣренному стиху, данная пѣсня—искусственная, сочиненная (по всей вѣроятности, въ средѣ суиженскихъ казаковъ). Ред.

***) Курсивъ взятъ изъ варианта (*Бородинская станица*). Пѣсня, видимо, искусственная, а не настоящая народная. Ред.

5) Намъ весело жить,
Намъ не о чемъ тужить,
Казакамъ молодымъ,
Басурманцамъ полевымъ:
Службицу всю мы знаемъ,—
Щеголяемъ, какъ хотимъ;
Сударушки намъ знакомы,
Къ себѣ въ гости (насъ) зовутъ,
Много жалуютъ.

Лишь одна наша бѣда —
Зиму въ лагерѣ стоять,
Поутру рано вставать,
Намъ головушки чесать,
Чубы на бокъ заводить,
На ученье выходить.
Намъ ученье—ничего,
Хоть немножко тяжело:
„Стой прямо, гляди браво,
Дѣлай шашкой хорошо!“

.....
Какъ связали казакамъ:
„Со полуночи—въ походъ!“

6) Полно вамъ, сибѣжочки, на талой землѣ лежать,
Полно намъ, казаченьки, горе горевать!
Оставимъ тоску-печаль во темныхъ во лѣсахъ,
Къ чужой дальней сторонѣ будемъ привыкать,
Чужой молодой женѣ будемъ уважать *).

*) Въ вариантѣ данной пѣсни далѣе идутъ слѣдующіе, не лишеныя интереса, стихи:

Перины—подушечки пора забивать,
Чеменикъ, бешметикъ не надо складать.
Вспомнимъ про военную (?)—кинжалъ, шашку, ружье,
Еще бы не забыть намъ про коней вороныхъ. (Наурская ст.). Ред.

Есть у насъ, казаченьки, мука и крупа —
Кашицы наваримъ, мягкихъ хлѣбовъ напечемъ;
Ходя наѣдимся, стоя выспимся *);
Полою утремся, Богу помолимся;
Сложимся по денежѣ—пошлемъ за винцомъ,
Выпьемъ по чарочкѣ—позавтракаемъ,
Выпьемъ по другой—разговоры заведемъ,
Выпьемъ по третьей— съ горя пѣсню запоемъ **).
Домъ у насъ, ребята, — черна бурочка,
Жена молодая—винтовочка (*берданочка*);
Отецъ нашъ —родитель—нашъ начальничекъ.
— „Отпусти насъ, родной, домой—
На ружельце посмотрѣть,
Чтобъ оно было вычищено, саломъ смазано;
Сидѣть во секретѣ.
Ударять на тревогу, чтобъ заряжено было * ***)).

*) Въ томъ же вариантѣ далѣе идетъ стихъ: По утру встанемъ—росою умоемся.

**) Въ вар. далѣе идутъ стихи: Мы поемъ, поемъ про свое житье.

Казачье бытѣ—оно лучше всего:

У казака дожъ—черна бурочка. *Ред.*

***) Оригиналomъ предлагаемой пѣсни, безъ всякаго сомнѣнія, послужила пѣсня, сочиненная еще въ прошломъ столѣтїи „въ средѣ солдатской на турецкой границѣ“. „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣвскимъ“. Вып. IX, стр. 306—307, № 29. Чисто народный складъ этой солдатской пѣсни (она и пѣлась, по увѣренїю издателя, голосомъ „Ивушка, ивушка, зеленая моя“) былъ главнымъ основанїемъ ея распространенїя между терскими казаками. Въ примѣненїи къ условїямъ казацкаго быта, она, сохраняя стародавнюю канву и основное военно-бытовое содержанїе, усвоила новыя черты: вмѣсто *тесака*, *ружья*, *сумы*, *плаща* (?), *кафтана* съ *камзолomъ*, которыя „служивые“ (солдаты) не должны „скидывать“, въ нашей пѣснѣ „казаченьки“ какъ-то молодецки принимаются за *бшметъ*, *чекмень*, *кинжалъ* и *шашку*; такъ же точно казакъ во всякимъ лишенїямъ походной жизни относится беззаботно, и потому утромъ, послѣ сна „стоя“, умывается не *слезами*, какъ солдатъ, а *росой*; во хмѣлю поетъ не про *душечекъ-красныхъ двушекъ*, а про *казачье бытѣ* съ *черной буркой*, замѣняющей ему домъ, съ *винтовочкой (берданочкой)*, служащей ему вмѣсто жены молодой, и съ *начальникомъ—отцомъ-родителемъ*. Замѣчательно, что почти всѣ эти бытовыя черты пѣсни принадлежать указанному варианту (*Наурская ст.*). *Ред.*

7) Подъ зеленою ракитой
Русскій раненый лежалъ
И *), кинжаломъ въ грудь пробитый,
Крестъ свой мѣдный прижималъ.
Кровь лилась изъ свѣжей раны
На истоптанный песокъ,
И уже слетались враны,
Чуя лакомый кусокъ.
Вдругъ раздался крикъ военный—
Снова грянулъ жаркій бой,
И, къ чинару прислоненный,
Услыхалъ его герой;
Услыхалъ онъ, приподнялся,
Какъ мертвецъ среди могилъ,
Услыхалъ, за пашку взялся,
Но упалъ, лишенный силъ;
И на лезвіе булата
Посмотрѣлъ больной, горя,
И послѣдній взоръ казака
Былъ за Русь и за Царя.
Казакъ тѣломъ и душою
Преданъ Богу и Царю,
Крѣпокъ, вѣренъ и средь бою
Страшенъ, пагубенъ врагу **).

8) Послѣдній денекъ миновался,—
Мнѣ не быть съ вами, друзья:
Лишь одинъ вечеръ остался,

*) И принадлежитъ варианту.

Ред.

**) Въ печатной брошюрѣ казачьихъ историческихъ пѣсень, прерывающейся, къ сожалѣнію, на 48 страницѣ, мы данной пѣсни не находимъ; но въ приложеніи напѣвовъ тѣхъ же пѣсень встрѣчаемъ ее на 28-й, послѣдней, страницѣ (приложеніе такъ же, очевидно, безъ конца). Пѣсня наша здѣсь озаглавлена: „Русскому вонну“ (?).

Ред.

Завтра васъ оставлю я.
Ѣду, Ѣду—это вѣрно,
Оставляю край *родной*;
Завтра въ свѣту непремѣнно
Прощусь, ангель мой, съ тобой,
Прощусь съ чистыми полями
И ты, родина, съ тобой,
Съ развеселыми друзьями
И, Кавказъ, прощусь съ тобой.
Тамъ далече, за горами,
Гдѣ лежалъ я на скалѣ,
Всѣ могилы заростали,
Надъ моей поставленъ крестъ.
Вы придите, потушите,
Что товарищъ я вашъ былъ,
И на память положите
Три поклона земляныхъ *).

9) Тамъ далече, въ чистомъ полѣ,
Убитой казакъ лежитъ.
Тамъ росла густая трав(к)а,
Густая трав(к)а съ муравою.
Онъ убитый, принакрытый,
Съ плечъ свалилась голова;
Его руки, его очи принакрыты лежать.
— „Ты лети, лети, голубчикъ (вонь),
Къ моей *миленькой* (?) домой,
Разскажи ты ей, голубчикъ,
Что случилось *надо* мной:
Дослужилъ твой *сыночекъ*
Царю вѣрную службу,

*) Въ брошюрѣ эта старинная (*Собир.*) пѣсня озаглавлена: „Прощальная пѣсня съ Кавказомъ“ (стр. 33).

Приискаль себѣ мѣстечко
Въ чистомъ полѣ, на пескѣ“.

10) Подъ окошечкомъ сироточка сидитъ,
Супротивъ ясна окошечка глядитъ.
Въ чистомъ полѣ долина широка,
Во долинушкѣ береза висока;
Подъ березой той могила глубока,
На могилушкѣ гробница дубова;
Во гробницѣ офицерскій сынъ лежитъ,
Офицерскій—генеральскій чинъ на немъ.
— „Убилъ меня чеченецъ молодой,
Въ мои груди двѣ пули онъ пустилъ,
По бокамъ прикладомъ приложилъ.
Въ головахъ моихъ дубовый крестъ стоитъ,
Во ногахъ у меня—коникъ вороной“.—
— „Ты, хозяинъ (ты, хозяинъ) дорогой,
Надоѣло мнѣ стоять передъ тобой,
Недокучило желты песочки глотать.
Отпусти меня на зеленые луга,
Накорми меня шелковою травой,
Напой меня студеною водой“.

11) Въ (о) лѣсу дремучемъ казаки идутъ *);
На рукахъ могучихъ товарища несутъ.
Носилки не простые—изъ ружьевъ они сложены **).
На нихъ лежалъ сраженный ***) казакъ молодой;
Изъ раны кровь лиется—на сердце у него печаль ****);
Два мѣткихъ пистолета на рукахъ его лежать;

*) Вар.: Изъ боя кроваваго казаченьки идутъ (*Наурская ст.*). Ред.

***) Въ вар. далѣе идетъ стихъ: Поперекъ стальной пашечки положены.

***) Въ рукописи стихъ удлинень словомъ „сужженскій“.

****) Вар.: Сердце его штыкомъ пробито.

Ред.

Съ пистолетовъ шнуры до самой земли висятъ;
Шашечка булатная во ногахъ его лежитъ.
*Носилки подносили съ тѣломъ казака,
Легонько опустили въ могилу мертвеца;
Изъ горъ желтымъ пескомъ тихонько погребали *)*,
Не разъ, не два вскричали:
„Прости, прощай, нашъ братъ родной!
Остался твой товарищъ—твой коникъ вороной“.

12) Поѣхалъ далече казакъ, на чужбину,
На добромъ конѣ ворономъ;
Свою онъ навѣи повинулъ *краину*,
Ему не вернуться въ отеческій домъ.
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
Все ждетъ—поджидаетъ съ далекаго края,
Когда-то въ ней милый казакъ прилетитъ.
Далеко *отсюда*, гдѣ вьются мятели,
Трескучи морозы трещать,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны, и если,
Казачія кости лежатъ.
Казакъ проспѣлъ и молилъ, умирая,
Чтобы насыпать курганъ въ головахъ.
— „Пускай на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ,
Пусть вольная пташка, сидя на калинѣ,
Порой прощепечетъ она обо мнѣ,
Какъ нѣкогда жилъ здѣсь казакъ, на чужбинѣ,
Онъ помнилъ о милой родной сторонѣ **)!“

*) Въ рукописи: Носилки подносили въ могилѣ съ тѣломъ казака,
Легонько опускали въ могилу тѣло мертвеца,
Тихонько погребали въ горъ желтымъ пескомъ. *Ред.*

**) Въ брошюрѣ пѣсня озаглавлена „Завѣщаніе казака“ (стр. 88); въ рукописи названа старинною (Собир.). *Ред.*

13) Вы, туманы мои, вы, туманушки,
Вы, осенніе сильныя мои дожди!
Не пора ли вамъ, мои туманушки,
Прочь отъ синяго моря долой?
Ужь вы, гости мои, гостечки,
Вы, гости мои дорогіе,
Вы зачѣмъ-то, зачѣмъ, мои гостечки,
Ко мнѣ поздно вечеръ приходили,
Да какую пользу—радость мнѣ приносили?
Мнѣ самой-то, самой, хорошенькой бабочкѣ,
Мнѣ малымъ-мало ночью спалось:
Какъ и нынѣшнюю ночь
Всю я ноченьку не спала,
На правѣй-то рукѣ яснаго сокола
Всю ноченьку я проносила.
Вотъ какъ и мой-то милой,
Мой разлюбленный дружокъ,
Онъ убитый лежитъ;
Его буйная головушка
Прочь отрубленная
Въ сторонѣ лежитъ;
Сквозь его ретивое сердечушко
Не лютая змѣя проползала,
Проползала-то сквозь его сердечушко
Пуля свинцовая.

14) Во горахъ-то было, горахъ,
Во горахъ, братцы, во высочихъ,
Тамъ убитъ добрый молодецъ,
Крѣпко раненый, землю приваленный,
Травушкой присыпанный.
Какъ на этой травушкѣ цвѣты расцвѣтали;
Какъ во этихъ во цвѣтахъ птички распѣвали,

Жалобнехонько онѣ пѣсню напѣвали.
— „Встань, проснись, добрый молодецъ!
Зимушка проходить, весна наступаетъ,
Жена твоя молодая по саду гуляетъ,
Цвѣты сорываетъ, пѣсни распѣваетъ,
Жениха себѣ выбираетъ“.

IV. Историческія пѣсни.

1) Не дорого мнѣ было пиво пьяное,
А дорога была наша бесѣдушка,
Пирь—бесѣдушка смиренная.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые—
Старички почетные, разумные.
Какъ зашла-то у нихъ рѣчь хорошая
Про матушку-кременную Москву.
— „Отчего наша кременна Москва,
Братцы, загоралася?“
Загоралась-то наша кременна Москва
Отъ князей, бояръ да отъ вдовушекъ.
Входила-то она, *вдовушка боярская*,
Въ свой пороховой *выходъ* *),
Зажигала-то она, молодая вдовушка,
Свѣчу ярую тамъ,
Зажигала свой пороховой выходъ.
Отъ того-то огня—попымя
Загоралась кременна Москва **).

*) *Выходъ*—погребъ, подвалъ.

Собир.

**) О пожарахъ, бывшихъ въ Москвѣ въ Романовскую эпоху XVIII в., у Карповскаго находимъ 4 пѣсни (Вып. VII, стр. 80—82, №№ 1 и 2; Приком. стр. 126—127, №№ 1 и 2). Наша пѣсня по языку и содержанию мало чѣмъ отличается отъ всѣхъ этихъ пѣсней, особенно отъ двухъ послѣднихъ, отличающихся отъ первыхъ болѣе развитымъ мотивомъ. Заслуживаютъ вниманія въ ней слѣдующія особенности: 1) она *безыменная* въ отношеніи „большого господина графа Шеро-

2) На зарѣ-то было—на зорюшкѣ,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ солнца яснаго
Все денеченька прекраснаго,
Высоко звѣзда на небѣ восходила,
Выше лѣса, выше темнаго,
Выше садика зеленаго.
На *Турецкой* было земелюшкѣ,
За султанскими воротами,
Тамъ стояла темна темница.
Во темницѣ—добрый молодець,
Да *Ермакъ-казакъ Тимофеевичъ*;
Онъ сидѣлъ тамъ не годъ, не два года,
Просидѣлъ тамъ онъ тридцать три года.
Запустилъ онъ свою бородушку
Ниже пояса шелховаго;
Завились его русы вудри до плечушекъ.
Во темницѣ—двери мѣдныя,
А запорочки—всѣ желѣзныя.
Во замочкѣ-то—полтора пуда,
А во ключикѣ—тридцать три фунта.
Какъ возговорилъ Ермакъ-казакъ:
„Ты, Султанъ мой, Султановичъ,
Ты, султанское величество!
Отпусти меня на волюшку;
Я всю Турцію повырублю,
А тебя, Султанъ, во полонъ возьму“ *).

месса“ (былинами увѣловѣченъ случай пожара въ Москвѣ и въ XVIII в., особенно съ домою Шереметева, на Никольской улицѣ. Прилож. къ VII Вып., стр. 126); 2) пѣсни Кирѣевскаго представляютъ виновницей пожара „ключницу“, зарожившую искру отъ свѣчи „въ порохову казну“ „въ темныхъ (нижнихъ, новыхъ) выходкахъ“, тогда-какъ наша пѣсня винитъ „молодую вдовушку боярскую“ (вариантъ: *боларинъ, Наурская ст.*), зажегшую „своей пороховой выходъ“.

Ред.

*) Предлагаемая пѣсня представляетъ одно изъ многочисленныхъ развѣтле-

3) Какъ у насъ-то было во матушевъ-временной
 Москвѣ,

На Красной площади,
 Собиралися стрѣльцы-бойцы, добрые молодцы,
 Во единый *кружочекъ*;
 Они *думу* думали глубокую.
 Какъ увидѣлъ ихъ атаманушка
 Изъ своего ли терема изъ высокаго,
 Изъ окошечка изъ босящатаго,
 Да и сталь-то онъ, атаманушка,
 Собиралися во своимъ стрѣльцамъ-бойцамъ:
 Надѣвалъ онъ сапожки на босы ножки,
 А *черкесочку* на распашечку,
 Какъ пришелъ онъ въ стрѣльцамъ,
 Началъ ихъ пытать-спрашивать:
 „Вы, стрѣльцы-бойцы, добрые молодцы,
 Да и какую же вы *думу* думаете?“
 — „Какъ же намъ, стрѣльцамъ-бойцамъ,
 Добрымъ молодцамъ, *думу* не думати?
 Какъ бывалъ у насъ Православный Царь,
 Онъ любитъ насъ и жаловалъ,
 А теперъ-то, Православный Царь,
 Онъ на насъ стрѣльцовъ разгнѣвался:
 Онъ велѣлъ весь зеленый садъ повыврубить,
 Всѣ кореньяца-то въ саду повывопать,
 А насъ-то стрѣльцовъ-бойцовъ
 Онъ *хотѣтъ* казнить-вѣшать,

ній старинной „темничной“ или „теремной“ пѣсни, которая „на пути исторіи во-
 ложительной“ „закрыта *спереди* при имени и лицѣ *Ермака*, потомъ Ра-
 зина, далѣе стрѣльцовъ и донцовъ“, также Чернышова, Краснощочкова и даже Пля-
 това. Пѣсни Бирѣвскаго: Вып. VII (Прибал.), стр. 135—137; VIII, стр. 78—105;
 IX, стр. 120—124 (замѣчанія), 125—144. Сравни. также пѣсню № 5 въ „Оборы-
 матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“ Вып. VII, на стр. 112.

Ред.

А тебя, стрѣлцаго атаманушку,
Царь пятерить *хочетъ* *)).

4) Ты, змѣя-то моя, ты, моя змѣюшка,
Змѣя (да) ты моя лютая!

Ты по травѣ-то ползешь—**)

Отъ тебя ***) листъ-трава горить,

Ты по водѣ-то плывешь, ты, моя змѣюшка,

Отъ тебя ***) вода мутится!

Ты, змѣя-то моя, *да ты, моя змѣюшка*, ****)

До чего ты меня довела, раздобраго молодца?

Довела ты меня до худой славушки!

Какъ ведутъ-то меня, раздобраго молодца,

Ведутъ (меня) все *наказываютъ*.

Впереди-то меня идутъ все попы да дьяки,

Повади-то меня идутъ мои друзья-товарищи,

А какъ сбоку-то меня идетъ душа красна-дѣвушка,

А за правую-то руку меня ведетъ

Шельма-мододой палачъ.

— „Ты, молодой палачъ, стой,

Обожди меня наказывать!

Что съ меня ты хочешь взять, *****)

*) Рѣчь идетъ о стрѣльцахъ, за возмущеніе обреченныхъ Петромъ Великимъ на казнь или „правекъ“ на Красной площади въ Москвѣ. Правда, въ пѣснѣ нѣтъ зскихъ указаній на то, чтобы стрѣльцы явились къ царю съ повинною, просить черезъ своего атамана „большой милости“ у царя-батюшки, и совѣтъ нѣтъ результатовъ просьбы (прощенія или откупа),—словомъ нѣтъ тѣхъ подробностей содержания, съ коими приведены пѣсни у Кирѣевскаго, на стр. 16--21 Вып. VIII; зато между этими послѣдними пѣснями нѣтъ ни одной, въ которой бы такъ ясно и подробно обрисована была „душушка“ стрѣльцовъ на Красной площади, какъ въ настоящей пѣснѣ. Сравни также пѣсню № 5 въ „Сборн. свѣдѣній о Тарасовѣ облытѣ“. Вып. I, стр. 221.

***) Въ вар. стихъ оканчивается словами: да ты, моя змѣюшка. (Уманин-ортоеская ст.).

****) Вар.: Подъ тобой. (Тамъ же)

*****) Вариантъ: да красная дѣвица. (Тамъ же)

*****) Стихъ, очевидно, подправленъ.

Ред.

Ред.

Ред.

Ред.

Ред.

Со всей моей *ватаги-вольницы?*
 Хочешь взять ты пятьсотъ рублей?
 Если мало тебѣ того, возьми всю тысячу,
 Только отпусти погулять на волю-свободушку! * *)

5) Какъ во полѣ загоралась бѣлая ковыла,
 Загоралась бѣлая ковылушка отъ камушка.
 Какъ на этомъ камушкѣ въ ту пору
 Сидѣль-сидючи младъ-ясмень соколъ;
 Какъ сидѣль онъ-то, ясмень соколъ,
 Сидючи вѣршео привадумался.
 Какъ на ту пору-времени, ясмень соколику,
 Ему только вѣршео придремнулося **).
 Какъ поджегъ-то онъ, ясмень соколинь,
 Подпалилъ онъ свои *сизы* ***) врылушки,
 Свои сизы врылушки да ясмень соколинь,
 Да рябыя свои перья-перушки.

*) У Кирѣвскаго находимъ пѣсню съ тѣмъ же основнымъ мотивомъ (ведение „молодца“ на казнь). Вып. VIII, стр. 28, № 4. Отсутствие въ нашей пѣснѣ въ числѣ провожающихъ молодца его отца, матери и молодой жены, управляющихъ преступника принести царю повинную (въ измѣнѣ), и забирая ихъ „звѣй-красной дѣвицей“, доведшей молодца „до худой славушки“, радикально измѣняетъ тонъ пѣсни. Этотъ новый тонъ, а также присутствие въ числѣ провожающихъ преступника друзей-товарищей, составляющихъ его „ватагу-вольницу“, и заключительный оригинальный мотивъ (откупъ „на волю-свободушку“ деньгами всей ватаги) ясно указываютъ на то, что наша пѣсня—„безименная“ *разбойничья*; очевидно же сходство ея съ вышеприведенной пѣсней въ основномъ мотивѣ свидѣлствуетъ о томъ, что она примѣшалась къ казни стрѣльцовъ съ ихъ атаманами въ Петровскую эпоху и даже, можетъ-быть, „перешла отъ историческаго князя“, т. е. коренится въ болѣе старинномъ своемъ первообразѣ. Сравн. въ VIII Вып. пѣсни подъ рубрикой: „Казнь Князя, Вольшого Воярина, *Атамана Стрѣльцкаго*“, №№ 1—3, стр. 22—27, и примѣч. 2 на стр. 28; также пѣсню подъ № 10 въ „Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, стр. 115—116. *Ред.*

**) Вариантъ 8—8 стиховъ: Тамъ леталъ-то—гулялъ, по-подъ небесью,
 Младъ—ясмень соколъ;
 Застыгала его темна ноченька.
 Какъ на камушкѣ ему малехонько вздремнулося.
 (*Науруская ст.*) *Ред.*

***) Вар.: быстрая. (Тамъ же). *Ред.*

Охъ, да какъ же пошелъ-то онъ-побрелъ,
Да ясенъ соволикъ, пѣшій побрелъ онъ
Вдоль только по дороженькѣ;
Какъ идетъ-то—бредетъ онъ, ясенъ соволикъ,
А навстрѣчу ему—да черные воронья;
Какъ и каркали они, черные веронья, смѣялися,
Смѣялися-потѣшались надъ ясенъ соволикомъ,
Называли-то они его, ясенъ соволика,
Называли только его каргой *зачуменною*.
— „Охъ, да не тебѣ-то ли было, ясенъ соволику,
Пѣшимъ ходить вдоль по дороженькѣ,
А тебѣ-то ли было, ясенъ соволику,
Летать-гулять въ полѣ по-надъ (подъ) небесью!“
Охъ, да какъ восплакался-то тутъ да ясенъ соволикъ
Да онъ только передъ Господомъ Богомъ.
— „Охъ, Ты создай-пошли, Боже, да сильного
дождика!
Охъ, да отросли бы у меня, у ясенъ соволика,
Да сизыя мои только крылушки,
Охъ, да сизыя мои только крылушки,
Да рабыя мои только перья-перушки!
Охъ, да отсмѣялъ бы я тогда, ясенъ соколъ,
Эту насмѣшечку этимъ чернымъ вороньямъ“ *).

6) Да не самъ ли по крутымъ горамъ
Высоко ясенъ соколъ леталъ;

*) Сравн. пѣсню подъ № 1 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, стр. 121—122. Обѣ пѣсни—и наша, и здѣсь цитируемая представляютъ лишь первую часть, обычное въ народномъ пѣснотворествѣ сравненіе, которому соответствуетъ въ совершенно аналогичныхъ пѣсняхъ Кирѣевскаго (Вып. IX, стр. 177—181, №№ 27—30) вторая часть: „Краснощокъ во неволонкѣ“, „на черной глази“ у татаръ. Такимъ образомъ „младъ-ясенъ соколъ“—не кто иной, какъ Краснощокъ, этотъ „послѣдній русскій богатырь“, которымъ „ваше бывшее пѣснотворчество въ силѣ производительной замыкается навсегда“. (стр. 182).

Ред.

Да не *Прусскій* ли *Король*
По своей армейшкѣ
Король ѣздилъ—разъѣзжалъ,
Своихъ господушекъ
Король ѣздилъ—собиралъ.
— „Господа вы мои, господушки,
Вы, *думчивые* мои сенаторы!
Ничего-то вы, мои господушки,
Ничего-то вы не знаете.
Какъ у *нашего*-то Царя,
У *нашего* Императора,
Завтра будетъ его коронованіе“ *).

7) Какъ всю ночь-то не спалъ
Нашъ князь *Иловайскій*—
Съ москалемъ въ карты проигралъ.
Какъ и тутъ козырная карточка
Посверхъ лицомъ она вскрылася.
Москалю-то онъ проигралъ,
Нашъ *Иловайскій* князь,
Проигралъ онъ золото-серебро,
Проигралъ онъ, князь *Иловайскій*,
Свое *войско Донское* храброе **).

8) Ты, Россія, ты, Россія,

*) Въ данной пѣснѣ *Король Прусскій* представляется не врагомъ Россіи, а скорѣе своимъ союзникомъ. Сравни. Кирѣвскаго Вып. IX, на стр. 116 примѣч. 3.

Эта пѣсня поется совмѣстно съ пѣсней, не имѣющей никакого отношенія къ *Прусскому Королю* (см. выше п. № 2, на стр. 73). Основаніемъ для такого сближенія двухъ разнородныхъ пѣсенъ послужила, повидному, ассоціація *коронованія*, объявленнаго Королемъ своимъ сенаторамъ, съ *большимъ праздничкомъ* у казаченьковъ. Ред.

**) Тотъ же мотивъ (проигрыванье въ карты *Донского* войска или тѣхого *Дона*) встрѣчаемъ въ пѣснѣ подъ № 2 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 110. Ред.

Ты, Російская земля!
Про тебя, моя Россія,
Худа славушка прошла,
До бѣла Царя дошла.
Платовъ-казака воинъ былъ,
Себя *) бороду не брилъ **).
У француза въ гостахъ былъ;
Французъ его не узналъ ***),
За бушмана полагалъ ****),
Его въ гости зазывалъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Рюмку воды наливалъ,
На подносѣ подносилъ,
Его милости просилъ:
„Выпей рюмку, выпей двѣ“.
Запумѣло въ головѣ.
— „Много золота, сребра (бѣ) далъ,
Бто бѣ про Платова разсказалъ“ *****).
— „(О немъ) нечего сказать,
Его такъ можно узнать:
На одно лицо со мной,
Точно братецъ мой родной,
Будто матушки одной“.
Платовъ рѣчи говоривши,

*) Себя взято изъ варианта вм. „отъ роду“. (Наурская ст.) *Ред.*

***) Въ вариантѣ далѣе идетъ стихъ: Взялъ да бороду обрилъ (Тамъ же).
Врѣть бороду казаку не законно; но Платовъ сбрилъ для того, чтобы его не узна-
ли. Сравни. Кирѣвскаго Внп. X, на стр. 51 примѣчаніе 2. *Ред.*

****) Не узналъ — изъ варианта вмѣсто „не угадалъ“. (Тамъ же) *Ред.*

*****) Въ вариантѣ далѣе идутъ стихи:

Черну шапочку снималъ, Къ себѣ въ гости зазывалъ,

Со лошади саживалъ, Во високомъ теремочку

На (?) високій теремочекъ За дубовый столъ сажалъ. (Тамъ же). *Ред.*

*****) Въ рукоп. стихъ растянута словомъ „мѣтъ“. Вариантъ:

Скази ти мѣтъ всю правду

Про Платова-казака. (Тамъ же)

Ред.

Изъ палаты вонъ пошелъ *);
 На крылечко выходилъ,
 Громкимъ голосомъ всеричалъ:
 „Ужь вы, слуги, мои други,
 Слуги вѣрные мои!
 Вы пойдите, приведите
 Моего добра коня;
 Я сяду да поѣду
 Въ чисто поле погулять—
 Со французомъ воевать“.
 На коника онъ садился,
 Ровно соколъ возлеталъ,
 И французу такъ кричалъ:
 „Ты, ворона, ты, ворона,
 Безтолковая **) корга!
 Не видать тебѣ, ворона,
 Ясеннаго сокола!
 Не поймать тебѣ, французу,
 Платова—казака!“
 — „Еслибъ зналъ, да видалъ,
 Всего бѣ тебя ошипалъ!“ ***)

*) Курсивъ взятъ изъ варианта (*Наурская ст.*) вмѣсто слѣдующихъ, но-
 удачно записанныхъ, стиховъ:

— „Да гледи жъ ты на меня:	Отца, матери одной“.
Онъ похожъ на меня,	Платовъ-казакъ тутъ испугался и т. д.
Онъ братецъ мнѣ родной,	Ред.

**) Вариантъ: „Зауменнаа корга!
 Не умѣла ты, ворона,
 Ясна сокола поймать,
 Во когтяхъ его держать,
 Крылья-перышки щипать“. (Тамъ же) Ред.

***) Сравн. въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ
 Кавказа“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 118 п. № 14. Больше сходства наша пѣсня
 имѣетъ по языку и содержанію съ пѣснями Кирѣвскаго № 1—5 Вып. X, на
 стр. 50—59. Ред.

Слѣпцову *) въ лагерь, на Зеленой юртъ **).

9) Мы стояли на горѣ,

На зеленой на травѣ;

Ей, ей, молодцы,

Храбрые мы сунженцы!

(Притягъ повторяется 2 раза послѣ каждыя
двухъ стиховъ).

Мы стояли возлѣ будки,

Къ намъ пріѣхалъ Слѣпцовъ въ бурѣѣ.

— „Вы здорово, казачки,

Стрижены головочки!

Но я Богомъ васъ прошу:

Не ходите вы въ корчму:

Вы тамъ денежки пропьете,

А въ походъ-то съ чѣмъ пойдете?

Васъ отцы будутъ встрѣчать,

Но вамъ нечѣмъ отвѣчать“.

Ты, дѣдушка *Аликуй* ***),

Намъ про это не толкуй!

Сухарей мы напечемъ—

Сами въ *Шалаши* ****) пойдѣмъ;

Сухари мы поѣдимъ—

На Слѣпцова поглядимъ.

Хорошо вамъ разсуждать,

Иль провьянтскихъ денегъ дать.

— „Вы терпите до числа—

*) О генераль-майорѣ Н. П. Слѣпцовѣ см. въ „Сборн. мат. для описан. жѣст. и плем. Кавк.“ Вып. V. Отд. I, стр. 172—174. *Собир.*

**) Въ брошюрѣ (см. выше, на стр. 77, примѣчаніе) нѣсколько напечатана на стр. 5—6. *Ред.*

***) Это выдуманное имя часто употребляется въ разговорной рѣчи казаковъ въ смыслѣ нарицательномъ (*Собир.*), очевидно, для рѣзми шуточного тона. *Ред.*

****) *Шалаши* (Катиръ-юртъ, Чади-юртъ)—аулы въ Малой Чечнѣ при рѣкѣ того же имени, впадающей въ р. Фартагги. „Чечня и чеченцы“ А. Вервѣ. Тифлисъ. 1869 г., стр. 23 и 26. *Ред.*

Вашъ картонка не кисла—,
Поколь мѣсяць окончу,
Изъ *Кавказ* *) получу,
По *сотнямъ разочту*,
По страницамъ разошлю^а.
А сказали: Слѣпцовъ злой,
Слѣпцовъ—батюшка родной:
Онъ положить, станеть бить—
Съ плечъ рубашечка летить;
Но хотъ больно онъ насъ бьетъ,
Да подь судъ не отдаеть.
— „Какъ же больно васъ не бить,
Сорванцовъ, васъ не бранить:
Добрыхъ коней распродалъ—
Сударушекъ посправляли,
Порѣзали чепраки—
Дѣвкамъ спшили башмаки^а.
Въ первомъ Сунженскомъ полку
Носятъ шапки на боку,
Носятъ шапки на боку,
По сту плетей во боку.
Ей, ей, молодцы,
Храбрые мы сунженцы!

*Возвращеніе сунженцевъ съ набѣга **).*

10) Пыль клубится по дорогѣ,
Слышны выстрѣлы порой—
Изъ *набѣга* ***) удалого

*) Гор. Владикавказъ, бывшій тогда крѣпостью, откуда казакамъ выдавались провіантъ и гдѣ находилось казначейство. Собир.

***) Въ брошюрѣ мѣсяца напечатана на стр. 6—8. Ред.

****) *Набѣг*—военная экспедиція, предпріятіе на горскихъ хищниковъ, въ дѣлномъ случаѣ подь командою г.-м. Слѣпцова. „Сбор. мат. для опис. мѣст. и имен. Кавк.“ Вып. V. Отд. I, стр. 178 (Собир.). Любовь къ войнѣ и грабежу, одна изъ главныхъ чертъ въ характерѣ гребенскихъ казаковъ, усвоена ими отъ гор-

Ѣдутъ сунженцы домой.

Много плѣну и добычи

Ими взято у враговъ.

Ихъ вождемъ былъ воинъ смѣлый,

Генераль-маіоръ Слѣпцовъ.

Жоны, старцы и дѣвицы—

Всѣ навстрѣчу къ нимъ идутъ.

Вотъ они ужь—близъ станицы:

Ѣдутъ, скачутъ и поютъ.

Градомъ сыплются вопросы

Изъ толпы со всѣхъ сторонъ:

— „Живъ ли мужъ мой? *живъ* сыночекъ *)?)

Живъ ли братецъ? гдѣ же онъ?“

Всѣ казаки веселятся

И спѣшать подъ кровъ родной—

Среди милого семейства

Встрѣтитъ **) отдыхъ и покой.

Лишь одинъ казакъ не веселъ:

Онъ здѣсь—круглый сирота;

Но *почему* ***) его туманить

Грусть и горькая мечта?

Живъ ли онъ ****)—никто не встрѣтитъ:

Милыхъ сердцу нѣтъ ему;

Живъ ли онъ—никто не спроситъ:

Онъ не нуженъ никому.

Лучше бъ легъ онъ въ бранномъ полѣ

И не ѣхалъ бы домой:

цель, главнымъ образомъ отъ чеченцевъ, съ которыми, какъ сосѣдами на Гребнѣ
въ Большой Чечнѣ, они сжались и даже переродились. Природа и люди на Кав-
казѣ и за Кавказомъ“ П. Надеждинъ. Спб. 1869 г., стр. 84. *Ред.*

*) Въ брошюрѣ: Живъ ли мужъ ли мой, сыночекъ? стр. 7. *Ред.*

**) Въ брошюрѣ: Вкусить, стр. 7. *Ред.*

***) Въ брошюрѣ: чего, стр. 7. *Ред.*

****) Въ брошюрѣ: его (стр. 7)—лишнее слово. *Ред.*

Все равно, бѣ его кончина
Не оплакана слезой.

11) Въ тихи noci, осенью,
Сунженцы гуляютъ
И про службу про свою
Пѣсни распѣвають *).

Скоро, братцы, намъ въ походъ:
Зима наступаетъ;
Злой *Шамиль* насъ въ бой зоветъ
И не унываетъ.

Для насъ вызовъ—не бѣда,
Быль бы Слѣпцовъ съ нами;
Съ нимъ готовы хоть куда
На коняхъ орлами.

Пусть собираетъ свой отрядъ,
Что намъ торопиться?
Изъ насъ каждый будетъ радъ
Съ ордою сразиться.

Въ полѣ лучше умирать,
Въ домѣ не годится;
Если жъ въ домѣ умирать,
Лучше бѣ не родиться.

Пусть объявить свой приказъ,—
Коней посѣдлаемъ;
Всѣ готовы въ добрый часъ,
Пѣсни заиграемъ.

Намъ не въ первый разъ рубить
Подлюю *ордюку* **);
Въ чистомъ полѣ ее бить—
Разгонять намъ скуку.

*) Сравни въ „Сборн. мат. для опис. мѣсти. и плем. Кавк.“ Вып. V. Отд. I, стр. 190.

***) Въ брошюрѣ: орденку, стр. 8.

И за дальнею горой
Эхо повторится;
Ни въ горахъ и ни въ лѣсахъ
Горцамъ не укрыться.

Нашъ наместникъ Воронцовъ
Всѣмъ примѣръ покажетъ
И навѣшаетъ крестовъ,
И спасибо скажетъ *).

О поселенцахъ-казакахъ на Сунжу.

12) Изъ горъ Сунжа вытекаетъ
И по *плоскости* Чечни
Рѣзво, быстро пробѣгаетъ
Басурманскіе края **).

Тамъ станицы населены
Изъ *всесвѣтныхъ пришлецовъ* ***).

А теперь на насъ взгляните,
Лихихъ, дружныхъ молодцовъ.

Живемъ счастливо, богато,

*) Въ брошюрѣ пѣтя напечатана на стр. 7—8; озаглавлена: „Генералу Сгѣнцову“.

Ред.

**) Сунжа, правнй притокъ Терека, беретъ начало изъ г. Богучаръ и, принимая въ себя множество рѣчекъ и ручьевъ, служитъ такимъ образомъ основаніемъ водной системы, орошавшей всю *равнину* (плоскость) Большой и Малой Чечни. „Чечня и чеченцы“, стр. 3 и 7.

Ред.

***) Въ цѣляхъ чисто стратегическихъ, для противоясія хищническимъ нападѣніямъ горцевъ вообще и въ частности для борьбы съ Шамилемъ, вмѣстѣ съ сооруженіемъ полевныхъ укрѣпленій (кр. Грозная) съ 1845 года началось выдѣганіе казачьихъ станицъ на сунженскую линію. По Сунжѣ селились со своими семействами старшіе линейные бойцы, покидавшіе по охотѣ или по жребію, или по станичнымъ приговорамъ старшія линейныя станицы; къ нимъ присоединялись переселенцы изъ Черниговской, Харьковской, Воронежской и другихъ губерній (ср. выше стр. 2—3), а также солдатскія семейства упраздненныхъ въ то время военныхъ поселеній—словомъ *всесвѣтные пришлецы*. Это колонизаціонное движеніе имѣло, съ одной стороны, громадное вліяніе на исходъ Кавказской войны, съ другой—имѣло своимъ послѣдствіемъ обособленіе Терской области съ отдѣльными начальникомъ и командующимъ войсками. „Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ“ К. Пошк. Вып. I. С.-Петербургъ. 1880 года, стр. XXIX—XXXIII.

Ред.

Богъ нашъ трудъ благословилъ,
Всѣми благами земными
Онъ насъ щедро наградилъ.

Богъ земной далъ командира,

Благодѣтеля-отца,

За котораго всѣ молимъ

У Всевышняго Творца:

Научилъ насъ службѣ Царской

И въ кровавый бой ходить;

Какъ на званный царь, боярский,

Каждый удалецъ спѣшить.

Намъ не страшны басурманы,

И угрозы ихъ—пустякъ;

Всѣ ихъ хитрости, обманы

Знаетъ всякій нашъ казакъ.

А покуда Слѣпцовъ съ нами,

Мы его не постыдимъ:

Знамя Царское прославимъ,

Грани дальше подадимъ.

Царь Великій не жалѣетъ

Намъ отличій и наградъ,

И по фронту посмотрите—

Кавалеры—всѣ подрядъ.

Нынче лѣтомъ къ намъ придетъ

Самъ *наместникъ Воронцовъ*

И полсотенки навѣситъ

Намъ Георгіевскихъ крестовъ.

Царское спасибо скажетъ—

Дружно крикнемъ мы ура;

Новый намъ заваль укажетъ—

И мы бросимся туда *).

*) Въ брошюрѣ лѣсна напечатана на стр. 9—10.

На взятіе аула Алханъ-юрта.

13) Въ пятьдесятъ первомъ году

Набираль *Шамиль* орду,

Набираль, набраль милицу

И сказалъ внезапный путь.

Братцы, лѣто наступаетъ,

Будто новая луна,

Шамиль чеченцевъ собираетъ—

Хочетъ двинуться на насъ.

Но мы русскимъ своимъ сердцемъ

Не уважемъ *наглецамъ*,

Сложимъ пѣсню про чеченцевъ *)

Въ честь и славу молодцамъ.

Мы тамъ лагеремъ стояли,

Гдѣ чеченскій былъ пріютъ;

Тамъ мы вѣрность утвердили

И назвали *Алханъ-юртъ* **).

(Тутъ) чеченцы собирались,

Думу думали, какъ быть,

Всѣми силами старались,

Какъ бы съ лагерей насъ сбить:

Три дня сряду въ насъ палили,

Пули сыпались, какъ градъ.

На *Троицу* выходили,—

Съ ними общій былъ парадъ;

*) Въ брошюрѣ: *И* мы русскимъ своимъ сердцемъ

Не уважемъ *подлецамъ*,

Споемъ пѣсню про чеченцевъ, и т. д., стр. 11. *Ред.*

**) О заложениіи Алханъ-юртовской казачьей станицы (*крѣпости*) на лѣвомъ берегу р. Сунжи въ 1851 г. см. въ трудѣ А. Борже „Чечня и чеченцы“ стр. 118, также въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“ стр. 374. Ауль Алханъ-юртъ (*чеченскій пріютъ*) находится не на мѣстѣ станицы, какъ можно было бы думать на основаніи пѣсни, а южнѣе ея, при впаденіи р. Урусъ-Мартана въ Сунжу. *Бер-же*, стр. 21. *Ред.*

Изъ станицы выступали—
Уже стало примерзать.
Тутъ-то дымъ *) въ гору поднялся—
Мы вступили съ ними въ бой.
Весь отрядъ нашъ перёмѣшался,
Мы не знали, кто такой.
Мы пашками доказали,
Что мы тѣ же *сунженцы*.
Генералъ *Слѣпцовъ* былъ съ нами,
Храбрый воинъ, впереди,
Преукрашенъ орденами,
Знавъ съ короной на груди **).

*На смерть генерала Слѣпцова въ 1851 году 10 декабря на
берегахъ р. Гехи ***).*

14) Вспомнимъ, братцы, съ сожалѣньемъ
Командира своего,
Какъ съ великимъ огорченьемъ
Мы лишился его.

Вспомнимъ тотъ набѣгъ печальный,
Гдѣ насъ *недругъ* ****) съ огнемъ встрѣчалъ,

*) Въ брошюрѣ: одинъ, стр. 11.

Ред.

***) Въ брошюрѣ (стр. 11) пѣсня озаглавлена: „На взятіе аула Алханъ-урта—генералу Слѣпцову“.

Ред.

****) Въ брошюрѣ (стр. 12—14) пѣсня озаглавлена: „На смерть генерала Слѣпцова въ Гихахъ въ 1851 г. 10 декабря“. Рѣка Гехи, правый притокъ Суажи, вытекаетъ изъ котловины, расположенной между Пестрыми и Черными горами, и течетъ по средней части Малой Чечни. „Чечня и чеченцы“ Берже, стр. 13; „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 51.

Ред.

*****) Въ брошюрѣ: на вступѣ (стр. 12)—выраженіе странное и совсѣмъ непонятное. Нашъ собиратель, очевидно, принялъ его за искаженіе оригинальнаго выраженія и не безъ основанія (текстъ) замѣнилъ словами *насъ недругъ*, пренебрегалъ происшедшемъ при этой замѣнѣ растянutosью стиха. Намъ кажется, что въ цитируемомъ мѣстѣ пѣсни первоначально былъ неологизмъ *стругъ*, однокоренной со *стеречь*, *сторожить*, *подстергать*, *стеречь*, *стража* („Толков. слов. жив

А *Слѣпцовъ*, герой похвальный,
Грудью пулю повстрѣчалъ.
Мы съ нимъ были на вершинахъ,
На свѣгу Кавказскихъ горъ,
И въ ущельяхъ, и въ стремнинахъ,
Тамъ, гдѣ царствуетъ раздоръ,
Гдѣ раздоръ таясь адомъ *)—
Враги въ гнѣдахъ вѣковныхъ;
Мы сражались съ народомъ
Горъ Кавказа свѣговныхъ.
И въ *Арштанъ-горахъ* **) гуляли
Меньше, чѣмъ какъ въ полчаса,
И *тавлинецовъ* ***) расщелкали, —
Про то знаютъ небеса.
Всѣ *ингуши* ****) его знаютъ:

великор. яз., Далл. Ч. IV, стр. 294 и 295). При такомъ значеніи данного выраженія, стихъ: „Гдѣ насъ стружъ съ огнемъ встрѣчалъ“ даетъ правдивую характеристику чеченцевъ, которые небольшими партіями и даже общей массой, подъ предводительствомъ Шамхала и его наиковъ, не вели правильной войны, а всегда дѣйствовали *скрытно, воровски, подстергая* наши отдѣльные отряды въ ущельяхъ и балкахъ, въ гѣсахъ и горахъ. Сравни. „Русск. Стар.“ 1879 г., июль, стр. 480—484. Ред.

*) Между аулами разныхъ чеченскихъ племенъ издавна происходили по-настоящему споры, оканчивавшіеся нередко кровопролитіемъ. Исконной причиной раздоровъ было то, что воинственное и безпокойное племя чеченцевъ нигдѣ уже въ своемъ характерѣ начала племенной разрозненности. „Чечня и чеченцы“, стр. 185—186. Ред.

**) Лѣсная гора *Аршти-кортъ* таятся между нижнимъ теченіемъ рр. Фарганги и Ассы, въ Малой Чечнѣ. Тамъ же, стр. 12—13, 85 и карта. Ред.

***) *Тавлинцы* (тау—гора)—одного племени съ чеченцами, жили въ описанное время въ горахъ, на верховьяхъ рр. Аргуна и Хулхулау. Тамъ же, стр. 184. Ред.

****) *Ингуши* принадлежатъ также къ чеченскому племени и, по всему вѣроятію, получили свое имя отъ долины Ангунтъ (Тарской), на ю.-в. отъ Владикавказа. Выселившиеся изъ горъ невѣстною когда, они постепенно спустились ниже къ Сунжѣ и Камбизеевкѣ и въ 50 годахъ текущаго столѣтія занимали верхнюю часть бассейна Сунжи. Объ ингушахъ см. почтенный трудъ Н. Ф. Грабовскаго въ IX Вып. „Кавк. Сборн.“, на стр. 1—111 (1874); также въ „Сборн. свѣдѣній о Терской области“, на стр. 276—290, отрывки изъ статьи Чаха Ахрѣева, помѣщающейся въ „Терск. Вѣдом.“ за 1871 годъ. Ред.

Быль не разъ у нихъ въ гостяхъ,
О сю пору вспоминають
О завалахъ и лѣсахъ *).
Но нигдѣ такъ не теряли
Мы начальника-отца,
Всѣ обратно прѣѣзжали,
Каждый съ виду молодца.

Повстрѣчалъ Слѣпцовъ нашъ пулю
Грудью храброю своей;
Азіатъ же поймалъ дулю—
Ему сдѣланъ мавзолей.
Какъ на бурву уложили,
Онъ едва уже дышалъ;
Но, собравъ послѣдніи силы,
Свою волю завѣщалъ.

— „Эй, ребята, не робейте!
Одна пуля здѣсь въ груди,
Вы враговъ этихъ добейте,
Я повуда впереди!“

Лишь сказалъ—мы закричали
Разомъ громбое ура,
И отъ шашекъ запищали
Силы грозныя врага.

Вдругъ врага какъ не бывало,
Но Слѣпцовъ нашъ мертвъ сидѣлъ:

*) Вышій намѣстникъ Кавказа и главнокомандующій, кн. М. С. Воронцовъ, былъ весьма высокаго мѣνια о „смѣлости и распорядительности“ г.-м. Слѣпцова въ его экспедиціяхъ противъ горцевъ. Въ письмѣ его къ князю В. О. Бебутову изъ Кисловодска, отъ 26 августа 1850 г., между прочимъ, читаемъ объ одномъ изъ имѣющихся въ виду въ нашей пѣснѣ подвиговъ Слѣпцова: „Начинаю съ того, чтобы сообщить вамъ о прекрасномъ дѣлѣ (занятіе Шалинскаго укрѣпленія 22 августа 1850 г.), которымъ вновь отличился сузженскій нашъ герой Слѣпцовъ. Дѣло это тѣмъ болѣе драгацинно, что оно будетъ имѣть большой моральный эффектъ къ нашу пользу и противъ Шамилля“. „Русск. Стар.“ 1873 г., май, стр. 692. Сравни. тамъ же, на стр. 692—693, письмо самого Слѣпцова къ г.-м. В. М. Козловскому, временно командовавшему тогда 20 пѣхотной дивизіей.

Пуля злая жизнь отняла,
Онъ на насъ ужъ не глядѣлъ.
Вся узнала о томъ Сунжа,
И заплакали берега:
— „Кому жъ буду теперь нужна
Я, несчастная вдова!“ ...
Ты не плачь, рѣка родная,
Не тревожь берега младцовъ—
Предимировъ *) намъ вѣщаетъ:
„Не въ постели смежь Слѣпцовъ“.
Тутъ мы мѣльнемъ положили,
Чтобъ на Сунжѣ схоронить **);
Слезы горькія излили;
Воротились враговъ бить.
Если кто, дружка, не будетъ
Его вѣчно поминать,
Тотъ потомству позабудеть
О немъ память передать.
Онъ начальникъ былъ нашъ славный;
Съ нашимъ сунженскимъ полкомъ
Твердо защищалъ Державу ***)
Съ каждымъ храбрымъ баскомъ.
Мы Слѣпцова не забыли:
Намъ—ничто враговъ нора;
Всегда ужасъ наводила
На враговъ своимъ ура.

*) Сподвижникъ Слѣпцова, принявшій послѣ его смерти командованіе надъ сунженскимъ полкомъ. *Собир.*

***) Слѣпцовъ погребенъ на слѣпцовскомъ станячномъ кладбищѣ, и могила его украшена памятникомъ (*мавзолей*). „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. V Отд. I, стр. 174. *Ред.*

***) Въ память достославной службы убитого въ дѣлѣ съ горцами въ 1851 г. г.-м. Слѣпцова Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣлъ именовать станцію Сунженскую „Слѣпцовскою“. „Чечня и чеченцы“, стр. 20. 6; „Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк.“ Вып. V. Отд. I, стр. 172. *Ред.*

(Тоже *).

15) — „Что ты, сунженецъ, не весель,

Беззаботный сорванецъ,

Что ты буйную повѣсилъ?

Или пусть твой гаманецъ?

Аль сердечная кручина

Завелася у тебя,

Иль извѣстница—дѣвчина

Въ часъ условный не пришла?

Или ты воя лишился

Въ прошломъ жаркомъ бою,

Или съ братомъ распростился

Въ басурманскомъ краю?*

— „Это горе—намъ не горе:

Не привыкли мы такъ жить,

Чтобъ по вѣтренной дѣвченѣ

Сокрушаться и тужить.

И потеря близкихъ кровныхъ

Такъ не тронула бы насъ:

Въ схваткахъ жарихъ и кровавыхъ

Мы теряли ихъ не разъ.

Съ смертью мы давно сроднились:

Шли на вѣрную не разъ,

Пули, шапки и кинжалы

Были шуткою для насъ **).

И, Орелъ нашъ славный, гордый,

Ты куда не залеталъ,

Изъ какихъ ущелій темныхъ

Ты враговъ не выгонялъ?

И какая неприступность

Насъ могла остановить,

*) Въ брошюрѣ иѣсна напечатана на стр. 14 и 15.

**) Сравн. въ бытовомъ отроменціи № 6, на стр. 75 и 76 (выше).

Когда нашъ побѣдоносецъ
Впередѣ всегда летитъ?
И врагамъ своимъ мы мстили
За ихъ старыя грѣхи;
Со сторицей отплатили,
Когда брали мы Гехи *).
Онъ орломъ предъ нами мчался,
Самъ вездѣ онъ успѣвалъ;
Съ пашкой онъ въ толпы вѣдался
И дружину поощралъ.
Изъ завала поразила
Пуля мѣткая его,
Наше счастье скоронила,
Жизнь отнявши отъ него.
Хоть врагамъ мы отплатили—
Ихъ прогнали далеко,
Но потеря командира
Въ грудь запала глубоко.
Его друзья несли на буржѣ,
Онъ едва уже дышалъ,
И, собравъ послѣднѣ силы,
Свою волю завѣщалъ.
Потомъ съ горестью простился
Съ полкомъ сунженскимъ своимъ,
Душой къ Богу обратился,
И расстался мы съ нимъ.
Храбро, весело, отважно
Было съ нимъ всегда служить;
Чтобы имени *Смѣцова*
Намъ вовѣкъ не позабыть!
Какъ же, братцы, намъ не плакать,

*) Мѣстность на берегахъ р. Гехи, въ Чечнѣ, гдѣ былъ убитъ Слѣпцовъ
(смъ выше п. № 14).

Какъ намъ горько не тужить?
Отца, друга, командира
Кто намъ можетъ замѣнить?
Такъ помолимся же, братцы,
Чтобы Царь и Воронцовъ,
Въ память храбраго Слѣпцова,
Не забылъ насъ, сунженцовъ.

И завѣтъ мы свой исполнимъ,
„Съ *Предимировымъ* впередъ!“
Слова Батюшки мы вспомнимъ,
И передъ нами все падеть.

Воспоминаніе о Слѣпцовѣ *)).

16) Вспомнимъ, братцы, мы бывшее,
Что, какъ сладкій сонъ, прошло,
Жизнь-раздолье удалое,
Наше время золотое.

Дружно грянемъ про *Слѣпцова*,
Память храбраго почтимъ
И минуты наслажденья
Хоть на мигъ мы возвратимъ!
Какъ съ нимъ жили и служили,
Веселились въ доброй часъ,
Непріятеля какъ били,
И какъ жаловалъ онъ насъ.

Бывало праздничекъ подходитъ—
Съ нетерпѣньемъ каждый ждетъ,
И на площадь къ его дому
Погулять тогда идетъ.

Джигитовъ шайка удалая
Вдоль по улицѣ **) летитъ,

*) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 19—21.

**) Въ брошюрѣ: по площади, стр. 20.

Будто въ бою вызывая,

Она скачетъ и гичить.

И мальчишки со значками

Свою пушку привезли

И нестройными толпами

Ужъ чеченку завели *).

Онъ выходитъ съ яснымъ взоромъ,

Съ свѣтлымъ, радостнымъ челомъ,

И вездѣ между народомъ

Пролетаетъ соколомъ.

Всѣхъ ласкаетъ, угощаетъ,

Веселится, проситъ всѣхъ,

И какъ утро—насъ встрѣчаетъ

Средь гулянья и утѣхъ.

Аль бывало-мѣсяцъ ясный

Только на небо ввойдетъ,

Онъ воздушною тропинкой

Смѣло въ набѣгъ насъ ведетъ.

И лишь только-что зарница

На востокѣ заблестить,

Передъ нимъ аулъ, какъ львица,

Въ своемъ логовищѣ спить.

Иль, какъ туча громовая,

Черезъ горы и скалы

Рынетъ шайка удалая

Во всѣ вражія норы.

Нѣтъ нигдѣ врагамъ спасенья,

Вездѣ рѣжутъ, жгутъ и бьютъ,

И поклонники Аллаха

*) Ясный намекъ на дѣтскую игру, бывшую въ старину у казаковъ. Дѣти дѣлились на двѣ враждебныя партіи: „своихъ“ и „чужихъ“ (непріатели) и дѣлали одна на другую нападенія. Упоминаемая здѣсь чеченка—маленькая пушка; она удѣляла до настоящаго времени и хранится въ Слѣпцовскомъ станичномъ училищѣ. (Собир.). Сравни. „Русск. Стар.“ 1873 г., май, стр. 694.

Къ намъ съ покорностью идутъ.
И съ богатою добычей
Возвращался онъ домой,
Удальцамъ своимъ награды
Сыпалъ щедрою рукой.

Дома встрѣча ужъ готова:
Вся станица—у воротъ;
Для наѣздника лихого
Общество хлѣбъ-соль несетъ.

Тутъ отцамъ благодаренье
За ихъ дѣтоѣ отдавалъ,
А сиротъ *послѣ* (оставшихся п.) убитыхъ
Тутъ же щедро награждалъ.

Вотъ опять пошла пирушка—
Мы гуляемъ до утра,
Воронцову и Слѣпцову
Кричимъ громкое ура.

Тавъ, чтобъ быть его достойнымъ,
Мы не будемъ унывать,
Склавши руки и на печкѣ
Мы не станемъ смерти ждать.

Нѣтъ, въ бою съ врагами, въ сѣчѣ,
Съ острой пашкою въ рукѣ,
Мы достойны будемъ встрѣчи
Тамъ, на Божьемъ съ нимъ судѣ!

*На назначеніе Предиминова командиромъ въ сунженскій полкъ *)*.

17) Вѣсть по Сунжѣ разнеслася—
Отъ Царя пришелъ привазъ:
Командиромъ назначаютъ
Предиминова у насъ.

*) См. выше, на стр. 101, примѣч. 1. Пѣсня напечатана въ брошюрѣ, на стр. 16 и 17. *Ред.*

Будемъ жить, не тушить
Да Царя благодарить
*(Притвъ послъ каждыъ 4 стиховъ; далье
онъ измѣняется).*

Слава Богу, мы сказали,
Разомъ всё перекрестясь:
Вотъ теперъ мы не пропали,
И Богъ милостивъ до насъ!
Всё на площадь собралися
Удалые казаки,
И туда же приплелся
Наши жены и дѣвки *).
Скоро „смирно“ раздалося—
Предимировъ нашъ идетъ.
— „Здравствуй, хлопцы!“ и собранью
Всёмъ онъ честь тутъ отдасть
И, взмахнувъ ко всёмъ рукою,
Честный людъ чтобъ не зваль,
Всему нашему собранью
Молча слушать приказалъ.
— „Я по волѣ Государя—
Да хранить Его Господь!—
Назначаюсь командиромъ
Въ храбрый сунженскій вашъ полкъ.
Восемь лѣтъ уже на Сунжѣ
Съ вами, други, я служу
И горжусь я вашей службой,
Люблю васъ и доважу.
Всёмъ готовъ вамъ (съ вами) подѣлиться,
Государь чѣмъ наградить,
Жизней, славой и богатствомъ,
И чѣмъ Богъ благословить.

*) Въ брошюрѣ: Жены, бабы и дѣвки, стр. 16.

У меня есть и просьба къ вамъ,
Я и требую отъ васъ,
Чтобы весело и вѣрно
Исполняли мой приказъ,
Враговъ бить, не щадить,
И я буду васъ любить. (*Притѣсь*).

Ротозѣями не ѣдять
Въ поле, въ лѣсъ и на гумно,
Чтобъ кремешекъ — безъ осѣчки,
И ружье заряжено.

Враговъ бить, не щадить,
И я буду васъ любить.
Живымъ въ руки не даваться:
Трусу — стыдъ и срамъ всегда,
Но съ врагами на смерть драться,
Не жалѣя живота.

Враговъ бить, не щадить,
И я буду васъ любить.

У меня еще есть просьба, —
Васъ прошу я исполнять,
(А нето *) , смотри, ребята,
На меня ужъ не пенять —

Враговъ бить, не щадить,
Нето больно буду бить.
Съ азіатомъ не якшаться,
Сдѣлокъ, дружбы не водить
И въ обманъ имъ не даваться:
Волею всегда, вѣдь, въ лѣсъ глядить.

Враговъ бить, не щадить,
Нето больно буду бить.

А нето, Богомъ влянуся,
Никого не пощажу,

*) Въ рукописи: Но тогда.

Разстрѣлять или повѣсить
Я злодѣя прикажу *).

Тише жить, не шалить,
И я буду васъ любить.
А покуда, что тамъ будетъ,
Нате, хлопцы, денегъ вамъ,
Водку пейте на здоровье,
Да слушайте молодцомъ.

Будемъ жить, не тушить
Да Царя благодарить“.

*На прїездъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича въ станицу Слѣповскую въ 1850 году **).*

Съ краевъ полуночи на полдень далекій
Могучій Державный Орель прилетѣлъ,
Окинувъ орлинымъ прозорливымъ окомъ
Широкаго царства далекій предѣлъ.
Раздолья степныя, снѣжныя вершины,
Покорнаго края границы зубцовъ
Измѣривъ въ полетѣ, слетѣлъ на долину—
На влики привѣта своихъ соколовъ.
Тебя мы, Державный, давно ожидали,
Желали орлиный Твой взоръ увидать,
Отъ коршуновъ хищныхъ поля очищали,
Чтобъ было просторно Тебя принимать.
И, славясь Тобою, мы лавры добыли,
На вражемъ порогѣ ставъ твердой стопой,

*) О сближеніи казаковъ съ чеченцами см. выше, на стр. 92—93, примѣч. 3. Бывали верѣдки случаи даже перехода русскихъ на службу къ Шамилю. Кн. Воронцовъ предписывалъ кн. Вебутову нѣкоторыхъ (для примѣра) изъ такихъ наемниковъ, попавшихся въ плѣнъ, „судить по полемому уложенію“. „Русск. Стар.“ 1873 г., январь, стр. 104 и 106. *Ред.*

**) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 10. Въ числѣ станицъ, осмотрѣнныхъ покойнымъ Государемъ при проѣздѣ въ 1850 году по сѣверному Кавказу, въ письмѣ объ этомъ кн. Воронцова къ кн. Вебутову станица Слѣповская не названа. „Русск. Стар.“ 1873 г., май, стр. 693—694. *Ред.*

И славы избытокъ своей подѣлили
За новое имя съ безыстной струей (?) *).
И съ силою новой, подъ сѣнью надежной
Хоругви отчизны и власти Твоей,
Мы двинемъ далеко предѣлъ порубежной
И твердою грудью заслонимъ своей.
Да здравствуй на славу Руси православной,
На радость, на счастье своихъ соколовъ!
Прими, Атаманъ нашъ могучій, Державный,
Сердечные клики дѣтей-казаковъ!
Ура! Ура! Великому Царю,
Ура! Ура! Тебѣ Богатырю,
Ура! надежда славныхъ дней,
Ура! и всей Семѣ Твоей!

(Привѣтъ ему же **).

19) Тебя мы ждали круглый годъ
И ждали съ сильнымъ нетерпѣніемъ.
Такъ сынъ отца къ себѣ не ждетъ,
Съ такимъ не встрѣтитъ восхищеньемъ,
И такъ невѣста не страдаетъ
Въ разлуку съ милымъ женихомъ,
Какъ бѣдный полкъ нашъ унижаетъ
И сирѣ въ отсутствіи Твоемъ.
Тебя не ждутъ такъ въ цѣломъ войскѣ,
И Ты никѣмъ такъ не любимъ,
Тебя мы примемъ здѣсь по-свойски
И хлѣбомъ-солью угостимъ.
Скажи, безцѣнный Атаманъ,
Скажи отрадное намъ слово—

*) Сравни примѣч. 3, на стр. 101.

**) Въ брошюрѣ (стр. 29) гдѣсь озаглавлена: „Привѣтъ Августайшему
Атаману Насладнику Цесаревичу“.

Ред.

Ред.

И мы всё вспыхнемъ, какъ вулканъ:
Врагамъ гостинцы ужъ готовы.
За вѣру, честь въ бою съ врагами
Мы станемъ грудю своей,
Готовы сдѣлать жонъ вдовами
И встрѣтить тысячу смертей.
Прости (Ты) насъ, — мы не поэты,
Стиховъ нѣтъ время сочинять:
У насъ всё чувства такъ согрѣты,
Что все бь хотѣлось воевать.

*Привѣтъ Его Императорскому Высочеству На-
сильднику Цесаревичу, по вступленіи Его на престолъ
въ 1855 году *).*

20) Вѣнценосецъ нашъ Державный,
Мы спѣшимъ къ Тебѣ съ мольбой
И къ престолу предковъ славныхъ
Всѣ съ покорной головой.
Прими наше приношенье
Отъ сердець, полныхъ огня,
Любви, вѣры и надежды
Къ Дому Бѣлаго Царя!
Прими нашу благодарность
За довѣренность Твою,
И мы славно оправдаемъ
Съ непріателемъ въ бою.
Молимъ въ трудную годину
Нашей родины святой:
Да хранить Тебя Создатель
Подъ десницею Своей,

*) Въ брошюрѣ, стр. 22—23.

И поможетъ со врагами
Расчитаться, какъ и встарь,
Чтобъ не смѣли спорить съ нами,
Православный Государь,
 Чтобы этихъ сумасбродовъ
 Громъ небесный поразилъ,
 Всѣ ихъ козни, вольнобуйство
 Вмѣстѣ съ ними сокрушилъ!
Повели—мы всѣ готовы
Лечь за родину костью
И по-русски расчитаться
Намъ съ незванными гостями.
 Смѣло, дружно, съ вѣрой въ Бога
 На враговъ своихъ пойдемъ
 И мы жизни достоянья
 Въ даръ отчизнѣ принесемъ.
Пусть узнаютъ супостаты,
Каково насъ задѣвать,
(Вѣдь *) кавказскіе ребята
Любятъ лихо пощипать.
 И въ награду за усердые
 Нашу Сунжу посѣти,
 Да съ Собою Атамана
 Молодого привези.
Пусть *сунженцевъ* **) Онъ узнаетъ
Закаленные сердца,
И что пылею обожаютъ
Также же Сына, какъ Отца.

*) Въ брошюрѣ: Но, стр. 23.

**) Въ брошюрѣ: ливейцевъ, стр. 23.

Генералу Фези *).

21) Горе намъ! Фези въ намъ
Съ войскомъ стремится.
Гдѣ бы намъ, какъ бы намъ,
Братцы, укрыться!

Де-ла-лай, де-ла-лай,
Де-ла-лай, де-ла-лай! **)
Гдѣ бы намъ, какъ бы намъ,
Братцы, укрыться!

(Прійтъвъ послѣ каждаго четверстишия).

Мы—въ горы, мы—въ лѣса—
Онъ всюду за нами;
Бьютъ насъ и рубятъ насъ,
Колкутъ штыками.

Прежде же, какъ Фези
Къ намъ не являлся,
Къ намъ прійти, насъ найти
Русскій боялся.

Къ намъ пришла, насъ нашла
Грозная сила;
Отъ нея можетъ скрыть
Лишь одна могила.

Свотъ гонять, въ плѣнъ берутъ,
Палятъ селенья;
Отъ нея—стонъ и плачь,
Нѣтъ намъ избавленья ***).

*) Пѣсня переведена съ татарской казакомъ ст. Слѣпиковской, П. Градчикова (Собир.), напечатана въ брошюрѣ на стр. 80. Ред.

**) Повторяющееся выраженіе *де-ла-лай* необычно въ русскомъ пѣсенномъ языкѣ и напоминаетъ собою тѣ односложные звуки прійтъвовъ (га-га-га, гой-гой и хол.), которыми въ чеченскихъ пѣсняхъ хоръ монотонно сопровождаетъ пѣніе каждаго кушета, исполняемое обыкновенно однимъ пѣвцомъ—мужчиной или женщиной. „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 258. Ред.

***) Для усмиренія матежа, охватившаго въ 1886—87 г. западную (Малу) и

Де-ла-лай, де-ла-лай,
Де-ла-лай, де-ла-лай!
Гдѣ бы намъ, какъ бы намъ,
Братцы, укрыться!

Привѣтъ князю М. С. Воронцову *).

22) Ура, Бяязь Воронцовъ!

Ура! мы дѣти твои,

Привѣтствуемъ тебя:

Ура, ура, ура!

(Привѣтъ повторяется послѣ каждыя 4 стиховъ).

восточную (Большую) Чечню и Дагестанъ, и для примѣрнаго наказанія фанатиковъ-подстрекателей совершенъ былъ рядъ экспедицій подъ главнымъ начальствомъ г.-м. Фезе. Фанатизмъ горцевъ, полстреваемыхъ перспективой свободы, достигалъ въ это время крайней степени напряженія: каждый аулъ, каждая рѣчка, ущелье, даже скала, дерево отстаивались ими съ отчаяннымъ мужествомъ, до послѣдней возможности. Русскій солдатъ, въ свою очередь, подъ вліяніемъ природы, службы и образа веденія войны на Кавказѣ развившій въ себѣ „духъ самостоятельной, личной храбрости“ („Кавказскій Сборникъ“ т. I, стр. 374—380) и предводительствуемый въ данномъ случаѣ храбрымъ и опытнымъ генераломъ, показалъ свою неустрашимость и удалъ, особенно въ рукопашномъ бою (штыкомъ). При такихъ условіяхъ экспедиціи отличались необычайно кровавымъ и опустошительнымъ характеромъ. Солдаты не щадили никого и ничего: аулы и цѣлыя хутора безпощадно предавали огню и мечу, запасныя хлѣба и сѣна, скрываемыя горцами въ глуши дремучихъ лѣсовъ, захватывали на нужды походовъ, лошадей и рогатый скотъ (коровъ, овецъ, козъ) угоняли цѣлыми тысячами головъ, имущество или захватывали въ добычу, или уничтожали; горцы, охваченные паническимъ страхомъ, укрывались въ горахъ и лѣсахъ и не находили вѣрнаго убѣжища. „Истинная доблесть (русскихъ) войскъ, сражавшихся (тогда) одинъ противъ четырехъ, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ лѣтописи кавказской войны“. „Кавказскій Сборникъ“ т. VIII (1884 г.), стр. 7—86, 164—166, 200—230. *Ред.*

*) Въ брошюрѣ: „Привѣтъ князю М. С. Воронцову, бывшему командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса“, стр. 4. Для водворенія благоустройства на Кавказѣ и для противоудѣствія Шамлю Госудагъ Императоръ Николай Павловичъ призналъ необходимымъ соединить военную и гражданскую власти въ однихъ рукахъ и съ этою цѣлью назначилъ въ декабрѣ 1844 г. графа Воронцова Намѣстникомъ Кавказа, съ неограниченнымъ полномочіемъ, и главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. „Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ“, П. Надеждина. Спб. 1869 г., стр. 397. *Ред.*

Вотъ мы дожили до счастья,
Видимъ вновь опять тебя,
Отъ душевнаго восторга
Прокричимъ опять: ура!
Какъ расадникъ плодоносный,
Насъ на *Сунжъ* населилъ *)
И своею добротою
Нашу почву наполнилъ.

Какъ отецъ чадолюбивый
Свое милое дитя,
Нелѣнливо и съ любовью
Посѣщаетъ (sic) насъ всегда.
Такъ прійди и полюбуйся
На плоды своихъ трудовъ,
На богатство и на счастье
Тебя любящихъ сыновъ!

И мы будемъ все молиться,
Чтобъ *намѣстникъ Воронцовъ*
Любилъ храбраго *Смтцова*
И прожилъ бы вѣкъ-вѣковъ.
Ура, Князь Воронцовъ!
Ура! мы дѣти твои,
Привѣтствуемъ тебя:
Ура, ура, ура!

*Бой за р. Арцуномъ **).*

23) Эй, сунженцы-молодцы,
Вспомнимъ, какъ недавно,
Разудалые бойцы,
Мы дралися славно

*) См. выше, на стр. 95, п. № 12 и примѣчаніе (3) къ ней. *Ред.*

***) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 18. *Ред.*

За *Аргуномъ* *)—за рѣкой,
 Въ сторонѣ чеченской.
 Мирно двинулся нашъ строй
 Въ свѣтлый день *Крещенскій* **).

То-то славный былъ денекъ!

А второй былъ краше:
Астуры и *Гельдиги* ***)

Взяты грудью нашей.

Бой былъ страшень, но для насъ

То была потѣха:

Мы дрались цѣлый часъ—

Скоро и съ успѣхомъ.

Смотритъ князь нашъ *Воронцовъ*,

На конѣ предъ строемъ

Ободряетъ молодцовъ,

Дѣйствуетъ героемъ.

Князь *Барятинскій* насъ велъ,

Крюковской былъ съ нами,—

На чеченцевъ страхъ нашель,

Дрогнули сердцами.

Задрожалъ *Шамиль*, уныль

И рванулся къ бою;

*) *Аргунъ*—главный правый притокъ Сулжи. Объ этой рѣкѣ см. въ „Сборникѣ свѣдѣній о Терской области“ стр. 51 и въ трудѣ Берже „Чечня и чеченцы“ стр. 14—15. О походѣ за Аргуль см. п. № 5 въ „Сб. матер. для опис. мѣсти. и пл. Кавк.“ Вып. III Отд. II, стр. 95; также Вып. VII. Отд. I, на стр. 100—101 пѣсню № 5. Ред.

**) Экспедиція была совершена зимою 1852 г., въ январь и февраль. „Русская Старина“ 1879 г., июнь, стр. 317 и далѣе. Ред.

***) *Астуры* (Астуръ) и *Гельдиги* (Гельда(и)генъ)--аулы въ южной, нагорной, части Большой Чечни, въ пяти верстахъ одинъ отъ другого. „Чечня и чеченцы“, стр. 28 и 80; „Кавк. Сборн.“ 1887 г., т. XI, стр. 298. Занятіе этихъ двухъ ауловъ имѣло особенную важность, такъ-какъ они принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ и населенныхъ ауловъ Большой Чечни, и такъ-какъ въ нихъ находились орудія и склады продовольствія для разныхъ обществъ, собранныхъ Шамилемъ для защиты Б. Чечни. „Русск. Стар.“ 1879 г., июнь, стр. 318 и 319. Ред.

Видитъ—плохо, но палитъ
Съ буйной головою.

Всѣ бѣжать, Шамиль бѣжить
Отъ большого страху.
Говорятъ, плакалъ Шамиль,
Рвалъ свою папаху.

Вмигъ винтовку онъ схватилъ,
Князю въ грудь направилъ,
Пуль четыре отпустилъ,
Не попалъ, оставилъ *).

*Пѣсня терцевъ про Аргунъ **).*

24) Братцы-терцы, намъ не трудно
Про Аргунъ пѣсню сложить,
Можно скоро и не худо
Намъ побѣду подтвердить.

Славно, ребята, славно, терцы!
Браво, браво! молодцы!

(Припѣвъ послѣ каждою четверостишія).

Тамъ Шамиль, не успѣвая
Въ своихъ дѣйствіяхъ у насъ,
Устрашалъ, намъ угрожая
Непредвидимо напасть.

Посылалъ изъ толпы горцевъ
Онъ, во *Тавлію* пославъ,
Чтобъ спѣшили всѣ собраться—
Начать съ русскими бой вновь.

*) Захватъ и сожженіе указанныхъ ауловъ, преслѣдованіе непріятелей (чеченцевъ, тавлинцевъ и др. горцевъ), густыми толпами бѣжавшихъ въ ближайшее ущелье для занятія входа въ него, гдѣ въ Шамиля, въ бѣшенствѣ приказывавшаго намъ настоячиво преслѣдовать нашихъ своей артиллеріей, подробно и живо описаны въ „Русск. Стар.“ 1879 г., июль, на стр. 319 и 320. *Ред.*

**) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 27—29. *Ред.*

Какъ услышали тавлинцы,
Съ горъ они всё поднялись,
Чтобъ подать помощь чеченцамъ,
Въ *Кременчукъ* *) всё собрались.
Застоналъ лёсъ ичкеринскій
И Аргуна берега.
Наша помощь—Царь Небесный;
Не страшились мы врага.
Уздени межъ пней валялись,
Два наиба пали тамъ:
Съ горъ упорно всё старались
Не отдать поляну намъ.
Ичкеринскій *Мартузали* **)
Былъ первѣйшій ихъ наибъ;
Паль отъ русской артиллерьи,
Въ пухъ разбитый, онъ погибъ;
И другой наибъ подобный,
Павши, закричалъ: „Алла!“
Отдалъ въ жертву духъ свой злобный,
Несмотря, что былъ мулла.
Предводитель былъ ливейцевъ
Самъ *Крюковскій*, нашъ герой;
Онъ чеченцевъ, будто зайцевъ,
Устрашалъ всюду собой;
На конѣ онъ, льву подобенъ,
Быстро, храбро разъявжалъ,
Съ жаркимъ, мужественнымъ взоромъ
Вдругъ колонны онъ леталъ.

*) *Кременчукъ*—безъ сомнѣнiя, искаженное Герменчукъ, аулъ на р. Джалкъ въ Большой Чечнѣ. „Чечня и чеченцы“, карта. *Ред.*

**) Имя упоминавшаго здѣсь наиба, повидимому, искажено: въ той же книгѣ Берже мы находимъ два чеченскiя аула Муртазали (названныхъ по именамъ своихъ представителей)—одинъ на р. Мартанѣ, въ Малой Чечнѣ (стр. 24), а другой между Джалкой и Хулхулау, въ Гольшой Чечнѣ (стр. 29). *Ред.*

Какъ увидѣлъ, удивился
Князь удалый *Воронцовъ*,
Видѣлъ храбрость—веселился,
Прокричать ура готовъ.
Самъ Монархъ благодаренью
Шлетъ за дивныя дѣла.
Остается намъ, линейцамъ,
Прокричать три разъ ура.
Охъ, да терцы, охъ, линейцы!
Вамъ ура, ура, ура!

*Бой подъ заваломъ. Генералу Круковскому *)*

25) Вдругъ ударилъ громъ изъ пушекъ—
Три дня сряду туманъ былъ—
Подъ *завалъ* мы подступили.
Генералъ *Круковский* былъ,
Генералъ нашъ знаменитый,
Любимъ въ арміи у насъ,
Орденами грудь покрыта **);
Отдаетъ такой приказъ:

*) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 12.

Ред.

**) Генералъ Феликсъ Антоновичъ Кру(о)ковский былъ изъ числа выдающихся, знаменитыхъ дѣятелей кавказской арміи: онъ приобрѣлъ себѣ почетное имя въ исторіи Кавказа не только какъ доблестный полководецъ во время борьбы съ Шамилемъ, но и въ мирное время, какъ добрый, честный и благородный человекъ и какъ заботливый наказный атаманъ. Рѣдко кто умѣлъ такъ поднять и поддерживать духъ казаковъ и ихъ офицеровъ и позаботиться объ улучшеніи ихъ положенія, какъ Круковский; зато рѣдко кто пользовался такою славой и общою любовью и уваженіемъ, какъ онъ. Смерть его необычайно поразила всѣхъ, особенно кн. Вярятинскаго, который плакалъ, „какъ ребенокъ“, сознавая всю важность потери. „Имя Круковского“ рядомъ съ именами Слѣпцова (см. выше, на стр. 91—106, н. № 9—16), кн. Аргутинскаго-Долгорукова, Веревкина, Нестерова и др. „остается незабвеннымъ среди казаковъ и перейдетъ изъ рода въ родъ“. „Терскіе казаки“ И. Полю. Вып I, стр. 511—512; „Русская Старина“ 1879 г., июль, стр. 322 и 324; „Кавк. Сборникъ“ т. XI (1887 г.), стр. 371 и 443.

Ред.

„Стройтесь вы, друзья, въ колонны
И варенъ формируй,
Разверни царскіѣ знамена
И по-русски атакуй!“

Тамъ, гдѣ горы, раздробляясь,
Стоятъ степенно въ вышинѣ,
Сунжа вмѣемъ извивалась
По лѣсамъ и по Чечнѣ.

Мы злодѣевъ всѣхъ столкнули
Изъ заваловъ, какъ шутовъ:
Половину порубили,
Остальныхъ загнали въ лѣсъ.

26) Убирайся, Шамиль, поскорѣе, *Круковского* берегись!
Какъ схватилъ Шамиль свою винтовку, князю (?) въ грудь
направилъ: пуль съ четыре отпустилъ, князя съ лошади не
сбилъ, съ пятой, братцы, какъ хватилъ, на сыру землю его
сбилъ *).

Князь на сырой землѣ лежалъ,
Громкимъ голосомъ вричалъ:
„Ужъ вы, слуги мои, братцы,
Вы, сунженцы-молодцы!
Не повиньте мое тѣло
На *поруку* подлецамъ,
Отнесите мое тѣло
Вы во вѣрпость *Мартанскіу* **),
Положите мое тѣло
Во гробницу дубову,

*) Стихъ всего начала пѣсни сильно поврежденъ, почему мы приводимъ его въ изложеніи, нисколько, впрочемъ, не измѣняя азбука рукописи. *Ред.*

**) Въ Малой Чечнѣ на р. Марталѣ, лѣвомъ протоцѣ Сунжи, въ 1848 г. было выстроено укрѣпленіе Урусъ-Мартанское на мѣстѣ бывшаго чеченскаго аула того же имени. „Чечня и чеченцы“, стр. 24 и 26. *Ред.*

Вы накройте мое тѣло
Бѣлымъ тонкимъ полотномъ!
Приведите, мои братцы,
Орудія съ лошадьми,
Вы поставьте, мои братцы,
Всѣ орудія въ одинъ рядъ,
Да ударьте, мои братцы,
Со всѣхъ пушекъ въ одинъ разъ!
Помяните вы, сунженцы,
Что я былъ вашъ *Крюковецъ*,
Ровно вашъ родной отецъ!“ *)

*Генералу Бакланову **).*

27) Честь прадедовъ-атамановъ,
Богатырь, боецъ лихой,
Здравствуй, храбрый нашъ Баклановъ,
Разудалый ты герой! ***)

Ты умѣлъ себя покрыть
Славой, честію завидной;
Про тебя и намъ не стыдно
Пѣсню громкую сложить.

Ты геройскими дѣлами

*) Ф. А. Кру(м)ковскій былъ убитъ чеченцами въ январѣ 1852 года, во время экспедиціи въ Большой Чечнѣ на хутора, скопившіеся на верховьяхъ рр. Гойты, Мартана, Ромни и Гехи переселенцами изъ Малой Чечни. Всѣ обстоятельства смерти Крюковского подробно выяснены въ „Русской Старинѣ“ за 1879 годъ, июнь, на стр. 318—323. Тѣло убитаго было отвезено въ ст. *Екатеринодарскую* (Пятигорскаго округа), гдѣ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, какъ командиръ горскаго полка, и было предано землѣ съ *подобавшей* честію *наказнаго атамана* (Тамъ-же стр. 324).

Пѣсня отличается чисто народнымъ, безскусственнымъ складомъ рѣчи.

Ред.

**) Пѣсня сложена въ воспоминаніе о геройской службѣ ген. Бакланова на *Сунжѣ* (въ брошюрѣ: на Кавказѣ, стр. 80. *Ред.*)

Собир.

***) Въ брошюрѣ листъ 31—32 вырванъ, и пѣсня прерывается на этомъ *стихѣ.*

Ред.

Славу дѣдовъ и отцовъ
Воскресилъ опять межъ нами;
Ты — казакъ изъ казаковъ!
Рой наѣздниковъ любимый,
Шашки, пива, вѣрный конь, —
Съ нами ты, неогранимый,
Мчишься въ воду и огонь.
Древней славы *Ермаковой*
Надъ тобою блещетъ лучъ *),
Бьешь споровкою *Платовой*
Ты, какъ соколъ изъ-за тучъ **).
Въ бой летишь на-пропалую,
Честь геройскую любя,
За Царя и Русь святую
Не жалѣешь самъ себя.
Бають, ты орломъ могучимъ
Рѣешь вольный по горамъ,
По кустамъ, тернамъ колючимъ
Лазилъ змѣемъ здѣсь и тамъ;
Сърымъ волкомъ въ полѣ рыщешь,

*) Въ пѣсняхъ Ермакъ характеризуется весьма симпатичными чертами, какъ народный герой и любимый въ своемъ „кругу“ атаманъ: онъ строгъ и самостоятеленъ, предприимчивъ и отваженъ въ отдаленныхъ походахъ, находчивъ и изворотливъ въ опасностяхъ и въ изысканіяхъ удобствъ жизни для своихъ молодыхъ-товарищей; обходительный и заботливый предводитель шайки „братцевъ-казачковъ“ и при всѣхъ превратностяхъ и воровствахъ вѣрный слуга Государя и отечества. Въ этихъ высокихъ качествахъ выразилась слава, которою Ермакъ пользуется въ народной памяти *издревле*. „Пѣсни Кирѣвскаго“, Вып. VI, стр. 25—54. *Ред.*

**) Въ историческихъ пѣсняхъ Платовъ часто рисуется скачущимъ яснымъ соколомъ по крутой горѣ на своемъ ворономъ конѣ и характеризуется весьма привлекательными чертами. Въ своихъ отношеніяхъ къ удалымъ казакамъ онъ простъ, обходителенъ и заботливъ, почему его молодцы „ни въ чемъ гора не знали“; въ походахъ онъ — храбрый, отважный и находчивый предводитель; врага онъ ловко умѣетъ провѣсти (*споровка*). Вообще среди казаковъ, благодарныхъ ему за казацкую честь и славу, Платовъ оставилъ по себѣ добрую память. Тамъ же, Вып. X, стр. 36—41, 51—82; сравн. также выше п. № 8, на стр. 88—90.

Ред.

Бродишь лѣтомъ по ночамъ
И себѣ ты славы ищешь,
И несешь ты смерть врагамъ;
Ходишь въ шапкѣ-невидимкѣ,
Въ скороходахъ-сапогахъ
И летишь на бурѣ-сивѣ,
Какъ колдунъ на облакахъ.
Свиснешь—листь съ деревъ валится,
Гаркнешь—вмигъ передъ тобой
Рать удалая родится,
Точно въ сказочѣь каковой.
Сытъ желѣзной просвирой,
Спишь на конскомъ *арчакѣ* *),
И за то прослылъ *грозою* **)
Ты на Сунжѣ-на рѣкѣ.
И за то тебѣ мы, воинъ,
Пѣсню громкую споемъ.
Ты—герой нашъ, ты достоинъ
Называться казакомъ ***).

*) *Арчакъ* (гагр.)—деревянный остовъ сѣдла. „Толков. слов. жив. великор. яз.“, Далъ. Ч. I, стр. 22. Ред.

**) „Своими рѣшительными дѣйствіями Баглановъ до того сдѣлался страшнѣе въ горахъ, что самые лучшіе предводители и наѣзники терались при его появленіи. Чеченки унимали своихъ плачущихъ дѣтей „Шайтаномъ Баглу“. „Русская Стар.“ 1884 г., сент., стр. 581, примѣч. 2. Ред.

***) Въ предлагаемой пѣснѣ ген. Я. П. Баглановъ идеализируется чертами сказочныхъ, былевыхъ и излюбленныхъ историческихъ героев. Въ „Русской Старинѣ“ за 1879 г. мы находимъ фактическія основанія для такой идеализаціи. Въ трудныхъ экскурсіяхъ 50-хъ годовъ въ Чечнѣ противъ горцевъ, предводительствуемыхъ Шамилемъ и его наибами, Баглановъ былъ незамѣнимымъ исполнителемъ военныхъ плановъ кн. Барятинскаго. Зная всѣ трудныя мѣстности Чечни не хуже любого чеченца, онъ, словно вѣщій оборотень, всегда быстро, хитро и успѣшно обходилъ ихъ по горамъ, лѣсамъ и оврагамъ, являясь неожиданно, какъ бы въ невидимкѣ или съ облаковъ, предъ врагомъ въ самой опасной для послѣдняго позиціи (іюль, ст. 420 и 421). Обладая удалью, *споровкой* Ермака и Шатова (см. выше примѣчанія объ этихъ герояхъ), онъ отважно, со свойственной ему смѣ-

Генералу Врангелю *).

28) Мы *Шамиля* обмотали,
Словомъ молвить, хоть куда,
И ауловъ много взяли,
А ужь савель—бездна, тьма!
Богу мы помолились,
Черезъ Сунжу перейдя,
На полянѣ очутились
Мы чуть свѣтъ и чуть заря.

Вотъ нашъ *Врангель*-генераль
Приказаль картечь пустить,
„Съ Богомъ, братцы!“ намъ сказалъ
И велѣлъ въ аулъ идти(ть).

Вмигъ опушку мы прошли,
На полянѣ очутились,
Тьму ауловъ ихъ нашли,
И на нихъ мы устремились.

Вѣдь онъ (*Шамиль*) ждалъ насъ на *Мортанку* **)—

лостью и стремительностью выполнялъ самыя трудныя экскурсія (іюнь, стр. 326, 329—332; іюль, стр. 418). Въ походной жизни онъ держалъ себя чрезвычайно просто: „на страхъ врагамъ развѣзжалъ въ овчинномъ тулупѣ и мохнатой папахѣ“ (іюль, 422), съ чѣмъ вполне гармонировали его простота въ пащѣ и ночлеги по пѣснѣ: „сидѣть желѣзной просвирой, спишь на конскомъ арчакѣ“ и чрезвычайно типичная наружность, напоминавшая „свирѣпаго кабана“ (См. портретъ его, исполненный съ натуры знаменитымъ художникомъ-профессоромъ М. О. Микѣшинимъ 7 мая 1873 г. „Русск. Стар.“ 1893 г., мартъ). Опозитивизированную характеристику Бакланова пѣсни объединяетъ самымъ почетнымъ для него именемъ „казакъ изъ казаковъ“, свидѣтельствующимъ о той популярности и любви, какими онъ пользовался среди казаковъ при жизни и пользуется до нынѣ въ народной памяти. Совершенно справедливо, поэтому, говорить въ своей замѣткѣ о Баклановѣ редакторъ „Русской Старины“ (1883 г., мартъ, стр. 713—717) слѣдующее: „Имя его перейдетъ къ потомству въ легендахъ и пѣсняхъ богатырей кавказскихъ, доколѣ будетъ живо воспоминаніе о подвигахъ русскаго воина“ (стр. 713). *Ред.*

*) Въ брошюрѣ: „Генералу Врангелю на разореніе Джалинкскаго аула“, стр. 21. Александръ Евстафьевичъ баронъ Врангель—сподвижникъ кн. Барятинскаго на лѣвомъ флангѣ кавказской арміи и преемникъ его по управленію флангомъ въ 1853 г. *Ред.*

**) *Мартан(ка)* и *Джалка*—правые протоки р. Сунжи. *Ред.*

Думалъ: *мы будемъ рубить* *),
Мы жъ явились на *Джалжу*,
Начали аулъ громить.

Поджидай насъ на *Мортангу!*
Мы успѣемъ погостить,
Да и такъ же, какъ на *Джалгѣ*,
Мы сумѣемъ разгромить.
Вотъ, братецъ нашъ *Шамиль*,
Врангель любить воевать:
Тѣму ауловъ разгромилъ,
А убитыхъ нѣту пять.

Ты же не взялъ *Исти-су* **)
И отправился назадъ,
Потерялъ народу тѣму.
Ты, братъ, пляшешь невпопадъ.
Наши русскіе, вѣдь, брали
Города всегда шутя,
Но ужъ взять твои *завалы*—
Для насъ, словомъ, *трынь-трава*.

*) Вѣковые дремучіе лѣса, которыми во многихъ мѣстахъ покрыта была Чечня, служили естественнымъ оплотомъ для враждебныхъ намъ туземцевъ. Въ виду этого, рубка лѣса для проведенія просѣкъ въ глубь непріятельской страны по особенно важнымъ стратегическимъ направленіямъ была одной изъ мѣръ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху русскаго оружія на с.-в. Кавказѣ. Впервые мысль дѣлать просѣки пришла, кажется, Ермолову; по крайней мѣрѣ, въ 20-хъ годахъ онъ сдѣлалъ первую просѣку въ Ханкальское ущелье. Кн. Воронцовымъ въ 40-хъ годахъ проведены были просѣки: гойтинская, гехинская, на Валерикѣ и далѣе. Кн. Барятинскій окончательно развилъ и особенно съ 1852 г. настойчиво преслѣдовалъ систему просѣкъ. „Кавк. Сборн.“ т. III, стр. 368 и 369; сравн. также въ „Русск. Стар.“ за 1884 г., сентябрь, стр. 577 и за 1889 г., мартъ, стр. 479—500; „Чечня и чеченцы“, стр. 14.

**) Исти-су (Горачеводскъ)—аулъ на р. того же имени, въ Б. Чечнѣ.

Ред.

*Бой подъ Назраномъ *)*.

29) Вспомнимъ, братцы, мы бывшее,
Какъ на Сунжѣ безъ воды
Мы стояли сутокъ трое,
Дожидалися орды.

Гремить слава трубой—
Мы дралися, врагъ, съ тобой—
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Раздалась слава объ насъ.

(Припѣвъ послѣ каждаго четверостишя).

Вдругъ *тридцатаго* іюня

Появились, какъ огонь.

Сотниѣ храбрый *Голяховскій*

Крикнулъ громко намъ: „на конь!“

Мы на коней посадились,
Вверхъ по Сунжѣ понеслись
И всѣ съ радостью дивились,
Что *Шамиля* дождались.

Знать, *Шамиль* уже овлился:

Онъ приходитъ *въ другой разъ* **)

И чуть изъ лѣсу явился

Къ намъ вторично на показъ.

Шель *Шамиль* въ намъ косогоромъ,

Онъ хотѣлъ пройти *Назрань* (sic),

И за эти его споры

Занялась у насъ съ нимъ брань.

Подъ горой они летѣли,

Наподобье саранчи;

*) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 25—27. *Назрань* укрѣпленіе въ р. Сунжѣ, въ 24 верстахъ отъ Владикавказа. Ред.

**) *Назрань* нѣсколько разъ подвергался нападеніямъ *Шамиля* и его сподвижника *Ахверди-Магоми*: въ 1852, 1856 и 1858 гг. „Русск. Старина“ 1879 г., іюль, стр. 429; 1889, іюнь, стр. 648. Ред.

Ихъ изъ пушекъ одолѣли
Канониры-хотачи *).

Они жадность возымѣли
И пошли къ намъ грудь на грудь;
Звать, они насъ битъ хотѣли,
Но сунженцы не дрогнуть.

Были горцы и моздоки

И кавказцы-ребенцы,

(И) драгунъ два эскадрона,

И сунженцы-молодцы,

Генераль Мищенко **) съ нами

По отряду разѣзжалъ,

Управлялъ всѣми дѣлами,

Молодцами называлъ.

Кривнулъ Мищенко героемъ

Ко сунженцамъ-молодцамъ:

„Станьте, братцы, передъ строемъ,

Отличитесь, молодцы!

Вы, бывало, въ прежню пору

Отличались не разъ;

Какъ на каменную гору,

Я надѣюся на васъ“.

По рѣчамъ такимъ Козловскій ***)

Кривнулъ: „сунженцы, впередъ!“

Тутъ нашъ храбрый Голяховскій

Въ руку сабельку беретъ,

*) Хвати.

Собир.

**) Мищенко былъ произведенъ въ генераль-майоры не ранѣе 1857 г. Сравн. „Русск. Стар.“ за 1889 г., мартъ, стр. 498, и май, стр. 358. На этомъ основаніи мы относимъ „Вой подъ Назраномъ“ данной пѣсни къ июню 1858, а не 1852 г., какъ можно было думать на основаніи „Русской Старини“ 1879 года, июль, стр. 428—429.

Ред.

***) О генер. Козловскомъ см. въ „Кавк. Сборн.“ т. III, стр. 362, 363, 369; XI, стр. 215; „Русск. Стар.“ 1884, сентябрь, стр. 580—581.

Ред.

Предъ дивизиономъ становился,
Наподобье сокола,
Въ рукопашный бой пустился,
Ровно быстрая стрѣла.

Вотъ прекрасная картина:
Одинъ шутку *отразилъ* *),
Какъ, догнавши двухъ *тавлиновъ* **),
Изъ головушки ***) срубилъ.

Мы не дали тутъ промашки:
Осмотрѣлся кругомъ,
Прямо бросились на шашки
И погнались за врагомъ.

Грудью двинули мы смѣло
На казацкое ура.
Не одинъ тогда крестъ бѣлый
Получили отъ Царя.

Два значка у нихъ отбили
И множество коней;
Мы тавлинъ живьемъ ловили
Рукой храброю своей.

Мы въ ущелье ихъ загнали
И начали отступать:
Уже слишкомъ опоздали,
Заря стала истухать.

Какъ мы въ крѣпость возвратились—
Крикъ ура здѣсь раздалось,
Только-что спать положились,
Тутъ сейчасъ же разсвѣлось.

Гремитъ слава трубой—

*) Выкинулъ.

**) Тавлинцы вмѣстѣ съ чеченцами составляли для Шамши наиболѣе важную силу.

***) Въ брошюрѣ: объѣмъ головы, стр. 27.

Собир.

Ред.

Ред.

Мы дралися, врагъ, съ тобой;
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Раздалась слава объ насъ.

*Шамиль подъ кр. Грозной *)*.

30) Среди бѣлаго дня
Взволновалася Чечня,
Круты горы проходили
И во *Грозной **)* подходили ***).

Между собой говорятъ:
„Какъ бы Грозную взять?
Порѣшимъ совѣтомъ мулъ—
Прямо бросимся въ аулъ“.

Какъ про это дѣло смѣтилъ
Князь *Барятинскій*-герой,
Не мирилъ онъ ихъ словами,
А повелъ только бровями,
Отдаетъ такой приказъ,
Чтобы дѣло кончить вразъ.
Скоро мы вооружились,
На коней своихъ сажались
И летѣли съ быстротой,
Гдѣ *Шамиль* стоялъ съ ордой.
Пули, ядра осыпали—
Мы же грудью вѣрно стали.

*) Въ брош. ильсы озаглавлена: „Замыселъ Шамилля взять крѣпость Грозную“ и напечатана на стр. 18—19. *Ред.*

**) Крѣпость Грозная заложена въ 1818 г. генераломъ Ермоловымъ на лѣвомъ берегу р. Сунжи; въ 1840 г. при ней образована станция поселеніемъ въ ней оставшихъ нижнихъ чиновъ, обращенныхъ въ 1848 г. въ казаковъ. Въ разгаръ военныхъ дѣйствій, съ тридцатыхъ годовъ, она служила мѣстопробиваніемъ начальника лѣваго фланга Кавказской линіи и сборнымъ пунктомъ отрядовъ, направлявшихся въ Чечню. „Чечня и чеченцы“, стр. 76; „Сборн. свѣд. о Терской области“, стр. 88. *Ред.*

***) По брошюрѣ каждое четверостишіе поется два раза. *Ред.*

„Не дадимъ и мы промашки,
Прямо бросимся на шашки!“
И исполнили каеъ разъ
Мы начальника приказъ:
Вразъ покончили съ врагомъ,
Только пыль пошла столбомъ,
Каеъ враги отъ насъ бѣжали
И въ дыму „Алла“ кричали;
И досталось имъ тогда,
Не забудутъ никогда.
Скачетъ князь нашъ предъ полвами,
Онъ доволенъ казавами.
Мы съ начальникомъ такимъ
Воевать всегда хотимъ;
За его лихи дѣла
Закричимъ смѣло: ура!

*На прїездъ князя Бяратинскаго въ ст. Слѣпцовскую *)*.

31) Сбылось всеобщее желанье:
Мы слышали приказъ,
Что ты, по царскому призыванью,—
Вождемъ теперь у насъ.
Въ бояхъ, тобой руководимыхъ,
Не встрѣтимъ мы преградъ;
Съ тобой въ мѣстахъ непроходимыхъ
Нескрытенъ супостатъ.
Твои намъ подвиги извѣстны:
Возросъ межъ нами ты;

*) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 23—24. Съ пѣлью убѣдиться въ результатахъ дѣйствій на Кавказской линіи и провѣрить на мѣстѣ свои предположенія на будущее время, кн. Бяратинскій въ апрѣлѣ 1857 г. выѣхалъ изъ Тифлиса черезъ Владикавказъ по *орлеанско-сунженской* и чеченской линіямъ до кр. Грозной. „Кавк. Сбор.“ 1884 г., т. VIII, стр. 340. Ред.

Ты всё прошель ущелья тѣсны
И горные хребты.

Твой слѣдъ изгладится не скоро
На вражеской землѣ,
Гдѣ ты очистилъ для простора
И *Гельды-ханъ* и *Ханъ-кале* *).

Гдѣ прежде нужны были крылья,
Быль доступъ лишь орламъ,
Туда проникнуть безъ усилъя
Легко съ тобою намъ.

Веди жъ скорѣй для славы новой
Къ врагамъ на смертный бой!
Мы заслужить всегда готовы
Своею головой.

Мы всё горимъ отъ нетерпѣнья,
Готовы казави,

*) Ханъ-кале—ущелье въ горахъ Малой Чечни, въ 8 верстахъ къ ю. отъ крѣпости Грозной. Двѣ, довольно высокія, продолговатыя и коросшія строевыми лѣсомъ, горы представляли безопасное убѣжище для массы чеченцевъ, гнѣздившихся тутъ въ глубокихъ и лѣсистыхъ балкахъ хуторами. Въ теченіе почти полувѣка (отъ 1806 до 1850 г.) въ этомъ пунктѣ воинственные горцы съ успѣхомъ выдерживали энергичный натискъ русскихъ войскъ (при генер. Булгаковѣ и Ермоловѣ) и своими набѣгами и грабежами держали въ страхѣ русскихъ поселянъ (жителей Грозной), занимавшихся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Кн. Барятинскій понималъ всю важность занятія Ханкальскаго ущелья и потому съ первыхъ же дней вступленія своего въ управленіе лѣвнымъ флангомъ Кавказской линіи обратилъ вниманіе на этотъ пунктъ. Зная по многолѣтнему опыту, что чеченцы, во время сильныхъ морозовъ, дрались съ меньшимъ мужествомъ и отвагой и становились вообще безпечны, онъ воспользовался декабрьскими морозами, атаковалъ притоны чеченцевъ, истребилъ совершенно всё хуторъ, словомъ „очистилъ для простора и *Гельды-ханъ* (аулъ *Гель-ханъ*?) и *Ханъ-кале*“ въ 1852 г. („Русская Старина“ 1879 г., іюль, стр. 432—436). Въ виду того, что занятіе Ханкальскаго ущелья отнесено въ пѣснѣ къ числу уже извѣстныхъ подвиговъ кн. Барятинскаго, мы полагаемъ, что данная пѣсня воспѣваетъ послѣдній, не какъ начальнаго лѣваго фланга Кавказской линіи, каковымъ онъ былъ назначенъ годомъ раньше указанного подвига, именно весной 1851 года, а какъ намѣстника и *главнокомандующаго* на Кавказѣ, и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ называетъ его *вождемъ, теперь*, т. е. съ октябры 1856 г. „Кавк. Сборн.“ 1884 г., т. VIII, стр. 335; сравн. его энергичный приказъ по войскамъ Кавказа, тамъ же, стр. 336.

Ред.

И только ждемъ лишь мановенья
Испытанной руки.

Для насъ желаешь ты трудиться,
Ура!! благодаримъ!
Позволь съ тобою подѣлиться
Усердіемъ своимъ.

Все наше мужество и силы
Съ тобою раздѣлимъ,
И будешь нами до могилы
Сердечно ты любимъ.

Дай Богъ начальствовать надъ нами
Тебѣ на много лѣтъ!
Будь въ славѣ счастливъ съ казаками!
Прими отъ насъ привѣтъ!

*Ему же, на разореніе аула Акинъ-юрта *).*

32) И намъ, и намъ на полѣ слава!
Князь *Барятинскій*, веди насъ въ бой!
Съ чеченцами драться — намъ забава.
Ура! ура! веди ты насъ въ бой!

Князь *Барятинскій*! мы съ нимъ готовы
Сквозь тысячу смертей пройти.
Маршалъ! *аулъ забилъ въ оковы (?)*,
Къ врагамъ Царя на маршъ веди!

И надъ врагами засверкали
Удалыхъ шапки казаковъ;
Въ дыму ихъ савли запылали,
И слышны стонъ и вой враговъ.

Погибло племя *Акинъ-юрта **)*,

*) Въ брошюрѣ гвсна напечатана на стр. 24—25.

Ред.

**) *Аки(нъ)-юртъ* и *Заканъ-юртъ* — чеченскіе аулы, нынѣ казачьи станицы въ р. Сунжѣ (*Собир.*), вторая съ 1858 г. и принадлежитъ Грозненскому округу, а первая съ 1861 г. и принадлежитъ округу Владикавказскому. „Сбор. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 373—375.

Ред.

Погибли всѣ чеченцы тамъ,
И ужъ на пеплѣ *Закаль-юрта*
Чеченцамъ гризну пѣлъ казакъ.
И мы, кавказскіе казаки,
Потомки храбрыхъ удалцовъ,
Мы съ дѣтства любимъ бывать въ драгѣ;
Не посрадимъ своихъ отцовъ!
Намъ бой и смерть *теперь* *)—отрада.
Князь Барятинскій, веди насъ ты въ бой!
Не то чеченца, а хоть чорта,
Мы не страшимся, нашъ герой.

Чеченцамъ **).

33) Для чего кричишь, *татаринъ*,
Пѣсни *Азии* глупой?
Ты счастливъ, что—не бояринъ,
Человѣкъ *полудикой* ***).
Зачѣмъ изъ *лосу* случайно
Вдоль по бережку пройдешь,
Письню воешь ****), а самъ тайно
На глаза добычу ждешь?

*) Слово *теперь* взято изъ брошюры, стр. 25.

Ред.

***) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 8—9.

Ред.

****) Хотя во времени усмирения горцевъ сѣвернаго Кавказа и даже ранѣе чеченцы вышли изъ первобытнаго, грубаго состоянія и вели осѣдлую жизнь, однако нравы ихъ все еще находились на степени *полудикости*, вслѣдствіе чего они неохотно подчинялись новому строю жизни, введенному со времени русскаго владычества (1859 г.). „Жестокость, корыстолюбіе, недоувѣрчивость и мщеніе составляютъ преобладающій элементъ въ характерѣ чеченца“. „Чечня и чеченцы“, А. Берге, стр. 87.

Ред.

*****) Пѣсни чеченцевъ отличаются большею частью заунывнымъ напѣвомъ (*воешь*). Такой характеръ напѣва объясняется тоской по родинѣ, по роднымъ горамъ и лѣсамъ, которые имъ приходилось часто покидать для переселенія въ Турцію или въ надтеречную равнину по требованію правительства, тоской по отцамъ, дѣдамъ и братьямъ, павшимъ въ бою съ несправедливыми гяурами, а также тоской по поводу невозможности дѣлать *чангуль* (воровскіе набѣги). „Сбор. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 258; 274 и 275; „Чечня и чеченцы“, стр. 129. Ред.

Не являйся покоряться
Русскимъ временно съ враждой,
Не являйся извиняться!
За грабежъ ты лжешь душой.
Казака ты не обманешь
Своей лестію дивной:
Ты всегда предъ нимъ лукавишь,
А онъ знаетъ замыселъ твой.
Скройся въ *пропасти природы*,
Скройся съ глазъ! трудомъ живи;
Гдѣ *текутъ холодны воды*,
Тамъ дивихъ звѣрей лови.
Хоть покорный, неповорный,
Русскій врагъ, чеченецъ злой,
Нечестивый житель *горный* *),
Кропіецъ заклятой.
Алеоранъ тебѣ покажетъ,
Какъ законъ *твой почитатъ* **),
Строго *Магометъ накажетъ* ***),
Если будешь воровать.

*) По предлагаемой пѣснѣ чеченецъ — *житель горъ, лесовъ и пропастей природы*, „гдѣ текутъ холодны воды“. Дѣйствительно, если взглянуть на страну, занимаемую чеченцами, сверху, то она представится въ видѣ рѣшетки, образующейся изъ параллельныхъ хребтовъ, перешлетенныхъ связками; между узлами перештѣней образуются овраги, котловины, ущелья, пропасти. Страна эта покрыта вѣковымъ лѣсомъ: чинаръ, букъ, дубъ, кленъ, карагачъ, орѣшникъ и разныя фруктовыя деревья, перештѣенныя вьющимися растеніями, образуютъ непроходимую чащу. Рѣки и ручьи Чечни берутъ свое начало изъ-подъ тающихъ снѣговъ, ледниковъ и родниковъ и текутъ по лѣсистымъ ущельямъ, часто въ высокыхъ крутыхъ берегахъ; оттого въ странѣ чеченцевъ „текутъ холодны воды“. „Чечня и чеч.“, стр. 7; „Сборн. свѣд. о Терской обл.“, стр. 27 и 41; „Опыт. геогр. Кавказ. края“, стр. 9 и 45. Ред.

***) Въ брошюрѣ: предпочитатъ, стр. 9. Ред.

***) Пѣсня называетъ чеченца жителемъ *Лзіи* и *татаринкомъ*. Если эти наименованія нельзя признать вполне вѣрными съ научной точки зрѣнія, то нельзя отрицать ихъ характерности и нѣкоторой основательности. Вопросъ о племенномъ происхожденіи чеченцевъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ окончательно. Пре-

Живи правдой и трудами,
Ты увидишь *мира светъ*,
Тогда съ нами, казаками,
Будешь ближній другъ-сосѣдъ.

34) Говорять, Кавказу—баста
И Чечнѣ не воевать;
Но насъ грабятъ очень часто,
И вѣтъ силъ орду унять *).

данія производить ихъ отъ *босоцевъ*, жившихъ нѣкогда за Грузіей; но кто эти босоцы, преданія не даютъ никакихъ указаній („Сб. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 241). Берже, въ свое время (1859 г.), ограничился въ рѣшеніи этого вопроса признаніемъ чеченцевъ ядромъ, типомъ большей части горскаго населенія („Чечня и чеченцы“, стр. 80). Баронъ Усларъ, специально изслѣдовавшій языкъ чеченцевъ, причисляетъ этихъ послѣднихъ къ восточно-горской группѣ („Оп. геогр. Кавк. края“, стр. 165). Съ татарами чеченцы, дѣйствительно, имѣютъ много общаго и въ образѣ жизни, и въ обычаяхъ, и въ костюмѣ (женскомъ), и въ языкѣ; но это сходство не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ племеннаго единства чеченцевъ съ татарами, такъ же точно, какъ не можетъ служить таковымъ же общность религіи (исламызмъ). Безъ сомнѣнія, пѣсня, называя чеченца татаринкомъ, имѣетъ въ виду не племенное его происхожденіе, а лишь религіозную общность; *татаринъ* въ этомъ случаѣ равнозначо почитателю алкорава, Магометова закона, мусульманину. Всѣ чеченцы исповѣдуютъ магометанство суннитскаго толка Шаріа, перешедшее къ нимъ изъ Дагестана не далѣе начала прошлаго столѣтія; вѣра эта вытѣснила древнія языческія вѣрованія и слѣды христіанства, которое пытались распространить между ними грузинскіе цари, особенно царица Тамара. „Прир. и люди на Кавк. и за Кавказ.“, стр. 110; „Чечня и чеченцы“, стр. 84; „Сборн. свѣд. о Терской обл.“, стр. 252—258; „Оп. геогр. Кавк. края“, стр. 166. *Ред.*

*) Послѣ плѣненія Шамиля и усмирненія Чечни, гр. Евдокимову, какъ начальнику тогда только учрежденной Терской области, оставалось мирными средствами водворять порядокъ во вѣренномъ ему краѣ. Зная характеръ чеченцевъ, онъ не церемонился съ ними. Нужно также замѣтить, что усмотрѣть за всѣмъ графу оказывалось совершенно невозможнымъ, а исполнители его распоряженій не всегда оказывались понимающими его. Премахи были необходимы. Чеченцы, будучи поставлены въ совершенно новыя условія бита, прямо противорѣчившія ихъ прежнимъ привычкамъ необузданнаго своеволія, были недовольны, тѣмъ болѣе, что переселеніе ихъ съ горъ на равнину оскорбляло ихъ привязанность къ любимымъ горамъ и ущельямъ, а надѣленіе ихъ земельными участками не соответствовало личнымъ потребностямъ жителей. Все это служило постоянной причиной недовольства чеченцевъ на глауровъ и на самого Евдокимова, котораго даже искали убить. Бывшіе приверженцы Шамиля, лишенные прежней власти (набствъ) и выгодъ, незамѣтно, украдкой подготавливали въ народѣ нѣмѣну, всеобщее возстаніе. Развѣтле-

Переставши съ ними драться,
Мы занялись работать.
Вотъ и вздуваемъ остаться
На работѣ почевать.
Днемъ работаешь, потѣнешь;
Солнце скрылось за бугромъ,
Тутъ скотину загоняешь
И стоишь всю ночь съ ружьемъ.
Только сумракомъ затынетъ,
И покроетъ все туманъ,
А ужъ хищникъ *подползаетъ*,
Злой, ехидный бусурманъ.
Слышишь шорохъ, оглянулся—
Бацъ съ ружья, уже и нѣтъ:
Часовой на земь рухнулся,
А скотины простылъ слѣдъ.
Осенью и съ каждымъ годомъ
У насъ идетъ кутерьма.
Этимъ варварскимъ народомъ
Вся наполнилась тюрьма.
Каждый дома изъ хозяевъ,
Легши спать, ужъ не зѣвай:
Ожидай гостей-*льнтяевъ*, *)

нiя заговора охватили собою всю Чечню и Дагестанъ. Толпами и по одиночкѣ въ разныхъ засадахъ и лазейкахъ чеченцы подстерегали мирныхъ поселенцевъ, грабили ихъ, угоняли скотъ, укрываясь отъ преслѣдованiй въ лѣсахъ, гдѣ очень трудно было ихъ ловить, особенно весной и лѣтомъ, когда деревья покрыты листвою. „Русская Старина“ 1889 г., августъ, стр. 390—392. *Ред.*

*) Отрывъ пѣсни о лѣности чеченцевъ правдивъ, такъ сказать, лишь на половину и подтверждается изслѣдователями стариннаго быта ихъ. Мужчины, по ихъ отзыву, вообще склонны къ праздности: чеченецъ-хозяинъ проводитъ цѣлый день въ кунаккой, особомъ отдѣленiи для гостей; наоборотъ, женщины очень трудолюбивы: кромѣ обязательныхъ хозяйственныхъ заботъ, онѣ ткутъ сукна для домашнего обихода, дѣлаютъ ковры, войлоки, бурки, на мужчинъ шьютъ платье и обувь („Чечня и чеченцы“, стр. 88; „Прир. и люди на Кавк. и за Кавк.“, стр. 111). Совершенно иной отзывъ о чеченцахъ того же и болѣе поздняго времени встрѣчаемъ

Но дверей не отворяй.

Не проходить одной ночи,

Чтобы тихо обошлось:

Бьютъ тревогу, что есть мочи—

Воровство ужъ началось.

Темной ночью по травѣ

Наши скотъ спѣшать отбить;

А какъ слѣдъ открыть дороги,

Такъ успѣютъ ихъ побить.

Слышишь: плачутъ, иль лебуютъ,—

Иль побили ихъ, иль нѣтъ.

Старики же все толкуютъ,

Что, молъ, будутъ грабить вѣкъ.

Но ужъ хвастаться не знаемъ,

Сколько нашихъ перебьютъ,

Въ годъ съ десятокъ насчитаемъ,

А изъ нихъ—не перечтутъ.

Хоть начальство намъ приедемъ

И велитъ живыхъ ловить,

Но (ужъ) мы по сердцу скажемъ:

Когда бъ всѣхъ ихъ перебить!

Но мы все жъ не унываемъ:

Пашемъ, косимъ и хлѣбъ жнемъ;

въ замѣткахъ знатока Чечни, Евдокимова. Въ одномъ докладѣ его читаемъ: „Чеченцевъ занимаетъ всякая новинка; это—народъ совсѣмъ непохожій на другія племена Кавказа. („Русск. Стар.“ 1889 г., авг., стр. 894). Подтверженіе этого взгляда находимъ въ капитальномъ трудѣ Надеждина „Опытъ геогр. Кавк. края“ (стр. 16). „Чеченцы, говоритъ онъ, ведутъ непосредственно торговныя сношенія съ Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ; у нихъ земледѣліе, за небольшими исключеніями, въ дѣйствѣ сѣвъ; состояніи, несмотря на недостатокъ земли и чрезвычайно трудную борьбу съ природою; для орошенія посѣвовъ у нихъ имѣются ирригаціонныя каналы (шавдонн). Этотъ новѣйшій взглядъ на занятія чеченцевъ стараго и новаго времени намъ кажется болѣе правдивымъ. Ясно, что чеченцы обладаютъ способностью къ воспріятію плодовъ культуры, способны къ принятію того „свѣта мира“, котораго можно овладѣть только при условіи труда (конецъ пѣсенъ № 88).

Ред.

На лошады вмигъ и съ пашкой мчись.
Тогда пусть смотрять, гдѣ дѣваться:
Имъ ускользнуть пришла пора;
Въ живыхъ врагамъ не оставаться:
Мы прогремимъ вездѣ ура.
Ура! Царю всея Россіи,
И матушкѣ на много лѣтъ,
Наслѣднику и Михаилу
Отъ *всѣхъ казачьихъ войскъ* привѣтъ!

*Великому Князю Михаилу Николаевичу *)*.

36) „На что намъ, казаченьки, думать, унывать,
Когда вездѣ солнышко, во всемъ благодать?
Кружись, веселись, знай—не унывай
И, подчасъ случится, Бога призывай.
Служба стала чудо; грѣхъ Бога гнѣвить,
И за службу Царь насъ умѣетъ цѣнить.
Одна вездѣ радость—хвала небесамъ!—
Нѣтъ конца въ Россіи царскимъ чудесамъ.
Россія, молися! казаки, „на конь!“
И вражія сила свалится въ огонь **).
Стоитъ *Михаилу* сказать казакамъ:
„Ребята, на славу, *дать чосу* ***) врагамъ!“
За словомъ любимца *полосой* пойдемъ
И враговъ Россіи въ порошокъ сотремъ.
Донъ, старшій изъ братьевъ, тебя позоветъ
И съ тобою всюду за Царя пойдетъ“.
Такъ-то Терекъ Сунжѣ надъ ухомъ журчить,
Думаетъ съ Ураломъ и съ Дономъ служить.

*) Въ брошюрѣ пѣсня напечатана на стр. 34.

Ред.

**) Этимъ стихомъ предлагаемой пѣсни заканчивается брошюра.

Ред.

***) *Дать чосу* (отъ чесать. „Толков. слог. жив. великор. яз.“, Дала, Ч. IV, стр. 547)—побить, потрепать.

Ред.

(Ему же).

37) Всѣ въ *кружокъ* и веселѣе
Всякъ показывай себя,
Позабавимъ Михаила,
Брата Батюшки-Царя!
Онъ, вѣдь, любить насъ, казаковъ,
Холить, точно какъ отецъ;
Сердце радостью забьется,
Когда скажетъ: „молодецъ!“

Еслибъ выпало на долю
Съ нимъ идти (намъ *) на врага,
Ужъ потѣшилась бы вволю
Наша пашка—*атага* **).

Намъ лишь нужно его слово:
„Нутко, братцы-казаки!“—
И казачество готово
Двинуть въ бой свои полки.

Нуте жъ дружно въ вруговую
И за Батюшку-Царя
Выпьемъ чашечку родную
Доморошного (sic) вина,
А потомъ лезгинку хватски
Мы подь музыку свою
Отхватаемъ азиатски,
Вспомнимъ службицу свою.

Сообщилъ завѣдывающій Слѣпцовскимъ двухкласснымъ училищемъ П. Семеновъ.

*) Въ рукописи: бы.

Ред.

**) *Атага*—особый закалъ сабельнаго клинка туземнаго надѣлія (*Собр.*). Не стоитъ ли это наименованіе пашки въ связи съ ауломъ *Атага*, въ Большой Чечнѣ на р. Аргунѣ, населеннымъ выходцами разныхъ чеченскихъ племенъ? „Чечня и чеченцы“, А. Берже, стр. 26.

Ред.

СТАНИЦА НАУРСКАЯ,

Грозненскаго округа.

Положеніе станицы.

Станица Наурская, или Науръ, лежитъ на южной окраинѣ Прикаспійской низменности, гдѣ эта послѣдняя достигаетъ 308 ф. абсолютной высоты *), почти подъ 15° (по Спб. мерид.) в. д. и между 44 и 45° с. ш., на лѣвомъ берегу средняго теченія Терека. Почтовый трактъ проходитъ черезъ нее къ востоку на ближайшую къ ней станицу Мевенскую (5 верстъ) и далѣе съ одной стороны на г. Грозный (52 версты) и съ другой на Кизляръ, къ западу на станицу Ищерскую (15 верстъ) черезъ Моздокъ (72 версты) до станицы Прохладной, станціи Ростово-Владикавказской желѣзной дороги (120 в.), и далѣе на г. Георгіевскъ. За Теревомъ, къ югу отъ Наура, раскинулся чеченскій аулъ того же имени; къ сѣверу, въ 7—10 верстахъ отъ станицы, начинаются, такъ называемые, *буруны*, или бурунные пески, идущіе далѣе въ с. в. направленіи до Астраханской степи и Каспійскаго моря **).

Историческія свѣдѣнія.

Свѣдѣнія объ основаніи и исторической роли станицы въ прошломъ столѣтіи находимъ въ книгѣ И. Попова „Терскіе

*) „Опытъ географіи Кавказскаго края“, П. Надеждина, на стр. 17 прилѣжаніе.

Ред.

**) Тамъ же, стр. 17.

Ред.

казаки съ стародавнихъ временъ“, на страницахъ XVII—XXI. Основаніе Наурской ст. относится ко времени энергичныхъ правительственныхъ мѣропріятій для огражденія Моздовской окраины Россіи отъ притязаній кабардинскихъ князей и урковъ, считавшихъ образованіе русской колоніи Моздовъ нарушеніемъ владѣльческаго права ихъ на эту землю и пользовавшихся всякимъ удобнымъ случаемъ возвратить ее себѣ. Съ этой стратегической цѣлью въ 1770 году изъ казачьяго войска, бывшаго тогда на правомъ берегу р. Волги, между Царицынымъ и Камышинимъ, по распоряженію правительства было выведено 517 казачьихъ и старшинскихъ семействъ и заселено пятью станицами по лѣвому теченію Терека, между гребенскимъ войскомъ и крѣпостью Моздовою, на протяженіи 80 верстъ. Главною между этими пятью станицами была станица *Наурская*. Вслѣдствіе враждебнаго настроенія Кабарды, какъ Науръ, такъ и всѣ прочія, вновь поселенныя, станицы были хорошо уврѣплены земляными валами и снабжены каждая четырьмя трехфунтовыми пушками, при чемъ для дѣйствія при пушкахъ было переселено съ Дона еще 250 семействъ казаковъ, которые съ званіемъ канонировъ были распределены по 50 человекъ въ каждую станицу. Это линейное поселеніе и образовало изъ себя самостоятельную казачью часть — *Моздокскій полкъ*.

Особенно памятное какъ въ исторіи Наура, такъ и вообще въ жизни всего этого полка событіе относится къ 1774 году, въ концу русско-турецкой войны при Екатеринѣ II. По враждебнымъ проискамъ Кабарды крымскій наместникъ (калга) Шабасъ-Гирей съ огромными полчищами крымскихъ татаръ, закубанскихъ адыговъ и въ секретномъ соучастіи кабардинцевъ ворвался въ Моздовскую окраину, уничтожилъ четыре станицы и подступилъ къ главной изъ нихъ, Наурской, куда казаки со своими семействами успѣли укрыться. Хорошо уврѣпленная съ трехъ сторонъ станица съ чет-

вертой, выходявшей на Терекъ, на это время была загорожена *возами*. Шесть дней непріатели подступали въ станицѣ то съ одной, то съ другой стороны, но безуспѣшно: казаки, поддержанные стариками, подростками и даже *женщинами* *), вооруженными, чѣмъ попало — косами, вилами, топорами, ухватками, стоя день и ночь на валахъ станицы, энергично и съ большимъ урономъ для врага отражали нападенія. Наконецъ, татары, прикрывшись деревянными щитами, осадили на арбахъ станицу со всѣхъ сторонъ со всею азіатскою рѣшимостью. Страшная рѣзня произошла на валахъ, но и тутъ казаки успѣли постоять за себя въ крѣпкой станицѣ. Татары истощили всѣ свои запасы и убѣжали за Кубань, предоставивъ Кабарду самой себѣ.

Это блистательное отраженіе опустошительнаго нашествія орды въ станицѣ Наурской имѣло то важное значеніе, что крѣпость Моздокъ была спасена, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно обезпечены всѣ станицы Моздовскаго поля отъ нашествій враждебныхъ татаръ и Кабарды.

Статистическія свѣдѣнія.

Въ настоящее время въ станицѣ насчитывается жителей 4.869—2.418 м. и 2.451 ж. **); въ томъ числѣ 4.729 православныхъ, 101 старовѣръ, 27 армяно-григоріанъ и 12 другихъ исповѣданій (магометанъ, іудеевъ и др.).

Въ станицѣ имѣется одна православная церковь при двухъ священникахъ. Зданіе деревянное, обновленное въ 1887 году, стоитъ посреди площади, вокругъ которой расположены

*) Боевая жизнь казака, часто отсутствовавшаго изъ дому, и постоянный физическій трудъ въ полѣ и дома развили въ казачкѣ силу и *бесстрашіе*. „Нерѣдко казачкѣ приходилось отстаивать съ мужемъ свою станицу отъ враговъ, при случаѣ сѣсть на коня верхомъ и стрѣлять изъ ружья“. „Оп. геогр. Кавк. кр.“, на стр. 100 примѣч. **.

**) Въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кав.“ Вып. VIII. Отд. I, на стр. 92, обозначено число жителей (1889 г.) 4.710 человекъ—2.396 муж. и 2.314 жен.

станичное училище, церковно-приходская православная школа, управление и разные торговля заведенія. Въ станицѣ имѣется также старовѣрческій молитвенный домъ.

Станичное училище открыто въ 1871 году и помѣщается въ собственномъ довольно просторномъ и удобномъ домѣ; въ 188⁹/₁₀, учебномъ году въ немъ было при трехъ учителяхъ 212 учащихся—166 мальчиковъ и 46 дѣвочекъ; содержаніе училища въ этомъ году обошлось обществу въ 825 рублей.

Грамотныхъ въ станицѣ 1.446, въ томъ числѣ мужчинъ 1.261 и женщинъ 185, т. е. 1 на 3,5 (почти).

Земельный надѣлъ станицы простирается до 61.137 дес. 1.770 кв. с., въ томъ числѣ: усадебной земли—240 дес. 1.210 кв. с., подъ садами—236 д. 860 кв. с., огородами—16 дес. 1.920 кв. с., пахатной земли—15.377 д. 586 кв. с., сѣновоса—21.811 д. 1.579 кв. с., лѣса—1.283 д. 100 кв. с., выгонной земли—22.172 д. 1.245 кв. с.

Главное занятіе жителей—хлѣбопашество и виноградарство *). Скота въ станицѣ насчитывается: крупнаго рогатаго 4.065 головъ, овецъ и козъ 5.363, лошадей 579 *).

Торгово-промышленныя заведенія въ станицѣ имѣются слѣдующія: гильдейскихъ торговыхъ заведеній 5, мелочныхъ лавокъ 8, питейное заведеніе 1, мельницъ водяныхъ 19, кузницъ 4, маслобоенъ 2, просорушныя 1 **).

Ежегодьно, по четвергамъ, въ Наурѣ собирается баварь, на который съѣзжаются жители ближайшихъ станицъ и ауловъ.

Инспекторъ народныхъ училищъ Терской
области *М. Мохуръ*.

*) Сравн. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавк.“ Вып. VIII, стр. 93 и 94.

***) Предлагаемая цифра торгово-промышленныхъ заведеній въ Наурѣ дополняютъ свѣдѣнія о промысловыхъ занятіяхъ жителей станицы, имѣющіяся тамъ же, на стр. 94—97. *Ред.*

Пѣсни, поющіяся въ Наурской станицѣ.

I. Свадебныя пѣсни.

Парни-товарищи и женщины (родня) ведутъ жениха въ невѣстѣ на *двѣчнички*; женихъ идетъ впереди всѣхъ. Парни поютъ:

1) Тамъ, у броду, тамъ, у броду,
Брала дѣвчоночка воду;
Казаченька да коня паповаетъ,
Самъ съ дѣвчонкой размовляетъ (разговариваетъ):
— „Горе жъ тому казаченькѣ,
Что двѣ дѣвчины любитъ:
Одну любитъ чернявую,
А другую бѣлявую:
Чернявая дѣвчоночка
Цѣлуется, обвиняется,
А бѣленька—тожъ моя миленька—
Слезочками умывается“.
— „Я пробила черевички,
На горочку выбѣгаючи,
Просмотрѣла да свои ясны очи,
На милаго выглядючи“.
Если бъ тому казаченькѣ
Челновъ да весельце,
Сѣлъ, поѣхалъ (бы) на тотъ бережочекъ,
Гдѣ—дѣвчина, его сердце *).

Женщины ихъ смѣняютъ своею пѣсней:

2) Ой отъ лѣса да до лѣса,
Рано, рано (*притѣва*),

*) Языкъ предлагаемой пѣсни, очевидно, малорусскаго происхожденія, въ устахъ великорусскаго населенія станицы получилъ внѣшнюю, формальную малороссійскую окраску. Въ отношеніи мотива наша пѣсня первой своей половиной можетъ аналогична напечатанной въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, на стр. 84, подъ № 129.

Ой отъ лѣса да до лѣса,
 Душа моя (*припѣвъ*),
Да и чей конь—*напереди*,
 Рано, рано,
Да и чей конь—*напереди*,
 Душа моя?
— Ивановъ конь—*напереди*,
 Рано, рано,
Петровичевъ—*напереди*,
 Душа моя *).

Поютъ парни передъ дворомъ невѣсты:

3) — „Ужъ ты, голубь мой,
Голубь сизенькій,
Голубь сизенькій,
Сивокрыленькій!
Да гдѣ жъ ты, голубь, былъ,
Гдѣ, голубчикъ, ночевалъ?“
— „Ужъ я былъ-побывалъ,
Былъ у душеньки—
У Катюшеньки“.
— „Да и чѣмъ тебя, голубь,
Катя потчивала?“
— „Мне (меня) Катюша—виномъ,
Васильевна—чпхиремъ.
Я по жердочѣ шель,
Я по тоненькой,
Я по тоненькой,
По еловенькой;
Хотя жердочва гнется,

*) Пѣсня предлагается какъ вариантъ (отрывокъ) напечатанной въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, на стр. 284, и въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 74—75, подъ № 9. Ред.

Да не сломится.
Хорошо съ милой *) жить,
И **) не стошнется,
Хотя стошнется,
Разгуляется*.

Женщины—тамъ же ***):

— „Ужь ты, Катенька-душа,
Ты не бей башмачки,
Не разбивай каблучки!“
— „Мнѣ не батюшка купишь,
Не родимый подарилъ,
Мнѣ купишь, подарилъ
Сударь Иванъ-господинъ;
Онъ велѣлъ мнѣ носить,
Подъ лавочку становить,
Холявочкой ****) наврывать“.

Парни—во дворѣ невѣсты:

5) Ой вы, сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, сосновыя,
Рѣшетчатыя!
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя, строевыя
И рѣшетчатыя;
Выпускала сокола
Изъ праваго рукава,

Въ рукописи: *) съ милымъ, **) Да.

Ред.

***) Поется пѣсня, напечатанная подъ № 4 въ „Сборн. матер. для опис.
кѣсти и пл. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 58; относительней она отличается
болѣе развитымъ концомъ, который здѣсь и предлагается.

Ред.

****) Холявочка (млрс.)—голенце сапога.

Собир.

Изъ праваго, изъ лѣваго,
Изъ персидскаго платка.
— „Полети-ка, мой соволикъ,
Высоко и далеко,
Не высоко, не далеко,
На родиму сторону:
На родимой на сторонкѣ
Сударь-батюшка живетъ,
Неразсудливый тавой:
Не пускаетъ красну дѣвку
На улцу погулять,
На улцу погулять,
Съ ребятами поиграть“ *).

Женщины—во дворѣ невѣсты:

б) *Селен(н)икъ*—меленикъ **),

На улицѣ—дождикъ,

Ой, люли, люли (*припѣвъ съ повтореніемъ
четныхъ стиховъ*),

На улицѣ—дождикъ;

Онъ ситечкомъ сѣть,

Ведромъ поливаетъ,

Ведромъ поливаетъ,

Землю прибываетъ;

Онъ Катеньку мочить—

Васильевна плачетъ:

Некуда Катенькѣ дѣться,

*) Общеизвестная пѣсня печатается во вниманіе къ нѣкоторымъ ея особенностямъ въ языкѣ и мотивѣ. Сравн. пѣсню въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстн. и плем. Кавк.“, въ Вып. VII. Отд. I на стр. 76, подъ № 11.

Ред.

**) *Селен(н)икъ*—кустарниковое растеніе изъ рода бузины, бузиникъ. „Толков. слов.“ Дала, ч. V, стр. 156. Въмѣстѣ съ другимъ эпитетомъ *меленикъ* (мелкій?) картинно рисуетъ мелкій, но частый, густой дождикъ.

Ред.

Некуда схорониться.
— „Я винуся, брошуся
Да въ батюшкѣ въ сѣни:
У батюшки во сѣняхъ
Хлѣба-соли—много,
Хлѣба-соли—много,
А *привѣта*—мало *).
Я винуся, брошуся
Да въ милому въ сѣни:
У милаго во сѣняхъ
Хлѣба-соли—мало,
Хлѣба-соли—мало,
А *привѣта*—много;
Ласково словечко
Взвеселить сердѣчко“.

Дѣвушки, подруги невѣсты, при входѣ жениха и сопровождающихъ его во дворъ, *запираютъ* сѣни и поютъ:

7) Зачѣмъ, гости, *понаѣхали?* **)

Если бѣ мы васъ ждали,
Коврами бѣ дворъ слали,
Коврами, бобрами,
Черными соболями.

Женщины—во дворѣ:

8) Тестюшка, батюшка,
Отдай нашу суженую,
Суженую, ряженую,
Приукрашенную ***).

*) Въ вар. далѣе слѣдуетъ: Привѣта—совѣта,

Ласкова словечка (ст. *Ищерская*).

Ред.

***) Въ рукописи: зачѣмъ, *нежданые* гости, *прѣѣхали?*

Ред.

***) Смыслъ этого отрывочнаго мотива понятенъ только въ дѣлѣ, каковыя
и служатъ гѣсня, напечатанная выше, на стр. 38—39, подъ № 2.

Ред.

9) Какъ у ласкова тества
Зять—за воротами;
Какъ на зятя мятель мететь,
Сильный, крупный дождиъ.
— „Укрывайся, зятюшка,
Укрывайся, батюшка,
Укрывайся коврами,
Коврами, бобрами,
Черными соболями!“

Двери въ сѣни и въ избу отворяются; родня жениха
входитъ въ избу, а самъ женихъ остается еще въ сѣняхъ.

Дѣвушки поютъ:

10) Вы войдите *), бояре,
Вы войдите, бояре!
Давно мы васъ ждали,
Давно мы васъ ждали,
Коврами дворъ стлали,
Коврами, бобрами,
Черными соболями.

Родители и вся родня невесты садятся за столъ, а жени-
хова родня передъ ними стоитъ. Дѣвушки продолжаютъ пѣть:

11) Я во садикѣ была,
Въ зеленомъ гуляла,
Я калинушку ломала,
Въ пучочки вязала,
При дорожкѣ бросала.
Тамъ никто не хаживалъ,
Ничего не важивалъ,
Тамъ прошелъ Иванъ-сударь,
Иванъ-сударь Петровичъ,

*) Въ рукописи: войдите.

Тамъ провелъ онъ Катеньку;
Онъ сталъ ее спрашивать,
Изъ ума вывѣдывать:
— „Ты умѣешь ли домою жить,
Ты умѣешь ли домою держать?“
— „Не умѣю я домою жить,
Не умѣю я домою держать;
Я умѣю на подушечкѣ спать,
На подушечкѣ мягкой *),
На перинкѣ пуховой,
На кровати тесовой“.

12) Летѣлъ соколъ высоко,
Противъ солнца далеко,
Уронилъ соколъ перо
У Катеньки подъ окномъ,
У Васильевны подъ стекломъ.
— „Ты, Катенька, подними,
Васильевна, приברי!“
— „Мнѣ некогда прибрать:
Я жемчужину вижу,
Я на улицу спѣшу.
На улицу не пойду,
У воротъ простою,
Жениховъ посмотрю:
Какъ во черномъ во чернёномъ **),
Тотъ и—мой,
Какъ во бѣломъ во бѣлёномъ **),
Тотъ и—мой“.

*) Вар.: Я умѣю на ручкѣ спать,

Я умѣю на правенькой (ст. Ищерская).

Ред.

**) Выраженія: во черномъ во чернёномъ и во бѣломъ во бѣлёномъ вполнѣ выясняются при сравненіи ихъ съ соответствующими мѣстами п., приведенной

Жениха вводятъ въ хату и ставятъ посрединѣ, передъ ро-
ней невѣсты, при чемъ дружка рекомендуетъ его: „вотъ нашъ
и купецъ пріѣхалъ“ и проситъ показать товаръ. Входитъ не-
вѣста и становится рядомъ съ женихомъ. Дружка наливаетъ
стаканъ вина и подаетъ его на подносѣ жениху (молодые да-
рятся). Тотъ принимаетъ, кладетъ на подносъ деньги и потчу-
етъ невѣсту: „Катерина Васильевна, извольте принять и вы-
кушать!“ Невѣста принимаетъ деньги и выпиваетъ за здоровье
жениха. Затѣмъ подносъ съ наполненнымъ стаканомъ дружка
передаетъ въ руки невѣсты, которая кладетъ платокъ и точно
такимъ же образомъ угощаетъ жениха, величая его Иваномъ
Петровичемъ *). Женихъ беретъ платокъ и залпомъ выпива-
етъ вино, бросается за убѣгающей отъ него невѣстой, удер-
живаеъ и цѣлуетъ. Дѣвушки поютъ:

13) Какъ тебѣ, Катенька, не стыдно
Чужого мальчишечку цѣловать,
Цѣловать-миловать,
По имени называть,
По отчеству величать!

Этимъ заканчивается обрядовая сторона дѣвичника, по-
слѣ которой вся молодежь остается гулять у невѣсты, а за-
мужнія и женатые, старики и старухи отправляются на по-
пойку въ домъ жениха.

вше, на стр. 68, въ примѣчаніи. Ясно, что въ первомъ выраженіи описатель-
но рисуется *чернобровый* женихъ, во второмъ *блѣдъ*, т. е. *русый*, и при томъ
и тотъ, и другой—съ *красотою* и *молодецкой чистотою* на лицѣ и во всей на-
ружности. Въ одной свадебной пѣснѣ ст. *Ищерской* (см. ниже) такой желанный
женихъ прямо называется *блѣныкымъ*, *румяненымъ*. Сравни также п. въ „Сбора
мат. для опис. мѣст. и пл. Кавк.“. Вып. VI. Отд. I, стр. 29, № 1. *Ред.*

*) Въ г. Оболяи, *Курской губерніи*, поется особая пѣсня въ соответстви-
ющій моментъ мѣстнаго свадебнаго ритуала:

Выкушай, Иванушка,
Выкушай, Петровичъ,
Падари, Иванушка,
Падаря, Петровичъ,
Не рублемъ платнаю,

Залатою гривнаю!
Кали будешь насъ дарить,
Мы будемъ тебя хвалить,
А не будешь насъ дарить,
Мы будемъ тебя карить. *Ред.*

Поют дѣвушки, когда вызываютъ невесту „на посадъ“:

14) Летѣли гуси-лебеди черезъ садъ,
Черезъ вишенье, виноградъ,
Кликали Катеньку на посадъ.
— „Что же вамъ, гуси-лебеди, до того?
Есть у меня родный батюшка для того“ *).

15) — „Ты, утушка, ты, сѣрая, выплывай,
Ты, бѣлая лебедушка, вылетай **),
Ты, Катенька-красавица, выходи,
Выходи, благословись,
За дубовый столъ садись,
Ты, Катенька-красавица, угадай,
Угадай, который—твой женишокъ“.
— „Какъ бѣленькій, румяненъкій ***)
Тотъ и—мой“.

На полу хаты разстилаютъ полсть (войлокъ), насыпаютъ на нее зеренъ проса или ячменя, или ржи; затѣмъ ведутъ подъ руки невесту и ставятъ ее на полсть для *благословенья*, послѣ котораго садятъ за столъ. Дѣвушки поютъ жалобу невесты передъ матушкой и батюшкой по поводу грозящаго наѣзда жениха ****), а невестѣ-сиротѣ поютъ особую, сиротскую, пѣсню *****). Между тѣмъ около невесты усаживаютъ ея малолѣтнихъ братьевъ или, за неимѣніемъ ихъ, ближайшихъ малолѣтновъ-родственниковъ, вооруженныхъ коротки-

*) Сравни въ „Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, ч. № 8, на стр. 74. Ред.

**) Вариантъ первыхъ двухъ стиховъ:

Ты, утица, вылетай, вылетай,
Селезня своего угадай, угадай,
Который—твой селезень (ст. *Ишерская*). Ред.

***) См. выше, на стр. 151—152, примѣчаніе **. Ред.

****) Поется пѣсня, напечатанная выше, на стр. 53—54, подъ № 21, только безъ пригѣва „Рано, рано“. Ред.

*****) Напечатана выше, на стр. 50—51, подъ № 18. Ред.

ми палками. Входят дружко и сваха, которые должны купить у этихъ стражей мѣсто для вошедшаго вмѣстѣ съ ними жениха. Дѣвушки поютъ сперва свахѣ:

16) Свашенька-гоголушка,
Бѣлая лебедушка *),
Ты не портъ косу русую,
Не *колыжатъ* (?) *оловку* **)
У нашей подруженьки,
У красавицы Катеньки.

Потомъ дружку:

17) Не приступай, *Литва*,
Будемъ съ тобой биться,
Будемъ воевати,
Подружку не давати.
Братецъ *курилъ воздичку*, (?)
Приказаль не продавать сестричку,
Просить ведѣль золотою
Отъ князя молодого ***).

Дружко предлагаетъ оберегателямъ невѣсты на подносѣ по стакану вина, но тѣ отказываются: „не хотимъ вина, давай денегъ!“ Дружко владеть на подносъ нѣсколько копеекъ и снова предлагаетъ. Мальчики громкимъ крикомъ отвергаютъ выкупъ: „больше давай денегъ, серебряныхъ да золотыхъ давай, него не отдадимъ сестрицу!“ и грозятъ палками. Дружко прибавляетъ понемногу до тѣхъ поръ, пока мальчики признаютъ сумму достаточною; тогда они выпиваютъ вино.

*) Сравни. п. № 31, выше, на стр. 59—60.

Ред.

***) Вар.: Не *колокатъ* (?) *головушку*:

Косушка—*младѣнька*,

Косушка—*милѣнька* (ст. *Ицарская*).

Ред.

****) Сравни. п. № 29 выше, на стр. 58; также въ сборн. „Народ. южнор. пѣс.“ п. на стр. 251 (Гадячъ, Лубны, *Полтавской губ.*), изд. А. Метлинскаго. Кіевъ 1854 г.

Ред.

и уступаютъ мѣсто возлѣ невѣсты жениху *). Дѣвушки поютъ:

18) Какъ братецъ-татаринъ
Продаль сестру за даромъ;
Просилъ бы золотого
Отъ князя молодого:
Молодой князь богатъ,
Золотой хотѣлъ отдать **).

Съ окончаніемъ пѣсни начинается *благословеніе* молодыхъ итти въ церковь. Женихъ и невѣста берутся *тѣми* руками за концы платка, которымъ дружка подводитъ ихъ къ родителямъ невѣсты со словами: „благословите молодого князя съ княгиней до Божьей церкви итти“. Всѣ присутствующіе въ хатѣ на нѣсколько минутъ садятся кто гдѣ, послѣ чего родители благословляютъ молодыхъ, и дружка съ помощью того же платка уводитъ ихъ въ церковь ***).

По уходѣ молодыхъ въ церковь, мужчины и женщины забираютъ все *приданое* невѣсты: сундукъ, перину и подушки (постель), шубу, поасть, полотенца, скатерти, простыни и несутъ по улицѣ въ домъ жениха съ гикомъ и пѣснями.

Поютъ:

19) Сестрицы, подружки,
Несите подушки,
Мягки, пуховыя,
Изголовья высоки ****).

*) Сравни подобный же обычай у малороссовъ, выше, на стр. 25—26, тамъ же пѣсню № 27. Ред.

**) Сравни выше, на стр. 26, п. № 28; въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк. Вып.“ VII. Отд. I, на стр. 77 п. № 18, также п. въ сб. „Нар. южнор. п.“, на стр. 195 (Черниговъ). Ред.

***) Дѣвушки вслѣдъ поютъ пѣсню, напечатанную выше, на стр. 59—60, подъ № 81 (вмѣсто „мати“ въ стихѣ: „Оглянися, мати“ поется *Камя*). Сравни также въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. VII. Отд. I, на стр. 77 п. № 15. Ред.

****) Каждое четверостишіе п. №№ 19, 20 и 21 заканчивается крикомъ

20) Сестрицы Катерины,
Несите перины,
Мягки, пуховыя,
Изголовья высоки.
Да кто любить мягко спати,
Тому постель стлати,
Мягку, пуховую,
Изголовье высоко.

21) Свашенька гостей ждала,
Коврами дворъ стлала,
Коврами, бобрами,
Черными соболями.

Послѣ вѣнчанія молодыхъ, родственники ихъ въ теченіе трехъ и болѣе дней заканчиваютъ свадебное пиrowанье. Весь первый день до разсвѣта проводятъ у молодыхъ, при чемъ разносятъ гостямъ *коровай* и дарятъ молодыхъ, кто чѣмъ можетъ и желаетъ; съ вечера другого дня опять до разсвѣта веселятся у родителей невѣсты; на третій день каждый изъ участниковъ веселья зазываетъ къ себѣ всю компанію и угощаетъ, чѣмъ Богъ послалъ *). Веселье во все время сопровождается пѣніемъ выше приведенныхъ свадебныхъ пѣсенъ и другихъ по усмотрѣнію и желанію.

II. Обрядовыя пѣсни.

а) Хороводныя.

Хороводныя пѣсни поются въ станицѣ во время Пасхи. По вечерамъ, дѣвушки и молодыя женщины, собравшись на улицѣ и взявшись за руки, становятся въ кружокъ. Одна

„и—и—и!“ и подбрасываньемъ перинъ, подушекъ и другихъ предметовъ приданого; это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы посторонніе видѣли, что родители *справили* своей дочери.

*) Сравни „весилля“ у малороссовъ, выше на стр. 86.

Собир.

Ред.

изъ участницъ, *затѣвала*, начинаетъ хороводную пѣсню, остальные подхватываютъ хоромъ и идутъ кругомъ одна за другою сначала въ одну, а потомъ въ другую сторону.

1) Пойду, млада, въ темный лѣсъ,
Ой, диво, рано, въ темный лѣсъ
(*припѣвъ—со второю половиною каждого стиха*),

Сорву, млада, кленовъ листь,
*Напишу я *)* грамоту
По бѣлому бархату,
Пошлю, млада, къ батюшкѣ,
Къ сударынь-матушкѣ.
— „Сударь ты, мой батюшка,
Сударыня-матушка,
Позвольте мнѣ поиграть,
Въ хороводѣ поплясать!“
— „Играй, мое дитятко,
*Играй **)*, мое милое:
Старой будешь—грать не будешь“.
— „Я старости не хочу,
Въ ногахъ ее столочу,
*За ворота провожу ***),*
*Собаками затравлю ****),*
Ой, диво, рано, затравлю“ ******)*.

Пѣсня № 1 поется и въ *Ищерской* станицѣ, но безъ припѣвовъ и при томъ со слѣдующими особенностями: *) *Спишу, млада **)* пляши; ****)* *Съ двора ее прогоню; ****)* *притравлю.* *Ред.*

******)* Пѣсня очень распространена въ народѣ *Курской* губерніи. Для сравненія приводимъ здѣсь четыре варианта, записанные нами:

а) въ дер. Сухоребрикѣ, Щигров-	Па бѣламу бархату
сваго уѣзда.	А изъ города на горадъ,
Пайду, млада, въ темнай лѣсъ,	Къ батюшкѣ въ <i>Бьмарадъ</i>
Сарву, млада, кленовъ листь,	(уѣздный городъ <i>Курской</i> губерніи).
Напишу письмо-грамоту	— „Сударь-батюшка радной,

2) Ой да по рѣкѣ-рѣкѣ,
По быстрой рѣкѣ,
Ой, рано, по быстрой рѣкѣ
(Припѣвъ—съ каждымъ четнымъ стихомъ),
Ой да селезень плыветь,
Да дѣвушкѣ вѣсть несеть,
Какъ дѣвушкѣ вѣсть несеть,
Да скорую грамоту,
Да скорую грамоту
По бѣлому бархату.
— „Да быть тебѣ, дѣвицѣ,
За старымъ мужемъ,
Ой да за старымъ мужемъ

Изволь грамоту принять,
Изволь письмо прачитать
Д' пустить мне пагулять!“
— „Гуляй, мал милая!
Пака старость нападетъ,
Игра на вумъ ни пайдетъ“.
— „А я старость раздавлю,
Залатенькимъ башмачкомъ,
Да сребриннымъ каблучкомъ“.

b) въ сел. Жидѣвкѣ, Дмитревскаго
уѣзда.
Пайду, малада, ва темнай лисокъ,
Сарву, малада, влянѣвъ листохъ,
Напишу я грамотку,
Пашлю ету грамотку
Да изъ горада на горадъ.
— „Изволь, батюшка, принять,
Вели іѣ прачитать;
Пазволь, батюшка, панграть,
Да шутачки пашутить:
Кагда старость пришибеть,
Игра на вумъ ни пайдетъ“.

c) въ с. Гуцинѣ, Тимскаго уѣзда.
Скудна—бѣдна дѣвка-я,

Да мой батюшка богатъ;
Онъ паѣхалъ на базаръ
Черевички закупать,
Дачерей-га нарижать.
Аду дочку наридилъ,
Къ абѣленки правадилъ,
А другу наридилъ,
Гратъ на улицу пустилъ.
— „Играй, играй, доченька,
Шути, шути, любимая“.
Пашла доченька писать—
Черевички гаварять,
Атца, матеря бранять.
— „А хто дурявъ, нихарошъ,
Сайди съ вулицы далой;
А я млада хараша,
Чирнаброва, пригажѣ.
Любилъ милай три гада,
А я йиво чытыри.
Съ таски, горя—кручины,
Сы балшой да пичали
Пайду, млада, въ темнай лѣсъ,
Сарву, млада, влянѣвъ листъ,
Напишу письмо-грамоту
Па бѣламу бархату,
Пашлю іѣ къ батюшкѣ

Да старую бабою“.
— „Да если бы знала я,
Да я, млада, вѣдала,
Я бѣ бѣлилами не бѣлилася,
Сурминами не сурмилася,
Ой, рано, не сурмилася“.

3) Ой во полѣ, на полянѣ,
Рано, рано, на полянѣ
(Припѣвъ съ послѣднимъ словомъ стиха),
При высокомъ при курганѣ,
Стоялъ *) шатеръ полотняный;
Въ этомъ шатрѣ—воевода.
— „Судья ты мой, воевода,

Изъ горада Бѣлгарада,
Кы батюшки вы горада.
— „Изволь письмо прачитать,
Вели мнѣ на улицѣ паиграть“.
— „Играй, играй, милая,
Шути, шути, любимая“.

d) въ Судманскомъ уѣздѣ.
Ой кто дурень, ни харошъ,
Таво съ уланды далой;
А я, млада, хараша,
Къ хараводу надала,
Низній наклонъ адала,
Всѣкъ *назолушкы* (вазюбу, любовь) дала;
Свану дружкы больше всѣхъ.
На *праходъ* (проходить) бѣлай день,
Наставала темна ночь—

Мнѣ, младай, не съ кѣмъ спать.
Лягу, лягу спать адна —
Береть мине грусть-таска
Все безъ милава дружка.
А я съ горя—са таски
Пайду, млада, въ темнай лѣсъ,
Сарву, млада, влѣновъ листъ,
Напишу я грамату
Къ радинаму батюшкѣ.
— „Радинай мой батюшка,
Изволь письмо прачитать,
Вели ты мнѣ пагулять!“
— „Гуляй, маѣ дитятко,
Шути, маѣ милаѣ:
Кагда старастъ пришибеть,
Игра на умъ ни падеть,
Вся шутачка праладеть“.

Послѣднія двѣ пѣсни отличаются отъ всѣхъ прочихъ и отъ южнейшей въ Наурѣ полнотой содержания, отчетливостью и обоснованностью главнаго мотива. Дочь здѣсь шлетъ своему батюшкѣ просительную грамату (письмо) не безъ всякаго повода, какъ во всѣхъ прочихъ предлагаемыхъ пѣсняхъ, а „съ тоски, горя-кручины, си большой печали“—нан потому, что милый любилъ ее три года, а она его—четыре и все таки осталась одна (с), нля потому, что ей, „младай, не съ кѣмъ свать“ (d).

*) Пѣсня № 3 поется и въ станицѣ *Ицарской* со слѣдующими вариациями:

Суди меня съ дворяниномъ,
Съ дворяниномъ-съ господипомъ:
Сосватамши, взять не хочеть“.
— „Ты—глупая, красная дѣвча:
Да гдѣ соволъ ни летаетъ,
Къ соволушкѣ прилетаетъ,
Да гдѣ молодець ни *бываетъ* *),
Къ *молодушкѣ* **) прибываетъ,
Рано, рано, прибываетъ“.

4) Зоренька ясная, привечерная!
Некому, зоренька, поиграть по тебѣ:
У меня мать—мать неродная,
Поздно владеть, рано возбуживаетъ ***).
Я съ горя—во чистое поле—
Горе—за мной воронымъ конемъ;
Я съ горя—во темные лѣса—
Горе—за мной яснымъ соволомъ:
Во полѣ все-то телѣги гремятъ,
Во бору-то все пастушки брунчатъ ****).

*Разбить, *) гуляетъ, **) красной дѣвчѣ.*

Ред.

***) Въ Наурской ст. поется особая пѣсня, съ основнымъ мотивомъ первыхъ четырехъ стиховъ предлагаемой пѣсни.

Ты, заря ль, да ты, моя зоренька,
Заря моя утренняя,
Заря моя, да ты все холодная.
У меня матушка—неродная,
Неродная, она нежеланная:
Поздно владеть, рано возбуживаетъ,
Посылаетъ меня рано по воду,
Да по ту воду, воду холодную,
Все разутую, да радѣтую,
Головушку распокрытую.
Охъ мнѣ того не хотѣлося:

Итти надо черезъ батюшкинъ дворъ—
Мой батюшка на балконѣ сидитъ,
А матушка подъ окошечкомъ стоитъ.
— „Ты, дѣтя ли мое, дѣтатко,
Чадо мое милое.
Ты не плачься, дѣтя,
На своего батюшку,
На родиму свою матушку,
А плачься на свою волоушку,
Да на ту волоушку,
Волѣ дѣвичью“.

****) Вторая половина данной пѣсни основнымъ своимъ мотивомъ (преслѣдованіе бездольной дѣвушки-падчерицы горемъ) напоминаетъ собой известную пѣсню: „А и горе, гореваньце“!

Ред.

5) Какъ не *цыбушекъ* *),
Не воробушекъ,
Диво, рано
(Притвъ послъ каждыахъ двухъ стиховъ),
Онъ сваваль тамъ—плясаль,
Брасныхъ дѣвушекъ маниль.
— „Выходите, красныя дѣвицы,
Вы на улицу гулять,
Хороводы заводите“.
— „Намъ—своя воля гулять,
Намъ—своя воля гулять:
Отцы, матери велятъ“.
— „Выходите, молодушки,
Вы на улицу гулять“.
— „Намъ мужа не велятъ“ **).
У молодушки молоденькой
Дитя кричить,
Какъ дитя-то кричить
Колыбельное,
А другое кричить
Короватное (мужъ).

*) *Цыбушекъ*—эпитетъ воробья. *Цыбатымъ* (мвр.) называютъ *человѣка съ тонкими, жидкими ногами* („Толков. слов. жив. великор. яз.“, Дала, Ч. V, стр. 525). Въ одной *пласовой* (мвр.) пѣснѣ этотъ эпитетъ отнесенъ къ *журавлю*: „Такой—сякый журавель, Такой—сякый *цыбатымъ*“ въ значеніи: длинно-ногій и тонко-ногій. *Цыба* или *цыба* въ вж.-рус. просторѣчій употребляется какъ кличка юзм (Слов. Дала, Ч. V, стр. 524 и 525); этой кличкой отмѣчается легкость, прытость ея ногъ: „Отъ прыткой козы—ни заборъ, ни вапоръ“ (Тамъ же, Ч. II, стр. 743). Отсюда заключаемъ, что въ предлагаемой пѣснѣ эпитетомъ *цыбушекъ*, который собственно указываетъ на легкость воробьиного прыжка, зависящую отъ его тонкихъ, жидкихъ ногъ, отмѣчается сторона, которою молодецъ, пляшущій на улицѣ въ хороводѣ, уподобляется воробью,—*легкость, грація пласовыхъ движеній*. Пѣсня оправдываетъ наше заключеніе: скаканье-пласанье молодца такъ *заманчиво*, что не только красныя дѣвицы, которымъ „своя воля гулять“, но и молоденькія молодушки, которымъ „мужа не велятъ“, охотно собираются въ хороводъ. *Ред.*

***) Сравн: начало пѣсни въ „Сборн. свѣд. о Терской обл.“, на стр. 231.
Ред.

— „Къ колыбельному дитю

Я няньку пошлю,
Къ короватному дитю

Я сама пойду,
Я сама пойду,

Прибаюкаю:

„Ужъ ты спи, ты усни,
Или шутъ тебя возьми,

А меня ты, молоденьку,
На улицу пусти“.

— „Ужъ я спать не усну
И тебя не пущу“.

— „Я украдуся, наиграюся,
Диво, рано“.

6) Перейду дворъ, перелѣзу

(Каждый стихъ повторяется два раза),

Перенесу я вина чару,

Упою я да стараго мужа,

Упоемши да стараго мужа,

Спать (его) уложу,

Сама выйду на улицу да послушаю,

Да не спать ли старый мужъ,

Иль пануеть. Панованье—

Да старому мужу гореванье.

7) Ой да какъ на улицѣ дѣва,

Ой, рано, рано, дѣва

(Припѣвъ—съ концомъ каждого стиха),

Разыгралась молодая,

Ровно яблочко садовое,

Будто вишенка налитая.

Свежоръ сноху домой влечеть:

„Ты, невѣстущка молодая,

Пойди домой поскорѣ“.

— „Ужъ я, батюшка, игральлива:

Я всю улицу *проиграла* *),

Траву-мураву притоптала

Я сафьянными башмачками,

Я *турецкими* **) каблучками,

Ой, рано, рано, каблучками“.

9) Да я выйду на улицу,

Выйду на широку

(Четные стихи повторяются два раза),

Да ударю я въ ладоши,

Ударю въ звончатя.

Да не звонки ладоши,

Звонки златы перстни.

Какъ услышалъ свекоръ,

Услышалъ же лютый.

— „Тихонько, невѣстка,

Тихонько, голубка,

Не побей бѣлы руки,

Не поломай златы перстни“.

— „Ты не лопайся, свекоръ,

Не трескайся, лютый!

Не твой сынъ мнѣ купилъ,

Не ты ихъ мнѣ положилъ,

А купилъ мнѣ батюшка,

Подарилъ родимый,

Себѣ на честь и славу,

А мнѣ на покрасы“ ***).

Вар.: *) *проплясала*, **) *Высокими* (ст. *Ищерская*).

Ред.

***) Сравни. пѣсню № 2 въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ за 1889 г., № 1, на стр. 110. *Покрасы*—наряжъ невѣсты, обычно сараваемый для нея жениховымъ отцомъ. „Толков. слов.“ Дала, Ч. III, стр. 228.

Ред.

9) По дубравушкѣ млада хожу—
Съ дубравушки цвѣты сыплють,
Ой, Ивлей, Ивлеюшка, сыплють
(Припѣвъ—съ концомъ каждаго четнаго стиха),
На мою головушку молодую.
Мое-то сердечушко болить—ноеть;
Да не къ кому мнѣ головушку приклонити.
Приклоню я головушку къ лютому свекру;
А свекоръ-то—батюшка неродный:
Онъ словечушко молвить—не замолвить,
Онъ сердечушко тѣшитъ—не утѣшитъ,
Ой, Ивлей, Ивлеюшка, не утѣшитъ.

Передъ пѣніемъ слѣдующихъ пѣсень всѣ участвующія въ хороводѣ раздѣляются на двѣ партіи (если участвуютъ и парни, то они присоединяются ко второй партіи), становятся одна партія противъ другой и поютъ попеременно:

10) 1—Да чьи пашни паханы,

Ой, диво, рано, паханы? *)

(Припѣвъ—съ концомъ каждаго стиха).

2—Наши пашни паханы.

1—Да чье просо сѣяно?

2—Наше просо сѣяно.

1—А мы коня **) выпустимъ

И просо мы вытравимъ.

2—А мы коня поймаемъ.

1—А мы коня выкупимъ.

2—Намъ не надо выкупа.

1—А мы дадимъ сто рублей.

2—Намъ не надо сто рублей.

1—А мы дадимъ тысячу.

*) Въ вар. за припѣвомъ: „Ой, де, рано“ послѣднее слово каждаго стиха повторяется два раза.

**) Вар.: коней запусать (ст. Ищерская).

- 2—Намъ не надо тысячу.
1—А мы дадимъ смѣты нѣтъ.
2—Намъ не надо смѣты нѣтъ.
1—А мы дадимъ старика-парика *).
2—Намъ не надо старика-парика.
1—А мы дадимъ старуху-стряпуху.
2—Намъ не надо старуху-стряпуху.
1—А мы дадимъ молодца.
2—У насъ свои водятся.
1—А мы дадимъ дѣвицу-красавицу.
2—Которую жъ дѣвицу-красавицу?
1—Которая вамъ нравится **).
2—Давайте намъ дѣвицу-красавицу.

Первая партія заявляетъ второй, что дѣвицу *безъ войны* не отдадутъ, и пѣніе продолжается въ томъ же родѣ:

11) 1—Кто съ нами войну воевати?

(*Каждый стихъ—два раза*)

- 2—Мы съ ваши войну воевати.
1—Есть ли у васъ войска наготовѣ?
2—Есть у насъ войска наготовѣ.
1—Есть ли у васъ сухари въ сумкахъ?
2—Есть у насъ и сухари въ сумкахъ.
1—Есть ли у васъ коза въ сарафанѣ?
2—Есть у насъ и коза въ сарафанѣ.
1—Есть ли у васъ баба въ хомутѣ?
2—Есть у насъ и баба въ хомутѣ.
1—Есть ли у васъ солдатъ съ барабаномъ?
2—Есть у насъ солдатъ съ барабаномъ.

*) *Парикъ* (отъ пара, паровать?) равнозначенъ съ *парникъ*, *паравикъ* („Толков. слов. жив. великор. яз.“, Дала, Ч. III, стр. 12), т. е. подходящій подъ пару, въ данномъ случаѣ, конечно, въ насмѣшливомъ смыслѣ. Въ вар. зм. „старика-парика“ поютъ „старика-бородоча“ (ст. *Ицарская*). Ред.

**) Въ вар. (тамъ же) стихи: 22, 24 и 25 п. № 10 не поются. Ред.

1—Есть ли у васъ конь осѣдланый?

2—Есть у насъ и конь осѣдланый.

1—Есть ли у васъ молодецъ на конѣ?

2—Есть у насъ и молодецъ на конѣ.

Изъ второй партіи выбѣгаетъ парень, врывается въ первую, схватываетъ дѣвушку и уводитъ въ свою партію. Пѣніе продолжается:

2—Къ нашему полку прибыло,

Ой, диво, рано, прибыло.

1—А въ нашемъ полку убыло,

Ой, диво, рано, убыло *).

Хороводъ заканчивается. Обѣ партіи сходятся вмѣстѣ, берутся всѣ за руки и идутъ по улицѣ съ пѣсней:

12) По улицѣ по широкой,

По муравѣ по зеленой

Выходила Иона жена молодая,

Выводила Ионова коня вороного,

Выносила сѣдельце черкасское,

Да еще уздечко тесменое,

Провожала Иона въ путь-дорожку,

Въ дальній путь—въ царскую службу.

— „Да кто бъ пошелъ вмѣсто Иона молодого,

Тому бъ отдала Ионова коня вороного,

Сѣдельце черкасское и уздечко тесменое“ **).

b) *Троицкія.*

Пѣсни эти поются во время праздника Св. Троицы дѣвушками, преимущественно подростками до 14 лѣтняго воз-

*) Пѣсни №№ 11 и 12 представляютъ вольное и растянутое подражаніе извѣстной хороводной пѣснѣ: „А мы прозо стѣла“. Сравни также п. № 22 въ „Оборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Евр.“ Вып. III. Отд. II, на стр. 45. *Ред.*

***) Сравни тамъ же п. № 12, на стр. 39—40.

Ред.

раста. Одну дѣвушку наряжаютъ *пласуньей*: ее одѣваютъ въ лучшее платье, украшенное лентами; на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ или шляпу, убранную лентами и цвѣтами. Иногда вромѣ дѣвушки-пласуньи наряжаютъ мальчика-*пласуна*. Весь его нарядъ, какъ и вся фигура его, представляютъ совершенную противоположность пласуньѣ: его одѣваютъ въ изорванное платье, привязываютъ къ спинѣ большой горбъ и къ подбородку бороду изъ конопли или изъ конскихъ волосъ, на голову надѣваютъ войлочный колпакъ съ войлочными же рогами, лицо пачкаютъ сажей, въ руки даютъ большую палку. Всѣ дѣвушки въ одинъ рядъ идутъ по улицѣ и поютъ пѣсни; пласунья впереди ихъ танцуетъ, а пласунъ, сгорбившись и опираясь на палку, наподобіе дряхлаго старика, отгоняетъ отъ процессіи любопытныхъ ребятшекъ.

1) Терень, терень зеленой—
Не разстался бѣ я съ тобой,
Рано, рано, я съ той
(Припѣвъ—съ концомъ четнаго стиха),
Я съ тобою, съ молодою,
Съ молодою, со вдовою.
Тамъ коляска ѣхала,
Во коляскѣ—дѣвица,
На дѣвицѣ—вѣночекъ—
Лавровый цвѣточекъ.
— „Что жъ ты, дѣвка, поблѣднѣла?“
— „Оттого я поблѣднѣла,
Что на молодца поглядѣла:
У молодца—бѣло личко,
Бѣло личко, кругло личко.
— „Поплывемъ-ка мы съ тобой,
Мой селезень бѣлкостый,

Бѣлкосистый, воронистый *),
Рано, рано, воронистый " " **).

2) „Курганъ мой, курганчикъ,
Курганъ мой зеленый,
Да кто жъ тебя топталъ,
Да кто притолочилъ?“
— „Топтали дѣвицы,
Молоды молодицы—
Дѣвки башмачками,
Молодицы каблучками“.
Задумала мати
За стараго отдати.
Да старому мужу
Постелюшку стлала:
Да въ три ряда—ряда
Жигучей крапивы,
Въ четвертый рядочекъ

*) *Бѣлкосистый*—съ бѣлыми косицами на хвостѣ. *Воронистый* (отъ *воронить*—наводитъ темный цвѣтъ разныхъ отливовъ. „Толков. слов. жив. великор. яз.“, Дала, Ч. I, стр. 216)—темнаго цвѣта съ разными отливками (селезень). *Ред.*

**) Вар.: а) Лугомъ, лугомъ зеленымъ, — „Что твой перстень потусклѣлъ?
Рано, рано, зеленымъ Что ты, дѣвка, поблѣднѣла?“
(*Принять*—съ концомъ стиха), — „Оттого я поблѣднѣла,
Тамъ коляска ѣхала; Что на молодца поглядѣла:
Во коляскѣ—дѣвица. У молодца—кругло личко,
Сколько дѣвка ѣхала, Кругло личко, бѣло личко,
Вдвое—второе плакала, Кругло личко, какъ калмычка,
На свой перстень глядячи, Рано, рано, какъ калмычка.
На камышекъ сплущий. (Ст. Наурская).

Калмычка (о лицѣ)—плоское, скулистое лицо, какъ у калмыка. Въ вѣсѣхъ лицо названо этимъ именемъ въ насмѣшку, чтобы показать, что оно въ дѣйствительности не бѣло и не кругло.

Вар. б) составляется изъ 1—4 vs. п. № 1 и 2—7 vs. вар. (а) и омычвается слѣд. діалогомъ дѣвицы съ перстнемъ и камнемъ дорогимъ:

— „Камень, камень дорогой, — „На молодца поглядѣлъ:
Перстень, перстень золотой, У молодца—бѣло личко,
Что жъ ты, перстень потусклѣлъ?“ (Бѣло личко), кругло личко“.

(Ст. *Ицерская*). *Ред.*

Бѣль-горючій камень *);
А послѣ тушила:
Мягко положила“.

III. Шуточная пѣсня.

Тараканъ мой, тараканъ,
Тараканъ мой черный,
Работать задорный!
Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ голову срубилъ.
Блоха парилася,
Съ пара ѣдарилася,
А вошь поднимала,

*) Въ Курской губерніи поются пѣсни, имѣющія много общаго съ пред-
лагаемой.

а) Трава ль ты мая, травушка!
А все трава ва лугѣ легла
Стѣною—шелковою муравою.
Ви лужокѣ—калодезь,
Ви калодѣ—вадица.
Брала воду дѣвица;
Афицеръ кани панлъ,
Дѣвкѣ рѣчи гаварилъ:
— „Быть табѣ, дѣвка, за мною,
За старам галавою“.

— Я стараму *даажу* (угожу),
Пастелюшку пастелю:
У три ряда—кранива,
А вгалоуе—калода,
А адѣло—барана.
— „Сни, старай, не дражи:
Пастелюшка—мягкая,
Адѣлице—теплае,
Вгалоуе—высокае“.

(Дер. *Ламанова*, Курскаго уѣзда).

б) Пахъ грушею зеленою,
Пахъ ябланей садовою

Сидитъ дѣвка, какъ ягдка,

Набѣлена, нарумянена,
Въ цѣтно платьѣ наряжена.
Рвала цвѣты—сарывала,
Вила вѣнокъ—савывала,
Свивши вѣнокъ, надѣвала,
Да надѣвши, гаварила:
„Чи стараму, чи маламу?
Заставусь я стараму,
Я стараму—пастелюшку:
А въ три ряда—каменія,
Въ четвертай рядѣ—кранивушку,
Кранивушку жигучую:
Въ галовушку—калодачку,
Калодачку дубовою,
Адѣться дамъ (я) кожею,
Что кожею ежовою.
Дастанусь я маладому,
Я маламу—пастелюшку:
Я въ три ряда—пуховики,
Въ четвертай рядѣ—падушечки,
Падушечки шарчевыя,
Адѣло шелковаѣ“.

(Въ *Суджанскомъ уѣздѣ*).

Срвн. въ „Воскрес. досугѣ“ 1867 г., Спб., на стр. 282, п. № 243.

Ред.

Животь надрывала.
Круторогій баранъ
По лужочку ходитъ,
А комарь на дубу
Играеть во трубу;
Комариха подъ дубкомъ
И не тужить ни о комъ.
Длинно-ногій журавель
На мельницу ѣздиль,
Диковинку видѣль;
Диковинка—небольшая:
Козель муку мелеть,
Коза подсыпаетъ;
Маленькіе возляточки
И тѣ не гуляютъ—
Муку выгребають.

IV. Любовныя пѣсни.

1) Выйду я на гору,
Выйду на крутую,
Посмотрю я, *подывлиюся*
На быструю воду.
Кавъ за *гаемъ* *)—гаемъ,
Гаемъ зелененькимъ,
Тамъ играла дѣвчоночка
Личенькомъ бѣленька.
Играла, играла—
Нема *того* **) пана,
Нанимала казаченька
Въ скрыпочку играти.

*) *Гай*—небольшой лиственный лѣсъ. „Толков. слов. жив. великор. яз.“
Далі, Ч. I, стр. 801. Ред.

**) Въ рукописи: мого. Ред.

Казачокъ играетъ,
Глазами моргаетъ.
А бѣсъ его батька знаетъ,
(На) что онъ моргаетъ.
Щука-рыба граетъ,
И та пару знаетъ,
А я, горька, несчастная,
Парочки не знаю.
Только у мне пара,—
Однѣ щеки алы,
Только у мне любви—
Однѣ черны брови *).

2) Офицерикъ молодой,—
Подъ нимъ вѣникъ вороной,
Весь уборикъ золотой,
Усы черные, чернобровый самъ.
Передъ нимъ стоять дѣвчонка,
Улыбается, усмѣхается.
— „Ты здорова ль, кумушка,
Здорова ль, голубушка?“
— „Сама собой здорова,
Да болить моя голова;
Ужъ не знаю, какъ и быть,
Чѣмъ головушку лѣчить.
Пойду млада по лужку,
Сорву травки-горошку,
Попарю головушку.
Я парила—парилá,
И парь ея не беретъ:

*) Пѣсня, очевидно, малороссійскаго происхожденія, но обрусѣла въ устахъ великорусскихъ кѣвцовъ станицы. Сравн. начало п. подъ № 41 въ „Сборн. матер. для опис. жѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. IV. Отд. II, на стр. 94—95. *Ред.*

Богъ здоровья не даетъ “ *).

3) Ужъ вы вѣйтесь, мои вудри,
Вѣйтесь, черные мои,
Развѣвайтесь, разсыпайтесь
По бѣлой моей груди!
Развивайся въ небѣ ясномъ,
Сизокрылый голубокъ!
Разцвѣтайте, василечки,—
Во мой дѣвичій вѣнокъ!
Вѣтры вѣчные, завѣйте!
Зажурчите, ручейки!

. **)

Съ *другимъ* милымъ повстрѣчаюсь,
Про любовь ему шепну.
Коль мила ему, такъ скажетъ:
„Ты подружкой будь моей“.
А моя въ томъ будетъ радость,
Что не взглянетъ на другихъ,
Что меня онъ больше любитъ,
Безъ меня не красенъ свѣтъ.

4) Какъ на горѣ жито
Копытами ўбито,—
Подъ бѣлою березою
Казачокъ *убитый* ***).
Приходить дѣвчина,
Съ черными бровями;

*) Предлагаемая пѣсня поется и въ ст. *Слѣпцовской*. *Ред.*

**) Пропускаемъ два сильно испорченныхъ стиха, въ конкѣ красна дѣвица
завываетъ своихъ подругъ (и парней) въ *хороводъ*. *Ред.*

***) Казакъ, какъ оказывается, не убить, а только раненъ въ голову.
Ред.

Она по немъ *жалковала* *),
Головку вязала.
Приходить другая,
Совсѣмъ не такая:
Приподняла *китаечку* **)
Да и поцѣловала.
— „Другъ ты мой милѣнькій,
Казачокъ бравѣнькій,
Ходить твой конь вороненькій
Въ лугу зелененькомъ“.
— „Пуцай онъ тамъ ходить,
Пуцай и ночуетъ:
Къ распрекрасной Марусенькѣ
Дорожку онъ чуетъ“ ***).

б) Да не ластушка,
Въ полѣ не касатушка
Она увивалася,
Увивалася красная дѣвица
Она у кроватишки,
Да будила она
Своего друга милаго.
— „Ты встань, ты проснись,
Душечка-любезный другъ,
Отъ сна пробудись!
У твоихъ ли воротъ,
У твоихъ веревочекъ
Стоять твои недруги,
Во рукахъ-то у нихъ—

*) *Жалковала* (мѣрс.)—тосковала, горевала. „Толков. слов.“ Даля, Ч. I. стр. 468. Ред.

**) *Китаечка* (китайка)—простая бумажная ткань. „Толков. слов.“ Даля, Ч. II, стр. 725.

***) Предлагаемая пѣсня—малороссійскаго происхожденія какъ въ отношеніи мотива (общезвѣстный), такъ и языка. Ред.

По ножу булатному,
Да хотять-то они тебя,
Душечка-любезный другъ,
Хотять убить-зарѣзати,
А меня, красну дѣвицу,
На позоръ отдать *).
А мнѣ, красной дѣвицѣ,
Того бъ не хотѣлося“.

б) Да и что это за садикъ, за зелененькій такой,
Да и что это за милый, за красавчикъ дорогой!
Пустилъ славушку худую, на всю улицу позоръ,
(На всю улицу позоръ), и мнѣ, дѣвицѣ, — *покоръ* **).
Моя маменька узнала, всѣ сосѣди говорятъ:
„Стыдно, стыдно, дѣвчоночка, стыдно молодца
любить,
А еще того стыднѣе поздно вечеромъ ходить“.
Дѣвчоночка застыдилась — стала плакать и рыдать;
Мальчишечкѣ жалко стало — сталъ дѣвчонку унимать.
— „Не плачь, не плачь, дѣвчоночка, не плачь,
милая моя!
Разгорится мое сердце — возьму замужъ за себя,
Разгорится ретивое — первѣнчаюсь я съ тобой“.
Я умру — жива не буду, я на гробъ напишу,
(Я на гробъ напишу), всѣмъ подружкамъ расскажу:
— „Ужъ вы, дѣвушки-подружки, вы не дѣлайте того,

*) Сравн. п. подъ № 118 въ „Сборн. матер. для опис. мѣст. и пл. Кавк.“
Вып. III. Отд. II, стр. 80 (Ст. *Темижбекская*, Куб. обл., Кавказскаго у.). Предлагаемая пѣсня поется въ ст. *Смицовой* и *Ицарской*. Не вездѣ одинаково поется „твои недруги“ нашей пѣсни: въ послѣднихъ двухъ станицахъ поютъ „други-недруги“, а въ ст. *Темижбекской* „братья-товарищи“. Въ сущности эти разнорѣчія одно другому не противорѣчатъ, такъ какъ друзья (братья-товарищи) сдѣлались недругами, повидимому, только изъ-за красной дѣвицы. *Ред.*

**) *Покоръ* (корить) — укоръ, попрекъ, срамъ. „Толков. слов.“ Дала, Ч. III, стр. 222. *Ред.*

Вы не дѣлайте того, не любите никого^{*)}.

7) Терекъ—рѣченька глубокой,
Прихожу въ тебѣ съ тоской:
Мой сердечный другъ—далеко,
Унесло его волной.
Плыветъ миленькій рѣкою,
А я—крутымъ бережкомъ;
Милый машетъ мнѣ рукой,
А я—шелковымъ платкомъ.
— „Позволь, душевѣнка, жениться
На дѣвицѣ мнѣ другой!“
— „Позволяю обручиться
Золотымъ своимъ кольцомъ.
Вотъ тебѣ, мой другъ,—невѣста,
А мнѣ, молодой,—черный гробъ;
Тебя вѣнчать поведутъ,
Меня въ церковь понесутъ;
На тебя вѣнецъ надѣнутъ,
А мнѣ память пропоютъ.
Не вытерпѣть твое сердце—
Ты ко гробу подойдешь,
Ты откроешь бѣлы груди
И слезою обольешь“^{*)}.

8) Ты, кручина, ты, кручинушка моя,
Безо время сокрушила молоду:
Подъ окошечкомъ сироточкой сижу,
Сквозь стекольце во чисто поле гляжу;

^{*)} Сравни. п. подъ № 17 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. в язем. Кавк“.
Вып. VII. Отд. I, на стр. 87. Ред.

^{*)} Сравни. въ „Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1887 г. № 4, на стр. 266
п. № 3. Ред.

Я не вижу въ чистомъ полѣ нивого,
Увидала въ полѣ аленькій цвѣтокъ.
— „Ужъ ты, аленькій, лавровый цвѣтокъ,
Ты далеко во чистомъ полѣ цвѣтешь.
Ужъ ты, миленькій, возлюбленный дружокъ,
Ты далеко отъ меня, милый, живешь,
Часто ходишь мимо моего двора;
Показалась мнѣ походочка твоя,
Походочка твоя частенькая,
Поговорочка твоя ласковая.
Что не зайдешь, не провѣдаешь меня
И не спросишь про здоровье про мое?“ *)

10) Изъ-подъ вѣмуса изъ-подъ бѣлаго
Быстра рѣченка течетъ **),
Какъ по берегу по вртуому ***)
Добрый молодецъ идетъ.
Какъ навстрѣчу ему,
Да доброму молодцу,
Свѣтъ Людмибочка ****) идетъ.
Какъ за злыми за людьми
Ничего ей не сказалъ,
Только глазикомъ окинулъ,
Милый взоръ ей оказалъ *****).
— „Ожидай меня, Людмибочка,
Поздно вечеромъ къ себѣ“.

*) Основной мотивъ нашей пѣсни входитъ какъ частный въ составъ 1-го напечатанной въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, на 231. Ред.

**) Вариантъ: идетъ.

***) Далѣе въ вар. слѣдуютъ стихи: Путь—дороженька лежить;
Какъ по этой по дорожкѣ...

****) Вар.: Любомирочка.

*****) Далѣе въ вариантѣ идутъ стихи: — „Зажигай, моя Любомирочка,
Свѣчу салную въ дому...
(Ст. Ищерская). Ред.

Какъ и ждала-поджидала,
Зажигала воску яраго свѣчу,
Не дождавшися, Людмирочка
Спать ложилася одна.
Да ей малехонько спалось,
Много во снѣ видѣлось *).

- 11) Ой да я день-то, весь день въ зеленомъ саду
прогуляла,
У стремячка булатнаго да я простояла,
За шелковый чумбуръ **) да я продержала,
Я все-то про все съ милымъ говорила,
Одну тайну секретную сказать позабыла:
— „Не женись, ты не женись, душечка-любезный
другъ,
Не женися да ты на вдовушкѣ, а женись ты на
дѣвушкѣ:
У дѣвицы обычай—не вдовичій.
Какъ вдова-то постель стелеть—про прежняго друга
вспоминаеть,
А въ головыцы кладетъ—сама слезно плачетъ,
А дѣвица постель постилаеть—друга въ радости
поджидаетъ“ ***).

- 12) Вспомни, вспомни, мой миленькій, про
прежнюю про любовь,

*) Вариантъ оканчивается стихами:

По утру рано—ранешенько	Это милый, любезный другъ
Вѣтерочекъ подувалъ;	Вѣсть ей подавалъ (ст. <i>Ищерская</i>).

Ред.

**) Чумбуръ (чембуръ. „Толков. слов.“ Дала, Ч. IV, стр. 561)—веревка изъ
конскихъ волосъ, привязанная къ удиламъ, поводъ. Собир.

***) Предлагаемая пѣсня имѣетъ сходство какъ въ основномъ мотивѣ, такъ
и во многихъ частностяхъ содержанія со второй половиной п. 5 въ „Русск. Филл.
Вѣст.“ 1839 г. № 1, стр. 112—113. Ред.

Какъ мы съ тобой, мой миленькій, погуливали,
Темныя ночи, осенія не сыпывали,
Тайныя рѣчи, секретныя говаривали:
Тебѣ, мой другъ, не жениться, а мнѣ замужъ не
итти;

Теперь женись, мой миленькій, а я замужъ пойду.
Какъ во полѣ, при дорожѣ, новый теремокъ
стоитъ,

А во этомъ теремочкѣ красны дѣвушки сидятъ,
Хорошія, пригожія, онѣ пѣсенки поютъ.

— „Ужъ не мою ли сударушку замужъ выдаютъ?“

Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу красну дѣвицу:
Женихъ ведетъ за рученьку, дружокъ за платочекъ *).

„Прости, прощай, моя краля, въ послѣдній разочекъ!“

— „Я бы рада распрощаться, кони не могутъ
стоять;

Молодые извозчики не могутъ держать:

Вожжой тронуть — кони дрогнутъ да и побѣгутъ **).

— „Ты скинь, моя краля, золотой вѣнокъ,

Ты надѣнь, моя краля, шелковый платокъ“ ***).

13) Какъ денечекъ проходить,

Вечерокъ наступаетъ,

Заря истухаетъ;

Милый по саду гуляетъ,

*) См. свадебный обычай при благословеніи молодыхъ и при отводѣ ихъ къ вѣнцу, выше, стр. 155. Ред.

**) 14—16 вѣ., видимо, подправлены. Ред.

***) Предлагаемая пѣсня безъ прощальнаго діалога вполне аналогична п. пѣсь № 28 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, стр. 90—91. Прощальный діалогъ, вмѣсто котораго цитируемая п. заканчивается тоской прежняго полюбовничка (этотъ) по своей любезной, отдавшейся другому, дѣлаетъ нашу пѣсню полнѣе, законченнѣе; въ немъ, кромѣ того, отдающаяся другому „краля“ рѣзко выражаетъ свое равнодушіе къ прежнему другу. Ред.

Посла за мной посылаетъ
И вслѣдъ самъ прѣзжаетъ,
Меня, младу, вызываетъ:
— „Ужь ты выйди, моя милая,
Радость дорогая,
Выйди ко мнѣ на крылечко,
Промолви словечко!“
Я вышла, да я выходила,
Рѣчи съ милымъ говорила:
— „Дружочекъ мой милый,
Орель сизокрылый,
Соколикъ мой ясный,
Молодецъ прекрасный!
Сколь далече, милый, ѣдешь,
Сколь далече отъѣзжаешь?“
— „Я ѣду, да я отъѣзжаю
Въ иной городочекъ
На одинъ годочекъ“.
— „Ты годикъ тамъ пробудешь,
Про меня, милый, забудешь;
Оставляешь меня въ горѣ,
Какъ корабль на морѣ,
Оставляешь мне въ кручинѣ,
Какъ корабль въ пучинѣ“.
— „Да я три года тамъ буду,
Про тебя не позабуду“.
— „Если, милый, скучно будетъ,
Ты пиши мнѣ письма“.
— „Я бы радъ тебѣ писать,
Не умѣешь читати;
Сама читать не умѣешь,
Людей просить не посмѣешь“ *).

*) Сравн. въ „Филологич. Вѣстн.“ 1837 г., № 4, на стр. 269 и. 7. *Ред.*

14) Сама про то знаю,
Сама про то вѣдаю,
Что мой миленькій *робитъ* (дѣлаеть):
Мой миленькій *робить*—
Коника сѣдлаеть,
Осѣдлавши коня,
Коня вороного,
Со двора милый съѣзжаетъ *),
Какъ сказано другу,
Во царскую службу.
Плакала, рыдала,
Слезы утираза
Русою своей косою,
Шила, вышивала
Золотыя травы—
Милому рубашку.

15) Что-то скучно, что-то грустно,
Видно, скоро я умру;
Вы пойдите, приведите,
Кого вѣрно я люблю,—
Люблю *чернаю*, *черноброваго* **),
Русы вудри у него.
Расчешу я эти вудри
Своимъ частымъ ***) *гребешкомъ*,
Расчесавши вудерюшки ****),
Въ черну шляпу наряжу,
Нарядивши въ черну шляпу,
Алой лентой обовью

*) Ср. н. № 144 въ „Сб. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк.“ Вып. III.
Отд. II, стр. 88. Ред.

**) Вар.: *Черноглазаго*, черноброваго.

***) Вар.: *Вѣлымъ рыбьимъ*.

****) Вар.: *Расчесавши вудеречки*.

(Ст. *Иаверская*) Ред.

И, обвивши *) алой лентой **),
За ворота провожу;
Проводивши за ворота ***),
Во слѣдъ дружбу погляжу:
Куда-то онъ, мой миленькій,
Да куда же онъ пошелъ.
Увидала (я), сударушка,
Изъ свѣтлаго изъ окна:
Пшелъ, пошелъ мой миленькій
Вдоль по рѣчкѣ (?)—по мосту ****);
Мосточекъ-то обломился *****)—
Мой миленькій утонулъ *****).
Утопавши, мой дружочекъ
Меня, младу, вспоминауль.
Да стала (я), сударушка,
Эту рѣчку проклинать:
— „Да чтобъ тебя, быстра рѣчка,
Желтымъ пескомъ занесло,
А моего любезнаго
На круть берегъ вынесло!“ †)

16) Дѣвница по саду гуляла,

*) Вар.: Обовьемши.

***) Вар. далѣе слѣдуетъ:

За столомъ я посажу,
Посажемши-то за столъ,
Стаканъ меду поднесу,

Поднесемши стаканъ меду,
Черной шляпой наложу,
Наложемши черной шляпой..

****) Вар.: Проведемши мила друга.

*****) Вар.: Въ конецъ уляци на мость.

*****) Вар.: Мостовинна обломилась.

*****) Въ вариантѣ в. 25—28 в. далѣе слѣдуетъ:

Его шапочка-забардиночка
Поверхъ воды полынла.

— „Вы пойдете, сестрицы-подружки,
Быстру рѣчку проклянуть!“

(Ст. Ищерская) Ред.

†) Ср. п. № 121 въ „Сбор. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк.“ Вил.
III. Отд. II, стр. 81—82. Ред.

Красная крапивушку жала;
Дѣвицу раздумьице брало:
Мало крапивы нажала,
Кажется, ни съ кѣмъ не стояла,
Только съ милымъ говорила:
— „Миленькій, возлюбленный дружокъ,
Слышала я про свое несчастье:
Ѣдешь ты во царскую службу.
Милый, возьми меня съ собою,
Назови меня сестрою родною!“
— „Глупая ты, красная дѣвица!
Во всемъ полку офицеры знаютъ,
Что нѣтъ у меня сестрицы-дѣвицы;
Есть у меня жена молодая,
И то я съ ней живу не въ совѣтѣ,
Не въ совѣтѣ, не въ большой любви“.
Съ горя выйду на крутую гору,
Брошу я и серпъ, и крапиву,
Ударюсь о сырую землю.
— „Мать-сыра земля, разступися,
Мой миленькій, назадь воротися,
На вѣкъ со мной распростися!“ *)

17) Ты, судьба моя, несчастная судьба,
Къ чему, судьба, на свѣтъ меня создала?
Никакой отрады ты мнѣ не дала,
Только, судьба, мнѣ горюшка придала:
День настанетъ—во тоскѣ я прохожу,
Ночка придетъ—во слезахъ я пролежу.
У сосѣда пирь-бесѣдушка идетъ,
Пойду съ горя во компаньицу гулять,

*) Предлагаемая пѣсня—полнѣе п. № 12 въ „Сборн. матер. для свѣдѣн. и изв. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 84. Ред.

Послушаю, что сосѣди говорятъ.

— „Ужъ вы, люди, вы, сосѣдушки мои,
Перестаньте про меня вы говорить,
А скажите, какъ на свѣтѣ мнѣ жить:
Милъ сердешный, онъ уѣхалъ отъ меня,
Бросилъ меня въ большомъ горюшкѣ одну.
Съ кѣмъ я буду это горе горевать?
Съ кѣмъ я буду темны ночи ночевать?“
— „Горюй, горюй свое горюшко одна,
Ночуй, ночуй темны ноченьки одна:
Онъ поѣхалъ во иные города;
Тамъ есть лучше, тамъ есть краше безъ тебя“.
— „Охъ, судьба моя, несчастная судьба,
До чего меня, судьба, ты довела!
Довела меня до волюшки до большой,
До волюшки, до славушки до худой:
Осталась я ни дѣвушкой, ни вдовой,
Осталась я несчастной сиротой.
Скучно, грустно жить безъ матушки родной,
А тошнѣй, грустнѣй безъ милаго друга:
Ложилась я, младешенька, спать одна,—
Безъ милаго постелюшка холодна;
Потонули подушечки во слезахъ,
Одѣяло завалилось во ногахъ“.

V. Вытовые пѣсни.

а) *Вдосы.*

1) Постылые люди, постыль бѣлый свѣтъ:
Моего милого его въ живѣ нѣтъ.
Все хожу я—плачу, все хожу—вздыхаю,
А мо'го любезнаго его на свѣтѣ нѣтъ *).

*) Стихъ дурень.

День придетъ—тоскую, ночь придетъ—горюю,
И съ тѣмъ молодешенька ложусь спать одна.
Сяду подъ окопечкомъ, сяду да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить мнѣ одинокою.
Выйду за ворота, выйду за новья,
Гляну въ ту сторонушку, гдѣ милый лежитъ,
Махну я платочкомъ, вздохну тяжелехонько,
Покатятся слезоньки на бѣлую грудь.
Охъ, какъ-то мнѣ тошно, охъ, какъ-то мнѣ
грустно
Безъ любви, безъ счастья мнѣ на свѣтѣ жить.

2) Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловались, миловались,
Сизыми крылышками обнимались.
Какъ отеоль взялся младъ-ясенъ соколь,
Онъ убилъ, убилъ сизаго голубя,
Сизаго голубя, сизокрылаго.
Какъ восплакалась сиза голубочка,
Возрыдалася сизокрылая,
А младъ-ясенъ соколь успокоивалъ:
— „Ты не плачь, не плачь, сиза голубочка!
Полечу я, соколь, за сини моря,
Пригоню (я) стадо тебѣ голубей,
Стадо голубей (да все) сисокрылыхъ;
Выбирай себѣ сизаго голубя,
Сизаго голубя, самаго лучшаго“.
— „Этотъ голубокъ—мнѣ не милъ дружокъ,
Моимъ дѣточкамъ—не рѣднй отецъ.
У моего голубя—три примѣточки:
Головка у него—позолочѣная,
Крылышки у него—посеребрены,
Хохолочекъ у него—жемчугомъ убранъ.“

Не выбрать мнѣ сизаго голубя,
Не найти мнѣ друга вѣрнаго,
Своимъ дѣточкамъ батюшку роднаго.
Охъ, хохó, хохó, голова моя,
Ты, житье мое—житье бѣдное,
Одиночество—*житье* проявляя!
Прожила я вѣкъ *не какъ человекъ* *):
Люди-то живутъ, какъ макъ цвѣтутъ,
А моя голова вянетъ, какъ трава,
Подкошеная, подваленая;
Куда ни пойду я—въ бѣду попаду,
Съ кѣмъ ни постою—про меня говорятъ,
Кому ни скажу—мнѣ въ глаза смѣять^а.

3) Береза моя, березонька,
Береза кудрявая!
Ты умѣла, бѣлая березонька,
При *юродъ* (дорогѣ?) постоять,
Съ вѣтрами буйными бушевать.
Ты, вдовушка моя, молодушка,
Вдова молодая!
Да умѣла ты, вдовушка,
Во вдовушкахъ посидѣти,
Въ зеленомъ-то саду
Да ты погуляти,
Да сахарныя садовыя яблочки
Въ саду сорывать.
Какъ *поставили* къ молодой вдовушкѣ . . .
Полковничка на квартиру,
Да и сталъ спрашивать
Молодой полковничекъ
У вдовушки молодой овса, сѣна **).

*) Стихъ подправленъ.

**) Стихи: 8—11 записаны неточно.

— „Овса, сѣна я (вдовушка) не косила,
Молодого полковничка
На квартиру не просила“.

б) Семейно-бытовья.

1) Отъ суха дуба отростьевъ нѣтъ,
Отъ мила друга привѣта нѣтъ.
Я съ той тоски-со кручинушки
Пойду *сама* *) во чисто поле гулять,
Съ чиста поля—во зеленый садъ,
Нарву-нащиплю хмѣлю яраго,
Нагоню да накурю пива пьянаго,
Созову-соберу пирь-бесѣдушку;
За матушкой я посла пошлю,
А за батюшкой—слугу вѣрнаго,
За милымъ дружкомъ я сама пойду;
Посажу дружка за дубовый столъ,
А сама сяду по конецъ стола,
Напою-то дружка пивомъ допьяна,
Стану дружка пытать-спрашивать:
— „Одну ли меня ты сушишь-крушишь?“
— „Я сушу-то-вршу семь дѣвушекъ,
А восьмую вдовушку-молодушку,
Девятую тебя, молоду жену“.
Напою-то я дружка допьяна,
Позову его спать на соломушку,
Подожгу я соломушку снизу до-верху“ **).

*) *Сама*—въ смыслѣ одна.

Ред.

***) У Кирѣвскаго (Внп. VIII, стр. 225—226, № 7) та же пѣсня имѣетъ историческую подкладку. Дворанскій сынъ, завзобившій сердце дѣвушки, отправляется „во походъ, въ чужу сторону, въ края Шведскія“; дѣвушка его провожаетъ „до самаго Питера, а отъ Питера до Кіева“, затѣмъ возвращаетъ его домой, подпавляетъ и выпытываетъ, одну ли ее онъ сушишь-крушитъ. Наша пѣсня ограничивается послѣднимъ, любовнымъ мотивомъ, распространяетъ этотъ мотивъ на мать жени и потому имѣетъ исключительно семейно-бытовое значеніе. *Ред.*

2) Ой да вы, куры мои, кочеточки,
Кочета мои молодые!
Вы начто, куры, рано прокричали,
Моего дружка рано разбудили?
У меня, младой, мужъ—гуляка,
Онъ—гуляка, шельма-забияка:
Онъ со вечера кудеречки чешеть,
Со полуночи гулять, шельма, ходитъ,
Ко бѣлой зари онъ домой приходитъ.
Какъ и входить ко мнѣ на крылечко,
Гремитъ-стучитъ да онъ за колечко.
— „Отвори, жена, да ты, немидая,
Вся родня твоя она постылая!“

3) Загоралась во полѣ ковылка,
Замирало у молодца сердце.
Моя жена она *некорыстна*,
На работу, шельма, независтна:
Люди въ полѣ—моя жена дома,
Она дома, будто нездорова,—
Полюбила парня молодого;
А младъ парень онъ, шельма,—гуляка,
Онъ гуляетъ, самъ Дунѣ моргаетъ:
— „Ходи, Дуна, ходи хорошенько,
Носи, Дуня, платьице бѣленко,
А другое платье голубое,
На ножкахъ чулки, полсапожки“.
Зналь бы я, молодець, не женился;
Да пошегъ бы, Царю отслужился,
Заслужилъ бы чина офицера,
Взялъ бы майорскую дочку,
Да повелъ бы ее по садочку,
Посадилъ бы ее во садочкѣ,

Напоилъ бы чаемъ, кофеечкомъ “ *).

4) Нарублю я сырыхъ дровъ,
Затолю я хату вновь,
Сама пойду по воду
На *Самару*-на рѣку.
На Самарѣ-рѣкѣ **)
Гуси, лебеди сидятъ,
Губоко воду мутятъ.
Да не я ли, молода,
Я догадлива была:
Постояла я часокъ—
Устоялся желтъ песокъ,
Постояла часа два—
Устоялася вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
Кромьсельки обняла,
Ведерочки подняла
И домой себѣ пошла ***).
Распроклятый башмачокъ—
Подломился каблучокъ,

*) Сравни. выше, на стр. 68—69, п. № 2.

Ред.

**) Вариантъ первыхъ четырехъ стиховъ:

<i>Затопила обмануть</i>	Сама по воду пошла,
<i>Своего мужа-дурака:</i>	Ужъ я по воду-воду
Нарубила сырыхъ дровъ,	На самую на рѣку.
Затопила печку вновь,	Какъ на той ли на рѣкѣ...
Затопила, подожгла,	

Первые два стиха служатъ яснымъ указаніемъ принадлежности даннаго варианта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предлагаемой пѣсни къ числу семейно-бытовыхъ.

***) Вар.: Зашаталася—пошла.

Приулитая гора,

Какъ домой-то я (по)шла

Приулитая, приубита,

Мимо милаго двора;

Приутопанная.

Противъ милаго двора—

Ахъ, мой новый башмачокъ...

(Ст. *Сляпцовская*) *Ред.*

Я упала на бочоць *)
Туда—глядь, сюда—глядь,
Меня некому поднять;
Оглянулася назадъ—
Стоить *молодецъ-солдатъ* **).
— „Ужъ ты, Ваня Лебединъ,
Подними меня одинъ“.
— „Я бы радъ тебя поднять,
Съ стороны люди глядятъ,
Не чужіе, все свои“ ***).

5) Мой мужъ домой ѣдетъ,
Постылый домой ѣдетъ;
Некуда гостя дѣти,
Некуда скоронити.
Я гостя—въ лукошко,
Войлокомъ накрыла,
Подъ лавку подбила.
Какъ мужъ црѣзжаетъ,
Онъ жену пытаетъ:
— „Жена моя, жонва,
Жена-боярня,
Что у тебя въ лукошкѣ
Войлочкомъ накрыто,
Подъ лавку подбито?“
— „Ужъ ты, мужъ-мужішко,
Глупый, неразумный!

*) Въ вар. даже слѣдуетъ: И упала, и лежу,
На всѣ стороны глажу..

**) Вар.: Стоить *Ванюшка-казакъ*.

(Ст. *Олтшцовская*) Ред.

***) Какъ въ ст. Наурской, такъ и въ Слѣпцовской предлагаемая пісня по-
ется мѣстѣ съ напечатанной выше, на стр. 171, подъ № 2, какъ одна, несмотря
на очевидную самостоятельность мотива каждой. Сравни *сороководную* пісню въ „Сб.
матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, стр. 87, № 6. Ред.

Черная овечка барана родила
Съ крутыми рогами,
Съ головой кудрявой,
Съ длинными ногами“.
— „Жена моя, жонка,
Жена-бодрня,
Покажи мнѣ барана
Съ крутыми рогами,
Съ длинными ногами!“
— „Да ты, мужъ-мужйшко,
Глупый, неразумный!
Этого барана
До трехъ дней не кажутъ,
До трехъ не любятъ“.
Денечекъ проходитъ,
Другой наступаетъ,
Мужъ жену пытается:
— „Жена моя, жонка,
Покажи мнѣ барана,
Чернаго, кудрява!“
— „Этого барана
Я въ садъ относила;
Свинья дверь отбила,
Барана ѱпустила;
Этого барана
Сыры волки съѣли“ *).

6) Ты, темная, осенняя ноченька,...
Ты, глупая, неразумная *женщина*:
Полюбила казаченька браваго,

*) Забавный, шуточный товъ нѣсни не только не умалаетъ ея семейно-бл- тогова значенія, а наоборотъ, способствуетъ рельефному изображенію глупости мужа-простака передъ продувной обманщицей-женой. *Ред.*

Взяла его за рученьку правую,
Повела его во горенку новую,
Посадила на кровать тесовую;
Сама пошла во зеленый садъ гулять,
Позабыла соловушку приказать:
— „Соловей мой, ты, залетная пташечка,
Не пой, не пой по утру рано на зарѣ,
Не буди ты моего милаго въ терему“.
Я думала, что мой милый спитъ—не слышитъ,
А мой милый да мнѣ плеточку готовить;
Я думала, что плеточка—шелкова,
А плеточка—съ сиромятнаго ремня;
Я думала что плеточка—шуточка,
А ударить—поднимется шкурочка;
Я думала, что плеточка—алый цвѣтъ,
А ударить—помрачится бѣлый свѣтъ.

7) Какъ я мужъ-то жену
Онъ ее журить-бранить,
Онъ ее убить хотить.
Жена мужа уговаривала:
— „Ужь ты, другъ, ты, мой другъ,
Ты, законный мой мужъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты убей меня во полуночи,
Когда дѣточки спать лягутся,
А сосѣдушки усновоются:
По-утру рано дѣточки пробнутся
И про матушку они хвататся.
По-утру рано дѣтки проснулись
И про матушку свою хватились.
— „Ужь ты, батюшка нашъ,
Гдѣ наша матушка?“

— „Ваша матушка по воду пошла“.

— „Родимый нашъ батюшка,
Вотъ—ведерочен и коромысельки;
Родный батюшка, скажи,
Гдѣ наша матушка“.

— „Ваша матушка
Бѣлится, румянится,
Съ богатымъ купцомъ
Гулять убирается“.

— „Наша матушка,
Она не гульлива,
Съ богатымъ купцомъ
Гулять неповажена.
Родный батюшка, скажи,
Да гдѣ жъ наша матушка“.

— Ваша матушка—
Во сыромъ бору,
Во дубовомъ гробу“.
Какъ и дѣточки восплакались,
Да они возрыдались.

— „Вы не плачьте, дѣти малыя!
Я сострою вамъ комнаты новыя,
Приведу вамъ мать молодую
И сдѣлаю цѣпь золотую“.

— „Золотая цѣпь твоя оторвися,
Молодая мать отъ насъ отвѣжися,
Родимая наша матушка
Назадъ воротися“ *).

*) У Кирѣвскаго мы находимъ много пѣсенъ на тему: какъ мужъ жему терпѣлъ; убійцей является то „Донской казакъ“ (Вып. V, стр. 118—122; Приложенія къ VII вып., стр. 80—82), то „Добрый Молодецъ“ (V, 123—125; VII. Прилож., 88), то „Молодой Майоръ“ (V, 126—127), то „Князь Романъ (Демьянъ)“ (V, 100—112). Послѣднія пѣсни, съ именемъ князя Романа, являются исконными, на-

8) Какъ отецъ сына журить-бранить,

Онъ его со двора гонить:

— „Ты сойди, сойди съ моего двора,

Ты сведи свою угрюмую жену“.

— „Ты за что меня со двора гонишь?“

— „Я гоню тебя через твою жену угрю-
мую“.

— „Вы подуйте, буйны вѣтры,

Наметите, нанесите снѣгу бѣлаго,

Заметите, занесите все подворьяце!“

— „Ужъ ты, сынъ, ты, мой сынъ,

Не ходи мимо подворья моего!

Затравлю я тебя собаками“.

Какъ сынъ отцу онъ ему отвѣтъ держалъ:

„Зарастутъ мои всѣ дорожки-дороженьки

Не травой-муравой, алыми цвѣт(очк)ами“.

с) *Военно-бытовья.*

1) Мнѣ малехонько спалось,

Много во снѣ видѣлось:

Будто конь мой вороной

Возыгрался подо мной,

Свалилася черна шапочка

Съ буйной моей головы,

Оторвался золотой колчанъ

Съ лѣваго моего плеча,

чальными для всѣхъ остальныхъ, которыя, потерявъ имя, потеряли *княжескіе* от-
тѣнки, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣленная историко-бытовья черты и становились
постепенно общими и безыменными. Предлагаемая пѣсна, какъ и аналогичная ей
п. Кирѣвскаго „Добрый Молодецъ“ (Прилож. къ VII вып., стр. 33), принадлежать
къ безыменнымъ и представляеть интересъ чисто семейно-бытовой. Сравни. также
въ „Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ Вып. III. Отд. II,
на стр. 77—78 п. № 109, и выше, на стр. 71—72, п. № 6. Ред.

Разсыпались мелки стрѣлочки
По чистому полю врозь.
Да и кто бь этотъ дивный сонъ
Мнѣ могъ его рассказать?
Разсуждала ему`дивный сонъ
Мать его родимая:
— „Ты, дитя ли мое, дитятео,
Чадо мое милое!
Какъ этотъ твой дивный сонъ
Я словами расскажу:
Возыгрался вороной твой конь—
Въ походъ тебѣ скоро итти;
Свалилася черна шапочка—
Убитому тебѣ быть;
Оторвался твой золотой волчанъ—
Молодой твоей женѣ завдовѣть;
Разсыпались мелки стрѣлочки—
Твоимъ дѣточкамъ осиротѣть“.

2) Снаряжай ты, матушка,
Снаряжай, родимая,
Меня, добра молодца,
На службу Царю!
За него, за батюшку,
Всю кровь молодецкую
Я пролить радехонекъ
На смертномъ бою.
Что святѣй передъ Господомъ,
Что для сердца радостнѣй,
Какъ сложить головушку
За родимый край
И знать, что наградою
За кровь и за подвиги,

За кончину храбрую
Насъ ждетъ свѣтлый рай!
Если ворочуся я,
Будетъ чѣмъ, родимая,
Намъ съ тобой на старости
Вѣкъ довѣковать:
Отъ царской отъ милости
Будемъ припѣваючи
Въ своемъ родномъ гнѣздышкѣ
Жить да поживать;
Если (жъ) мнѣ судилъ Господь
Въ полѣ награжденіе,
За Русь православную
Положу животъ.

3) Прости, отецъ и мать родные,
Меня какъ сына своего,
Смотрите вы на остальные
Часы гулянья моего!
Теперь невольная м'ня служба
Ведетъ въ чужой и дальній край;
Осталась вся любовь и дружба,
Затмился мой прекрасный рай.
Льшь сяду я на конь, пушуся,
Слезюю груди оболую;
Богъ знаетъ, къ вамъ я возвращуся,
Назадъ когда я прилечу;
Пройдетъ ли время моей службы
Въ счастливыхъ дней моихъ часахъ,
Цѣла ли будетъ моя дружба
Въ пріятельскихъ сердцахъ
..... *)

*) Пропускается сильно испорченное мѣсто: прощаясь съ родными, отходя-

Въ чужой странѣ—мой *покровы*:
Отецъ мой, мать и тамъ жена.
О, служба! страшные оковы!
На службѣ цѣлый день голодный
. *)
Прійдешь въ квартиру весь холодный,
Свернешься, ляжешь на полу.
Заря лишь только лучъ покажетъ,
Иди на службу знай опять.
Чужая маменька не скажетъ:
„Возьми, сыночекъ, съѣшь калачъ“.
Счастливый тотъ, за вѣмъ нѣтъ службы:
Живетъ помѣщикомъ въ дому **).

4) Казакамъ-дружкамъ въ походъ *явлено* ити,
Моему дружку разлюбезному рѣчью сказано было.
Какъ со вечеру разлюбезный другъ убираться сталъ,
Со полуночи онъ копя своего сѣдлалъ,
Ко бѣлой зари со двора милый съѣзжалъ.
Да никто-то добраго молодца его провожать не шелъ—
Ни батюшка и не матушка, ни родъ племени его;
Провожала да добраго молодца молода его жена,
(Провожала она его) съ милыми дѣтками;
Какъ и шла-то она, слезно плакала.

5) Пошли наши казаченьки
Въ походъ съ полуночи.

щій въ невольную службу съ тоской вопрошаетъ, вздохнетъ ли по немъ та, которую онъ любитъ (жена), т. е. сохранить ли она къ его возврату любовь и вѣрность къ нему, или онъ увидитъ ее „предъ ногами“ и убьетъ. *Ред.*

*) Пропускаемъ испорченный стихъ: „Сядишь, прижавшись подъ буркой“.

Ред.

***) Пѣсня—не народная; приводится здѣсь какъ примѣръ пѣснотворчества въ средѣ испытывавшихъ тяжесть прежней продолжительной военной службы въ чужой, дальней сторонѣ. *Ред.*

Идутъ, идутъ казаченьки,
Назадъ поглядяютъ
(*Каждое четверостишие — по два раза*),
Тяжело вздыхаютъ:
— „Остаются наши дома,
Молодые жены
И малыя дѣти;
Дома наши заустѣютъ,
Жены завдовѣютъ,
Дѣти 'сиротѣютъ“.
Какъ задумалъ казакъ бравый
Онъ въ *Турци* умереть.
Умеръ, умеръ казаченька,
Умеръ молоденькій,
Онъ на травкѣ-на муравкѣ
Да на черной буркѣ.
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь голову клонить.
— „Закричи ты, конекъ добрый,
Хоть разъ надо мною,
Надъ буйной головою“.

б) Да когда я былъ, былъ малехонекъ,
Былъ глухонекъ,
Да тогда-то меня отецъ, мать любили,
На рукахъ носили;
А потомъ я сталъ на возрастѣ,
На своихъ ногахъ,
Сталъ конемъ владать, изъ ружья стрѣлять,
Изъ любимой своей винтовочки;
Я ходилъ-гулялъ по дивой степи,
Ужъ я билъ, стрѣлялъ гусей, лебедей,
Сѣрыхъ уточекъ;

А теперь мнѣ пришлось на войну ходить,
На кровавый бой *).

7) Вы, *коши* **) мои, кошочки,
Коши мои назыве!
Да и всё-то мои кошочки
Поразорены стоять.
Охъ, какъ одинъ-то кошочекъ
Стоить неразоренный,
Да и въ томъ-то кошочекъ—
Огонекъ малехонекъ,
А дымокъ тонехонекъ.
У этого огонька
Разостлана бурочка,
А на той-то бурочекъ
Лежить добрый молодецъ;
Онъ не такъ лежить,
Крѣпко раненый,
Перевязываетъ свои
Больныя ранушки.
— „Ужъ вы, братцы мои,
Вы, друзья мои, товарищи!
Не покиньте, друзья,
Вы меня при горести,
При такой-то бѣдности,
При горѣ-вручинушѣ;
Охъ, да въ нѣкоторое времячко
Я вамъ пригожусь, друзья,
Замѣню ваши головушки.

*) Сравн. въ „Сборникѣ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, стр. 74, п. подъ № 95 (*Наурская ст.*) и въ VII, стр. 101—102, п. подъ № 7. Ред.

**) *Кошь* (юж.-р.)—плетеный шалашъ. „Толков. слов. жив. великор. яз.“ Даля, Ч. II, стр. 790. Ред.

Грудью своей б'блою,
Да еще-то, друзья-братцы,
Животомъ своимъ и сердцемъ“.

8) Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, степь широкая!
Ничего ты, поле, не порбдило,
Породило поле кустъ ракитовый.
Подъ кустомъ лежитъ молодой казакъ,
Онъ не такъ-то лежитъ, кр'бико раненый;
Въ головахъ у него—б'блъ горючъ камень,
Во груди у него—свинцовá пуля,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во ногахъ у него—его добрый конь.
— „Ужъ ты, конь, ты, мой конь,
Конь, товарищъ мой!
Ты б'бги, мой конь, въ землю русскую,
Не давайся, мой конь, врагу *прусскому*,
А ты дайся, мой конь, моему батюшк'б
И родименькой моей матушк'б;
Молодой жен'б на словахъ Расскажи,
Что женила меня свинцовá пуля,
Обручила меня сабля острая,
Перв'бначала меня гробовá доска“ *).

*) Для сравненiя приводимъ вариантъ, записанный нами въ с. Жид'беве'б,
Курской губ., Дмитревскаго у'бзда:

Ужъ ты, поля ма'б, поля чиста'б,
Ты, раздолья ма'б, все широка'б!
Харашо, поля, приукрашена
Все цветочками, матылецками,
Все ракитавыми кусточками.
(Какъ) падъ т'бмъ падъ кустомъ
Маладой лежитъ салдаты,
Онъ вубить лежитъ...
Въ галавахъ его—шляпа черная,
У рукахъ его—сабля вострал,

У нагахъ его—добрай конь.
— „Што конь ты мой, таварищъ мой!
Бяжи ты, конь, въ землю русскую,
Няси поклонъ ма'му батюшк'б,
Ма'му батюшк'б, радной матушк'б,
Да скажи маей жан'б, что жаннися я:
Ажаннла мине пуля чистая,
Перв'бначала мине сабля вострал,
Што нив'бста мая—грабавая даска,
Што и мать-то мая—мать-сырая земля“.

Ред.

9) Какъ не въ полѣ-то было,
 Было на широкой долинушѣ,
 На зеленой шелковой травушкѣ,
 Тамъ лежалъ молодой казакъ
 Весь израненный да порубанный,
 Порубанный да прострѣленный;
 Около казаченька щипалъ травушку
 Его добрый слуга, конь вороненькій.
 — „Ужъ ты, конь, ты, мой конь,
 Слуга вѣрный мой!
 Ты служилъ мнѣ долго времячко,
 Сослужи же ты, конекъ,
 Последнюю мнѣ службицу:
 Бѣги ты, мой конекъ,
 Въ родную сторонушку,
 Къ моей родной, милой матушкѣ,
 Передай мой послѣдній привѣтъ,
 Да скажи ей, чтобъ не плакала,
 Не тужила обо мнѣ,
 Что я палъ въ бою
 На широкой долинушкѣ
 За честь и славу *родины*,
 За православную Русь“ *).

*) Предлагаемая пѣсня—одного мотива съ предыдущей и ея вариантомъ и принадлежитъ къ тѣмъ тысячѣ „безыменныхъ воинскихъ, солдатскихъ, казачьихъ“ пѣсенъ, въ которыхъ „на первомъ планѣ по обычаю стоитъ *смерть казака* (или *воина, молодца*) гдѣ-нибудь среди враговъ, изъ-подъ оружія которыхъ шлетъ онъ послѣдній привѣтъ своей семьѣ на родину“. Сравн. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, на стр. 74 п. № 93 (конецъ), на стр. 91—92 п. № 2, на стр. 96 п. № 7; Вып. VII. Отд. I, на стр. 100—101 п. № 5 (конецъ); въ настоящемъ вып., выше, на стр. 78, п. № 9; также „Пѣсни, собранныя П. В. Карѣвскимъ“ Вып. X, стр. 86—91, №№ 4—6. Наши пѣсни, какъ и всѣ здѣсь цитированныя, освободились отъ историческихъ чертъ своихъ первоосновъ (Вып. X, стр. 84) и сдѣлались съ простыми лирическими.

10) Мнѣ, матушка, тошнехонько,
Государыня, грустнехонько,
Мнѣ пить и ѣсть не хочется,
Мнѣ гульба, прохлада на умъ не йдутъ:
Мнѣ милый другъ съ ума не йдетъ.
Сильна-крѣпка я разумомъ,
Да *) я пала-перепалася:
Съ милымъ другомъ давно видѣлась;
Черезъ рѣчку ему поклонилася,
Черезъ поле слово молвила.
Всѣ полякн домой идутъ,
Моего дружка коня ведутъ,
Буланаго, приубранаго,
Сявогриваго, бѣлкопытнаго,
Въ торовахъ везутъ его рубашечку,
Рубашечку боевую, кровавую.
Умиралъ мой другъ, приказывалъ:
— „Вы, братцы мои, товарищи,
Можетъ, Богъ велитъ вамъ домой прийти,
Поклонитесь вы моему батюшкѣ,
Сударынѣ-родной матушкѣ,
Милой женѣ слово молвите,
Что бы вымыла мою рубашечку
Не на рѣчкѣ, не въ колодезѣ,
А вымыла горячѣй своей слезой,
Чтобъ высушила мою рубашечку
Не на вѣтрѣ, не на солнышѣ,
А высушила на бѣлбѣй своей груди“ **).

11) Ахъ, ты, скука моя, жисть-разлука,

*) Въ рукописи: Но.

Ред.

**) Въ деталяхъ мотива предлагаемая пѣсня-полюбе напечатанной въ „Сбор. матер. для описанія мѣстн. и плем. Кавказа“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 98—99 подъ № 2.

Ред.

Чужа-дальная сторона!
Разлучила меня, жисть-разлука,
Со милымъ дружкомъ на вѣкъ,
Не дала ты (миѣ), разлука,
Во любви съ нимъ пожить.
Да я выйду, молоденька,
На высокій (на) курганъ,
(Да) я взгляну, молоденька,
На четыре стороны.
Я глянула на дорожку:
По ней пыль-бура курить,
За той пылью-за курою
Молодой курьеръ бѣгить.
— „Ты, курьерикъ, мой голубчикъ,
Ты отволь скоро бѣгишь?“
— „Я бѣгу, бѣгу, душа моя,
Изъ *Турции* во *Науръ* *),
Я везу, несу, душа моя,
Не радость, грусть-тоску:
Твоего друга милого
Его въ-живѣ давно нѣтъ.
Какъ ужъ девять дней проходить
И десятый наступилъ,—
Принесли его **) на бурѣ,
Вели добраго коня.
Вотъ—дослѣхи его боевые,
Тебѣ велѣно отдать“.
Да я съ той тоски-кручины
Во зеленый садъ пойду;
Во зеленомъ во садочѣ
(Тамъ) кукушечка сидить,

*) Вар.: Изъ Персін во Москву.

**) Въ рукописи: друзья.

Она жалобно кукуетъ:

— „О чемъ, Мама млада, плачешь,
Слезы горькія что льешь?“

— „Да и какъ же мнѣ не плавать,

Да какъ же мнѣ не тужить!

Быль одинъ у м'ня садочекъ,

Да и тотъ сталъ засыхать,

Разъединный былъ дружочекъ,

И тотъ кинулъ м'ня на вѣкъ.

Ничего бъ я не желала,

Сивы крылышки имѣть,

Я взвилась бы полетѣла,

Гдѣ мой милый другъ зарыть;

Я бы все тогда узнала,

Не стала бы тосковать,

Я бы косточки собрала

И во гробъ ихъ поклала,

Родной землѣ предала,

Горьки слезы пролила“.

VI. Вылевыя и историческія пѣсни.

1) Воздалеченько было, воздалеченько,

Было во темномъ лѣсу,

Пролежала тамъ дороженька,

Дороженька не широкая, она *неглибокая* (?).

Да никто-то, никто по этой дороженькѣ

Не ходилъ, не ѣзживалъ; да тамъ шель-прошелъ.

По этой дороженькѣ, старый старичокъ;

На старинушкѣ шубеночка она вся худымъ-то худа,

(Худымъ худа) она вся излатана.

Какъ и лѣвая полочка стоитъ сто рублей,

А правая полочка стоитъ тысячу;

Всей-то шубеночкѣ ей цѣны нѣтъ.
Навстрѣчу старинушкѣ идутъ три разбойничка.
Да хотѣли они со старинушки шубеночку снять;
А старинушка на ту пору пріосторожился:
Исправляетъ онъ свой тугій лукъ,
Закладаетъ онъ стрѣлу быстрю,
Ударяетъ онъ въ трехъ разбойничковъ.
Не попалъ старикъ во разбойничковъ,
А попалъ онъ во сырой дубъ,
Расколомъ дубъ сверху до низу.
А съ того-то разбойнички испугалися
И всѣ врозь они разбѣжались.
На третій день они собиралися,
Собиралися, думушку думали:
— „Да и что это за старинушка,
Старый старикъ?... *).

*) Вариантъ а)

Да не одна во полѣ дороженька пролегивала;
Да никто по той дороженькѣ не ходилъ, не проѣзживалъ.
Какъ и шель-прошелъ по той дороженькѣ
Одинъ только престарый старикъ.
На этомъ на старинушкѣ шубенка худимъ худа,
Не такъ худа, вся излатаная.
Правая полужка шубенки стоить сто рублей,
А лѣвая-то полужка—во пятьсотъ рублей,
Къ самому-то хребту—во всю тысячу,
Самому-то старинушкѣ казны-смиѣти нѣтъ.

(Ст. Слѣпцовская).

Вариантъ б)

Пролегалъ во полѣ дороженька, она непробойная,
Непробойная она, дороженька, она неторная.
Никто по ней (по дороженькѣ) не ходилъ, не ѣзживалъ;
Одинъ тамъ шель-прошелъ старый старикъ,
(Что старый старикъ), старикъ *Илья Муромецъ*;
На немъ была шубочка вся худая, излатанная:
Лѣвая полочка, она была во пятьсотъ рублей,
А правая полочка (была она) во всю тысячу,

2) Да не стукъ-то стучить,
Да не громъ-то гремитъ,
А стучить-то, гремитъ—
Старъ свзбой орелъ летить;
Тамъ леталъ (онъ), гулялъ
По-подъ небесью
..... *)

По всему хребту шубешочка—ей и смѣти вѣтъ.
Навѣзжаютъ на этого старинушку три разбойника,
Да хотятъ они его убить али зарѣзати,
А шубочку съ него снати, между себя *подуванити*.
На ту пору старинушка онъ присторожился:
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Онъ натягаетъ туго-на-туго,
Закладаетъ свою *гробовую* стрѣлу,
Пустилъ (онъ ее) во разбойничковъ,
Попалъ онъ во сирокрѣпчатый дубъ
И разбилъ его на двѣнадцать частей.
И тогда разбойники перепужались
И всѣ врозь они разбѣжались.
Всходитъ старинушка онъ во царскій кабакъ
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Цѣловальники, вы, кабатчики, вставайте поскорѣе,
Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,
А любимому моему *товарищу* (?)
Ему вина на всю тысячу!“
Цѣловальнички (всѣ они) перепужались,
Всѣ врозь-то они разбѣжались.
— „Что это къ намъ пришелъ за пьяница,
Что это за питухъ такой!“

(Ст. *Ищерская*).

Предлагаемая былина объ Ильѣ Муромцѣ и оба ея варианта не только въ основныхъ ея чертахъ, но и въ деталяхъ сходятся съ былевыми пѣснями Кирѣвскаго о томъ же богатырѣ. Вып. I, стр. 15—27. *Ред.*

*) Стихи: 5—12 пропѣты собирателю въ концѣ пѣсни, тѣмъ и объясняется допущенная неестественность въ образѣ орла, несущаго добычу съ кроволитія. Въ устахъ пѣвца *блгую княженицкую руку* несетъ не орелъ, а *соколъ*, который допрашиваетъ возвращающагося съ кроволитія орла, гдѣ онъ былъ-погуливалъ, и который самъ, очевидно, на мѣстѣ побойща не былъ. Неестественность картины легко устраняется переименованіемъ означенныхъ стиховъ съ конца пѣсни и замѣною стиха „Младъ-асевъ соколъ“ (7) мѣстоименіемъ онъ (въ 5 стихѣ). *Ред.*

Въ когтяхъ онъ несъ
Руку бѣлую, княженецкую
(Княженецкую), молодецкую,
Съ золотыми перстениями,
Брельянтовыми;
А за нимъ гонить
Младъ-ясенъ соколъ.
— „Да ты стой, обожди,
Старъ сизой орелъ!
Я не бить тебя хочу,
А спросить хочу:
„Ты гдѣ, орелъ, былъ,
Гдѣ погуливалъ?“
— „Я былъ, гулялъ
По дикой степи,
По крутымъ горамъ,
По темнымъ лѣсамъ,
Видѣлъ тамъ диковинку,
Диковинку-кроволитіе“ *).

3) Не пыль столбомъ поднималася,
Поднимались съ моря гуси-лебеди;
Какъ одинъ лебедь старый не поднимется;
По зарямъ лебедь кричить,
(Онъ кричить), лебедушку кличетъ:

*) Предлагаемая пѣсня представляеть отрывокъ былинны о татарскомъ *половѣ* (Пѣсни собр. Кирѣвскимъ, Прилож. къ VII вып., стр. 196—198, № 6). „Диковинка-кроволитіе“ нашей пѣсни соотвѣтствуетъ въ былинѣ тому „добычу-крававищу“, гдѣ „*бюють-рубють*“, въ половъ берутъ“. Въ трехъ пѣсняхъ Кирѣвскаго (Тамъ же, стр. 190—192, №№ 2—4), въ самомъ ихъ началѣ, съ такимъ же *шумомъ* и *громомъ* („Не шумъ шумить, не громъ гремитъ“) на мѣстѣ *кроволитіа* „Молодой турчинъ половъ дѣлитъ“, съ какою въ нашей пѣснѣ орелъ несетъ въ когтяхъ добычу съ того же *кроволитіа*.
Ред.

— „Перелети, моя лебедушка,
На мою сторонушку,
Перенеси, бѣлая лебедушка,
Свое теплое гнѣздышко,
Да сважи, гдѣ твое гнѣздышко“.
— „Гнѣздо мое, бѣлой лебедушкѣ,
На *сinemъ* мортъ;
Да никто до него не долетываль;
Долеталь (только) до него
Одинъ младъ-ясенъ соколь,
Онъ разбилъ мое теплое гнѣздышко,
Убилъ-ушибъ моихъ милыхъ дѣточек“.

4) Да куда это православный Царь убирается?
Убирался православный Царь во темные лѣса,
На звѣриную охотушку: за куницами, лисицами,
(За куницами, лисицами, да за) черными соболями;
Наѣзжаетъ Царь въ лѣсу на избушечку.
Хорошо эта избушечка состроена,
Изъ лѣса краснаго *таволжаннаго* *),
Покрыта избушечка чернымъ бархатомъ,
Внутри избушечка—подъ парчей съ вызолотомъ.
Да и крикнулъ грознымъ голосомъ православный
Царь:

„Кто—въ этой избушкѣ, выходи!“
Выходилъ къ нему удалъ-добрый молодець.
— „Да и что ты, православный Царь, грозно меня
требуешь?“

*) *Таволжанный* (таволга—кустарниковое растение. „Толков. слов. жив. языкор. яв.“ Дала, Ч. I, стр. 47 (батѣръ), IV, стр. 352) у Карѣвскаго (Вып. VIII, стр. 95, п. № 1) встрѣчается какъ зинтеть избушки. Избушечка *таволжанная* — „изъ кустарника таволги, плетеная, мазанка“ (Тамъ же, примѣч. 9).

— „Ужъ не ты ли, добрый молодець, по морю
разгуливалъ?
Не ты ли, молодець, мой корабль разбилъ?“
— „Не я твой корабль разбилъ,
А разбили его бѣглецы съ *Ермакомъ*“ *).

5) Ты взойди, красное солнышко,
Надъ *горами* надъ *высокими*,
Надъ *ущельями* надъ *глубокими*.
Не ковыль-трава въ полѣ зашаталася,
Зашатался удалъ-добрый молодець
На чужой сторонущкѣ.
— „Сторона ль ты, моя сторонущка,
Сторона моя невеселая;
Не самъ я на тебя зашелъ-заѣхалъ,
Занесла меня, добра молодца,
Служба царская, государская“ **).

*) Въ пѣснѣ Кирѣевского „Донской казакъ передъ Царемъ“ (Вып. VIII, стр. 95, № 1) избушечка, въ коей живетъ добрый молодець, описывается тѣми же чертами, какъ и въ нашей пѣснѣ. Эту „главную и срединную“ пѣсней устанавливается связь нашей пѣсни съ самой древней пѣсней объ Ермакѣ (Вып. VII, стр. 185) и подобными ей Петровскими и стрѣleckими (Тамъ же, стр. 16—36; 95—105; Заѣтки, стр. XLIII).

Ред.

**) Сравни дѣтъ пѣсни Кирѣевского въ „Дополненіяхъ къ VIII и IX вып.“, на стр. XXXII, подъ №№ 8—9. Жизнь молодца становится горемичною отъ двухъ причинъ: его тяготитъ, во-первыхъ, „служба царская, государская“, во-вторыхъ, „чужая сторонущка“. Принимая во вниманіе близость нашей пѣсни къ цитированному, а также къ пѣснямъ на стр. XXVI—XXXI, №№ 1—7, мы въ „царской службѣ“ видимъ указаніе на новый строй жизни, введенный Петромъ I, а въ „чужой сторонущкѣ“—Петербургъ, въ которомъ сосредоточена была эта жизнь рукою того же Петра. Та и другая особенно на первыхъ порахъ по своей новизнѣ были слѣшкомъ еще тягостны для одиночныхъ лицъ. Сравни также Вып. IX, стр. 153—158, 161, 229; Дополн. къ VIII и IX Вып., стр. XXII, XXV; X, 227.

Ред.

6) Ахъ, звѣздочка сіяетъ
Въ поднебесной вышинѣ;
Добрый *молодецъ* вдыхаетъ,
Лежа грудью на оенѣ.
По линеюшеѣ Кавказской
Не сизой орелъ летитъ,
Строгъ приказъ нашъ атаманскій
Ту же вѣсточку вторить:
Выступать чтобы сотнями,
Какъ въ составѣ онѣ есть,
Ружья съ новыми кремнями,
Шашки острия имѣть.
Подъ начальствомъ *Воронцова*
Лестно, братцы, умереть;
Какъ онъ скажетъ два-три слова,
Шашки—вонъ и всѣ—на смерть! *)

7) Ну-ка, вспомните, ребята,
Какъ стояли въ *Зеренахъ* **),
Какъ не разъ *Хаджи-Мурата*
Мы пугали на горахъ ***)!

*) Наша пѣсня представляется отрывкомъ п., напечатанной въ „Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстн. и племенъ Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 100 подъ № 5; печатается во вниманіе къ нѣкоторымъ небезынтереснымъ ея особенностямъ. *Ред.*

**) Въ „Сборникѣ Кавказскихъ пѣсенъ“, изд. Натіева (Петровскъ, 1886 г., стр. 20, № 18) читается въ Зырянахъ, а въ Сборн. Лебедева (14—15 стр.) въ Зерялахъ. Зыряны или Зыраны—укрѣпленный аулъ въ Аваріи, близъ лѣваго берега р. Койсу. Генеральная карта Кавказскаго края, изд. при Военномъ Сборникѣ, 1858 года. *Ред.*

***) Хаджи-Мурадъ—одинъ изъ наиболѣе храбрыхъ и вліятельныхъ между горцами наибовъ Шамиля въ Аваріи. Во время общаго возстанія горцевъ (*таварское все племя возмутилось заодно*), въ 1843 году, съ 8 т. пѣшихъ и конныхъ горцевъ онъ разорилъ селенія нагорнаго Дагестана, по дорогѣ къ вѣрб. Хунзахъ, куда былъ посланъ Шамилемъ. Здѣсь ему часто приходилось имѣть дѣло съ русскими, которыхъ онъ „осмѣлялъ пулями, ядрами и картечью“ при осадѣ сел. Обода, подъ вѣр. Хунзахъ, при сел. Ахальчи и др., и которые „не разъ его пугали на горахъ“. Вообще о личности Хаджи-Мурада, котораго русское правительство ста-

Вотъ тогда случилось дѣло,
 И куда не хорошо,
 Какъ *татарское* все племя *)
 Возмутилось заодно.
 Дружно, дружно налегали
 На *Аварскій* **) нашъ отрядъ,
 Пули, ядра осыпали
 И картечи, словно градъ;
 (Но) намъ пули всё знаемы,
 Намъ и ядра нипочемъ:
 Мы всегда дружно готовы **)
 Встрѣтить нехриста штыками **).
 Вотъ проклятый басурманинъ
 Вздумалъ шутку отмочить:
 Онъ посты держать заставилъ,
 Хотѣлъ юлодомъ сморить ***).
 Мы рогатую скотину
Начистое ****) первели,
 Стали ѣсть мы лошадину *****)

ралось привлечь на свою сторону для противодѣйствія Шамилю, и объ участіи его въ событіяхъ, которыхъ касается пѣсня, имѣются подробности свѣдѣнія въ „Запѣкъ гвардіи ротмистра Лорисъ-Меликова“, составленной изъ разсказовъ и показаній самого Хаджи-Мурада (Акты Археографической Комиссіи, X, стр. 525—580, Дѣло 476), въ „Отношеніи кн. Воронцова къ кн. Чернышеву“ и въ „Извлеченіи изъ журн. ген.-м. Козловскаго“ (Тамъ же, стр. 524—525, Дѣла 472 и 473), также въ ст. А. Юрова: „1843-й г. на Кавказѣ“ („Кавк. Сборн.“, VI, 1—221), въ ст.: „1845-й г. на Кавказѣ“ А. Ржевускаго (Тамъ же, стр. 451—463) и въ ст. Н. Волковскаго (Тамъ же, стр. 491—521; 620—625).

*) *Татарское племя*—жители Чечни и Дагестана.

**) Вариантъ 9—10 стр.: *Графим*—дружные ребята,

Встрѣли нехристей штыкомъ (ст. *Бороздинская*).

Ред.

***) Вариантъ а: *И хотѣлъ насъ поморить* („Сб. Кавк. пѣс.“ Натіева, стр. 20)

б (уз. 13—14): *Продержалъ насъ на заставѣ,*

Хотѣлъ съ голоду морить (ст. *Бороздинская*).

Ред.

****) Вариантъ а: *Всю дочіста* („Сб. Кавк. п. Натіева, стр. 20)

б: *начистю* (ст. *Бороздинская*).

Ред.

*****) Вариантъ: *Рѣвали и лошадину* (ст. *Бороздинская*).

Ред.

И варили, и пекли;
Вмѣсто соли мы солили
Изъ патроновъ порошкомъ;
Сѣно въ трубочкахъ вурили,
Распрощались *) съ табачкомъ.
Мы рогожи надѣвали
Вмѣсто бурокъ и плащей,
Ноги въ кожи зашивали
Послѣ сѣдненныхъ коней **).

8) Изъ-за горъ было *Андійскихъ*
Шамилъ пашеи наострялъ:
Воронцова въ гости ждалъ ***).
Воронцовъ нашъ не спугался,
Назадъ ему отписалъ.
Скорѣй, Шамилъ, убирайся,
Воронцова берегись!
Воронцовъ идетъ съ *отрядомъ*,

*) Вар.: Распростались („Сб. Кавк. пѣс.“, стр. 20).

Ред.

**) Въ предлагаемой пѣснѣ отмѣчено памятное событіе 1848 года въ Зырявахъ. Во время общаго возстанія въ Дагестанѣ, Хаджи-Мурадъ былъ посланъ Шамилемъ подъ главную крѣпость Аварія, Хунзахъ, а вмѣстѣ для присоединенія селеній, которыя встрѣтятся ему по пути. Съ успѣхомъ исполнивъ порученіе, Х.-М., получивъ извѣстіе о влѣтѣ Гергебеля у русскихъ, двинулся со своею кавалеріей въ Темиръ-Ханъ-Шуру, на помощь къ Шамилю, державшему тогда этотъ городъ въ блокадѣ. На пути, близъ укрѣпленнаго аула Зырявъ, онъ встрѣтилъ Пассека съ отрядомъ и завязалъ съ нимъ перестрѣлку. Отрядъ, вступившій въ укрѣпленіе, былъ имъ окруженъ; орудія, поставленныя около укрѣпленія на высотахъ, наносили гарнизону большой вредъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ гарнизонъ этотъ, будучи лишень сообщенія съ другими укрѣпленіями, сталъ нуждаться въ провіантѣ (А. А. К., X, 527).

Пѣсня аранжирована на четыре голоса съ сопровожденіемъ фортепиано А. Д. Лебедевнмъ. См. его „Собраніе солдатскихъ и народныхъ пѣсень“, стр. 14—15, № 7. Изд. 2. Варшава.

Ред.

***) Разумѣется даргинская экспедиція, предпринятая кн. Воронцовымъ въ нагорный Дагестанъ, лѣтомъ 1845 года, съ цѣлью примѣненія системы движенія въ горы значительными отрядами, чтобы, „такимъ образомъ укрѣпившись въ нѣдрахъ горъ, подчинить страну русской власти“ („Кавказскій Сборникъ“, VI, 361).

Ред.

Съ генераломъ *Пассекомъ*.

Генералъ Пассекъ былъ храбрый *),

Закричалъ намъ всѣмъ: „Ура!

Ура, ура, линейцы,

Ура, моздокцы-молодцы!“ *)

..... **)

Какъ отъ этого удара

На сырую землю палъ ***)

Таки рѣчи говорилъ:

— „Ой вы, слуги, мои други,

Моздокскіе казаки!

Не покиньте меня, други,

Въ азіатской сторонѣ!

Не останетесь вы, слуги,

*) Въ числѣ сподвижниковъ Воронцова въ даргинской экспедиціи былъ храбрый генералъ Діомидъ Васильевичъ Пассекъ. Въ дѣлѣ 5 іюля, столь стастивно ознаменовавшемъ начало экспедиціи, г.-м. Пассекъ показалъ, по отзыву о немъ самого кн. Воронцова, въ полномъ блескѣ всю твердость свою и распорядительность. О храбрости и выносливости войскъ, воодушевленныхъ Воронцовымъ и Пассекомъ, вотъ что писалъ Воронцовъ въ своемъ отношеніи кн. Чернышеву по поводу дѣла 5-го іюля: „я не могу довольно похвалить настоящее нравственное расположеніе войскъ: всѣ частные начальники, офицеры и нижніе чины оживлены наилучшимъ духомъ; вслѣдствіе желаютъ быть впереди и принять участіе въ дѣйствіяхъ“ (А. А. К., X, 367). Ред.

***) Въ рукописи испорченъ стихъ: Но встрѣтила алая пуля

Во бѣлую грудь его.

Ред.

***) Смерть ген.-м. Пассека произошла 11 іюля 1845 года при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Воронцовъ въ Дарго ожидалъ транспортъ съ продовольственными и другими запасами изъ укр. Евгенийскаго. 9 іюля транспортъ показался на высотахъ, лежащихъ со стороны Андѣмъ за обрывистыми и глубокими оврагами, по коимъ должно было спускаться въ долину. Чтобы не подвергать транспортъ трудностямъ перехода по оврагамъ, вслано было навстрѣчу около половины дѣйствовавшаго отряда. Командованіе поручено было г.-л. Клячки-фонъ-Клугенау, а въ помощь ему назначены г.-м-ры: Пассекъ и Викторовъ. Горцы, привлеченные надеждою добычи съ транспорта, стекались въ громадномъ количествѣ изъ ближайшихъ обществъ въ лѣсъ. Отъ сильныхъ дождей дорога сдѣлалась почти непроходима. Войска должны были выдержать трудный и упорный бой. Лошади водъ орудіями почти всѣ были перебиты. Потери наша была значительна. Въ числѣ убитыхъ были и оба г.-м-ра: Пассекъ и Викторовъ (X, 388, 395, болѣе подробно описано событіе на стр. 407). Ред.

Безъ награды ни одинъ * *).

9) Скоро день уже настанетъ...

Въ бою кто насъ устрашитъ?

Къ громкой славѣ путь конями

Мы сумѣемъ проложить.

Наша грудь всегда готова

Встрѣтить вражескую рать:

Полеъ отважный нашъ *Моздокскій*

Не учился отступать.

Лишь увидимъ супостата,

Кровь взыграется волной;

Въ рукахъ шашки и кинжалы—

Полетимъ въ кровавый бой.

И Шамилеву таланту **)

Мы потачки не дадимъ,

И у насъ, на *твоемъ флангѣ*,

Пользы мало будетъ имъ.

Въ *Кабарду Ш'миль* шель открыто:

Тамъ онъ *Миллера* не ждалъ.

„Безъ него—плоха защита“,

Возмутитесь разсуждалъ:

„Тамъ Миллеру нужды мало,

Что иду я въ Кабарду,

А другого отрядного

Тамъ я, вѣрно, не найду.

Кабарда пойдетъ за мною

И платить мнѣ будетъ дань;

А какъ этапъ я устрою,

Путь направлю за *Кубань*“.

Версть сто сорокъ пробѣжали

*) Предсмертная просьба Пассека къ солдатамъ напоминаетъ собою подобную же просьбу смертельно раненаго гевар. Круговскаго. См. выше, на стр. 120, в. № 26.

***) Въ рукописи: И съ Шамилевомъ талантъ.

Въ тридцать съ небольшимъ часовъ
И настигнуть подоспѣли
Кабардинцевъ-бѣглецовъ.
Намъ въ добычу все досталось—
Кабардинскій весь обозъ,
А Шамиль назадъ убрался
Въ дуракахъ, повѣся носъ *).

*) Въ „Сборникѣ Кавказскихъ пѣсень“, подпоручика Д. С. Натіева (Петровскъ, Дагестанской области, 1866 г.), на стр. 17—18 подъ № 16, напечатана пѣсня, являющаяся многою общаго съ нашею.

Съ нами Богъ и Фрейтагъ съ нами—
Кто насъ можетъ устроить?
Къ громкой славѣ нуть штыками
Мы сумѣемъ проложить.
Наша грудь всегда готова
Встрѣтить вражескую рать:
Полею отважный Воронцова
Не учился отступать.
Лишь увидимъ супостата—
Кровь взныграется волной,
И мы въ слѣдъ штыка-булата
Полетимъ въ кровавый бой.
Сколько разъ Шамиль нитался
Къ намъ ворваться, но вездѣ
Съ длиннымъ носомъ оставался,
Какъ остался въ Кабардѣ.
Въ Кабарду онъ шелъ открыто:
Тамъ онъ Фрейтага не ждалъ.
„Безъ него жъ—плоха защита“,
Возмутитесь разсуждалъ.
Направлялся въ центръ Кавказа,
Такъ Шамиль воображалъ (?),
Но нашъ Фрейтагъ въ оба глаза
За врагами наблюдалъ.

Въ мигъ одинъ войска собрались;
Фрейтагъ двинулъ насъ впередъ;
Въ цѣлой Грозной лишь остались
Слабый да хромой народъ.
Безъ вожатыхъ, безъ дороги
Фрейтагъ велъ насъ въ Кабарду;
Путь намъ указали боги
Кабардинцамъ на бѣду.
Намъ трофеями достался
Кабардинцевъ весь обозъ,
А Шамиль домой убрался
Въ дуракахъ, повѣся носъ.
Нѣтъ, голубчикъ, ты напрасно
Затѣваешь всякій вздоръ:
Съ нами вѣдаться опасно
Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ и горъ.
Выводи на чисто поле
Всю Чечню и всѣхъ лезгинъ—
Нашъ солдатъ по доброй волѣ
Противъ трехъ пойдетъ одинъ;
Гдѣ же Фрейтагъ будетъ съ нами,
Мы готовы съ нимъ нити
Безъ патроновъ, со штыками
Каждый противъ десяти.

Главное историческое событіе, къ которому приурочено основное содержаніе обѣихъ пѣсень,—вторженіе Шамшала въ Кабарду, весной 1846 года. Даргинская экспедиція 1845 года въ дѣлѣ распространенія между горцами русской власти имѣла отрицательныя послѣдствія: большія наши потери подняли у горцевъ утѣренность въ собственной силѣ и могуществѣ („Кавказскій Сборникъ“, VI, 366). Шамиль серьезно обдумывалъ уже планъ изгнанія русскихъ изъ сѣвернаго Кавказа и искалъ способы къ скорѣйшему осуществленію этого плана. Еще будучи въ Веденѣ, онъ мечталъ (воображалъ) вторгнуться въ Кабарду и за Кубань, занять всѣ

10) Съ одного конца Кавказа

На конецъ другой

Першагнемъ мы.....

Твердою ногой.

укрѣбленія, поставить пушки „на большой дорогѣ“ (Военно-грузинской) для прекращенія нашихъ сношеній съ Грузіей и направиться въ центръ Кавказа (Ахты Археографической Комиссіи, X, 580, 582, 585). Приготовленія Шамиля къ этому важному предпріятію были огромныя: самыя отдаленныя общества горцевъ стекались къ нему, воодушевленныя заманчивой перспективой побѣды надъ русскими. Плану имама сочувствовали кабардинцы и закубанцы и обѣщали ему патриотическую поддержку и соединиться съ нимъ для общаго дѣйствія противъ русскихъ. Огромныя скопища горцевъ, общее сочувствіе ихъ цѣлямъ имама внушали ему увѣренность въ успѣхъ предпріятія и смѣлость. Безъ обычныхъ предостереженій (открыто) онъ весною 1846 года вторгся въ Кабарду, не оставляя „ни одного аула и ни одного человѣка“ на пути (X, 581). При переправѣ Шамиля черезъ Терекъ, послѣдній былъ положительно „загруженъ его обозомъ и скотомъ“. Генералъ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, имѣвшій тогда пребываніе въ кр. Грозной, „въ оба глаза за врагами наблюдалъ“, „въ мигъ одинъ“ собралъ значительный отрядъ (X, 578) и—„было дѣломъ одной минуты“—столкнулся съ Шамилемъ, имѣвшимъ свою позицію на Терекѣ. Быстро и смѣлаго натиска Фрейтага не выдержалъ Шамиль, снялся со своей позиціи и быстро потянулся къ Минарету, бросивъ кабардинцевъ со всѣми тяжестими и оставивъ только нѣсколькихъ миряковъ, чтобы гнать скорѣе переселенцевъ-жителей Малой Кабарды (*былцозъ*). Болѣе 500 аробѣ, нагруженныхъ имуществомъ, и 2.500 рогатаго скота досталось нашимъ въ добычу,—словомъ „намъ трофеями достался кабардинцевъ весь обозъ“ (X, 580). Съ этого времени войско Шамиля, простиравшеся до 10 тысячъ, терпѣло большую неудачу въ Большой Кабардѣ, такъ какъ жители послѣдней не исполнили даннаго раньше обѣщанія, не хотѣли даже давать провіанта (X, 528). Шамиль двинулся на западъ по верховьямъ Уруха, послалъ нарочныхъ за Кубань, гдѣ согласились было принять его и исполнять его требованія, занялъ лагерь около Минарета возвышенность, съ которой была видна вся Кабардинская плоскость; по преслѣдуемому, по приказанію Фрейтага, Меллеромъ-Закомельскимъ и Моздокскими казаками, вынужденъ былъ бѣжать въ Чечню, искать спасенія въ неприступныхъ мѣстахъ и думать болѣе объ отступленіи въ горы, чѣмъ объ успѣхахъ на плоскости (X, 584). Положеніе Шамиля при этомъ бѣгствѣ было критическое: преслѣдуемый по пятамъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, онъ для послѣдственности бѣгства посадилъ часть пѣхоты по 3—4 человѣка на забранныхъ у кабардинцевъ лошадей; а замѣтивъ, что переправа черезъ Терекъ занята Закомельскимъ, совсѣмъ растерялся (528). Вообще преслѣдованіе Шамиля нашими войсками имѣло полный успѣхъ; имамъ „въ дуракахъ убрался домой, повѣся носъ“, т. е. съ полной неудачей предпріятія. Въ своемъ отношеніи къ кн. Чернышеву Воронцовъ приписывалъ этотъ успѣхъ „распорядительности всѣхъ частныхъ начальниковъ (въ числѣ коихъ былъ и баронъ Меллеръ-Закомельскій), а въ особенности генералъ-лейтенанта Фрейтага (X, 584). „Войска вели себя отлично и сдѣлали все, что отъ нихъ ожидать можно: труды, усиленные переходы, недостатокъ провіанта и многочисленность непріятеля не считались препят-

Мы обвиты уже славой;
Коль намъ Царь велить,
Русскій нашъ орелъ двуглавый
Всюду пролетить.

ствіями; болѣныхъ и усталыхъ между ними почти не было" (X, 584—585). Съ этими отзывомъ кн. Воронцова о войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ Шамиля, вполне согласна характеристика „отважныхъ“ полковъ Воронцова и Моздокскаго, въ предлагаемыхъ пѣсняхъ.

Несомнѣнно, что упоминаемый въ нашей пѣснѣ „отрядной“ Миллеръ есть не кто иной, какъ полковникъ, въ данное время, баронъ Петръ Петровичъ Меллеръ-Закомельскій, называвшійся часто въ официальныхъ документахъ просто Меллеромъ (См. письмо полковника П. Н. Слѣцова къ генералу Козловскому, отъ 22 августа 1850 г., о разрушеніи Шалинскаго укрѣпленія. А. А. К., X, стр. 506, Дѣло 458).

Дѣятельное участіе Фрейтага и Меллера въ событіяхъ 1846 года вполне оправдываетъ характеристику обоихъ полководцевъ въ предложенныхъ пѣсняхъ: оба они одинаково храбрые предводители и защитники русскихъ интересовъ на сѣверномъ Кавказѣ и одинаково памяты Шамилю. Цитированная пѣсня съ особенной похвалою выставляетъ боевыя качества Фрейтага: быстроту натиска, распорядительность и глубокое пониманіе способовъ веденія войны съ горцами. Этими качествами, а также ему одному свойственнымъ умѣньемъ возбуждать смѣлость, храбрость солдатъ, которые были готовы при немъ безъ патроновъ, съ однимъ штыкомъ ятти каждый противъ десяти, онъ пріобрѣлъ себѣ славу „избавителя“ отрядовъ русской арміи отъ неминуемой гибели. Въ ноябрѣ 1843 года онъ выручилъ гарнизоны Низоваго укрѣпленія; въ декабрѣ того же года спасъ бывшій въ критическомъ положеніи въ Зырянахъ отрядъ Пассека („Русск. Стар.“ 1892, № 10) и тѣмъ способствовалъ избавленію всего Дагестана отъ подчиненія Шамилю („Кавк. Сборн.“, т. VI, стр. 361 и примѣч.). Въ 1845 г., при слѣдованіи главныхъ нашихъ силъ въ глубь Дагестана, число раненыхъ возрасло до 1.200; люди въ горахъ совершенно были изнурены; горцы стекались со всѣхъ сторонъ въ громадномъ количествѣ; положеніе было критическое. Въ это время Фрейтагъ, по приказанію кн. Воронцова, „съ неизмѣрною быстротою собравъ въ разныхъ пунктахъ отрядъ, двинулся къ Маскиту“ на выручку (А. А. К., X, 382, 396, 411, 412, 418). Съ такою же быстротою въ томъ же 1845 году Фрейтагъ сдѣлалъ движеніе изъ Грозной въ Чечню, около 1 іюля, для отмененія туда части горцевъ, собравшихся для обороны Дарго (X, 415). Въ 1846 году зимою „имя Фрейтага сдѣлалось извѣстнымъ и тѣмъ, кто не подозревалъ о его существованіи“, за своевременную помощь, поданную одному баталіону, гибнувшему въ Андіи (X, 316). Въ томъ же 1846 году онъ долженъ былъ раззорить Андійскіе хутора, между рр. Гойтою и Рошною въ лѣсной Чечнѣ, въ мѣстности мало доступной, откуда чеченцы могли дѣлать набѣги на Сунжу и нападать на колонны, ходившіе изъ Грозной въ Воздвиженскую. Распустивъ слухъ, что онъ идетъ за Аргунь къ Герменчуку и Шали, онъ на половинѣ дороги *быстро* поворотилъ направо и безъ большой потери расположился средѣ самыхъ хуторовъ, хутора совершенно разорилъ и ввѣлъ много шѣпчихъ и добычи (X, 478).

Ред.

Ни труды намъ, ни бовѣзни
Путь не преградятъ,
Барабаны, наши гѣсни
Всюду загремятъ.
Полеъ нашъ славится столь храбрый;
Также и по немъ
Командиръ нашъ въ дѣлѣ бравый,—
Славно всѣ живемъ;
Офицеры всѣ лихіе,
Хваты, удалцы,
Несмотря, что молодые,
Въ дѣлѣ молодцы.
Такъ чего же намъ бояться
Враговъ бить всегда?
А когда началъ сражаться,
То ему—бѣда.
Не въ первой разъ сунотатамъ
Жару поддавать
(И) за то лихимъ казаямъ
Кресты получать.
Въ дѣло, будто на охоту,
Съ радостью идемъ
И чеченскую гѣхоту,
Словно зайцевъ, бьемъ.
Послѣ дѣла *подъ улами* (?)
Въ страхѣ былъ и барсъ:
Страхъ нагнали кинжалами,
Былъ самъ Богъ за насъ.
Значить, съ Богомъ, съ кинжалами
Мы вездѣ пройдемъ;
Командиръ нашъ здѣсь и съ нами,
(Такъ) мы всѣхъ побьемъ.

11) Куда летишь, орелъ могучій?
Куда несутся за тобой
Ружьяеъ (sic) блестяи и копьяеъ тучи,
(И) воиновеъ несмѣтный строй?
Лети, лети въ намъ въ часъ желанный,
Неси отраду для сердець!
Ты *) будь избранный!
Ты, вѣдь, родной нашъ отецъ.
Твои сыны, потомки въ славѣ,
Черезъ воду и огонь пройдутъ,
Знамя русскія державы
На *Эмбрусъ* свѣжннй внесутъ.
Ты велишь—мы съ кинжалами
Очистимъ скалы отъ враговъ;
За Кавказскими горами
Настроимъ селъ и городовъ.
Одинъ (твой) взоръ, твое явленье
Смирить народъ и племена,
. **) въ одно мгновенье
Кавказъ, такъ дикая страна.

12) Не *косицами* свѣ море
Оно взволновалось;
Не два-то соколичка
Они изъ дубравушки
Соколики вылетали,
Изъ *Царя-то града*
Два *корабличка* выплывали.
На *корабликахъ* сидятъ,
Тамъ сидятъ *мазорушки* ***)
Прехрабрые, злые *турки*,

*) Въ рукописи: на *силахъ*—выраженіе странное и непонятное. *Ред.*

**) Въ рукописи: *Пролететь*—неумѣстное выраженіе. *Ред.*

***) Иначе *муздрушки* (см. въ „Сборн. матер. для опис. жѣстн. и племенъ“

Покрашенными весельцами
Они угребаются,
Позомоченными рулечками
Они управляются.
На носу кораблика,
Тамъ стоитъ значечко,
Стоитъ оно распущенное,
А подъ значечкомъ
Стоитъ атаманушка,
Атаманъ апаша,
Турецкій князь.

13) Въ вечеръ зимній, непогодный
По ущельямъ и горамъ
Вѣтерокъ свисталъ холодный,
Дождь лилъ съ снѣгомъ поцоламъ.
Тамъ на берегу холмистомъ
Путь-дорожка лежала;
На холмистый, каменистый
Путь дороженья вела.
Той дорожкой проѣзжали
На постъ *Братскій* казаки;
Бурки черныя мелькали
И бѣлѣлись (sic) башлыки.
Тутъ гонецъ догналъ съ приказомъ,
Онъ догналъ и передалъ,
Чтобъ *Морозовъ* сотню разомъ
Онъ въ походъ ее собралъ.
Мы собрались предъ разсвѣтомъ—

Кавк.⁴. Вып. VII. Отд. I, на стр. 116—117 п. № 12, аналогичную нашей иѣснѣ).
Въ „Толков. слов. жив. вѣрс. яз.“ Далъ, Ч. II, на стр. 962, находимъ „музуръ“
въ значенія *матросъ* на купеческомъ и промышленномъ суднѣ *Каспій*. Въ нашей
и. выше турки-мазорухи (музрушки) сидятъ на кораблицахъ и угребаются (гре-
буть) весельцами, очевидно, служить матросами.

Ред.

Не прошла ночная тьма—
Встрѣтилъ ласковымъ привѣтомъ
Насъ полковникъ *Малома*;
Онъ поздравилъ насъ съ походомъ
И тотчасъ—за *Арпачай*.
Малома турокъ-злodeвъ,
Какъ барановъ, въ плѣнъ погналъ.

14) Вдругъ какъ буря прошумѣла
Внизъ по Тереку у насъ—
Казакамъ всѣмъ прочитали
Царемъ отданный приказъ:
Войску Терскому въ счастливый
Тотчасъ выступать *походъ*.
И по Царскому лишь зову
Въ бой летѣть былъ всякъ готовъ:
Ружья новыя-берданы,
Шашки остры, какъ булять;
За Царя и за Россію
Смерть принять былъ каждый радъ.
Матеря намъ приказали
Бить жестоко подлецовъ,
Отцы строго завѣщали
Поддержать честь казаковъ.
И завѣтъ отцовъ исполнить
Изъ насъ всякъ считалъ за честь:
Убыль Терекъ намъ пополнить,
А живому дадутъ крестъ.
Будемъ бить, пока *избавимъ*
Православныхъ христіанъ,
И въ покоѣ ихъ оставимъ,
Сами съ Богомъ—по домамъ.
Ура—Царю, Россіи—слава!

Ура—побѣднымъ знаменамъ!
Наслѣднику и *Михаилу*
Ура и ихнимъ всѣмъ сынамъ!

15) Живни тотъ одинъ достойнъ,
Кто на смерть всегда готовъ.
Православный русский воинъ
Не считая бьетъ враговъ.
Что французы? англичане?
Что турецкій глухой строй?
Выходите, басурмане,
Вызываемъ васъ на бой!
Кровопийцы православныхъ,
Богъ накажетъ васъ за насъ!
Покрошители поганныхъ,
Вѣчный стыдъ и срамъ на васъ!
Чувство (?), мужество намъ сродны,
Не страшна намъ смерть въ бояхъ:
Богу храбрѣе угодны,
Имъ—награда въ небесахъ.
За Царя, за честь и славу
Мы готовы умирать
И за Русскую Державу
Будемъ васъ на штыкъ сажать.

16) *Вспомнимъ* *), братцы, дружно грянемъ!
Теръ-Гукасовъ съ нами былъ;
Онъ съ отрядомъ въ *Баязету*
Смѣло, храбро подходилъ (*два раза*).
Гарнизонъ нашъ *Баязетскій*
Атакованъ туркомъ былъ;
Голодъ, жажду принимая,

*) Вариантъ: Ну-те (ст. *Улаханъ-Юртовская*).

Онъ (Т.-Г.) одно свое твердилъ: *) (2)
Изъ насъ каждый радъ стоять **)
До послѣдней капли крови, —
Басурману чтобъ не даться
Живымъ въ руки, его волѣ (2).
Двадцать два дня ужъ прошло—
Мы сидимъ почти въ рукахъ:
Турокъ цѣнь свою занялъ
Въ крутыхъ каменныхъ горахъ (2).
А мы, братцы, съ Богомъ въ бой
На враговъ своихъ пойдѣмъ,
Станемъ твердою ногой,
Гарнизонъ свой отобьемъ! (2)
Сколько турокъ ни вѣршился,
Но не могъ (тамъ) устоять
И неволей онъ рѣшился
Баязетъ *опять* отдать (2).
Гдѣ отбили мы *два* пушки,
Турокъ бросился бѣжать,
Семьдесятъ два человѣка
Не успѣлъ съ собой забрать (2).
(Вдругъ) ***) явилось подрѣпленье,
Измаилъ самъ прибѣжалъ,
Узнавъ русскихъ избавленье,
Сожалѣлъ, что запоздалъ (2).
На друлой день предъ разсвѣтомъ
Лучъ на небѣ возсіялъ,
И тогда нашъ полеводецъ
Онъ съ добычей отступалъ (2).

*) Въ вар. далѣе слѣдуютъ стихи: „Нуте, братцы, съ Богомъ въ бой“ и т. д. (въ. 17—20, см. ниже), какъ воззваніе Теръ-Гукасова къ Баязетскому гарнизону (ст. *Умаланъ-Юртооская*).

**) Вар.: стараться (Тамъ же).

***) Въ рукописи: хоть.

Ред.

Ред.

Ред.

И, упавши турокъ духомъ,
Только въ слѣдъ намъ поглядѣлъ,
Сожалѣлъ свою потерю,
Что вчера онъ намъ отдалъ (2).
Двадцать восьмой день юня
Будемъ помнить мы всегда,
И Державный нашъ Отець
Не забудетъ никогда (2).
Итакъ будемъ мы гордиться,
Что разбили мы орду,
Хоть пришлось намъ потрудиться
Въ *семьдесятъ седьмомъ* году.

17) Съ Богомъ, терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина-врага!
Тамъ далеко, за Балканы,
Русскій много разъ шагаль,
Покоря вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.
Такъ идемъ путемъ прадедовъ
Лавры, славу добывать!
Смерть за вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.
День двенадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь, Отець Державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда,
Какъ Онъ, полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
„Берегите“, сказалъ, „брата,
Будьте каждый молодцомъ!

Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло,
Дѣдовъ славы не срамить!“ *)

18) Вспомнимъ, терцы, мы про *Ловчу*,
Какъ рубили турокъ тамъ.
Пусть же знаютъ басурманы,
Что не страшны они намъ.
Ай да терцы, ай да терцы!
Любо, бравы, молодцы!
(*Припѣвъ послѣ четырехъ стиховъ*).
Отпуская въ походъ терцевъ,
Въ *Горномъ Студнѣ* Царь сказалъ:
„Будьте въ дѣлѣ молодцами!“
Путь на *Сивель* **) указалъ.
Въ *Сивлѣ* долго мы стояли,
Ждали битвы часъ на часъ,
Но злодѣй не появлялся,
Не хотѣлъ потѣшить насъ.
Ровно въ полночь слухъ пронесся:
Въ пять часовъ намъ выступать,
Нашъ отрядъ идетъ подѣ *Ловчу*
Съ басурманомъ воевать.
Турокъ скоро увидали
Въ ложементѣхъ земляныхъ—
Пули вскуду засвистали,
Терцы бросились на нихъ.

*) Вариантъ оканчивается повтореніемъ первыхъ четырехъ стиховъ пѣсни „Сборникъ Кавказскихъ пѣсень“, Натіева, на стр. 28 № 25. Ту же пѣсню находимъ въ „Новомъ военномъ пѣсенникѣ“ И. Молчанова (С. Петерб. 1889 г.), на стр. 31—32 подѣ № 19.

**) *Сивель*—искаженное *Сельви*. „Дѣло“ 1877 г., № 9, „Соврем. Обзор.“ стр. 163. Ред.

Съ вонь (sic)—долой и цѣпью стройной
Мы атаку повели,
А за нами тутъ же скоро
Наши пушки подвезли.
Пушки грянули картечью
По заваламъ басурманъ—
Турки быстро дали ходу,
Кувыркались по горамъ.
Два дни пушки тамъ стрѣляли,
По заваламъ землянымъ.
Турки издали кричали:
„Мы вамъ жару зададимъ!“
Туть-то князь *Имеретинскій*
Не на шутку закричалъ:
„Ура, *Скобелевъ*, дружище!
Бейте, рѣжьте басурманъ!“
Командиръ тогда мгновенно
Насъ впередъ къ себѣ позвалъ
И на турокъ путь-дорогу
Рукой правой указалъ,
Крикнулъ громко: „съ Богомъ, терцы!
Шашки—вонъ, впередъ за мной!
Трусу—стыдъ въ родной станицѣ,
Смѣлымъ—почесть и повои!“
Дружно бросились мы въ шашки—
Врагъ въ смятеніи побѣжалъ.
Наши шашки безъ промашки
Работали, какъ кинжалъ;
Кровь лилася басурмановъ—
Нѣтъ пощады имъ, врагамъ.
Вотъ вамъ, варвары,—отместка
За поруганныхъ славянъ!
Царь, при встрѣчѣ своихъ терцевъ,

Молодцами называлъ
И награду за побѣду
Самъ всѣмъ лично раздавалъ.
Вспомнимъ, братцы, мы про Ловчу,
Какъ рубили турокъ тамъ.
Пусть же знаютъ басурманы,
Что не страшны они намъ!
Ай да терцы, ай да терцы!
Любо, бравы, молодцы!

Сообщилъ учитель Наурскаго станичнаго
училища *В. Пятирублевъ.*

ПѢСНИ, ПОЮЩІЯСЯ ВЪ СТАНИЦѢ ИЩЕРСКОЙ,

Грозненскаго округа.

I. Свадебные обряды *) и пѣсни.

Свадьбы въ станицѣ совершаются большею частью осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. Изстари ведется, что бракосочетаніе зависитъ не столько отъ взаимнаго расположенія и согласія жениха и невѣсты, сколько отъ усмотрѣнія и взаимнаго согласія ихъ родителей. Особенно въ этомъ отношеніи стѣснена свобода дѣвушки. „Дочь наша и воля наша“, обыкновенно отпариваетъ отецъ просьбу сердобольной матери не стѣснять дочь въ выборѣ жениха, ссылаясь на нее самоѣ, что ея родители не спрашивали у нея согласія, когда выдавали за него замужь, однако они (отецъ и мать дѣвушки) „прожили вѣкъ и дѣтей приобрѣли“.

Какъ только парень вошелъ въ возрастъ, 18—19 лѣтъ, родители отыскиваютъ ему въ станицѣ невѣсту изъ *хорошаго рода*. Посовѣтовавшись объ этомъ съ нѣкоторыми уважаемыми родственниками, они уполномочиваютъ изъ нихъ человѣкъ пять *составать* намѣченную дѣвушку. Пришедши въ домъ послѣдней, сваты заводятъ рѣчь съ ея родителями издали, обиняками, потомъ уже постепенно переходятъ къ цѣли своего прихо-

*) На Кавказѣ, вслѣдствіе исключительныхъ условій природы (горы, ущелья, гѣса), не только каждый народъ, но и каждый городъ, каждое селеніе одной и той же народности имѣютъ свои характерныя особенности въ свадебныхъ обрядахъ. Описаніями свадебъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа, напечатанными въ „Сборникъ“ (выше, стр. 6—36; 145—156, въ VII вып. I отд., стр. 42 примѣч.—50), далеко не исчерпывается вопросъ. Въ виду этого, и настоящая статья имѣетъ несомнѣнный интересъ и значеніе.
Ред.

да; при этомъ стараются выставить жениха и его родителей какъ можно въ лучшемъ свѣтѣ: родители, говорятъ они, — люди смиренные, съ сосѣдями не ссорились цѣлый вѣкъ, домъ и хозяйство ихъ — полная чаша, невѣсту они обижать не будутъ, стирать и работать около печки не заставятъ и сватовъ будутъ любить и уважать, женихъ — парень умный и работающій, не чета другимъ парнямъ въ станицѣ *). Родители невѣсты, хотя и рады выдать свою дочь за предлагаемаго жениха, но не хотятъ подать виду и обыкновенно, подѣ различными предложениями, откладываютъ свой отвѣтъ на предложеніе до четвертаго или пятаго визита сватовъ **) и только, послѣ настойчиваго домогательства послѣднихъ, назначаютъ имъ день для окончательныхъ переговоровъ (*запой* ***), обыкновенно день праздничный. Избравъ *дружка*, *полудружка* и *свазу*, вечеромъ въ назначенный день сваты (въ томъ числѣ и родители жениха) приходятъ въ домъ невѣсты со своимъ „хлѣбомъ-солью“: жареной курицей или другимъ жаренымъ мясомъ, сладкимъ пирогомъ, виномъ и тарелкой меду, также со скатертью, ножомъ, вилкой и свѣчой. У невѣсты къ этому времени собирается вся ея родня. Испросивъ у хозяевъ согласіе поставить на столъ „хлѣбъ-соль“, сваты садятся на лавкахъ, а дружокъ снимаетъ со стола хозяйскую скатерть, накрываетъ его жениховой скатертью и ставитъ всю принесенную закуску. Немного погодя, отецъ жениха встаетъ съ своего мѣста и, обращаясь къ отцу, матери и роднѣ невѣсты, проситъ *покончить дѣло*. Тѣ молятся Богу — кладутъ три земныхъ поклона ****) и цѣлуются со сватами, которые кла-

*) Этой хвалебной рѣчью сваты рассчитываютъ непременно „усватать дѣвушку“. Сравни. въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“ стр. 223 („Свад. обыч.“ Кизлярско-гребенскихъ казаковъ), также въ „Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. I. Отд. I, стр. 112. Ред.

**) Тотъ же обычай встрѣчаемъ выше, на стр. 6—7 (ст. *Прокладная*). Ред.

***) См. въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, на стр. 225. Ред.

****) У раскольниковъ такъ кладутъ „начало“. Тамъ же, стр. 225. Ред.

няются имъ въ ноги и просятъ откупать ихъ „хлѣба-со-ли“. Родители и родственники невѣсты садятся за столъ, а женихова родня стоитъ передъ ними и потчуетъ. Дружокъ на-ливаетъ рюмку водки и подноситъ отцу невѣсты. Тотъ выпиваетъ и закусываетъ хлѣбомъ и медомъ. Въ этотъ моментъ женихова родня поетъ:

1) Да пьяница-пропойница Надинъ батюшка:

Пропилъ Надюшку за медъ—за горѣлку,

За медъ—за горѣлку, за винную рюмку.

Что медъ, что горѣлка—то красная дѣвка.

Пьяница-пропойница Надинъ батюшка:

Не успѣлъ пригадати, за кого отдать *).

Пока поется пѣсня, дружокъ обноситъ всю родню невѣ-сты водкой и виномъ, послѣ чего невѣстина родня встаетъ язъ-за стола, приглашаетъ сватовъ сѣсть на ея мѣсто и, стоя передъ столомъ, угощаетъ ихъ своимъ виномъ и обѣдомъ (*холодными, щами, лопшой, пирогами, жаркими*). Этимъ кон-чается обрядъ *запоя*.

Послѣ обѣда, сваты приглашаютъ всю родню невѣсты къ жениху „смотреть печь“ **) и провожаютъ ихъ пѣснями до самого дома его родителей; въ домѣ угощаютъ обѣдомъ, виномъ и десертомъ. *Гулянье* здѣсь продолжается до свѣта. Одновременно у невѣсты идетъ *вечеринка* ***), на которую собираются ея подруги и женихъ съ товарищами: танцуютъ подъ гармонику и бубенъ; играютъ въ *сосѣди* ****), но пѣсенъ не поютъ. Ве-селье продолжается также всю ночь. Изъ парней на вечеринкѣ

*) Обрядъ „запой“ или „пропойскъ“ см. въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, стр. 224, также въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавк.“. Вып. V. Отд. I, стр. 199, а въ Вып. III. Отд. II, кромѣ того (стр. 55), находимъ на стр. 56 и пѣсню № 41, аналогичную нашей. Сравн. тамъ же п. № 48. *Ред.*

**) Сравн. выше, стр. 7. *Ред.*

***) Вечеринка бываетъ въ каждый праздникъ до вѣнчанія. *Лет.*

****) Въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“, на стр. 228, упоминается игра въ „любовъ сосѣдъ“, приуроченная къ тому же моменту свадебнаго ритуала. *Ред.*

присутствовать могут только тѣ, кто имѣетъ себѣ пару, со-
сѣдку, почему каждый, желающій участвовать на весельѣ, ста-
рается запастись дѣвушкой, хотя бы малолѣтнею.

Въ будніе дни до свадьбы подруги помогаютъ невестѣ
шить подарки: *карманы* *), *кисеты*, *подрушники* **) (у рас-
вольниковъ).

Гулянье послѣ просватанья или заоя называется *слово-
ромъ*. Родные жениха и невесты предварительно уговариваютъ
себя между собою относительно дня свадьбы, а также количе-
ства платковъ и другихъ подарковъ и относительно платы за
косу ***), а потомъ попеременно угощаются такъ же, какъ и
въ день заоя.

Наканувъ свадьбы бываетъ *отвишникъ*. Въ домѣ жени-
ха и невесты идетъ оживленная стряпня—готовятъ обѣдъ.
Часа въ два по полудни женихъ посылаетъ своего товарища
за родней и подругами невесты. Мать перевязываетъ какъ
посланному, такъ и приглашеннымъ на этотъ случай дѣву-
шкамъ и молодымъ замужнимъ женщинамъ *твоя* руки плат-
ками и отпускаетъ ихъ всѣхъ въ домъ жениха. Одна изъ дѣ-
вушекъ беретъ съ собой завязанные въ узелъ подарки жени-
ху: рубаху, кисеть и носки—все работы самой невесты, а
роднѣ жениха другіе подарки. По дорогѣ дѣвушки поютъ:

2) — „Что ты, Маша, приуныла,
Не слышать твоихъ рѣчей,

*) *Карманъ* шьется съ особымъ поясомъ, которымъ онъ подвязывается сна-
ружи или подъ исподомъ юбки. Карманы носятъ замужнія женщины и дѣвушки.

Авт.

**) *Подрушникъ*—стеганный на ватѣ коверчакъ квадратной формы—четвер-
ти въ подторы каждая сторона. Лицевая сторона его шьется изъ одинаковыхъ
по величинѣ и формѣ кусочковъ разной матеріи. Подрушники употребляются рас-
кольниками во время молигвы для земныхъ поклоновъ.

Авт.

***) Покупка матеріи для подвѣчного костюма невестѣ не обязательна для
родителей жениха (*Авт.*). Подвѣчный костюмъ подробно описанъ въ VII Вып.
I отд. „Сборн.“, на стр. 45.

Ред.

Не видать яснѣхъ очей?“

— „Я, бывало, воспѣвала,

Утѣшала соловья,

Не того ли соловья,

Удалого молодца.

Пускай люди людей любятъ,

А я въ свѣтѣ никого,

А я въ свѣтѣ никого:

Полюбила одного,

Вѣкъ страдаю чрезъ него.

Онъ и самъ того не стѣбитъ

Страданьица моего.

Я страдала, горевала,

Слезно плакала о немъ.

— „Ужъ вы, люди, мои люди,

Вскройте груди, выньте сердце

Изъ несчастной сироты,

Положите мое сердце

На серебряный поднось,

Повесите мое сердце

Ко милому во теремъ!

Пуцай миленькій потужить,

Погорюеть обо мнѣ.““

3) Что-за саднѣхъ, что-за зеленый такой!

Что-за мальчишка—за красавчицѣ дорогой!

Вложилъ мысли въ мое сердце—не могу его забыть,

Пустилъ славушку худую, по всей улицѣ позорь.

Моя маменька узпала, и сосѣди говорятъ,—

Меня, дѣвицу, ругаютъ, тебя, молодца, бранятъ.

Дѣвчоночка застыдилась, стала плакать и рыдать;

Мальчишечекѣ стыдно стало, сталъ дѣвчонку утѣшать:

— „Не плачь, не плачь, дѣвчоночка, не плачь, ду-
шечка моя!

Разгорится мое сердце—возьму замужъ за себя,
Сполошится ретивое—первѣнчаюсь я съ тобой“.

— „Тебѣ, мой другъ, не жениться, а мнѣ замужъ
не итти.

Я умру, жива не буду, я на гробъ напишу,
(Я) на гробъ напишу, всѣмъ подругамъ накажу:
Вы, подруженьки-сестрицы, вы не дѣлайте того,
Вы не дѣлайте того, не любите никого“ *).

У воротъ своего двора **) женихъ, его родители и вся
родня встрѣчаютъ гостей выстрѣлами изъ пистолѣтовъ, по-
цѣлуями и просятъ всѣхъ ихъ въ хату. Гости входятъ, мо-
лятся иконамъ и садятся за приготовленный столъ.

Поютъ:

4) Вы подайте намъ пойло:

Пересохло горло;

Вы подайте намъ гущи—

А мы будемъ *пуще* (?);

Вы подайте намъ браги—

А мы будемъ рады;

Вы подайте намъ каши—

А мы будемъ ваши.

Хозяева просятъ гостей выпить и закусить. Тѣ, прежде
чѣмъ принять угощенье, заявляютъ, что у нихъ руки не
подымаются: долго-де и усердно шили подарки—устали. Мать
жениха достаетъ платки и перевязываетъ имъ руки выше лок-
тей. Гости, съ своей стороны, раздаютъ подарки: жениху—ру-

*) Наша пѣсня немногимъ, и то только въ языкѣ, отличается отъ п., на-
печатанной въ „Сборникѣ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд.
I, к. № 17, стр. 87. Ред.

**) Передъ самымъ дворомъ жениха дѣвушки поютъ пѣсню, напечатанную
выше, на стр. 148—149, подъ № 6 (ст. *Наурская*). Сравн. также п. въ „Сборни-
кѣ“ Вып. III. Отд. II, стр. 38, № 8. Ред.

баху, носки и кисеть со словами: „Надежда Федоровна (невѣста) подарки прислала“, отцу—кисеть или подрушникъ, матери—карманъ и остальнымъ членамъ семьи и родни, не исключая и самого малаго, по усмотрѣнію. Каждый, получившій подарокъ, даетъ дѣвушкамъ деньги въ благодарность за ихъ труды на *посидѣлкахъ* у невѣсты. Затѣмъ гости встаютъ изъ за стола, благодарятъ хозяевъ и выходятъ изъ хаты. Женихъ на прощаньи цѣлуется со всѣми, и гостей провожаютъ со стрѣльбой за ворота. Дѣвушки идутъ обратно къ невѣстѣ и поютъ:

5) Укормили, упоили,
Употчивали,
Подъ грушею зеленою
Спать положили меня.
— „Ты, грушица зеленая,
Не шуми, не греми:
Будешь шумѣть, будешь гремѣть—
Подрублю я тебя.
Ты, маменька родимая,
Не жури, не брани:
Будешь журить, будешь бранить—
Буду больше шалить“.

У невѣсты онѣ дѣлятъ между собой деньги, полученныя отъ жениха и его родни за подарки; затѣмъ, усадивъ невѣсту на стулъ среди комнаты, принимаются чесать и „плести“ ей косу. Поютъ:

6) Не трубушка трубила,
Агафьюшка плакала,
Ипполитьевна плакала:
— „Вечеръ мою косушку
Подружки плели,
Да плели мою косушку,
Сами *играли* (пѣли);

Примочили мою косушку
Ключевой водой;
Потру-ранёховько
Матушка плела,
Плела мою косушку,
Сама плакала,
Примочила мою косушку
Горючѣй слезой“ *).

Невѣста *голоситъ*. На *голошени* невѣсты въ хату и подь
окнами собирается множество любопытныхъ.

7) Воля моя, воля дѣвичья,
Негушка моя батюшкина,
Желаніе мутушкино!
Я пуцу волю во чистое поле—
Въ чистомъ полѣ воля загулялась;
Изъ чиста поля—во темные лѣса—
Во темныхъ лѣсахъ воля загулялась,
По ракиновымъ кустамъ она исцѣплялась;
Изъ темныхъ лѣсовъ пуцу свою волюшку,
(Я пуцу ее) во синее море—
Въ синемъ морѣ воля закупалась;
Изъ синя моря пуцу свою волюшку,
(Пуцу) по краснымъ дѣвушкамъ.
— „Ты гуляй, воля, не загуливайся,
Не забудь меня, воля, во чужихъ людяхъ.
Во чужихъ-то людяхъ воля упрошанная:
Коль упрошу да умолю,
Такъ на улицу пойду,
А коль не упрошу, не умолю,
Такъ я дома просажу“ **).

*) Сравни. п. выше, на стр. 52, подь № 20, также пѣсню въ VI Вып. Отд. F
„Сборника“, на стр. 31. Ред.

**) Сравни. въ VII Вып. Отд. I „Сборника“, на стр. 72 п. № 4. Ред.

Поютъ невѣсть—*сиротъ*:

8) Ты, рѣка ли моя, рѣчущка,
Ты, рѣка ли моя быстра!
Течеть рѣчка—не шелохнется,
Сидитъ дѣвка—не улыбнется,
Рѣчь скажетъ—не усмѣхнется.
— „Вы, любимыя подруженьки мои,
Да и какъ же усмѣхнуться мнѣ:
Полонъ дворъ и гостей, и саней,
Полны горницы и бояръ, и князей,
Полны свѣтлыя со княгинями;
Одного-то моего гостечка нѣтъ,
Моего гостечка любимаго,
Моего батюшки родимаго.
Любимый мой большой братецъ,
Ты пойдѣ-ка во комнѣтупшку,
Ты возьми узду невладанную,
А сѣдельце-(то) черкасское,
Ты поймай коня неѣзжаннаго,
Ты взнуздай уздой невладанною,
Осѣдлай сѣдломъ черкасскимъ,
Поѣзжай-ка вдоль по улицѣ,
Подъѣзжай ко Божьей церкви,
Ты ударь въ большой колоколь,
Пробуди моего гостечка,
Моего гостечка любимаго,
Моего батюшку родимаго,
Не для пира—не для веселья,
Для великаго благословенья!
Провожать меня есть кому,
А благословить будетъ некому:
Провожали меня все чужіе люди

И встрѣчать будутъ все незнаемыя *).

Покончивъ съ уборомъ невѣсты, подружки усаживаютъ ее на кровать, на которой сами становятся полукругомъ такъ, что совсѣмъ закрываютъ ее собою **). Между тѣмъ родители невѣсты посылаютъ человѣкъ пять или шесть „рабочихъ“ за женихомъ и сами готовятся (одѣваются въ праздничные костюмы) къ его встрѣчѣ. Жениха *ведутъ* „рабочіе“ и вся его родня, которая при этомъ несетъ съ собою въ домъ невѣсты вино и закуску. По дорогѣ вся компанія (а) идетъ съ пѣснями ***); передъ запертыми воротами двора невѣсты останавливается и перепѣвается съ невѣстиной родней (б), которая отвѣчаетъ ей со двора.

9) а. Володушка своему батюшкѣ говорилъ,
Андреевичъ своему родному говорилъ:
„Метите дворы, стелите ковры: гость будетъ“.

10) б. Агафьюшка своему батюшкѣ говорила,
Ипполитевна своему родному говорила:
„Не метите дворы, не стелите ковры: не будетъ“.

*) Сравн. выше, на стр. 50—51, п. № 18 и всѣ три цитированные тамъ же варианты. Ред.

**) Въ г. *Оболни*, Курской губернии, поется свадебная пѣсня, которая можетъ служить лучшимъ комментариемъ данному обряду.

Растварлялся воротечки	<i>Расплети-касу надвое“.</i>
Да безъ вѣтра—безъ вихарю,	Какъ даслыхался Данилушка,
Безъ дробнава дождичка.	На тесовамъ крыльцу сидючи...
Не слыхала Аксиньюшка,	— „Не печалась, Аксиньюшка,
Какъ баляре на дворъ вѣхали,	Не тужи, душа Михайлавна!
Ана брасалася, металася,	Да не я—разаритель твой,
<i>За двоушекъ харанилася.</i>	Да не я—пагубитель твой,
— „Схораните меня, двоушки,	Да не я—расплети-касу,
<i>Схораните</i> меня, красныя!	Расплети-касу надвое,
Какъ прѣхалъ <i>разаритель</i> мой,	Разаритель твой—батюшка,
Какъ прѣхалъ <i>пагубитель</i> мой,	Пагубитель твой—матушка,
Какъ прѣхалъ <i>расплети-касу,</i>	Расплети-касу—сватюшка“.

Ред.

***) Поется и пѣсня, напечатанная въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. 1, стр. 53—59, № 4. Ред.

11) а. Зять у воротъ, зять у воротъ увивается;
(Онъ) просить свою суженую,
Суженую, ряженую, изукрашеную.
— „Тестюшка-батюшка, ты отдай мою,
Ты отдай мою суженую, ряженую,
Суженую, ряженую, изукрашеную!“ *)

12) в. У нашихъ у воротъ
Стоить полая вода,
Стоить полая вода,
Поднимала ворота.
Александръ Васильевичъ коня
Къ воротичкамъ подводилъ,
Къ воротичкамъ подводилъ,
(Свою) Аннушку просилъ:
— „Ужъ ты, Аннушка душа,
Сбереги моего коня,
Не оборвалъ бы поводъ,
Повода шелковые,
Удила серебряныя“.
— „Я у батюшки, у матушки
Одна дочка была,
Одна дочка была,
Ровно павушка слыла;
На павушкѣ перо—
Сто рублей оно дано“.

Ворота отворяются, и всѣ гости входятъ во дворъ. Въ это время дѣвушки, убравшія невѣсту, выходятъ изъ хаты въ сѣни и поютъ: „Я калинушку ломала“ **). Передъ входомъ гостей въ сѣни, обѣ партіи поютъ, соединившись въ одинъ хоръ:

*) Сравни. и. выше, на стр. 38—39, № 2 и на стр. 149 подъ № 8. Ред.

***) Напечатана выше, на стр. 150—151, подъ № 11.

Ред.

13) Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,
Сени новыя мои,
Сѣни новыя, сосновыя,
Рѣшетчатыя! *)
Выпускала совола
Изъ праваго рукава,
Изъ праваго, изъ лѣваго,
Изъ французскаго платка.
Ты лети-ка, мой соволикъ,
Высоко и далеко,
Не высоко, не далеко,
На родину сторону:
На родимой на сторонкѣ
Грозенъ батюшка живетъ;
Онъ грозѣнъ, грозѣнъ, грозѣнъ,
Грознѣй матушки родной:
Не велитъ мнѣ, младешенькѣ,
(Мнѣ) на улицу ходить,
Мнѣ на улицу ходить,
Хороводы заводить.
Я не слушаю отца,
Приутѣшу молодца,
Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца;
Онъ одинъ сынъ у отца,
Уродился въ молодца,
Совутъ Ванюшкою,
Пивоварушкою.
Пивоваръ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ,

*) Пропускаемъ vs. стр. 5 и 6:

Да не знатно мнѣ по сѣничкамъ похаживать,
Да мнѣ мила дружка за рученьку не важивать,
какъ не согласующіеся по складу и мысли со всей пѣсней.

Зелено вино курилъ,
Красныхъ двѣушекъ манилъ *).

14) Вы пожалуйста, двѣушекъ,
На подворье на мое!
На подворьѣ у меня
Право нѣтъ никого:
Первый писарь, другой—я,
Третій—вѣрная слуга.
Ужъ я вѣрнаго слугу
Во царевъ кабакъ пошлю
Я за пивомъ, за виномъ,
За сладкіимъ чихиремъ.

15) Меня вся семья не любить,
Свекоръ журить и бранить;
Свекоръ журбою журилъ,
Одинъ Васюшка любилъ,
Одинъ Васюшка любилъ,
Онъ не долго со мной жилъ,
(Онъ) не долго со мной жилъ,
Со мной въ мнѣніе вступилъ,
Мнѣ бѣлилъ, румянъ купилъ.
— „Набѣлися, животокъ,
Ровно аленькій цвѣтокъ,
Нарумянся, свѣтъ,
Ровно алый цвѣтъ!“
Начто было умываться,
Когда не съ кѣмъ цѣловаться,

*) Изъ двухъ вариантовъ пѣсни, напечатанныхъ въ „Сборн. матер. для опис. гвѣст. плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, стр. 85, № 184, и Вып. VII Отд. I, стр. 76, № 11, наша пѣсня походитъ болѣе ко второму варианту, но имѣетъ свои особенности.

Начто хорошо ходить,
 Когда некого любить,
 Начто мягко стлать,
 Когда не съ кѣмъ спать.

16) Износилъ я чоботы,
 По дѣвушкамъ ходючи,
 Изорвалъ я синь кафтанъ,
 По заборамъ лазучи,
 Измаялъ я черну шляпу,
 Подъ качелями (?) стоючи *).

Между тѣмъ какъ затѣмъ родня и подруги невесты входятъ снова въ хату и запираютъ за собою дверь, гости только входятъ въ сѣни. „Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“, стучится въ дверь дружковъ.

— „Аминь“, отвѣчаютъ ему изъ хаты.

— „Можно войти съ нарѣченнымъ молодымъ княземъ?“

— „Можно“.

Дружковъ вводитъ за руку жениха, за которымъ входятъ его отецъ, мать и вся родня. Послѣ обычнаго опроса гостей: „здорово ли живете?“ и отвѣта хозяевъ: „слава Богу“, дружковъ заводитъ съ родителями невесты разговоръ о женихѣ, какъ *купить*, желающемъ купить у нихъ *товаръ* (невесту), и проситъ показать товаръ, если имъ нравится купецъ. *Подсвашка*, которая выбирается изъ невестинной родни въ тотъ же вечеръ до прихода жениха и его родни, ссаживаетъ невесту съ кровати, подводитъ ее къ столу и ставитъ рядомъ

*) Пѣсни ММ 13—16 поются безъ перерыва одна за другой и такимъ образомъ сливаются въ одну пѣсню, чему, кромя одновременности ихъ пѣнія, способствуетъ одинъ и тотъ же размѣръ стиха. Любопытно то, что по содержанию онѣ равномерно чередуются: въ 13 и 15 дѣйствуетъ замужняя молодуха, а въ 14 и 16 молодецъ-гуляка,—что наводитъ на мысль, что первыя двѣ пѣсни поетъ женская половина хора, а вторыя двѣ—мужская.

съ женихомъ. Товаръ осматривается и одабривается. Дѣвушки поютъ: „Ты, утица, вылетай, вылетай“ *), при чемъ молодые начинаютъ *дариться*. Дружокъ наливаетъ два стакана вина и на подносѣ подаетъ сперва невѣстѣ. Невѣста беретъ стаканъ и подноситъ его жениху со словами: „Иванъ Алексѣевичъ, извольте принять и выкушать!“ По поводу этого обращенія женихова и невѣстина родня вступаютъ въ препирательство: первая громко заявляетъ: „не слышно“, а вторая ее перебиваетъ: „слышно“; невѣста должна повторить свое обращеніе до трехъ разъ, послѣ чего женихъ беретъ стаканъ и немного отпиваетъ. Его родня крикомъ „исло“ вынуждаетъ невѣсту подсластить вино поцѣлуемъ жениха, и это повторяется также три раза. За третьимъ поцѣлуемъ женихъ допиваетъ вино, ставитъ на подносъ стаканъ и получаетъ отъ невѣсты подарокъ: бисетъ и красный кумачный платокъ, которымъ витираетъ свои губы. Съ тою же шумной церемоніей женихъ угощаетъ невѣсту и за третьимъ поцѣлуемъ даритъ ей шерстяной или шелковый (смотря по достатку) платокъ и рубль денегъ **). Во время поцѣлуевъ молодыхъ дѣвушки поютъ:

17) *Китушки-ракушки* поломалъ,
Александръ-сударь Аннушку цѣловалъ,
Николаевичъ Андреевну цѣловалъ,
Цѣловалъ, миловалъ,
Взялъ за ручку, повелъ
Черезъ хату въ комнату,
Посадилъ на тесовую кровать.
— „Да какъ тебѣ, Аннушка, не стыдно
Чужого дѣтинушку цѣловать!“ ***)

Дѣвушки и парни пользуются послѣднимъ моментомъ

*) См. выше, на стр. 153, п. № 15 и примѣч. къ ней.

Ред.

**) Сравни. выше подобный же обычай въ ст. *Прохладной*, стр. 18, и въ ст. *Наурской*, стр. 152.

Ред.

***) Сравни. выше, на стр. 152, п. № 13.

Ред.

дареня, спѣшать занять мѣста на лавкахъ и усаживаются обязательно парами (кто изъ парней пары не имѣтъ, тотъ безцеремонно выпроваживается изъ компаніи), молодымъ же уступаютъ мѣсто не иначе, какъ подъ условіемъ полученія отъ дружка *сыкуна*. Между тѣмъ какъ родня жениха и не- вѣсты занимается угощеніемъ другъ друга сначала въ домѣ послѣдней, а потомъ въ домѣ перваго, гдѣ женихова родня до разсвѣта увеселяетъ родню невинную пѣснями, танцами и переряживаньемъ, остающаяся у невинны молодежи *играетъ съ сосѣди* *) до поздней ночи, когда всѣ парни расходятся по домамъ (раньше всѣхъ уходитъ къ себѣ женихъ), а дѣ- вушки остаются у невинны ночевать. На разсвѣтѣ слѣдующа- го дня женихова родня съ зажженными сальными свѣчами, привязанными къ длиннымъ палкамъ, торжественно прово- жаетъ по станицѣ родню невинны до самаго дома послѣдней, гдѣ и опохмѣляются всѣ. Между тѣмъ въ домѣ невинны про- исходитъ слѣдующее: рано на зарѣ невинна начинаетъ будить оставшихся у нея подругъ заунывной пѣсней—*юлосить*. Дѣ-

18) Не красное солнце изъ горъ выкатается,

Какъ у насъ на дворѣ заря занимается,

А мое сердце кровью обливается.

— „Вы вставайте, милыя мои подруженьки,

Вы вставайте, милыя мои подруженьки **),

Ранымъ-то вы ранехонько,

Вы чешите свои головушки гладехонько,

Вы плетите русыя косушки хорошехонько!*

А моя голова остается недочесаная,

Русая косушка недоплетеная,

Алая ленточка недоношенная;

Почти-то, почти мою головушку

*) См. выше, стр. 229.

Ред.

**) Сравни въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“ Вып. VI. Отд. I, стр. 90 („Начало свадьбы“—пѣсня).

Ред.

Бѣлый снѣгъ покрылъ,
Русую косушку лють морозъ покрылъ,
Алую ленточку молоной сожгло;
Почти-то, почти всё мои денечки прошли,
И денечки, и часочки, и минуты золотыя.

Голошенье невѣсты съ появленіемъ гостей, быстро смѣняется
общимъ весельемъ: пьютъ, ѣдятъ, танцуютъ подъ гармонику;
веселье еще болѣе оживляется, когда невѣсту начинаютъ *одн-
зать* къ вѣнцу. Дѣвушки поютъ:

19) — „Дубравушка зеленая,
Что-жь ты рано зашумѣла,
Рано, рано?“ (*припѣвъ*).
— „Не сама я зашумѣла,
Душа моя (*припѣвъ*),
Шумнули мной буйные вѣтры,
Рано, рано,
Буйные вѣтры со вихрями,
Душа моя,
Со сильными со дождями,
Рано, рано“.
Какъ на рѣчкѣ, на бережочкѣ,
Душа моя,
Тамъ Прасковьюшка чары мыла,
Рано, рано,
Тамъ Никифоровна золотыя,
Душа моя,
Мывши чары, она попускала,
Рано, рано.
— „Плывите, чары, внизъ по Дунаю,
Душа моя!
Я за вами скоро буду,
Рано, рано,

Скоро буду къ *Божьему сѣду*,
 Душа моя,—
 Какъ въ четвергъ я уберусь,
 Рано, рано,
 А въ пятницу снаряжусь,
 Душа моя^{*)}.

Поется также пѣсня: „Воля моя, воля дѣвичья“^{**}), а невѣстъ-спротъ: „Ты, рѣва ли моя, рѣчуща“^{***}). Между тѣмъ дружжѣ нѣсколько разъ навѣдывается, готова ли невѣста къ вѣнцу.

За одѣваньемъ слѣдуетъ *благословеніе* невѣсты. Отецъ и мать съ иконою въ рукахъ становятся на разостланной на полу хаты полсти. Невѣста кланяется въ ноги сперва отцу, потомъ матери по три раза и съ третьимъ разомъ не поднимается до тѣхъ поръ, пока родители не окончатъ своихъ наставленій, какъ ей слѣдуетъ жить въ новой семьѣ, затѣмъ она цѣлуетъ икону и со слезами *прощается* съ ними. Такимъ же образомъ молодую благословляютъ крестный и крестная, дѣдъ и бабка, если они живы. При прощаньи со всей родней и подругами невѣста продолжаетъ *юлосить*. Во время благословенья и прощанья невѣсты подруги ея поютъ:

20) *Похилое* ^{****}) дерево зеленое,
 Рано, рано, зеленое (*припѣвъ съ послѣднимъ
 словомъ стиха*),
 Низехонько къ дубравушкѣ *хилилося*.
 — „Спасибо тебѣ, дубравушка,
 Что я у тебя стояла,

*) Сравн. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Внп. VII. Отд. I, стр. 72, п. № 5, и выше, стр. 56—57, п. № 28. Ред.

***) См. выше, на стр. 234, № 7. Ред.

****) См. выше, на стр. 235, № 8. Ред.

****) *Похилое* д. (мгрс. хилить, ся, похилить, ся—нагибать, ся къ землѣ)—дерево, легко наклоняющееся къ землѣ (Пословица: на похилое дерево и козы скачуть). „Толков. слов. жив. великор. яз.“ Дала, III, 333; IV, 500. Такое значеніе эпитета оправдывается и аналогіей его съ „поклонная“ (ниже), т. е. покорная, послушная, кроткая (дѣвушка). Ред.

Глубокіе ворни пушала,
Широкими листьями стлала^a.
Поклонная дѣвушка, Аннушка,
Низехонько батюшкѣ кланялась.
— „Спасибо тебѣ, батюшка,
Что я у тебя сидѣла,
Да буйную головку чесала,
Да русую косушку заплетала,
Алую ленточку носила,
Рано, рано, носила^{*}).

Ображенную и совсѣмъ готовую въ вѣнцу невѣсту усаживаютъ за столъ при пѣніи пѣсни: „Да летѣли сѣрые гуси черезъ садъ“^{**}) (невѣста—на посадѣ). За столомъ по одну сторону невѣсты садится подсвашка, по другую—меньшій братъ невѣсты или, если такового нѣтъ, мальчигъ изъ ея же родни, вооруженный плетью или скалкой,—*продавать косу*; далѣе размѣщается вся родня за исключеніемъ „рабочихъ“, которые посланы за женихомъ. Дѣвушки продолжаютъ пѣть, а невѣста голосить и на этотъ разъ настолько искренно, что иные изъ присутствующихъ, особенно дѣвушки и женщины, не могутъ удержаться отъ слезъ. Поютъ: „За стѣнами за дубовыми“^{***}) и далѣе:

21) Черная галочка—невеличка,
На ракутѣ сидѣла;
Хотѣла она ракутушку поломати,
Не поломала, только по(на)хилила.
Красная дѣвушка, Надюшка,
Хотѣла батюшку взвеселити,

^a) Сравн. п. въ сборн. „Нар. ожнор. п.“ А. Метлинскаго. Кіевъ 1854 г., на стр. 175 (Гадячъ, Полтавской губерніи). Ред.

^{**}) Отъ пѣсни, напечатанной въ „Сборникѣ“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 74 подъ № 8, наша п. отличается только послѣднимъ стихомъ: „Коли разстелешъ шелковъ коверъ, такъ сяду“. Ред.

^{***}) Напечатана выше, на стр. 53—54, подъ № 21. Ред.

(Хотѣла) она съ матушкой взвеселити;
Не взвеселила, только прослезила *).

22) Протеки, пробѣги, мати Волга-рѣка,
Привохай, прилелѣй, мати, дочерю.
Вотъ тебѣ, рѣчушка, да не долго течь,
Вотъ тебѣ, быстрая, да не долго бѣчь:
Придутъ къ тебѣ, рѣчушка, лютые морозы,
Лютые морозы, все крещенскіе,
Разлучать тебя, рѣчушка, съ крутымъ бережкомъ,
Пуще того, пуще того съ вѣрѣнимъ камушкомъ.
На морѣ утушка тамъ купалась,
На синемъ сѣрая полоскалась;
Утушки сѣрыя дивовались.

— „Вы, утушки, вы, сѣрыя, не дивуйтесь:
Сами того не минуете.

Нынѣ во мнѣ селезень приплыветъ,
Нынѣ меня, утицу, за собой поведетъ,
Нынѣ меня, сѣрую, во быстру рѣку,
Поведетъ меня за то крыло, крыло правое,
За то перо, перо сязое“.

— „Вотъ тебѣ, Марьюшка, да не долго жить,
Вотъ тебѣ, Павловна, да не долго жить—
Со весны, со весны да до осени,
Со утра, со утра да до вечера:
Придутъ къ тебѣ, Марьюшка, все лютые сватовья,
Придутъ къ тебѣ, Павловна, все со свахами,
Разлучать (тебя), Марьюшка, съ отцомъ, съ матерью,
Съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ—съ племенемъ,
Пуще того, пуще того съ подружками.
Во теремѣ Марьюшка умывалась,

*) Пѣсня поется и въ ст. Слъщовской. Сран. также въ „Сборникѣ“
Вып. III. Отд. II, стр. 71, и № 85. Ред.

Во теремѣ Павловна утиралась,
Бѣлилами, сурмилами насурмилилась;
Дѣвицы красныя дивовались.

— „Вы, дѣвушки, вы, красныя, не давитесь:
Сами того не минуете.

Нынѣ ко мнѣ Иванъ-сударь придетъ,
Нынѣ ко мнѣ Никифоровичъ придетъ,
За собой меня поведетъ,
Поведетъ (меня), Марьюшку, во Божью церковь,
Поведетъ за ту руку правую,
За тотъ перстень золотой,
За тотъ платокъ шелковій“ *).

„Рабочіе“ ведутъ жениха къ невѣстѣ въ домъ съ пѣснями
во всю дорогу.

23) Ой отъ лѣсу да до лѣсу,
Рано, рано (*Припѣвъ*),
Ой отъ рынка да до рынка,
Душа моя (*Припѣвъ*),
Да и чей конь напередѣ,
Рано, рано,
Да и чей конь напередѣ,
Душа моя?
— Дружковъ конь напередѣ,
Рано, рано,
Дружковъ конь напередѣ,
Душа моя **).

*) Пѣсня имѣетъ нѣсколько общихъ мотивовъ съ п., напечатанной выше, на стр. 49—50, подъ № 17. Весьма важное отличіе нашей п. заключается, между прочимъ, въ томъ, что она поется подругами невѣсты по поводу предстоящей ея близкой разлуки „съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ—съ племемъ“, а не по поводу сиротства невѣсты, какъ цитированная. Въ этомъ послѣднемъ мотивѣ съ нашей пѣсней сходится напечатанная выше, подъ № 33, на стр. 60. *Ред.*

**) Сравни пѣсню, напечатанную выше, на стр. 145—146, подъ № 2. Повтъ и в. № 11, на стр. 237.

При слѣдующей за тѣмъ заключительной свадебной церемоніи свахѣ, а особенно дружкѣ съ женихомъ ставятся всякія преграды для охраны невѣсты; каждый отдѣльный моментъ этой обрядности сопровождается пѣніемъ коротенькихъ пѣсенъ. Прежде всего дружокъ, вошедши въ хату первымъ, проситъ у хозяевъ позволенія ввести „молодого князя“; въ то же время сваха, вошедшая слѣдомъ за дружкомъ, даетъ подсвашкѣ *) выкупъ за мѣсто возлѣ невѣсты, садится и начинаетъ послѣдней расплетать косу **). Вошедшему, съ разрѣшенія хозяевъ, жениху дружокъ также долженъ купить мѣсто возлѣ невѣсты — это и есть обрядъ купли и продажи невѣстиной косы. Меньшій братъ невѣсты, сидящій возлѣ нея, усиленно торгуется съ дружкомъ, бьетъ его плеткой или скалкой за обманъ, всачески старается поднять цѣну до размѣра, условленнаго на „сговорѣ“, и тогда только соглашается получить плату и козушку вина и уступаетъ свое мѣсто возлѣ невѣсты жениху ***). Дѣвушки поютъ:

24) Сѣлъ братъ на колесницу,
Продаетъ сестрицу ****).

25) Братецъ, татаринъ,
Не отдавай сестрицу за даромъ,
Проси золотого
Отъ князя молодого! *****)

26) Не приступай, *Литва!*
Будемъ съ тобой биться,

*) При этомъ поется пѣсня, напечатанная выше, на стр. 59—60, подъ № 31 (верше четыре стиха). Ред.

***) Поется пѣсня № 16, на стр. 154. Ред.

****) Сравни. подобный же обычай на стр. 25—26, 154—155. Ред.

*****) Сравни. въ „Сборн. матер. для опис. мѣсти. и плем. Кавк.“. Вып. VII. Отд. I, стр. 76, п. № 12 (начало). Ред.

*****) Сравни. п. выше, на стр. 58, № 29 и цитированныя тамъ же, также въ Вып. III. Отд. II, на стр. 70 № 81. Ред.

Будемъ воевати,
Сестрицу не давати. *)

27) Нынѣ звонъ звонятъ—
То сабли говорятъ
Надъ молодой головой,
Надъ русой косой.

Продавшаго невѣстину косу мальчика, при выходѣ его изъ-за стола, дѣвушки провожаютъ упрекомъ **) за неисполненіе ихъ послѣдней просьбы. Съ приходомъ жениха молодые на посадѣ сидятъ недолго, до тѣхъ поръ, пока дружокъ обнесетъ всѣхъ родныхъ стаканомъ вина; затѣмъ всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ, молятся Богу, и молодыхъ ведутъ въ церковь. Дѣвушки провожаютъ ихъ съ пѣснями.

Поютъ при выходѣ изъ хаты:

28) Оглянися, мати,
Чисто ли у тебя въ хатѣ?
Чашки, ложки—подъ лавкой,
Заросли муравкой ***).

При выходѣ изъ сѣней:

26) Засвѣти, мати, свѣчку,
Проводи свою дочку
Съ гуслими, съ цимбалами,
Съ большими придаными.

За воротами:

30) Съѣхали бояры со двора,
Сломали березу со верха.

*) Сравни выше, на стр. 58, п. № 29, и на стр. 154, № 17. *Ред.*

**) Сравни выше, на стр. 155, п. № 18 и цитирования; также въ Вып. III. Отд. II, на стр. 70 п. № 82; Вып. VII. Отд. I, стр. 77, п. № 13. *Ред.*

***) Сравни. п. выше, на стр. 59—60, № 31 (вторая половина), и въ Вып. VII. Отд. I, на стр. 76, п. № 15. *Ред.*

— „Ты стой, береза, безъ верха,
Живи, живи, матушка,
Безъ Марьюшки, безъ доченьки“.

По дорогѣ въ церковь: „Я калинку ломала“ *).

У церковной ограды:

31) Ой отъ лѣсу да до лѣсу
Повели нашу невѣсту.
— „Отворяй, попь, церковь
Супротивъ насъ,
Вѣнчай Марьюшку
Въ добрый часъ“.

Проводивъ молодыхъ въ церковь, молодыя женщины и дѣвушки начинаютъ переносить приданое въ домъ жениха: подушки (двѣ или четыре), полсть, сундукъ, одѣяло, простыню; по дорогѣ подпеиваютъ вверхъ кто что и поютъ: „Сестрицы—подружки“ **) и кромѣ того:

32) Какъ у стараго мужа—
Молодая жена;
Она часто лежитъ,
Все прихварываетъ.
— „Ужъ ты, жбнуска-жена,
Не болить ли голова,
Не болить ли голова,
Не привести ли попа?“
— „Приведи мнѣ попа—
Чумака изъ кабака,
Чумака изъ кабака,
Моздовскаго казака:
Моздовскій казачокъ

*) См. выше, стр. 150—151, п. № 11.

**) См. п. № 19, на стр. 155.

Держитъ шляпу на бочокъ,
Держитъ шляпу на бочокъ,
А въ карманѣ табачокъ,
А въ другомъ-то карманѣ
Мѣдны денежки;
Мѣдны денежки
Любятъ дѣвушки“.

Всѣмъ, принесшимъ приданое, въ домѣ жениха предлагается угощеніе (вино) и перевязываютъ *тѣмъ* руки платками, послѣ чего онѣ идутъ въ домъ невесты *мату* *гсть* и затѣмъ расходятся по своимъ домамъ. Изъ церкви молодые ѣдутъ въ вѣнцахъ, при томъ женихъ съ евангелиемъ, а невеста съ иконой Божьей Матери въ рукахъ, до самаго дома жениха, гдѣ сопровождающій ихъ священникъ служитъ молебенъ и снимаетъ съ новобрачныхъ вѣнцы *). Немедленно затѣмъ молодыхъ отводятъ въ отдѣльную комнату, *кормятъ* **) и оставляютъ однихъ.

Программа свадебныхъ обрядовъ и увеселеній еще не вся выполнена: предстоитъ еще цѣлый рядъ церемоній, то спокойныхъ и серьезныхъ, то шумныхъ и комическихъ, сопровождающихся непрерывными взаимными угощеніями родителей и родственниковъ новобрачныхъ въ теченіе недѣли, а не то и больше. Прежде всего родители жениха идутъ въ домъ невесты благодарить за нее ея родителей: вошедши въ домъ, они кланяются имъ въ ноги и приглашаютъ къ себѣ на поздравительное и благодарственное угощеніе. Въ знакъ полного довольства другъ другомъ они идутъ по улицѣ обнявшись и съ веселыми пѣснями.

Обѣдъ и попойка въ домѣ родителей жениха смѣняется таковымъ же въ домѣ родителей невесты; гулянье продолжает-

*) Сравни. выше, стр. 19.

Ред.

**) Сравни. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Стл. I, стр. 46 и примѣчаніе.

Ред.

ся до утра слѣдующаго дня, когда всѣ должны собраться къ новобрачнымъ на *коровай*. Собирались на коровой, всѣ гости еще разъ шумными увеселеніями даютъ знать родителямъ невѣсты и всему міру о благополучномъ выходѣ молодой замужъ: берутъ въ руки пучки калины, нарочно заранѣе развѣшенные на крышѣ дома и въ домѣ на полкахъ, растираютъ въ рукахъ ягоды и сокомъ ихъ раскрашиваютъ себѣ лица, въ такомъ видѣ танцуютъ и поютъ:

33) На хатѣ—зелье,
А въ хатѣ—веселье;
На дворѣ бояре
Какъ макъ расцвѣтаютъ *).

34) Иди, иди, батюшка, не бойся,
Топчи вороги подь ногами,
Чтобъ наши вороги молчали,
Чтобы наши подковы бренчали **).

Передъ раздачей коровая (послѣ обѣда) всѣ гости садятся парами—мужъ съ женой, а вдовцы со вдовами. Дружокъ выводитъ молодыхъ, при чемъ молодая—уже въ шлычкѣ и въ бабьей повязкѣ, даетъ имъ въ руки подносъ съ двумя стаканами и въ то время, какъ молодые обносятъ виномъ и ломтями коровая всѣхъ присутствующихъ, начиная со своихъ родителей, обращается къ каждому, принимающему угощеніе, со слѣдующими словами:

35) Сыръ коровой принимай,
Молодыхъ надѣлай!
Молодые—на-новѣ,—
На шильце, на мыльце,
На хозяйское обзаведеньице.

*) Сравни п. № 87 (конецъ) въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавк.“. Вып. III. Отд. II, на стр. 71. Ред.

**) Пѣсня, очевидно, малороссійскаго происхожденія. Ср. п. выше, на стр. 38, подъ № 43. Ред.

Послѣ короваѣ всѣ гости идутъ, по приглашенію, сначала къ родителямъ невѣсты, затѣмъ къ дружкѣ, полудружкѣ, свахѣ и такъ обходятъ всю родню; наконецъ, всѣ идутъ въ домъ жениха *хоронить концы*. Когда гости соберутся на дворъ, родители жениха зажигаютъ костеръ изъ соломы, черезъ который всѣ перепрыгиваютъ; не перепрыгнувшій платитъ штрафъ по условію—ведро вина или больше, которое здѣсь же и распивается, чѣмъ и заканчивается свадьба.

II. Троицкія вѣсни.

1) Вы, кумушки, голубушки,
Вы, подружки мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите и меня!
Пойдете вы въ зеленый садъ,
Возьмите и меня,
Сорвете вы по цвѣточку,
Сорвите и мнѣ,
Совьете вы по вѣночку,
Вы свейте и мнѣ,
Надѣнете на голову,
Надѣньте и мнѣ,
Вы пойдете на быстру рѣчку,
Возьмите и меня!
На быстрой рѣчкѣ—на рѣченькѣ—
Круты бережка,
На крутенькихъ бережочкахъ—
Желтые пески,
На желтенькихъ на песочкахъ
Лѣсокъ выросталъ;
Изъ этого изъ лѣсочка
Соболь выбѣгалъ,
За сободемъ за черны(и)мъ,

Тамъ—моя кума,
За кумушкой-за голубушкой—
Подружки мои.
Кумитесь, любитесь,
Любите и меня!

2) Во лузяхъ во зеленыхъ
Выросла трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Ужъ я той травой выкормлю коня,
Поведу коня я къ батюшкѣ.
— „Ужъ ты, батюшка родимый мой,
Ты прими-ка слово ласковое,
Полюби слово привѣтливое,
Не отдай замужь меня за старика:
Старый мужъ мнѣ—неровнюшка,
Неровня мнѣ, не подъ *версту* *);
Ты отдай меня за ровнюшку:
Съ ровнею гулять и плясать пойду“ **).

III. Любовныя пѣсни.

1) Ой да ты, Ваня, Ванюша,
Ваня, миленькій дружочекъ,
Размалиновый душочекъ!
Что же, ты, Ванюша,
(Да) что (жъ) ты не весель,
Свою буйную повѣсилъ,
Свою буйную повѣсилъ,
Своей шапочкой накрылся,

*) Выраженіе: „не подъ версту“ выясняется рядомъ съ нимъ стоящимъ синонимомъ „Неровня“, т. е. не пара. См. также въ „Толков. слов. жив. великор. яз.“ Доля, I (1863 г.), стр. 160 (Верста). Ред.

**) Пѣсня представляетъ вариантъ общезвѣстной пѣсни: „Во лузяхъ“, печатается во вниманіе къ необычному концу ея. Ред.

Горючѣй слезой залился? *)
Къ чему бы Ванѣ веселиться —
Велѣть Ванюшкѣ жениться.
Ему жениться не годится:
Сударушка не велѣла:
За него замужь хотѣла;
Вчера буйну голову чесала,
Русу косу заплетала,
Сама рѣчи говорила:
— „Ой ты, Ванюшка, Ванюша,
Тебѣ не время, другъ, жениться:
Да ты — не калина, да ты — не малина,
Ты, Ванюша, да ты не опала“ (**).

2) Ой вы, ночи мои, ноченьки,
Ночи мои темныя!
Ой да надоѣли вы мнѣ,
Да вы, мои ноченьки,
Да вы мнѣ недокучили;
Ой да не могу-то я васъ,
Мои ноченьки, проспѣть,
Да я, ноченьки, пролежать,

*) Мотивъ 1—9 vs. напоминаетъ собою конецъ п., напечатанной выше, на стр. 63—64, подъ № 5, и тамъ же цитированную пѣсню с. Н. Ольховатки, Курской губернии. Ред.

**) Вариантъ: Да вы, вѣтры, вѣтерочки,

Вы не дуйте, не бушуйте,	Свою буйную повѣсили,
Сине море не колышьте!	Черны бровя понасушили?
Сине море—колышливо.	Что же ты, (Ванюшка),
Одна дѣвица тосклива:	Да ты, Ваня, не женился?“
Стосковалась, сгоревалась	— „И (я радъ) бы женился,
По своему дружку—по Ванѣ.	Сударушка не велѣла:
— „Чтожъ ты, Ванюшка, не весель,	Сама за меня хотѣла“.

Срвни. данный вариантъ въ отношеніи мотива съ п. въ „Сборникѣ“ Вып. VII. Отд. I, стр. 87, № 16. Пѣсня № 31, напечатанная въ Вып. III. Отд. II, на стр. 48, аналогична второй половинѣ приведеннаго здѣсь варианта и представляетъ какъ бы сокращеніе всей нашей пѣсни. Ред.

Пролежать я васъ и продумать.
Хоть и уснетса мнѣ,
(Да мнѣ), молодой младешеньгѣ,
Да мнѣ все грустетса,
Младой-то мнѣ во снѣ много видится:
Будто мой теремъ растворень стоитъ,
Да всѣ окошечки въ терему,
(Да они всѣ) распечатаны,
Да всѣ форточки приподняты;
Будто мой-то милой
(Онъ) предо мною стоитъ,
Да жметъ мои руки бѣлыя,
Да цѣлуетъ уста сахарныя.
Отъ сна-то я, млада, пробужалася,
Да отъ страха-то я перепужалася.
— „Не пужайся меня, моя любезная!
Я не воръ къ тебѣ пришелъ,
(Да я) не разбойничекъ,
Я пришелъ къ тебѣ посовѣтоваться,
Что жениться мнѣ, аль не жениться“.
— „Ой да ты женись, только не ошибись:
Неровня-то-жена навязетса—
Ни продать-то ее, ни промѣнять,
Все ни такъ ее отдать“.

3) Какъ во полѣ—верба,
Подъ вербою—вода;
Тамъ дѣвчонка воду брала,
Сама молода.
— „Ты, дѣвчина моя,
Ты напой моего боня
Съ срубленной *криниченьки* *),

*) *Криниченька* (мѣрс., отъ криница, *крѣту*)—колодець.

Съ полного ведра!“.
— „Ты—не великій панъ,
Напой коня самъ
Съ рубленой криниченьки,
Съ полного ведра“.
— „Ты, дѣвчина моя,
Сядай *) на мо'го коня,
Мы поѣдемъ прогуляться
До моего двора.
У моего двора
Нѣтъ ни кола, ни дома,
Только растеть кустъ калины,
Да и та не цвѣла“.
— „Ты, калина моя,
Отчего ты не цвѣла?“
— „Зима была, листь смочила **),
Оттого я не цвѣла“.
— „Ты, дѣвчина моя,
Отчего замужъ не шла?“
— „Всю *Украину* изошла,
Лучше тебя не нашла.
Ты, казаченька мой,
Отчего ты не женился?“
— „Въ службѣ *забарился* ***),
Оттого я не женился“ ****).

*) *Сядай* (мѣрс.)—сидись.

Ред.

**) Въ рукописи: листь помочила—стихъ неловко растянуть.

Ред.

***) *Забарился* (мѣрс.)—замедлилъ, замѣшкался. „Толков. слов. жив. вѣкр. яз.“ Дала, I, 491.

Ред.

****) При всемъ различіи мотивовъ, поется вмѣстѣ съ семейно-бытовой, предлагаемой ниже, № 9, какъ одна пѣсня. Бытовая связь этихъ разнородныхъ мотивовъ выясняется изъ п. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа.“ Вып. III. Отд. II, стр. 85, № 132. Наша пѣсня, какъ и цитированная, очевидно, малороссійскаго происхожденія.

Ред.

4) Долина моя, долинушка,
Раздольице широкое!
На тебѣ, моя долинушка,
Выросло три дерева:
Да первое, братцы, дерево—
Дерево-березка бѣлая,
А второе, братцы, дерево—
Груша зеленая,
А третье, братцы, дерево—
Горькая осина.
Какъ подѣ бѣлой подѣ березой
Соловьѹшекъ свищетъ,
А подѣ грушей подѣ зеленой
Кукушка кукуетъ,
А подѣ горькой подѣ осиною
Дѣвчонка горюетъ.
— „Ты, день мой, денечекъ,
День ты мой прекрасный!
Какъ, денечекъ, онъ проходить,
Вечеръ наступаетъ;
Вечерочекъ наступаетъ—
Заря потухаетъ;
А какъ зорька истухаетъ—
Милый посла присылаетъ,
Посламъ милый не вѣрить,
Онъ самъ прѣзжаетъ
И во дворъ вѣзжаетъ,
На крыльцо вступаетъ“.

5) Сторона моя, сторонушка,
Ты, *персидская* дорожка!
По тебѣ, моя дорожка,
Много писемъ я писала.

Съ курьерами отсылала.
Мои письма не доходятъ:
Слуги вѣрны не доносятъ.
Слуги вѣрные — злодѣи
Разлучить съ милымъ хотѣли;
Но тогда меня разлучать,
Когда въ гробъ меня положить,
Дубовой доской накроютъ
Да въ могилушку опустятъ
И сырой землей засыпятъ.
Заростай, моя могила,
Ты травкою — муравой,
Еще алыми цвѣтами *).

б) Вы(й)ду за ворота,
Вы(й)ду за новья,
Гляну въ ту сторону,
Гдѣ милый живетъ,
Махну я платочкомъ,
Вздохну тлжелехонько —
Покатились слезочки
На бѣлую грудь.
Охъ, какъ-то мнѣ тошно,
Охъ, какъ-то мнѣ грустно
Безъ любви — безъ счастья
Мнѣ на свѣтѣ жить!
День придетъ — горюю,
Ночь придетъ — тоскую
И съ тѣмъ, молодешенька,
Ложусь спать одна.
Постылые люди,
Постыль бѣлый свѣтъ:

*) Сравни. въ „Сборникѣ“ Вып. VII. Отд. I, стр. 86—87, п. № 16. *Ред.*

Моего любезнаго
Давно въ живыхъ нѣтъ.

7) На горѣ высокой
Два креста стоятъ,
Подъ доской дубовой
Два дружка лежатъ,
Третья со слезами
Спрашиваетъ ихъ:
— „Нѣтъ ли между вами
Дружка моего?“
Могила отвѣчала:
„Здѣсь нѣту его“,
Еще повторяла:
„Забудь про него“.

8) Изъ-подъ рощицы, рощицы.
Солнышко оно выкаталось,
Свѣтитъ, свѣтитъ солнышко,
Свѣтитъ зимой не по-лѣтнему.
Любилъ, любилъ парень дѣвицу,
Онъ любилъ ее не по-прежнему:
Любилъ парень дѣвицу,
Самъ ее все обманывалъ,
Обманывалъ парень дѣвицу,
Да самъ ее уговаривалъ:
— „Выйди, выйди, дѣвица,
Выйди замужъ за меня“.

9) Государыня, тошно мнѣ,
Голова болить,
Государыня, грустно мнѣ,
Не знаю, какъ быть.

Да куда ни поѣду я—
Глаза не глядятъ,
Да кому ни скажу я—
Всѣ плавать велеть.
— „Да ты плачь, ты плачь,
Дѣвка, о своемъ горѣ“.
Проторилъ милый дороженьку,
Проторилъ да не сталъ ходить,
Любилъ парень меня, дѣвицу,
Да не сталъ любить.

IV. Бытовья пѣсни.

а) Семейно-бытовья.

1) Выйду, выйду, младехонька,
На ново крылечко,
Разгляжусь (я)—разсмотрюсь
(Въ) свои ясны очи....
Ванька скванъ, Ванька связанъ
За дѣвку—красотку.

2) Моя трубка—черепанка
Съ вечера курилась;
Положилъ я на полицку,
Упала, разбилась;
Посылаю до города
Новую купить—
За трубочку—копеечку
За чубучокъ—грошикъ.
— „Кури, кури, мой миленькій,
Чернявый, хорошій“.

3) Прихожу я ко двору,
 Ко двору—
Свекоръ ходитъ по двору,
 По двору,
Расчесываетъ бороду,
 Бороду....
— „Деверюшка, мужнинъ братъ,
 Мужнинъ братъ,
Пусти меня съ мужемъ спать,
 Съ мужемъ спать;
Когда битъ будетъ,
 Отыми меня,
Когда цѣловать будетъ,
 Прочь уйди!“ *)

4) Какъ во полѣ—рѣченька,
Какъ во полѣ быстрая,
Тамъ плавали два челночка
Да три рыбалочка.
Чернявая дѣвчоночка
Пришла воду брати.
Да не знали казаченьки,
Какъ девчонку звати;
Одинъ скажетъ: „дѣвчяна“,
Другой скажетъ: „красная“,
Третій скажетъ: „сердце мое,
Будешь вѣкъ за мною“.
— „Чтожь ты меня сватаешь—
Своей хаты не имѣешь?“
— „Пойдемъ съ тобой въ чужи люди,

*) Последніе четыре стиха по размѣру не соответствуютъ общему складу пѣсни; пѣвецъ, очевидно, хорошо не припомнилъ конца пѣсни, сбился. *Ред.*

Пока свою слофовимъ *),
Да слофовимъ хаточку
Изъ разныхъ вѣточекъ;
Ой будетъ тебѣ, будетъ мнѣ
Розовый цвѣточекъ“.
— „Розовый цвѣтокъ отцвѣтетъ —
Твоя хата упадетъ“.
— „Живи, живи, сударушка,
Со дня **) веселися“.
— „Тогда я была весела,
Когда у бабушки жила,
А теерь я сама бачу, ***)
Что день и ночь плачу“.

5) *Ахъ ****)* ты, матушка родная,
На что на горе (по)родила,
Зачѣмъ глупаго женила?
Жена мужа не влюбила —
Постелюшку жестко стлала,
Она клала, проклянала.
— „Недоростокъ, недоносокъ,
Глупый, маленькій ребенокъ!“ *****).

6) У Анятки — у красотики
Былъ отецъ вояка;
Убилъ батька журавля.
Мать была Марина,
Вотъ и мать была Марина,
Журавля сварила.

*) Стихъ, очевидно, подправленъ.

Ред.

**) *Со дня* — не понятное малороссійское выраженіе *шо дня* — ежедневно.

Ред.

***) *Бачу* (мрс.) — вижу.

Ред.

****) Въ рукописи: Ну.

Ред.

*****) Сравни. п. выше, на стр. 62, № 1 и цитированныя тамъ же. Ред.

— „Для кого же ты варила?“

— „Для подлаго сына (зятя?),

Для распутнаго сына,

Купца-мѣщанина“.

7) Обѣщался мѣщанинъ

Мѣщаночку взяти—

Она ему отказала (отвѣтила):

„Не умѣю жати“.

Сдѣлай, милый, холодочекъ (тѣнь)—

Я буду лежати.

Понедѣльникъ-бездѣльникъ

Весь день пролежала,

А во вторникъ рано встала,

Семь сноповъ нажала,

А въ среду повязала,

Въ четвергъ молотила,

А въ пятницу вѣяла,

Въ субботушку мѣрила,

Въ воскресенье продала

И денежки пропила.

Что я мужу—не жена,

Дому—не хозяйка?

Три дня хаты не топила—

На *припечку* *) жарко:

Своѣго мужа не родила,

И то его жалко.

Хоть бы померъ, хоть бы сдохъ—

Поставила бъ свѣчку въ долгъ,

Свѣчу жировую, семипудовую.

*) *Припечка* (марс.)—мѣсто передъ печью, передъ топкой, устьеъ печи.
„Толков. слов. жив. вѣр. яз.“ Дала, III, 394.

8) Долина, долина, да ты зеленая!
По тебѣ, долина,—дорожка широкая,
Дорожка широкая, рѣченька быстрая,
Рѣченька быстрая, круты бережочки.
Какъ на вртенькомъ бережочкѣ
На немъ—желтые песочки,
На желтенькихъ на песочкахъ
Стоять три садочка.
Какъ во первомъ во садочкѣ
Соловьюшекъ свищетъ,
(А) во второмъ (во) садочкѣ
Кукушка кукуетъ,
А во третьемъ во садочкѣ
Мать съ сыномъ горюетъ.
Мать съ сыномъ гуляла,
Мать сына пытала:
— „Скажи, скажи, мой сыночекъ,
Кто изъ трехъ—милѣ:
Жена, теща иль мать родная?“
— „Жена мнѣ—для совѣта,
Теща—для привѣта,
А милѣ, лучше въ свѣтѣ
Нѣту матушки родимой:
Она меня спородила—
Три ночи не спала,
Три ночи не спала,
Плакала, рыдала,
Вскормила, вспоила,
На конь посадила,
На конь посадила,
Въ службу проводила,
Въ службу проводила,
Рѣчи говорила:

— Служи, служи, мой сыночек,
Царю (ты) вѣрнѣе *).

9) Казакъ пьетъ казакъ пьетъ:
У казака деньги есть;
А за нимъ, за нимъ
Маменька старенька
Пдетъ — слезы льетъ:
— „Не пей, не пей *горлочку*,
Ты съ ума сойдешь“ **).

10) Какъ на горкѣ — горочкѣ, тамъ древо росло,
Тонко, высоко, *листомъ широко* ***).
Подъ этимъ подъ деревцомъ выросла трава,
Выросла трава, трава шелкова;
На этой на травушкѣ разостланъ коверъ ****),
Разостланъ коверъ, коверъ шелковой;
На этомъ на коврикѣ два стула стоятъ,
Два стула стоятъ сосновые;
На этихъ на стуликахъ — два братца родимые.
Какъ большой-то братъ меньшому *****)
Да онъ ему рѣчи говорить:
— „Да что жъ ты, мой братецъ, не веселъ сидишь,
(Не веселъ сидишь), не пьешь и не ѣшь?
Или тебѣ, братецъ, гульба не мила?“
— „Да все то мнѣ мило, да все хорошо,
Только мнѣ не мила чужа сторона;
На чужой сторонущкѣ — жить умѣючи,

*) Сравн. п. въ „Сборникѣ“ Вып. VII. Отд. I, стр. 84, № 1. *Ред.*

***) Пѣсня, очевидно, малороссійскаго происхожденія. *Ред.*

****) Вариантъ: *корнемъ глубоко (Ст. Наурская).* *Ред.*

*****) Вариантъ: *На этой на травушкѣ цвѣты разивтали,*
А на этихъ цвѣтикахъ разостланъ коверъ (Тамъ же). *Ред.*

*****) Вариантъ: *Какъ меньшей братецъ старшему (Тамъ же).* *Ред.*

Быть учтивому да поборливому,
Держать головушку все поклонливую* *).

11) Приморила пташка рѣзвы крылушки,
Все по древецамъ летаючи,
Пріопнула (?) пташка рѣзвый носикъ
Все по щелочкамъ влевать.

Какъ я вспомню, бѣдненькій мальчишка,
Гдѣ я, маленькій, родился,
А еще вспомню, молодой мальчишка,
Съ кѣмъ гулялъ я—веселился,
Имѣлъ бѣлый хлѣбъ съ сытой;
А теперь я, мальчикъ, не имѣю
Чернаго хлѣба съ водою;

Имѣлъ себѣ постелюшку мягку,
(Да имѣлъ еще) перинушку пуховую,
А теперь я, мальчикъ, не имѣю
(Ничего) кромѣ худой рогоженки

..... **)
Ожилаю себѣ, мальчикъ, перемѣны—
Отъ Вышняго Отца гласу.

Да я вижу дѣвушекъ на волѣ,
А самъ сижу во неволѣ,

*) Вариантъ двухъ послѣднихъ стиховъ:

Голову держать все поклониву,

Сердечко держать все покорное (Ст. *Наурская*).

Ред.

**) Пропускаемъ изъ рукописи два стиха, представляющие простой наборъ словъ.

Любопытно сравнить нашу пѣсню съ п., записанной нами въ с. *Кошкинъ*, Дмитревскаго у. *Курской* г.

Па дуброва добрай моладець гулянтъ,

Пасадилъ въ астражочикъ, посадилъ.

Ва карманикъ бѣлу ручку апушмантъ,

— Жилъ я, мальчикъ, веселился,

Изъ карманна кримешикъ вынимантъ,

Имѣлъ себѣ, мальчикъ, капиталъ;

Овъ зеленат дуброву наджимають.

Черезъ ета въ астрожочикъ я паваля,

Запаймали добрава моладца, паймали,

Въ астражочикъ, бѣлакаменной астрозъ*.

Сравни. также въ „Сборникъ“ Вып. III. Отд. II, стр. 16—77, п. № 106.

Ред.

Въ такой, мальчиѣ, во неволѣ—
Въ полковомъ каменномъ *остроѣ*;
Перетеръ я свои рѣзвы вожжи
Желѣзными я вандалами,
Перетеръ я свои бѣлы ручки
Булатными *наручниками*.

12) — „Зеленый садочекъ,
Что жъ ты рано не цвѣтешь?
Молодой соловьюшекъ,
Что же ты пѣсенъ не поешь?“
— „Запѣлъ бы я пѣсенку,
Да голосу нѣтъ,
Клевалъ бы я зернышки,
Да волюшки нѣтъ:
Золотая влѣточка
Велитъ мнѣ умереть“ *).
— „Когда былъ на волюшкѣ,
Былъ я сильнымъ богачомъ;
Теперь сижу въ неволюшкѣ—
Въ замкѣ заключенъ.
Всѣ друзья-приятели
Забыли обо мнѣ,
А жена, малы дѣтушки
Слезно плачутъ обо мнѣ“ **).

b) *Военно-бытовья*.

1) Изъ-подъ лѣсу, изъ-за лѣсу темнаго,

*) Стихъ, очевидно, подправленъ.

Ред.

**) Предлагаемая пѣсня поется вмѣстѣ съ вышеприведенною любовною, № 7, какъ одна пѣсня, хотя между мотивомъ послѣдней пѣсни (подруга ищетъ на высокой горѣ могилу своего друга) и мотивомъ предлагаемой п. (невольникъ, заключенный въ замкѣ, тоскуетъ по волюшкѣ, друзьяхъ-приятеляхъ, женѣ и дѣтяхъ) идиомой связи нѣтъ. Оба эти мотива встрѣчаются вмѣстѣ въ „Сборникъ“ Вып. III. Отд. II, стр. 89, п. № 146.

Ред.

Изъ-подъ садика, садикъ зеленого,
Тамъ лежала шляхъ-дороженька;
Никто по ней, никто по ней все не хаживаль.
Тутъ шель—прошелъ казакъ бравый, молодой;
Онъ несъ-пронесъ листъ бумаги подъ рукой,
Написанный, намулеваннй;
Про трехъ братьевъ въ немъ пояснено,
Кому—чередъ во Туретчину итти—
Или старшему, или младшему, изъ среднему.
Пришлось итти, итти Ванѣ малому.
Какъ старшій братъ откупається,
А средній (братъ) *отмогається*, *)
А Ванюшка въ походъ убирається,
Передъ столомъ стоитъ—одѣвается,
Горючой слезой умывается,
Съ отцомъ, съ матерью прощается **).

2) Не травушка въ полѣ—она не муравушка
Къ сырой землѣ она клонится,
А силушка—армеюшка стоитъ,
Стоитъ она—Богу молится,
Помолемши Богу, она поклонилась,
Поклонемши-то она, силушка-армеюшка,
Силушка-армеюшка она распростилась,
Распрощемши-то она, сулушка-армеюшка,
Да на конь она садилась,
Посажемши-то на конь, она на ударъ пошла.
Да мы билися и рубилися
Цѣлый день да мы до вечера,
Темную осеннюю ноченьку
Да мы до бѣлаго свѣта;

*) *Отмогається*—отказывается, уклоняется. „Толк. слов. жив. влкрс. яз.“ Даля, II, 1313. Ред.

**) Сравн. въ „Сборникѣ“ Вып. III. Отд. II, стр. 91, № 1. Ред.

Какъ убили-то у насъ, у насъ, все казаченьковъ,
У насъ перваго полка служителя,
Да еще-то у насъ, у насъ, все казаченьковъ,
У насъ втораго знаменщика *).

3) Сидѣль онъ **) въ замкѣ заключенный—
Можно ***) подумать обо всемъ.
Казачи строго наблюдали—
Ланцовъ задумалъ убѣжать ****).
Въ трубу онъ тѣсную пробрался *****)
И на церковный на чердакъ.
Трубу обвязывалъ—самъ трясся:
Съ ограда (?) страхъ было смотрѣть,
Пришлось съ разумомъ проститься. *****)—
Взглянулъ послѣдній разъ на свѣтъ.
— „Прощай ты, главная губвахта *****),

*) Наша пѣсня дополняется вариантомъ:

Не бѣдой-то лебедь
Да онъ во синемъ морѣ
Онъ всплавлявалъ;
То матушка она
По своему сыну
Горько плакала.
— „Ты не плачь, не плачь,
Родимая матушка,
Опосля наплачешься,
Ко бѣлой-то зарѣ,
Родимая матушка,
Нарядается.
Ты не жди-то меня,
Родимая матушка,

Меня черезъ три года,
На четвертомъ да ты,
Родимая матушка,
Поминай меня хлѣбомъ-солью^а.
Не въ чистомъ-то полѣ
Она, ковыль-травушка.
Къ землѣ клонится,
Славная наша армешка
Она Богу молится—
Въ походъ отправляется.
Они бились и рубились
Съ утра они день до вечера,
Осеннія темныя ноченьки
Они до бѣлой зари.

(Ст. Бороздинская). *Ред.*

**) Въ вариантѣ: Ланцовъ—казакъ (Ст. Умаханъ-Юртовская). *Ред.*

***) Можно взято изъ варианта вмѣсто неумѣстнаго „нужно“. *Ред.*

****) Въ вар. далѣе слѣдуетъ: Не сталъ зари онъ дожидаться,
Проворно печку сталъ ломать. *Ред.*

*****) Взято изъ вар. вмѣсто: Въ т. о. мстную обирался. *Ред.*

*****) Въ рукописи: Пришлось на разумъ распротиться. *Ред.*

*****) Въ вар. далѣе слѣдуетъ: И ты, губернской корридоръ. *Ред.*

Прощай ты, бѣлый свѣтъ, на вѣкъ!^a
*Перекрестился—сталъ спущаться *)*—
 Его окликнулъ часовой.
 По замку тихо *пробирался **)*,
 По немъ (вдругъ) стрѣльнулъ часовой.
 Въ казармѣ сдѣлалась тревога—
 На губахтѣ пробилъ барабанъ.
*Какъ ***)* на сѣромъ вихремъ мчался,
 Казакъ курьеромъ побѣжалъ,
 Во всѣхъ *частяхъ ****)* давалъ извѣстье:
 Ланцовъ изъ замка убѣжалъ.
 Бѣжалъ морскою онъ *плотою *****)*,
*По Волгѣ *****)* скрылся въ темный лѣсъ.
 На немъ—рубаха *пунцовая *****)*,
 Сѣро-триковые штаны,
 На немъ—папаха пуховая,
 Изъ обрѣзковъ—сапоги,
 На немъ—бешметъ шелкомъ обшитый,
 Зипунъ—фабричнаго сукна.

4) *****)
 Долго, братцы, не забудемъ
 Мы *восьмидесятый годъ*,
 И не разъ придется вспомнить
 Лѣтъ за нѣсколько впередъ.
 Расскажу я, какъ сбылося

*) Въ рукописи: <i>Когда крестился, самъ спускался.</i>	Ред.
***) Въ рукописи: <i>По з. т. онъ скрывался.</i>	Ред.
***) Въ рукописи: <i>На сѣромъ конѣ вихремъ мчался.</i>	Ред.
****) Въ рукописи: <i>полкахъ.</i>	Ред.
*****) Вар.: <i>плотиной (Ст. Умаланъ-Юртовская).</i>	Ред.
*****) <i>По Волгѣ</i> взято изъ варианта (Тамъ же).	Ред.
*****) Вар.: <i>На немъ халцеевая рубаха (Тамъ же).</i>	Ред.
*****) Пропускаемъ два первыхъ стиха пѣсни: Насъ какъ громомъ поразило Отца <i>выиняго Творца (?)</i>	Ред.

Отъ начала до конца.
Это было за Кавказомъ,
Въ завоеванномъ краю.
Было *вельмо* *) приказомъ
Хранить родину свою.
Мы стояли на *границь*
Исполнять царскѣй приказъ.
Командиромъ въ это время
Графъ *Валуевъ* былъ у насъ;
Онъ всегда веселый съ нами,
И мы рады до конца:
Командиръ нашъ, графъ *Валуевъ*,
Былъ за роднаго отца.
Декабря двадцать второго
Случилось это зло.
Это дѣло—преступленье
Неожиданно было:
Кто бы могъ подумать это,
Чтобы русскій часовой
Измѣнилъ законъ присяги,
Разбилъ *ящикъ* полковой?!Тогда дерзкой онъ рукою
Деньги положилъ въ карманъ,
Часа за два до разсвѣта
Онъ явился въ *Ноярманъ*.
Удалось тому злодѣю
Вывести лошадь, взять сѣдло,
Будто такъ было за время
Приготовлено ѣ него.
Онъ уѣхалъ за границу,
Въ басурманскіе края,
Кинулъ родину-станицу

*) Въ рукописи: *Утверждено* было приказомъ.

И веселыя поля.
Но какъ только разсвѣлося,
Прискакал(и) *) въ Ноярманъ,
Рѣчь повсюду разнеслася,
Что Губековъ убѣжалъ.
Соб(и)рались мы въ тревогѣ
Всѣ, какъ будто намъ—въ походъ,
Всѣ—на разныя дороги
Прекратить злодѣю ходъ.
Мы скавали по ущельямъ
И по тропкамъ по глухимъ:
Мы не знали, что Губековъ
Былъ въ кочевкѣ у *крутинъ*.
Храбрый вахмистеръ *Лакуевъ*
По ущельямъ, какъ огонь,
Черезъ границу первалился
За Губековымъ въ погонь.
Онъ сказалъ: „друзья, не бойтесь,
Я Губекова найду;
Если нѣтъ его живого,
Съ того свѣта приведу“.

Между тѣмъ Губековъ успѣлъ ускозавать въ Черному морю и былъ уже въ полной увѣренности, что его здѣсь, въ такой дали, не найдутъ и не поймутъ; его постоянно беспокоила только мысль о преступленіи, которое совершено имъ какъ-то безотчетно, будто во снѣ **).

Одинъ мѣсяць не проходитъ,
Какъ бѣглець было ушелъ,
Вдругъ Лакуевъ далъ извѣстье:

*) Въ рукописи: Прискакалъ казакъ въ Ноярманъ.

Ред.

***) Все это мѣсто приводимъ въ изложеніи, такъ какъ стихи очень сильно поворчены и по языку, и по размѣру.

Ред.

„Я Губекова нашель“.
Графъ доволенъ оставался,
И всё рады до конца,
Что Лакуевъ постарался
Поймать скоро бѣглеца.
Графъ нашъ денегъ не жалѣеть:
Денегъ—много у Царя,
Только онъ желалъ увидѣть
Предъ собою бѣглеца.

V. Вылевья и историческія пѣсни.

1) Солнце было, братцы,—на-вечеръ,
А внязья, бояре—навесель;
Они пили, гуляли, прохлажались,
Между собой сами выхвалялися:
Сильные хвалятся силою,
Богатые хвалятся богатствомъ,
А убогіе хвалятся убожествомъ.
Алешенька Догрубникъ онъ за дверью стоитъ.
Одна княгинюшка не пьетъ и не ѣсть,
По палатупкѣ она похаживала,
Крутыми бедрами скоро поворачивала,
Часто въ окошечко сама поглядывала.
Не темная туча изъ горъ восходила,
Не частыя молнии онѣ просіяли,
Не страшные громы съ трескомъ ударили—
Легить собака-Змѣй *Угаринъ*
Въ княженецкій *) дворъ,
И ударился онъ о дубовъ крылецъ;

*) Въ рукописи: *Къ Меженецкому* во дв.—очевидная ошибка. Сравни. въ былевой пѣснѣ Кирѣвскаго Вып. II, стр. 74, vs. 157. Ред.

Восходить онъ во комнатушку—Богу не молится,
А князьямъ, боярамъ не кланяется,
Княгинямъ, графинямъ онъ имъ чести не отдалъ;
Садится онъ не въ свое мѣсто, не въ показанное,
Между князей, бояръ, со княгинею;
Онъ пилъ пойло въ полъ-осьмую ведра,
А закусывалъ въ полъ-пята быка.
Всѣ князья, бояре съ ужасомъ они *глядятъ на него* *),
Одинъ Алеша Догрубникъ рѣчь возгворилъ:
— „У моего у батюшки была коровушка она все
прозорливая,
Поѣдала скирдь соломы со мякиною,
А воды выпивала она три бочки“.
Показалось, собакѣ, ему во досадушку;
Вынимаетъ онъ свой острый кинжалъ,
Пустилъ онъ (его да) во Алешеньку.
Алеша Догрубникъ онъ на лету поймалъ,
И тогда князьямъ рѣчь онъ возгворилъ:
— „Что этотъ кинжалъ у себя придержать,
Иль назадъ пустить? Кинжалъ я себѣ возьму,
А его свяжу, собаку, въ кабакѣ пропью“ **).

*) Стихъ (курсивъ), очевидно, подправленъ.

Ред.

**) Нава пѣсня представляетъ интересный вариантъ былинны объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ Змѣевичѣ, не по однимъ новымъ именамъ героевъ (Алешенька Догрубникъ и Угаринъ Змѣй), а и по мотивамъ. Послѣ описанія пира и похвалы князей и бояръ (разумеется, у князя Владимира, Кіевскаго) вводится характеристика и столкновение двухъ противниковъ-богатырей, Угарана З. и А. Догрубника, вполне аналогично былинѣ Кирѣвскаго (Вип. II, стр. 70—80). Въ нашей пѣснѣ Угаринъ своимъ видомъ напоминаетъ темную тучу; полетъ его сопровождается сіяніемъ, точно „частая молния“, и шумомъ наподобіе „страшныхъ громовъ съ трескомъ“; онъ „летитъ“ и „ударился о дубовъ крылецъ“, въ княженецкомъ дворѣ. У Кирѣвскаго, въ указанной былинѣ, точнѣе, но все таки согласно съ нашей былинной описывается вся фигура Тугарина: „въ вышину онъ—трехъ сажень, промежъ плечей—косая сажень, промежъ глазъ—калена стрѣла“ (72, 69—71); въ другомъ мѣстѣ (77, 270—272; 79, 813) добавляется, что голова у него—какъ пивъ

2) Не стувъ стучить, не громъ гремить—
 Летить-то, летить младъ-ясенъ соколъ;
 Во вогтяхъ несетъ руку бѣлую ^{молодецкую},
 Со перстнями несетъ съ позолоченными,
 Съ камушками (да все) драгоценными.
 Спрашивалъ его, (ясна сокола), добрый молодець:
 — „Гдѣ ты, орля, былъ, гдѣ тебя Богъ носилъ?“
 — „Я былъ-то-былъ, добрый молодець, на чужой
 землѣ

И большую я диковинку тамъ провѣдывалъ:
 Какъ убить, убить на чужой сторонѣ,
 Убить добрый молодець, (тамъ) лежить;
 Онъ не такъ убить, добрый молодець,
 Да онъ лежить, лежить весь израченный.
 Не простой (тамъ) казачокъ убить,
 А лежить убить *Меженицкій князь* *)).

ной котель; летаетъ онъ на добромъ конѣ по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ; несутъ его къ князю въ домъ двѣнадцать могучихъ богатирей. Поведеніе Угарна на пиру, начиная съ самаго входа во комнату князя Кіевского, и его прожорливость вполне аналогично поведенію Тугарина: послѣднего Алеша Поповичъ не разъ въ глаза называетъ болваномъ и дуракомъ неотесаннымъ и сравниваетъ его со старою собакою батюшки, подавившейся костью (76, 207—210), и со старою *хоровицей*, лопнувшей оттого, что въ поварнѣ выпала чашъ браги хмѣльница (76—77, 241—243). Съ другой стороны, А. Догрубникъ надѣленъ чертами, аналогичными тѣмъ, которыми характеризуется А. Поповичъ: А. Догрубникъ въ нашей былинѣ такъ же скромно стоитъ за дверью, какъ А. Поповичъ „сѣлъ со своими товарищи на полатной брусъ“ вмѣсто „большого мѣста“, передняго угла (75, 176—182); А. Догрубникъ такъ же смѣлъ и удалъ, какъ „вѣртокъ“ и удалъ А. Поповичъ (vs. 312, 341, 363, 366, 379, 546). Наша былина прерывается на томъ, какъ А. Догрубникъ увернулся отъ князя Угарна. У Кирѣвскаго встрѣчаемъ аналогичное мѣсто въ указанной былинѣ, съ тою только разницею, что Алеша П. увернулся, а чингалище подхватилъ его товарищъ, Екимъ Ивановичъ, и спрашиваетъ его: „самъ ли ты бросаешь въ него (Тугарина З.), али мнѣ велишь?“ но тотъ ни на то, ни на другое не далъ своего согласія, а какъ честный боець, побился „о великъ закладъ“ самъ перевѣдаться съ Тугариномъ (77, 249—258). *Ред.*

*) Сравни. выше, на стр. 205—206, п. № 2 и примѣч. въ ней на стр. 206.

3) Не черной воронъ во темныхъ лѣсахъ *)
 Онъ воскаркнулъ,
 А **) матушка во высокомъ *теремъ*
 По сыну она слезно плакала:
 — „Ты, дитя ли мое, чадо милое,
 Отчего такъ скоро ***) ты состарѣлся?
 Не сѣдинушка ли ****) она по твоей головушкѣ
 Она пробивать стала,
 Почетная она, твоя бородушка,
 Она стала бѣлѣй *луны* *****) бѣлаго.
 Состарила тебя, мое чадо милое,
 Молодая жена со малыи дѣтками“.
 Отвѣтъ держаль сынъ матери:
 — „Не жена, душечка, меня состарила,
 А состарила меня, родимая матушка,
 Чужа-дальная сторонушка,
 Частые меня состарили походушки
 И рѣдкія меня перемѣнушки“ *****).

4) Просвѣти, батюшка-свѣтель мѣсяць,

*) Варіантъ начинается иначе; см. 1—2 вв. читаемъ:

Не по морюшку было, морю синему,

Не бѣлой лебедь восплаивалъ;

Не черной воронъ во темномъ лѣсу воскаркивалъ,

Во бору рябая кукушечка скуковалася... (Ст. *Наурская*). *Ред.*

**) Вар.: Не (Тамъ же). *Ред.*

***) Вар.: рано (Тамъ же). *Ред.*

Вм. *Не—ли* въ вар.: какъ (Тамъ же). *Ред.*

****) Вар.: А еще состарили жена и малыя дѣтушки (Тамъ же). *Ред.*

*****) *Лунь*—собственно имя хищной птицы *Falco rusticolus*, мышатника; самка—*блѣсвато-пепельнаго пера*. „Толков. слов. жив. вѣкр. яз.“ Дала, II, 878.

Ред.

*****) Сравни у Кирѣевского VIII, 83—84, п. № 3. Въ замѣчаніи къ этой пѣснѣ (стр. 84) читаемъ: „здѣсь уже мѣсто Азовской темницы постепенно занялъ простой *теремъ*, а воспитъ *тягость принудительной, частой и далекой службы*—переходъ отъ обязательной службы XVII в. къ солдатской и реврутской, переходъ, совершившійся въ эпоху *Петра*“. Это замѣчаніе одинаково относится и къ нашей пѣснѣ. *Ред.*

Просвѣти мнѣ путь-дороженьку,
Путь-дороженьку вплоть до города,
Вплоть до города въ Кременнѹ Москву,
Въ Кременну Москву ко дворцу князя,
Ко дворцу князя *Шереметьева*,
А въ крылечку ко дворцу Государеву.
Молодой казаѣ у нихъ на часахъ стоять,
На часахъ стоять крѣпко привадувался;
Во правой рукѣ держать саблю острую,
А въ лѣвой рукѣ держать боевой зарядъ.

5) Подъ городомъ было да все подъ городомъ,
Было, братцы, подъ *Колывановымъ*:
Собиралась тамъ силушка-армеюшка,
Собиралась тамъ силушка Царя Бѣлаго,
Была она (силушка) *Петра Перваго*;
Собиралась она, эта армеюшка,
Подъ городомъ подъ *Колывановымъ*;
Какъ на ту пору она собиралась
На *кибиточку* она все на *ханскую*.
Какъ на ту пору молодого хана,
Молодого хана дома не случилось:
Да поѣхалъ ли нагъ молодой ханъ,
Поѣхалъ да онъ въ Петербургъ-городъ,
Молодой ханъ, онъ къ Царю на *вѣсти* (?).
Молодая его все княгинюшка
По палатушкѣ она все похаживала,
Частехонько она въ хрустальное оковечко,
Княгинюшка, она все посматривала:
— „Да что-то молодого князя да что его долго нѣту?“
Да и силушка была, эта армеюшка,
Она врозь разѣвжалася.

6) Государь ты, мой Царь, родный батюшка,
Петръ Алексѣевичъ, ты много дарилъ,
Князей и бояръ ты жаловалъ;
Одного меня, добраго молодца,
Ничѣмъ ты меня не подарилъ;
Подари ты меня хоть однимъ
Единымъ городочкомъ,
Тѣмъ меня городочкомъ *Ерусалинскимъ*.
— „Чѣмъ же тебѣ, доброму молодцу,
Ерусалинъ-городъ понравился?“
— „Тѣмъ-то онъ мнѣ понравился:
Съ большими красными окнами
И со хрустальными стеклами;
Подъ стеклами сидѣла красная дѣвица,
Она шила, вышивала разные узоры:
Во-первыхъ, узоръ вышивала
Она, солнышко со лучами,
Во-вторыхъ, узоръ вышивала
Она, мѣсяцъ со звѣздами,
А въ-третьихъ, узоръ вышивала
Она, молодца со кудрями.
Оттого мнѣ, православный Царь,
Ерусалинъ-городъ понравился“ *).

*) У Кирѣвскаго VIII, 43—49, пѣсни №№ 5—9, съ тѣми же основными мотивами, отнесены всё къ кн. Голицыну (Василію Васильевичу), который въ Московскомъ Успенскомъ (Спленскомъ) соборѣ просить государя Петра I пожаловать его чѣмъ-нибудь или (чаще) городомъ Малымъ Ярославцемъ, какъ жаловалъ онъ прочихъ князей и бояръ чиномъ. Государь обѣщаетъ пожаловать его М. Ярославцемъ (или мелкими деревнями, новыми городами) и просить объяснить ему, почему этотъ городъ ему такъ прилюбился. Голицынъ говорить, что городъ этотъ поставленъ на рѣчкѣ; въ немъ есть зеленые сачочки, а въ нихъ—„генеральски и купечески дочки“. Последній мотивъ служить лишь слабымъ намекомъ на распространенный мотивъ вашей пѣсни. Ерусалина-городочка у Кирѣвскаго въ аналогичныхъ пѣсняхъ не встрѣчаемъ.

Ред.

7) По-надъ моремъ, братцы, по-надъ синимъ,
По-надъ крутымъ бережкомъ
Собирались наши козаченьки
Они своимъ тамъ *таборцѣмъ* *).
Между тѣми, тѣми таборцами
Мальчишечка, братцы, проходилъ;
Прохаживаетъ мальчишечка,
Да онъ все приказываетъ:
— „Вы, казаки, офицеры молодехоньки,
Вы сѣдлайте воронихъ коней!
Вы поѣдете скоро гулять,
Съ туркомъ, съ шведомъ воевать“...
Завоевали турка, шведа и *Прусскаго короля*.
Какъ заржали вороные кони,
На границѣ стоячи,
Заплакали наши козаченьки,
Мальчишечку несучи:
Несли, несли молодого парня
На *Красную юру* его хоронить;
Хоронили молодого казака
Какъ у *Ланскаго*-то дворца,
Какъ зарыли его, схоронили
Его, военного казака.

8) Между *Курой*, между *Малкой* распахана земе-
люшка,
Не плугами, не сохами (распахана земляюшка),
Распахана она конными копытами;
Засѣяна она не всхожими сѣменами,
(А засѣяна) казачьими головами,

*) *Таборъ* — (грцк. табуръ) — станъ, бивакъ, лагерь. „Толк. слв. ж. влкр. яз.“ Дала, IV, 352. Ред.

Заволочена она конскими хвостами *).

Никто къ этой земелюшкѣ не подвернетъ,

Только подѣзжалъ на эту земельку,

(Подѣзжалъ) одинъ князь *Дементьевъ*,

Наѣзжавши-то князь Дементьевъ,

Приопнулся, приопнулись, ужахнулся.

— „Отъ кого, братцы, это *измѣнушка* случилась?“

Случилась эта измѣнушка

Отъ *Донскихъ* отъ *казачушекъ*.

9) На лѣтній славный праздникъ,

Было на Петровъ день,

Не сизые орлы къ ясному соколику

Они солеталися,

Ко фѣдymarшалу князья-бояре

Они соѣзжались;

Они про все, князья-боярушки,

Про все-то они рассуждали,

И сочли они, сочли конную службцу,

*) Изображаемая здѣсь (1—6 вв.) картина поля битвы между рр. Курой и Малкой (притоки Терека) служить какъ-бы отголоскомъ „черной полосы“ на Половецкой землѣ, вспаханной конскими копытами и посѣянной человѣческими костями („Слово о полку Игоревѣ“, „Русск. хрестом.“ Э. Буслаева, М. 1881 г., стр. 98. 18), и вполнѣ аналогична заключительной картинѣ одной Петровской повѣсти:

Распахана Шведская пашня

Солдатской бѣлой грудью,

Орава Шведская пашня

Солдатскими ногами,

Посѣяна новая пашня

Солдатскими головами,

Поливана новая пашня

Горячей солдатской кровью.

(Кирѣевск. VIII, Прилож., LXVI).

Сравни также слѣдующую картину воино-бытовой пѣсни:

За славной за рѣчкой Утвюю...

Не плугомъ была пашня пахая, не сохой, Не рожью посѣяна была пашенька, не

А острыми мурзавецкими кошьями; шеницей,

Не бороною, была пашенька взоронована, А посѣяна была пашенька яровая
Казацкими буйными головами.

(Буслаева: „Русск. хрест.“, стр. 98. 18).

Ред.

Сочли ее за *измѣнушку* *).

10) По ночамъ летала, по зарямъ кричала,
Летала князя жена *Мазаева*,
И просила она *казаковъ Уральскихъ*:
— „*Казаки мои, (казаки) Уральскіе,*
Отдайте мнѣ тѣло бѣлое,
Моего мужа—князя Мазаева,
*Съ меня возьмите, что хотите! **)*
Я вамъ за тѣло дамъ сто рублей,
А если мало вамъ покажется,
Дамъ (я вамъ) всю тысячу,
(Еще) мало вамъ покажется—
Отдамъ вамъ табунъ верблюдовъ,
А (и того) мало вамъ покажется,
Отдамъ вамъ *хашалъ* (?) калмыкъ,
На придачу вамъ дамъ
Совсѣмъ съ калмычатами“.
Отвѣчали Уральскіе казаки:
— „Мы тѣло его на огнѣ сожгли
И пепель весь разсѣяли“.

11) *Надоѣли мнѣ ночи, надокучили.*
На зарѣ было на зоренькѣ,
На зарѣ было на утренней,
Собирались тамъ полки казачіе
Они во единый кругъ.
Во кругу стоитъ знамя царское,
А подъ значкомъ сидитъ
Нашъ Царь-батюшка, атаманушка;
Онъ рѣчь говоритъ,

*) Сравни у Кирѣевскаго, VIII, п. на стр. 87—89.

**) Стихъ (курсивъ), видимо, подправленъ.

Ровно какъ въ трубу трубить:

— „Казакъ вы мой, *Моздокскіе*,
Послужите вы мнѣ вѣрой-правдою!“

12) Изъ-подъ тучушки вѣтерочекъ дуетъ
..... *)

По поднебесью орлы летаючи,
Да не сѣрые гуси кагакали,
По-надъ бережкомъ они видючи,
Да расплакались молодые казаченьки,
Передъ Бѣлымъ Царемъ стоючи:
— „Да ты, батюшка нашъ, надежда-Царь,
Православный ты нашъ Государь,
Позволь рѣчь намъ говорить!
А бывало-че ты, нашъ Царь-надежда,
Много ты дарилъ князей-жаловалъ,
А теперь ты, Царь-надежда,
Ничѣмъ ты насъ не пожаловалъ;
Пожаловалъ (бы) ты насъ, Царь-надежда,
Быстрымъ Тереконъ со притоками,
А еще ты насъ, Царь-надежда,
Славнымъ *городомъ* съ подселками“ **).

*) Шаятъ казаченьковъ передъ Бѣлымъ Царемъ уподобляется шуму вѣтра въ ненастье, крику орловъ въ поднебесѣхъ и кагаканью гусей на берегу (рѣки). Ясно, что второй стихъ пропущенъ; содержаніе его легко восстанавливается изъ контекста (крикъ орловъ въ поднебесѣхъ).

**) Сравни въ „Сборн. свѣд. о Терской обл.“, на стр. 219, п. № 1 и у Кирѣвскаго Вып. VIII, стр. 310, п. № 1. Въ цитируемыхъ мѣстахъ православный царь (Иванъ Васильевичъ) даритъ гребенскихъ казаковъ р. Тереконъ отъ гребня до сѣлаго моря (Каспійскаго), въ нашей мѣстѣ царь даритъ казаковъ той же рѣкою Тереконъ съ притоками и, сверхъ того, славнымъ *городомъ* (?) съ подселками. Этотъ мотивъ имѣетъ историческое основаніе. Въ 1555 г. атаманъ гребенскихъ казаковъ явился къ царю І. В. Грозному съ повинною въ неповиновеніи его повелѣнію селиться въ Суздальской землѣ и служить „по стрѣльцкому уряду“ и въ побѣгъ за р. Терекъ, а далѣе на Аргунъ и Сунжу. Грозный „царь не только простилъ ихъ побѣгъ, но еще подарилъ ихъ рѣкою вольномъ Тереконъ“. „Опытъ геогр. Кавк. края“, П. П. Надеждина. Тула. 1891 г., стр. 96. Ред.

13) Какъ поѣхалъ нашъ *Александра*
Свою армію смотрѣть;
Обѣщался нашъ *Александра*
Къ Рожеству домой прибыть.
Да всѣ празднички проходятъ —
Александра дома нѣтъ.
Его маменька родная
Всеё ночьку не спала;
Жена его-супруга
*Александр*ушку ждала:
— „Да я выйду на ту башню,
Которая выше всѣхъ,
Гляну, гляну, молоденька,
На четыре стороны:
Со восточной со стороны
Да не пыль-кура курить,
А за пылью-за курою
Молодой курьеръ бѣжить.
— „Ты, курьерикъ, сизъ голубчикъ,
Ты отколь скоро бѣжишь?“
— „Я бѣгу, бѣгу, курьерикъ,
Съ Таганрога во Москву“.
— „Не видалъ ли ты, курьерикъ,
Александра моего?“
— „Умеръ, умеръ Царь *Александръ*,
Въ Таганрогѣ жизнь кончалъ;
Какъ двѣнадцать генераловъ
На своихъ плечахъ несутъ,
А пятнадцать архі'реевъ
Провожать его идутъ“ *).

*) У Кирѣвскаго (X, 197—199) встрѣчается три пѣсни о смерти того же императора; по полнотѣ содержанія и отчетливости мотивовъ наша пѣсня превосходитъ ихъ всѣ. См. также замѣчаніе издателя пѣсень Кирѣвскаго, на стр. 199. *Ред.*

14) Скоро къ бою зовъ мы слышимъ—
Мы опять впередъ поидемъ:
Генераль *Ермоловъ*—съ нами,
Насъ къ побѣдамъ поведеть.
Надъ Кавказскими горами
Слава дѣль его гремитъ:
Гдѣ ни встрѣтится съ врагами,
Онъ и бьетъ враговъ, разить.
Враги его убоятся,
Перестанутъ воевать.

..... *)
Мечъ его обвить лаврами
И Кавказъ *отбитъ на Спась*.
Радъ казакъ служить душою—
Всѣ(хъ) желанія *заразъ*—
Для трудовъ **) къ бою готовы;
Очи власть имъ говорить,
Гдѣ съ Ермоловымъ стоять.
Гдѣ съ Ермоловымъ стояли,
Лавры—ковры расцвѣтали ***).

*) Пропускаемъ стихи: Весна красна неравнѣтна,
Навсегда вѣтеръ шумить.

**) Въ рукописи: со трудомъ.

***) Характеристика Алексѣя Петровича Ермолова, въ предлагаемой пѣснѣ, вполне согласуется съ установившимся взглядомъ на этого дѣятеля. Слава дѣль его гремѣла въ свое время на весь Кавказъ, отъ края до края. Эту славу онъ приобрѣлъ высокими, одному ему свойственными, качествами: мужествомъ, энергійей и пронзительностью, неутомимой дѣятельностью и непоколебимымъ безкорыстіемъ какъ по отношенію къ кавказскимъ народамъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, такъ и по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Онъ глубоко понималъ духъ и характеръ кавказскихъ народовъ; онъ зналъ необходимость мѣръ жестокости, къ которымъ прибѣгалъ не разъ, такъ какъ, привѣда однажды въ трепеть непокорныхъ, онъ потомъ долго могъ не прибѣгать къ тѣмъ же мѣрамъ. Въ первые же годы своего управленія Кавказомъ (съ 1816 г.), онъ предпринималъ рѣшительныя мѣры для усмиренія самыхъ воинственныхъ горцевъ, чеченцевъ: пе-

Ред.

Ред.

15) Громы съ тучи прогремѣли,
Три дня сряду дождикъ лиль,
Мы подъ Гамбургъ подступали,
Графъ Паскевичъ съ нами былъ,
Графъ Паскевичъ, знаменитый
По всей арміи у насъ,
Ордевами грудь закрыта,
Отдавалъ такой приказъ:
— „Стройте, други, вы корен
И колонны форшируй,
Разверни царскіи знамена
И по-русски атакуй“ *).

16) Ночи темны, тучи грозны —
Три дня сряду дождикъ лиль.
Наши храбрые *линейцы*
Со ученьица идутъ;
Они идутъ, маршируютъ,

пренесъ лѣвую линію съ Терека на Сунжу, гдѣ построилъ много редутовъ и крѣпостей, отнялъ у горцевъ пахатныя земли (но надѣлялъ всѣми угодыми и бралъ подъ свое покровительство покорявшихся); правый флангъ пододвинулъ къ предгоріямъ Кавказа. Этими и другими мѣрами онъ положительно наводилъ на горцевъ панику и много содѣйствовалъ усмиренію ихъ (*враги его убоятся, перестанутъ воевать*). Съ другой стороны, онъ пріобрѣлъ себѣ славу и неподдѣльную любовь среди починенныхъ, въ средѣ которыхъ онъ старался поддержать довольство и умѣлъ поднять „духъ храбрости“. Вотъ что говорить Дибичъ о русскихъ войскахъ времени Ермолова на Кавказѣ: „я не видалъ такого рвенія и мужества, какими были воодушевлены кавказскіе солдаты. Слова: ребята, похоть! возбуждали въ каждомъ какую-то ребяческую радость (*радъ казакъ служить душою, для трудовъ къ бою готовъ*). Никогда конница не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей по 50 верстъ въ сутки, въ особенности когда ея предводительствовала самъ Ермоловъ: ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья — ничто не могло остановить ея гигантскихъ шаговъ“. „Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ“, П. Надеждина, стр. 365—371. *Ред.*

*) Сравни п. выше, на стр. 119—120, № 25. Языкъ и складъ стиха обѣихъ пѣсней совершенно одинаковы, но воспѣваются въ нихъ разные герои: въ нашей — графъ Паскевичъ, а въ цитируемой — генералъ Круковский. Это — не единственный примѣръ; сравни выше, на стр. 213—214, п. № 9 и цитированную тамъ же.

Ред.

Между собой говорить:
— „Трудно, трудно намъ, ребята,
Намъ *Варшаву*-городъ взять,
А еще труднѣе будетъ
Намъ подъ пушку подбѣжать.
Мы подъ пушку подбѣжали,
Закричали всѣ: „ура!
Всѣ—ура, ура, ура!“
. *)
За морями знаютъ насъ!“
Ужъ вы, подлые поляки,
Покоритесь вы намъ;
Если жъ намъ не покоритесь,
Пропадете, какъ трава:
Наша матушка Россія—
Всему свѣту голова **).

17) На вершинѣ чернѣется:
Въ черныхъ бурочкахъ
Тавлицы строить свой *завалъ*.

*) У Кирѣвскаго въ одной п. (X, 467, № 4), вполне аналогичной нашей, послѣ общаго дружнаго крика солдатъ, подбѣжавшихъ подъ пушки, читаемъ:

Нашъ батюшка—императоръ
Громкимъ голосомъ вскричалъ:

„Охъ вы, дѣти, не робѣйте“, и т. д. Въ нашей пѣснѣ, очевидно, эти три стиха пропущены.

**) У Кирѣвскаго мы находимъ четыре пѣсни (X, 463—468), сходныя съ нашей и по содержанію, и по построенію стиха. Въ трехъ изъ нихъ (№№ 2—4), какъ и въ нашей, рѣчь идетъ объ усмиреніи поляковъ и взятіи Варшавы и только въ одной—о войнѣ съ персіянами, взятіи Эривани и объ угрозѣ обратиться до Царьграда, „до турка самого“. „Творчество отъ персіянъ и турокъ переходитъ къ Варшавѣ и полякамъ, главнымъ образомъ, отъ того, что пѣсни (въ томъ числѣ и наша) связывались именемъ одного и того же героя Эриванскаго“, т. е. графа Паскевича. Особенность нашей пѣсни отъ всѣхъ цитированныхъ—въ томъ, что въ ней, вмѣсто храбрыхъ солдатъ, „со ученьца идутъ, маршируютъ храбрые линейцы“. О складѣ стиха („сочиненъ“) всѣхъ пѣсень, о которыхъ идетъ рѣчь, см. въ томъ же X выш., на стр. 464 и 465.

Ред.

— „Горе, горе вамъ, тавлинцы,
Какъ придуть *минейцы!*
Поразгонять они васъ,
Какъ орелъ—гусей,
И порубятъ они васъ,
Какъ малыхъ дѣтей“.
Да не *Лорисъ* ли,
Нашъ начальникъ,
Ведетъ свой отрядъ?
Не довель онъ до завала—
Сдѣлалъ свой привалъ,—
Для того ли онъ порядку,
Чтобы собрался отрядъ.

18) Съ поддня вѣтеръ подуваеъ,
Съ громомъ дождичекъ идетъ.
Турокъ войско собираеъ,
Пишетъ: въ гости еъ намъ придетъ.
— „Берегись ты, Царь *Александръ!*
Я на дняхъ въ гости приду,
Съ своей тихою *бестдой* (?)
Въ Петербургъ, въ Москву приду“.
Государь нашъ Императоръ
По отряду развѣзжалъ;
Онъ казакамъ и солдатамъ
Всеё правду разсказалъ:
— „Строй лафеты вы, орудья,
Въ снаряды, кортежи!
Унесегъ ли турокъ ноги,
Свои желты сапоги?“
Государь нашъ Императоръ
Онъ желалъ намъ *даказать* *)

*) Въ рукописи: разсказать.

Съ *Николаемъ*, своимъ братомъ,
За *Дунаемъ* побывать.

..... *)

Николай орломъ явился,
Чтобы драться веселѣй.

— „Не дадимся туркамъ въ руки,
Не побѣримся ордѣ,

Будемъ драться и рубиться,
Будемъ плавать всѣ въ крови!“

Пятнадцать *дней* **) мы дралися—

Кровь лилась изъ насъ рѣкой,

По лоциночкамъ сливалась,

Она сдѣлалась рѣкой;

Нельзя лошадю проѣхать

И пѣшкомъ намъ перейти;

Мы считали кровь за воду,

Да нельзя намъ было пить ***).

Сообщ. учительница Бороздинскаго
станичнаго училища *Е. Бутова*.

*) Пропускаемъ два сильно попорченныхъ стиха:

Дунай-рѣка на то остался,
Чтобъ подъемный мостъ скорѣй.

**) Въ рукописи: *сутокъ*—стихъ нарушается.

***) Сравни. п. выше, на стр. 223—224, № 17.

Ред.

Ред.

Ред.

ПѢСНИ, ПОЮЩІЯСЯ ВЪ СТ. БОРОЗДИНСКОЙ *),

Кизлярскаго округа.

I. Свадебная пѣсня.

Въ городѣ во *Тифлисъ* дѣвка по саду гуляла,
Она по зеленому тамъ ходила, гуляла,
Съ камушка на камушекъ она переступала;
Чесала она буйную голову,
Заплетала она косу русую,
Вплетала она въ косу золотую кисточку,
Надѣвала она золотой вѣнецъ;
Жалобу она творила на роднаго батюшку,
На государыню-родную матушку:
— „Какъ и Богъ вамъ-судья! отдаете меня
Во чужіе люди, меня въ незнакомые:
Свекоръ мнѣ будетъ родной батюшка,
Свекровья мнѣ будетъ родная матушка,
Деверья будутъ братцы родные,
А золовушки онѣ—сестры родныя“.

II. Любовныя пѣсни.

1) (Вы), кумушки, (вы), голубушки,
Вы придите, посидите, побесѣдуйте у меня,
Попросите моего роднаго батюшку **)
Во зеленый садъ меня погулять.
У родимаго моего батюшки

*) Предлагаемыя пѣсни служатъ дополненіемъ къ и. той же станицы, напечатаннымъ въ „Сборникѣ“ Вып. VII. Отд. 1, стр. 55—128. Ред.

**) Не достаетъ слова *пустить*. Ред.

Славная ягода въ саду—виноградъ,
У родимой моей матушки
Чернослибочка славно цвѣтеть;
На этой чернослибочкѣ соловей,
Соловей громко пѣсни поеть.
— „Ты не пой, не пой, соловьюшекъ,
Не пой, варваръ, злодѣй молодой,
Не давай тоски-назолушки
Сердечушку да ты моему!
Безъ тебя мое сердечушко
Огнемъ (оно) воспылало“.

2) — „Изъ-за горъ было, изъ-за кручь
Гуси, лебеди летять.
Про насъ съ тобой, мой миленькій,
Люди бають—говорять:
Тебя, молодца, ругають,
Меня, дѣвушку, бранять“.
— „Тебя, дѣвушку, за дѣло,
Меня, молодца, за что?“ *)

*) Предлагаемыми вариантами устанавливается внутренняя связь между пѣснями №№ 1 и 2. Оказывается, что „дѣло“, за которое люди „молодца ругаютъ“ и „дѣвушку бранять“ (2), и которое дало сердечушку послѣдней „тоску—назолушку“ (1), состоитъ во взаимной любви молодца и дѣвушки.

Вариантъ а, записанный нами въ деревнѣ *Сужоревникъ*, Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи:

Южъ ви, слезы, ман слезы,
Вы, гарючѣи ман!
Памагайтѣ жъ, ман слезы,
Слезы, горю манму.
Въ субботу, день нерабочій,
Нельзя въ полѣ рабатать—
Ни скародить, ни пахатъ;
Пайдемъ же мы, раздущечка,
Ва зеленой садъ гулять.
Какъ ва томъ ли ва садочку
Салавей—пташка паеть,

Ана съ тобой намъ, дущечка,
Намъ *назолушку* дасть.
— „Тибѣ, дѣвачку, ругають,
Минѣ, молодца, бранять,
Тибѣ, дѣвачку, па правдѣ,
Минѣ, молодца, за што?“
Убрала, снарижала,
Праважала далеко,
На пагубельной Капказъ,
Стала съ миленькимъ пращаться—
Палилися слезы съ глазъ.

3) Полюби разъ, полюби,
Раскрасавица моя!
Если ты меня полюбишь,
Будешь счастливая
И таланливая:
Для раздушечья своей
Дамъ осебенный покой
Я во горенкѣ иной;
Будешь спать—ночевать
Ты на бархатныхъ коврахъ,
На перинахъ пуховыхъ,
Изголовьяхъ высокихъ.

4) — „Селезень мой, селезень,
Селезень мой молодой,
Да что жъ ты, мой селезень,
Не весель сидишь?“
— „Какъ же мнѣ, селезню,
Веселому быть:
Въ вечеру позднихонько
Утица со мной была,
По-утру ранехонько
Застрѣленная она;

Вариантъ њ, записанный въ деревнѣ Гуторовомъ, Курскаго уѣзда и губерніи:

Слезы ман, гарючин,	Кустъ ракитавый станть,
Палилися слези съ глазъ.	Ва томъ кустѣ ракитавамъ
Памагайтя ма'му горю—	Салавей-пташка паеть.
Пра любовь свою скажу.	Пра насъ съ тобой, бѣляначка,
Въ суботушку, день прераснай,	Злини люди гаварять.
Нельзя въ полѣ работать—	Мы на зло будемъ гулять.
Ни скародить, ни пахать;	Прайди, прайди, бѣляначка,
Пайдемъ, пайдемъ, бѣляначка,	Мима дому маиво,
Ва зеленой садъ гулять.	Взгляни, взгляни, бѣляначка,
Ва томъ саду ва зеленамъ	Хуть глазикамъ на мине.

Сравни. также п. въ „Сборн. свѣд. о Терской обл.“, на стр. 231—232.

Ред.

Тужить-плакати“.

б) *Военно-бытовая.*

1) Говорять про *Персію*,
Что—богатая;
Она—не богатая,
Распротлятая.
Через эту *Персію*
Дорожка лежитъ;
При этой дороженькѣ
Корчажка *) стоитъ;
Во этой корчаженкѣ
Три молодца пьютъ:
Полякъ и *пруссакъ*,
Братцы, и *гребенской казакъ*.
Полякъ, братцы, водку пьеть—
Монеты владеть,
Пруссакъ, братцы, водку пьеть—
Червонцы владеть,
Гребенской казанька
Онъ пить-то не пьеть—
На выдумку бьеть,
Молодую шинкарочку
Съ собою зоветъ:
— „Повѣдемъ, шинкарочка,
Со мной на Кавказъ!
У насъ, на Кавказѣ,—
Не по вашему:
Не твуть, не прядуть
Дѣвки, хорошо ходять“.

*) *Корчажка*, *корчаженка* (отъ корчага)—тоже, что *шинокъ* (продаетъ водку *шинкарочка*), *корча*, заѣзжій и постоялый дворъ. Сравн. въ „Тлѣк. слѣ. жѣ. вѣвр. яз.“ Дала, II, 779 (Корчага). Ред.

Сда(ва)лася шинкарочка
На его слова,
Садилася шинкарочка
Верхомъ на коня,
Верхомъ на коня,
Братцы, позади сѣдла.
Повезъ казакъ шинкарочку
Во темный лѣсокъ,
Привязалъ онъ шинкарочку
Ко сосниночкѣ,
Онъ зажегъ сосниночку
Снизу доверху.
Соснинка, братцы, горить,
Шинкарка вричьтъ.

2) Не студѣнь — холодень
Вѣтеръ подуваецъ.
Да не ласточка — не касаточка
Она къ молодцу прилетала,
Она разныя вѣступки
Она щебетала:
Что ни батюшки, ни матушки
Да ихъ въ живыхъ нѣту;
Родимая теща его
Она сидить у сосѣдушки;
Молодая жена его
Она замужъ вышла.

3) *)
Да было у братца три сестрицы,

*) Пропускаемъ начало пѣсни:

Когда(-то) у насъ была русская воля,
А теперь стала неволеенька.

Три сестрицы-желанницы:

Первая идетъ—коня ведетъ,

Вторая идетъ—сѣдло несетъ,

Самая меньшая слезно плачетъ:

— „Ужъ ты, братъ, ты, мой братъ,

Ты, братъ мой родимый,

Ты когда приѣдешь въ гости къ намъ?“

— „Ты пойди, сестра, до Дунаю,

Набери, сестра, песку съ краю,

Ты посѣй, посѣй по камышку;

Ты вставай, вставай ранехонько,

Поливай песокъ частехонько“.

— „Нѣтъ дожда, нѣтъ и всхода,

Да нѣтъ братца изъ похода;

Нѣтъ дожда, нѣтъ и града,

Да нѣтъ братца изъ отряда“.

IV. Вылевыя и историческія пѣсни.

1) Пролежала во полѣ дороженька;

Шириной она, дороженька, она—неширокая,

Долиной она—недалекая.

Никто-то, никто по этой дороженькѣ не про-
ѣзживалъ,

Ни воннаго, ни пѣшаго по ней слѣду нѣту;

Проѣзжалъ по этой дороженькѣ удалъ добрый
молодецъ;

Подъ нимъ добрый конь, его добрая лоша-
душка,

Худымъ она худенька, она притомленная, да
припотненная.

Пристигла его, добраго молодца, темная
ноченька;

Сворачивалъ онъ, добрый молодецъ, со пути-
дороженьки,
Приворачивалъ онъ, добрый молодецъ, въ ку-
сточку—горькому полночку.
— „Ты поволь, ты поволь мнѣ, кусточекъ,
ночку почевать!“
— „Ты ночуй, ты ночуй, добрый молодецъ,
ночуй, не убойся:
Постелюшка тебѣ, доброму молодцу, что
ковыль-травушка,
Въ изголовьице тебѣ—самъ кусточекъ,
Часовые тебѣ, доброму молодцу,—частыя
звѣздочки,
Коню твоему, добрый молодецъ, коню—сѣрые
волки“.

2) Дорогой мой камушекъ,
Цвѣточекъ лазоревый!
Излежался, мой камушекъ,
Ты на крутой горѣ,
Противъ жара, камушекъ,
Противъ солнышка
Да ты вровь разсыпался.
Ты, молодость, моя молодость,
Молодость молодецкая!
Истаскалъ я тебя, молодость,
По чужой-дальней сторонѣ,
По крутымъ горамъ,
По горамъ высокимъ,
По хоромамъ тебя,
По хоромамъ широкимъ,
По чужимъ женамъ,
Женамъ хорошимъ,

И прошла ты, моя молодость,
Прошла—миновалася
Не въ корысти она, не въ радости.

3) Подъ славнымъ было городомъ подь *Браиловымъ*,
На ровной было на широкой площади,
Собирались тамъ *стрѣльцы-бойцы*,
(Стрѣльцы-бойцы), всѣ добрые молодцы.
Они бились и рубились съ тѣми они со злодѣями,
Съ тѣми *турками* они съ невѣрными.
Несчастьеце у насъ въ армякушѣ, бѣда она
сочинилась,
Безвременице надъ нашей армякушкой, бѣда она
несносная:
Убивали у насъ изъ армякушки молодого хорунжаго;
Попадала пуля ему, доброму молодцу, въ ретивое
сердце,
А коня-то добраго его грива прострѣлена;
Кровь течеть по его груди, сбѣгаетъ она по
копыточкамъ.

4) По стежѣ-по дорожѣ,
По тропиночкѣ-то было,
По тропиночкѣ Государевой,
Шли-прошли три полка,
Три поля, три разныхъ;
Какъ въ этихъ полкахъ—
Знамена распущеныя.
И не всѣ полки они веселые идутъ,
Одинъ полкъ невеселый,
Знамя во чехлахъ везеть.
Въ полку ѣдетъ полковничевъ,
Онъ ѣдетъ не радостенъ,

Не пьяный молодецъ шатается,
Съ луки на луку перегибается.
Довелось тому полковничку
Мимо висоаго терема ѣхать;
Увидала его родная матушка.
— „Али пьянъ ѣдешь, мое чадушко,
Съ луки на луку перегибашься?“
Отвѣтъ держаль сынъ матери:
— „Я не пьянъ, матушка, шатаюся,
Съ луки на луку перегибаюся:
Напоилъ меня *Турецкій ханъ*,
Турецкій ханъ тремя пойлами:
Какъ *на* первое пойлице—пулица свинчатая,
На второе пойлице—вопье булатное,
На третье пойлице—сабля острая,—
Оттого-то я, родимая матушка,
Ѣду я, все шатаюся,
Съ луки на луку перегибаюся“ *)).

5) Не матушка своему сыну говорила навсегда:
— „Ты, чадо мое, чадушко, чадо милое!
Отчего ты, мое чадушко,
Не бѣлый ходишь, не румянь?“
Отвѣчаетъ сынъ родной матери:
— „Оттого я хожу, родная матушка,
(Хожу) не бѣлый, не румяный:

*) У Кирѣвскаго находимъ три пѣсни аналогичнаго мотива (IX, 117—119, №№ 4, 5, 6). Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ, какъ и въ нашей, мать встрѣчаетъ своего сына, добраго молодца (или полковничка), возвращающагося со батальона, и узнаетъ, что онъ шатается на утомленномъ конѣ не оттого, что пьянъ напился, а оттого, что его напоилъ тремя пойлами Турецкій царь (или Прусской король, или злодѣй басурманъ—молодой французъ). Всѣ эти пѣсни приурочиваются, главнымъ образомъ, ко времени Елизаветы, въ частности ко времени Прусской войны и сосредоточиваются вокругъ двухъ героев-представителей времени: Чернышова и Краснощочкова (стр. 120 и далѣе).

Я служилъ-служилъ, родная матушка,
На чужой-дальней сторонѣ,
Во *Крымской* дальней слободѣ.
Полюбила меня, добраго молодца,
Красная дѣвушка всей душой,
Велѣла мнѣ, доброму молодцу,
Прійти въ вечеру цозднымъ поздно.
Не дождался я, добрый молодецъ,
Поры-времячка, пошелъ къ дѣвущкѣ;
Я взошелъ-взошелъ на-середь двора—
Увидалъ меня, добраго молодца,
Увидалъ молодой крымецъ изъ окна,
Онъ погналъ за мной, добрымъ молодецмъ,
Вдоль по улицѣ широкой въ погонь,
Онъ догналъ меня, добраго молодца,
(Догналъ) среди моего пути,
Онъ хватилъ меня, добраго молодца,
Поперекъ сердца—моего живота,
Онъ поднялъ меня, добраго молодца,
Выше буйной своей головы,
Онъ ударилъ меня, добраго молодца,
О сырую землю животомъ.
Оттого я хожу, родная матушка,
Я не бѣлый и не румянь“.

6) За славною за *Кубанью*-рѣчкой
Не глыбушка снѣгу бѣлаго
Она забѣлѣлася,
Въ чистомъ полѣ тѣло молодецкое
Оно завиднѣлося.
Да никто въ бѣлому тѣлу
Никто не повернется.
Что два ворона кругъ бѣлаго тѣла

Они увивались—
Два черкеса надъ бѣлымъ тѣломъ
Они надругались:
Вскрывали ему, да доброму молодцу,
Они грудь бѣлую,
Вынимали они изъ добраго молодца,
Что сердце со печенью.
На ножъ оно, ретивое сердце,
Оно встрепенулося,
Надъ черкесами надъ ретивыми
Оно усмѣхнулося.

Сообщ. учительница Бороздинскаго
станичнаго училища *Е. Бутова.*

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ, ПОЮЩІЯСЯ ВЪ СТ. ТЕРСКОЙ,

Владикавказскаго округа.

Когда у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца (или матери), то передъ благословеніемъ ея матерью (или отцомъ) *старшій* дружка причитываетъ: „Милые родители, умѣли вы свою дочь всвормить, вспоить, умѣйте и подѣ вѣнецъ благословить! сударь-батюшка родимый въ сырой землѣ лежитъ; родимая матушка, Марья Павловна, благослови-ка свою доченьку подѣ золотой вѣнецъ навѣки“. Невѣста кланяется матери въ ноги, а мать благословляетъ. Въ это время поется пѣсня: „Рѣ-ка моя, рѣченька“ *).

Поютъ—когда женихъ пріѣдетъ за невѣстою къ вѣнцу.

1) Прилетѣли сизый голубь изъ чистаго поля

И сизая голубушка изъ синяго моря.

Гдѣ тебя, сизый голубь, гдѣ тебя посадить?

Чѣмъ тебя, (сизый голубь), накормить, напоить?

Посажу я сизаго голубя во свою голубню,

Накормлю я сизаго голубя яровой пшеницей.

Пріѣхалъ Иванъ-сударь изъ *Новаго* городочка,

Свѣтъ-наша Марьюшка изъ высокаго терема.

Гдѣ тебя, Иванъ-сударь, гдѣ тебя посадить?

Чѣмъ тебя, Иванъ-сударь, накормить, напоить?

Посажу я своего Ванюшку во высокій теремъ,

Накормлю своего Ванюшу тертыми калачами,

Напою я Ванюшу сладкими медами.

*) См. выше, на стр. 50—51, № 18; сравн. цитированную тамъ же пѣсню
Вып. VII. Отд. I, на стр. 71—72, № 2. Ред.

Поютъ при отъѣздѣ невѣсты къ вѣнцу.

2) Оглянися, маменька,
Чисто ли у тебя въ хатѣ:
Чашки, ложки—подъ лавкой,
Заросли муравкой.
Прибери ты, маменька,
Прибери, голубушка,
Ты умой водицей,
Утри полотенцемъ:
Я приѣду съ Ванюшкой
Изъ Нова городка,
Будемъ ѣсть, будемъ пить
Изъ чистенькой посуды,
Тебя, маменька, благодарить,
Чистоту хвалить *).

Поютъ—когда молодые приѣдутъ отъ вѣнца въ домъ
жениха.

3) Перелетѣла перепелочка наша къ вамъ.
Не шугуйте, не кугуйте на нее,
Насыпьте ей яровой пшеницы,
Налейте ей ключевой водицы,
Сажайте ее за дубовый столъ,
Накормите ее сладкою ѣдою,
Напойте ее сладкими медами!
Голубушка Марьюшка, не журися
Въ новомъ теремѣ Ванюши **).

Сообщилъ учитель Терскаго станичнаго
училища *Л. Романовъ*.

*) Сравни выше, на стр. 249, п. № 28.

Ред.

**) Сравни выше, на стр. 34—35, п. № 46 и цитированную.

Ред.

ПѢСНИ, ПОЮЩІЯСЯ ВЪ СТАНИЦѢ АРХОНСКОЙ,

Владикавказскаго округа.

І. Любовныя пѣсни.

1) Ужь ты, заря, ты, вечерняя,
Что ты рано восходила?
Какъ я, млада, выходила,
Противъ лѣсу становилася,
Противъ лѣсу, лѣсу темнаго,
Противъ саднеу зеленаго.
Тамъ лежала шляхъ-дороженья
Широкая, приубитая,
Горькой слезой приулитая.
Тамъ (я) дѣвушка умывалася,
Красотою выхвалялася:
Красота моя прекрасная,
Моя доленья несчастная,
Да кому же ты достанешься?
Вору ли—разбойнику,
Или прежнему полюбовнику? *)

2) Ой ты, соннычко, куда вотьпешься?
Отдай, таточко, куда хочется:
Не за старого, не за малого,
За казаченья за удалого:
Зъ старымъ жыти—тило врушыты,

*) Пѣсна носятъ замѣтные слѣды малороссійскаго ея происхожденія.

Ред.

Эъ малымъ жыты—сухота жъ моя,
Съ козаченькомъ—красота жъ моя *).

3) Ой у поли крыныченька—
На чотыри зводы,
Напувае козаченько
Вороніи кони.
Тамъ дивчина воду брала,
Мяту поливала,
Молодого козаченька
Въ гости зазывала:
— „Прыйидь, прыйидь, козаченько,
Ты до мене въ гости!
Есть у мене дви свитлыци,
Третья на помости;
Есть у мене батько й маты—
Будуть шануваты,
А я буду, молодая,
Всю правду казаты“.
*На просьбу казака подождать до осени див-
чина отвечаетъ:*

— „Ой тисніи та улонькы
Горобцю литаты,
Не выгодно красній дивци
До осени ждаты:
Якъ найдется отецькый сынъ,
Отдасть мене маты“ **).

4) За ричкою—пастушокъ—
То жъ мій мыленькый дружокъ.

*) Сравн. п. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII.
Отд. I, стр. 95, № 3. Ред.

**) Сравн. конецъ пѣсни г. *Гадяча*, Полтавской губ., въ сборн. „Нар. южнор.
п.“ А. Метлянского. Киевъ 1854, стр. 8. Ред.

— „Прыйды, прыйды до мене на часокъ!
— „Прыйду, прыйду, прыйду, не забуду“.

— „Прыйды, прыйды, прыйды, не забудь
И (для мене) навсигда вирынъ будь!“

— „Прыйду, прыйду, прыйду, не забуду
И для тебе навсигда вирынъ буду“.

Прывыдилось *) мыни во снѣ,

Що я *возли* *) мылого лежу,

За билую рученьку держу.

Тяжки вздохи, велька встрича—

Хочуть мене, молоду, *перечить* **).

Ой, ричушкы, ричушкы, холоднѣи водушкы,—

Хочуть мене, молоду, утопыть,

Зъ мылымъ дружомъ розлучыть.

Ой не будетъ сему таѣ—

Не розлучать насъ нягь;

Не розлучыть ни свить, ни зоря,

Тилькы насъ розлучыть маты-сыра земля.

5) По горахъ, по долынахъ

Сыз голубонько литае,

Товарыща вылыкае—

Соби пароньку шукае.

— „Товарыщу, ридный братецъ,

Вылычь мыни дивку зъ хаты,

Чого-сь маю попытаты,

Чы была йийи маты“.

— „Ой хочь была, хочь не была,

Та й не на лыхо вчыла,—

*) *Прывыдилось*, *возли*—руссизмы.

Ред.

**) Въ контекстѣ терминъ *перечить* имѣеть значеніе, синонимическое *разлучить* и *погубить* (утопыть). Сравни въ „Толкв. слов. жив. вѣкр. яз.“ Дала, III, 88, основное значеніе глагола „*перѣчить*“—*дѣлать, ризать, рубить поперека*.

Ред.

Щобъ зъ лядачымъ не стояла
И правдоньбы не кавала^{*)}.

6) Тыче ричка невелычка
Зъ вышневого саду;
Клыче козакъ дивчиноньку
Соби на пораду.
— „Порадь мене^{**)}, дивчинонька,
Якъ ридная маты,
Чы мени женытыся,
Чы тебе узаты“.
— „А я жъ тебе^{**)}, козаченьку,
Ражу и не ражу^{**)}:
Я съ тобою вечеръ стою,
На другого *важу*“^{***)}.
— „Бодай тебе, дивчинонько,
Съ твоею роднею:
Я съ тобою вечеръ стою—
А ты зъ неправдою.
Бодай же ты, дивчинонько,
Тоди замижъ вышла,
Якъ у степи, край дорогы,
Яра рута *зйшла*“.
— „Бодай же ты, козаченько,
Тоди оженився,

^{*)} Сравни. ип. въ сборн. „Нар. вѣдор. п.“, на стр. 69 (*Остеръ*, Черниговской губ.) и 76 (*Гадячъ*, Полтавской губ.). Ред.

^{**)} Выраженія: *порадь мене*, *тебе ражу* и *не ражу* представляютъ синтаксическій интересъ. Въ „Тяв. слв. жив. вѣкр. за.“ Дала, III, 4; IV, 283, глаголы *радити* и *порадити* требуютъ дательнаго пад. лица и предложнаго вещи, въ нашей и. они сочиняются съ винительнымъ лица, хотя, очевидно, сохраняютъ значеніе, указанное Далемъ: *советовать*, *давать советъ*. Ред.

^{***)} *Важу* (отъ *вага* — тягеть, вѣсъ) — тяготѣю, склоняюсь къ кому-либо. Тамъ же, I, 141 (*Вага*). Ред.

Якъ у млыни на камени
Кукиль уродывся^а.
Дивчинонька догадыва—
Мяту посіяла;
Дощикъ пишовъ, мята зійшла—
Дивка замижъ пишла.
А у млыни на камени
Кукиль не вродывся,—
Козакъ старый, якъ бурлака,
А ще й не женився *).

7) Ой тамъ, за яромъ,
Брала дивка ленъ,
Та й забула повязаты.
Не далеко мій мыленькый,
Та никому наказаты.
Повяжу я ленъ, повяжу зеленъ
Хоть сырою дубыною,—
Накажу я свому мыленькому
Хоть чужою чужиною:
Ой прыбуди, прыбуди—
Хоть воня добуди—
Соволонькомъ до мене!
Бьется, бьется ще й побывається
Мое серденько до тебе **).

8) Шумять вербы винци гребли,
Що я посадила,—
Нема жъ мого мыленького,
Що я полюбыла.

*) Сравн. въ „Сборн. матер. для опис. жѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. IV. Отд. II, стр. 94, п. № 39. *Ред.*

**) Въ отношеніи мотива наша пѣсня аналогична п. въ сборн. „Народн. южнор. п.“, на стр. 60 и 61 (Глуховъ и Гадячъ). *Ред.*

Шумять вербы кинци гребли,
Що я поливала,—
Нема жь мого мыленького,
Що я сподобала *).

9) Во вчерашнемъ карагодѣ
Называлъ Машу душой,
Подлецъ, влялся и божился:
„Не сповину я тебя“;
А теперя чгб случилось:
Въ одинъ часъ могъ измѣнить
И другую полюбить.
Ужъ выйду я на долину,
Горьку пѣсенку спою—
Про любовь я вспомяну:
Какъ мы съ тобой любилися,
Какъ голубъ съ голубвой,
А теперя разошлися,
Какъ вода въ полъ **).
Ужъ вы, дружки, вы, подружки,
Вы не дѣлайте того,
Вы не дѣлайте того—
Не любите никого—
Ни дворяновъ, ни купцовъ,
Ни 'фицеровъ-обманцовъ;
Полюбите вы, дѣвчонки,
Молодого казака ***).

*) Сравни въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. IV.
Отд. II, стр. 97, п. № 48. Ред.

**) Стихъ дурень. Ред.

***) Сравни совѣтъ подружкамъ въ „Сборникъ“ Вып. VII. Отд. I, стр. 87, п.
№ 27 (конецъ). Ред.

II. Вытовыя пѣсни.

а) Семейно-бытовыя.

1) — „Ты, мыленькый мій,
Оттырай *) ты свій двирь!
Иде твоя мыленькая,
Дуже вона пьяненькая.
Ой, чы радъ ты ій?«
— „Ой якъ я не радъ —
То мій виноградъ;
И я—словцѣ, й вона—словцѣ,
И пиде на ладъ“ **).

2) Ой давно, давно давчин(онь)ка:
У матоньки була;
Уже тая дороженька
Терномъ заросла,
Ой терномъ, терно́мъ,
Ще й ожною,
Дрибненькыми цвѣточками,
Ще й калыною.
(Якъ) я теренъ вырублю ***)
Амый ***) листь ровверну,
Съ зеленой калыны
Виткы пидниму,
Та до своій матоньки
Въ гости полыну;
Та впаду я у садочку
У матонькыному́,

*) *Оттырай*—руссиамъ вм. огчнйяй.

Ред.

**) Въ „Сборникъ“ Вып. IV. Отд. II, на стр. 108, п. № 72—аналогичнаго мотива.

Ред.

***) *Вырублю, амый*—руссизмы.

Ред.

Та й буду я щебетаты,
Чы не выйде моя маты.
Выйшла маты воду браты;
Не набрала маты воды,
А набрала слезы.
Ходе маты по комнáти,
Буде невестобѣ:
— „Невѣсточкы, мои голубочки,
Слушайте мене:
Що въ нашому садочку
За птаха пое?“
— „То жъ не птаха, не воркушка,
То жъ ваша дочка,
Що безъ доли родылася,
Безъ счастья росла“ *).

3) Ой ты, маты моя,

*) Между „Народными южно-русскими пѣснями“ есть болѣе десятка вмѣняемыхъ одни и тѣже мотивы съ нашей (стр. 252—258). Сравни также въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, стр. 78, п. № 110 („очень старая“); Вып. IV. Отд. II, стр. 89, № 28; выше, на стр. 51—52, № 19 (свадебная пѣсня). Изъ данныхъ цитатъ явствуетъ, что наша пѣсня (въ разныхъ вариацияхъ) поется въ селахъ и городахъ Черниговской, Полтавской, Киевской, Волынской губерній, а также въ малорусскихъ станицахъ Кубанской и Терской областей. Основные мотивы ея касаются самой существенной стороны жизни женщины, отданной замужъ „у чужую сторонючку“, именно „счастья—доли“, безъ которой она родилась и росла; этимъ, конечно, и объясняется такое широкое распространение пѣсни среди малорусскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ важное бытовое ея значеніе.

Бездолье, безталанье тоскующей женщины состоитъ въ томъ, что она по волѣ „батенька“ отдана замужъ „у чужій край—сторонючку, далеко одъ роду“ и при томъ „попалася въ лыхи руки невірній дружини“. Дѣло въ томъ, что батенько отдалъ ее не за того, „за кого хотила“, а за „нѣлюбá“, „невірного друга“, котораго „не вмѣнять“, „не продать“, и отъ котораго нѣтъ никакой „одродовьен“ („Южнор. п.“, стр. 252—253—Ковотопъ, 254—Остеръ). Съ другой стороны, „у чужій сторонючка“ недоля—горька:

Чужая сторонка безъ ветру шумить, Пиде до сусиды та ще й осудить:
А чужій батенько не бѣе, та болѣть, — „Чужая дитына—не може робить,
Зъ чужою матерью горе въ свити жыть: Выйде за ворота, ляже та й спить“
(Тамъ же, 258, Васильковъ). Такимъ образомъ „взсушнымъ, взвѣллымъ давчину, ляжъ

Та жалослыва(я),
Отдала ты мене,
Та не жаловала
У чужую сторону,
Въ несогласную семью.
Несогласна семья
Обидаты сидѣ,
А мене, молоду,
Посылають по воду.
Я по воду иду—
Якъ голубка, гуду,
А въ водою иду—
Прыслухѣюся.
Маты сына научае:
— „Ой, бый, сынку,
Та свою жинку“.
— „За що жъ йийи быть—
Вона вмѣ робить:
Напече, наваре—
Свое дило справе“.

4) Ой ты, соннычко, вуды котышься?
Отдай, таточко, куда хочется! *)

звѣтеръ былнну“, съ одной стороны, „невирна дружина“, съ другой—„вороженьки“ на „чужій сторонуцѣ“: „Було лычко, якъ яблучко, стало якъ ожина“ (Тамъ же, 253—254—Золотошоа, 258—Хоролю; „Сборникъ“ IV, № 89, п. № 28).

Понятно, съ какиѣмъ рвеніемъ „безталанночка“, послѣ долгой (часто семилѣтней) разлучи, должна „попынуть“ (полетѣть) на родину, гдѣ она „родылася, хрестылася“, до своей матоньки; ова готова „своими гирькыми слезами весь садъ затюныть“ (и затошила, потому что мать (въ нашей пѣснѣ) не набрала воды, за которою вышла въ садъ, а набрала слезы). „Скынулася (она) свной зузулею“ (кукушкой) и полетѣла въ садъ на свою родиноньку. Замѣчательно то, что она не является къ роднымъ въ гости, а „въ вышневомъ саду“ садится на деревѣ (черешеньци) и начинаеть ковать (щebetаты), и ее узнаеть или невѣсточка, или (чаще) сама мать („Южнор. п.“ 255; „Сборникъ“ Вып. III, Отд. II, стр. 78, п. № 110; выше, стр. 51—54, п. № 19).

Сравни также ниже, пѣсни №№ 3 и 4.

*) См. начало п. выше, стр. 304, № 2.

Ред.

Ред.

Отдавъ таточко, вуды не хочется,
Отдала мене матуся моя,
(Та) вуды я не хотила—
Шумыть, гуде дротяна нагайка
Коло мого билого тела.
Ой я нагайку выну пидь лавку—
Нехай вона тришки отдыше,
Нехай мои шытїи рукава
Буйный витерь поколыше.
Ой я нагайку выну пидь лавку—
Нехай вона тришки провяне,
Нехай мои шытїи рукава
Буйный витерь помахае.

б) Ой умру я, умру,
Та й буду дывыться,
Чы буде мій мыленький
По мени журыться.
Мій мыленький убрався
И въ бобы узався,
На улыцю выйшовъ,
На другу *залицався* *).

б) *Сиротскія.*

1) Ой загуду, загуду—
Въ Архоночки не буду:
А въ *Архонки* **) ворогы
Кругомъ хаты обляглы,
Кругомъ хаты и сины

*) *Залицаться*—нагло заглядывать въ лицо, проходя мимо, особенно женщ-инѣ. „Тлев. слв. жв. выр. яз.“, Дала I, 584. *Ред.*

**) Названа станица, какъ мѣсто пѣнія, а не происхожденія пѣсни. Въ сборн. „Южнор. п.“, на стр. 277 (Гадячь), встрѣчаемъ пѣсню „семеино-родствен-ную“ того же мотива, но безъ собственнаго имени села („у симъ селѣ“). *Ред.*

Вороженьки обсылы.
Розступитесь, ворогы,
Пропустите дороги!

2) Щось у лиси гукае—
Дочка ненькы шукае;
Ой шукала, не найшла—
Заплакала и пишла;
Найшла въ поли могылу,
На могыли—былыну,
Къ былыночкы прыпада,
Батька, неньку спомына.

Сообщилъ учитель Умаханъ-Юртовскаго
станичнаго училища *В. Кикота*.

ПѢСНИ, ПОЮЩІЯСЯ ВЪ СТ. УМАХАНЪ-ЮРТОВСКОЙ,

Грозненскаго округа.

I. Любовныя пѣсни.

1) Ой за гаемъ, гаемъ зеленымъ
Тры козака та коней напувалы.
Одынъ каже: „сыне море грае“;
Другый каже: „хоть воня я сбуду,
Такъ дивчину ратувать я буду“.
— „Ратуй, ратуй, преславный козаче,
Возьмы зъ мене ты велику плату!“
— „Мени съ тебе платонькы не браты,
А я хочу за себе узаты“.
— „Чимъ съ козакомъ вику дожываты,
Лучше мени въ мори утопаты“ *).

2) Ой какъ въ лѣсѣ подъ дубкомъ
Стоять дѣвка съ казакомъ.
Вѣтеръ дуба **) качаетъ —
Парень дѣвку *пытаетъ* **).
— „Не пытай ты меня:
Не *кохаль* **) ты меня;
А *вохаль* меня батюшка,
Да *вохала* меня матушка.
Ты—не попъ, ты—не дякъ,
Не цѣлуй меня таѣъ;

*) Сравни. п. выше, на стр. 41, № 5 (конецъ).

Ред.

**) Дуба, *пытаетъ* (спрашиваетъ), *кохаль* (любилъ, пльск.) — малороссійскія выраженія. „Толк. слв. жв. влкрс. яз.“, Дала II, 787; III, 501.

Ред.

Поцѣлуешь меня такъ
Умаханъ-Юртовскій казаць“.

3) Я сѣгодняшню недѣлю *)
Не бралъ въ руки куделю,
Не брала въ руки куделю—
Тяжко согришшла:
Молодого *кавалера* *)
Вирво полюбшла;
Полюбшла кавалера—
Заботу имшла,
Я *заботушку* *) имшла—
Постилъ билу стлала,
Въ *головыщи* **) влала.
Ты, полковнычовъ, полковныгъ,
Смины мого милого
Съ караулу крипкого.
Караулы крипки—
Перемины ридки;
Морозы лютіи—
Каштаны худіи.

4) Я на скрипочку играю,
Сама себя веселю.
Никто горести не знаетъ,
Что я, дѣвица, терплю
(*Второе двухстишіе поется два раза*).
Ходить миленькій рѣкою,
А я крутымъ бережемъ,
Машеть миленькій рукою,
А я шелковымъ платкомъ (2).

*) Недѣлю (для стиха), *кавалера* (солдата), *заботушку*—руссизмы. *Ред.*

**) *Головыще*—голова, верхъ, изголовье. „Толк. слав. жив. вѣкр. яз.“, Дая, I, 325. *Ред.*

— „Позволь, душечка, жениться
На дѣвчонѣ молодой!“
— „Вотъ тебѣ, мой другъ,—невѣста,
А мнѣ, молодой, черный гробъ (2):
Ты пойдешь, другъ, вѣнчаться,
Меня въ церковь понесутъ;
На тебя вѣнцы надѣнутъ,
По мнѣ память пропоютъ (2).
Не стерпѣтся твою сердцу—
Къ мою гробу подойдешь,
Ты откроешь бѣлы груди
И заплачешь обо мнѣ“ (2) *).

5) Начто меня мать на свѣтъ родила,
Когда мнѣ счастья не дала?
Люди рождаются—веселятся,
А я—во горѣ-во тоскѣ.
Начто мнѣ трончку борзую,
Когда я пѣшая хожу?
Начто мнѣ милаго другого,
Когда я прежняго люблю?
Люблю, люблю, любить я буду
И вѣкъ страдаю чрезъ него,
Вѣкъ страдала, горевала,
Слезно плакала по немъ.

II. Вытовые пѣсни.

а) Семейно-бытовая

1) — „Ни, мамо, не можно, не буду любыты:
Несчастливая доля—зѣ нелюбымъ жыты.
Ой лучше жѣ я буду свій вѣкъ дивкувати“.

*) Сравни. п. выше, на стр. 175, № 7.

— „Подвылся, доню, ява я стара—
Мени въ *дубовыну* *) лягаты пора.
Якъ очи заплющу, що буде съ тобою?
Останешься ты весь виць сырогою“.
— „Ой, мамо, мамо, не плачь, не рыдай,
Беры рупничкы, женихамъ давай!
Нехай я одна все горе (по)трачу—
Ты будешь весела, я тришкы поплачу“.
Ой тамъ, край дорожи, крестъ Божій стойть,
Тамъ пизво и рано мамуса крычыть:
— „Ой, Боже мій, Боже, що я наробыла!
Дочку свою ридну навикы згубыла“.

2) — „Умры, умры, *небожяю* **)—
Пидь крѳватую закопаю;
Буду постиль постилать
Да на тебе настѳпать“.

(Вторые два стиха поются два раза)

— „За що?“ — „Да за те,
Що ты мене побывавъ, побывавъ,
Не улыцю не пускавъ, не пускавъ

*(Всѳ три стиха составляютъ припѳвъ,
повторяющийся послѳ каждою четверостишиемъ).*

Умры, умры, *небожяю*,
Пидь пичкою закопаю;
Буду пичку затоплять
Да на тебе наступать“ (2)
— „За що?“ — „Да за те“ и проч.

*) *Дубовына*. Въ пѳснѳ рѳчь идетъ о грѳбѳ, въ который старой матери пора ложиться; грѳбъ же вообще, а особенно *однодеревый*, *долбленный* (изъ дерева) носить наименование *домовына*. Сравн. „Тлев. слн. жв. влкрс. яз.“ Дала, I, 415 и 444 (*Домовына* и *лубовина*).

**) *Небожяй* (синонимъ *небѳга*, *небожакъ*) — убогий, несчастный. Тамъ же, II, 1090 (*небѳга*).

Ред.

Ред.

„Умры, умры, небожаю,
Пидь столыкомъ закопаю;
Буду столыкъ накрывать, накрывать,
Да на тебе наступать, наступать“ (2).
— „За що?“ — „Да за те“ и проч.

„Умры, умры, небожаю,
Пидь покутемъ закопаю;
Буду свичеу засвичать, засвичать,
Да на тебе наступать, наступать“ (2).
— „За що?“ — „Да за те“ и проч.

„Умры, умры, небожаю,
Пидь порогомъ закопаю;
Буду хату вымитать, вымитать,
Да на тебе наступать, наступать“ (2).
— „За що?“ — „Да за те“ и проч.

„Умры, умры, небожаю,
Пидь воритьмы закопаю;
Буду коровъ выгонять, выгонять,
Да на тебе наступать, наступать“ (2).
— „За що?“ — „Да за те,
Що ты мене побывавъ, побывавъ,
На улыцю не пускавъ, не пускавъ“.

3) Три дня хлѣба не пекла, печки не топила.
Въ городъ съ раняго утра мужа проводила;
Два лукошка толокна продала сосѣду,
Да купила я вина, соввала бесѣду;
Все кутила и пила, напилась, свалилась.
Въ это время въ избу дверь тихо отворилась,
Воружъ *) взошелъ старой, сѣдой, покосился съ
гнѣвомъ

И началъ меня стегать плеточкой съ припѣвомъ:

*) Въ рукописи: Кавъ.

— Три дня хлѣба не пекла, печка не топлена,
Нѣтъ въ лукошкѣхъ толокна и хлѣба печена.
У сосѣда толокно дѣтушки хлебають,
Отчего же у тебя забнуть, голодають?*

Ужъ стегаль меня, стегаль, да, знать, стало жалко:
Бросилъ въ уголь свою плеть да схватилъ онъ
палку,
Раза два перекрестилъ, плюнуть съ злости на полъ.
Вотъ (какъ) это толокно дорого досталось:
Все болитъ моя спина, голова кружится;
Лягу спать, а толокно все во снѣ мнѣ снится *)

4) Отцовскій домъ спокинулъ; я—
Травую зарастеть;
Собачка вѣрная моя
Залаетъ у ворота.
Не быть, не быть мнѣ въ той странѣ,
Въ которой я рожденъ:
Терпѣнь мученья безъ вины
Навѣки осужденъ.
Проснется день, красой своей
Украсить Божій свѣтъ;
Увижу (вновь) я небеса,
А родины (ужь) нѣтъ:
На кровлѣ филинъ проврычить,
Раздастся по лѣсамъ;
Занеетъ сердце, загруститъ:
Меня не будетъ тамъ.
Судьба несчастная моя
Къ разлукѣ привела.
Сестрица родная моя
Заплачетъ у окна.

*) Пѣсня носитъ ясные слѣды книжнаго ея происхожденія. *Ред.*

По-утру рано, на зарѣ,
Проснется вся семья,
Малютка вспомнить обо мнѣ,
Заплачетъ *вся семья* *).

5) Сяду я край виконьця
Протывъ ясного соньця,
Протывъ ясного соньця
Выглядаты чорноморця.
Чорноморець йиде, йиде,
Ще й семеро коней выде,
На восьмому вороному
И въ каптани голубому.
Не пойихавъ винъ до дому,
Да пойихавъ до Дунаю;
Ставъ винъ коней напуваты,
Стала вода прибуваты,
Стала вода прибуваты
Чорноморець потопаты.
Чорноморець потопае,
На свою мылу гукае:
— „Ратуй, ратуй, моя мыла,
Колы вирно любыла“.
— „Ой рада бѣ я ратуваты,
Да не вмію я плаваты;
Якъ бы човунъ да весельце,
Ратувала бѣ, мое сердце,
Побижу жѣ я по люде,
Чи не жаль кому буде“.

*) Пѣсня—книжнаго происхожденія. Отсутствіе рѣмъ по мѣстамъ показываеъ, что она—въ большомъ употребленіи и варьируется свободно (Сравни. стихи послѣдній и третій отъ конца). Сравни. ту же пѣсню въ „Сборникѣ военныхъ пѣсень“ кнѣ. П. Троцкого-Семеновича, Сиб. 1833 г., стр. 89. *Ред.*

Повы люде собралися,
Чорноморець утопився.
— „Плывы, плывы за водою,
Остаюсь я удовою,
Плывы, плывы бережкы,
Остаюсь я зъ диточкы;
Плывы, плывы крутенькы,
Остаюсь я зъ маненькы“ *).

6) Ужъ ты, воля, моя воля,
Довела меня до горя:
Съ горя ноженьки не носятъ,
Съ тоски рученьки не робятъ,
Въ головушкѣ свѣтъ кружится,
Красота съ лица мѣнится.
Пойду съ горя я долиною
Съ малёнькою я дѣтиною
Пошла млада *спочивати* **),
Своего дитя качати;
Прилеталъ къ ней сизый голубь.
— „Ужъ ты, голубь, голубь сизый,
Скажи, сизый, гдѣ мой милый“.
— „А твой милый—во неволѣ,
Во рекрутскомъ во наборѣ“.

7) Ой да вы, туманы, вы, мои туманы,
Ой да вы, осенніе мои сильныя дождя,
Ой да сильныя дожди (*Припльз*)!

*) Пѣсня очень распространенная среди малороссовъ и потому имѣеть много вариантовъ. Нашъ вариантъ немногими чертами (въ языкѣ и стихѣ) отличается отъ № 26 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. IV. Отд. II, на стр. 88. Ред.

**) *Спочивати* (млрс.)—отдыхать, спать. Въ пѣснѣ есть и другіе малороссыя: *робятъ, малёнькою дѣткою*. Ред.

Ой да не пора ли вамъ, мои туманушки,
Прочь отъ синяго моря, отъ моря долой,
Отъ моря долой?
Ой да отъвачись да ты отвались, грусть-тоска,
Моя досадушка, ой да отъ ретивого сердца
моего,
Сердца моего.
Ой да сегодняшнюю да темную ноченьку
Мнѣ, молодой бабочкѣ, плохо спалось,
Плохо спалось,
Ой да много мнѣ, молодой бабеночкѣ,
Ой да много, много мнѣ во снѣ видѣлось,
Во снѣ видѣлось:
Ой да будто мой милѣй душечка, любезный
другъ,
Будто убитый лежить, убитый лежить *).

8) — „Калина-малина, что не разцвѣтаешь?
Иль суши боишься, иль дождя желаешь?“
— „Суши не боюся, дождя не желаю,
Кого вѣрно люблю, по томъ помираю.
Выйду на крылечко—все плачу, рыдаю,
Я своего милого съ Турціи ожидаю;
Выйду за ворота—тамъ казаки ѣдутъ,
А мого милого въ рукахъ коня ведутъ.
Убито, убито—про жизнь позабыто,
Бѣлою китайчвой *личенько* **) закрыто.
На-те вамъ, казаки, казну золотую,
Откройте мнѣ личко, хоть разъ поцѣлюю—
Цѣлюю-милую я своего милого,
Съ тыщи выбираю я (себѣ) другого“.

*) Пѣсня представляетъ вариантъ п., напечатанной выше, на стр. 81, подъ № 19.

**) *Личенько* и далѣ *личко* (мѣрс.)—лицо.

Ред.

Ред.

в) *Военно-бытовыл.*

1) — „О чемъ задумался, служивый,
О чемъ горюешь, удалой?
Или служба тебѣ надоѣла,
Иль заболѣлъ твой конь лихой?“
— „Мой конь болѣзни не боится;
Здоровъ онъ, весель, громко ржетъ,
Ему на мѣстѣ не стоится,
Копытомъ землю грозно бьетъ“.
— „Скажи, служивый—насъ здѣсь двое—
Аль ты красотку полюбилъ?“
— „Я—ни красотку, ни молодку,
Ни дѣвчонку молодую,
Люблю страну свою родную—
Туда летѣлъ бы всей душой.
Въ одной деревнѣ есть избушка,
А въ той избушкѣ есть одна,
Родная мать моя, старушка,
Печали-горю предана.
У ней есть мѣдная лампадка,
Горить вечернею порой;
Стоитъ старушка, слезно плачетъ
Передъ иконою святой;
Навѣрно, сына ожидаетъ,
Но сынъ далече отъ нея.
Прости, страна моя родная,
Простите, добрые друзья!
Быть-можетъ, на смерть иду я“ *).

*) Предлагаемая пѣсня пользуется любовью среди солдатъ. Въ „Сборникѣ Кавказскихъ пѣсенъ“, подпрч. Д. Натіева (Петровскъ, 1886 г.), на стр. 62 п. № 45-мало чѣмъ (въ языкѣ и стихѣ) отличается отъ нашей; она обанчивается слѣдующими двумя стихами, коихъ въ нашей п. нѣтъ:

Можетъ, мѣтная винтовка

Иль-за вуста сразитъ меня. (Ср. выше, стр. 74, начало п. № 4).

2) Ой да ты, калинушка, размалинушка,
Ты не стой, не стой на горѣ крутой!
Ой да какъ вода течетъ—корабель идетъ;
А въ этомъ корабликѣ два полковника сидятъ,
Офицеръ да майоръ Богу молятся,
Молодой казакъ домой просится,
Къ женѣ молодой, къ малымъ дѣточкамъ.
— „Съ отцомъ, съ матерью повидаяся,
Съ женой молодой распрощаяся“.

3) Провожала мать сыночка и приказывала:
— „Служи, служи, мой сыночекъ,
До *пятнадцати годовъ*“.
На пятнадцатомъ году
Пришелъ казакъ ко двору;
Сталъ (онъ) казакъ у воротъ
И пытается: „гдѣ мой родъ?“
— „Роду твоего *немае*: *)
Сестра замужемъ живетъ, **)
Остается одинъ братъ,
И тотъ холостъ—не женатъ“.

Въ „Сборникѣ военныхъ пѣсенъ“, кн. П. Троицаго-Сенютовича (Спб. 1883 г.), на стр. 30, подъ № 24 встрѣчаемъ ту же пѣсню, только нѣсколько въ иномъ изложеніи и безъ 8 стиховъ въ концѣ (19—22; 25—28). Въ „Сборникѣ боевыхъ, бытовыхъ и плясовыхъ солдатскихъ пѣсенъ“ (въ двухъ частяхъ), на стр. 61—62 печатана та же пѣсня, но по содержанію полнѣе нашей: вмѣсто послѣднихъ трехъ стиховъ нашей п. тамъ читаемъ:

Меня родная провожала,
Твердя: „смотри, не забывай
Святой долгъ службъ“. Поучала:
„Что всюду Богъ—въ Россіи Царь.
Служа отечеству, предъ Богомъ
Исполнишь ты священный долгъ“...

Совѣтамъ матушки я многимъ
Обязанъ, выполнивъ, что могъ.
Теперь съ родной бы повидался,
Обнявъ ее, поцѣловалъ;
А что на службѣ отличался,
Крестомъ бы это доказалъ.

Къ тексту въ „Сборникѣ“ приложенъ и напѣвъ (на два голоса). Пѣсня, очевидно, сочиненная.

Ред.

*) *Немае* (шпр.)—нѣтъ.

Ред.

**) Въ рукописи: Сестра замужъ *пошла*—стиха нѣтъ.

Ред.

— „Ужъ ты, братецъ мой родной,
Почему ты не женишься?
На кого ты надѣешься?“
— „Я надѣюсь на денежки,
А жениуся я на дѣвушкѣ;
Я тогда на ней женюсь,
Какъ на лавкѣ протянусь“.

4) То не соколы крылаты
Чують солнечный восходъ,
Царя Бѣлаго казаки
Всѣ собралися въ походъ,
И драгунъ два эскадрона,
И *Донскіе* казаки;
Шесть орудій (ужъ) готовы:
Задумали угостить... *).
Мы три года прослужили —
Ни о чемъ мы не тужили,
А четвертый годъ насталь —
Тосковать по дому стали.
Пришла смѣнушка *смѣной(?)* —
Полку нашему домой.
Мы тронулися и пошли —
На рѣку Терекъ пошли.
— „Здравствуй, Терекъ-Гребенецъ,
Здравствуй, родной мой отецъ!
Здравствуй милая жена,
Разскажи ты, какъ жила!“ **)

5) За *Дунаемъ*-за рѣкой, тамъ казаченька гуляль-
Съ своей шашечкой, съ вострой саблей своей,

*) Въ рукописи далѣе идетъ стихъ: Богъ шагу не пустить. *Ред.*

**) Въ рукописи далѣе:—„Разсказать мнѣ не долго—
Вы побеге меня бохно“. *Ред.*

Огонёчекъ кресаль золотымъ кольцомъ съ руки,
Ковыль-травушку рвалъ, (въ) огонёчекъ клалъ,
Ужь онъ клалъ его, клалъ, все раскладывалъ,
Казакъ раны свои перевязывалъ.

— „Ужь вы, раны мои, раны больныя,
Раны кровью сошли, раны къ сердцу подошли“.
Передъ смертью казакъ сталъ наказывать конемъ:
— „Ужь ты, конь, ты, мой конь, конь, товарищъ
мой,

Не бѣги ты, мой конь, по чисту полю,
А бѣги ты, мой конь, по дороженьѣ,
Не давайся, мой конь, злымъ татаровьямъ,
Бѣги ты, мой конь, къ отцу, матери домой!
Какъ сустрѣнетъ тебя родной батюшка,
Приголубить тебя родна маменька моя,
Будетъ спрашивать тебя молода моя жена:

— „Ужь ты, конь, ты, мой конь, гдѣ жъ това-
рищъ твой?“

— „Какъ товарищъ мой—за Дунаемъ-рѣкой,
За Дунаемъ-рѣкой, въ лужкахъ женится:
Какъ невѣста была пуля быстрая,
Обвѣнчала его сабля вострая;
Родной батюшка былъ крестъ серебряный,
Родна матушка была мать-сырая земля,
А гробница ему бурка черная“ *).

6) Во горахъ было, во горахъ высокихъ,
Во ущельяхъ во глубокихъ,
Тамъ стояла ракушка тонка, высока;
Подъ этой ракушкой-молодецъ убитый,
Землю засыпанный, камушкомъ приваленный.
Съ-подъ этого камушка трава вырастала;

*) Сравни. и. выше, на стр. 199, № 8 и ея варианты, тамъ же. Ред.

На этой на травушкѣ цвѣты распѣтали.
Съ родимой сторонушки пташки прилетали,
Жалобнехонько онѣ ему пѣсни распѣвали:
— „Ты встань, добрый молодець, удалый молод-
чиць!

Зимушка проходить, весна наступаетъ,
Молода твоя жена въ компаніи гуляетъ,
Глазами разводитъ, все замужь выходитъ.
Родимая матушка все плачетъ-рыдаетъ,
Все плачетъ-рыдаетъ, сына вспоминаетъ:
— „Дитя мое, дитятко, чадо мое милое,
Положилъ головушку на чужой сторонушкѣ,
1 На чужой сторонушкѣ, въ *Турецкой* землѣ!“ *)

III. Шуточная пѣсня.

За *городомъ* **) за Московую,
Тамъ стоялъ народъ толпою—
Наши кулаки
(*Каждый третій стихъ повторяется два
раза*):

Стоялъ Басовъ и Некрасовъ,
Стоялъ Моховъ и Гороховъ—
Наши кулаки (2).

Пойдемъ, братцы, поскорѣе
До лавочки Тимофея,
Сядемъ посидимъ (2).

Ужъ мы сядемъ посидимъ,
По калачику съѣдимъ,
Лучше отдохнемъ (2).

*) Сравн. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, стр. 99, п. № 3 и выше, на стр. 81—82, п. № 14. Ред.

**) Въ рукописи: за горою. Ред.

Вотъ летить—объжить кулакъ
..... *)

Петруха Скорбинъ (2).

— „Ну чего жъ вы тутъ сидите,
Ничего вы не глядите?

Вѣдь, обозъ идетъ (2):

Съ Петербургской новой дачи

Ѣдетъ мужичокъ на влячѣ,

Онъ муку везетъ“ (2).

Вотъ мы къ нему подбѣжали,

Кулакъ ему засовали:

„Что, братъ, продаешь?“ (2).

Продавалъ мужикъ овесъ,

Взялъ на горсточку, потрѣсъ,

На горсти своей (2);

А въ другомъ возу—гречиха.

Подбѣжалъ Евсей и Тихонъ,

Стали торговать (2);

Торговали всѣхъ дороже.

Тутъ Некрасовъ—ихъ по рождѣ:

Зачѣмъ пербивать? (2)

Двадцать пять насъ человекъ,

Болтаемся цѣлый вѣкъ,

Кого бь обмануть (2).

IV. Вылевые и историческія пѣсни.

1) Какъ на дубѣ—на дубочкѣ,

Надъ глубокою рѣвой,

Думу думалъ одинокій

Ясный соколъ молодой.

— „Что ты, соколъ быстрыкрылый,

*) Въ рукописи пропущены стихи.

Призадумавшись, сидишь?
Или скучно тебѣ, грустно
Въ азиатск(і)ихъ краяхъ?
Или нѣтъ тебѣ приволья
Во глубокѣхъ оврагахъ?
Взвился соколъ бистрокрылый,
Къ синю морю полетѣлъ,
На родимую сторон(ѣ)у
Онъ въ послѣдній разъ взглянулъ.
Вѣтеръ дуетъ, громъ грохочетъ,
Волны плещутъ къ берегамъ.
Соколъ борется съ волнами,
Соколъ въ морѣ потонулъ.
Какъ на-утрѣ было тихо,
Солнце красное взошло,
По возморью мелкой зыбью
Тѣло собола плыло,
Приплывало его тѣло
Ко крутому берегу,
Засыпало его тѣло
Золотымъ желтымъ пескомъ.

2) Кто бы, кто бы, братцы, это зналъ.
Про батюшку-славный тихій Донъ
Да про того шельму-казака,
Про *Инашку*, братцы, измѣнщика?
На часахъ то ли онъ стоялъ,
Сдѣлалъ, братцы, онъ измѣншеку:
Какъ залѣзъ только онъ, забрался
На вышку было высокую,
Онъ унесъ, братцы, онъ укралъ
Знамя Царя Бѣлаго;
Онъ набралъ себѣ казаковъ—

Совсѣмъ малолѣточекъ,
Перевозилъ, братцы, переправлялъ
Черезъ море, славный тихій Донъ-рѣку.
На крутомъ, братцы, бережочкѣ
Становились всѣ вокругъ него.
Наливалъ, братцы, онъ подносилъ имъ,
(Подносилъ) вина своего лютаго;
Онъ велѣлъ имъ, только приказалъ
Закричать, братцы, ура.
— „Забывайте, братцы-товарищи,
Отцовъ своихъ и матерей,
Привыкайте, братцы-товарищи,
Къ службѣ Царя Бѣлаго.

3) *Грозенъ* царь былъ *Иванъ Васильевичъ*.
Онъ сидѣлъ сидѣма ровно тридцать лѣтъ;
Накопилъ онъ силы сорокъ тысячей,
Накопивши силушку, во походъ пошелъ;
Онъ велъ силу свою не дорогою,
Все темнымъ лѣсомъ, братцы, черной грязью,
Подводилъ онъ силу къ *Кадаринъ-рѣкѣ*;
Черезъ *Кадаринъ-рѣченку* онъ переправлялся,
Переправившись, онъ останавливался
Да на томъ онъ мѣстѣ на прекрасномъ
И на той онъ травкѣ-на муравушкѣ,
Да на тѣхъ онъ цвѣтикахъ на лазоревыхъ;
Сталъ по силушкѣ *король* расхаживать,
Свою армію онъ пересматривать:
Всѣмъ князьямъ-боярамъ переборъ пошелъ.
Одного-то князя не случилось,
Все *Михайлушки*, братцы, *Михайловича*,
По прозванью его *Гагарина*:
Передался онъ, братцы, князю *Рымскому*,

Князю Римскому, царю нерусскому,
Не за ту ли онъ казну-за золото,
За тѣ камушки онъ драгоценныя.—
Не ясенъ ли соколъ въ перелетъ летить?
Какъ Михайлушка на конѣ скачетъ;
Подъѣзжалъ онъ, братцы, ко бѣлу шатру,
Всѣмъ князьямъ боярамъ почтенье отдалъ,
Самому царю на колѣни упалъ:
— „Поздравляю тебя съ новымъ городомъ!“ *)

4) Краснощочковъ у Прутскаго (Короля) загулялъ,
Въ бѣлыхъ каменныхъ палатахъ побывалъ.
Они пили тамъ, гуляли, прохладжались
За дубовымъ столомъ, за скатертью шелковой,
Они сами собой выхвалялися.
Какъ возговорилъ Король Федоръ Федоровичъ:
— „Я всѣхъ въ Москвѣ знаю: и князей, и бояръ,
И всѣхъ сотниковъ, всѣхъ полковниковъ,
Одного только не знаю я, Донского казака,
Донского казака, Краснощочкова сына;
Еслибъ я его узналъ, я бь голову ему снялъ“.
Краснощочковъ догадался—изъ палатей убирался;

*) Въ сборникѣ „Пѣснь Кирѣвскаго“ встрѣчаемъ одну былинку (Вып. VI, стр. 190—191): „Царь (Ив. В. Грозный) въ Серуховѣ“, основной мотивъ которой — тотъ же, что и нашей былинки. Копленіемъ силушки въ теченіе многихъ лѣтъ и отправленіемъ ея въ походъ начинаются, кромѣ того, былинки (о Грозномъ Царѣ) на стр. 4 и 187 того же сборн. и вып. Наша былина представляетъ безызыскательныя особенности въ сравненіи съ цитированной: вм. „Максима, сына казачьяго, по прозванью-ту Краснощочкова, который измѣнилъ Царю Бѣлому и придался къ хану турецкому“, прельстившись его золотой казною, платьемъ свѣтлымъ и сорочничками (красными дѣвушками), въ нашей былинѣ князь Михайлушка Михайловичъ приедается, въ силу почти тѣхъ же приманокъ, князю Римскому. Подобно нашему Гагарину, Краснощочковъ „съ помону ѣдетъ“ въ шатру Бѣлаго Царя, съ низкимъ поклономъ поздравляетъ его „со славнымъ городомъ со Серуховымъ“ (Серуховымъ) и даритъ ему „двухъ половянничекъ, Турецкаго хана двухъ дочерей“. Рѣка Кадаръ или Кадарунъ упоминается только въ нашей пѣснѣ. Ред.

Онъ вскричалъ-взгичалъ своимъ громкимъ голосомъ:
— „Ужъ вы, слуги, мои слуги, вы, Донскіе казаки,
Вы пойдите, приведите моего вѣрнаго коня,
Моего вѣрнаго коня, сизокрылаго орла“.
Краснощочковъ на конь сѣлъ, пѣсню королю отпѣлъ:
— „Ты, ворона, ты, ворона, загуменная корга!
Не умѣла ты, ворона, ясна сокола ловить,
Въ рукахъ его держать, сизы перешки щипать“ *).

5) Ужъ вы, горы мои, горы *Турецкія*,
Ужъ вы, горы, вы, крутыя мои горы!
Вы позвольте, мои горы, подъ собою ночь
почевать,
Подъ собою ночь почевать и ту всю не спать,
Всю ночь не спать—порохъ, заряды получать.
— „Стойте вы, турки, не стрѣляйте,
Вы заряды свои не теряйте!
Мелкаго ружья да я не боюся,
До *Болъбурта* я доберуся,
Въ *Ирзирюмъ* расположуся“ **).

6) Веселитесь, ребята,
Веселись, нашъ командиръ!
Мы разбили *всю засаду*—
Слава намъ на цѣлый *вѣкъ* ***).

*) Сравни. пѣсню про Платова-казака, выше, на стр. 86—90, № 8 и варианты.
Ред.

**) Сравни. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. VII. Отд. I, на стр. 116 п. № 11 и цитированную тамъ же. Угрозу туркамъ произносить *графъ Пискевичъ*.
Ред.

***) Третій и четвертый vs. не рیمуются съ первыми двумя, между тѣмъ какъ во всей п. рима строго соблюдается. 1—4 vs. служатъ *припѣвомъ* къ каждому изъ четырехъ стихамъ „Пѣсни о взятіи Кюрюкь-дара въ 1854 г.“ („Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II, стр. 92—93, № 3). Наша пѣсня составляетъ вторую половину цитируемой.
Ред.

Князь нашъ *Бебутовъ* любимый,
 Царской милостью почтенъ,
 Корпусъ нашъ неустрашимый
 Командиромъ награжденъ.
 Рады мы всегда стараться—
 Не ударимъ въ грязь лицомъ:
 Если драться, такъ ужъ драться—
 Каждый станетъ молодцомъ.
 Пусть пожалуютъ къ намъ гости—
 Ровно валить саранча;
 Унесутъ ли гости кости,
 Какъ ударимъ мы съ плеча.
 Изъ-за черной изъ-за тучи
 Приударитъ царскій громъ—
 Разметаемъ мы *Иркучи* (?),
 Все на славу разобьемъ *).

*) Четверостишие 17—20 въ цѣпир. выше п. читается такъ:

Какъ на черную ихъ (турокъ) тучу Размѣтаемъ (мы) *изъ кучи*,
 Приударитъ русскій громъ; И на славу разобьемъ.

Въ пѣснѣ воспѣвается „слава на цѣпль вѣкъ“ русской арміи, доказавшей свою несокрушимую твердость въ борьбѣ съ турками при Кюрюк-дара, 24 іюня 1854 года. „18-тысячная армія русскихъ на-голову разбила 48 т. анатолийскій корпусъ, составленный изъ отборнѣйшихъ турецкихъ войскъ“ („Кавк. Сборникъ“, т. I, стр. 269—282). Въ пѣснѣ кратко, но опредѣленно и ясно характеризуется корпусный командиръ кн. Бебутовъ: ординный взглядъ, отыскивающій, „гдѣ бы потчевать гостей“ (враговъ), избличаетъ его воинственность и испытанную храбрость воина, осмотрительность и зоркость полководца; для солдатъ онъ „любезный“, „отецъ“ и вполне заслуженно носить эти почетныя имена, такъ какъ онъ „бережетъ своихъ дѣтей“ во время походовъ и такой же внимательный къ личности и жизни солдата въ мирное время. Эта характеристика вполне подтверждается историческими свидѣтельствами. Въ III т. „Кавказскаго Сборника“, на стр. 271, вотъ какъ рисуется личность генералъ-лейтенанта князя Бебутова при осмотрѣ имъ войскъ, готовыхъ въ походъ: „Его смуглое лицо, умные глаза, спокойная осанка, несмотря на огромный носъ, внушали къ нему какое-то особое уваженіе, особенно когда онъ говорилъ. Рѣчь его къ солдатамъ — самая приветливая, простая, дышала задушевностью. Поговоривъ съ солдатами, онъ осмыслился о больнымъ, о довольствіи, а также о матеріальной части баталіоновъ“. Имѣя въ виду заботливость князя о солдатѣ, послѣдній на назначеніе его корпуснымъ командиромъ смотрѣлъ не иначе, какъ на награду корпусу (См. пѣсню). *Ред.*

Нашъ отецъ впередъ съ отрядомъ—
Бережетъ своихъ дѣтей;
Онъ глядитъ орлинымъ взглядомъ,
Гдѣ бы потчивать гостей.
Съ бѣлымъ крестиеомъ на шеѣ
Князь *Барятинскій* впередъ,
И казакамъ веселѣе,
Что начальникъ съ ними идетъ.

«Сообщилъ учитель Умаханъ-Юртовскаго
станичнаго училища *В. Кикоть*».

№ 1. Не стій, вербо, надъ водою.

Музыкальный фрагмент № 1. Песня в 2/4 такта, тональность G-бемоль мажор. Мелодия начинается на G4, поднимается к A4, B4, C5, затем падает к B4, A4, G4. В конце фразы есть пауза на G4.

Не стій — до — надь во — до — — ю — — ра - ко — ра —
 не стій вер-бо надь во — до — — ю ра — не — сень-ко.

№ 2. Великий дворъ.

Музыкальный фрагмент № 2. Песня в 4/4 такта, тональность B-бемоль мажор. Мелодия начинается на B4, поднимается к C5, D5, E5, F5, G5, затем падает к F5, E5, D5, C5. В конце фразы есть пауза на C5.

Ой ве — лы-кый дворъ та ма-ленькый сбиръ ще — не вся ро ды — нонь-ка.

№ 3. Параснына ненька передъ Господомъ стоить.

Музыкальный фрагмент № 3. Песня в 3/4 такта, тональность G-бемоль мажор. Мелодия начинается на G4, поднимается к A4, B4, C5, затем падает к B4, A4, G4. В конце фразы есть пауза на G4.

Па — рас — — кы — на нень. — — ка — — Ой Па — — ра — — сны-на — —
 нень — — ка пе — ревь Гос — — по — домъ сто — ить.

ко вго — ру йде — ко — ле — сожь ко —

№ 6. Де ты, душенько наша, Параско? Ой, поле, поле, Гордію.

ле — сожь — вич — ко вго — ру йде.

Де ты ду — шень — ко на — ша Па — рас — ко?

Ой по — пе не Гор — ді — ко

не за дзво — ны ра не не лю
за дзво — ны ра су вь вь су — ди во — ло
ту

Конецъ пѣсни: не прѣ — дуть до на — шо — ж

Ла — рас — кы въ друж — кы дуть.

№ 7 Спасыби за дружку.

Сла — сы — бл за друж — ку спа — сы бл за

друж — ку за ва — шу ло — слух — ку хотъ не —

амі — о гра — ты въ — о. там — шо ви — ты.

№ 8. Слава виро́чка.

Сла - ла зи - роч - ка до ми - ся -

ця сла - ла зи - роч - ка до ми - ся - ця.

№ 9. Ой чы у тебе, Васылько.

Ой чы у те - бе Ва - сымь - ко те - стень - ка

не - ма - е - що вить не вы - йде не пры - ви -

та - е и здо - ро - вья не сты - та - е .

№ 8. Слала зрочка.

Сла - ла зи - роч - ка до ми - ся -
 ця сла - ла зи - роч - ка , до ми - ся - дя.

№ 9. Ой чы у тебе, Васылько.

Ой чы у те - ве Ва - саль - ко те - стень - ка
 не - ма - е - що вить не вы - йде не пры - ви -
 та - е и здо - ро - вья не сты - та - е .

№ 10. Чого море грало.

Музыкальная запись песни № 10. Состоит из двух систем нот. Первая система — мелодия в G-мажоре, 2/4 такта. Вторая система — аккомпанемент в G-мажоре, 2/4 такта. Под нотами даны слова песни.

Чо — го мо — ре гра — ло ды — тят — ко то — па — ло
 ра — но да ра — нень — ко Илл: ра — но да ра — нень — ко.

№ 11. Десь бувь селезенько.

Музыкальная запись песни № 11. Состоит из двух систем нот. Первая система — мелодия в D-мажоре, 2/4 такта. Вторая система — аккомпанемент в D-мажоре, 2/4 такта. Под нотами даны слова песни.

Десь бувь се — ле — зень — ко Десь бувь ла
 бу — ты — на Десь бувь се — ле — зень —
 ко Десь бу — да — бу — ты — на.

№ 12. Пипъ винчавъ, не богато взавъ.

Пипъ вин — чавъ пипъ вин — чавъ не — бо — га — го взавъ

пипъ зо — ло — го — го ко — ня во — ро — но — го ще й ма — ло.

№ 13. Да стояла Параска пидъ вилицемъ.

Да сто — я — ла Па — рас — ка пидъ вин — цемъ да че — са — ла да у — павъ

ки — сонъ — ку гре — бин — цемъ Ко медъ пѣсни. не вло — вець гре — би — нець

щобъ я то — би шо — да — завъ гре — би — нець.

№ 14. Пе признала маты своего дытаты.

Не пи - зна - ла ма - ты не пи - зна - ла ма - ты сво - е -

го ды - тя - ты про - жиждь дру - жеч - ка - мы да за сле - зоч - ка - мы.

№ 15. Де ты, душечко наша, Параско? (См. №№ 5 и 6.) Мы дружечку любимъ.

Мы дру - жеч - ку лю - выждь мы дру - же - ку

лю - выждь до дру --- жеч - ны пи - деждь зе - ле - на - я

о - ри - шы -- на ва дво - ри --- а медь вы - но на сто - ли.

№ 16. До дружны—до подружны.

До друж - ны до по - друж - ны на сы - ря - ни - и
та на ма - сля - ні - и пы -- рож - ны.

№ 17. Найшовъ дружно дружку.

На - йшовъ друж - ко друж - ку на - йшовъ друж - ко
друж - ку но - му луж - ку не въ ру - ти не
въ мя - ти а въ рув --- лы ни ха -- ти.

№ 18. Да казаны: сваты богаты.

Да ка — за — лы сва — ты во — га — ти

да ка — за — лы сва — ты во — га — ти ажъ во —

мы у — во — ги — йкъ ко — ни вез —

ко — ги са — мы во — ны да пни — комъ и — шлы
мо — ло — до — го у миш — ку нес — лы

а сваш — ку въ гор — вы ни — цювъ ес зи — лы свы — ни.

№ 19. Свашна-нелипашна.

Сваш - на не - ли - ши - ка сваш - ка не ли -

шаш - ка ши - мь - моль не ли - ла во - я -

ры гла - да - лы зу - вы по - ла ма - ма.

№ 20. Свашечко-свитылочко (наша голобочко)

Сва - шеч - ко сва стп шеч же ко намь

на - ша го - лу - воч - но не ре - йнж - жу - ю ли - сень - ку.

од - ну - ку - ю

№ 21. Ходє голубѣ коло хаты.

Хо - де го - лубѣ ко - ло ха - ты нѣж - ы
 во - лю -- ха -- ти вы - йды вы - йды
 ты Па - рас - ко го - луб - ко изъ ха - ты.

№ 22. Ой добрая та годьноньна настала.

Ой дов - ра - я та го - ды -- конь - ка ла - ста - ла
 що Па - рас - ка та по - ма -- тля - ку по - сла -- ла.

ДЪСНИ СТАДИЦЫ СЛЪЩОВСКОЙ.

Л Ю Б О В Н Ы Я

1. Долина моя, долинушка.

Умеренно.

Музыкальный фрагмент в нотном стане с русской транслитерацией. Темп умеренно. Метр 3/4. Текст: До -- ли -- на -- мо -- я до -- ли -- нуш -- ка. До -- ли -- на -- мо -- я ши -- ро -- ка -- я.

раз -- доль -- е мо -- е да -- ле -- ко -- е .

2. Дорогіє денечни проходить.

Главное.

Музыкальный фрагмент в нотном стане с русской транслитерацией. Темп главное. Метр 3/4. Текст: До -- ро -- ги -- е де -- неч -- ки про -- дять. скры -- лось сол -- ныш -- изь глазъ скры -- лось сол -- ныш --

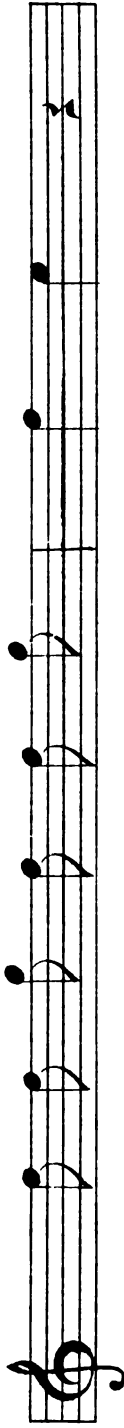

но изъ глѣзь нѣтъ ве — сель — я ни на часть .

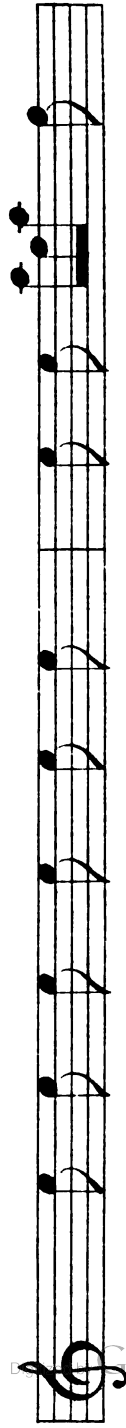
3. Грушица, грушица зелена, садова.

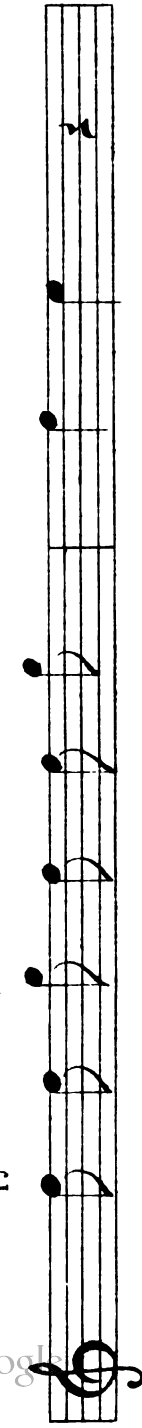
Гру — ши — ца ты гру — ши — ца мо — я гру —

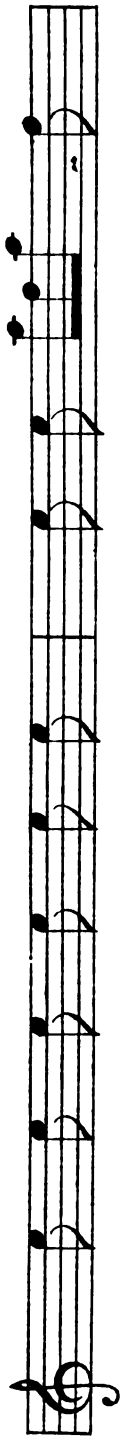
ши — ца зе — ле — на са — до — ва

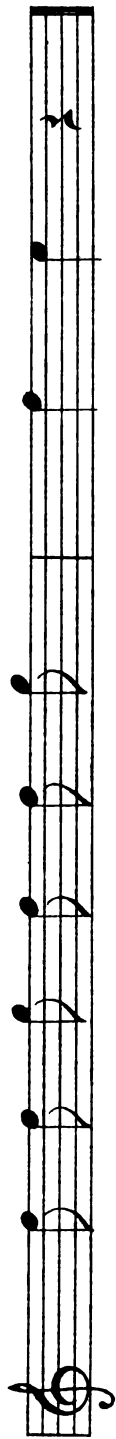
Гру — ши — ца зе — ле — на са — до — ва по

что ты не зе — ле — что — иль

по — что ты не зе — ле — но сто — ишь по

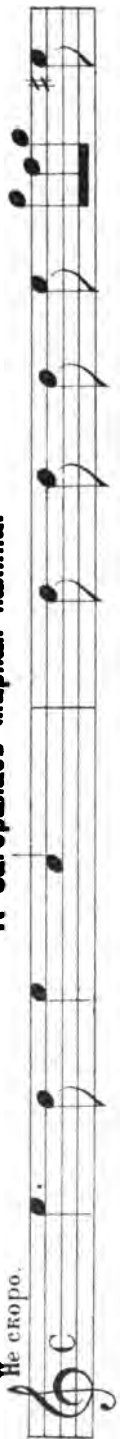

что не ла — зу — ре — во цвѣ — тешъ.

БЫ Т О В Ы Я.

4. Загоралась жарная калина.

Не скоро.

За го — ра — лась жер — ка — я ка — ли — на

за — ки — па — ла въ ко — ло — де — зѣ во — да

за — ки — па — ла въ ко — ло — де — зѣ во — да.

за — бо — лѣ — ло — мо — лод — ца серд — це

за — бо — лѣ — ло — мо — лод — ца серд — це

Зналь — бы зналь — бы мла — дець не же — нил — ся.

5. Полно вамъ, снѣжочни.

Пол — но вамъ снѣ — жоч — ки на та — лой зем — лѣ

Лягъ пол — но вамъ ка — за — чень — ки го —

Скоро, весело.

ре го - ре - вать ка - за -

чень - ли го - ре - го - ре - вать.

6. Подъ зеленою ракитой.*

Бодро.

Подъ зе - ле - но - ю ра - ки - той рус - ский

на по - лѣ ле - жаль и кин - ца - ломъ въ грудь про -

би - тый крестъ свой мѣд - ный при - жи -

маль при - жи - маль.

вариантъ.

Играю.

f Подъ зе - ле - но - ю ра - ки - той рус - ский на по -

лъ ле - жаль и кин - жа - лоть въ грудь про - би - тый

мѣд - ный крестъ свой при - жи - мать.

7. Последній денекъ миновался.*

Умѣреннo.

Пос - слѣд - ній некъ ми но -

вал — ся — мбть но — быть съ ва — ми друзь —

лишь о — динь ве — черь о — я — стал — ся

зав — тра — вась о — став — лю — я.
я.

ле скоро.

По — слѣд — ній де — нектъ ми — но — вал — ся мѣтъ не бытъ

Lis

съ ва — ми друзь — я лишь о — днѣ ве — черь о — стал — ся

за — втра васъ о — став лю я

8. Во лѣсу дремучемъ казани мауть.

Во лѣ — су — дре — мѣ чьмъ на — за — ки и ...

дуть, на ру — вахъ мо — гу

тихъ

Словойно, илхасто

го — ва — ри — ша сво — е — го не — сурть.

9. Похваля далече казакъ, на чужбину.*

Ужъренно.

По халь да — ле — че ка —
ъ — халь да — ле — че ка —

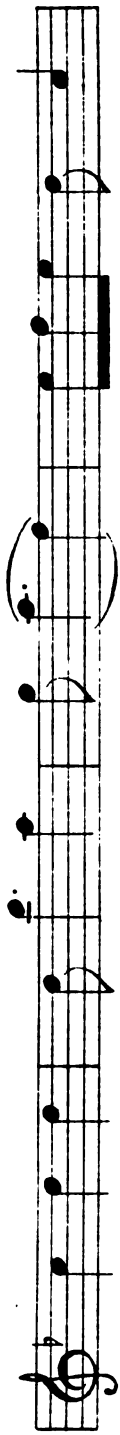
закъ на чуж-би-ну на доб — ромъ ко — нъ во — ро —
закъ на чуж-би-ну на доб — ромъ ко — нъ во — ро —

ночь — сво — ю онъ кра — и — ну на вѣ — ки по —

ки — нуть е — му не вер — нуть — ся въ о — те — че — ский домъ

Вариантъ.

По — ѣ -- хать да — ле — че ка — зать на

чуж -- би -- ну на доб -- рожь ко -- нѣ во -- ро -- номъ

сво -- ю онѣ гра -- и -- ну на -- вѣ -- ки по -- ки -- нуть е -- му не

вер -- нуть -- ся въ оте --- че -- скій домъ.

10. Во горахъ, братцы, было.

Во го -- рахъ брат -- цы бы -- ло во --

вы -- со -- нихъ во у -- ще -- лън -- цахъ брат -- цы бы -- ло

бы - ло во гла - бо такъ у - бить
 доб - рый мо - ло - дець онъ крѣп - ко ра - не - ный.

ХОРЪ.

Ей ей
 мо — лод — цы
 храб — ры — е
 мы
 сун — жен — цы.

Вариантъ.

Весело *Solo.*

Мы сто — я — ли
 на го — рѣ
 на зе — ле — ной
 на тра — вѣ.

Хоръ.

Ей — ей
 мо — лод — цы
 храб — ры — е
 мы
 сун — жен — цы.

13. Возвращение сумженцевъ съ набѣга.

Весело.

1 разъ. Пыль клу - бит-ся по до - ро - гѣ слышимъ вы - стра - лы по - рой.
 2 разъ. Изъ на - бѣ - га у - да - ло - го ъ - дуть сун - жен - цы до - мой.

3 разъ. Изъ на - бѣ - га у - да - ло - го ъ - дуть сун - жен - цы до - мой.

Вариантъ.

Не скоро.

Musical staff with notes and rests, corresponding to the first line of lyrics.

Пѣль влуду - вѣнт - ся по до - ро - га ѣ слыш - ны вы - стрѣ -
И съ на - бѣ - га у - да - ло - го ѣ дѣ - сун сун - жен -

Musical staff with notes and rests, corresponding to the second line of lyrics.

лы по - рой) и съ на - бѣ --- га у - да - ло -
цы до мой) (мой)

Musical staff with notes and rests, corresponding to the third line of lyrics.

го ѣ - дуть сун --- жен - цы до --- мой.

14. Въ тихи ночи, осенью.*

Очень медленно.

Musical staff with notes and rests, corresponding to the first line of lyrics.

Въ ти - хи но - чи о --- сень - ю

Musical staff with notes and rests, corresponding to the second line of lyrics.

сун — жеи — цы гу — ля — ють

и про — служ — бу
о — ни про — сво — ю псе — ни рас — пѣ — ва — ють

Вариантъ.

Въ ти — хи но — чи о — сень — ю
сун — жеи — цы гу —

ля — ютъ

и

про-служ-бу

про сво — ю

пѣс — ни рас — пѣ —

ва — ютъ

и

про служ — бу

про — сво — ю

пѣс — ни рас — пѣ

ва — ютъ

Ско
Злой

ро брат — цы
Ша — миль насть

намъ въ по — ходъ
въ бой зо — веть

зи — ма на — сту —
и не у — ны — ва — етъ

па — етъ

Ско — ро брат — цы
Злой Ша — миль насть

намъ въ по — ходъ
въ бой зо — веть

зи — ма на — сту —
и не у — ны — ва — етъ

па — етъ.

15. О поселенцах-казаках на Сунжѣ.*

Весело.

Изь горъ Сун-жа
 вы-те -- ка-еть
 и по плю-ко --
 сти Чеч-ни

The first system of the musical score consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature. The melody is written in a simple, rhythmic style with quarter and eighth notes. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across multiple notes.

рѣз-во быс-тро
 про-бѣ -- га-еть
 ба-сур-ман-си --
 е кра -- и.

The second system of the musical score continues the melody from the first system. It also consists of two staves in treble and bass clefs with a key signature of one sharp and a 2/4 time signature. The melody continues with similar rhythmic patterns. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across multiple notes.

Вариантъ.

Не споро.

Изъ горь Сун — жа — вы — те — ка — етъ
 рязъ — во быс — тро — бо — га — етъ

и по лос — ко — сти — Чеч — ни — рязъ — во — быс —
 ба сур ман екі е кра и и

тро про — бѣ — га — етъ ба — сур — ман — ски — е кра — и.
 16. На взятіе аула Аиханъ-юрта.*

Бодро.

Въ нять — де — сятъ пер — вомъ го — лу на — брахъ Ша — миль ор — ду

на - браль на - браль ми - ли - цу
 ска - за - нъ
 вне - за - нъ - но въ путь.

17. На смерть генерала Слѣпцова.*

Очень медленно.

Вспом - нишь
 браг - цы съ со - жа - лѣнь - емъ ко - ман - ди - ра сво - е -

го.

ши - ли - ся е - го.

цель - сь мы ли

ли - кия о - гор -

ка сь во - го

Вариантъ.

го

во - ми -

бра - та сво - го

силь - сь

ду - ра сво - о - го

Ускоренно.

Всего - минута

1. 2.

какъ съве-ли-кинь о-гор-чень-емъ мы ли -- ши-ли-ся е -- го. го.

18. Что ты, сунженецъ, не весель.*

Очень медленно.

Что ты сун-же-нецъ не ве -- сель без-за -- бот-ный сор -- ва

нець что ты нець что ты буй — ну — ю по — вѣ — — снль а — ли

буѣ. — ну — ю по — га — ма — — нуть твоей га — ма — —

вѣ - сить а - ли - пусть твой га - ма - нець.

Вариантъ.

Медленно, спокойно.

Что ты сун - же - нець не ве - сель без - за - бог - ный со - рва - нець что ты буй - ну - ю по - вѣ - сить и - ли пусть твой га - ма - нець.

19. Воспоминаніе о Слѣпцовѣ.*

Весело.

Вспом - нимъ
 брат - цы про бы -
 ло - е
 какъ

The first system of the musical score consists of two staves, a treble clef on the left and a bass clef on the right. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 2/4. The melody is written in the treble clef, and the bass line is in the bass clef. The lyrics are written below the notes.

слад - кій сонъ про -
 шло жизнь раз -
 доль - е у - да -

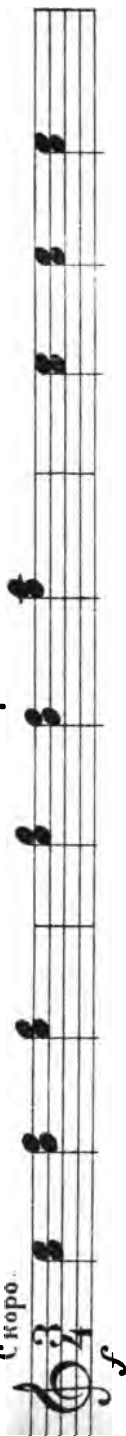
The second system of the musical score continues the melody and bass line from the first system. It also features a treble and bass clef with a key signature of one sharp and a 2/4 time signature. The lyrics are written below the notes.

ло - е на - ше вре - мя зо - ло то - е жизнь раз -

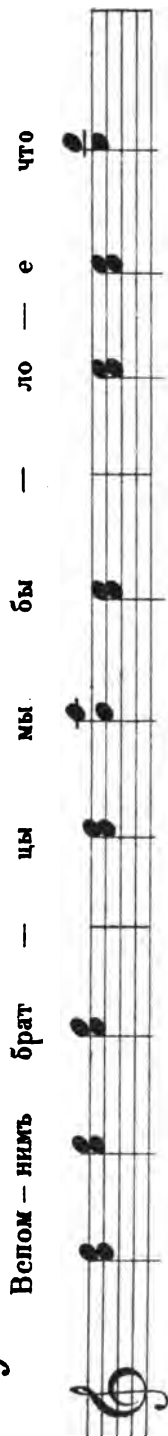
Доль - е у - да - лю - е на - ше вре - мя зо - ло то - е.

Скоро.

Вариантъ.

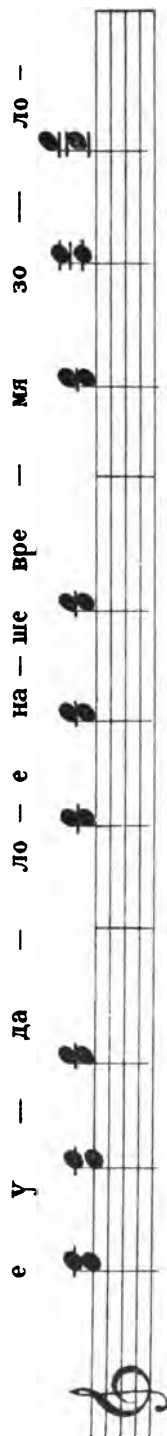
Вспом -- нить брат -- цы мы бы -- ло -- е что

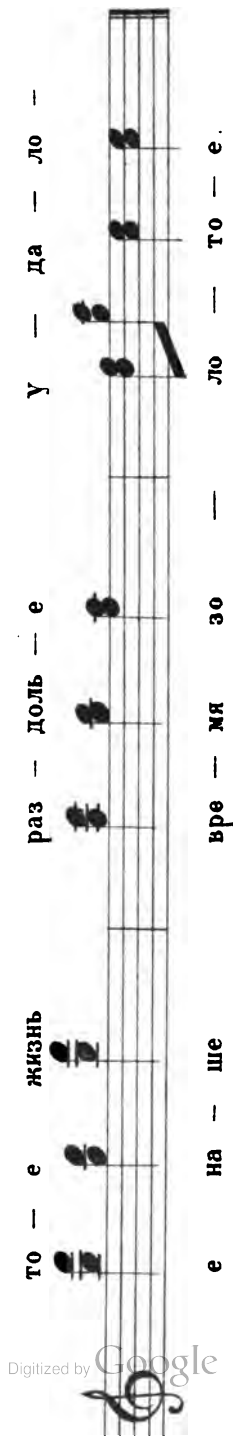
какъ слад -- кій сонъ про -- шло жизнь раз -- доль --

е у -- да -- ло -- е на -- ше вре -- мя зо -- ло --

то -- е жизнь раз -- доль -- е у -- да -- ло --

е на -- ше вре -- мя зо -- ло -- то -- е.

20. На прїздъ Е. В. Наслѣдника Цесаревича въ станицу Слѣпцовскую.*

Весело

Съ кра - енъ по - лу - но - чи на пол - день да -

ле - кій мо - гу - чій Дер - жавн - ный О - рель при - ле - тѣль

У - ра у - ра Ве - ли - ко - му Ца - рю у -

ра у - ра Те - бѣ Бо - га - ты - рю у - ра на - дежда

слав-ныхъ дней у - ра и ра - тво - ей. всей семь ---

Вариантъ.

Умѣренно.

Съ кра - евѣ по - лу --- но - чи на пол --- день да - ле - кій

Мо - гу - чій Дер - жав - ний О - релъ при - ле - тѣль.

21. Привѣтъ Августѣйшему Атаману Наслѣднику Цесаревичу.*

Умѣренно

Те - бя мы жда - ли круг - лый годъ и

жда - ли съсиль - нымъ не - тер - лѣнь - емъ сынь от - ца - къ се - бѣ не

таѣтъ

ждеть съ та — ждѣть не встре-титъ вос-хи — ценъ — емъ такъ

сынъ отца — къ се — бѣ не — ждѣть съ та — кимъ не — встре-титъ вос-хи — щень-емъ.

Вариантъ.

Умеренно, плавно.

Те — бя мы жда — ли круг — ли годъ

и жда — ли съ сьль — нымъ не — тер — лъ —

нъмъ Такъ сынгъ от — ца късе — бѣ не — ждетъ съ та — кимъ

не встрѣ — тить вос — хи — ще — ньемъ.

22. Привѣтъ Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу въ 1855 г.*

Весело.

Въи — це — но — сець нашъ Дер — жав — ный

мы слѣ — шимъ къте — бѣ съ моль — бой

и къ пре-сто-лу
 пред-ковъ сла-в-ныхъ
 всѣ спо-кор-ной
 го-ло-вой.

Вариантъ.

Умѣренно, плавно.

Вън - це - но - сецъ нашъ Дер - жав - ный мы
 епѣ - шимъ къ те - бѣ съ моль - бой и къ пре - сто - лу
 пред - ковъ сла-в-ныхъ всѣ спо-кор-ной

Го — ло — вой и къ пре — сто — лу пред — ковь

P

слав — ныхъ всѣ ло — кор — ной Го — ло — вой.

23. Генералу Фези.*

Умѣренно.

Загѣвъ. Го — ре намъ Фе — зи къ намъ съ вой — скожь стре —

мит — ся Гдѣ бм намъ какъ бм намъ брат — цы у — крыть — ся

ХОРЪ

Де-ла - лай
 де -- ла
 де -- ла
 де -- ла
 лай

Г'дѣ бы намъ
 какъ бы намъ
 браг -- цы у --
 крыгь-ся.

Вариантъ.

Го-ре намъ
 Фе-зи къ намъ
 съ вой -- скомъ стре --
 мит -- ся.

Гдѣ бы намъ какъ бы намъ брат — цы

у — крытъ — ся Де — ла — — лай де — ла — — лай

Гдѣ бы намъ какъ бы намъ брат — цы у — крытъ — ся

24. Привѣтъ князю Воронцову.*

Бодро.

у — ра князь Бо — рон — цовъ у — ра мы дѣ — ти тво —

и при-вѣт-ству-емъ те-бя у-ра у-ра у-ра! Вотъ мы до-

жи-ли до-отъ душев-ви-димъ вновь о-нять те-бя

на -- го вос -- тор -- га
 про -- кри -- чимъ
 о -- лять у -- ра!

Detailed description: This is the first system of a musical score. It consists of two staves: a treble clef staff on top and a bass clef staff on the bottom. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is common time (C). The melody is written in the treble staff, and the bass line is in the bass staff. The lyrics are written below the notes. There are some square boxes around certain notes in the treble staff, possibly indicating fingerings or specific articulations.

25. Бой за р. Аргунюмъ.*

Весело.

Эй сун -- жен -- цы
 мо -- лод -- цы
 вспо -- мнимъ какъ не
 дав -- но

Detailed description: This is the second system of the musical score. It continues with two staves (treble and bass clef). The key signature remains one sharp (F#) and the time signature is common time (C). The melody continues in the treble staff, and the bass line continues in the bass staff. The lyrics are written below the notes. There are square boxes around some notes in the treble staff, similar to the first system.

26. Пѣсня терцевъ про Аргуня.*

Бойко.

Запѣвъ.

Брат - цы тер - цы намъ не труд - но

про Ар - гуня пѣс - ню сло - жнть Брат - цы тер - цы

намъ не труд - но про Ар - гуня пѣс - ню сло - жнть

ХОРЪ.

Слав - но ре - бя - та слав - но тер - цы

бра - во бра - во мо - лод - цы мо - лод - цы

27. Генералу Круковскому.*

Умѣренно.

Вдругъ у - да - риль громъ изъ пу-шекъ три дня сря - ду ту - манъ быль

Подъ за валь мы под-сту па ли ге-не - раль Кру-ков-скій былъ.

Вариантъ.

Умѣренно.

Вдругъ у - да - риль громъ изъ пу - шекъ
три дня еря - ду ту - манъ былъ Подъ за - валь мы
под - сту - па - ли ге - не - раль Кру - ков - ский былъ.

28. Генералу Врангелю.

Умеренно.

Мы Ша - ми - ля
об - мо - та - ли
слю - вомъ мол - вить
хоть ку - да

и а - у - ловъ
мно - го възя - ли
а ужъ са - кель
без - дна тьма.

29. Бой подь Назраномъ.*

Бойко.

Вспо — мнимъ брат — цы мы бы — ло — е какъ на — Сун — жъ безъ во —

Загъвъ.

ды мы сто — я — ли су — токъ тро — е до — жи — да — ли — ся ор — ды

ХОРЪ.

Гре — мить сла — ва тру — бой мы дра — ли — ся врагъ съ то —

бой по го — расть тво — имъ Кав — казь раз — да — лась сла — ва объ — нась.

30. Бой (Шамиль) подъ мр. Грозной.*

Весело.

Сре — ди бѣ — ла — го дня взвол — но — ва — ла — ся Чеч — ня кру — ты.

гро — ры про — хо — ди — ли и гро — з — ной под — хо — ди — ли.

31. На прїѣздъ кн. Барятинскаго въ ст. Слѣпцовскую.*

Весело.

Сбылось все обещанье — лань — е мы слышали при — казь что

ты по царско-му при — званью — ю воз — дель те — перь у насъ.

Вариант: Дай Богъ начальствовать надъ нами

Дай Богъ на-чатьст - во - вать надъ на --- ми те бѣ на мно - го лѣтъ.

3/4

Detailed description: This is the first system of a musical score. It consists of two staves: a treble clef staff on top and a bass clef staff on the bottom. The key signature has one sharp (F#). The time signature is 3/4. The melody is written in the treble staff, and the bass line is in the bass staff. The lyrics are written below the staves. A circled '3' above the first measure of the treble staff indicates a triplet. There is a square box around the first two notes of the treble staff.

Буль въ сла -- въ счаст - ливъ съ ка -- за ка --- ми при ми отъ насъ при -- вѣтъ.

3/4

Detailed description: This is the second system of the musical score. It continues from the first system with two staves (treble and bass clef). The key signature remains one sharp (F#) and the time signature is 3/4. The melody continues in the treble staff, and the bass line continues in the bass staff. The lyrics are written below the staves. A circled '3' above the first measure of the treble staff indicates a triplet.

33. Къ чеченцамъ.*

Весело.

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем нот. Первая система имеет ключевую сигнатуру G major (одна диэза) и метр 2/4. Вторая система имеет ключевую сигнатуру D major (две диэзы) и метр 2/4. В каждой системе есть две стaves: верхняя — для мелодии, нижняя — для басовой линии. Текст песни расположен между стaves.

Для че-го кри —
Ты сча-сливъ что

чишь та-та-ринь
не бо-я-ринь

льс-ни А-зі —
че-ло-вѣкъ по —

и глу-пой
лу-ди-кой

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем нот. Первая система имеет ключевую сигнатуру G major (одна диэза) и метр 2/4. Вторая система имеет ключевую сигнатуру D major (две диэзы) и метр 2/4. В каждой системе есть две стaves: верхняя — для мелодии, нижняя — для басовой линии. Текст песни расположен между стaves.

За чѣмъ изъ ль —
пѣс-ню во-ешь

су слу-чай-но
а самъ тай-но

вдоль по бе-реж —
на гла-за до —

ку прой-дешь.
бы-чу ждешь.

Вариантъ.

Скоро.

Для че-го кри-чишь та-та-ринъ пѣс-ни А-зі-и глу-лой?
Ты счаст-ливъ что не бо-я-ринъ че-ло-вѣкъ по-лу-ди-кой.

34. Привѣтъ Ихъ И. В. Наслѣднику Цесаревичу и В. Кн. Михаилу Николаевичу*.

Весело.

Днеъ воз-сі-ялъ свѣтъ въ го-су-дар-ствѣ

Рос-сі-я ста-ла въсла-вѣ-жить

Нѣтъ битвъ и нѣтъ то — го ктобъ въ ра — ствѣ

Такъ что же намъ о чень ту — жить. 1. 2. жить.

ПѢСНИ СТАНИЦЫ НАУРСКОЙ.

ВОЕННО-ВЫТОВАЯ.

№ 1. Ужъ ты, полѣ мое.

Ужъ ты по — ле мо — е по — ле чис — то е ты раз —
доль — — — е степь ши — ро — ка — — — я.

The musical score is written on two staves. The first staff is a vocal line in G-clef, 2/4 time, with lyrics: 'Ужъ ты по — ле мо — е по — ле чис — то е ты раз —'. The second staff is a piano accompaniment in G-clef, 2/4 time, with lyrics: 'доль — — — е степь ши — ро — ка — — — я.' The piano part features a steady eighth-note accompaniment with some chords.

ИСТОРИЧЕСКІЯ.

№ 2. Ахъ, не звѣздочка сіяетъ.

Запѣвъ.

Ахъ не звѣз — доч — ка сі — я — етъ въ под — не — бес — ной вы — ши — нѣ
доб — рый мо — ло — дець взды — ха — етъ ле — жа грудь — ю на ок — нѣ.

The musical score is written on two staves. The first staff is a vocal line in G-clef, 2/4 time, with lyrics: 'Ахъ не звѣз — доч — ка сі — я — етъ въ под — не — бес — ной вы — ши — нѣ'. The second staff is a piano accompaniment in G-clef, 2/4 time, with lyrics: 'доб — рый мо — ло — дець взды — ха — етъ ле — жа грудь — ю на ок — нѣ.' The piano part features a steady eighth-note accompaniment with some chords.

№ 3. Нука вспомните ребята.

Запевъ.

Ну — ко в — сом — ним — те — ре — бя — та какъ сто — я — ли
 какъ не разъ Ход — жи — Му — ра — та
 въ зе — ре — нахъ какъ не разъ Ход — жи — Му — ра — та
 мы — та — ли на — го — рахъ
 1^е 2^е
 1^е 2^е

№ 4. Съ одного конца Кавказа.

Съ од — но — го — кон — ца — Кав — ка — за — на — ко — нець — ару — гой

пер — шат — немъ — мж — сжъ — у — ка — за — гвер — до — ю — но — гой.

№ 5. Вспоминиѣ, братцы, дружно грянемъ.

Оживленно.

Вспом — ниѣ — брат — цы — друж — но — гря — немъ — Тер — Гу — ка — совъ

съ на - ми былъ гар - ни -- зонъ нашъ въ Ба - я -- зе -- тѣ

ат -- та -- ко -- ванъ тур -- комъ былъ.

№ 6. Съ Богомъ, терцы, не робѣя.

Съ Бо - гомъ тер - цы не ро -- бѣ -- я смѣ -- ло въ бой пой - демъ друзь -- я!

Вей - те рѣжь -- те не жа -- лѣ -- я ба - сур - ма - ни на вра - га!

№ 7. Вспомнимъ, терцы, мы про Ловчу.

Вспом-нимъ тер - цы мы про Лов - чу какъ ру - би - ли тур - ковъ гамъ.

Пусть же зна - ютъ ба - сур - ма - ны что не страш - ны о --- ни намъ

Хоръ

Ай - да тер - цы ай - да тер - цы лю - бо бра - во жо -- лод - цы. 2^e цы.

1^e цы. 1^e

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРСТА ПѢСЕНЪ КЪ ИХЪ НАПѢВАНЪ.

Пѣсни станицы Прохладной.

№№ на- пѣвовъ.		Текстъ пѣсень. Стр. Сборн.	№№
1	Не стій, вербо, надъ водою	9—10	3
2	(Ой) великый дворъ	10	4
3	(Ой) Параскына венька передъ Господомъ стоитъ	11	6
4	Ой (да) ходыла Параска по крутій гори	11—12	7
	На мотивъ 4 поется пѣсня: Ой де се ты, Параско, да ходыла?	30	38
5	Де ты, душечко наша, Параско?		
—	Колесомъ, колесомъ сонычко вгору йде.	13	9
6	Де ты, душечко наша, Параско?		
—	Ой, попе, попе, Гордію	13	10
7	Спасыби за дружку	13	8
8	Слала зирочка до мисяца (Сравни. мотивъ 1)	14	11
9	Ой чы у тебе, Васылько.	15	13
10	Чого море грало?	14	12
11	Десь бувъ седезенько	17	14
	На мотивъ 11 поются пѣсни: а) Ой красно, рясно	23	24
	б) Якъ прийихавъ зять	34	45
12	Пипъ винчавъ, не богато взявъ.	19	15
	На мотивъ 12 поется п.: Дружечки, наши голубочки	28	34
13	Да стояла Параска пидъ винцемъ.	19	16
	На мотивъ 13 поется (только медленнѣе) п.: Ой татарынь, братику, татарынь.	26	28
14	Не признала маты своёго дытяти	20	18
	На мотивъ 14 поются п.: а) Ой брязнуды ключи.	20	19
	б) Нызомъ, бояры, нызомъ	21	23
15	Мы дружечку любимъ.	21	20
	На мотивъ 15 поется п.: Мы въ (у) дружечки булы.	21	22
16	До дружкы—до подружкы	21	21
17	Найшовъ дружко дружку (Сравни. мотивъ 15)	24	25

22	Привѣтъ Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу въ 1855 году * (съ вариантомъ)	111—112	20
23	Генералу Фези * (съ вариантомъ)	113—114	21
24	Привѣтъ князю Воронцову *	114—115	22
25	Бой за р. Аргуномъ * (съ вариантомъ)	115—117	23
26	Пѣсня терцевъ про р. Аргунъ *	117—119	24
27	Генералу Круковскому * (съ вариантомъ)	119—120	25
28	Генералу Врангелю *	124—125	28
29	Бой подъ Назраномъ *	126—129	29
30	Бой (Шамиль) подъ кр. Грозной *	129—130	30
31	На прїѣздъ кн. Барятинскаго въ станицу Слѣп- цовскую * (съ вариантомъ)	130—132	31
32	Князю Барятинскому, на раззореніе аула Акинъ- юрта *	132—133	32
33	(Къ) чеченцамъ * (съ вариантомъ)	133—135	33
34	Привѣтъ Ихъ И. В. Цесаревичу и В. К. Ми- хаилу Николаевичу *	138—139	35

Пѣсни станицы Наурской.

1	Ужъ ты, поле мое.	199	8
2	Ахъ, не звѣздочка сіяетъ.	209	6
3	Ну-ка, вспомните, ребята *	209—211	7
4	Съ одного конца Кавказа.	215—217	10
5	Вспомнимъ, братцы, дружно грянемъ.	221—223	16
6	Съ Богомъ, терцы, не робѣя	223—224	17
7	Вспомнимъ, терцы, мы про Ловчу	224—226	18

Примѣчаніе: Знакомъ * отмѣчены пѣсни, мотивы которыхъ существуютъ уже въ печати. См. въ „Сборникѣ“, на стр. 77, примѣч. **) и на стр. 211, примѣч. **).

ОТДѢЛЪ II.

СКАЗКИ,

записанныя въ станицѣ Слѣпцовой,

Владикавказскаго округа Терекской области.

Отъ собирателя сказокъ.

Собираніе сказокъ въ станицѣ—дѣло не легкое. Не безъ труда удастся разыскать *настоящаго*, рѣчистаго, сказочника, такъ какъ не всякій, слышавшій отъ кого-нибудь любопытную сказку, сумѣетъ вамъ ее передать: „памяти на это нѣтъ“. Не менѣе трудно вызвать въ сказочникѣ словоохотливость: нужно умѣть подойти къ нему, поддѣлаться подъ его нравъ и тонъ, сблизиться съ нимъ, войти въ довѣріе. Лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для того, чтобы развязать ему языкъ, расшевелить его, служить умѣнье угостить его хорошенько и задѣть его слабую ораторскую струнку. Но если вамъ и удалось такимъ образомъ расположить къ себѣ рассказчика, то не льстите еще себя увѣренностью, что онъ сейчасъ выложитъ вамъ весь свой сказочный запасъ; имѣйте терпѣніе: не такъ скоро у слѣпцовскаго казака сказка сказывается. Обыкновенно, онъ начинаетъ дѣло съ мелочей и пустяковъ, вовсе для васъ не интересныхъ, какъ бы нехотя, лѣнливо разминается, готовится къ чему-то важному. Вы предугадываете это и дѣлаете видъ, что заинтересованы его рѣсказнями; не упустите только случая подлить *масла* въ огонь—и тогда только слушайте: изъ устъ мастера-сказочника полетѣтъ рѣчь, и вы услышите сказку, а не то двѣ и три со всѣми деталь-

ными прелестями. Рѣдко, но удается нападать и на такихъ искусниковъ своего дѣла, у которыхъ сказки какъ будто заучены, отлились въ размѣренную форму; у такихъ мастеровъ-сказачниковъ—что ни слово, то—риема, умѣнье рассказывать бойко, *складно* изумляетъ васъ.

Не такъ сказочникъ тутъ на языкъ среди своихъ собратовъ, особенно молодежи—большихъ любителей послушать знатока любопытныхъ сказокъ и мастера рассказывать ихъ складно. Самое удобное время и мѣсто для забавъ сказками—время уборки сѣнокоса и хлѣба, пора *страдная* въ полѣ. Весь рабочій людъ станицы, отъ мала до велика, въ эту пору не только остается въ полѣ и на сѣнокосѣ ночевать, но даже безвыѣздно проводитъ тамъ всю страду, не исключая и праздничныхъ дней. Досуги праздничные и ежедневные передъ вечернимъ сномъ, ненастье, прерывающее работы на болѣе или менѣе продолжительное время, были бы для рабочихъ людей несносною тяжестью, скукою, если бы всякій разъ не являлся забавникъ съ значительнымъ запасомъ сказокъ. Кроме того, сказка является на сцену и тогда, когда какой-нибудь случай въ досуговое время сведетъ нѣсколькихъ казаковъ вмѣстѣ, но непременно въ полѣ или на ночлегѣ въ лѣсу, или въ дорогѣ. Время проходитъ тѣмъ веселѣе, чѣмъ новѣе сказки и чѣмъ складнѣе и развязнѣе онѣ рассказываются. Пользующійся въ своемъ кругу извѣстностью удалаго рассказчика тутъ развязываетъ совершенно свой языкъ, вставляя по временамъ нецензурныя изреченія, возбуждающія общій хохотъ и вниманіе слушателей, и даетъ полную волю своей фантазіи. Иной разъ слушателямъ приходится слышать уже знакомую сказку; но она въ устахъ мастера-рассказчика снабжается новыми варіаціями, и дѣлается не менѣе любопытною, интересной сказкой, чѣмъ новая.

Приноравливаясь къ своимъ слушателямъ, рассказчикъ въ выборѣ сказокъ держится обыкновенно такого порядка:

сначала онъ услаждаетъ сказками длинными, сповойно-повѣствовательными, солидными; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ слушатели начинаютъ утомляться, онъ для освѣженія ихъ и для возбужденія вниманія смѣняетъ ихъ сказками покороче и вмѣстѣ съ тѣмъ игривѣе, далѣе у него идутъ сказки смѣшныя, съ крѣпкими, забористыми словами, и заканчиваются сказками: „Не любо—не слушай“.

1. Сказка о трехъ братьяхъ-царевичахъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жияъ —былъ царь. У этого царя было три сына-царевича: про двухъ старшихъ говорили, что они—умные-разумные, а про третьяго, самаго меньшаго, думали, что онъ—дуракъ. Младшаго звали Иваномъ-царевичемъ. Была у царя и дочь-царевна, маленькая, еще въ люлькѣ лежала.

Былъ у царя садъ богатѣйшій, славный садъ, да такой большой, что, кажется, и конца-брая ему не было; въ саду росло одно дерево съ золотыми райскими яблочками. Это дерево царь берегъ пуще своего глаза. Вотъ разъ доглядываютъ царю: такъ и такъ, неизвѣстно и невѣдомо кто по ночамъ поѣдаетъ яблони съ того дерева, и не столько поѣдаетъ, сколько обиваетъ. Что тутъ дѣлать? Послалъ царь караулить то дерево оцнаго сына, послалъ другого, послалъ разъ, послалъ два раза. „Нѣтъ“, говорятъ царю старшіе сыновья, „не видали, не подсмотрѣли вора“. А между тѣмъ, каждое утро, какъ придутъ подъ то дерево, такъ и увидятъ, что яблочки столько подъ деревомъ набито, что хоть лопатой гребн. Оказія! Вызвался итти въ садъ караулить то дерево меньшій сынъ царя, дуракъ Иванъ-царевичъ. Пришелъ онъ въ садъ, легъ на навозную кучу, весь колючками да репейникомъ обложился, сидитъ, не спитъ, ночи до-

ждается. Ждать пришлось не долго. Прилетает ночью въ садъ птица огромнѣйшая; садеть на одно дерево, садеть на другое, взмахнетъ однимъ крыломъ, взмахнетъ другимъ—листъ съ деревьевъ такъ и сыплется. Вотъ перелетѣла она и на то дерево, подѣ какимъ былъ Иванъ-царевичъ, съ-ла и стала золотыя яблоки ѣсть, да не столько ѣсть, сколько обиваетъ. Иванъ-царевичъ прицѣлился и пустилъ въ нее стрѣлу. Птица забила, затрепыхалась—улетѣла. Дождася Иванъ-царевичъ утра, смотритъ—анъ подѣ деревомъ кровь: капля одна, другая, третья. Смотритъ дальше: палецъ мизинный валяется—стрѣлой, значить, отшибъ. Вотъ Иванъ-царевичъ и пошелъ по кровавому слѣду; идетъ, куда капли крови ведутъ. Такъ дошелъ онъ до своего дворца-терема, поднялся на высокое крылечко. „Что-за оказiя!“ думаетъ Иванъ-царевичъ: „какой такой это воръ проявился, что слѣдъ внутрь терема идетъ? Надо посмотрѣть, что дальше будетъ“. Растворилъ двери, заглянулъ въ теремъ—кровь, кровь и кровь, капля за каплей. Онъ перешагнулъ черезъ одну комнату, чрезъ другую—слѣдъ привелъ его въ спальню маленькой его сестры и кончился у самой люльки, гдѣ сестренка лежала. Сестренка-то эта, надобно сказать, была волшебница; ужъ какая тамъ волшебница, въ точности неизвѣстно, да только чернымъ дѣломъ по ночамъ она занималась. Долго не думая, царевичъ бросился къ малюткѣ, развернулъ на ней пеленки, глядъ—анъ у сестрени на одной рукѣ мизинца нѣтъ, какъ бы отбить чѣмъ, и рука вся—въ крови. А это онъ ей стрѣлой отбилъ въ саду, какъ прилетала она туда птицей.

На утро царь спрашиваетъ меньшаго сына: „что, Иванъ, садъ нашъ?“

— „Да что, батюшка“, говоритъ Иванъ-царевичъ: „или мнѣ съ вами жить одному безъ нашей сестры, или ей при васъ безъ меня, а только намъ обоимъ здѣсь не житье“.

— „Почему такъ?“ спрашиваетъ царь.

— Такъ и такъ, объясняетъ Иванъ-царевичъ.

— „Не вѣрно, не можетъ быть“, говоритъ царь; однако же подошелъ къ люлькѣ, осмотрѣлъ свою дочь, видитъ— правда. „Ну что же мы теперь будемъ дѣлать, Иванъ?“ спрашиваетъ онъ сына: „какъ быть?“

— „Да такъ, батюшка“, говоритъ Иванъ-царевичъ: „дѣлать одно выходитъ: коли сестру убьете—буду я съ вами жить, не убьете—уйду отъ васъ, куда глаза глядятъ“.

— „Нѣтъ“, говоритъ царь: „свою родную дочь я убивать не стану. Если такъ, уходи отъ насъ самъ на всѣ четыре стороны“.

— „Ну что жъ“, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: „если такъ, то и такъ. Только лошадеку мнѣ дайте какую-нибудь на дорогу“.

— „Лошадеку возьми“, говоритъ царь: „развѣ у насъ малъ *косякъ*? *) возьми *арканъ* **) да самъ и иди къ косяку; на какую лошадь петлю накиннешь, та твоя и будетъ“.

Иванъ-царевичъ распрощался съ отцомъ и братьями, взялъ арканъ, отправился къ косяку, накинулъ петлю, и попалась ему самая что-ни-на-есть дрянная лошадека: вся въ *шелудяхъ* ***), бока потерты, спина вся въ язвахъ, хвостъ да грива—въ *репейникѣ*, *куделя-куделей* ****). На этой лошади царскіе пастухи день и ночь царскій косякъ стерегли. Иванъ-царевичъ сѣлъ на этого коня и отправился своимъ путемъ-дорогой; ѣдетъ, куда конь ведетъ. Ъхалъ онъ не мало, не много, можетъ-быть, сутки, можетъ-быть, годъ

*) *Косякъ* (волжск., касп.)—табунъ; такъ называется и отдѣльный приплодъ табуна: жеребецъ со своими кобылами и жеребятками „Толков. слов. выкр. жив. яз.“ Далъ, Ч. II, стр. 783. *Ред.*

**) *Арканъ*—веревка съ петлей для ловли лошадей въ степи. Тамъ же, Ч. I, стр. 20. *Ред.*

***) *Шелуды*—болѣзнь на скотѣ въ видѣ струщевъ, короста. Тамъ же, Ч. IV, стр. 574. *Ред.*

****) *Куделя*—пучокъ шерсти (льну, пеньку), приготовленной для пряжи. Тамъ же, Ч. II, стр. 816. *Ред.*

и подѣзжаетъ къ одному дубу, большому да высокому дубу. „Ну“, говоритъ конь Ивану-царевичу, „сдери-ка ты, царевичъ, съ этого дуба всю кору, сожги ее, а золу размечи вотъ тутъ по дорогѣ; поваляюсь-ка я въ этой золѣ: что-то бока да спина больно чешутся“. Иванъ-царевичъ такъ и сдѣлалъ. Конь съ боку на бокъ повалялся, всталъ, отряхнулся и говоритъ Ивану-царевичу: „ну, царевичъ, теперь поѣдемъ дальше“. Поѣхали. Подѣхали они къ одному большому озеру, а вода въ немъ—что твой хрусталь. Конь и говоритъ опять Ивану-царевичу: „вотъ что, царевичъ, дай-ка-сь я покупаюсь въ этомъ озерѣ, не полегчаетъ ли мнѣ: что-то зудъ большой слышу во всемъ тѣлѣ; да встати наскреби съ меня золы горсточку и завяжи въ край полы кафтана: послѣ тебѣ пригодится“. Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня, стащилъ съ него узду, какая на немъ была, набралъ-наскребъ золы съ коня и завязалъ ту золу въ край полы своего кафтана, а потомъ сталъ смотрѣть, какъ конь его купается, полощется. Выкупался конь, выскочилъ на берегъ, а Иванъ-царевичъ какъ взглянулъ на него—не узналъ: такой онъ сталъ красивый да статный, что царю не стыдно сѣсть. „Ну“, говоритъ тогда конь Ивану-царевичу, „теперь, царевичъ, обмочи свой узелокъ съ золой въ этой водѣ, садись на меня да покрѣпче держись“. И они полегѣли. Поля и луга, лѣса и моря только позади знай уснѣваютъ оставаться. Проѣхали они не одно царство, не одно государство, наконецъ, завидѣли иную землю; на той землѣ по лугамъ ходитъ косякъ лошадей, такой большой, что, на худой конецъ, дней пять ѣхать по немъ и не проѣхать. „Вотъ что, царевичъ“, говоритъ конь: „я здѣсь останусь, а ты сходи къ пастухамъ и развѣдай про косякъ, какого царя онъ есть“. Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня и пошелъ; добрелъ онъ до косяка, обшелъ вокругъ него—нѣтъ, не видать нигдѣ пастуховъ. Хотѣлъ было онъ уже ни съ чѣмъ обратно итти къ своему коню, какъ вдругъ увидалъ на пригорѣхъ пастуха;

сидитъ онъ весь въ изорванной одеждѣ, въ дырявой обуви. Иванъ-царевичъ подошелъ къ нему и спрашиваетъ: „кто ты есть, добрый человѣкъ?“

— „Царскій пастухъ“.

— „А какого царя этотъ косякъ?“

— „Такого и такого-то“.

— „Сколько же васъ человѣкъ стерегутъ этотъ косякъ?“

— „Я одинъ“.

— „Да какъ же ты одинъ управляешься?“

— „Я его, косякъ-то, гляди, и не стерегу самъ: у меня есть въ косякѣ старая-престарая, дрянная-предряпная кобыла; она-то и стережетъ за меня. Самъ выучилъ. Какъ крикну я на нее: „эй, старо-сиво-кривобокая кобыла, дѣлай то-то!“ и она дѣлаетъ, „гони коней туда-то!“ и она гонитъ. Гдѣ заввернуть, гдѣ подвернуть—все сама сможетъ. А какъ гнать вечеромъ косякъ домой, я и крикну на нее: „эй, старо-сиво-кривобокая кобыла, гони лошадей домой!“ и она гонитъ одна. А пригнавши ко двору, тоже на нее крикну: „эй, старо-сиво-кривобокая кобыла, гони коней во дворъ!“ и она вгонитъ весь косякъ сама во дворъ“.

Иванъ-царевичъ пришелъ къ своему коню и разсказалъ ему, что разузналъ отъ пастуха. Конь и говоритъ: „ну вотъ что, Иванъ-царевичъ: съ этого часа, съ этого дня слушай и дѣлай, что я буду тебя приказывать. Иди ты теперь къ этому косяку, убей пастуха да надѣнь на себя все его платье; придетъ вечеръ, ты иди за косякомъ; онъ и приведетъ тебя къ тому мѣсту, гдѣ царь *изнѣй* живетъ; а обо мнѣ не печалься: всегда тебя сыщу, когда нужно будетъ“. Иванъ-царевичъ такъ и сдѣлалъ. Пошелъ одинъ къ косяку, убилъ пастуха-табунщика, переодѣлся въ его платье, лицо и руки запачкалъ въ грязь, чтобъ не узнали его, и ждетъ-поджидаетъ вечера, чтобъ косякъ гнать домой. Какъ только наступилъ вечеръ, онъ собрался гнать косякъ, да только хотѣлъ крикнуть: „эй, старо-

сиво-кривобокая кобыла, гони коней домой!" да и забылъ, какъ нужно было связать, чтобъ кобыла его послушалась. Хотѣлъ было такъ гнать—кобыла не пускаетъ. А кони видятъ, что дѣло не ладно, сбились въ кучу, мечутся, какъ угорѣлые, копытами землю взрываютъ. Что тутъ дѣлать? бѣда да и только. Къ счастью, попалась на глаза Ивану-царевичу та самая кобыла. Припомнилъ онъ, какъ слѣдовало ему сказать, крикнулъ на кобылу, и косякъ понесся домой, что есть духу, а Иванъ-царевичъ—слѣдомъ за нимъ, смотреть, куда табунъ его приведетъ. Вотъ видитъ Иванъ-царевичъ: кони остановились передъ большимъ теремомъ; около терема—обширный дворъ, а во дворъ ведутъ трое воротъ. Иванъ-царевичъ опять хотѣлъ было крикнуть на кобылу: „эй, старо-сиво-кривобокая кобыла, гони коней во дворъ!" да и забылъ, какъ нужно сказать. И такъ, и сякъ сталъ Иванъ-царевичъ вгонять во дворъ коней—нѣтъ, не идутъ, стоятъ, какъ вкопаныя, другъ объ друга трутся. А на крылечѣ царскаго терема тѣмъ временемъ стоятъ три дѣвицы-красавицы, всѣ три—царскія дочери. Одна изъ нихъ, самая младшая, и говоритъ: „сестрицы, что это значить? никакъ нашъ пастухъ съ ума спятилъ: не въ тѣ ворота лошадей гонить". А Иванъ-царевичъ тѣмъ часомъ опомнился, крикнулъ на кобылу, какъ нужно было, и весь косякъ съ великимъ громомъ и шумомъ вбѣжалъ въ царю во дворъ. Отъ сумятицы въ воротахъ не мало было на смерть задавлено молодыхъ жеребяткохъ, за что Ивану-царевичу больно досталось отъ старшаго царскаго конюха. Переночевавъ Иванъ-царевичъ кое-какъ ночь на царскомъ дворѣ, гдѣ-то въ грязномъ-прегрязномъ закутѣ, вмѣстѣ съ царскими свиньями и поросятами. Раннимъ утромъ, чуть зорька, онъ растворилъ ворота, спустилъ тихо косякъ со двора и, получивъ отъ главнаго царскаго конюха дневную краюху хлѣба да щепотку соли, побѣжалъ слѣдомъ за своимъ косякомъ на далекіе зеленые луга.

Такъ-то жилъ да служилъ Иванъ-царевичъ пастухомъ у царя. Пасетъ онъ царскій косякъ день, пасетъ другой, пасетъ годъ, а можетъ-быть, и того больше; только какъ онъ ни скрывался, какъ ни старался поповдѣе косякъ пригнать домой къ царю, лицо, руки въ грязь обмазывать, однако самая меньшая царская дочь какъ-то успѣла подсмотрѣть, что онъ—не какой-нибудь простой пастухъ, а царскій сынъ. Вотъ разъ Иванъ-царевичъ пригналъ царскій табунъ позже обыкновеннаго, поужиналъ, что дали ему, да и хотѣлъ уже было тити завалиться спать, какъ вдругъ слышитъ—двое молодыхъ конюховъ о чемъ-то между собою черезъ кулакъ шепчутся. Иванъ-царевичъ прислушался.

— „Нынѣ вечеромъ, слышь, у нашего царя-батюшки большой пирь-праздникъ будетъ“, говоритъ одинъ изъ конюховъ: „къ нашему царю-государю понаѣхало видимо-невидимо царевичей-жениховъ сватать его дочерей“.

— „А что?“ отвѣчаетъ другой конюхъ: „пойдемъ въ царскіе хоромы, гляди, и намъ поднесутъ пива-меду ставанъ. Только вотъ какъ бы старшой насъ не запримѣтилъ“.

— „Нѣтъ“, говоритъ первый, „не увидитъ“. И молодые конюхи пошли къ царю во дворецъ. Иванъ-царевичъ тоже, ради веселья, пошелся за ними: „семъ-ка пойду, посмотрю-полюбуюся, что тамъ такое есть“. Вотъ вопли конюхи къ царю во дворецъ, въ большую-пребольшую горницу, и сѣли на лавочкѣ около порога. Иванъ-царевичъ—слѣдомъ за ними да и остался въ сѣнцахъ. Посмотрѣлъ онъ на царскихъ гостей въ щелку дверей и диву дался: на высокомъ тронѣ-креслѣ сидитъ царь съ царицей, по бокамъ ихъ—дочери; вокругъ снуютъ вельможные люди всякіе, въ какихъ нарядахъ, въ какихъ платьяхъ—диво! за столами въ три ряда сидятъ царскіе женихи, все богатыри-царевичи, одинъ одного красивѣе, одинъ одного знатнѣе. Гостей вванныхъ и незванныхъ—полна горница. Кругомъ огни всякіе горятъ: и на столахъ, и по

стѣнамъ, и на овошкѣхъ. Молодцы медъ-пиво пьютъ, другъ съ другомъ рѣчи ведутъ, угощаются, силой да удалью похваляются. Слуги только успѣвають разносить всякія кушанья рѣдкія да питье по столамъ. Шумъ, гамъ такъ ходенемъ и ходитъ. Ивану-царевичу виденъ только одинъ край горницы. Смотритъ онъ и видитъ: его два старшіе брата-царевича тоже за столами сидятъ, женихами въ царю пріѣхали, въ царскимъ дочерямъ приглядываются да присматриваются, вмѣстѣ съ другими царевичами къ нимъ присватываются.

Вотъ кончился пиръ. Всѣ гости изъ-за столовъ повышли. Всталъ и царь съ царицею; подошелъ царь къ женихамъ и говоритъ: „ну, гости мои милые, гости неаванные, кому изъ васъ каждая изъ трехъ моихъ дочерей поднесетъ три раза стаканъ вина сряду, тотъ и будетъ ея суженый“. Пошла между женихами со стаканомъ въ рукѣ старшая царская дочь, за ней пошла средняя, и каждая выбрала себѣ по молодцу, обѣ сестры выбрали себѣ въ мужья братьевъ Ивана-царевича. Дошла очередь и до младшей сестры. Наливаетъ ей также царь изъ своихъ рукъ полный стаканъ вина. Обошла царевна разъ со стаканомъ въ рукѣ всѣхъ жениховъ, обошла другой разъ и третій, и никому тотъ стаканъ изъ молодыхъ-царевичей не поднесла. Всѣ гости улыбнулись, зашумѣли, задвигались. Тутъ царь и говоритъ: „ну, что же, дочь моя милая, дочь любимая, видно, судьба твоя такая; кончи-ва теперь себѣ жениха между слугами моими вѣрными, коли адѣсь по сердцу не наша“. И младшая царская дочь пошла со стаканомъ въ сѣни. А тамъ, за дверями, въ то время стоялъ въ одеждѣ пастуха Иванъ-царевичъ и смотрѣлъ однимъ глазомъ въ дверную щелку. Царевна и поднесла ему тутъ стаканъ вина, поднесла и другой, и такъ до трехъ разъ сряду. Тутъ всѣ женихи-царевичи всполошились; царь даже подпрыгнулъ на мѣстѣ, стоя рядомъ съ царицею; гости всѣ до одинаго захлопали въ ладоши; всѣ кричатъ младшей ца-

ревнѣ: „а ну-ну, покажи намъ, какого сокола ты себѣ подхватила—выбрала!“ Царевна взяла за правую руку Ивана-царевича и ввела его къ гостямъ въ царскіе хоромы. Всѣ такъ и ахнули. Иванъ-царевичъ выглянулъ настоящимъ пастухомъ: одѣтъ куда какъ плохо, и пахло отъ него чѣмъ-то дурнымъ. Однакожь дѣлать нечего: такой ужъ уговоръ былъ; пришлось царю выдать свою дочь замужъ за Ивана-царевича.

Вотъ поженились всѣ три брата-царевича на царскихъ дочеряхъ, всѣ трое при царѣ живутъ; старшіе братья живутъ да потѣшаются и со своимъ братомъ совсѣмъ не знаютъ. Пожили такъ старшіе царскіе зятя много или мало времени, можетъ-быть, годъ, а можетъ-быть, и больше. Призываетъ разъ ихъ къ себѣ царь и говоритъ: „ну, зятя мои милые, зятя любимые, поѣзжайте вы туда-то и туда-то, привезите вы мнѣ къ такому-то дню, къ такому-то часу пѣтушка съ золотымъ гребешкомъ; не привезете—быть бѣдѣ великой“.

Старшіе царскіе зятя, братья Ивана-царевича, сѣли на коней и поѣхали, куда—сами того не знаютъ. Ужъ они ѣздили-ѣздили, искали-искали, назадъ съ пустыми руками придется къ царю-тестю ворочаться. Не знаютъ и не вѣдаютъ они, въ какихъ лѣсахъ, въ какихъ поляхъ водится эта удивительная птица, пѣтушокъ—золотой гребешокъ. Иванъ-царевичъ тоже въ слѣдъ за своими братьями поѣхалъ. Вышелъ онъ изъ царскаго дворца, увидаль на *высоки* чью-то старую престарую клячу—еле ноги волочить, сѣлъ на нее, раза два ожарилъ по бокамъ дубиной, она и затрухала. Отѣхалъ онъ отъ царскаго дворца версты съ двѣ, слѣвъ съ лошади, схватилъ ее за хвостъ, дернулъ, что есть мочи, содралъ съ живой всю шкуру, повѣсилъ шкуру здѣсь же на дерево просушить и крикнулъ: „эй, сороки, вороны, вотъ—вамъ живое мясо!“ Поналетѣли сороки, вороны, что мухи, лошадь облѣпили, деруть съ нея мясо, а она стоитъ, хвостомъ помакиваетъ. Встрѣтилъ тутъ Иванъ-царевичъ своего коня и говорить:

„такъ и такъ, конь мой любимый: велѣлъ царь безпрѣмѣнно достать ему такую-то птицу; какъ быть?“

— „Ничего“, отвѣчаетъ конь Ивану-царевичу: „это—не служба, а только службица, служба будетъ впереди; садись-ка теперъ на меня“.

Вскочилъ тутъ Иванъ-царевичъ на своего коня, сѣлъ на него *охлабкой* *) и былъ таковъ. Принесъ его конь въ ту землю, гдѣ водились пѣтушки съ золотыми гребешками. Поймалъ Иванъ-царевичъ одного пѣтушка, сѣлъ и поѣхалъ обратно. Ъхалъ долго, ѡхалъ шибко; усталъ конь, истомился; захотѣлось спать и Ивану-царевичу. Выбралъ онъ для ночлега душистый зеленый лугъ, такой зеленый да чистый, что по немъ, кажется, никогда ничья живая нога не ступала человѣческая, и залегъ спать на цѣлые три дня. Тутъ его братья повстрѣчали, узнать такъ не узнали и спрашиваютъ про пѣтушка съ золотымъ гребешкомъ: „эй, добрый человѣкъ, не продашь ли ты намъ эту птичку?“

— „Отчего не продать—продамъ“, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ.

— „А что возьмешь съ насъ за нее?“

— „Да возьму не много—съ каждой вашей руки по мизинцу“.

Братья думали-думали,—и пальцевъ-то имъ жалко, да къ грозному царю-тестю безъ пѣтушка съ золотымъ гребешкомъ ѣхать непристойно, и они порѣшили на томъ, что требовалъ съ нихъ Иванъ-царевичъ; взяли они себѣ рѣдкую заморскую птичку, а младшему брату своему отрѣзали по мизинцу съ каждой руки. Иванъ-царевичъ оставилъ пальцы при себѣ. Братья поѣхали своей дорогой, а Иванъ-царевичъ—своей.

Пока старшіе зятя везли царю на показъ рѣдкостную птицу, да дѣлали долгіе ночлегъ въ пути, Иванъ-царевичъ

*) *Охлабкой*—безъ сѣдла.

давнымъ-давно опередилъ ихъ. Не доѣхалъ онъ немного до царскаго дворца своего тестя, слѣзъ съ лошади, отпустилъ своего коня на всѣ четыре стороны, а самъ пѣшкомъ пошелъ во дворецъ. Идетъ и видитъ: его ободранная вляча, съ какой сороки да вороны все мясо пощипали, ходить по выгону да пасется. Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ, никто его ни о чемъ не спрашиваетъ, никто съ нимъ и рѣчей не заводитъ.

Немного погода, прѣзжаютъ старшіе зятя. Царь долго дивился на рѣдкую птицу, пожаловалъ своихъ зятьевъ помѣстями и сталъ угощать ихъ дорогими винами. Жена Ивана-царевича и говоритъ своему отцу: „ты бы, батюшка, хоть одинъ стаканчикъ поднеси моему муженьку“. Поднесли вина и Ивану-царевичу. Во время пира царь замѣтилъ, что его старшіе зятя за столомъ перчатокъ съ рукъ не снимаютъ, пьютъ и ѣдятъ въ нихъ. И спрашиваетъ царь у своихъ зятьевъ, что это значить. Тѣ отвѣчали, что дѣлаютъ такъ по обычаю той земли, откуда привезли пѣтушка съ золотымъ гребешкомъ.

Черезъ нѣсколько времени призываетъ опять царь къ себѣ своихъ умныхъ зятьевъ и привязываетъ имъ, чтобы они въ данному сроку привезли ему свинку съ золотой щетинкой. „А гдѣ вы должны сыскать такого звѣря, про то сами должны свѣдать“, сказалъ царь.

Собрались старшіе зятя и уѣхали. Иванъ-царевичъ отправился въ слѣдъ за своими братьями. Онъ опять такимъ же порядкомъ нашелъ не подалеку отъ двора чужую влячу, протрухалъ на ней съ версту, слѣзъ, схватилъ ее за хвостъ, стащилъ съ нея кожу до-чиста, разрубилъ влячу поперекъ на двѣ части, отдалъ ея мясо сорокамъ и воронамъ, повѣсилъ лошадиную кожу на дерево просушиться и сталъ ожидать своего коня. Прибѣжалъ конь; Иванъ-царевичъ опять ему говоритъ: „что дѣлать мнѣ, конь мой милый, конь любимый? приказалъ мнѣ царь достать звѣря, свинку съ золотой щетинкой“.

„Ничего“, отвѣчаетъ конь Ивану-царевичу: „садись-ка на меня да слушай, что я буду тебя привязывать: это— не служба, а службца, служба будетъ впереди“. Сѣлъ тутъ Иванъ-царевичъ на своего коня, и принесъ его конь въ тѣ мѣста, въ тѣ края, гдѣ водились свинки съ золотой щетинкой. Поймалъ Иванъ-царевичъ одну и поѣхалъ обратнымъ путемъ. Заснулъ онъ на дорогѣ, проспалъ безъ малаго семь дней. Братья возвращались съ пустыми руками, встрѣтили и подѣхали къ нему; признать такъ не признали своего брата и стали покупать у него свинку съ золотой щетинкой: „эй, добрый человекъ“, спрашиваютъ, „не продажная ли у тебя эта штука?“

— „Отчего не продажная?“ отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: „купите“.

— „А что возьмешь ты съ насъ двоихъ за нее?“

— „Да возьму не много—съ каждой вашей ноги по мизинцу“.

Какъ тутъ быть? Какъ, однако, ни жались братья, что ни дѣлали, но, зная, что къ грозному царю ни съ чѣмъ нельзя ѣхать, согласились купить у Ивана-царевича свинку. Отдалъ Иванъ-царевичъ своимъ братьямъ звѣря, получилъ съ нихъ плату, съ каждой ноги по мизинцу, и поѣхали братья разными дорогами.

Не доѣхалъ Иванъ-царевичъ до царскаго дворца версты съ три, слѣвъ съ своего коня, отпустилъ его на волю, а самъ пѣшкомъ пошелъ домой. Идетъ и видитъ: одна половина разрубленной имъ влячи, передокъ о двухъ ногахъ, ходитъ по выгону на горѣ, а подъ горою стоитъ задокъ. Иванъ-царевичъ сбѣгалъ на гору, стащилъ передокъ съ горы, приставилъ его къ задку, и вляча срослась.

Пока Иванъ-царевичъ возился съ влячей да явился во дворецъ, царь уже успѣлъ насмотрѣться на свинку съ золотой щетинкой, угощаетъ своихъ зятьевъ старшихъ да слуша-

еть, что тѣ ему рассказываютъ—какихъ трудовъ, какихъ заботъ стоило имъ найти да поймать рѣдкаго звѣря—свинку съ золотой щетинкой. Позвали на радостяхъ къ царю и Ивана-царевича, поднесли отъ нечего дѣлать стаканъ вина и ему. Увидалъ царь, что зятя его сидятъ за столомъ безъ своихъ красныхъ сапоговъ, въ однихъ шелковыхъ чулкахъ, и спросилъ, что это значитъ. Зятя отвѣтили что такъ всѣ дѣлаютъ въ той землѣ, откуда они вывезли свинку съ золотой щетинкой.

Прошло еще не много времени. Призвалъ царь къ себѣ зятевъ и говоритъ: „ну, зятя мои милые, зятя любимые, сослужили вы мнѣ вѣрно двѣ службы, сослужите теперь и третью, послѣднюю, службу: поѣзжайте, поймайте и приведите ко мнѣ золото-гривую, золото-хвостую кобылицу о двѣнадцати жеребятахъ“. Назначилъ царь срокъ, и поѣхали умные зятя.

Иванъ-царевичъ вышелъ изъ дворца на выгонъ, а конь уже давно его тутъ поджидаетъ. Узналъ конь, зачѣмъ къ нему пришелъ Иванъ-царевичъ, и говоритъ ему: „ну, Иванъ-царевичъ, теперь уже пойдетъ настоящая служба: не легко поймать золото-гривую, золото-хвостую кобылицу о двѣнадцати жеребятахъ, не легко съ ней совладать мнѣ. Слушай, Иванъ-царевичъ, что я тебѣ скажу: иди ты да принеси сюда двѣ лошадиныя шкуры, общей меня въ нихъ со всѣхъ сторонъ всего: мнѣ придется драться да кусаться съ той кобылицей; а кусаться-то она—мастерица: за что ни схватить—и вонь кусокъ мяса“. Иванъ-царевичъ принесъ свои высушенные лошадиныя шкуры, обшилъ ими своего коня и поѣхалъ на немъ на трудное дѣло. Приѣхали они въ темный лѣсъ, остановились. Конь и говоритъ Ивану-царевичу: „вотъ гдѣ будетъ наша охота: здѣсь живетъ золото-гривая, золото-хвостая кобылица о двѣнадцати жеребятахъ. Валѣвай ты, Иванъ-царевичъ, на это дерево, на самую вершину и сиди, молчи тамъ; когда я подгоню сюда кобылицу, спиби ее съ ногъ; дерево

верхушкой само до земли съонится; ты тогда подбѣги къ ней скорѣе, *обротай* ее, надѣнь на нее вотъ этотъ недоудокъ; какъ надѣнешь, тогда она уже будетъ въ нашихъ рукахъ, совсѣмъ смирится". Иванъ-царевичъ взобрался на вершину самаго высокаго дерева, а конь отправился на поиски по лѣсу. Выслѣдилъ, выискалъ онъ логовище кобылицы и затѣялъ съ ней бой. Долго гонялась и скакала злая кобылица за конемъ Ивана-царевича по дремучему лѣсу, долго его кусала и рвала, металась за нимъ во всѣ стороны то туда, то сюда; отъ топота, ржанія да визга коней трясся весь лѣсъ. Но какъ ни зла, ни сильна была кобылица, какъ она ни хитрила, что ни дѣлала, все-таки конь Ивана-царевича подогналъ ее подъ то дерево, сшибъ ее со всѣхъ четырехъ ногъ. Уперлась кобылица на переднія колѣна, и тутъ ее Иванъ-царевичъ оброталъ. Кобылица притихла, жалобно заржала, и въ ней прибѣжали на голосъ съ разныхъ сторонъ всѣ ея двѣнадцать жеребятъ, тоже всѣ золото-гривенькіе, золото-хвостенькіе. Съѣлъ тогда Иванъ-царевичъ на коня и отправился въ обратный путь. Кобылицу ведетъ за поводъ, а за ней бѣгутъ всѣ ея дѣти. Выбавши на открытое мѣсто, Иванъ-царевичъ залегъ спать. Спалъ онъ такъ долго, такъ вѣрнопко, что братья, встрѣтивъ его, едва-едва добутились. Увидали они кобылицу, какую имъ хотѣлось добыть, и спрашиваютъ у Ивана-царевича: эй, добрый человѣкъ, не продашь ли ты намъ эту лошадеку?"

— „Отчего же не продать—продамъ“, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ.

— „А что возьмешь ты съ насъ за нее?“

— А возьму немного—изъ спины каждаго по ремню“.

Братья какъ ни жалисъ, что ни дѣлали, согласились. Вырѣзалъ Иванъ-царевичъ изъ спины каждаго своего брата по доброму ремню и отдалъ имъ кобылицу, а братья, боясь просрочить, поспѣшили скорѣе къ царю.

Иванъ-царевичъ давнымъ-давно пріѣхалъ домой, но во дворець не показывался, все бродилъ по выгону, поджидалъ своихъ братьевъ.

Вотъ пріѣхали старшіе зятя, привезли царю-тестю золото-гривую, золото-хвостую кобылицу о двѣнадцати жеребятахъ. Царь обрадовался и устроилъ для нихъ богатѣйшій пиръ. Приходить въ Ивану-царевичу его жена и говоритъ: „пойдемъ, Иванъ-царевичъ, къ отцу; ты хоть послушаешь, что старшіе зятя такое дивное рассказываютъ; видно, намъ съ тобою ужъ доля такая на бѣломъ свѣтѣ—на чужое счастье гляючи, радоваться“. Пришелъ Иванъ-царевичъ въ горницу къ царю, сѣлъ, смотреть да слушаетъ, что братья царю рассказываютъ. „Мы тамъ-то были“, говорятъ они, „то, другое видѣли; ужъ какъ трудно намъ было справиться съ невѣдомой кобылицей; ужъ какъ она рвалась да металася, въ конецъ насъ истомила; потому и вольготно намъ теперь, пируючи, лежать на мягкихъ шелковыхъ коврахъ“. Иванъ-царевичъ слушалъ, слушалъ да потомъ подошелъ къ царю, поклонился ниже пояса и говоритъ: „позволь, государь-батюшка, и мнѣ теперь слово молвить! прошу тебя, государь, дай мнѣ сроку одну-разъединую минуточку, и тогда я тебѣ все расскажу и покажу, откуда твои любимые зятя достали диковинки: пѣтушка съ золотымъ гребешкомъ, свиню съ золотой щетинкой и золото-гривую, золото-хвостую кобылицу о двѣнадцати жеребятахъ“.

Царь посмотрѣлъ на Ивана-царевича и думаетъ: „что путнаго дуракъ можетъ сказать?“

Иванъ-царевичъ побѣжалъ въ свою горенку, умылся съ золою, что была у него припасена въ узелкѣ, утерся и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ свѣтѣ поискать. Взялъ онъ въ платочкѣ дань-плату, что получалъ отъ своихъ братьевъ, явился къ царю и говоритъ: „ну, государь, пусть зятя твои милые, зятя любимые покажутъ свои руки, свои ноги и спины, тогда я раз-

скажу тебѣ, откуда достали они пѣтушка съ золотымъ гребешкомъ, свинку съ золотой щетинкой и золото-гривую, золото-хвостую кобылицу о двѣнадцати жеребятѣхъ“. Царь приказалъ своимъ зятямъ показать на тѣлѣ знаки-раны. Нечего дѣлать, исполнили тѣ царскую волю. Тутъ Иванъ-царевичъ все разсказалъ царю, какъ было дѣло, и показалъ ему, что получилъ отъ своихъ братьевъ.

Царь не могъ стерпѣть такого сраму и тутъ же отдалъ приказаніе согнать со двора нечестныхъ зятевъ. Сейчасъ явились слуги, подхватили молодцовъ подъ бѣлыя руки и вмѣстѣ съ ихъ женами выгнали вонъ изъ царскаго дворца. А ужъ какъ радъ-радешенекъ былъ царь, что Иванъ-царевичъ ему объявился! для него онъ устроилъ другой пиръ, созвалъ другихъ гостей; были на пиру званые и незваные, свои и чужіе,— всѣ на Ивана-царевича смотрѣли, любовались имъ да его женою.

Послѣ честнаго пира, Иванъ-царевичъ и говоритъ царю-тестю и царицѣ-тещѣ: „милостивый государь-батюшка, и ты, милостивая государыня-матушка! не мало я у васъ пожилъ да погулялъ, хлѣба-соли поѣлъ, всякихъ винъ попилъ; пора мнѣ поѣхать повидаться со своимъ роднымъ царемъ-батюшкой да съ сестрицей моею единоутробной; съѣзжу, повидаясь да и назадъ опять приѣду“. Простился Иванъ-царевичъ и отправился одинъ въ путь на своемъ конѣ. Ѣдетъ онъ чистымъ полемъ, смотритъ: левъ со змѣемъ дерется. Левъ проситъ: „эхъ, Иванъ-царевичъ, помоги мнѣ!“ а змѣй себѣ: „эхъ, Иванъ-царевичъ, помоги мнѣ!“ Думалъ, думалъ Иванъ-царевичъ, кого изъ двухъ оставить въ живыхъ, и убилъ змѣя. Тогда левъ и говоритъ: „ну, Иванъ-царевичъ, когда придетъ для тебя лихое время, не подь силу, то скажи только: „а гдѣ теперь мой младшій братъ, левъ львовичъ?“ я тотчасъ же явлюсь къ тебѣ и выручу изъ бѣды“.

Приѣхалъ Иванъ-царевичъ въ свой родной домъ, смо-

трить: сестра его-волшебница съѣла своего родного отца, только маленькій кусочекъ оставила. „Съѣла отца, съѣмъ и тебя“, говоритъ она брату. Иванъ-царевичъ—скорѣй къ своему коню, съѣлъ да что есть духу и поскакалъ отъ своего дома. Сестра—за нимъ. Прибѣжалъ царевичъ въ лѣсъ и взобрался на толстое, высокое дерево. Увидала сестра,хватила зубами то дерево подъ корень—такъ и снесла. Иванъ-царевичъ—на другое дерево, на третье, едва успѣваетъ перебираться съ верхушки на верхушку: такъ скоро сестра подсѣкала деревья. Опомился, наконецъ, Иванъ-царевичъ и сказалъ: „а гдѣ теперь мой младшій братъ, левъ львовичъ?“ Прибѣжалъ левъ и разнесъ въ клочки злую волшебницу. Осмотрѣлъ Иванъ-царевичъ тѣло своей сестры и видитъ: крови въ немъ вовсе нѣтъ; только одну капельку крови и примѣтилъ онъ на щепкѣ, какую сестра отгрызла зубами. Положилъ онъ эту щепку въ карманъ на память о сестрѣ, хотѣлъ къ женѣ домой ѣхать; левъ и говоритъ ему: „Иванъ-царевичъ, за твою доброту дарю тебѣ своего сына, вези его на показъ своей женѣ“, и подарилъ ему своего львенка.

Сталъ Иванъ-царевичъ подъѣзжать ко двору своего тещи, встрѣчается ему обозъ чумаковъ—гребешки везуть. Увидали чумаки львенка и говорятъ: „продай намъ, царевичъ, этого звѣрька! а коли не хочешь продать, давай поспоримъ: угадаешь, какой товаръ мы веземъ,—будетъ твой, не угадаешь—звѣря намъ отдашь“. Иванъ-царевичъ даже и разговаривать не хотѣлъ съ чумаками, какъ вдругъ почувствовалъ, что щепка толкаетъ его въ карманъ и шепчетъ: „скажи: гребешки“. Чумаки и поспорили цѣлый обозъ гребешковъ. И теперь, говорятъ, въ Ивановомъ царствѣ весь народъ тѣми гребешками чешется.

2. Золотыя яблочки.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ

жилъ-былъ царь; у него было три сына: двое умныхъ, а третій дуракъ. Дурака звали Иваномъ-царевичемъ. Вотъ заболѣлъ царь тяжкой невѣдомой болѣзнию. Мудрецы сказали ему, что онъ сразу выздоровѣетъ, если съѣстъ три золотыхъ яблочка. Призываетъ царь къ себѣ своихъ умныхъ сыновей и говорить: „дѣти мои умныя, дѣти разумныя, сыщите, въ какомъ краю, въ какой землѣ растутъ золотыя яблочки, и привезите ихъ мнѣ: какъ съѣмъ я тѣхъ яблочкоовъ, такъ и выздоровлю“.

Отправился самый старшій царскій сынъ разыскивать тотъ край, ту землю, гдѣ растутъ золотыя яблочки. Вотъ ѣдетъ онъ чистымъ полемъ—долго ли, коротко ли, Богъ знаетъ, и доѣзжаетъ до того мѣста, гдѣ дорога раздѣляется на три, смотреть: на распутии стоитъ столбъ, а на столбѣ—надпись: „кто направо поѣдетъ, у того конь издохнетъ, да самъ онъ живъ будетъ; кто поѣдетъ налѣво, тотъ самъ живъ не будетъ, да дѣвицу встрѣтитъ; кто прямо поѣдетъ, золотыя яблочки найдеть“. Царевичъ поворотилъ коня налѣво; „сѣзжу, думаетъ, сначала сюда, увижу дѣвицу, женюсь на ней, коли понравится, а потомъ поѣду и за золотыми яблочками“. Ѣдетъ онъ дальше по лѣвой дорогѣ; ничто ему на пути не попадается—ни звѣрь, ни птица, ни человекъ. Такъ ѣхалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилъ около дороги домъ большой да высокій, а на домѣ надпись золотыми буквами: „если будетъ ѣхать мимо этого дома старъ старичекъ, его напоить и накормятъ; если проѣдетъ молодець, его приметъ сама хозяйка дома, прекрасная дѣвица“. Нужно сказать, что весь полъ въ ея домѣ устроенъ былъ на пружинахъ. Какъ только гость входя въ домъ, становился на полъ, волшебница тихонько нажимала пружину, и онъ тотчасъ проваливался въ глубокое подземелье. Много всякаго народу, мертваго и живого, было въ ея глубокомъ подвалѣ, подъ самымъ домомъ. Царевичъ не зналъ, что въ этомъ домѣ жила злая волшебница-дѣвица и, не долго думая,

въѣхалъ во дворъ. Слуги сейчасъ подбѣжали къ нему: кто коня держитъ за поводъ, а кто помогаетъ царевичу слѣзть съ сѣдла. Отдалъ царевичъ слугамъ своего коня, а самъ пошелъ въ домъ. Волшебница встрѣтила его ласково, привѣтливо, напоила, накормила и повела спать въ свою комнату; но тутъ, только что царевичъ сталъ на полъ, она надела пружину, и онъ провалился въ глубокое подземелье, откуда не было никакого выхода.

Долго ждалъ царь своего старшаго сына съ золотыми яблочками, не дождался и посылаетъ средняго сына. Средній поѣхалъ по той же дорогѣ, по какой ѣхалъ и старшій, доѣхалъ до того мѣста, гдѣ дорога раздѣлялась на три, прочиталъ надпись на столбѣ, поворотилъ коня налѣво и также заѣхалъ къ дѣвицѣ-волшебницѣ. Волшебница и его ласково да привѣтливо встрѣтила, напоила, накормила, а послѣ и спроводила въ свое глубокое подземелье. Старшій братъ былъ еще живъ и рассказалъ среднему, какъ туда попалъ. Сидятъ въ глубокомъ подземельѣ оба царевича и не знаютъ, какъ имъ оттуда выбраться.

Долго ждалъ царь своихъ сыновей—нѣтъ ни старшаго, ни средняго, а ему очень хотѣлось поскорѣе съѣсть золотыхъ яблочковъ и выздороветь. Видитъ дуракъ, Иванъ-царевичъ, что его отецъ тоскуетъ-горюетъ, и говоритъ: „батькуша, отпусти меня въ путь-дорогу поискать золотыхъ яблочковъ, не найдутъ ли я!“ Не хотѣлось отцу отпускать отъ себя послѣдняго сына, да нечего дѣлать, пришлось и его снарядить въ путь. Отправился и дуракъ тѣмъ же путемъ, каковы ѣхали его старшіе братья; доѣзжаетъ онъ до столба съ надписью, прочиталъ, что на столбѣ написано, и поѣхалъ прямо по той дорогѣ, которая вела къ золотымъ яблочкамъ. „Съѣзжу“, думаетъ дуракъ, „сперва нарву золотыхъ яблочковъ, а послѣ можно будетъ завернуть и налѣво, посмотрѣть красудѣвицу“. Ѣхалъ онъ не день, не два, можетъ-быть, годъ

можетъ-быть, и больше, и захотѣлось ему ѣсть, а съ собою онъ ничего не захватилъ—ни хлѣба, ни мяса. Ёдетъ онъ да по сторонамъ поглядываетъ, не попадетъ ли что такое, что можно будетъ убить да съѣсть; видитъ: орелъ летитъ. Дуракъ, не долго думая, нацѣлился въ орла, хотѣлъ стрѣлу въ него пустить, а орелъ тутъ и сказалъ ему человѣческимъ голосомъ: „не убивай меня, Иванъ-царевичъ, я тебѣ послѣ пригожусь“. Дуракъ ни съ чѣмъ поѣхалъ дальше. Встрѣчается ему сѣрый волкъ. Дуракъ и думаетъ: „нужно что-нибудь ѣсть, не умирать же голоднымъ“, и хотѣлъ онъ волка застрѣлить, а тотъ ему и говорить по-человѣчьи: „не убивай меня, Иванъ-царевичъ, я тебѣ послѣ пригожусь“. Нечего дѣлать, поѣхалъ дуракъ голоднымъ и дальше. Встрѣчается ему на пути избушка; въ избушкѣ той вѣдьма жила. Дуракъ поздоровался, разговорился съ вѣдьмой, сказалъ, кто онъ, откуда и куда ѣдетъ. Выслушала вѣдьма дурака, накормила, напоила его и говоритъ: „вотъ что, Иванъ-царевичъ: ѣхать тебѣ дальше на своемъ конѣ нельзя: не быть въ живыхъ ни тебѣ самому, ни коню твоему; ступай ты ко мнѣ на конюшню да возьми моего коня; на немъ и поѣзжай. Дальше тебѣ встрѣтится точно такая же избушка; тамъ живетъ моя средняя сестра; ты къ ней заверни, отъ нея узнаешь все, что тебѣ нужно“.

Распрощался дуракъ съ вѣдьмой, поблагодарилъ ее за хлѣбъ-соль да за коня и поѣхалъ своей дорогой дальше. Встрѣчается ему на пути другая избушка; въ ней жила средняя сестра вѣдьмы. Дуракъ и ей рассказалъ, за какимъ дѣломъ онъ ѣдетъ. Выслушала его вѣдьма и говоритъ: „вотъ что, Иванъ-царевичъ: ѣхать тебѣ дальше на этомъ конѣ нельзя: не быть въ живыхъ ни тебѣ самому, ни коню твоему; ступай ты ко мнѣ на конюшню да возьми моего коня, на немъ и поѣзжай. Дальше тебѣ встрѣтится точно такая же избушка; тамъ живетъ моя старшая сестра; отъ нея ты узнаешь все, что тебѣ нужно“.

Поѣхалъ дуракъ дальше; прїѣзжаетъ онъ къ старшей вѣдьмѣ, рассказываетъ и ей, кто онъ, откуда и за какимъ дѣломъ ѣдетъ. Выслушала его старшая вѣдьма и говоритъ: „хорошо, Иванъ-царевичъ, я помогу тебѣ достать золотыхъ яблочковъ, только ты за это долженъ прожить у меня семь дней и все это время долженъ стеречь косякъ моихъ лошадей“. Нечего дѣлать, пришлось дураку остаться у старшей вѣдьмы пастухомъ, стеречь ея коней семь дней. Сторожитъ онъ косякъ день, другой, остается дослужить ему только два дня. Выгоняетъ дуракъ вѣдьминъ косякъ на зеленый лугъ и встрѣчаетъ тутъ знакомаго сѣраго волка. Волкъ и говоритъ ему: „смотри, Иванъ-царевичъ, служба твоя недолгая, приходитъ ей конецъ, да какъ бы при концѣ не пришлось тебѣ забыть объ отцѣ: вѣдь нынче въ косякѣ разгуливаетъ у тебя кобылицей сама вѣдьма: хочетъ она скрыть косякъ изъ твоихъ глазъ, чтобы послѣ за это съ тобою по своему раздѣлаться: „не сумѣлъ, молъ, устеречь косяка“. Иди ты скорѣе, Иванъ-царевичъ, къ ней домой, раствори пошире ворота; я самъ вечеромъ загоню косякъ во дворъ“. Пришелъ дуракъ Иванъ-царевичъ раненько къ избушкѣ вѣдьмы, дождался вечера, порастворялъ всѣ ворота и сталъ дожидаться косяка. Смотритъ онъ: летятъ кони, что есть духу, прямо во дворъ вѣдьмы, а за косякомъ несется сѣрый волкъ, на бѣгу грызеть-рветъ за заднія ноги кобылицу-вѣдьму. Сосчитала ночью вѣдьма своихъ лошадей—всѣ, ни одна не пропала. Наступилъ послѣдній день службы царевича. Чуть свѣтъ выгоняетъ онъ косякъ на зеленый лугъ и встрѣчаетъ здѣсь своего сѣраго волка. Волкъ говоритъ ему: „нынче вѣдьма сдѣлалась жеребцомъ и гуляетъ у тебя въ косякѣ; смотри, Иванъ-царевичъ: какъ наступитъ вечеръ, она захочетъ загнать куда-нибудь свой косякъ, чтобы за это съ тобою послѣ по своему расправиться: „не сумѣлъ, молъ, устеречь косяка“. Нынче ужъ мнѣ работа—не подь силу; за тебя справить службу

орель, а ты иди поскорѣе домой да растворай пошире ворота; наступитъ вечеръ, — весь косякъ будетъ во дворѣ“. Какъ сказалъ сѣрый волкъ, такъ все и сбылось: орель пригналъ косякъ прямо во дворъ, а вѣдьмѣ-жеребцу порядкомъ таки наклевалъ глаза: всю дорогу онъ гналъ косякъ, сидючи на вѣдьминой головѣ. Сосчитала ночью вѣдьма своихъ коней—всѣ цѣлы до одинаго. За вѣрную службу Ивана-царевича она обѣщала дать ему своего коня. Лежить-спитъ царевичъ у вѣдьмы, а сѣрый волкъ прибѣжалъ къ нему ночью, разбудилъ и говоритъ: „смотри, Иванъ-царевичъ, утромъ вѣдьма станеть показывать тебѣ весь свой косякъ и скажетъ: „выбирай коня любого за свою вѣрную службу“; ты не бери того, на какового она тебѣ сама укажетъ: тотъ конь хоть и будетъ красивѣе всѣхъ, да не по службѣ тебѣ; а есть у ней въ косякѣ одинъ жеребенокъ немудраціи: весь въ шелудяхъ, грива и хвостъ—въ орепьяхъ, такой чумазый; ты его себѣ и бери: тотъ-то и есть самый богатырскій конь“. Какъ сказалъ сѣрый волкъ, такъ Иванъ-царевичъ все и сдѣлалъ: выбралъ себѣ самаго паршиваго жеребенка.

Отпускаетъ отъ себя Ивана-царевича старшая вѣдьма въ путь-дорогу за золотыми яблочками и говоритъ: „теперь слушай, Иванъ-царевичъ, что я стану тебѣ сказывать за твою службу вѣрную: золотыя яблочки растутъ въ саду дѣвицы-волшебницы, нашей госпожи, у которой я со своими младшими сестрами состою на службѣ. Не легко тебѣ будетъ справиться со своимъ дѣломъ: яблонка съ золотыми яблочками стоитъ посреди сада, а садъ тотъ обнесенъ высокой-превысокой каменной стѣной, на стѣнѣ стоятъ такія же высокія-превысокія башни да дома семизэтажные, а на самомъ верху стоятъ рядами столбы; отъ столба къ столбу идутъ большія желѣзныя цѣпи, на цѣпяхъ висятъ колокола звонкіе. Сумѣетъ твой конь перепрыгнуть черезъ столбы въ садъ—будутъ у тебя яблочки золотыя, а чуть

гдѣ-нибудь задѣнетъ за цѣпи, поднимется звонъ и *гудъ*, волшебница услышитъ—не одобровать тебѣ“.

Распроцался Иванъ-царевичъ съ вѣдьмой, распросилъ ее, какъ ему найти садъ волшебницы, сѣлъ на своего ледащаго жеребенка и поѣхалъ. Подѣхалъ онъ въ саду волшебницы, смотритъ: стоитъ такая высокая ограда вокругъ сада, что ни одна птица не перелетитъ черезъ нее. Иванъ-царевичъ, не долго думая, хлеснулъ-хлопнулъ своего коня плетью, и конь перенесъ его въ садъ, даже концомъ хвоста нигдѣ не задѣлъ. Оглядѣлся царевичъ кругомъ—видитъ: стоитъ садъ огромный, конца-края ему нѣтъ; караульщиковъ нигдѣ никакихъ не видно. Пустилъ Иванъ-царевичъ своего коня въ садъ траву пощипать, а самъ пошелъ поискать яблонку съ золотыми яблочками. Нашелъ онъ ту яблонку, нарвалъ съ нея золотыхъ яблочковъ, увязалъ ихъ въ платочекъ, хотѣлъ уже домой назадъ ѣхать, да раздумалъ: „дай пойду-посмотрю, какіе здѣсь люди живутъ“. Осмотрѣлъ Иванъ-царевичъ весь садъ, заходилъ почти во всѣ дома—ни въ саду, ни въ домахъ нѣтъ нигдѣ ни одной живой человѣческой души. Зашелъ онъ въ послѣдній семизатяжный домъ, смотритъ: лежитъ въ комнатѣ на кровати волшебница, спитъ вѣрѣшкѣмъ сномъ, такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать. Иванъ-царевичъ не зналъ, что волшебница спитъ не по одной ночи, а по цѣлому году, и ничто ее не можетъ разбудить раньше срока, кромѣ звона-туда коловоловъ на цѣпяхъ. Поцѣловалъ Иванъ-царевичъ спящую красавицу, снялъ у ней съ правой руки дорогое золотое колечко, сунулъ его себѣ въ карманъ и собрался отѣзжать, да опять раздумалъ и остался въ саду. Такъ прожилъ онъ нѣсколько времени, а волшебница все еще не проснулась. Наконецъ, Иванъ-царевичъ собрался въ обратный путь, сѣлъ на своего коня, хлеснулъ-хлопнулъ его плетью, и онъ поднялся, перескочить-то перескочилъ, да только копытомъ за что-то на

стѣнѣ задѣлъ; колокола загудѣли-завонили, цѣпи загремѣли, кругомъ поднялся гудъ, звонъ; волшебница проснулась и пустилась въ погоню за Иваномъ-царевичемъ.

Скачетъ Иванъ-царевичъ, а волшебница вотъ-вотъ его нагоняетъ. Доскакалъ Иванъ-царевичъ къ первой вѣдьмѣ, перемѣнилъ у ней лошадь, сѣлъ на ту, какую дала ему вторая вѣдьма, и поскакалъ дальше. Прибѣжала волшебница къ старшей вѣдьмѣ и спрашиваетъ, не проѣзжалъ ли мимо ея дома какой человѣкъ.

— „Нѣтъ, никого не видала, никто не проѣзжалъ“, отвѣчаетъ вѣдьма. Бросилась волшебница къ ней на конюшню смотреть: тамъ стоитъ у пустыхъ яслей жеребеноекъ, весь въ пѣнѣ. „Отчего у тебя конь весь потный?“ спрашиваетъ волшебница вѣдьму.

— „Да я на немъ косякъ стерегла, сейчасъ только домой вернулась“, отвѣчаетъ вѣдьма. Волшебница дальше пустилась нагонять Ивана-царевича. Прискакалъ царевичъ ко второй вѣдьмѣ, перемѣнилъ у ней лошадь, сѣлъ на ту, какую ему дала первая вѣдьма, и пустился дальше. Прибѣжала волшебница ко второй вѣдьмѣ и спрашиваетъ, не проѣзжалъ ли мимо ея дома какой человѣкъ.

— „Нѣтъ, никого не видала, никто не проѣзжалъ“, отвѣчаетъ вѣдьма. Бросилась волшебница къ ней на конюшню, увидала потную лошадь и спрашиваетъ: „отчего у тебя конь потный?“

— „Да я сейчасъ только на немъ отъ сестры вернулась— въ гости ѣздила“, отвѣчаетъ вѣдьма. Волшебница опять пустилась въ погоню за Иваномъ-царевичемъ, а тотъ уже успѣлъ доскакать къ первой, младшей, вѣдьмѣ, пересѣлъ на своего коня и пустился дальше. Прибѣжала волшебница къ послѣдней вѣдьмѣ, заглянула въ конюшню, увидала тамъ потную лошадь и спросила: „отчего конь потный?“

— „Я сейчасъ только на немъ отъ своей средней сестры

—въ гости ѣздила*. Волшебница пустилась слѣдомъ за Иваномъ-царевичемъ. Совсѣмъ было нагнала его, да вдругъ увидала, что онъ проѣхалъ всю ея землю, на чужую вступилъ, остановилась и крикнула царевичу вслѣдъ: „эй, добрый молодецъ, оглянися, я хоть разокъ на тебя взгляну, кто ты таковъ есть!“ Оглянулся Иванъ-царевичъ, а волшебница запримѣтила его лицо и крикнула: „а все-таки, добрый молодецъ, будешь ты у меня въ гостяхъ“; сказала и повернула назадъ. Дорогою она сильно измяла бока дубинкою всѣмъ тремъ вѣдмамъ за то, что не сумѣли схватить и удержать добраго молодца.

Иванъ-царевичъ поѣхалъ себѣ своею дорогою, повезъ съ собою золотыя яблочки, а на руцѣ—кольцо волшебницы-дѣвицы. Доѣхалъ онъ до того столба, что стоитъ при трехъ дорогахъ, и думаетъ: „дай съѣзжу налѣво, посмотрю, что тамъ за краса-дѣвица есть“, и поѣхалъ по лѣвой дорогѣ отъ столба, по какой ѣхали его братья. На дорогѣ встрѣчаетъ его сѣрый волкъ и говоритъ: „слушай, Иванъ-царевичъ: какъ пріѣдешь ты къ такому-то дому, не заходи въ него, а то не быть тебѣ больше на волѣ: подъ тѣмъ домою, въ глубокомъ подземельѣ, сидятъ твои старшіе братья; зайди ты лучше во дворъ, разбей замки отъ подземелья и выпусти своихъ братьевъ, тогда и поѣзжай домой“. Иванъ-царевичъ такъ и сдѣлалъ, какъ приказывалъ ему сѣрый волкъ: освободилъ своихъ братьевъ изъ неволи и отправился съ ними домой.

Дорогою братья стали спрашивать да выпрашивать дурака, куда да зачѣмъ онъ ѣздилъ. Узнали они, что онъ везетъ отцу золотыя яблочки, и стали ему завидовать: „вотъ онъ привезетъ отцу золотыя яблочки, а мы пріѣдемъ домой съ пустыми руками“, и сговорились убить его, отобрать яблочки, отвезть отцу и сказать, что они сыскали ихъ. Сказано-сдѣлано: убили братья дурака, отобрали у него платочекъ съ яблочками и привезли тѣ яблочки отцу. Накушался царь золотыхъ яблочковъ—выздоровѣлъ и пожаловалъ сыновей всѣмъ, что только они пожелали.

Учуявъ сѣрый волкъ мертваго человѣка, отыскалъ то мѣсто, гдѣ лежалъ убитый Иванъ-царевичъ, и не знаетъ, какъ горю помочь. Смотритъ онъ: летитъ его другъ, орелъ. Сѣрый волкъ закричалъ ему: „лети, орелъ, въ такое-то мѣсто, къ такому-то колодцу, носи *живущей* и *цѣлющей* воды“. Орелъ живо слеталъ и принесъ живущей и цѣлющей воды. Волкъ брызгнулъ на Ивана-царевича цѣлющею водою, и тѣло его стало цѣлымъ; брызгнулъ живущею водою, и сталъ Иванъ-царевичъ живымъ. „Долго же я спалъ“, сказалъ онъ и всталъ.

— „Спалъ бы ты вѣка-вѣчные, еслибъ не я“, отвѣчалъ сѣрый волкъ. Иванъ-царевичъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сильно закручинился, загоревалъ: нѣтъ у него ни золотыхъ яблочковъ, ни коня, ни платья,—все братья забрали, оставили его посреди поля безлюднаго голымъ. „Не тужи, Иванъ-царевичъ“, говоритъ сѣрый волкъ: „достану я тебѣ одежду и коня; видѣлъ я: у рѣки стерегутъ ребята табунъ коней; теперь они кунаются; подерядусь я къ нимъ, украду у нихъ одеженку да коня и—къ тебѣ“. И сѣрый волкъ притащилъ Ивану-царевичу ребячье платье: съ одного шапку, съ другого штаны, рубашку съ меньшаго, а лапти со старшаго. „Теперь тебѣ, Иванъ-царевичъ“, говоритъ сѣрый волкъ, „ѣхать домой не годится: нѣкто не повѣритъ, что ты везъ отцу золотыя яблочки; садись ты на коня да поѣзжай опять къ дѣвицѣ-волшебницѣ; какъ увидитъ она тебя, будетъ твоею женою; а какъ пройти къ ней, я самъ дорогу уважу“. Иванъ-царевичъ такъ и сдѣлалъ, какъ посовѣтовалъ сѣрый волкъ. Приѣхалъ онъ къ саду волшебницы прямою дорогою, какую уважалъ ему волкъ, и тутъ встрѣтилъ орла. Орелъ, по приказанію сѣраго волка, сейчасъ же поднялся высоко къ небу, долетѣлъ до цѣпей желѣзныхъ и ударилъ крыломъ о тѣ цѣпи; поднялся кругомъ сада великій звонъ, гудъ. Услыхала волшебница, выбѣжала изъ сада и увидала Ивана-царевича. „Ну, добрый молодецъ“, сказала она, „теперь я—навѣки

твоя жена: кто сумѣетъ побывать у меня въ саду, тотъ и мужъ мой; вези меня къ твоему отцу“. И повела волшебница Ивана-царевича въ свой садъ; собралась сама въ путь-дорогу, его одѣла въ самое дорогое платье и говорить: „здѣсь у меня припасено много всякаго добра; всего намъ не забрать; возьмемъ только съ собою яблонку съ золотыми яблочками, повеземъ на показъ твоему отцу родному“. Какъ пріѣхалъ Иванъ-царевичъ домой съ волшебницей, отецъ увидалъ яблонку съ золотыми яблочками, дагадался, что старшіе сыновья обманули его, и приказалъ прегнать ихъ навсегда изъ глазъ, а дурака держалъ при себѣ до самой своей смерти. Яблонку ту Иванъ-царевичъ посадилъ передъ ономъ своего терема, и всякій, кому только случится побывать въ Ивановомъ царствѣ, дивится на яблонку съ золотыми яблочками.

3. Сказка о трехъ братьяхъ крестьянскихъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь-вдовецъ. У этого царя было три дочери, всѣ три красавицы, всѣ незамужнія. Царь въ большой строгости содержалъ своихъ дочерей, не давалъ имъ большой воли разгуливать, удалыхъ молодцовъ-женеховъ высматривать; рѣдко-рѣдко когда отпускалъ ихъ на часокъ погулять и сейчасъ же во дворецъ гонить. Вотъ разъ эти молодницы, царскія дѣвицы, не спросясь отца, вышли тайкомъ погулять на зеленый лугъ, не взявши съ собой ни служанокъ, ни нянекъ, никого. Вдругъ откуда ни возмись вихрь, налетѣлъ съ шумомъ-шуденемъ на царскихъ дочерей, заврутилъ-замелъ все и не извѣстно куда унесъ ихъ всѣхъ троихъ. Царь ждатель-подождалъ дочекъ—нѣтъ, долго искалъ онъ, людей туда-сюда разсылалъ, все думалъ, не найдутъ ли какого слѣда—нѣтъ, не нашли: никто не видалъ и ничего не слышалъ про царскихъ дочерей. Такъ и бросили искать.

Недалеко отъ царскаго дворца жила баба-вдовица, бѣдная-пробѣдная, а съ нею—три сына ея: два умныхъ, а третій дуракъ. Умные сыновья были такіе рабочіе, ко всякой работѣ охочіе, что только и норовили, какъ бы мать навормила ихъ изъ своихъ рукъ ложкой.

Вотъ прослышали бабины сыны, что отъ царя пришелъ таковой приказъ: кто царскихъ дочерей найдетъ и въ царю доставитъ, тотъ за себя одну изъ нихъ замужъ возьметъ. Прослышали это умные ребята и говорятъ своей матери: „слышь, мать, вотъ коли бѣ найти царскихъ дочекъ! то-то житье было бы! мы и васъ тогда съ дуракомъ не забыли бы: всѣ вмѣстѣ жили бы“. А дуракъ слушалъ, слушалъ своихъ братьевъ да и говоритъ: „вы найти найдете ли, а ужъ я найду“. Сказалъ такъ дуракъ разъ, сказалъ другой: „найду да найду“, твердитъ, „царскихъ дочерей“. Братья на него кричатъ, руками махаютъ: „куда тебѣ, дураку, царскихъ дочерей найти, вонъ подъ носомъ-то утри“. А дуракъ знай свое торочить: „найду“. Нечего дѣлать, пошла баба-вдовица къ царю во дворецъ и говоритъ: „такъ и такъ, царь-батюшка: есть у меня сыночекъ неразумный, болтаетъ каждый день: „найду-сыщу я, матушка, царскихъ дочерей, что не вѣдомо куда пропали“. Позвали дурака къ царю во дворецъ. Увидалъ дуракъ царя и говоритъ: „найду-сыщу я, царь-батюшка, твоихъ дочерей, только извольте приказать сдѣлать мнѣ желѣзную цѣпь на двѣнадцать верстъ съ чугунными якорями-зацѣпами на концахъ да еще желѣзную палку вѣсомъ въ десять пудовъ“. Заказалъ царь сдѣлать дураку то и другое, а дуракъ пошелъ домой. По-утру онъ связываетъ своимъ братьямъ: „умные братцы-работнички, моей матушкѣ помощнички, не хотите ли вы со мною по бѣлому свѣту погулять, царскихъ дочерей поискать? будетъ счастье, такъ ужъ я одинъ всего не заберу—подѣлюсь съ вами.“ И сталъ дуракъ собираться въ путь—итти къ царю, взять цѣпь, палку да ит-

ти разыскивать царскихъ дочерей. Умные братья и думаютъ: „а ну какъ дуракъ и вѣзправду сыщеть? вѣдь, тогда мы на вѣкъ мужиками останемся, а онъ женится на царской дочери“. Подумали, подумали они и пошли слѣдомъ за дуракомъ. Вотъ приходятъ всѣ трое въ царскому дворцу и видятъ: желѣзная цѣпь на двѣнадцать верстъ и палка вѣсомъ въ десять пудовъ лежатъ готовыя. Дуракъ взялъ желѣзную палку въ одну руку и командуетъ братьямъ: „а ну, братцы, берите-ка вы вдвоемъ эту цѣпочку за одинъ конецъ, а я за другой, да такъ и поидемъ“. Схватились оба брата за цѣпь, каждый двумя руками, и никакъ не могутъ ее съ мѣста сдвинуть. „Ну, нечего дѣлать“, говоритъ дуракъ: „придется, видно, самому все тащить, а вамъ итти налегкѣ“. Взвалилъ дуракъ себѣ на спину цѣпь, взялъ палку, и всѣ три брата пошли въ долгій путь искать пропавшихъ царскихъ дочерей.

Шли, шли они, промѣряли верстъ съ десятокъ; дуракъ остановился вдругъ, ударилъ себя руками по ляшкамъ и говорить: „вотъ такъ ловко! идемъ мы въ долгій походъ, а харчей съ собою никакихъ не взяли“. И посылаетъ дуракъ своихъ братьевъ домой къ матери захватить хлѣба да соли. Братья итти не идутъ, другъ на друга посматриваютъ: боятся они, какъ бы дуракъ ихъ не бросилъ и одинъ не ушелъ; нишъ хотѣлось таки поссорѣе увидать царскихъ дочерей. Дуракъ видитъ, что братья отъ него шагу не отходятъ, за полы его держатся, и говорить: „если такъ, то чтобы время попусту не тратить, садитесь вы на этотъ яворъ; я возьмусь за одинъ конецъ цѣпи, вы схватитесь за другой, я и доброшу васъ заразъ до матушкиной избы; вы, тамъ наберите, что нужно, садьте опять на этотъ яворъ; я дерну за конецъ цѣпи и мигомъ васъ приволоку сюда“. Братья послушались. Дуракъ сдѣлалъ такъ, и всѣ трое пошли дальше. Несетъ дуракъ на себѣ желѣзную цѣпь на двѣнадцать верстъ съ чугунными яворами-зацѣпами, въ рукахъ у него—палка

вѣсомъ въ десять пудовъ, онъ ѣдетъ да только помахииваетъ ею, а братья за нимъ еле идутъ: одинъ несетъ подъ мышками хлѣбъ, другой дорожный котелокъ да соль. Дорогой братья знай кричатъ дураку: „ой, братецъ, обожди насъ!“ „давай, братецъ, отдохнемъ немножко!“ Слушалъ, слушалъ дуракъ своихъ братьевъ, да потомъ и слушать пересталъ. А братья до того изморились, что едва ноги волокутъ. Вотъ и стоворились они промежъ себя отдать дураку несть заодно и весь провiантъ: все легче де будетъ итти. Сказали они объ этомъ дураку, а тотъ заартачился и говоритъ: „нѣтъ, братцы, я вашего провiанту не понесу: онъ мнѣ не нуженъ. Я какъ былъ дома у матушки, такъ наѣлся, напился на всю дорогу за одинъ разъ“. Такъ и не взялъ дуракъ провiанта. Прошли умные братья, еще немного, дальше итти имъ стало не въ моготу; сѣли и выпили сколько могли провiанта, а остальное все бросили на дорогѣ; только котелокъ дорожный да соль при себѣ оставили, одинъ взялъ несть котелокъ, другой—соль.

Вотъ пришли всѣ трое на ночлегъ и разложили костеръ. Пошелъ дуракъ въ сторону отъ дороги, поймалъ зайца, разодралъ его на-двое, принесъ задохъ своимъ братьямъ и говоритъ: „нате-ка вамъ, братцы, дичинки, варите себѣ похлебку! гляди, отошали за дорогу?“

— „Еще какъ отошали-то, братецъ“, говорятъ братья, а сами какъ сѣли, съ мѣста не могутъ двинуться: такъ устали. Сварилъ дуракъ братьямъ въ дорожномъ котелѣ похлебку и говоритъ: „ѣшьте, братцы, пока горяченькая!“ Приложились братья къ котелу, хватились—соль есть, а хлѣба да ложекъ нѣтъ. „Ахъ, братецъ!“ говорятъ они дураку: „сбѣгай домой за ложками! эхъ-ха, вотъ еслибъ была здѣсь наша родная матушка, она накормила бы насъ“. Жалко стало дураку братьевъ; взялъ онъ свою желѣзную цѣпь, размоталъ-раскрутилъ ее, отбѣжалъ немного по дорогѣ, схватилъ одинъ конецъ цѣпи въ одну руку, другой—въ другую,

винулъ и добросилъ до самаго села, гдѣ жила мать. Чугунный якорь зацѣпилъ за хату, и дуракъ приволокъ ее вмѣстѣ съ матерью въ своимъ братьямъ. Накормила мать-старуха изъ своихъ рукъ умныхъ сынковъ, а дуракъ тѣмъ же способомъ доставилъ ее и домъ въ село.

Долго дуракъ водилъ за собой своихъ братьевъ, наконецъ, подводилъ ихъ къ одной высокой скалѣ и говоритъ: „я полѣзу, братцы, на эту скалу, а вы меня здѣсь ждите“. А скала стоитъ высокая-превысокая, стѣна-стѣной, и нѣтъ нигдѣ дороги, по которой можно было бы на нее взобраться. Дуракъ ваялся одной рукой за одинъ якорь желѣзной цѣпи, другой—за другой, размахнулся и бросилъ на скалу. Якорь зацѣпился за самую верхушку, и цѣпь повисла. Полѣзъ дуракъ по цѣпи, а братья остались внизу ждать. Взобрался дуракъ на верхъ скалы, оглянулся — поле ровное-преровное и травой высокой зарасло. Пошелъ дуракъ по первой попавшейся дорожкѣ, и та дорожка привела его къ избушкѣ. Дуракъ входитъ въ избушку, смотритъ: около порога стоитъ дѣдъ, старый да плохенькій, а кругомъ его людей нигдѣ не видать.

— „Здравствуй, дѣдушка!“ говоритъ дуракъ: „какъ ты тутъ одинъ живешь? что дѣлаешь?“

— „А такъ вотъ и живу здѣсь одинъ; есть у меня табунъ скотины, я и стерегу его; вонъ, видишь, ходитъ“.

— „Да на что тебѣ скотина?“ спрашиваетъ дуракъ: „вѣдь, ты одинъ, какъ палецъ“.

— „А такъ, поселился вотъ тутъ, живу да скоть держу“.

Остался дуракъ у старика ночевать. По-утру выпустилъ старикъ въ поле свою скотину, разбудилъ дурака и проситъ: „гони, постереги, сынъ мой, сегодня мою скотину за меня! тебѣ, я вижу, дѣла никакого нѣту“. Дуракъ согласился, перекинулъ черезъ плечо старикову сумку съ хлѣбомъ, взялъ свою желѣзную палку и собрался гнать табунъ на цѣлый день. Старикъ ему и говоритъ: „смотри, паренекъ: тутъ, неподалеку

отъ моей земли, живеть баба-яга, злющая-презлющая. Смотри, не запусти табунъ на ея землю—достанется тебѣ, если не усмотришь: меня она за это каждый разъ больно бьетъ". Погналъ дуракъ скотину, пригналъ на пастьбу, смотришь: на стариковой землѣ вся трава давнымъ-давно выбита, помята, съѣдена, а на землѣ бабы-яги трава растеть высокая да сочная, совсѣмъ нетронутая, неизмятая. Дуракъ, не долго думая, и запустилъ всю скотину на землю яги. Увидала баба-яга, бѣжить, клюкой подпирается, ругается: „ахъ ты, такой-сякой, зачѣмъ ты на моей землѣ скотину пасешь, мою траву травить?"

— „Я, бабушка только одинъ день попасу, больше не буду“ говорить дуракъ.

— „Вотъ я тебя, я тебя!“ закричала старуха-яга и бросилась, какъ кошка, на дурака. А дуракъ какъ стукнулъ ее разъ да два по маковкѣ своей желѣзной палкой—ея и духъ вонъ, умерла. Взялъ дуракъ бабу-ягу за ноги и засунулъ ее въ свою дорожную сумку. Наступилъ вечеръ. Погналъ дуракъ табунъ домой. Скотина утромъ шла, еле ноги передвигала, а теперь—любо посмотрѣть: квосты позадирила, головы поподнимала. Встрѣчаетъ старикъ дурака и спрашиваетъ: „на чьей землѣ пасъ? у бабы-яги? я такъ и вижу: ишь какъ ее раздуло! гора-горой! я, бывало, только день попасу на ея землѣ, и то скотина набиралась жиру на цѣлый мѣсяцъ. Что жъ, видала она тебя, яга-то? небозь и била?"

— „Нѣтъ, дѣдушка“, отвѣчаетъ дуракъ, „никакой бабы-яги я тамъ не видалъ, а вотъ что я принесъ съ собою; это не она?" и вытащилъ изъ сумки свою добычу. Старикъ какъ глянулъ, такъ и отскочилъ назадъ, отъ радости руками захопалъ: „Ахъ, родной, ахъ, милый мой!“ говорить старикъ: „да откуда тебя Богъ сюда принесъ? Теперь въ волюшку попасу свою скотинку, а то провлятая яга совсѣмъ ходу не давала: чуть что—сейчасъ бить: „зачѣмъ де, старшій хрычъ, скотину на мою землю запускаешь?"

На другое утро дуракъ собирается въ путь за своимъ дѣломъ, старикъ—его упрасивать да молить: „останься у меня! я твою службу никогда не забуду, живи со мной!“ Тутъ дуракъ разсказалъ старику, кто онъ, откуда и за какимъ дѣломъ пришелъ. Старикъ выслушалъ его и говоритъ: „знаю, гдѣ скрываются всѣ три дочери царскія: тутъ, неподалеку отъ меня, живутъ три брата-змѣя; они часто мимо меня пролетаютъ на землю, залетаютъ и сюда; навѣрно, они утащили царскихъ дочекъ“. Разсказалъ старикъ дураку, какъ найти дорогу къ змѣямъ-братьямъ, даетъ ему клубочекъ и говоритъ: „куда клубочекъ будетъ катиться, ты и иди за нимъ“. Дуракъ и пошелъ за клубочкомъ вслѣдъ.

Шелъ, шелъ онъ, привелъ его клубочекъ къ высокому, большому дому; кругомъ тотъ домъ не огороженъ. Видитъ дуракъ: около воротъ лежатъ два большихъ льва, видно, домъ оберегаютъ. Увидали львы дурака, бросились на него, а онъ и уложилъ ихъ на мѣстѣ своей желѣзной десяти-пудовой палкой. Вошелъ онъ въ домъ; въ домѣ жила самая младшая царская дочь. Увидала она дурака, обрадовалась и говоритъ: „по волѣ, аль по неволѣ зашелъ сюда, добрый молодецъ?“

— „Добрые молодцы по неволѣ не ходятъ“, отвѣчаетъ дуракъ: „зашелъ я сюда по своей доброй волѣ-охотѣ“, и разсказалъ, откуда и зачѣмъ онъ пришелъ.

— „Ну“, говоритъ царевна дураку, „спрячься поскорѣе: нето сейчасъ прилетитъ мой мужъ-змѣй, съѣстъ тебя“.

— „А можетъ-быть, еще и подавится“, отвѣчаетъ дуракъ. У змѣя подъ домою былъ глубокий погребъ. Дуракъ туда зашелъ и сталъ поджидать змѣя. Въ погребѣ стояло двѣ бочки съ виномъ: одна—съ мощнымъ, другая—съ безмощнымъ. Кто хоть каплю выпьетъ изъ первой бочки, почуветъ въ себѣ мочь-силу богатырскую, а если напиться изъ другой, то совсѣмъ силу потеряешь. Кого неволя заносила къ змѣю въ гости, того змѣй угощалъ виномъ безмощнымъ, напиваясь

самъ вина мощнаго. Улетая на промысль, змѣй всегда напи-
вался вина мощнаго. Дуракъ, не долго думая, переставилъ
бочки одну на мѣсто другой, приговаривая: „это будетъ мое, а
это—его“. Себѣ дуракъ взялъ вино мощное. Вотъ прилетѣлъ
змѣй вихремъ въ комнату, обернулся молодцомъ и сказалъ:
„да тутъ никакъ чужимъ духомъ пахнетъ!“ Увидѣлъ онъ
дурака и говоритъ: „ну что, добрый молодецъ, биться, или
мириться“?

— „Не за тѣмъ сюда добрый молодецъ зашелъ, чтобы
мириться, а биться“, отвѣчаетъ дуракъ.

— „Ладно“, говоритъ змѣй: „биться, такъ биться, но
прежде нужно моего винца испить“. Змѣй не замѣтилъ, что
бочки съ виномъ переставлены. Налилъ онъ себѣ чарку вина
безмощнаго, а дуракъ себѣ налилъ изъ своей бочки; чокнулись,
выпили, да потомъ и вышли въ чистое мѣсто драться.

— „Ну“, говоритъ змѣй дураку, „бей меня первымъ!“

— „Нѣтъ“, говоритъ дуракъ, „ты ужь меня ударь пер-
вымъ, а послѣ мой чередъ будетъ“. Ударилъ змѣй дурака
— тотъ чуть только покачнулся, устоялъ на мѣстѣ. „Эхъ,
братъ“, говоритъ змѣй, „что-то сегодня сила у меня не та“.
Не догадался змѣй, какого вина выпилъ.

„Ну“, говоритъ дуракъ, „теперь—мой чередъ“, да такъ
садонулъ змѣя своей дубинкой, что тотъ и не пикнулъ. На-
таскалъ дуракъ цѣлый костеръ дровъ, сжегъ змѣя, золу по
вѣтру развѣялъ и явился къ царской дочери. „Ну“, говоритъ
царевна дураку, „спасъ ты меня отъ злой неволи, добрый
молодецъ, выручи теперь среднюю мою сестрицу. Слыжала
я отъ своего мужа-змѣя, что она живетъ здѣсь недалеко, то-
же въ злой неволѣ. А гдѣ моя старшая сестрица, про то я
ужь не вѣдаю“.

Распрошався дуракъ съ царской дочерью, далъ общаніе
на возвратномъ пути взять ее съ собою и доставить къ отцу,
бросилъ свой клубочекъ и пошелъ далѣе. Дошелъ онъ до

жилица другого, двухголового, змѣя и встрѣтилъ здѣсь среднюю царскую дочь. И этого змѣя такъ же убилъ дуракъ, какъ и перваго, сжегъ на кострѣ, золу развѣялъ по вѣтру, а самъ далъ обѣщаніе на обратномъ пути взять царевну къ ея отцу и собрался итти дальше. Царевна рассказала ему, какъ найти ея старшую сестру, и на прощаньи сказала: „охъ, добрый молодецъ, тотъ-то змѣй очень страшень: у него три головы; видала я его—былъ какъ-то въ гостяхъ у моего мужа; не знаю, какъ ты съ нимъ совладѣешь: ужъ очень онъ силенъ“.

— „Ничего“, говоритъ дуракъ: „авось одолѣю“. Распрошавшись онъ съ царевной и пошелъ дальше за влюбочкомъ, пообѣщавшись на возвратномъ пути взять ее съ собою и доставить къ отцу. Убилъ дуракъ и третьяго змѣя, сжегъ его на кострѣ, золу развѣялъ по вѣтру на всѣ четыре стороны, да потомъ закаталъ-замоталъ въ влюбочекъ все имѣніе змѣя—домъ и всякое добро, какое было у него, взялъ самую старшую царевну за руку и—въ путь. По дорогѣ онъ забралъ съ собою остальныхъ двухъ царскихъ дочерей, закаталъ-замоталъ въ свой влюбочекъ имѣнія и тѣхъ двухъ змѣевъ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ нужно было ему по цѣпи спуститься внизъ со скалы.

Между тѣмъ умные братья все ждали: вотъ-вотъ дуракъ начнетъ по цѣпи спускаться имъ царскихъ дочерей, никакъ не могли дождаться, хотѣли было взобраться по цѣпи и итти по его слѣдамъ, да побоялись, пробовали обойти скалу—поискать, нѣтъ ли гдѣ болѣе удобной дороги на скалу, думали безъ дурака сыскать царскихъ дочерей и самимъ завладѣть ими—все даромъ, никакъ не могли взобраться на скалу и рѣшили ожидать дурака у подошвы горы. Долго ждали они, не имѣя при себѣ ни крошки хлѣба, наконецъ, имъ стало не въ моготу, и они отправились разыскивать себѣ жакого-нибудь пропитанія. Сколько они ни ходили, сколько

ни блудили, нигдѣ не могли раздобыть себѣ пищи: не знали, не умѣли они, какъ это сдѣлать безъ родной матушки. А голодъ ихъ такъ допелъ, что имъ стало уже не въ-терпѣжь. Вотъ приходятъ они однажды къ скалѣ да и толкуютъ: „какъ бы хорошо было, если-бъ съ нами была наша родная матушка: ужъ она насъ накормила бы, напоила!“ Только что успѣли они это проговорить—смотрятъ: недалечко отъ нихъ сидитъ какой-то человѣкъ и что-то ѣсть да еще и запиваетъ. У голодныхъ братьевъ слюнки такъ и потекли въ три ручья. Поздоровались они съ незнакомцемъ и говорятъ: „накорми насъ, дяденька“.

— „А что вы мнѣ за то дадите?“

— „Да что мы дадимъ? мы люди дорожные, царскихъ дочерей разыскиваемъ; коли напоишь, накормишь насъ, мы тебѣ ихъ покажемъ, въ товарищи къ себѣ примемъ“.

— „Садитесь, ѣшьте“.

— „Да мы, дяденька, сами не умѣемъ ѣсть: какъ жили мы у себя на селѣ, такъ насъ матушка всегда изъ рукъ ложкой кормила“. Нечего дѣлать, накормилъ незнакомецъ дураковыхъ братьевъ, какъ имъ хотѣлось, и пошли они всѣ трое къ тому мѣсту, гдѣ висѣла цѣпь. Только подошли они къ цѣпи—смотрятъ: дуракъ спускаетъ по цѣпи сверху старшую царскую дочь. Не успѣла царевна ногой стать на землю, подхватилъ ее товарищъ старшихъ братьевъ и сказалъ: „это будетъ моя жена“. Вслѣдъ за старшей спустилъ дуракъ среднюю царскую дочь; ее подхватилъ старшій братъ дурака; „а это, говоритъ, будетъ моя жена“. Спустилъ, наконецъ, дуракъ самую младшую царскую дочь; ее схватилъ другой братъ дурака и сказалъ: „а это ужъ будетъ моя жена“. Только что хотѣлъ дуракъ самъ спускаться, глядъ—цѣпи нѣтъ: братья стащили ее внизъ. „Ловко же они меня обманули“, подумалъ дуракъ: „они ушли и царскихъ дочерей съ собой увели“.

Что тутъ было дѣлать? побѣжалъ дуракъ къ тому старику, у котораго скотину стерегъ, и рассказалъ ему свое го-

ре. „Что теперь мнѣ дѣлать, дѣдушка?“ спрашивает дуракъ: „какъ быть?“

— „Ну вотъ что, милый мой паренекъ“, отвѣчаетъ дѣдъ: „сослужилъ ты мнѣ большую службу, проклятую бабу-ягу уложилъ, сослужу и я тебѣ: рѣжь мою скотину, сколько душѣ твоей угодно, надери кожъ, сдѣлай длинный ремень, да на томъ ремнѣ и спустишься отсюда“. Обрадовался дуракъ, набилъ, нарѣзалъ у старика скотины, надралъ кожъ, сколько хотѣлъ, сдѣлалъ ремень и сталъ по немъ спускаться. Спускался, спускался—смотреть: ремня хватаетъ только до половины скалы, до земли еще далеко, не видать ее. Что тутъ дѣлать? поднялся опять дуракъ наверхъ, побѣжалъ къ старику, отыскалъ его и говоритъ: „такъ и такъ, дѣдушка, ремня много не хватаетъ“.

— „Ахъ, родной мой соколикъ“, говоритъ старикъ: „что жъ дѣлать мы будемъ? не рѣзать же намъ всю скотину: самая малость осталась. Развѣ вотъ что сдѣлай ты, паренекъ,—только не знаю, будетъ ли тебѣ удача,—слушай: повадилась ко мнѣ летать въ табунъ большая-пребольшая птица, орель, по цѣлому быку да коровѣ заразъ таскаетъ да пожираетъ. Не слыишь ли ты ее? а ужъ она тебя могла бы на землю доставить. Гнѣздо этой птицы тамъ, на низу, а сюда, ко мнѣ, она прилетаетъ кормиться“. Послушалъ дуракъ старика, подкараулилъ птицу-орля, поймалъ ее, когда она въ стариковъ табунъ залетѣла, и говоритъ ей: „слушай, орель-птица, снеси ты меня на землю!“

— „Хорошо, свесу“, отчѣваетъ орель-птица: „только дѣло это нелегкое будетъ для тебя, добрый молодецъ, справишься ли ты съ тѣмъ дѣломъ. Заготовь мнѣ напередъ 12 бочекъ мяса соленого да столько же копченого, да еще 40 бочекъ воды, тогда и можно будетъ летѣть; да смотри: если не хватитъ у тебя въ дорогѣ корму, тебя самого съѣмъ“. Дуракъ заготовилъ 12 бочекъ мяса соленого да столько же копченого—благо только что почти всю скотину старика пере-

рѣзалъ на ремень; налилъ 40 бочекъ воды, привязалъ мясо и воду къ птицѣ-орлу, сѣлъ самъ и сталъ на той птицѣ спускаться со скалы. Летить орель-птица да все на дурака покрикиваетъ: „корми меня!“ Дуракъ только и знаетъ, что бросаетъ птицѣ куски мяса соленого да копченого, да льетъ ковшемъ воду въ открытый ротъ; кормилъ, поилъ и уже сталъ изъ силъ выбиваться; видитъ: до земли остается летѣть еще много, а запасъ мяса и воды къ концу приходитъ, и сталъ бросать мяса и лить воды меньше. Орель замѣтилъ это и ну кричать на дурака: „что ты меня кормишь, поишь, какъ утенка? видай и лей больше!“ Вотъ-вотъ дуракъ ужъ къ землѣ подлетаетъ, смотритъ: пища и питье—все вышло. Какъ тутъ быть? Не долго думая, дуракъ, отрѣзалъ отъ своей правой ноги кусокъ мяса и бросилъ въ ротъ птицѣ-орлу; тутъ она и спустила его на землю. „Ну, счастливъ твой Богъ, что запасу у тебя хватило“, говоритъ дураку птица-орель: „а то быть бы тебѣ *здѣсь*“; она хотѣла уже повинуть его и подняться наверхъ, да на прощаньи спросила: „скажи, пожалуйста, добрый человѣкъ, чтó ты мнѣ напоследокъ далъ такое сладкое да вкусное? я вовѣкъ такого мяса не ѣдала“.

— „А вотъ что“, отвѣчалъ дуракъ и указалъ птицѣ на свою правую ногу.

— „Только-то?“ сказала птица и тутъ же дыхла дураку на большую ногу. Мясо вылетѣло изо рта, само пристало къ ногѣ, и нога стала здоровая, какъ ни въ чемъ не бывало.

Дуракъ поблагодарилъ птицу-орла и пошелъ своей дорогой домой. Пришелъ онъ въ родное село, распросилъ про братьевъ. Ему сказали, что они какъ пошли, такъ и не возвращались назадъ. Пошелъ дуракъ къ тому царю, чьихъ дочерей онъ спасъ, и попросился переночевать у царскихъ мастеровъ: портного, сапожника да плотника. Тѣ его пустили. Видитъ дуракъ, что царскій портной сидитъ да горюетъ, чуть даже не плачетъ, и спрашиваетъ его, отчего онъ горюетъ.

— „Какъ отчего? развѣ ты не знаешь, что черезъ недѣлю у нашего царя свадьба—старшую дочь свою онъ выдаетъ замужъ?“ и сталъ портной дураку подробно рассказывать про дочерей: „онѣ, слышь, царскія-то дочери, гдѣ-то долго въ плѣну были. Нашли ихъ какіе-то три человѣка, привезли къ нашему царю и говорятъ: „мы де спасли твоихъ дочерей“. А царь обѣщался выдать ихъ за того, кто ихъ сыщеть. И вотъ теперь у нашего царя готовится три свадьбы. Эхъ-ха! кому гулять, а мнѣ горевать!“

— „Что такъ?“ спрашиваетъ дуракъ.

Царскій портной и началъ ему рассказывать: „призвалъ меня нынѣ по-утру царь и сказываетъ: „къ завтрашнему утру шей моей старшей дочери такое платье, какое она носила въ неволѣ у змѣя“. Никакъ не можно, говорю, ваша царская милость, безъ образца никакъ нельзя. А тутъ легкая поднесла невѣсту-царевну; „какъ нельзя?“ сказываетъ, „вотъ такое-то и такое-то шей: такіе рукавички, такія оборочки, здѣсь жемчугомъ унижешь, тамъ камнями самоцвѣтными, здѣсь пустишь пошире, тутъ поуже“. „Ну понялъ?“ говоритъ мнѣ царь: „теперь иди, а завтра чуть свѣтъ во дворецъ являйся съ платьемъ!“ Вотъ я и горюю: къ дѣлу ума не приложу“.

Выслушалъ дуракъ царскаго портного и говоритъ: „не горюй, ложись-ка спать; за пріемъ да ночлеги я изготовлю тебѣ такое платье“.

— „Какъ такъ?“

— „Я такой портной“, говоритъ дуракъ, „что мнѣ только скажутъ: шей то-то, а на кого и какъ—ужь самъ догадываюсь“.

Портной повѣрилъ, легъ и еще не успѣлъ хорошенько заснуть, какъ вдругъ вскочилъ съ постели, глядѣ—въ комнатахъ свѣтло, какъ днемъ. „Ну“, думаетъ, „проспалъ я, разсвѣло совсѣмъ“.

— „Спи, спи! до утра еще далеко“, говоритъ ему дуракъ. А портной-то и не видалъ, какъ дуракъ вытащилъ изъ кармана свой клубочекъ, раскаталъ размоталъ его да и вынулъ оттуда царевнино платье, неизмятое, неморщенное, то самое, что носила она въ неволѣ у змѣя, и повѣсилъ на стѣнѣ. На платьѣ были жемчуги, разные самоцвѣтные камни, они-то и освѣтили горницу, а портной думалъ, что то—день. Взялъ утромъ портной платье и снесъ его во дворецъ. Царевна-невѣста подлетѣла, поглядѣла на платье да и говоритъ: „ахъ, батюшка: точь-въ-точь такое платье, какое носила я въ неволѣ“. Царь наградилъ портного, и тотъ сломя голову побѣжалъ къ дураку порадовать его.

Вечеромъ прибѣгаетъ къ портному его товарищъ, царскій сапожникъ, и начинаетъ охать на всю горницу: „охъ-охъ!“

— „Да что съ тобою?“ спрашиваетъ дуракъ.

— „Сейчасъ былъ у царя; призвалъ онъ къ себѣ и говоритъ: „къ завтрашнему утру изготовь моей средней дочери сапожки, какіе она носила въ неволѣ“. Безъ образца нельзя, говорю. А царевна какъ подбѣжить, да какъ закричитъ: „вотъ такіе-то и такіе-то: съ золотыми подковками, на передкѣ разрѣзъ, а по краямъ разрѣза—камни самоцвѣтные“. Не знаетъ ли онъ и его ремесла, спрашиваетъ царскій сапожникъ дурака. Дуракъ и сапожки взялся приготовить. Сапожникъ уснулъ, а онъ раскаталъ-размоталъ свой клубочекъ и вытащилъ оттуда сапожки средней царевны. Когда по-утру царскій сапожникъ принесъ ихъ во дворецъ, царевна сказала отцу: „какъ разъ такіе, батюшка: какъ будто вижу тѣ самые, что тамъ носила“. Прибѣжалъ царскій сапожникъ, сталъ обвинять да цѣловать дурака: „ты, такой да этакой, самъ цѣны себѣ не знаешь: да съ твоимъ ремесломъ можно въ золотѣ ходить, а ты нужду такую терпишь“.

— „Что дѣлать?“ говоритъ дуракъ: „зато я въ 10 лѣтъ одинъ разъ могу такъ работать“.

А царскій плотникъ сидитъ тутъ же да къ ихъ разговору прислушивается; боится, какъ бы и ему царь какой работы не задалъ. „Да нѣтъ“, думаетъ, „нетаковская моя работа, чтобъ царю къ снѣху понадобилась“. Не успѣлъ онъ этапъ и подумать, какъ отъ царя—гонецъ позвать плотника. Приходитъ плотникъ отъ царя, рева-реветъ. Ему царь приказалъ построить своей младшей дочери такой домъ, въ какомъ она жила у змѣя въ неволѣ. Горюетъ плотникъ да убивается и спрашиваетъ дурака, ужъ не знакомъ ли онъ и съ его дѣломъ и не можетъ ли его выручить изъ бѣды, какъ выручилъ его товарищей.

— „Отчего же“, подсмѣивается дуракъ: „можно: строить не строилъ, а подумать подумаю. Видалъ я какъ-то маленькимъ, какъ дѣдъ мой плотничалъ, можетъ-быть, не хуже его сдѣлаю. Ложись-ка спать, а я поразмыслию, умомъ прикину“.

Заснули царскіе мастера, а дуракъ потихоньку вышелъ на дворъ, обошелъ полемъ царское подворье, размоталъ-раскаталъ свой клубочекъ, вытащилъ изъ него домъ змѣя, въ какомъ младшая царевна жила,—цѣлехонькій!—и поставилъ его недалеко отъ царскаго дворца, противъ солнца. Царскій дворецъ хорошъ да пригожъ, а этотъ еще лучше: солнце собою заслоняетъ, отъ себя тѣнь на полцарства бросаетъ. Похвалилъ и награждалъ царь своего плотника, что уменъ и гораздъ, и сталъ торопить своихъ дочерей къ свадьбѣ.

Тѣмъ временемъ собрались около дурака царскіе мастера: портной, сапожникъ да плотникъ, и упраниваютъ-уговариваютъ дурака, чтобы онъ ихъ не покидалъ: „будемъ тебя повѣе понть-кормить, только насъ изъ бѣды норой выручай“.

— „Нѣтъ“, говоритъ дуракъ, „мнѣ пора уходить къ своей матушкѣ. Вотъ развѣ тѣмъ буду для васъ еще пригоденъ, что напослѣдокъ угощу васъ своимъ винцомъ дорожнымъ“. Дуракъ какъ бы за дѣломъ какимъ отвернулся въ

сторону, раскаталь-размоталь свой клубочекъ, досталь изъ него бочку съ мощнымъ виномъ для себя и съ безмощнымъ— для своихъ пріятелей, налил-нацѣдилъ вина и поподчивалъ имъ царскихъ слугъ. Тѣ какъ хватили на радостяхъ вина безмощнаго, такъ мертвецки и завалились спать.

А царскимъ дочерямъ передъ свадьбой очень захотѣлось узнать, какъ это мастера сумѣли имъ угодить. Вотъ посылаеть царь за ними слугу. Тотъ ворочается и докладываетъ: „такъ и такъ, ваша царская милость: мастера ваши, работаючи, такъ изморились, что третьи сутки безъ просыпу спать, и неизвѣстно, когда проснутся: трудная работа ихъ занудила, изъ силъ выбила“.

Вотъ пробудились отъ похмѣлья царскіе мастера; царь и спрашиваетъ ихъ: „кто научилъ-надоумилъ васъ изготовить мнѣ дочерямъ платье, сапожки и домъ точь-въ-точь такіе, какіе они видѣли въ неволѣ?“

Тутъ царскіе мастера царю во всемъ повинились и рассказали про дурака. Послали гонца за дуракомъ на село, къ его матери. Какъ только увидали его царскія дочери, всѣ къ нему кинулись, какъ у родного брата на шею повисли. „Вотъ кто, батюшка,—нашъ избавитель“, говорятъ: „а тѣ-то—самозванцы. Коли, говорятъ, не скажете отцу, что мы васъ спасли, ножомъ зарѣжемъ“.

Приказаль царь позвать самозванныхъ жениховъ, и слуги ихъ со двора въ три-шеи прогнали. Вышли непрошенные гости изъ царскаго дворца на выгошь, а пріемный товарищъ и говорить имъ: „отъ царя я расчетъ получаю; нужно теперь и съ вами поквитаться, чтобъ больше мнѣ съ вами не видаться“; вырѣзалъ онъ у каждаго своего товарища изъ спины по ремню и сказалъ: „теперь вы мѣченны; по этой мѣтѣѣ всегда свой домъ сыщете“, и отпустилъ ихъ на всѣ четыре стороны.

А дуракъ на младшей царской дочери женился, послѣ смерти своего тестя съ другими царями породнился, живетъ

себя-поживаетъ, а если въ чемъ порой у него недостатковъ случится, онъ сейчасъ въ своему клубочку обратится: раскатаетъ-размотаетъ его, и все тогда у него съ излишкомъ бываетъ. Будь у насъ въ рукахъ этотъ клубочекъ, мы исполнили бы съ вами винца мощваго глоточекъ.

Вотъ и сказкѣ—конецъ, а мнѣ—денегъ *гаманецъ* *).

4. Дуракъ.

Жили-были два брата женатые, совсѣмъ люди не богатые, а при нихъ—братъ ихъ дуракъ, холостой, парень совсѣмъ простой. Что дураку снохи ни прикажутъ сдѣлать, лишь дали бы ему обѣдать, онъ со всякимъ дѣломъ справляется и никогда ни на кого не ругается: дуракъ и хату мель, и плетни плель, и за водой ходилъ, и коровъ доилъ,—всякое домашнее дѣло у него въ рукахъ горѣло. Снохи дурака любили, никогда его не били, гдѣ нужно ласкали, потому что знали, что дуракъ имъ во всемъ подмога; но братья съ дуракомъ не знали, изъ-за него съ женами ругались и каждый день имъ твердили, чтобы онѣ даромъ его не кормили. Братьямъ не было примѣтно, что дуракъ работалъ на ихъ женъ безответно.

Дуракъ каждый день бабамъ воду носилъ; на это у него едва хватало силъ: воды приходилось таскать не мало. Вотъ разъ снохи тащутъ дурака съ печи, просятъ, чтобы онъ, жалѣючи ихъ плечи, еще разокъ сходилъ за водой. „Ты—парень молодой“, говорятъ онѣ: „и сила у тебя—что у быка; вотъ на-ка воровысло и ведерки, подвяжи свои *оборки* и бѣги скорѣе на рѣку“. И дураку волею-неволею пришлось тащиться за водой. Пришелъ онъ къ рѣкѣ на водошой, зачерпнулъ воды и поймалъ ведеркомъ щуку. Обрадовался дуракъ, что легко такъ досталась ему богатая нажива, и живо вынесъ

*) *Гаманецъ* (гаманъ, мѣрс.)—кожаный кошелекъ для денегъ. „Толков. слов. жив. великорус. яз.“ Дала Ч. I, стр. 304.

щуку въ ведрѣ подальше на сухой берегъ. Тутъ вдругъ щука стала дурака просить: „пусти меня обратно въ рѣву, за это я сдѣлаю тебѣ все, что только душа твоя захочетъ; лишь только скажи: „по щучьему велѣнью, по моему приказанью, сдѣлай мнѣ, щука, то или другое“, все для тебя будетъ“.

Пустилъ дуракъ щуку въ рѣву и съ водой—скорѣе домой. Забрался дуракъ на печь, не за тѣмъ, чтобъ лечь, а про щуку подумать. Сидѣлъ, сидѣлъ дуракъ на печкѣ и не знаетъ, что бы такое попросить ему у щуки. Вотъ думалъ, думалъ онъ да тихонько и заговорилъ: „по щучьему велѣнью, по моему приказанью, вози меня, печка, на улицу“. Вдругъ печка зашаталась—откуда что взялось!—отъ стѣнъ отошла и пошла возить дурака по улицѣ. Дуракъ опять сказалъ: „по щучьему велѣнью, по моему приказанью, вози меня, печка, въ хату“.

И съ той поры дураку стало жить легко: не приходилось таскаться далеко. Пошлютъ его бабы за водой, а онъ выйдетъ съ ведрами на дворъ и скажетъ: „по щучьему велѣнью, по моему приказанью, лейся, вода, въ ведро“. И уже тащить дуракъ снохамъ полныя ведерки. Пошлютъ дурака бабы дрова рубить, а онъ возьметъ топоръ и скажетъ: „по щучьему велѣнью, по моему приказанью, руби, топоръ, дрова“. И дрова ужъ готовы. И что только снохи ни приказывали сдѣлать дураку, сдѣлать ли муку, печь ли затопить, или молотить—все за него дѣлала щука. А братьямъ его была мука: сколько они дома не трудились, а деньги у нихъ не водились.

Вотъ однажды дураковы братья собираются идти въ чужой край на заработки и говорятъ: „пойдемъ, дуракъ, съ нами, все лишнюю копейку домой принесемъ“. А дуракъ имъ и говорить: „идите вы сами зарабатывать, а я себѣ дома заработаю“. Посмѣялись братья надъ дуракомъ и отправи-

лись искать себѣ работу. Пришли они въ большой городъ и навялись къ купцу по хорошей цѣнѣ—въ годъ по сту рублей. „Будь съ нами здѣсь нашъ дуралей“, разсуждали братья, „и ему, гляди, такую плату отвалилъ бы купчина. Экій—дурачина! знай теперъ на печи валется“. Вотъ дураковы братья надрываются у купца надъ работой; остается имъ немного до конца года, чтобы деньги получить да и—домой. А дуракъ той порой и сважи, сидя на печи: „по щучьему велѣнью, по моему приказанью, будьте, братцы, дома!“ и братья дурака сразу очутились у себя въ хатѣ. Говорятъ они своимъ жонамъ: „было, деньжонокъ сколотили; завтра бы ихъ отъ купца получили, да какой-то чортъ выкинулъ надъ нами славную штуку намъ на муку—приволокъ насъ домой голышей, совсѣмъ безъ грошей“.

Тутъ дуракъ братьямъ про щуку и разсказалъ. Братья удивились, за дурака хватились, стали его про щуку спрашивать. А дуракъ и говорить: „жените меня, тогда я вамъ много денегъ дамъ“. Братья дурака женили и потомъ съ его щукой богато зажили.

5. Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай.

Жили-были два брата умныхъ, а при нихъ третій—дуракъ. Куда бы братья на работу ни ѣдили, всюду за собой и дурака брали,—не помогать, а лгать сважи, присважи болтать. Дуракъ только и зналъ одно это дѣло. Вотъ поѣхали они по веснѣ рано пахать. Пашутъ. Захотѣлось имъ погрѣться, а огня нѣтъ; смотреть: недалеко отъ нихъ огонекъ видѣется. Братья и говорятъ дураку: „иди, дуракъ, попроси огоньку“. Дуракъ всталъ и пошелъ за огонькомъ, а братья кричатъ ему вслѣдъ: „что же ты съ голыми руками за огонь пошелъ? на вотъ котелокъ, въ немъ и принесешь“.

— „Не надо“, отвѣчаетъ дуракъ: „больно ужъ далеко отъ васъ ушелъ, не хочется ворочаться“. Шелъ, шелъ дуракъ, но-

ги отмоталъ, мозоли набилъ, идучи, да таки добрался до огня. Видитъ дуракъ: дѣдъ гумно обжигаетъ.

— „Здорово, дѣдъ!“ говоритъ дуракъ.

— „Здорово!“

— „Аль отъ зимы лѣта ищешь?“

— „Ищу, вражій сынъ“.

— „Нѣтъ ли у тебя огоньку, дѣдушка?“

— „Да вотъ бери, сколько душѣ угодно“.

— „Мнѣ, дѣдушка, на трояхъ“.

— „Да во что же ты возьмешь?“ спрашиваетъ дѣдъ: „держи, я насыплю“.

— „Сыпь сюда, дѣдушка“, говоритъ дуракъ, подставляя свой бокъ: „здѣсь у меня въ боку—большая дыра, въ нее и сыпь!“

— „Какъ такъ?“ спрашиваетъ дѣдъ.

— „Да такъ, дѣдушка: здѣсь мои братья неподалеку отъ тебя пашутъ; отъ нихъ я прошлымъ лѣтомъ пошелъ за огнемъ къ тебѣ; дорогой зима меня застала, рукъ согрѣть негдѣ было. Я засунулъ одну руку въ бокъ, въ животъ ее согрѣлъ да ею и другую обогрѣлъ. Вотъ съ тѣхъ поръ и кожу съ дырой въ боку“.

Видитъ дѣдъ, что парень къ нему чудной пришелъ, и захотѣлось ему у себя дурака подольше задержать: дѣда и медомъ не корми, только рассказывай ему всякія сказки и побасенки. „Ну, вражій сынъ“, говоритъ дѣдъ дураку, „дамъ тебѣ огня на каждаго брата, только забавь меня“.

— „А чѣмъ, дѣдушка, позабавить тебя?“

— „Небывальщиной какой-нибудь, сказкой или присказкой?“.

— „Да я“, говоритъ дуракъ, „человѣкъ рабочій, мнѣ ваяднй часъ дорогъ. Вѣдъ я, дѣдушка, живу на такой землѣ, гдѣ дѣло спорится, и безъ меня братьямъ работать не годится; у насъ, дѣдушка, работаютъ-то не по вашему въ

полѣ: одинъ братъ пашетъ, другой слѣдомъ за нимъ сѣетъ, я тутъ же забораниваю, а семьи наши ужъ повади меня хлѣбъ жнуть да на гумно везуть“.

Полюбился совсѣмъ дуракъ старику; очень захотѣлось ему послушать его. „За прогульный часъ заплачу тебѣ“, говоритъ старикъ дураку, „только потѣшь сказкой“.

— „Ладно“, говоритъ дуракъ, „расскажу я тебѣ, дѣдушка, сказку, только съ уговоромъ: чуръ не перебивать, какъ стану связывать, а перебьешь да скажешь: „брешешь“, вырѣжу изъ спины твоей ремень, натру его овсяной половицей, зацѣплю тѣмъ ремнемъ все твое гумно съ хлѣбомъ, взвалю на плечи и снесу своимъ братьямъ: „вотъ, скажу, вамъ моя плата за прогуль““.

Старикъ согласился, зазвалъ дурака въ свой *комъ* *), усадилъ, набормилъ его всякимъ печенымъ и моченымъ, усѣлся насупротивъ его и приготовился слушать. Дуракъ откашлялся въ вулакъ и сказалъ: „ну, слушай же, дѣдъ!“

— „Слушаю, вражій сынъ“, отвѣчалъ старикъ.

— „Когда я, дѣдушка, былъ маленькій, то мы съ тобой росли въ одной люлькѣ: мать у тебя была неродная, злая-презлая, не хотѣла тебя нянчить-кормить; такъ ты у насъ въ хатѣ, въ одной люлькѣ со мной, и росъ. Батюшка мой съ матушкой жили очень бѣдно, жили съ твоими родителями сосѣдами, бокъ съ бокѣмъ, изба съ избой. Ваша хата давно на нашу хату влонилась упасть. Я побоялся, какъ бы насъ съ тобой въ люлькѣ не задавило, и подперъ уголъ своей хаты вашими окнами. Ворота наши стояли у васъ на крышѣ; ваша скотина и повадилась къ намъ во дворъ черезъ тѣ ворота ходить...“

Помню, родился, я сперва, а ты за мной; нужно было меня окрестить, попу за крестины заплатить, гостей угостить.

*) *Комъ*—плетеный изъ хвороста шалашь. См. выше, Отд. I, на стр. 198 глѣсно № 7. Fed.

Побѣжалъ мой батюшка въ амбаръ за мукой—нѣтъ ни горсти: мыши поѣли; винулась мать за деньгами въ сундукъ—тамъ ни полушки; бросилась моя сестра пѣтуха зарѣзать—а онъ безъ вуръ куда-то дѣвался. Слушаешь, дѣдъ“?

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Что тутъ дѣлать? Зло меня взяло: приходится неврещенному оставаться. Нужно, думаю, помочь батюшкѣ. Вотъ вылѣзъ я изъ люльки, *отломилъ* отъ своей печки одну палку дубовую, другую вербовую, третью липовую и вышелъ въ поле, гляжу: по лугу три козы на одной ногѣ свачутъ и пасутся. Я бросилъ въ нихъ палку дубовую—перевинулъ, бросилъ вербовую—не докинулъ, бросилъ липовую—угодилъ и козъ замертво побилъ. Выбралъ я козу покрупнѣе да полегче, взвалилъ себѣ на плечи, принесъ домой, содралъ кожу. Кожу-то я себѣ на пеленки взялъ, а мясо батюшкѣ для гостей отдалъ. Залѣзъ опять я въ люльку, укрывся одинъ кожей, и мнѣ стало куда какъ тепло, а тебѣ, дѣдушка, холодненько. Слушаешь, дѣдъ?“

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Лежишь ты, дѣдушка, сбоку меня въ люлкѣ да плачешь, что не хватило для тебя моей пеленки, и приходится тебѣ лежать голому. Меня окрестили, а ты такъ некрещенымъ и остался: на тебя у моего батюшки денегъ не хватило. Собрались къ намъ гости, съѣли мою и твою козу, и захотѣлось имъ яичницы. Хватились наши—яицъ нѣтъ: куры-то наши повадились у васъ нестись. Слушаешь, дѣдъ?“

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Что тутъ дѣлать? схватилъ я топоръ, побѣжалъ на поле, думаю: не застрѣлю ли утку съ яйцами; добѣжалъ до рѣки, слушаю: на другомъ берегу въ дуллѣ жареные кукушата кричатъ. Вотъ, думаю, гостямъ готовое кушанье! только какъ достать? оглядѣлся—переправы никакой. Не голго думая, схватилъ я самъ себя за волосы, раскачалъ и перебро-

силъ себя на другой берегъ рѣки, прямо въ дуплу; вижу: въ дуплѣ дырочка. Я въ душло руками—не лѣзутъ, ногами—тоже, я головой—нѣтъ, не пролѣзу; тогда я свернулся втрое да съ топоромъ въ дупло и забрался. Съѣлъ я тутъ одного жаренаго кукушонка, другихъ въ карманъ забралъ и сталъ изъ дупла лѣзть. Слушаешь, дѣдъ?”

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Ужъ я лѣзь, лѣзь, никакъ не могу вылѣзть: отъ съѣденной кукушатины у меня больно животъ раздуло. Что тутъ дѣлать? я впередъ и руками, и ногами, и головой—нѣтъ, забылъ, какъ туда влѣзалъ. Нечего дѣлать: отдалъ я тебѣ поддержать жареныхъ кукушатъ, самъ побѣжалъ домой за топоромъ, прорубилъ въ дуплѣ дыру побольше, высадилъ себя, да и тебя заодно. Пока бѣжали мы съ тобою домой, жареные кукушата у меня за пазухой гнѣздо свили и яицъ нанесли. Ну, думаю, будетъ изъ чего гостямъ яичницу сдѣлать. Да только стали мы съ тобой въ дому подходить—ты впереди, а я за тобой—, ты и подави у меня за пазухой кукушинья яйца. Слушаешь, дѣдъ?”

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Ужъ я тебѣ тогда ловко за то бока настегалъ внутрь: разъ ударю здѣсь, а три—вотъ по этому мѣсту; а ты бѣжишь за мной да плачешь. Вотъ пришли мы, дѣдушка, въ хату, посадилъ ты меня въ люльку и самъ легъ со мною рядышкомъ. Стала мать моя насъ съ тобою кормить: дала одну сиську мнѣ, а другую тебѣ; я у тебя изо рта сиську вырвалъ, да обѣ себѣ—въ ротъ; такъ ты въ тотъ день и остался безъ молока. Вотъ стала мать насъ съ тобою въ люлкѣ качивать; качаетъ, а ты лежишь съ боку меня да таково жалостливо плачешь. „Что съ тобою?“ спрашиваетъ мать.— „Да какъ же не плавать“, говоришь ты: „Сеньку качаетъ, а Федьку такъ не надо“. А тебя-то, дѣдушка, Федькой звали. Слушаешь, дѣдъ?”

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Такъ-то, дѣдушка, долженько мы съ тобою въ люлькѣ росли, лежали. Мать у насъ была плохая, за нами не смотрѣла; я самъ, бывало, изъ-подъ себя все убиралъ; а тебѣ-то гдѣ было? такъ и лежишь, бывало, по цѣлымъ недѣлямъ невымытый, некупанный, весь въ г... Вотъ я подросъ, сталъ уже большой, а ты все въ люлькѣ валяешься. Мать моя разъ и говоритъ мнѣ: „вотъ что, Сенька, ты уже не маленькій, женить тебя пора; поѣзжай въ лѣсъ, сруби дерево, выдолби, вытеша корыто да притащи сюда; нужно въ немъ Оедьку выкупать, а то онъ, паскудный, все подъ себя“. Взялъ я топоръ, вышелъ на выгонъ, смотрю: ваша куца кобыленка по навознымъ кучамъ ходитъ, да наши колючки объѣдаетъ, а тебѣ моя матушка больно наказывала ихъ караулить: „послѣ ихъ“, говоритъ, „соберемъ, сомнемъ Оедькѣ на рубашку“. „Ага“, закричалъ я на вашу кобыленку, „ты по нашему полю гулять, овесъ поѣдать!“ цапнулъ ее за хвостъ, сѣлъ и потрухалъ въ лѣсъ, а топоръ былъ у меня сзади за поясомъ. Трухалъ, трухалъ я, добрался кое-какъ въ лѣсъ. Ъду и хлѣбѣми люблюю: наши стоятъ хорошіе да *выхожіе*, а на ваши куда ни глянь—все дрянъ. Смотрю я, дѣдушка, а твои отецъ да мать горохъ на вербѣ молотятъ; солома, половина—на землѣ, а зерна—на вербѣ. Проѣхалъ я дальше, смотрю: на нашемъ гумнѣ ваши работники бьютъ нашихъ работниковъ; ваши нашихъ—руками, а наши ихъ—цѣпами. „Зачѣмъ, говорю, у васъ, ребята, такая драка?“—„Да вотъ“, говорятъ, „никакъ не подѣлимъ мака: вмѣстѣ пахали, сѣяли, вмѣстѣ обмолотили, обвѣяли, а стали дѣлить да мѣрять—никому не вѣрять“. Я слѣзъ съ кобыленки, подѣлилъ макъ, да своихъ, помнится, больно обидѣлъ: имъ отсыпалъ маку только двѣ рукавицы, а вашимъ отдалъ всю половину съ землицей. Слушаешь, дѣдъ?“

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Вотъ забрался я въ лѣсъ, сталъ выскивать да высматривать такое дерево, чтобъ для тебя корыто вытесать; хожу да думаю: теперъ Оедьва безъ меня много подрошь, нужно по росту сыскать дерево для корыта. Но сколько я ни ходилъ, не нашель такого дерева, такъ ни съ чѣмъ и воротился къ кобыленкѣ. Сълзъ и поѣхалъ домой, а топоръ держу за поясомъ. Ёду, смотрю: твой отецъ и мать горохъ на вербѣ обмолотили и вѣютъ; зерна вѣтромъ относить, а мякину къ ногамъ приносить. „Эко чудные вы люди“, говорю я имъ: „на вербѣ горохъ молотить да вѣять“. — „А ты не чудной?“ говорятъ они мнѣ: „на передкѣ ѣдешь, а задокъ потерялъ“. Я глядъ назадъ — правда: топоръ изъ-за пояса у меня выпалъ да вашей кобыленкѣ задъ и отсѣкъ; я на одномъ передкѣ и ѣхалъ. Бѣгу искать задокъ; гляжу—а онъ на вашей гречиxъ пасется. Слушаешь, дѣдъ?“

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Ну, думаю, доставется Оедькѣ, что не укараулилъ гречиxи. Срубилъ я у васъ на маѣ вербовую палку, пригналъ задокъ, хватилъ его пришить къ передку—иглы нѣтъ. Вырвалъ я изъ топора топориче, продѣлъ въ топоръ палку и пришилъ ею кое-какъ задокъ къ передку. Только что я хотѣлъ сѣсть на кобыленку да ѣхать, глядъ—а у ней на спинѣ верба выросла, въ самое небо верхушкой уперлась. Вотъ, думаю, — деревцо, хватить Оедькѣ на корытцо, и хотѣлъ было уже рубить вербу, да раздумалъ: дай, думаю, я по ней взлѣзу на небо, и полѣзъ; лѣзъ, лѣзъ, долѣзъ до самаго неба; схватилъ одной рукой за сукъ, сталъ кобыленкѣ ногой на шею, другой рукой ухватилъ за край неба, вижу: въ небѣ дыра; я и взлѣзъ на небо черезъ эту дыру. Слушаешь, дѣдъ?“

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Вотъ расхаживаю я по небу, смотрю: твоя грѣшная родня вся скотиной торгуетъ, отмѣнной скотиной, только на мѣну: мѣняютъ свотъ на мушекъ и мошекъ, на вшей и блошекъ. Я и

думаю: хорошо бы вымѣнить нашему Оедькѣ телушку: самъ будетъ ее донть да себѣ прямо въ ротъ лить, а то матери кормить сиськой такого лобана *) не въ мочь. Слѣзь я на землю, набралъ для твоей грѣшной родни товару безъ обмана—въ два кармана и опять очутился на небѣ. Вотъ вымѣнялъ я, дѣдушка, для тебя телушку на мушку и сталъ съ неба по вербѣ спускаться. Спускался, спускался, глядь—верба надъ землею висить, а кобыленка моя изъ-подъ нея вышла да тутъ же пасется. Какъ добраться до земли? и не далеко, а прыгнуть боюсь. Пошарилъ я у себя въ карманѣ—тамъ вошь на арканѣ; я привязалъ этотъ арканъ къ вербѣ—не хватаетъ до земли; сунулъ руку въ другой карманъ—тамъ блоха на цѣпи. Я привязалъ эту цѣпь къ аркану, да только что сталъ спускаться, какъ откуда ни возьмись сильная буря, и ну меня качать. Качнеть разъ—я объ одинъ уголь неба головой какъ хвачусь, качнеть другой—я ногами упрусь въ другой уголь неба. Цѣпь удержала, а верба оборвалась, и меня забросило въ топкое глубокое болото. Я *загрузъ* по самую голову въ илъ, уперся ногами въ дно болота и вылѣзть никакъ не могу. Ну, думаю, пропалъ; наплачется теперь Оедька по мнѣ. Слушаешь, дѣдъ? "

— „Слушаю, вражій сынъ“.

„Сижу я, долго сижу; на моей головѣ утва свила гнѣздо и на-несла яицъ—только ими я и кормился—и стала уже выводить утятювъ. Пришелъ волкъ и хотѣлъ мою голову съѣсть совсѣмъ съ гнѣздомъ; я—*черкъ* **) его за хвостъ зубами да какъ крикну: „отю-отю-отю!“ волкъ меня и вытащилъ на сухое. Смотрю: хвостъ у волка оторвался. Съ испугу волкъ побѣжалъ въ одну сторону, а хвостъ—въ другую. Ну, думаю, было для моего Оедьки въ рукахъ на шубу, да и то бѣжало. Слушаешь, дѣдъ? "

— „Слушаю, вражій сынъ“.

*) Лобанъ—большакъ, большой, рослый.

**) Черкъ—хватать.

Видитъ дуракъ, что дѣдъ вѣрнопъ на слово, не перебиваетъ его, знай себѣ слушаетъ, да и повель другую побасенку, чтобъ старика поскорѣй разсердить. „Быль, дѣдушка, у насъ погребъ; ты какъ-то баловался около него да и завалилъ его въ яму. Вотъ стали мы съ тобой его изъ ямы тащить, никакъ не вытащимъ. Побѣжалъ я за вашей куцой кобыленкой на выгонъ, чтобъ ее припречь; бѣгу по выгону да и накололъ ногу на твои колючки: однимъ концомъ колючка мнѣ въ ногу засѣла, а другимъ землю на севозъ продѣла. Я какъ дерну ногу, выдернулъ изъ земли колючку, смотрю: въ землю идетъ дыра. Я и полѣзъ въ эту дыру и очутился подъ землю, на томъ свѣтѣ. Слушаешь, дѣдъ?“

— „Слушаю, вражій сынъ!“

„Вижу я: мой дѣдушка на твоёмъ дѣдушкѣ верхомъ ѣздитъ. Спрашиваю я твоего дѣда: „для тебя это дѣло, дѣдушка, непригоже, можно бы къ нему приставить и помоложе; гляди, и тяжеленько?“ — „Да неладненько“, говоритъ твой дѣдъ: „просто—одна мука, хоть бы ты, Сенюша, прислалъ на подмогу ко мнѣ моего Оедьку-внука; гляди, большой сталь?“ — „Да есть, говорю“. — „Вотъ намъ съ нимъ славно бы тутъ жилось: я бы его къ этому дѣлу тутъ и подучилъ; я бы твоего дѣда таскалъ, а Оедька бы за мной слѣдъ заметалъ“.

„Брешешь!“ перебилъ тутъ старикъ дурака.

„Ага!“ закричалъ обрадованный дуракъ: „коли брешешь, такъ этого слова теперь не стешешь“; содралъ со спины старика ремень, оцѣпилъ имъ стариково гумно, затянулъ по вѣрпиче узелъ, взвалилъ гумно на плечи и принесъ къ своимъ братьямъ.

Съ тѣхъ поръ братья дурака не стали ни пахать, ни сѣять: задумали было они выйти въ бары, да попали прямо къ себѣ въ хату на нары и тутъ совсѣмъ облѣнились, весь вѣкъ отъ дуракова гумна кормились и даже женились; а дурака—со двора да въ бока; гумно у него отняли и ему ни зерна не дали.

6. Царевичъ-малышка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, не въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ-былъ царь съ царицей. Царь былъ очень богатъ и могучъ: не зналъ счету своимъ людямъ, не зналъ и не вѣдалъ границъ своего царства. Неразъ онъ посылалъ удалыхъ молодцовъ во всѣ концы своего обширнаго царства развѣдать, гдѣ кончается его земля и начинаются другія царства; но ни одинъ изъ нихъ, ѣдучи день и ночь все въ одну сторону, не успѣвалъ доѣхать до краевъ царства и воротиться назадъ: состарѣвался и пропалъ безъ вѣсти.

Однакожь, какъ ни былъ богатъ и могучъ царь, а и у него была своя тоска-кручина, свое горе великое: много лѣтъ прожилъ онъ на бѣломъ свѣтѣ со своей женой-царицей въ любви да согласіи, и за все это время царица родила ему нѣсколько дочерей, но не родила ни одного сына. Затосковалъ, закручинился царь и думаетъ: „я умру, и всѣмъ моимъ великимъ царствомъ завладѣютъ мои зятя. Какъ бы такъ сдѣлать, чтобы царица родила мнѣ хоть одного сына?“ Призвалъ царь къ себѣ своихъ мудрыхъ людей и говоритъ: „золотомъ-серебромъ съ ногъ до головы осыплю того изъ васъ, кто отыщетъ средство, чтобъ моя царица родила мнѣ сына“. Какъ мудрые люди ни думали, какъ ни гадали, не могли указать царю такого средства, чтобъ старая его жена-царица родила ему сына. Какъ-то разъ, позднимъ вечеромъ, просится во дворецъ къ царю одинъ прохожій старичокъ. „Я“, говоритъ, „знаю такое средство, что царица-матушка родитъ царю сына-царевича“. Слуги порастворяли ему всѣ двери во дворецѣ, всѣ входы и выходы, подхватили его подъ руки и представили царю. „Ведите меня прямо къ матушкѣ-царицѣ“, говоритъ прохожій старичокъ. Его допустили къ яснымъ очамъ царицы. „Теперь оставьте меня здѣсь одного на часъ времени“. Царь приказалъ исполнить волю старичка. Какъ

только старичка оставили наединѣ съ царицей, онъ и сказалъ ей: „Вотъ какой будетъ мой совѣтъ тебѣ, матушка-царица: пошли ты завтра утречкомъ, чуть свѣтъ-зорьба, своего батюшку-царя милостиваго на охоту; пусть онъ никого изъ своихъ вѣрныхъ слугъ не беретъ съ собою, а идетъ одинъ-разъединый; пусть сходить онъ къ такому-то морю, на такое-то мѣсто берега: на томъ мѣстѣ-берегу, подъ большущимъ дубомъ, спугнетъ онъ съ гнѣзда сѣрую утицу, а въ томъ гнѣздѣ найдетъ двѣнадцать утиныхъ яицъ: одиннадцать изъ нихъ будутъ побольше, равныхъ, а двѣнадцатое—самое махонькое, крохотное; пусть его царская милость заберетъ всѣ тѣ яйца вмѣстѣ съ гнѣздомъ и принесетъ домой; то гнѣздо ты, матушка, поставь во дворцѣ, въ темномъ углу, да изволь на него сама сѣсть; сядь и, не слѣзаячи, просиди двѣнадцать дней. Пройдетъ одиннадцать дней, и на двѣнадцатый у тебя будетъ двѣнадцать сыновей, двѣнадцать молодцовъ-царевичей“. Разказалъ все это прохожій старичокъ и ушелъ себѣ своей дорогой.

Царица точь-въ-точь исполнила, что наказывалъ ей старичокъ: утромъ, чуть свѣтъ, снарядила она своего мужа на охоту и не приказала ему брать съ собой людей. Пошелъ царь одинъ на указанное мѣсто, нашелъ утиное гнѣздо съ двѣнадцатью яйцами, одиннадцать изъ нихъ побольше, равныхъ, а двѣнадцатое маленькое да крохотное; принесъ царь то гнѣздо во дворецъ и усадилъ на него свою жену-царицу. Сидитъ царица на гнѣздѣ, дожидается. Вотъ прошло одиннадцать дней, двѣнадцатый наступилъ. Надоѣло-надоучило царицѣ сидѣть въ темномъ углу, куда никто не допускался. Достала она одно яйцо изъ гнѣзда, поболтала его около уха и думаетъ: „никакъ болтунъ“, и бросила прочь отъ себя. Яйцо ударилося объ окошко, разбилосъ, и изъ него высочилъ прехорошій молодецъ, похожій какъ двѣ капли воды на царя съ царицей. „Эхъ, матушка“, проговорилъ онъ, „большенько же

ты меня ушибла!“ Царица тутъ догадалась, въ чемъ дѣло, и повыбрасывала, вслѣдъ за первымъ яйцомъ, другія десять. Изъ каждаго яйца выскакивалъ одинъ молодецъ-царевичъ за другимъ и говорилъ: „эхъ, матушка, больненько же ты меня ушибла!“ Дошла очередь до двѣнадцатаго яйца, самаго меньшаго. Царица, не жалѣючи его, также бросила. Яичко полетѣло, ударилось объ окошко, и изъ него выскочилъ прехорошенькій царевичъ-малышка. Тѣ одиннадцать царевичей-молодцовъ хороши-пригожи, одинъ на одного похожи, лицо въ лицо, а царевичъ-малышка еще красивѣе да милѣе, даромъ что малъ-малешенекъ. Царица такъ была рада, что совсѣмъ забыла про свое гнѣздо, про то, какъ она на немъ сидѣла, бросилась обнимать-дѣловать своего-малышку, хотѣла его на руки къ себѣ взять. „Милый, дорогой мой сыночекъ-малышочка“, говоритъ: „ужъ какъ отецъ-то твой радъ будетъ тебѣ. Дай-ка я тебя, дитятко, поцѣлую“. Схватила малышку царица, хотѣла его поднять и—ни съ мѣста: царевичъ-малышка какъ къ землѣ приросъ, тяжелъ—что твоя стопудовая гиря.

— „Я, маменька,—не ребеночекъ, чтобы меня на рукахъ носить-цѣловать“, говоритъ царевичъ-малышка: „я—такой же богатырь, какъ и всѣ одиннадцать братьевъ моихъ кровныхъ, только Богъ росту мнѣ не далъ“.

Увидалъ царь разомъ всѣхъ двѣнадцать своихъ сыновей и отъ радости не знаетъ, кого перваго изъ нихъ приласкать-приглубить: такъ всѣ они были хороши. „Милыя мои дѣти,“ говоритъ царь: „чѣмъ угостить, чѣмъ подчивать васъ! просите у меня, чего ваша душа желаетъ, всѣмъ васъ награжу“. И наградилъ царь своихъ сыновей золотомъ и серебромъ, всякими дорогими платьями, каждому далъ по *косяку* лошадей.

Однако болѣе всѣхъ полюбился царю царевичъ-малышка: что царь ни заставитъ своихъ сыновей сдѣлать, куда ихъ ни пошлетъ, къ какой службѣ ни приставитъ,—все царевичъ-малышка раньше свое дѣло исполнить, и раньше, и лучше.

Братья стали завидовать ему. Вотъ разъ они говорятъ своему царю-отцу и царицѣ-матери: „батюшка царь-государь, и ты, матушка царица-государыня, благословите насъ въ путь-дорогу: хотимъ мы, добрые молодцы, проѣхать-погулять по вашему великому царству, свою тоску-кручину поразмыкать, бѣлый свѣтъ посмотрѣть. Слыхали мы, царь, что ты неоднократно разсылалъ удалыхъ молодцовъ сыскать край-конецъ твоему обширному царству, и нието изъ тѣхъ удалцовъ не успѣвалъ доѣхать до краевъ твоего царства. Благослови насъ попытать счастья, не доѣдемъ ли мы, не попадемъ ли въ иноземныя владѣнія, чтобъ сыскать по душѣ невѣсть-красавицъ.

Царь съ царицей благословили разомъ всѣхъ одиннадцать своихъ сыновей, и всѣ они отправились въ путь-дорогу, всѣ въ одну сторону, отъ запада къ востоку. Остались старики жить одни-одинешеньки съ царевичемъ-малаявкой.

Прошло не мало времени. Царевичъ-малаявка сталъ просить отца-мать, чтобы и его пустили по бѣлому свѣту погулять. Какъ ни упрашивали его царь и царица остаться съ ними, стариками, не захотѣлъ остаться. Выбралъ себѣ малаявка въ косякѣ по росту быстроногого коня и пустился въ путь, по слѣдамъ своихъ братьевъ. Ѣхалъ онъ недѣлю, Ѣхалъ мѣсяць и годъ, а можетъ-быть, и того больше, не видно конца-врая царству. Спусти много времени, встрѣчаетъ онъ на пути трупъ лошади, а около нея — тѣло мертвого человѣка. Малаявка взглянулъ мертвецу въ лицо и узналъ въ немъ одного изъ своихъ братьевъ. „Эге“, подумалъ малаявка: „давненько же я ѣду: братецъ мой успѣлъ сдѣлаться дѣдушкой, не доѣхавъ до границъ царства моего батюшки“ и поѣхалъ малаявка дальше. Такъ онъ встрѣтилъ на дорогѣ всѣхъ своихъ одиннадцать братьевъ, всѣ они умерли стариками, ни одному не пришлось увидѣть иноземныхъ владѣній. Малаявка ѣдетъ, какъ ни въ чемъ-

не бывало, давно уже забылъ счетъ своимъ годамъ, а чтобъ вырости, такъ за все время росту у него ничуть не прибавилось: каковъ былъ, такимъ и остался. Наконецъ, наступило лютое время и для малявки: уже не много оставалось ему до иноземныхъ владѣній, какъ конь его, состарѣвшись, палъ мертвымъ. Малявка зашагалъ пѣшкомъ по дорогѣ. „Ну“, думаетъ, „не дойду, пропаду, хоть и недалеко осталось идти“. Однако кое-какъ дошелъ до другого государства. Вошелъ онъ въ незнакомый столичный городъ и явился прямо къ тамошнему царю во дворецъ. Какъ ни малъ былъ малявка, но сейчасъ же сталъ сватать у царя его единственную дочь.

— „Да какъ же ты добрался до меня, малявка?“ спрашиваетъ царь: „никогда изъ царства твоего батюшки ко мнѣ не доѣзживалъ; вѣдь, въ моемъ царствѣ солнце восходить, а въ вашемъ заходить“.

Еще раньше малявки пріѣхалъ къ царю сватать его дочь другой женихъ-царевичъ, пребольшого роста и теперь гостилъ во дворцѣ. Этотъ женихъ, вмѣстѣ съ дворцовой челядью, обступилъ малявку и сталъ было надъ нимъ издѣваться. Малявка какъ поведетъ однимъ плечомъ, подернетъ другимъ, такъ вся челядь отлетѣла отъ него, какъ горохъ отъ стѣны. Высокій царевичъ тоже не мало перетрусилъ. Царская дочь, какъ только увидѣла малявку, такъ и сказала отцу-матери, что ни за кого въ свѣтѣ кромѣ него замужъ не выйдетъ. „Что же?“ говоритъ царь дочери, „ты въ кармавѣ будешь носить своего мужа-то?“

— „Ничего, батюшка“, говоритъ царевна: „видно, судьба моя такая, а только я за другого замужъ не пойду: не по сердцу мнѣ“.

Что дѣлать? какъ ни упрасивалъ, ни уговаривалъ царь свою дочь образумиться, отказать малявкѣ, царская дочь сдѣлала по своему. Нечего дѣлать. Призвалъ царь въ свои

царскіе покои малявку и говорить: „хорошо, я выдамъ за тебя замужь свое единственное дѣтище, только ты напередъ долженъ сослужить мнѣ три службы. Вотъ первая служба: у меня въ такомъ-то мѣстѣ, за такимъ-то моремъ посѣяна пшеница. Поѣзжай и узнай, кто по ночамъ ходитъ на мою пшеницу и ѣсть-топчетъ ее“.

Царевичъ-малявка, не говоря ни слова, ѣдетъ на указанное мѣсто, находитъ царскую пшеницу и садится караулить ее; въ самую глухую полночь смотритъ: выходитъ изъ моря красивая морская кобылица съ предлинной гривой и косматымъ хвостомъ и ведетъ за собою цѣлый косякъ своихъ жеребятъ, прямо на царскую пшеницу. Малявка подкрался, схватилъ за ухо одного жеребенка и вскочилъ на него, а кобылица-матка со всѣми остальными шарахнулась обратно въ море.

Утромъ царь стоитъ на крыльцѣ со своимъ гостемъ, высокимъ царевичемъ-женихомъ, да подсмѣивается надъ малявкой: куда, молъ, ему исполнить мою службу. Глядь—а малявка тутъ-какъ-тутъ, скачетъ передъ дворцомъ на морскомъ коньѣ. Поморщился царь, велѣлъ позвать къ себѣ малявку. „Молодецъ ты“, говоритъ, „малявка: исполнилъ ты мою первую службу; теперь исполни и вторую; поѣзжай, сыщи и привези мнѣ три воды: одну такую, чтобъ молодость, красоту, живнь и ростъ давала, другую—чтобъ старость, третью—смерть“.

Опять царевичъ-малявка отправился въ путь на морскомъ коньѣ. Ѣдетъ онъ не годъ, не два, не три, доѣзжаетъ до одного колодезя, смотритъ: на краю колодезя сидитъ баба-яга, страшная-престрашная, и проситъ малявку, чтобъ онъ ее въ тотъ колодезь столгнулъ.

— „А зачѣмъ?“ спросилъ малявка.

— „Затѣмъ, милый мой мальчикъ, что я, какъ только коснусь ногами воды въ колодезь, сейчасъ же перемѣнюсь,

буду красавица изъ красавицъ; тогда ты, малявка, меня поцѣлуешь, и я буду твоей женою“.

— „Нѣтъ“, говоритъ малявка, „этого я не сдѣлаю тебѣ, бабушка“, и тутъ же, на глазахъ яги, бросилъ въ колодезь мертвую сухую вѣтку дуба и сталъ смотрѣть, что будетъ. Вѣтка сейчасъ же зазеленѣла, пустила корни, стала быстро расти, и вмигъ изъ нея выросъ пребольшой дубъ. Дубъ тотъ покрылъ собою и бабу-ягу, и малявку съ конемъ, и весь колодезь. „Вотъ эта вода нужна мнѣ“, говоритъ малявка. Набралъ онъ той воды изъ колодезя нѣсколько вапель, собирается ѣхать дальше. Баба-яга плачетъ, руки къ нему тянетъ, упрашиваетъ малявку столкнуть ее въ колодезь; проситъ, чтобы онъ хоть мизинцемъ къ ней коснулся: и тогда она очутится на днѣ колодезя. Но малявка не слушала ея, сѣлъ на коня и поѣхалъ далѣе. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ъхалъ малявка шагомъ, сѣзжалъ рысью, мчался по землѣ, летѣлъ надъ землею; подѣзжаетъ онъ ко второму колодезю и видитъ: карабкается изъ колодезя другая баба-яга, страшнѣе первой, и никакъ не можетъ выбраться; уже до половины изъ колодезя вылѣзла, на цѣлый аршинъ въ землю свои когти запустила, все хочетъ выбраться. И проситъ она малявку, чтобы онъ подаль ей руку, помогъ ей выйти изъ колодезя.

— „А зачѣмъ тебѣ это нужно?“ спрашиваетъ малявка.

— „А зачѣмъ, милый мой сыночекъ, что я сейчасъ сбѣгаю здѣсь къ другому колодезю—вѣдь, ты видѣлъ его, какъ ѣхалъ?—умоюсь, выкупаюсь въ немъ и буду дѣвица красавица; ты меня тогда поцѣлуешь, и я сдѣлаюсь твоей женою“.

— „Нѣтъ“, говоритъ малявка бабѣ-ягѣ, „этого я для тебя не сдѣлаю“, и тутъ же, стоя передъ бабой-ягой, бросилъ свѣжую молодую вѣтку съ дерева въ колодезь. Вѣтка тотчасъ съежилась, завяла и стала гнилымъ деревомъ. По-

томъ малявка опустилъ въ воду правую свою руку и вынулъ, видитъ: рука вся въ морщинахъ, костлявая, стала, какъ у старика. Брызнулъ малявка на руку водой изъ перваго колодезя, и рука по прежнему стала свѣжа, молода и здорова. „Вотъ эта водичка и нужна мнѣ“, говоритъ малявка. Набралъ онъ нѣсколько капель этой воды и собрался ѣхать далѣе. А баба-яга плачетъ, руки къ нему тянетъ, проситъ, чтобъ онъ хоть край платья своего ей подаль. Но малявка даже не посмотрѣлъ на нее, сѣлъ на коня и поѣхалъ дальше. Ёхалъ онъ днемъ и ночью, ёхалъ по утрамъ и вечерамъ, ёхалъ полуднемъ и полночью и доѣзжаетъ до третьяго, послѣдняго, колодезя, смотритъ: кругомъ колодезя нѣтъ ни травы, ни деревьевъ, ни птицъ, ни звѣрей. Не зналъ малявка, что-за вода въ этомъ колодезѣ, мертвая, или иная какая, а испробовать нечѣмъ. Думалъ, думалъ онъ, гадалъ, гадалъ, какъ горю помочь, наконецъ, взялъ наугадъ нѣсколько капель этой воды и поѣхалъ обратнымъ путемъ по прежней дорогѣ. Доѣхалъ малявка до втораго колодезя и видитъ: баба-яга все мечется, никакъ не можетъ изъ колодезя выбраться. Онъ плеснулъ на нее нѣсколько капель изъ третьяго колодезя. Яга вскрикнула и—духъ вонъ. „Ага!“ подумалъ малявка: „вотъ что это за водица! Она-то мнѣ и нужна“. Это была вода мертвая.

Поѣхалъ малявка дальше. Приѣхалъ онъ къ первому колодезю. Баба-яга увидала его и начала опять слезно молить, чтобы онъ столкнулъ ее въ колодезь. „Обожди немного“, говоритъ малявка: „сейчасъ тебѣ, бабушка, услужу“. Слѣзъ онъ съ коня, подошелъ къ бабѣ-ягѣ, брызнулъ ей на лѣвую руку водою изъ ея колодезя, и рука ея тутъ же переродилась: стала бѣлая, мягкая, розовая и молодая, какъ у настоящей королевы. Брызгнулъ ей малявка той же водой на лѣвую часть лица, головы, груди—и старуху не узнать: съ лѣвой стороны на нее взглянуть—красавица изъ красавицъ, а съ

правой посмотрѣть—уродъ-уродомъ. Баба-яга смѣется: сердце у ней взыграло. Но малявка брызгнувъ ей на правую руку водой изъ второго колодца, и рука стала у ней хуже чѣмъ была прежде: старая, морщинистая, кожа да кости; брызнувъ этой же водой на правую часть лица, головы, груди—и все на бабѣ-ягѣ стало старымъ. Какъ заплачетъ баба-яга: „эхъ, добрый молодецъ, для чего ты со мною такъ сдѣлалъ? ужъ лучше бы оставилъ меня такую, какою я раньше была. Кто будетъ ѣхать мимо меня съ лѣвой стороны, посмотреть и скажетъ: „ахъ, какая это красавица!“ а кто будетъ ѣхать съ правой стороны, взглянетъ и скажетъ: „эхъ, какое уродище!“ Но царевича-малявки и слѣдъ простылъ: онъ легъ въ дворецъ къ царю и везъ ему три воды: воду мертвую, воду, старость дающую, и ту, что красоту, молодость и ростъ даетъ.

Узнавъ царь, что малявка исполнилъ и вторую его службу, призываетъ онъ его къ себѣ и говоритъ: „хорошо, молодецъ, исполнилъ ты мою первую службу, исполнилъ и вторую, теперь вотъ тебѣ моя послѣдняя служба: поѣзжай, спроси у солнца, отчего дни стали теперь меньше“.

Сѣлъ малявка на своего коня и поѣхалъ въ долгій путь-дорогу, разузнать у солнца, отчего дни стали меньше. Ёхалъ онъ черезъ поля и лѣса, черезъ горы и доли, черезъ моря и рѣки, все держать путь съ востока на западъ, потому что, какъ онъ зналъ, только тамъ и можно видѣть солнце: тамъ оно проводитъ всю ночь въ своемъ дворцѣ. Проѣхалъ царевичъ-малявка всю землю, на какой мы живемъ, и вступилъ въ другой свѣтъ. Встрѣчается тутъ ему на пути человѣкъ: сидитъ онъ при дорогѣ и копошится въ кучѣ кусочковъ отъ разныхъ матерій; передъ нимъ лежатъ лоскутки ситцевые, шерстяные—синіе, бѣлые, красные и др. Человѣкъ только и дѣлаетъ, что край одного лоскутка привлаживаетъ къ краю другого, третьяго и т. д.

„Здравствуй, добрый человек!“ говорит ему царевич-малышка: „по волю, аль по неволю дѣло дѣлаешь?“ Тотъ молчитъ, ни слова. „Далеко ли до солнца? я къ нему ѣду“, спрашиваетъ малышка.

Человекъ будто очнулся, задвигался и, не сходя съ своего мѣста, продолжая дѣлать свое дѣло, закричалъ вслѣдъ увѣзжавшему малышкѣ: „ахъ, добрый человекъ, будь отцомъ роднымъ, спроси у солнца, скоро ли мнѣ перемена будетъ; я уже и самъ не припомню, сколько лѣтъ здѣсь сижу и занимаюсь вотъ этимъ дѣломъ“.

Но царевич-малышка былъ уже далеко. По дорогѣ встрѣчается ему другой человекъ: сидитъ онъ посреди двухъ вонючихъ лужъ и переливаетъ руками какую-то жидкость изъ одной лужи въ другую.

— „Здравствуй, добрый человек!“ говорит ему малышка: „по волю, аль по неволю дѣло дѣлаешь?“ Человекъ молчитъ, ни слова. „Далеко ли до солнца? я къ нему ѣду“, спрашиваетъ малышка.

Человекъ поднялъ свои глаза на царевича и взмолился, не отрываясь отъ своего дѣла: „ахъ, добрый человекъ, будь отцомъ роднымъ, спроси у солнца, скоро ли мнѣ перемена будетъ; я уже и самъ не знаю, сколько лѣтъ здѣсь сижу за этимъ дѣломъ“.

Пока человекъ кричалъ да молилъ, малышка успѣлъ подѣхать къ третьему. На этого жалко было смотрѣть: сидитъ онъ, привязанный къ столбу; въ одной рукѣ у него—камень, въ другой—кусочекъ гнилого дерева; откусить онъ кусочекъ отъ камня, потомъ отъ дерева, проглотить и опять за то же; а камень и дерево отъ того не уменьшаются.

— „Здравствуй, добрый человек!“ говорит ему малышка: „по волю, аль по неволю дѣло дѣлаешь?“ Тотъ молчитъ. „Далеко ли до солнца? я къ нему ѣду“.

Вмѣсто отвѣта человекъ закричалъ малышкѣ вслѣдъ, продолжая свое дѣло: „ахъ, добрый человекъ, будь отцомъ роднымъ,

спроси у солнца, скоро ли мнѣ переменна будетъ; я уже и не припомню, сколько времени адѣсь сижу за этимъ дѣломъ“.

Вотъ подъѣхалъ малявка къ тому мѣсту, гдѣ солнце заходить, гдѣ его ночлеги и отдыхъ бываетъ, смотреть: небо виситъ близехонько, надъ самой головой его, а на небѣ—рукой достать!—звѣзды горятъ, огоньками разными сверкаютъ, переливаются; растутъ невѣдомыя деревья, своими верхушками прямо въ небо упираются; птицы разныя вьютъ себѣ гнѣзда прямо на небѣ, со звѣзды на звѣзду перелетаютъ. Будь малявка ростомъ немного побольше, непременно бы достала себѣ звѣзду; но ему было и не до того: онъ спѣшилъ добраться поскорѣе до дворца солнца. Доѣхалъ малявка до того мѣста, гдѣ небо упирается въ землю, и тутъ увидѣлъ прекрасный домъ, залитый весь яркимъ свѣтомъ. Малявка подъѣхалъ къ крыльцу дома, смотреть: ребяткишки перекатываются съ мѣста на мѣсто какой-то блестящей кружокъ, играютъ съ нимъ.

— „Здорово, ребята!“ крикнулъ малявка дѣтямъ: „что вы дѣлаете?“

— „Съ мѣсяцемъ, дяденька, играемся“, отвѣчаютъ дѣти: „теперь день, и ему, мѣсяцу-то, работы нѣтъ; бабушка наша всегда днемъ даетъ намъ его помгаться; а вотъ какъ наступитъ ночь, мѣсяцъ уйдетъ на работу, тогда мы съ солнышкомъ такъ играемся“.

— „Ведите меня къ вашей бабушкѣ!“ сказалъ малявка. Дѣти ввели его въ богатый домъ. На порогъ его встрѣтила хозяйка дома, молодая, красивая женщина; вмѣсто короны у ней ярко горѣла звѣзда на головѣ. Малявка рассказалъ ей, кто онъ, откуда и зачѣмъ пріѣхалъ.

Женщина сказала ему: „я—мать солнца и мѣсяца и всякій разъ бужу ихъ на работу. Ты хочешь звать, малявка, почему дни теперь стали меньше; вотъ слушай: когда Елена, прекрасная царевна, твоя невѣста, была дѣвницей, непро-

сватанная, то она часто выходила изъ дворца на зеленый луг гулять; тогда солнце, дитя мое, любовалось на нее, не скоро шло по небу, останавливалось, чтобъ лишній разокъ взглянуть на ея красоту; теперь Елена, прекрасная царевна, просватана за тебя, не выходитъ совсѣмъ изъ дворца, и солнце, дитя мое, не видючи ея, стало раньше ко мнѣ приходить. Вотъ отчего дни стали меньше“.

— „А будетъ ли когда перемѣна тѣмъ людямъ, что я встрѣтилъ на дорогѣ?“ спросилъ малявка.

— „Нѣтъ, не будетъ“, отвѣчала мать солнца и мѣсяца.

Разузнавши все, малявка пустился въ обратный путь. Мать солнца и мѣсяца дала ему большую красивую звѣзду въ подарокъ Еленѣ, прекрасной царевнѣ. Доѣзжаетъ малявка до того мѣста, гдѣ оставилъ человѣка съ камнемъ и деревомъ въ рукахъ. Завидѣлъ его этотъ человѣкъ еще издали и закричалъ: „эй, добрый человѣкъ, не везешь ли мнѣ перемѣну?“

— „Нѣтъ, не везу“, отвѣчалъ малявка: „тебѣ никогда перемѣны не будетъ“.

Это былъ булочникъ, который ради выгодъ подсыпалъ въ муку песокъ и древесныя опилки. За свои грѣхи онъ теперь и мучился на томъ свѣтѣ.

Доѣзжаетъ малявка до того человѣка, что сидѣлъ посреди вонючихъ лужъ. Этотъ тоже издали закричалъ ему: „эй, малявка, не везешь ли мнѣ перемѣну?“

— „Нѣтъ, не везу“, отвѣчалъ малявка: „нѣтъ тебѣ перемѣны“.

Это былъ продавецъ вина, который имѣлъ привычку подливать въ вино воду. За свои грѣхи онъ тоже мучился на томъ свѣтѣ.

Обрадовался малявкѣ и первый встрѣченный и издали громко закричалъ ему: „ну что, малявка, не везешь ли мнѣ перемѣну?“

— „Нѣтъ, не беру“, отвѣчалъ малявка.

Это былъ купецъ-красноярецъ, который утаивалъ товаръ у своихъ покупателей. За свои грѣхи онъ и мучился на томъ свѣтѣ, возился съ тѣми кусочками матерій, какіе утаивалъ у покупателей.

Такъ прошелъ годъ, другой, третій, а малявки все нѣтъ съ того свѣта. Вотъ разъ утромъ царь вышелъ со своимъ высокимъ женихомъ на крылечко дворца и удивился: въ его царствѣ будто прибавилось свѣту, стало какъ-то ужъ очень свѣтло, а того и не зналъ онъ, что это малявка со своей звѣздой вступилъ на землю, въ его царство, не вѣдалъ, что свѣтъ отъ той звѣзды разливается во всѣ стороны. Царь уже думалъ, что малявка совсѣмъ пропалъ, — не вернуться ему живымъ отъ солнца, и велѣлъ дочери готовиться къ свадьбѣ, итти за высокаго царевича замужъ.

Затушила, заплакала бѣдная Елена, прекрасная царевна: не хочется ей замужъ итти за немилаго, все ждетъ своего малявку. Вотъ разъ вышла она ночью на высокое крылечко дворца, смотреть: далеко-далеко движется звѣзда. „Ужъ не малявка ли мой ѣдетъ?“ подумала царевна и стала за той звѣздой глазами слѣдить. Ближе-ближе, яснѣе-яснѣе — малявка: въ одной рукѣ звѣзду держитъ, другой конемъ править. Царевна отъ радости не утерпѣла, побѣжала съ крылечка къ воротамъ встрѣчать малявку. — „Милый, дорогой мой малявочка!“ говоритъ она: „ужъ какъ же я тебя ждала поджидала! спасибо тебѣ, что пріѣхалъ, а то быть бы мнѣ женой немилаго“.

— „Не печалься, царевна“, говоритъ малявка: „ложись-ка спать: утро вечера мудренѣе; все разузналъ-развѣдалъ, привезъ отвѣтъ твоему батюшкѣ“.

• Царевна отправилась спать въ свои царскіе покои, а малявка погасилъ свою звѣзду, повѣсилъ ее у забора на колышеѣ и пошелъ къ комнатѣ своего недруга, высокаго ца-

ревича-жениха. Тотъ спалъ богатырскимъ сномъ, храпѣлъ на весь дворецъ. Не долго думая, малявка прошмыгнулъ сквозь дверную щелку, подошелъ къ сонному богатырю-молодцу, брызнулъ ему въ лицо водой изъ второго колодца, и лицо его стало старческое, все въ морщинахъ; брызнулъ на обѣ руки водой изъ третьяго колодца, и руки стали мертвыя, смрадъ пошелъ отъ нихъ по всему дворцу. А самъ малявка той же дорогой ушелъ въ свой покой, тамъ вылилъ на себя часть воды изъ перваго колодца, и сталъ такимъ рослымъ, плечистымъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать.

Утромъ царь, какъ только всталъ да увидаль на колышкѣ забора малявкину звѣзду, догадался, съ какимъ отвѣтомъ пріѣхалъ къ нему малявка; разсердился, приказалъ слугамъ будить своего любимаго жениха. Явились слуги къ царю и со слезами объявили, что какой-то злой волшебникъ испортилъ царевича. Бросился царь въ комнату малявки, отворилъ дверь и тутъ же назадъ отскочилъ: передъ нимъ стоялъ не прежній малявка, а настоящій богатырь-красавецъ. Царь и спрашиваетъ: „да развѣ это ты, мой дорогой малявка? когда же ты успѣлъ вырасти?“

— „У солнца въ гостяхъ былъ“, отвѣчаетъ малявка: „пока ѣхалъ туда да оттуда, успѣлъ и вырасти“.

Тутъ уже царь не сталъ больше спорить съ малявкой и выдалъ за него замужъ свою дочь Елену, прекрасную царевну.

Послѣ свадьбы немного пожилъ малявка у царя; простился со своимъ тестемъ и тещею и сталъ собираться домой, къ своему царю-отцу. Поймалъ онъ морскую кобылицу, что ѣла да топтала царскую пшеницу, сбѣгъ на нее со своею женою и поѣхалъ. На дорогѣ онъ повстрѣчалъ всѣхъ своихъ одиннадцать мертвыхъ братьевъ, все на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и раньше встрѣтилъ, всѣхъ ихъ оживилъ, сбѣгалъ моледцами-красавцами водой изъ перваго колодца и пріѣхалъ съ ними

къ отцу. Ужь какъ отецъ да мать были рады возвращенію малявки, и говорить нечего. Малявка послѣ этого съ Еленой, прекрасной царевной, долго жилъ да поживалъ, на свадьбахъ всѣхъ своихъ братьевъ побывалъ, отца съ матерью похоронилъ, отъ морской кобылицы цѣлый косякъ лошадей развелъ.

Вотъ вамъ и сказки конецъ. Я тамъ быть не бывалъ, косяка не видалъ, а про малявку слышать слыхалъ.

7. Иванъ-малышъ.

Жили себѣ старикъ со старухой ни бѣдно, ни богато: въ завтракъ хлебали уху, въ обѣдъ жевали вареную требуху, а ужинъ имъ былъ не нуженъ. Дѣтей у нихъ не было. Вотъ разъ старикъ и говоритъ своей старухѣ: „а что, старая? придетъ пора-время, силушекъ у насъ съ тобой не будетъ, некому будетъ насъ и изъ-за стола высадить, на печку подсадить, — безъ дѣтей плохо: приходится охать“. Затужилъ, загоревалъ старикъ, что нѣтъ у него сына; а старуха — какъ ни въ чемъ не бывало: пряжу прядетъ, по воду идетъ, хату мететъ — все хозяйство ведетъ. Вотъ разъ, а потомъ другой и третій разъ старикъ замѣтилъ: за обѣдомъ старуха каждый разъ кладетъ на столъ лишнюю ложку и лишній ломоть хлѣба. Старикъ спрашиваетъ старуху, зачѣмъ она это дѣлаетъ — лишнюю ложку да ломоть хлѣба кладетъ на столъ.

„А видишь ли, старый“, отвѣчаетъ старуха: „народился у насъ съ тобою сыночекъ, Иванушка, да онъ теперь такъ малъ, что его не видно, а пить-ѣсть проситъ; для него я и кладу лишнюю ложку и лишній ломоть хлѣба“. Вотъ разъ сѣла старуха со старикомъ обѣдать, да и забыла положить на столъ третью ложку. Только старикъ за хлѣбъ да къ ложкѣ, а кто-то изъ-подъ оюшка какъ закричитъ: „батенька, а мнѣ!“

— „Кто тамъ таковъ?“ спрашиваетъ старикъ.

— „Вашъ сынъ, Иванъ-малышъ. Когда ты, батюшка, ѣлъ

кнѣшъ *) съ горохомъ и уронилъ подъ полъ крошку горошку, а изъ вареной горошинки и родился!“

Сильно обрадовались старики своему сыну, отъ радости не знаютъ, гдѣ посадить его, и сажаютъ его за столъ; а Иванъ-малышъ былъ такой крохотный, что усѣлся на краю чашки да горстью и хлебаетъ уху. Поѣли старики, помолились Богу и собираются лѣзть на печь, а Иванъ-малышъ и говоритъ старику: „ну, батюшка, мнѣ не приходится съ вами сидѣть на печи да ѣсть калачи, хлебать съ вами уху да жевать потребу; пойду-ка я на работу да потружусь въ охоту, денегъ сволочу да и къ вамъ прикачу, чтобъ жили вы безбѣдно: спали мягко, ѣли-пили сладко, чтобъ по праздникамъ у васъ были со сметаной пышки, а по буднямъ—съ мавомъ коврижки“.

Выѣхалъ Иванъ-малышъ на стариковой лошади пахать поле. Пашеть, только знай борозду за бороздой отсчитываетъ, да не доглядѣлъ какъ-то и перепахалъ дорогу. Ыхалъ по той дорогѣ богатый баринъ, да какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была дорога перепахана, чуть было свою бричку не поломалъ и остановился. Разсердился баринъ, взялъ у своего вучера кнутъ и пошелъ по бороздѣ, чтобъ хорошенько отклестать того шахара, какой перепахалъ дорогу. Увидалъ баринъ Ивана-малыша да и забылъ, зачѣмъ пришелъ: такъ понравилась ему его работа; сталъ онъ звать его къ себѣ въ работники и спрашиваетъ: „что ты еще умѣешь дѣлать, малышъ?“

— „Да я, баринъ“, отвѣчаетъ Иванъ-малышъ, „вчера только родился, нова только этому дѣлу (пахать) научился; какъ росту у меня прибудетъ, такъ все сдѣлать могу—хоть оглоблю, хоть дугу: у меня, баринъ, на большое дѣло ученье—часть, а малое такъ пойму заразъ“.

— „Такъ пойдешь ко мнѣ по хорошей цѣнѣ?“

— „Дозволь, баринъ, я сбѣгаю сперва къ батюшкѣ, спрошусь у него“.

*) Кнѣшъ—родъ пирога.

— „Сядись со мной и поѣдемъ въ твоему отцу вмѣстѣ“.

Сѣли и поѣхали. Дорогою баринъ хватился—нѣтъ Ивана-малыша; сунулъ руку въ карманъ—не ладно! Иванъ-малышъ забралъ изъ кармана деньги и убѣжалъ. Дорогою застигла его ночь; не долго думал, онъ запрятался въ лошадиную голову и сидитъ: трусливъ былъ. Шелъ тою дорогою волежъ, учуялъ въ головѣ запахъ человѣка и ну голову грызть. Видитъ, что дѣло плохо, побоялся, какъ бы не попасться волку въ зубы, изловчился да потихоньку и вспрыгнулъ волку на ухо, схватился за одинъ волосъ да какъ крикнетъ во весь голосъ: „тю-тю-тю!“ Волкъ подумалъ, что охотникъ, и давай Богъ ноги по дорогѣ. А Иванъ-малышъ сидитъ на головѣ да знай на него тираетъ. Бѣжалъ, бѣжалъ волежъ, да и наскочилъ на разбойниковъ, а тѣ его и убили желѣзными вилами. Увидали разбойники Ивана-малыша и спрашиваютъ: „скажи намъ, что ты за человѣкъ есть и какая тебѣ честь?“

— „Да я изъ такихъ же, какъ и вы, а звать меня Иванъ-малышъ“.

— „Эге“, говорятъ разбойники, „значить, намъ нынче ночью будетъ славный барышъ. Не знаешь ли ты, Иванъ-малышъ, кто здѣсь, въ вашихъ краяхъ, побогаче скотиной или овчиной?“

— „Какъ не знать!“ говоритъ Иванъ-малышъ: „живетъ здѣсь у насъ недалеко одинъ мужичокъ, такъ у него—вотъ какой косячокъ: сто мериновъ ѣзжалыхъ, да сто въ табунѣ хожалыхъ; однихъ кобылицъ-матокъ—*косой* *) десятокъ. Косякъ примѣтный, да не въ томъ сила, а есть у того мужичка жеребчикъ завѣтный; онъ-то всему глава, не легка для васъ будетъ на него облава. Никто тотъ косякъ не стережетъ, не караулитъ, всю службу тотъ жеребчикъ несетъ: онъ и пасетъ, и на водопой гоняетъ, и отъ волка охраняетъ, куда ни идетъ, всюду за собой косякъ ведетъ. Вотъ еслибъ намъ

*) Число неопредѣленно большое.

чловчиться да увести того жеребчика: всё лошадки за его слѣдомъ пошли бы живо; вотъ это такъ была бы нажива; а за малое дѣло братья не стоятъ и мараться!“

Полюбились разбойникамъ рѣчи Ивана-малыша, и порѣшили они украсть жеребчика. Пошли, смотрять: недалече ходитъ тотъ косякъ. Какъ къ нему приступить? всякъ жеребчика боятся, не знаютъ разбойники, какъ тутъ быть.

Иванъ-малышъ и говоритъ имъ: „чтобы у насъ не была времени трата, пошлите-ка сперва меньшого брата. Держитесь всё покрѣпче вотъ за этотъ конецъ аркана,—этакъ дѣло у насъ будетъ безъ изъяна — я хоть малъ да удалъ, подкрадусь къ тому жеребчику и накину ему на шею петлю; а когда вамъ тянуть арканъ, такъ я знать дамъ“. Даль имъ въ руки одинъ конецъ аркана, за другой самъ взялся и на брюхѣ, словно муха, поползъ въ косяку на четверенькахъ; добрался кое-какъ до жеребца, влѣзъ по хвосту, какъ по мосту, къ нему на спину и накинулъ арканъ. Тутъ жеребецъ рванулся, арканъ натянулся, и у мужика не стало косяка. Такъ разбойники на арканѣ и утащили съ собою жеребца, а за нимъ — всѣхъ кобылицъ-матокъ и ихъ жеребятокъ.

Добыли разбойники себѣ лошадей и говорятъ Ивану-малышу: „у тебя, парень, славная хватка! хоть насъ товарищей и больше десятка, да безъ твоей сноровки мы всё *огуломъ* *) такъ не были бы ловки. Есть теперь у насъ лошадки, но скоро наступитъ зима-холодъ, для нихъ голодъ; нѣтъ у насъ ни сѣна, ни влоа соломы; чѣмъ кормить ихъ будемъ?“

— „Раздобудемъ“, говоритъ Иванъ-малышъ: „не сѣна, аль соломы, овсеца добуду: здѣсь неподалѣчку, на бугорочку, живеть мужикъ не бѣдный — три амбара хлѣбныхъ! Въ нихъ сала не мало и всего другого все непустого. Готовьте

*) *Огуломъ* — всё сообща.

телѣги да мѣшки съ парусами: дѣло ужъ у насъ—за усами. Какъ только туда прибудемъ, всего добудемъ“.

Приѣхали разбойники къ мужику овесъ воровать и остановились съ телѣгами за амбаромъ: сами они не были мѣтея, и послали Ивана-малыша на развѣдки. Обошелъ малышъ амбаръ со всѣхъ сторонъ, побывалъ подъ низомъ и наверху—нѣтъ нигдѣ ни дыры, ни мышиной норы, чтобы можно было ему въ амбаръ проскользнуть; пошелъ къ амбару, нащупалъ двери, до замка—замокъ мудреный и вѣсомъ *ядрѣный* *). Какъ быть безъ *отмычки*? **) вѣдь, это—не лычко, взялъ да и разорвалъ; но Иванъ-малышъ не унывалъ: онъ умудрился, сѣвовъ дыру пролѣзъ и въ замокъ очутился, плечомъ, какъ ключомъ, нажалъ пружину и замокъ откинулъ. Вошелъ въ амбаръ, отыскалъ въ немъ *буравецъ* ***), просверлилъ въ стѣнѣ дыру побольше, и зерно посыпалось разбойникамъ въ мѣшки, не овесъ—овесъ уже не годится—сыпалась пшеница.

Добыли себѣ разбойники хлѣба, сала вдоволь, отѣхали отъ амбара подальше и говорятъ Ивану-малышу: „не знаешь ли ты, малышъ, кто здѣсь поближе такъ богатъ, что деньгамъ не радъ? нужно бы намъ добыть деньжонокъ на одежду, на харчъ и приварокъ“.

— „Слышалъ, есть здѣсь мужичокъ богатый“, говоритъ Иванъ-малышъ: „да какъ деньги взять-то? онъ носитъ ихъ всегда при себѣ въ карманѣ. Какъ бы передъ вами не быть мнѣ въ обманѣ: дѣло-то трудненько“.

— „Экій пострѣленокъ! ростомъ ты—мышонокъ, или вотъ букашка; подберись къ карману, цапни да и тягу. Ужъ тогда мы примемъ тебя навсегда за товарища въ свою ватагу“.

*) *Ядреный*—большой, тяжелый.

Собир.

**) *Отмычка*—крючокъ, конемъ отпираетъ замки. „Толков. слов. живого великорусскаго яз.“ В. И. Дала I, стр. 1818. М. 1865 г.

Ред.

***) *Буравецъ*—стальной стержень съ поперечной деревянной ручкой и шнотовымъ концомъ для проверчиванія дыръ. Тамъ же, I, 125 М. 1863 г.

Ред.

Ночью разбойники остались ждать, а Иванъ-малышъ побѣжалъ въ деревню къ тому мужику, у котораго было денегъ много, побѣжалъ къ мужиковой хатѣ, взобрался подь окномъ на заваленку и слушаетъ. Какъ разъ въ ту пору мужикъ говорить своей женѣ: „слышь, жена, положи-ка мой *капшукъ* *) на печку просушиться, а то я давно деньги не просушивалъ; какъ бы отъ поту не сопрѣли“. Иванъ-малышъ подслушалъ этотъ разговоръ, побѣжалъ къ дверямъ хаты и легъ около порога, притворился мертвымъ и лежитъ—такой твердый. Вышла хозяйка зачѣмъ-то изъ хаты на дворъ и наступила ногой на Ивана-малыша. „Никакъ что-то мерзлое лежитъ“, подумала она, внесла въ хату и въ потемкахъ бросила на печку. Иванъ-малышъ отыскалъ капшукъ, пощупалъ—туго! и притаился на печкѣ; слышитъ: хозяйка спитъ, а мужикъ лежитъ на нарахъ вверхъ брюхомъ, да по пальцамъ деньги свои считаетъ, сколько ихъ у него въ капшукѣ. Слушалъ, слушалъ Иванъ-малышъ—въ глазахъ у него зарябило: денегъ было съ цѣлую охапку. Юркнулъ онъ съ печки подь лавку съ капшукомъ и наступилъ воту на хвостъ. Котъ какъ закричить. „Слышь, жена“, говоритъ мужикъ: „выпусти проклятаго вота на дворъ; а то онъ взялъ повадку: чуть не досмотрѣлъ—онъ подь лавку“. И баба вмѣстѣ съ котищемъ въ потемкахъ выпустила на дворъ и нашего парнища.

Увидали разбойники Ивана-малыша и спрашиваютъ: „ну что, малышъ, какъ барышъ?“ Малышъ показалъ добычу. „Обошелъ ты смѣло! экой гаманище! **) думали—котище!“ заговорили разбойники въ одинъ голосъ. Вотъ подѣхали разбойники къ погосту, остановились и говорятъ: „будемъ дѣлить добычу по росту“, а сами сговорились изъ всего богатства на долю малыша не дать ни шиша. Малышъ провѣдалъ это и—цапъ весь капшукъ изъ ихъ рукъ и убѣжалъ къ себѣ на паш-

*) *Капшукъ* (мѣр.)—кошелъ для денегъ.

Собир.

**) *Гаманище*—гаманъ, гаманецъ. См. выше, на стр. 45 примѣч. *Ред.*

ню; забралъ и здѣсь всѣ деньги, что вытаскилъ у барина изъ кармана, и со всею казной воротился домой.

Съ тѣхъ поръ малышовы старики не стали хлебать и жевать ни уха, ни требухи и зажили слава Богу: ѣли сладко, спали мягко и за малышовыми плечами ничего не дѣлали сами.

8. Сынъ пастуха.

Жилъ-былъ ни царь, ни князь, ни купецъ, а пастухъ. Пастухъ этотъ былъ очень богатъ: онъ имѣлъ у себя два табуна скотины: одинъ рогатый—онъ самъ стерегъ, а другой вонный—стерегъ его сынъ. Табуны были такъ велики и поля такъ обширны, что отецъ съ сыномъ могли видѣться не больше разу въ десять лѣтъ. Отецъ только и зналъ, что стерегъ табунъ, а сынъ и охотою занимался. Вотъ однажды пастуховъ сынъ взялъ сагайдакъ *) съ тремя стрѣлами, сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ на охоту. Больше трехъ стрѣлъ онъ никогда съ собою не бралъ: былъ такъ ловокъ да мѣтокъ, что промаха не дѣлалъ, а съ него и того было довольно, что убивалъ тремя стрѣлами. Вотъ ѣдетъ онъ чистымъ полемъ, смотреть: заяцъ бѣжитъ, такой большой да славный. Не долго думая, пастуховъ сынъ снялъ съ плеча сагайдакъ, приложилъ стрѣлу и нацѣлился въ зайца. Тракъ! сломался сагайдакъ и стрѣла упала къ ногамъ лошади. „Что за притча?“ подумалъ онъ: „никогда со мной этого не бывало. Это, должно-быть, не простой заяцъ; дай-ка я нагоню его да убью плетью“. Хлопнулъ коня и погнался. Не успѣлъ конь нагнать зайца и ударить копытомъ, какъ тутъ же упалъ мертвымъ. Разсердился молодецъ, погнался пѣшкомъ за зайцемъ; нагналъ, да только что хотѣлъ ударить плетью между ушей, смотреть: ни плети у него въ рукѣ, ни зайца; а кругомъ

*) Сагайдакъ или саадакъ (ттр.)—налучникъ, а въ старину и весь охотничій приборъ: лукъ съ налучникомъ и кочанъ со стрѣлами. „Толк. слов. жив. великр. яз.“ В. И. Дала. Ч. 4. М. 1866, стр. 114. Ped.

лѣсъ стоитъ, большой да дремучій, у ногъ его—тропинка. Пастуховъ сынъ пошелъ по этой тропѣ. Шелъ ни долго, ни коротко, съ утра до вечера, и привела его та тропа къ избушкѣ. Смотритъ онъ: въ избушкѣ огонекъ свѣтится; заглянулъ въ окно: въ избѣ старичокъ Богу молится, земные поклонъ кладетъ. Онъ постучалъ, и старикъ впустилъ его въ избу. Разказалъ сынъ пастуха старику свое горе и проситъ сказать, какъ ему найти дорогу домой. Старикъ оставилъ пастухова сына у себя ночевать и разказалъ ему про зайца, котораго тотъ хотѣлъ застрѣлить: „то не заяцъ былъ“, говоритъ онъ, „а король—волшебникъ; живетъ онъ въ *Ключь-городѣ* и имѣетъ трехъ дочерей-невѣстъ. Дѣвицамъ давно пора замужъ, но отецъ не хочетъ съ ними разстаться: жаль ему ихъ отъ себя отпустить и держать при себѣ всѣхъ троицъ. Въ какой бы землѣ ни появлялся молодецъ, который могъ быть женихомъ его дочерей, всякаго онъ сживалъ со свѣту. И тебѣ бы не сдобровать, да, вѣрно, онъ не на того напалъ“.

Утромъ пастуховъ сынъ проситъ старика указать ему дорогу домой. Старикъ и говоритъ: „обожди, самъ я дороги не знаю, а схожу, спрошу у брата“. Уходя, старикъ нагазывалъ молодцу: „коли тебѣ скучно будетъ здѣсь одному, вотъ тебѣ на стѣнкѣ врантикъ; поверни его этакъ, и всякая музыка тебѣ заиграетъ. Только вотъ туда, въ маленькую комнатку, въ тотъ чуланчикъ, не ходи безъ меня“. Сказалъ и ушелъ.

Сынъ пастуха, не долго думая, схватился за врантикъ, повернулъ, и разная музыка ему заиграла. Захотѣлось ему узнать, почему старикъ не приказывалъ заходить въ маленькую комнатку, да только что перешагнувъ порогъ комнатки, дверь сама за нимъ захлопнулась, и онъ очутился въ обширномъ волшебномъ саду. Оглядѣлся кругомъ и видитъ: въ саду что деревьевъ всякихъ, цвѣтовъ разныхъ, травъ, птицъ; теки тутъ рѣки прѣсныя, рѣки соленыя, рѣки слад-

жія и горькія. Нарвалъ онъ себѣ яблокъ рѣдкахъ, всякой другой фрукты, сѣлъ подъ кустъ и сталъ ѣсть. Смотритъ: прилетаютъ на берегъ прѣсной рѣки три дѣвицы, съ большими бѣлыми лебедиными крыльями; опустили недалеко отъ него, сняли съ себя рубашки, отвязали крылья и стали купаться да плавать, что твоя рыба. Смотритъ онъ, что будетъ дальше: двѣ дѣвицы выкупались, смѣючись вышли изъ воды, одѣлись, прицѣпили себѣ крылья подъ мышки, осмотрѣлись и стали звать изъ воды третью. „Обождите, сестрицы!“ говоритъ та имъ: „еще немного покупаюсь да яблочковъ себѣ нарву на дорогу“. Но сестры не стали ее ждать, улетѣли. Немного погодя, послѣдняя дѣвица одѣлась, убралась, подвязала крылья, улетѣла, да и не замѣтила, что у нея изъ лѣваго крыла выпало одно перышко и осталось на берегу. Сынъ пастуха поднялъ перо, „авось думаетъ, пригодится послѣ“ и сунулъ его себѣ въ карманъ. Незавѣстно, сколько времени онъ тутъ въ саду разгуливалъ, гдѣ былъ, гдѣ спалъ, что ѣлъ и пилъ; но ему такъ показалось тутъ хорошо, что онъ отсюда совсѣмъ не хотѣлъ уходить. Однажды смотритъ онъ: идетъ къ нему старикъ, хозяинъ избушки; подошелъ и говоритъ: „ты зачѣмъ, дѣдушка, зашелъ сюда? тебѣ здѣсь не мѣсто“.

Сынъ пастуха испугался, что старикъ назвалъ его дѣдушкой; и говоритъ: „я—не дѣдушка, а таковой-то есть молодецъ“.

— „Хорошъ же ты!“ засмѣялся старикъ: „а нука посмотри вотъ въ это зеркальце!“

Сынъ пастуха посмотрѣлъ въ зеркальце да такъ и обмеръ: онъ увидалъ себя старымъ-престарымъ старикомъ. „Отчего это со мной такъ сдѣлалось?“ спрашиваетъ онъ дѣда.

— „Оттого“, отвѣчалъ старикъ, „что въ этомъ волшебномъ саду вѣчно бываетъ день, а ночи никогда не бываетъ. Ты думалъ, что и дня здѣсь не прожилъ, анъ съ тѣхъ поръ, какъ ты сюда зашелъ, сто лѣтъ уже прошло. Ну, да это не бѣда. А скажи мнѣ вотъ что, добрый молодецъ: не видалъ ли ты здѣсь чего около прѣсной рѣвки?“

Сынъ пастуха разсказалъ старику, какъ три дѣвицы прилетаютъ купаться, и что одна изъ нихъ такъ ему понравилась, что онъ хотѣлъ бы на ней жениться, только не знаетъ, какъ это сдѣлать.

Старикъ сказалъ ему: „хорошо, это я могу для тебя устроить, только ты за это напередъ долженъ у меня переночевать сто ночей“. И оба они вышли изъ волшебнаго сада.

Вотъ сталъ сынъ пастуха коротать у старика сто ночей. Съ каждымъ днемъ, съ каждой недѣлей онъ все молодѣетъ и молодѣетъ. Старикъ за это время успѣлъ многое ему разсказать; разсказалъ, что когда-то и онъ былъ молодъ и удалъ, что и онъ также за звѣремъ гнался, сватался за королевскую дочь, но король-волшебникъ сдѣлалъ его старымъ и приставилъ караулить волшебный садъ, и что съ тѣхъ поръ онъ живетъ здѣсь и доставляетъ къ королевскому столу яблоки и разную фрукту изъ сада. „Въ каждую изъ этихъ ста ночей, какія ты у меня живешь“, замѣтилъ старикъ, „я бываю молодымъ и живу такъ, какъ когда-то жилъ на волѣ“. Переночевалъ, наконецъ, сынъ пастуха послѣднюю ночь у старика и сталъ опять такимъ же молодымъ, какъ и былъ. Отпускаетъ его старикъ въ волшебный садъ и говоритъ: „придешь туда, садъ около рѣки подъ вустомъ, а перо, что—у тебя въ карманѣ, береги пуще глаза. Какъ только дѣвицы прилетятъ купаться, раздѣнутся, бросатся въ воду, ты подойди и украдь одно дѣвичье крыло, спрячься съ тѣмъ крыломъ подъ кустъ, да бери у самой младшей. Эти дѣвицы и есть дочери короля, что живетъ въ Ключѣ-городѣ“.

Пришелъ сынъ пастуха въ волшебный садъ и сталъ ждать, когда королевскія дочери прилетятъ къ рѣкѣ купаться. Вотъ прилетѣли и опустились на берегъ три сестры, королевскія дочери, сняли съ себя крылья и стали купаться въ рѣкѣ. Пастуховъ сынъ подкрался, взялъ у самой младшей королевской дочери лѣвое крыло и спрятался съ нимъ подъ кустъ.

Двѣ старшія сестры выкупались, вышли изъ рѣки, одѣлись, прицѣпили крылья и улетѣли, не стали ждать младшей сестры, а младшая долго еще купалась, долго ныряла, охорашивалась; наконецъ, и она вышла изъ воды, одѣлась, прицѣпила одно крыло, хватилась—а другого нѣтъ. Туда, сюда искать—нѣтъ. Кричала, звала—все нѣтъ. Заплакала красавица и стала громко звать: „кто взялъ мое крылышко, отзовись: если старъ-старичокъ, будешь мнѣ дѣдушка (Пастуховъ сынъ молчить); если старая старушка, будешь мнѣ бабушка (Пастуховъ сынъ все молчить); если красная дѣвица, будешь мнѣ сестрица (Молчить); если добрый молодецъ, будешь мой суженый?“

Объявился тутъ сынъ пастуха и сказалъ: „здравствуй, дѣвица-раскрасавица! я—молодецъ, твой суженый!“

— „Веди меня, теперь я твоя“, сказала дочь королевская. И они вышли изъ волшебнаго сада къ стариву. Старивъ разсказалъ сыну пастуха, какъ найти дорогу изъ лѣсу домой, и на прощаньи шепнулъ ему на ухо: „смотри, чтобъ не улетѣла у тебя твоя лебедка,—не давай ей крыльевъ въ руки, пока вась не перевѣнчаютъ“.

Взялъ молодецъ королевскую дочь и отправился съ нею въ путь-дорогу. Скоро дошелъ онъ до того мѣста, гдѣ заяцъ скрылся изъ его глазъ; встрѣтилъ тутъ своего мертваго коня, хлеснулъ его плетью, и вонь вскочилъ на ноги, какъ будто и былъ живой. Сѣлъ молодецъ со своей невѣстой на коня и поѣхалъ своей дорогой. Ъдетъ, а королевская дочь ему и говорить: „убей что-нибудь: мнѣ ѣсть хочется“. Молодецъ соскочилъ съ коня, сдѣлалъ сагайдакъ, а королевская дочь тѣмъ часомъ смастерила стрѣлу и говорить: „вотъ и стрѣла готова, только пера нѣтъ. Дай-ка мое крылышко—я изъ него вырву перо“. Сынъ пастуха забылъ совѣтъ старика и передалъ ей крыло. Королевская дочь васкоро прицѣпила крылья и улетѣла отъ добраго молодца. Только услышалъ онъ, какъ она

ему крикнула: „эхъ, добрый молодецъ, сумѣлъ ты меня поймать, да не сумѣлъ удержать; ищи теперь меня за тридевять земель, въ тридесятѣмъ царствѣ, въ Ключь-городѣ, у родного моего батюшки“.

Заплакалъ отъ горя бѣдный сынъ пастуха, не знаетъ, что ему дѣлать, какъ быть. Не успѣлъ онъ протереть глаза, смотреть: коня какъ не бывало, кругомъ стоитъ дремучій лѣсъ, и у ногъ—знакомая тропинка. Пошелъ онъ по этой тропинкѣ, шелъ цѣлый день, къ вечеру приходитъ опять къ старичку и молить его: „скажи, дѣдушка, гдѣ находится Ключь-городъ: тамъ мнѣ нужно искать мою невѣсту“.

— „Я прожилъ здѣсь уже триста лѣтъ“, говоритъ старикъ“, „а не знаю, какъ найти дорогу къ Ключу-городу; спрошу у своихъ орловъ: они въ годъ семь разъ бывають въ Ключь-городѣ, носятъ изъ волшебнаго сада яблоки къ королевскому столу“. Спросили орловъ. Орлы отвѣтили, что бывать въ Ключь-городѣ они бывали, но дороги указать не укажутъ. Они бы и могли указать, да, жалѣючи добраго молодца, не захотѣли: знали, что, кто пойдетъ въ Ключь-городъ, тому не быть живому. „Ну, добрый молодецъ“, говоритъ старикъ сыну пастуха: „вотъ тебѣ мой молодой орелъ; иди ты съ нимъ по этой дорогѣ черезъ лѣсъ; онъ приведетъ тебя къ моему среднему брату; отъ брата и узнаешь, гдѣ есть Ключь-городъ“.

Пастуховъ сынъ отправился въ путь. Шелъ день, шелъ другой, на третій подходитъ къ избушкѣ. Стоитъ избушка въ лѣсу; на порогѣ сидитъ старый-престарый человѣкъ.

— „Здравствуй, дѣдушка!“ говоритъ сынъ пастуха.

— „Здорово, добрый молодецъ! Куда путь держишь?“

— „Ищу Ключь-городъ: въ немъ живетъ моя невѣста-королевна. Не слыхалъ ли ты про этотъ городъ? не можешь ли указать къ нему дорогу?“

— „Какъ не слыхать!“ говоритъ старикъ: „я живу здѣсь

безъ малаго четыреста лѣтъ, караулю *заповѣднѣй* *) королевскій лѣсъ, короля Ключа-города. Эхъ, добрый молодець, было времячко, и я былъ молодець, сватался за дочь короля, да съ тѣхъ поръ, какъ онъ обратилъ меня въ старца и приставилъ караулить лѣсъ свой, я здѣсь и живу, къ его королевскому столу дичь да звѣрей доставляю. Знаю, что есть Ключь-городъ, а какъ сыскать путь къ нему, не могу сказать; спрошу у волковъ: они въ Ключь-городѣ въ годъ семь разъ бываютъ, къ королевскому столу дичь да звѣря доставляютъ, такъ они, должно-быть, знаютъ дорогу“. Спросили у волковъ, но волки сказали, что бывать въ Ключь-городѣ они бывали, а дороги указать не укажутъ. Они-то знали путь къ Ключу-городу, да, жалѣючи добраго молодца, не сказали: знали, что, кому туда итти, не быть живому. Даетъ старикъ сыну пастуха молодого волченка и говоритъ: „иди ты съ нимъ по этой дорогѣ черезъ лѣсъ; онъ приведетъ тебя къ моему старшему брату; отъ брата и узнаешь, гдѣ есть Ключь-городъ“.

Распрощался сынъ пастуха со старикомъ, взялъ орла да волченка и отправился дальше. Шелъ день, другой, третій и вышелъ на большую степь, смотритъ—соленое озеро, а около озера стоитъ избушка. Увидалъ онъ на порогѣ избушки старика и спросилъ, какъ найти дорогу къ Ключу-городу.

Старикъ сказалъ: „я живу здѣсь безъ малаго пятьсотъ лѣтъ, соль да рыбу доставляю королю въ Ключь-городъ. Эхъ, добрый молодець, сватался и я когда-то за его дочку, да вотъ что онъ со мной сдѣлалъ, къ какому дѣлу приставилъ. Пойдешь туда—не снести тебѣ буйной головы: итти туда развѣ на одну погибель. Ну, да дѣлать нечего. На-ка тебѣ мѣшочекъ соли—пригодится. Какъ перейдешь отсюда три рѣки, тамъ тебѣ и будетъ Ключь-городъ“.

Распрощался сынъ пастуха со старикомъ, поблагодарилъ

*) *Заповѣднѣй* лѣсъ — л., въ которомъ запрещена (=заповѣдана) порубка.
„Толков. слов. жив. влкр. яз.“ Дала, Ч. I, стр. 553. Ред.

и отправился дальше. Какъ сказалъ старикъ, такъ и сбылось: на дорогѣ встрѣчается ему рѣка; у рѣки стоитъ корабль, а на кораблѣ—корабельщикъ.

— „Эй, корабельщикъ“, закричалъ сынъ пастуха, „перевезешь меня на ту сторону?“

— „Перевезу“.

— „А что возьмешь за перевозъ?“

— „Я денегъ не беру“, отвѣчаетъ корабельщикъ: „дашь отрубить мнѣ свою правую руку—перевезу“. Пастуховъ сынъ согласился. Переплыли рѣку. Корабельщикъ сталъ требовать плату и уже взялъ свой топоръ-саморубъ, хотѣлъ отсѣчь руку.

— „Не губи ты меня, добрый человѣкъ“, говоритъ пастуховъ сынъ: „возьми вмѣсто руки моего орленка; онъ у меня *вотъ какой*“.

Корабельщикъ согласился, и сынъ пастуха пошелъ дальше. Встрѣчается ему другая рѣка; у рѣки стоитъ корабль съ корабельщикомъ.

— „Эй, корабельщикъ“, закричалъ пастуховъ сынъ, „перевезешь меня на ту сторону?“

— „Перевезу“.

— „А что возьмешь за перевозъ?“

— „Коли дашь отрубить свою правую ногу—перевезу“. Пастуховъ сынъ согласился. Переплыли рѣку. Корабельщикъ сталъ требовать плату за перевозъ, взялъ свой топоръ-саморубъ хотѣлъ отсѣчь ногу.

— „Не губи ты меня, добрый человѣкъ“, взмолился сынъ пастуха: „возьми вмѣсто ноги моего волченка, онъ у меня *вотъ какой*“.

Корабельщикъ согласился, и пастуховъ сынъ пошелъ дальше. Вотъ идетъ онъ своимъ путемъ-дорогою, смотритъ: три чорта дерутся—кусаются, брыкаются.

— „Чего вы, черти, деретесь? аль чего не подѣлили?“ спрашиваетъ онъ ихъ.

— „Да вотъ“, отвѣчаетъ старый чортъ, „остались намъ отъ дѣда въ наслѣдство три вещи: шапка-невидимка, дудочка-самоиграечка да сапожки-самоходы, да мы не знаемъ, какъ ихъ подѣлить между собою; оттого у насъ и споръ-драка. Не подѣлишь ли ты насъ, добрый человѣкъ?“

— „Отчего, не подѣлить“, говоритъ сынъ пастуха, „можно“; а самъ начертилъ на землѣ крестъ православный, присыпалъ его солью, что была у него въ мѣшочкѣ, да и говоритъ: „а ну, черти, хватайте соль горстями! кто больше наберетъ, тотъ себѣ все и возьметъ“. Хватились черти за соль, зацѣпили своими когтями православный крестъ и тутъ же провалились сквозь землю. Пастуховъ сынъ забралъ диковинки и пошелъ своей дорогой. Подходить онъ къ третьей рѣкѣ; и тутъ стоитъ корабль съ корабельщикомъ.

— „Эй, корабельщикъ“, закричалъ молодецъ, „перевези меня на ту сторону!“

— „Садись, перевезу“.

— „А что за перевозъ возьмешь?“

— „Голову съ плечъ“. Пастуховъ сынъ согласился. Переплыли рѣку. Корабельщикъ хотѣлъ было уже ему голову отсѣчь, глядь—а того ужъ и слѣдъ простылъ: ушелъ съ своей шапкѣ-невидимкѣ.

Вотъ подходитъ сынъ пастуха къ Ключу-городу и видитъ: со всѣхъ сторонъ городъ обнесенъ высокою стѣною, на стѣнѣ желѣзные зубцы, а на каждомъ зубцѣ торчатъ по человѣчьей головѣ, только одинъ зубецъ безъ головы. „Ну“, думаетъ онъ, „ужъ не моей ли буйной головушкѣ торчатъ на этомъ зубцѣ?“ и стало ему жутко да страшно. Досталъ онъ изъ кармана дудочку-самоиграечку—вздумалось ему поиграть, тоску-вручину разогнать—да только что дунулъ въ дудочку, вдругъ явились передъ нимъ три молодца и говорятъ: „чего тебѣ надобно, добрый человѣкъ?“ Сынъ пастуха смекнулъ, что это за дудочка, и говоритъ молодцамъ: „отворите

ворота, впустили меня въ Ключь-городъ.“ Молодцы распахали, разбили засовы, растворили ворота, впустили пастухова сына въ городъ, а сами пропали изъ глазъ. Вошелъ сынъ пастуха въ Ключь-городъ, смотреть: въ городѣ нѣтъ ни улицъ, ни домовъ, ни людей, кругомъ лѣсъ дремучій. Онъ — опять за дудочку. Явились три молодца и спрашиваютъ: „чего тебѣ надобно, добрый человѣкъ?“ — „Доведите меня до дворца короля“, говоритъ имъ пастуховъ сынъ. Молодцы тотчасъ же исполнили его волю, и сами опять пропали изъ глазъ.

Надѣлъ на себя сынъ пастуха шапку-невидимку и зашелъ во дворъ къ королю, смотреть: въ королевскомъ саду младшая дочь короля гуляетъ, про молодца вспоминаетъ да все вздыхаетъ. Сынъ пастуха подошелъ къ ней и ну ее щипать да щекотать.

Королевна стала просить: „кто ты есть, добрый молодецъ, объявись—будешь мой суженый“. Пастуховъ сынъ снялъ шапку-невидимку и сталъ видимъ. Какъ увидѣла его королевская дочь, взмолилась: „убѣжимъ отсюда, добрый молодецъ, скорѣе, пока мой батюшка не вернулся домой!“ а сама побѣжала въ свою комнату, прицѣпила свои крылья и хотѣла выйти изъ дворца. Увидали ее старшія сестры, не пускаютъ: „куда ты“, говорятъ, „одна безъ насъ полетишь, сиди дома; не послушаешь—отцу скажемъ“, отняли у нея крылышки и спрятали. Заплакала королевна и стала упрашивать сестеръ: „отдайте, сестрицы, мои крылышки; я недалечко летаю погулять“; но сколько ни упрашивала, ни умаливала, тѣ не отдали ей крылышекъ. Вышла она въ садъ къ своему суженому и говоритъ: „что мнѣ дѣлать, добрый молодецъ? не пускаютъ меня сестры, запрятали мои крылышки и не отдаютъ“.

— „Это бѣда не великая“, отвѣчаетъ сынъ пастуха: „есть у меня сапожки-самоходы; они насъ донесутъ“. Отдаетъ онъ своей суженой дудочку-самоиграечку и говоритъ: „отдай эту

дудочку своимъ сестрицамъ, пусть позабавятся, а сама выходи скорѣе да и убѣжимъ“.

Королевна такъ и сдѣлала. Какъ только сестры взяли дудочку въ руки, она и заиграла сама, да такъ любо-хорошо, что онѣ заслушались и забыли про свою младшую сестру. А королевна выбѣжала въ садъ и говорить сыну пастуха: „побѣжимъ скорѣе, пока отецъ не вернулся“.

Молодецъ въ шапѣхъ-невидимкѣхъ, въ сапожкахъ-самоходахъ подхватилъ ее на руки, и они побѣжали изъ Ключа-города.

Прилетѣлъ отецъ-король домой сизымъ орломъ, ударился объ окошко и сталъ человѣкомъ. Догадался онъ, что нѣтъ дома младшей дочери, разгнѣвался; увидалъ у старшихъ дочерей дудочку-самоиграечку, выхватилъ и разбилъ ее въ кусочки. „А гдѣ ваша младшая сестра?“ спросилъ онъ дочерей и приказалъ сейчасъ же летѣть въ погоню: „летите скорѣе, да распросите моихъ корабельщиковъ, не переправляли ли они кого“.

Сестры полетѣли въ погоню, по дорогѣ встрѣтили корабельщиковъ и спросили, не переправляли ли они кого.

— „Съ утра мы не переправляли никого, кромѣ родной вашей сестры“, отвѣтили корабельщики: „она сказала, что погулять ѣдетъ“.

— „А кто съ ней былъ?“

— „Никого не видѣли, не примѣтили“, отвѣчали корабельщики.

Прилетѣли сестры къ отцу и рассказали, что узнали отъ корабельщиковъ.

Король-отецъ и говорить: „догадываюсь теперь, съ кѣмъ она переправилась. Летите скорѣе въ мой заповѣднй лѣсъ, скажите волкамъ, чтобъ тѣ ихъ догнали и разорвали; да дорогой мовимъ мечемъ снести всѣмъ корабельщикамъ головы съ плечъ“.

Полетѣли сестры и приказали волкамъ бѣжать за сестрой въ погоню. Но сколько волки ни гнались, не могли догнать

сына пастуха, такъ ни съ чѣмъ воротились и объявили королевскимъ дочерямъ, что никакъ нельзя было догнать. Воротились сестры къ отцу и рассказали, что узнали отъ волковъ.

Отецъ-король и говорить: „летите въ мой волшебный садъ, пошлите за нимъ орловъ, пусть орлы ихъ нагоняютъ, глаза имъ выключутъ“. Орлы тоже не догнали. Нечего дѣлать, обернулся король-отецъ яснымъ соколомъ и пустился въ погоню самъ.

А пастуховъ сынъ тѣмъ временемъ въ своихъ сапожкахъ-самоходахъ съ королевскою дочерью на рукахъ все бѣжалъ, не останавливался. Вотъ они бѣжали, бѣжали, королевская дочь и говоритъ ему: „приложи-ка ухо къ землѣ да послушай, вѣтъ ли за нами погони: что-то чую я гудъ въ землѣ“.

Прилежь сынъ пастуха ухомъ къ землѣ и говорить: „слышу гудъ, да не знаю, гдѣ,—не то надъ землею, не то подъ землею“.

Королевская дочь и говорить: „ну, добрый молодець, берегись: это самъ батюшка родной гонится за нами“.

Сынъ пастуха испугался, еще шибче пустился въ своихъ сапожкахъ-свороходахъ. Увидали они пещеру; королевская дочь и говорить: „залѣзай туда, а я здѣсь останусь“. У входа въ пещеру лежалъ большой камень; королевская дочь обернулась сѣрой уткой и сѣла на этомъ камнѣ; смотритъ: летитъ ея отецъ яснымъ соколомъ—только шумъ идетъ кругомъ, увидаль утку, догадался, что это за птица сидитъ, и сталъ кружиться надъ пещерою. Кружился, кружился, да какъ пустился со всего размаху внизъ—хотѣлъ сразу схватить утку, ударился объ камень и убится на смерть. Утка шмыгнула въ пещеру и спаслась. Сынъ пастуха вышелъ изъ пещеры, подхватилъ на руки королевскую дочь и живо-живехонько добѣжалъ съ ней въ сапожкахъ-самоходахъ къ себѣ домой. Тутъ онъ женился на королевской дочери и сталъ съ ней жить счастливо да радостно.

9. Ракъ-царевичъ.

Жили-были старикъ со старухой недалеко отъ берега моря. Было у стариковъ большое горе: сколько они Бога ни молили, сколько ни просили, чтобы были у нихъ дѣти, Богъ такъ и не услышалъ ихъ молитвы; а старикамъ очень хотѣлось имѣть сына. Старикъ-то былъ рыболовъ. Вотъ однажды отправился онъ на ловъ, смотреть: по морскому берегу, по песку, ракъ ползеть, такой огромный. Испугался старикъ: никогда отъ роду такого рака не видывалъ; ужъ больно великъ онъ былъ. Ракъ и говоритъ старикъ: „возьми меня къ себѣ, добрый человѣкъ, я буду твоимъ сыномъ“. Старикъ подхватилъ рака и принесъ домой. „Слушай, старуха“, говоритъ онъ женѣ, „далъ Богъ намъ сына; корми, пои его—пусть онъ будетъ намъ вмѣсто сына“. И старуха стала ухаживать за ракомъ, какъ за роднымъ сыномъ: и кормила, и поила его. Днемъ ракъ ползалъ по хатѣ, а ночью спалъ на мягкой кровати.

Вотъ разъ доходить до стариковъ слухъ, что отъ царя пришла такая грамота: кто выстроитъ въ одну ночь отъ царскаго дворца черезъ рѣку серебряный мостъ съ золотыми гвоздями, съ хрустальными деревьями по краямъ, за того царь отдастъ замужъ свою единственную дочь-царевну. Вотъ старики стали судить да рядить о царскомъ указѣ, а ракъ услышалъ ихъ разговоръ да и говоритъ старикъ: „иди къ царю и объяви, что я могу сдѣлать въ одну ночь такой мостъ“.

Что старикъ ни дѣлалъ, какъ ни отговаривался, а пришлось ему идти къ царю. Вотъ приходитъ старикъ къ царскому дворцу и проситъ, чтобы о немъ доложили царю.

— „Чего тебѣ надобно, старина?“ спрашиваетъ его царь.

— Такъ и такъ, отвѣчаетъ старикъ: „есть у меня, ваша царская милость, сыночекъ; онъ можетъ въ одну ночь построить вамъ серебряный мостъ съ золотыми гвоздями, съ хрустальными деревьями по краямъ“.

Царь отпускаетъ старика и говоритъ грозное слово: „смо-

три, старина, если не будет исполнена моя воля, то будет тебѣ и всей твоей роднѣ великое горе: всѣмъ вамъ—головы съ плечь“.

Побѣждалъ старикъ домой рассказать сыну-раку про грозный царскій приказъ. „Этакъ, пожалуй, какъ-разъ бѣды не миновать!“ сказалъ онъ съ досадою и легъ со старухой спать.

Ракъ ночью выгѣзъ изъ своей кожи и обернулся молодцомъ пригожимъ; вышелъ молодецъ изъ стариковыхъ сѣнецъ на дворъ и крикнулъ громкимъ голосомъ: „эй вы, слуги мои вѣрные, работники примѣрные! выходите на работу, потрудитесь до поту, состройте къ утру царю мостъ серебряный, съ золотыми гвоздями, съ хрустальными деревьями по краямъ!“.

Чуть свѣтъ-зорька проснулся царь, посмотреть: стоитъ мостъ готовый, совсѣмъ новый, точь-въ-точь такой, какой ему хотѣлось имѣть.

Ни свѣтъ, ни заря идетъ отъ царя другая грамота: кто построитъ въ одну ночь церковь, каменную, съ серебрянымъ куполомъ, съ золотыми главами, чтобъ въ ней былъ и попъ, и дьяконъ, и пономарь, за того царь выдастъ замужъ свою дочь и велитъ царевнѣ вѣнчаться со своимъ женихомъ въ той церкви.

Прослышали старики о новой царской грамотѣ, стали о ней судить да рядить, а ракъ услыхалъ и говорить старикъ: „види ты къ царю и объяви, что я могу въ одну ночь построить такую церковь“.

Что старикъ ни дѣлалъ, какъ ни отговаривался, а пришлось ему опять итти къ царю. Приходить онъ къ царскому дворцу. Слуги его увидали и тотчасъ же царю сказали.

— „Чего тебѣ надобно, старина?“ спрашиваетъ царь рыболова.

— Такъ и такъ, отвѣчаетъ старикъ: „есть у меня, ваша царская милость, сыновъ; онъ можетъ въ одну ночь построить вамъ церковь, какую приказали“.

— „Отчего же“, спрашиваетъ царь, „твой молодецъ не пришелъ ко мнѣ самъ?“

— „Да онъ, ваша царская милость, еще малеконекъ— только ползаетъ“, отвѣчалъ старикъ.

— „Вотъ какъ!“ удивился царь: „что же выйдетъ изъ него, когда онъ войдетъ въ настоящіе года?“

— „Да тогда“, говоритъ старикъ, „я ужъ и самъ не знаю, что изъ него будетъ. Онъ-то у меня, ваша царская милость, не родной, а приبلудной; самъ ко мнѣ сыномъ назвался, да такъ у меня и остался“.

— „Спасибо тебѣ, старина, что растишь такого сына. Смотри: если къ утру церковь не будетъ готова, то вотъ мое послѣднее слово: и тебѣ, и всей твоей роднѣ не быть живымъ“.

Пустился старикъ бѣжать со страху что есть духу, прибѣжалъ домой и разсказалъ все сыну. Легъ старикъ со старухой спать, а ракъ ночью вылѣзъ изъ своей кожи, обернулся молодцомъ пригожимъ; вышелъ молодецъ изъ стариковыхъ сѣнецъ на дворъ и крикнулъ громкимъ голосомъ: „эй вы, слуги мои вѣрные, работники примѣрные! выходите на работу, потрудитесь до поту, состройте царю къ утру церковь, каменную, съ серебрянымъ куполомъ, съ золотыми главами, чтобъ въ ней былъ и попъ, и дьячокъ, и пономарь!“

Утромъ царь, какъ только всталъ да увидалъ церковь, точь-въ-точь такую, какую приказалъ построить, тотчасъ отдалъ приказъ дочери готовиться къ свадьбѣ. Послали гонцовъ и за старикомъ, чтобы онъ скорѣе спѣшилъ со своимъ сыномъ къ царю во дворецъ на честь великую.

Является къ царю старикъ ни живъ, ни мертвъ.

— „Ну что, старина, привелъ ты своего сына?“ спрашиваетъ царь.

— „Да онъ сейчасъ, ваша царская милость, придетъ, здѣсь недалечко ползетъ“.

Царь выбѣжалъ изъ дворца, чтобы съ честью принять молодца.

— „Гдѣ же твой сынъ?“ спрашиваетъ онъ старика. Старикъ указалъ царю на рака и сказалъ: „вотъ мой сынъ, такимъ и родился“.

Удивился Царь, но слова своего царскаго не измѣнилъ и рака на своей дочери-царевнѣ женилъ. Въ тотъ же день рака на царской дочери обвинчали въ той церкви, какую онъ построилъ, и свадьбу сыграли. Послѣ свадьбы царь устроилъ пиръ. Всѣ на томъ пиру пили, плясали, молодыхъ то и дѣло поздравляли, кричали, что де вино горько, но сколько гости и даже самъ царь царевну ни просили, чтобы она со своимъ мужемъ поцѣловалась, царевна отказалась; ракъ тоже за царскимъ столомъ сидѣлъ, совсѣмъ ничего не ѣлъ и не пилъ, а только усами водилъ.

Отпраздновалъ царь свадьбу, и стала царевна жить-поживать со своимъ мужемъ-ракомъ. „Видно ужъ мнѣ судьба такая припала“, горюетъ царевна, „что съ ракомъ приходится мнѣ жить“. Разъ, среди ночи, она какъ-то проснулась, смотритъ: въ ея спаленкѣ за столомъ сидитъ, ужинаетъ какой-то молодецъ, собою красавецъ изъ красавцевъ. Царевна притаилась, лежитъ и ждетъ, что будетъ дальше. Поѣлъ молодецъ, что оставила царевна на столѣ отъ своего ужина, выпилъ, что было, и ушелъ отъ стола въ уголъ спаленки, гдѣ ракъ всегда лежалъ. Не успѣла царевна взглянуть, какъ молодецъ влѣзъ въ рачью кожу и сталъ опять ракомъ.

Повеселѣла царевна и на другой день велѣла своимъ слугамъ подавать ей ужинъ всегда отмиренный и непременно на двоихъ. Съ тѣхъ поръ царевна стала примѣчать, какъ мужъ ея каждую ночь дѣлался молодцомъ, пилъ, ѣлъ за ея столомъ, а потомъ прятался въ рачью кожу и становился прежнимъ ракомъ. Стала царевна придумывать, какъ бы ей сдѣлать такъ, чтобы ракъ всегда при ней былъ молодцомъ; думала, думала, гадала, гадала, какъ ей быть, чтобы бѣду сбыть, да такъ ничего и не придумала.

Прошло не мало времени. Поѣхала царевна къ одному царю на званнй пиръ, а своего мужа-рака оставила дома. Сидитъ она на званномъ пиру, какъ во хмѣлю, хоть ничего не пила и не ѣла; сидѣла, сидѣла въ той комнатѣ, гдѣ однѣ женщины пировали, и вышла въ сѣни прохладиться, да ненарокомъ и взглянула въ другую комнату, гдѣ мужчины за пиромъ сидѣли; глянула да такъ и обомглѣла: между другими царями и царевичами она увидѣла своего мужа такимъ, какимъ по ночамъ видала его за своимъ столомъ. Царевна тотчасъ сказала больнои и стала собираться домой. Какъ ее ни упрасивали остаться на пиру, не осталась. Прибѣжала она домой, наскоро затопила печку, отыскала въ углу рачью кожу и спалила на огнѣ. Только успѣла царевна это сдѣлать, возвращается домой мужъ-молодецъ; услышалъ онъ запахъ своей спаленной кожи и говорить женѣ: „ахъ, милая ты моя царевна, чую, что нѣтъ моей кожи! скажу тебѣ правду сущую: не влюбила меня мачехацирица и надѣла на меня рачью кожу, обратила въ рака. Еще бы ты немного обождала, и я навсегда былъ бы твой; а теперъ прощай! не увидишь ты меня до тѣхъ поръ, пока не износишь три платья желѣзныхъ“. Сказалъ это царевичъ и скрылся изъ глазъ.

Осталась царевна одна и залилась горючими слезами. Заказала она приготовить себѣ три платья желѣзныхъ, надѣла всѣ ихъ на себя, свернулась въ клубочекъ и повалилась по дорогѣ, куда глаза глядятъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Катилась, катилась царевна по дорогѣ, одно платье износила, и докатилась до порога какой-то избышки въ лѣсу. Входить въ избышку, и видитъ старую-престарую бабу-ягу, — вся согнулась въ дугу. „Чѣмъ могу служить, милая моя царевна?“ спрашиваетъ баба-яга. Рассказала царевна ей свою тоску-вручину и молить-просить связать ей, гдѣ живетъ ея мужъ-царевичъ. Баба-яга даетъ царевнѣ

иглолку-самошвеечку и говорить: „каться дальше, тамъ узнаешь“. Взяла царевна иглолку-самошвеечку, свернулась опять въ клубочекъ и покатила, куда глаза глядятъ. Доватилась она до другой такой же избушки, къ другой бабѣ-ягѣ, смотритъ: второе платье износилось. Молитъ-проситъ царевна и эту бабу-ягу указать ей, гдѣ живетъ ея мужъ-царевичъ. Яга даетъ царевнѣ валѣчекъ — самъ бѣлье моетъ и гладитъ, и катаетъ — и говоритъ ей: „каться дальше, тамъ узнаешь“. Взяла царевна съ собою валѣчекъ, свернулась въ клубочекъ и покатила, куда глаза глядятъ. Вотъ докатывается она до третьей бабы-яги, смотритъ: третье платье послѣднее почти износилось. Входитъ царевна и къ этой бабѣ-ягѣ и молитъ-проситъ ее сказать ей, гдѣ живетъ ея мужъ-царевичъ. Даетъ ей баба-яга ткацкій станочекъ — самъ ткеть и прядетъ — и говоритъ: „каться дальше, тамъ узнаешь“. Взяла царевна ткацкій станочекъ, свернулась въ клубочекъ и покатила, куда глаза глядятъ. Катилась, катилась по дорогѣ, видитъ: третье платье въ-конецъ износилось, все истрепалось. Взяла тутъ царевна иглолку-самошвеечку, валѣчекъ да ткацкій станочекъ и пошла въ путь-дорогу. „Ну“, думаетъ она, „слава Богу, теперь увижу своего ненагляднаго царевича“. Шла она, шла, приходитъ въ незнакомое государство, явилась прямо въ царскій дворецъ и нанялась къ царю служить: шить, бѣлье мыть да твать.

Послали ее на царскій дворъ въ избушку. Приходитъ она туда, смотритъ: сидятъ дѣвушки-работницы да тоскуютъ-горюютъ. Спрашиваетъ ихъ царевна-работница: „что вы, подруженьки, невеселы, свои головы повѣсили?“ Дѣвушки ей и говорятъ: „да вотъ готовимъ своему царевичу нарядъ — рубашку шелкомъ расшитую да поясокъ узорчатый“. И стали дѣвушки-работницы рассказывать царевнѣ: „царевичъ-то нашъ недавно повѣнчался и заказалъ своей молодой женѣ, чтобы она къ завтрашнему утру поднесла ему что-нибудь въ

подарокъ — утиральникъ, или что другое. Жена-царевна и приказала намъ въ утру приготовить ему рубашку да поясочекъ. Мы и не знаемъ, чѣмъ горю пособить, чтобы работу въ сроку сбыть“. Царевна-работница и говоритъ: „дайте, подруженьки, я за васъ потружусь!“ Взяла шить-расшить рубашку шелковую да поясочекъ узорчатый, а сама отвернулась отъ своихъ подругъ и сказала иголочкѣ-самошвеечкѣ: „шей, иголочка, шей, шей-расшивай!“ Иголочка живо покончила всю работу. Царевичу очень понравилась эта работа.

На другой разъ жена царевича заказала дѣвушкамъ бѣлье мужу помыть, покатыть и убрать. Царевна-работница и говоритъ своимъ подругамъ: „дайте, подруженьки, я за васъ потружусь!“ Взяла бѣлье царевича, свой валёкъ, пришла въ рѣкѣ на лужокъ и сказала: „мой, валёчекъ, мой, суши, каттай!“ Валёкъ и сдѣлалъ свое дѣло. Опять царевичъ похвалилъ работу.

Заказала молодая жена царевича дѣвушкамъ соткать для своего мужа коверъ изъ чистаго шелку. Опять царевна-работница говоритъ подругамъ: „дайте, подруженьки, я за васъ потружусь!“ Взяла свой ткацкій станочекъ, приладила работу, тчетъ и приговариваетъ: „теи, станочекъ, теи!“ Станочекъ соткалъ коверъ-просто заглядѣнье. Подруженьки — охаты, подруженьки — ахаты: „ахъ, сестрица, какая же ты у насъ мастерица, на всѣ руки!“

Тѣмъ часомъ царевичъ забѣжалъ отъ нечего дѣлать въ избушку къ дѣвушкамъ узнать, кто изъ нихъ такая мастерица ткать, шить и бѣлье мыть; забѣжалъ, и здѣсь мужъ и жена узнали другъ друга. Ужъ какъ царевна была рада, что царевичъ сюда зашелъ и ее призналъ. Царевичъ тутъ же рассказалъ женѣ, какъ онъ отъ ней скрылся, какъ явился къ мачехѣ-царицѣ, и какъ мачеха его женила на немилон.

Послѣ этого царевичъ съ немилон своей женой разошелся и сталъ жить-поживать съ первой женой-царевной; а

когда умеръ его отецъ-царь, такъ онъ свою злую мачеху со двора прогналъ и изъ отцовскаго добра ничего ей не далъ, все оставилъ себѣ да своей первой женѣ.

10. Незнайна.

Неизвѣстно гдѣ и когда жилъ да служилъ въ приказчикахъ въ одномъ большомъ городѣ купеческій сынъ. Жена его жила совсѣмъ въ другомъ городѣ, далеко отъ своего мужа. Кончилъ приказчикъ свой срокъ службы у хозяина, скопилъ-скопотилъ себѣ деньжонокъ—а ихъ онъ крѣпко берегъ, въ три узла всякую копейку вязалъ—получилъ отъ купца, которому служилъ, расчетъ и пошелъ домой къ женѣ, въ другой городъ. Не зналъ приказчикъ, что жена безъ него родила ему сына—забыла она про то отписать своему мужу. Идетъ приказчикъ домой, пѣшкомъ съ костью да сумкой черезъ плечо, дорогой пощупываетъ деньги за пазухой, цѣлы ли, идетъ веселый, радостный. Вотъ завидѣлъ онъ при дорогѣ, совсѣмъ въ глухомъ мѣстѣ, заѣзжій дворъ, остановился и раздумываетъ: „я столько-то и столько-то лѣтъ жилъ приказчикомъ у своего хозяина, не дождакъ, не досыпалъ, берегъ всякую копейку, а сдѣлалъ ли я когда себѣ забаву какую? Жилъ въ такомъ хорошемъ да большомъ городѣ и какъ есть ничего порядочнаго не видалъ, все о деньгахъ думалъ; а вотъ какъ приду въ свой родной городишко къ женѣ, такъ и подавно ничего этакого не увижу“. Раздумался такъ-то приказчикъ да и завернулъ въ домъ, смотритъ: трактиръ-не трактиръ, а такъ какое-то заведеніе веселое. Прогулялъ здѣсь приказчикъ съ веселыми людьми ночку, прогулялъ другую и ужъ на третьи сутки, чуть свѣтъ, пошелъ своей дорогой. Хватился онъ по утра въ карманъ, а въ немъ такъ пусто, что кулакъ лѣзетъ—ни полденежки, все дочиста спустилъ съ недолгими пріятелями. Затужилъ, загоревалъ бѣдный приказчикъ, хуже малаго ребенка расплакался; потъ съ лица такъ и ударилъ. И

сталъ приказчикъ по дорогѣ высматривать сосенку, гдѣ бы можно было сложить свою буйную головушку; остановился подъ одной сосной, привязалъ свой ременный поясъ за сукъ, сдѣлалъ небольшую петельку и совсѣмъ хотѣлъ было душиться, вдругъ видитъ: подходитъ къ нему какой-то незнакомецъ, по виду важный господинъ. Приказчикъ не зналъ, что это былъ переряженный чортъ—самъ сатана.

— „Что ты хотѣлъ сдѣлать, милый человѣкъ?“ спрашиваетъ океанный.

Приказчикъ во всемъ признался.

— „Не хочешь ли ты, милый человѣкъ, что бы я тебѣ столько далъ денегъ, что ты не будешь знать, куда ихъ дѣвать?“

— „Какъ не хотѣть!“ говорить обрадованный приказчикъ.

— „А коли такъ“, говоритъ чортъ, „такъ вотъ что: продай мнѣ, чего дома не знаешь! деньгами тебя не обижу“.

— „Что жъ бы это такое было, чего я дома не знаю?“ думаетъ про себя приказчикъ и сталъ тихонько по пальцамъ пересчитывать: „жена у меня дома есть—знаю, отца нѣтъ дома, похоронилъ—знаю, нѣтъ у меня дома денегъ ни копейки—знаю... Вотъ развѣ продать ему это, какъ бишь... есть ли у меня дома дѣти—не знаю“, и продалъ чорту своего сына.

Чортъ обрадовался покупкѣ, досталъ свой самотрясъ-гаманецъ и передалъ его приказчику. „Ну вотъ тебѣ мой самотрясъ-гаманецъ“, сказалъ онъ приказчику: „когда тебѣ понадобятся деньги, ты его разверни и *вотъ такъ* потряси—денегъ изъ него столько посылется, сколько душъ твоей угодно“.

Взялъ приказчикъ самотрясъ-гаманецъ, распрощался съ чортомъ и, не чуя ногъ и земли подъ собою, заторопился къ женѣ. Прожилъ послѣ того приказчикъ со своей женой годъ, прожилъ другой и третій; живетъ такимъ богатѣемъ, что въ

деньгахъ счету. не знаетъ. Сынишка его уже сталъ подро-
стать. Вдругъ является къ нему чортъ и требуетъ у него
сына; „онъ—мой“, говоритъ: „ты тогда-то и тамъ-то мнѣ
его продалъ“. Приказчикъ и такъ и этакъ отъ чорта, суеть
ему обратно въ руки его самотрясъ-гаманецъ, лишь бы отвя-
заться—нѣтъ, сатана свое толкуетъ: „я у тебя его купилъ“.
Нечего дѣлать, пришлось приказчику отдать окаянному своего
сына. Чортъ взялъ парвишку и увелъ невѣдомо куда—въ свое
подземелье.

Живетъ приказчиковъ сынъ у чорта. Никто съ нимъ не
разговариваетъ, не называетъ его по имени; такъ онъ и за-
былъ, какъ его зовутъ, и даже разучился говорить по-человѣчи.
Продержалъ его чортъ 12 лѣтъ, потомъ отпускаетъ отъ себя
на волю, къ людямъ, и говоритъ: „вотъ тебѣ моя дубинка-
невидимка объ одномъ концѣ; возьми ее: она тебѣ въ нуждѣ
пригодится; а это вотъ возьми мои толченныя волосы“, и да-
етъ ему какой-то черный порошокъ въ узелѣ: „если обсы-
паться этимъ порошкомъ, никто тебя не узнаетъ, совсѣмъ
другимъ станешь“.

Взялъ приказчиковъ сынъ дубинку-невидимку объ одномъ
концѣ, взялъ порошокъ толченыхъ волосъ и пошелъ ходить
по міру, межъ людей. Только куда онъ ни придетъ, въ какое
село или деревню ни заглянетъ, всюду у него одинъ отвѣтъ
людямъ: „не знаю“.

— „Какъ тебя звать?“ спрашиваютъ его.

— „Не знаю“.

— „Ѣсть, пить хочешь?“

— „Не знаю“.

— „Да откуда ты?“

— „Не знаю“.

— „Что-за диковинный человѣкъ проявился!“ удивляются
люди. За то самое и прозвали его Незнайкой. Однако пить
и Ѣсть надо, а у Незнайки ничего не было. Вотъ приходитъ

онъ въ одно селеніе и просится къ богатому мужику въ работники. У мужика было большое-пребольшое стадо овецъ, былъ и сынъ Петрушка, подростокъ.

— „Ты что знаешь дѣлать-то?“ спрашиваетъ Незнайку хозяинъ: „стеречь стадо умѣешь?“

— „Не знаю“.

— „Печь топить умѣешь?“

— „Не знаю“.

— „Дрова рубить?“

— „Не знаю“.

— „Сѣно косить?“

— „Не знаю“.

— „А жрать, пить?“

— „Не знаю“.

Посмѣялся хозяинъ и все таки взялъ Незнайку къ себѣ въ работники: парень, видить, здоровый, кулачища—что твоя гиря-пудовикъ и широкъ въ плечахъ.

Умеръ у этого мужика отецъ-старикъ. Мужикъ вздумалъ по немъ поминки, *сороковницу* *), справлять. „Поди-ка ты въ овчарникъ“, приказываетъ онъ Незнайкѣ, „и зарѣжь овцу, какая на тебя взглянетъ“.

Пришелъ Незнайка въ овчарникъ, весь изорванный, лохматый. Увидали его овцы—всѣ вытаращили на него глаза, испугались. Незнайка и ну рѣзать овецъ, какия на него глядѣли; такъ всѣхъ и перерѣзалъ. Пришелъ на кухню, а тамъ все шипитъ, варится—для поминовъ обѣдъ готовится. Хозяйка и говоритъ Незнайкѣ: „что ты такъ стоишь? покроши-ка петрушку вотъ въ этотъ котель, въ щи!“ а сама зачѣмъ-то отлучилась изъ кухни. Незнайка, долго не думая, схватилъ *Петрушку*, хозяйскаго сына, за шиворотъ и покрошилъ въ котель.

*) *Сороков(н)ица*, или *сороковѣни*—поминки въ сороковой день послѣ смерти покойника. „Тол. слов. жив. яз.“ В. П. Далъ, IV, 250. *Ред.*

Зашелъ хозяинъ въ овчарникъ посмотрѣть, что дѣлаетъ Незнайка, и хозяйка вернулась на кухню—оба такъ и ахнули. „Ахъ ты, чортъ, ахъ, окаянный!“ кричать на него и гонять вонъ со двора; а чортъ радуется, что его вспоминаютъ: все лишній грѣхъ люди дѣлаютъ.

Попшелъ Незнайка изъ села въ городъ. Встрѣчаетъ его купецъ и спрашиваетъ: „ѣй, молодець, не наймешься ли ко мнѣ въ работники?“ Незнайка и нанялся. Приходитъ онъ на купцовъ дворъ, конюхъ его и спрашиваетъ: „что, *орасина* *), конюшню убирать умѣешь?“

— „Не знаю“.

— „За лошадьми ходить умѣешь?“

— „Не знаю“.

— „А хвосты имъ подвязывать?“

— „Не знаю“.

— „Ахъ ты, милый человѣкъ!“ И смѣется, закатывается конюхъ, что такого чудного человѣка далъ ему хозяинъ на выучку. „Вотъ такого помощника мнѣ и нужно“, думаетъ онъ: „будетъ съ кѣмъ пошутить да побаловаться, все веселѣе жить будетъ вдвоемъ“.

„Ѵй ты, остолопина!“ приказываетъ разъ конюхъ Незнайкѣ, „вывидай пока навозъ изъ конюшни да почишь лошадей, хвосты имъ поеруче подвяжи: я съ хозяиномъ поѣду въ городъ“; сказалъ и самъ куда-то изъ конюшни отлучился. Незнайка—сейчасъ же за работу: взялъ желѣзные вилы-тройчатки и ну навозъ выбрасывать: хватилъ разъ, хватилъ другой,—такъ полконюшни и выбросилъ на дворъ совсѣмъ съ поломъ; потомъ взялъ желѣзную скрѣбку-гребѣнку и давай чистить лошадей: разъ, два—и уже до реберъ добрался; сталъ лошадямъ хвосты подвязывать да закручивать: разъ, другой дернулъ—кони и вылетѣли изъ конюшни, одни хвосты остались въ рукахъ Незнайки.

*) *Орасина*—остолопъ, дуракъ.

Увидали хозяинъ съ конюхомъ, что надѣлалъ Незнайка, и ну его гнать оглоблей со двора да кричатъ: „ахъ ты, чортъ, ахъ, окаянный!“ А чортъ пуще радуется, что люди его вспоминають, по имени зовуть.

Долго такъ ходилъ Незнайка по бѣлому свѣту ни сытъ, ни голоденъ, изъ деревни въ село, изъ села въ городъ. Идетъ онъ какъ-то мимо царскаго сада; увидаль его царскій садовникъ, схватилъ за шиворогъ, приволокъ въ царскій садъ и задалъ ему мудреную работу—выполоть садъ. „Вотъ этакъ“, говоритъ, „дѣлай, а я тѣмъ часомъ отдохну маленько: ты, я вижу,—парень гулящій“. Немного погодя, пришелъ садовникъ посмотреть, что сдѣлалъ Незнайка, да такъ и ахнулъ: въ саду—ни деревца, ни кустика—все съ корнями изъ земли выворочено. „Ахъ ты, чортъ, ахъ, окаянный!“ заголосилъ царскій садовникъ и что есть духу побѣжалъ къ царю съ докладомъ. А чортъ такъ и сіяетъ, что Незнайка такъ хорошо на него работаетъ. До Незнайки еще никто изъ людей не умѣлъ ругаться чернымъ словомъ, Незнайка первый этому *выучилъ*.

Прибѣжалъ, задыхаясь, садовникъ къ царю и говоритъ: „Ваша царская милость! проявился въ вашемъ свѣтломъ царствѣ одинъ удивительный человѣкъ: ничего не знаетъ, а силаща—чертовская, самого сатану ломаетъ“. Позвали Незнайку къ царю. Царю очень захотѣлось увидѣть такого рѣдкаго человѣка, и сталъ онъ спрашивать, какъ его зовутъ по имени, какому царю онъ служить, и какъ онъ попалъ въ его царскую землю. Незнайка одно твердитъ: „не знаю“ да и только.

Оставилъ его царь жить на своемъ дворѣ и приказалъ ни къ какому дѣлу его до поры до времени не приставлять: послѣ де пригодится. Пока царь распрашивалъ да выпытывалъ Незнайку, садовникъ побѣжалъ въ садъ: отъ страху онъ хотѣлъ душиться, да вспомнилъ, что на корнѣ не осталось ни одного дерева и—нечего дѣлать—остался жить. А чортъ и тѣмъ

доволенъ, что человекъ хотѣлъ руки на себя наложить: все грѣхъ.

У царя, гдѣ жилъ Незнайка, была дочь—такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ описать. Сколько ни присватывалось къ ней жениховъ-царевичей, ни одинъ не пришелся ей по нраву, всѣмъ отказала. Много изъ-за нея отцу пришлось вести войны: какъ только, бывало, царевна откажетъ какому-нибудь царевичу, тотъ, разобиженный, идетъ на ея отца войною—изволь управиться. И было у царя заведено: какъ только женихъ уѣзжалъ отъ него съ отказомъ, такъ онъ отдавалъ приказаніе своему войску быть наготовѣ.

Вотъ однажды узнаетъ царь, что противъ него идутъ войною три сильныхъ брата-царя, союзники, хотятъ силою взять у него дочь, когда она по доброй волѣ не хочетъ идти замужъ ни за кого изъ нихъ. Прежде всѣхъ выступилъ самый младшій, *Одинъ-Стогъ-Голова*; онъ прислалъ своего гонца сказать царю: „высылай своего молодца-удальца помѣряться со мной силою, не вышлешь—потопчу всѣ твои поля и луга и силою возьму въ жены твою дочь-гордячку“. Что тутъ дѣлать? Царь зналъ, что *Одинъ-Стогъ-Голова*—такой богатырь, что пальцемъ человекъ убиваетъ, и разослалъ по всей своей землѣ такой вызовъ: кто одолѣетъ царя-богатыря, за того онъ выдастъ свою дочь. Но никто во всемъ царствѣ не вызвался, всѣ—въ одинъ голосъ: „чортъ его поборетъ, *Одинъ-Стогъ-Голова*: у него силища-то вонъ какая“. Такъ и не нашли ни одного человекъ, который пожелалъ бы сразиться съ царемъ-богатыремъ. Царь не зналъ, что дѣлать, какъ быть.

Незнайка тѣмъ временемъ обсыпался съ ногъ до головы чортовыми толчеными волосами и сдѣлался молодецъ молодецъ; взялъ свою дубину-невидимку объ одномъ концѣ и вышелъ одинъ на одинъ бороться съ богатыремъ. Дубинка у *Незнайки* была мудреная: только что подошелъ *Незнайка*

къ своему противнику, да бросилъ въ него дубинку, она и ну Одинъ-Стогъ-Голову гвоздить, гдѣ попало, таеъ на смерть его и убила. Незнайка снялъ съ него голову и принесъ царю, а самъ былъ таковъ, скрылся незамѣтно.

Спустя немного, выступилъ войною противъ царя средній братъ, сильный царь-богатырь, Два-Стогъ-Голова. Незнайка и этого убилъ своею дубинкой-невидимкой, снялъ голову, принесъ своему царю, а самъ куда-то скрылся.

Выступилъ, наконецъ, старшій царь-богатырь, Три-Стогъ-Голова. „Себя не пожалѣю, а доканаю того молодца, что убилъ моихъ родныхъ братьевъ“, грозилъ онъ Незнайкѣ и взялъ съ собою мечъ-саморубъ. Но Незнайка издали пустилъ въ него дубинку-невидимку, она и убила его. Снялъ Незнайка съ убитого голову, принесъ царю на показъ, да только что хотѣлъ скрыться, царевна и увидала, что рука его вся въ крови, выбѣжала изъ терема, остановила его и перевязала рану своимъ бѣлымъ платочкомъ. Царь только хотѣлъ распросить, кто такой его избавитель, а его и слѣдъ простылъ, какъ сквозъ землю провалился.

Наутро царь отдалъ строгій приказъ сыскать того молодца, что побѣдилъ богатырей, Одинъ-Стогъ-Голову, Два-Стогъ-Голову и Три-Стогъ-Голову: онъ хотѣлъ выдать за него свою дочь. Сколько ни ходили царскіе слуги, сколько ни искали, не могли сыскать молодца; а царевна-невѣста совсѣмъ затужила-загоревала по немъ.

Незнайка наморился и залегъ спать на 12 дней. Таковъ ужъ онъ былъ человѣкъ: пока не проспится своего времени, ни за что не разбудить: спать, какъ мертвый, хоть рѣжь—не услышитъ. Какъ-то гуляла царская дочь по двору, смотреть: спитъ Незнайка; она подошла къ нему да и увидала на рукѣ у него свой бѣлый платочекъ; побѣжала и сказала о томъ своему отцу. Прибѣжали царскіе слуги, подхватили соннаго Незнайку и принесли во дворецъ, положили и стали ждать, пока онъ про-

спится, а тамъ и свадьбу играть. Черезъ 12 дней проснулся Незнайка, и сталъ его царь спрашивать: „ты тотъ молодецъ, что побѣдилъ трехъ братьевъ-царей? хочешь ли ты жениться на моей дочери?“ А тотъ одно свое толкуетъ: „не знаю да не знаю“; однако пришлось ему жениться на царской дочери.

Головы тѣхъ царей, что побѣдилъ Незнайка, и теперь стоятъ на прежнемъ мѣстѣ: лѣсомъ заросли, травой обросли, мохомъ зацвѣли.

11. Воръ Климка.

Климка былъ ни солдатъ, ни мужикъ, ни казакъ, ни татаринъ, а такой ловкій паренъ, какого не найти. Воръ былъ онъ отличный, въ воровству привычный: безъ всякихъ отмычекъ, однимъ своимъ *словомъ*, куда ни заглянегъ—ужь готово; лошадей, коровокъ, деньжонки, одежонку воровалъ смѣясь и жилъ—что твой князь. Деревня, въ которой жилъ Климка, не разъ отъ его проказъ терпѣла нужду горькую. Не боялся Климка, что мужики грозили его изловить, удушить: не таковский онъ былъ отъ роду. Никогда онъ не зналъ никакого горя: всегда ему было по волѣна море.

Услыхалъ баринъ-помѣщикъ, что въ его деревнѣ живетъ воръ Климка, съ которымъ мужики ничего не могутъ подѣлать, призвалъ его къ себѣ и говорить: „слушай, любезный, ты, говорятъ, такой мастеръ воровать, что тебя изловить никакъ нельзя; можешь ли ты уворовать у меня со двора моего *бугая?*“ *) А бугай у барина былъ страшный: длины саженной, шея—въ два обхвата, концы рогъ—что шило и силу имѣлъ непомѣрную. „Ну что же, сведешь со двора моего бугая?“ снова спрашиваетъ баринъ Климку.

— „Извольте, хоть въ эту ночь—я не прочь“, говоритъ

*) *Бугай* (ожнорс.)—некладеный, племенной быкъ. „Толков. слов. жив. вѣрс. яз.“ Дала I, 119. Ред.

Климка: „смотрите, баринъ, хорошенько караульте: въ эту ночь непременно украду“.

— „Ладно“.

Дождь баринъ ночи и велѣлъ своимъ работникамъ вывести бугая на средину двора и крѣпко его караулить. Работники порѣшили непременно поймать барину вора и, чтобы укараулить его навѣрняка, разиѣстились такъ вокругъ быка: одинъ взялъ его за хвостъ, другой—за рога, третій за ухо: „этакъ“, думаютъ, „учуемъ, какъ станетъ брать его проклятое брюхо“.

Ночью воръ Климка, ничуть не робѣя—онъ слово зналъ такое, былъ заговорщикъ, колдунъ—растворилъ ворота и вошелъ во дворъ. Работники, по его слову, какъ были, въ томъ положеніи и захрапѣли. Климка вывелъ со двора бугая, а потомъ вернулся къ работникамъ и тому, кто держалъ бугая за хвостъ, далъ въ руки коноплей горсть, кто держалъ за рога, тому ухватъ въ обхватъ, а кто держалъ ухо, тому кусокъ мягкой полсти.

Баринъ встаетъ утромъ и застаетъ своихъ работниковъ въ такомъ положеніи. „Эй вы, что за униженіе?“ закричалъ онъ: „Климка укралъ у васъ бугая, за это я въ дугу васъ согну!“ Тутъ прибѣгаетъ Климка.

— „Что, Климка, укралъ такъ моего бугая?“ спрашиваетъ его баринъ: „да какъ ты это смогъ сдѣлать?“

— „Э, баринъ!“ говоритъ Климка: „что украсть бугая! это я и за дѣло не считаю; хотите, я украду у васъ въ эту ночь изъ конюшни жеребца?“

— „Ладно“.

Ушелъ Климка. Баринъ приказалъ на ночь запереть конюшню на замокъ, а конюху—сѣсть на жеребца и сидѣть на немъ до свѣта. А жеребецъ барскій—машина: ростомъ въ три аршина, и прыгучъ, и могучъ.

Наступила ночь. Климка-воръ зашелъ на дворъ и только

сказалъ свое слово—все было готово: конюхъ заснулъ. Климова усадилъ его соннаго верхомъ на ясли, а жеребца свелъ со двора.

На утро приходитъ онъ къ барину. Баринъ смѣется: „ахъ ты, *шреци!* *) гдѣ мой жеребецъ? да какъ ты смогъ выкрасить его?“

— „Э, баринъ!“ говоритъ Климова: „что-за трудъ украсть жеребца: для молодца все можно; хотите, баринъ, я въ эту ночь—хоть мнѣ и не въ мочь—украду у васъ вашу жену?“

— „Да развѣ и это можно?“

— „Да коли позволите, украду“.

— „Ладно“.

Дождался баринъ вечера и усѣлся со своей барыней играть въ карты—въ *тринку*; за игрой держитъ рѣчь про Климву: „слушай, жена, вынче ночью придетъ Климова тебя украсть!“

— „Что жъ ты ходишь не въ масть?“

— „Нѣтъ, говорю, не украсть тебѣ жену, дуралей“.

— „Ходи червей!“

Заигрался баринъ со своей женой въ карты, а на всякій случай—Климова, вѣдь, могучій—привязалъ себя веревкой къ женѣ. „Этакъ“, думаетъ, „не украсть и сатанѣ! Какъ Климова будетъ таяуть барыню да меня разбудить, я тутъ на него—ошейникъ и поймаю его, мошенника, а тамъ кликну работниковъ“.

Ночью пришелъ Климова къ барину въ домъ и лишь сказалъ слово—баринъ и барыня заснули. Климова сонную барыню вынесъ на улицу, потомъ вернулся къ барину, привязалъ ему съ боку чурбанъ и былъ таковъ. Несетъ Климова барыню берегомъ рѣки; навстрѣчу ему сатана, увидалъ барскую жену и говоритъ: „продай, Клима, намъ эту штучку!“

— „Дашь за нее денегъ кучу, проклятое племя, такъ бери. Да мнѣ теперь и не время съ тобой торговаться!“

— „А не много ли будетъ?“

*) *Шреци*—шуть гороховый.

— „Нечего охать! не простую бабу отдаю вамъ; слышишь, этакой картинѣ да жить у васъ въ тинѣ за малую плату!“

— „Ну, Климушка, баста — быть по твоему“.

И продалъ Климка барыню чертямъ въ рѣву. Стали черти горстями таскать золото со дна на берегъ, натаскали съ добрый ворошокъ, а Климка — все въ мѣшокъ да домой.

Передъ утромъ баринъ спросонокъ клюнулъ носомъ да на чурбанъ и наткнулся, — разъ... другой... и проснулся. „Какъ? что? гдѣ?“ кричитъ. Прибѣжали слуги, смотрять: баринъ къ чурбану туго-прегуго прикрученъ, больно измученъ, а кругомъ его — веревки. „Какой парень ловкій!.. бѣжите за Климомъ!.. Какъ же сдѣлалъ мудро! — хватился объ утро“.

Побѣжали работники притащить къ барину Климку живого или мертваго, но возвратились ни съ чѣмъ. „Какъ? почему?“ кричитъ баринъ на своихъ слугъ.

— „Климкѣ, баринъ, недосугъ“, говорятъ работники: „онъ наказалъ намъ передать вамъ, что занять работой: деньги считаетъ, да не горстями, а этакой мѣрой“.

— „Экая холера! немедленно взять!“

Глядь — а Климка самъ идетъ ко двору барина походкою боярина, безъ всякой трусости, за дверь и — въ домъ вошелъ. „Ахъ, осель!“ закричалъ баринъ: „за такія продерзости знаешь, Климъ, что я надъ тобою продѣлаю? Скажи мнѣ по совѣсти, какъ ты могъ свести со двора моего бугая, изъ конюшни жеребца и даже выкрасть изъ горницы мою барыню“?

— „Эхъ, баринъ, коли на то пошло — для Климки все одно — куда ни шло, когда хотите, могу васъ самихъ *упереть* *). Не вѣрите? ей Богу! вотъ чтобъ мнѣ здѣсь умереть, сѣвось землю провалиться, огнемъ подавиться! Ну что же, идетъ на споръ? На то и Климка воръ, чтобъ въ грязь лицомъ не ударить!“

*) *Упереть* — украсть.

— „Нѣтъ, сударивъ, это послѣдняя шутка; нутка, давай мнѣ обратно всю мою пронажу!“

— „Эхъ, баринъ, покражу отдамъ сполна, безъ всякаго изъяну: вѣдь, я не пьяный; позвольте только васъ украсть“.

— „Вотъ напасть! ну такъ и быть, согласенъ; только, соколъ ясный, вотъ мой уговоръ: коли Климеа-воръ попадется на этотъ разъ въ мои руки, наберется муки: всего изобью, искалѣчу и запрячу далече; самъ не буду объ тебя руку марать, рабочимъ прикажу бить тебя“.

— „Ну, баринъ, благодарны очень! Климеа-воръ согласенъ“, сказалъ Климеа и ушелъ себѣ домой приготовиться на трудное дѣло.

У барина въ ночи все поспѣло: работники съ колами лежать подъ корридоромъ, самъ баринъ дозоромъ гуляетъ съ винтовкой ололо рабочихъ и подъ носъ бормочетъ: „то-то Климу взмылимъ спину и бока—вотъ какъ!“

Ночью пришелъ Климеа-воръ къ барину на дворъ и только сказалъ одно слово—все было готово. Храбрый баринъ переряженъ въ Климеину одежду, а Климеа—въ его, какъ въ свое. Стоитъ баринъ съ палкой у корридора, точно *кикимора* *), а его вѣрные слуги—на ухо туги. Самъ Климеа—ружье подъ мышкой, не торопясь слишкомъ, отошелъ отъ барина въ сторонку, да какъ гаркнетъ рабочимъ будто спросонку: „эй, ребята,—Климеа-воръ! держать запоры! бить, стегать!“ Божья Мать! и рабочіе съ бариномъ покончили.

Взвалилъ Климеа-воръ убитаго барина на плечи и говорить работникамъ: „ну, ребята, отнесу одинъ я эту влячу и далече запрячу; а приду обратно, угощу васъ знатно; только молчовѣ—никому ни гугу.“

— „Чтобъ намъ до вашего порога не дойти, если кому

*) *Кикимора*—родъ домового. „Толков. слов. жит. велик. яз.“ Далъ, П. Ред.

что скажемъ: вѣдь, какъ безъ него жить будетъ легко; только ужь извольте запрягать его далеко. Да вотъ что, баринъ: коли на то будетъ ваша милость, ужь позвольте намъ за одну у вора Климки изъ спины вырѣзать ремешокъ въ вершокъ, отъ затылка до пояса, да вырвать изъ темени три волоса: слышали мы отъ своихъ стариковъ, что, если при себѣ держать эти штуки, тогда никакая злая сила противъ тебя не будетъ имѣть никакой власти.“

Климеа позволилъ работникамъ взять, чего они просили противъ нечистой силы.

Рабочіе остались дома, а Климеа-воръ со своею дорогой ношей—черезъ поле да въ балку, и тамъ, какъ галку, запрягалъ барина въ сырую землю; потомъ съ барскою винтовкой пришелъ къ рѣкѣ съ бичевкой, съ двумя колами и сѣлъ на то мѣсто, гдѣ продалъ чертямъ барскую жену; смотреть: на кочкѣ сидитъ меньшій сатана.

— „Что, Климушка, зачѣмъ къ намъ пожаловалъ?“ спрашиваетъ его чертенокъ.

— „Вотъ пришелъ къ вамъ за барыней, да о ней не съ тобой мнѣ рѣчь вести, молокососъ. Вышли-ка сюда кого-нибудь постарше, да поскорѣе: мнѣ не досугъ“.

Явился другой нечистый съ усами и бородой, совсѣмъ же молодой. „Что, Климъ, надо? пришелъ за барской женой? Дѣдь ее тебѣ совсѣмъ не хочетъ отдать; изъ-за нея готовъ съ тобою воевать, биться: вѣдь, онъ на ней собирается жениться!“

— „А!“ сказалъ Климеа: „коли такъ, такъ я вамъ устрою славный хороводъ. Смотри-ка, я вотъ сейчасъ—на то я Климъ—подобью подѣ ваше проклятое *дмище* *) хорошій клинъ: тамъ и здѣсь на берегу забью по колу, бичевой ихъ охвачу, ту бичевку хорошенько водой смочу да такъ хвачу, что берегъ съ берегомъ вплотную сведу и всѣхъ васъ, чертей, изведу“.

*) *Дмище*—дно (рѣки).

Чортъ со страху вырнулъ скорѣе въ рѣку къ самому днищу.

— „Какъ дѣло, парнище?“ спросилъ его самый старшій сатана: „моя она?“

— „Ой нѣтъ! слушай, дѣдъ: Климъ хочетъ подбить подъ насъ клинъ: два клина въ берега вбить, бичевой ихъ зацѣпить, берегъ съ берегомъ свести и насъ извести.“

Выслагаетъ дѣдъ къ Климу бѣса постарше. „Ну, Климушка, кто изъ насъ двоихъ берегомъ рѣки пробѣжитъ дальше, за тѣмъ и останется барыня; тѣмъ и кончится споръ: если ты меня на этомъ обойдешь, то барыню себѣ возьмешь.“

— „Нѣтъ“, говоритъ Клима сатанѣ, „ты мнѣ эту пѣсню не пой. Вонъ подъ кустомъ лежитъ трехгодовалый сынишка мой; тебѣ и его не догнать, а меня прошу съ собою не равнять“.

— „А какъ, Климушка, звать твоего парнишку?“

— „Фють—вогъ и все дѣло тутъ. Нечего намъ съ тобою время тратить попусту; подбѣжи-ка ты къ вусту да крикни: фють! онъ сейчасъ пойметъ и за тобой удеретъ.“

Подбѣжалъ чортъ къ вусту, крикнулъ: „фють!“ и приготовился бѣжать со всѣхъ ногъ. Заяцъ испугался, приподнял уши и пустился берегомъ рѣки бѣжать. Чортъ за нимъ, бѣжитъ, на зайца озирается, духъ у него занимается. „Нѣтъ“, думаетъ, „не догнать мнѣ его, придется Климу барыню отдать“, и отъ большого сраму вырнулъ въ яму и явился къ дѣду. „Нѣтъ“, говоритъ, „на этомъ Климу не обѣдешь: у него есть маленькій сыночекъ—такой бѣгунокъ; мнѣ далеко съ нимъ до спору: даже мастеръ бѣжать въ гору—такой постреленокъ“.

— „Ну, ребята“, сказалъ тутъ старшій сатана, „этому дѣлу далеко до конца“. И послали черти къ Климу своего борца: парень въ плечахъ широкій, коротконогій, а для дѣла пригожій.

— „Тебѣ со мной бороться?“ спросилъ Клима бѣса:

„ахъ ты, повѣса! иди напередъ въ лѣсъ, тамъ живетъ мой дѣдъ безъ малаго сто лѣтъ, весь мохомъ обросъ; поди съ нимъ сперва поборись, тогда сюда явись“.

— „А какъ звать его, дѣда твоего?“

— „Михайло Ивановичъ Топтыгинъ. Только ты смотри: какъ подойдешь къ нему въ яму, изволь погромче выкликать: онъ немного глухъ“.

Чортъ отыскалъ въ лѣсу медвѣдя и сталъ съ нимъ бороться. Мишка чорта въ своихъ лапахъ такъ сжалъ, что тотъ собакой завизжалъ да скорѣе въ воду. „Отъ роду“, сказалъ онъ своему дѣду про Климеину побѣду, „такого борца не встрѣчалъ: ужъ какъ я кричалъ! Если меня сборолъ его дѣдъ, такъ намъ выхода нѣтъ“.

Думали, думали черти, какъ быть, какъ горю пособить, чтобъ Климеу на чемъ-нибудь изловить, и съ испуга изъ своего круга выслали къ Климеѣ своего крикуна.

— „Изволь“, говоритъ Климеа чорту: „кричи, полушаю, какой у тебя голосъ, а послѣ ужъ я крикну—такъ на твоей проклятой башнѣ станеть волосъ дыбомъ“. Чортъ закричалъ что было духу, думаетъ, оглушилъ и споръ рѣшилъ.

— „А ну-ка теперъ я крикну!“ сказалъ Климеа, взялъ съ плечъ въ руки винтовку и—бацъ чорту въ ухо. Тотъ такъ и хлопнулся съ ногъ на брюхо, что спозъ свалился—весь кровью залился. „А ну-ка“, говоритъ Климеа, „дай я крикну еще съ другой стороны. Но бѣдный бѣсъ еле-еле, на корачкахъ, долѣзъ до своей берлоги и тамъ вытянулъ ноги.“

Увидалъ дѣдъ, какой отвѣтъ принесъ ему крикунъ, и повѣсилъ носъ. Тутъ ужъ черти безъ спора вынесли изъ рѣки барскую жену на своихъ рукахъ и отдали Климеѣ. Взялъ Климеа барскую жену и лишь сказалъ свое слово—все было готово: барыня признала его за своего мужа. Такъ Климеа-воръ сдѣлался баринномъ и сталъ жить въ барскомъ домѣ.

12. Мертвая царица—дочь купеческая.

Къ какой-то странѣ, въ большомъ городѣ, у самаго моря, жилъ-былъ богатый купецъ съ женой, сыномъ и дочерью. Дѣти были уже взрослые, но сынъ былъ холостой, а дочь—дѣвица.

Вотъ однажды купецъ нагружаетъ свои корабли разными дорогими товарами, беретъ съ собою сына и отплываетъ на торгъ въ чужіе края. Дорогой нагоняетъ вупца его корабль-самоходъ; старшій приказчикъ подаетъ ему письмо отъ неизвѣстнаго человѣка. Неизвѣстный пишетъ: „жена твоя, какъ отплылъ ты, измѣняетъ тебѣ, имѣніе твое мотааетъ съ своими друзьями-пріятелями; едвали что останется у тебя дома отъ твоего большого богатства“. Купецъ посылаетъ домой своего сына. „Прійдешь домой“, приказываетъ ему, „возьми мать, посади ее на корабль-самоходъ и плыви за мной слѣдомъ; на дорогѣ убей ее, вынь сердце и привези мнѣ“.

Приплылъ купеческій сынъ въ родной городъ, оставился недалеко отъ своего дома у чужихъ людей и сталъ развѣдывать стороной, правду ли писали отцу про мать. Долго онъ справлялся, самъ присматривался — ничего дурного за матерью не замѣтилъ; явился послѣ того въ домъ и разсказалъ матери, зачѣмъ онъ вернулся. Мать стала плакать, сынъ тоже: очень жаль было ему убивать свою родную мать. Однако поплакали-поплакали они да и стали въ путь собираться: нельзя же сыну отцовскаго приказанія не исполнить. Уговорился сынъ съ матерью на томъ, что онъ возьметъ и убьетъ вмѣсто нея свою сестру. Мать согласилась.

Купеческій сынъ посадилъ сестру на корабль-самоходъ и поплылъ; дорогой и говоритъ ей: „хочу, сестрица, покататься съ тобой“, и завезъ ее на незнакомый островъ, тамъ высадился и говоритъ: „пойдемъ, сестрица, по острову погуляемъ“. Сестра не догадалась, зачѣмъ онъ ее зоветъ, и пошла слѣдомъ за братомъ. Завелъ ее братъ въ чащу лѣса и тутъ объявилъ, что

отецъ приказалъ ее убить, а зачѣмъ—не сказалъ. Сестра стала плакать, упрашивать брата: „такой-сякой братецъ, оставь меня лучше здѣсь одну, не мучь: все равно умру здѣсь своею смертью“. Сжалился братъ, оставилъ сестру на незнакомомъ островѣ, а самъ поѣхалъ нагонять отца. Дорогой онъ убилъ свою собаку, вынулъ изъ нея сердце, положилъ въ платочекъ и повезъ отцу на показъ.

Долго купецъ торговалъ, въ разныхъ странахъ побывалъ, да такъ счастливо-удачливо продавалъ свои товары, что самъ не зналъ, куда ему барыши дѣвать. Вотъ распродалъ онъ всѣ товары и поѣхалъ обратно домой. Дорогой вспомнилъ онъ, что жена, по его приказу, убита, и сталъ себя винить да ругать, зачѣмъ сгоряча поторопился, велѣлъ сыну убить жену. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ своему дому, тѣмъ все тяжелѣе и тяжелѣе становилось у него на сердцѣ. „Ахъ, еслибъ жена была дома!“ тосковалъ онъ, а самъ досталъ дорожныхъ заморскихъ капель, такихъ, что, если выпить ихъ, все забудешь, что когда-либо было съ тобою, выпилъ да еще прибавилъ сонныхъ капель немного и успокоился: уснулъ такъ крѣпко, что пробудился только дома. Смотритъ купецъ—а около него стоитъ его жена.—„Ахъ, жена“, говоритъ онъ, „какой чудной сонъ я видѣлъ: будто, слышь, я велѣлъ тебя убить и сердце изъ тебя вынуть“.

И зажилъ купецъ со своей женой, какъ ни въ чемъ ни бывало, забылъ даже, что у него была дочь.

А дочь его, какъ только братъ ее оставилъ на островѣ, пошла, куда глаза глядятъ. Идетъ бѣдная да боится, отъ кустовъ сторонится, все платье на себѣ изорвала, руки, ноги поранила. Гдѣ она ни ходила, гдѣ ни блудила—островъ великъ, конца-края ему нѣтъ—нигдѣ не видать души человѣческой. Вотъ разъ вышла она на полянку, смотреть: стоитъ среди лѣсу домъ-не домъ, а зданіе какое-то, огромное. Она вошла въ это зданіе, смотреть: передъ нею—большая комната; посреди

комнаты стоит длинный столъ, накрытъ бѣлой дорогой скатертью; на столѣ поставлено много посуды всякой съ кушавьями и винами, всего на двѣнадцать человѣкъ; кругомъ стола—двѣнадцать стульевъ. Купеческая дочь прошла дальше, взглянула въ другую, такую же большую, комнату: тамъ стоитъ двѣнадцать кроватей—всѣ убраны богато; дальше видно было еще много комнатъ, одна одной больше, одна другой убранныѣе, но купеческая дочь побоялась идти и воротилась назадъ, въ ту комнату, гдѣ былъ накрытъ столъ. „Что будетъ, то будетъ, останусь здѣсь ночевать“, подумала она, подошла къ столу, сѣла на стулъ и стала ѣсть. Поѣла немного, выпила еще меньше, а потомъ спряталась въ углу комнаты и ждетъ, что́ будетъ.

Наступилъ вечеръ; слышитъ она—топотъ и людскіе голоса; немного спустя, вошли въ комнату двѣнадцать братьевъ-младодцовъ, двѣнадцать разбойниковъ, всѣ—одинъ въ одинъ какъ плечомъ, какъ лицомъ, что голосомъ, что волосомъ. Вошли они въ комнату въ шапкахъ, съ оружіемъ, здоровые, веселые, что одинъ скажетъ, другіе сейчасъ подхватятъ, смѣются, шутятъ; сѣли всѣ за столъ, вснѣз на свой стулъ, на свое мѣсто, взяли ножи, вилы и стали ужинать. Вдругъ одинъ разбойникъ соскочилъ со своего стула, „братцы“, говоритъ, „у насъ кто-то былъ за столомъ, вотъ взгляните!“ Всѣ осмотрѣли столъ, видятъ: точно кто-то въ домѣ былъ.

— „Давайте, братцы, поищемъ въ домѣ“, предложилъ одинъ изъ братьевъ: „кто былъ, тотъ не могъ такъ скоро уйти отсюда“.

— „Чего искать?“ сказалъ самый старшій братъ: „лучше станемъ окликать; коли гость отзовется, худого ничего не сдѣлаемъ“.

И стали разбойники окликать: „кто въ нашемъ домѣ есть, отзовись: если старшій старичокъ—будешь намъ дѣдушка, если старая старушка—будешь намъ матушка, если добрый моло-

дѣцъ—будешь намъ товарищъ, а красная дѣвица—будешь намъ сестрица“.

Купеческая дочь объявилась и вышла къ разбойникамъ. Братья-разбойники сказать нельзя какъ обрадовались ей, одѣли ее въ самое лучшее платье, усадили съ собой за столъ, накомили, напоили всѣмъ, что только было у нихъ лучшаго. Когда она, послѣ ужина, ушла въ отдѣльную комнату спать, они приняли всѣ такую присягу: сестру одну дома ни за что не оставлять, если придется отлучаться, а всегда одному при ней оставаться; другая присяга у нихъ была такая: если, въ отсутствіе одиннадцати братьевъ, съ сестрой приключится неожиданная смерть, то двѣнадцатый братъ, что останется при ней, долженъ сейчасъ же самъ умереть, какой смертью пожелаетъ, а остальные одиннадцать, пріѣхавши домой, должны тоже умереть, кто какой смертью пожелаетъ. Съ этихъ поръ разбойники, какъ только уѣзжали на свой промыселъ, всегда оставляли одного брата при сестрѣ; одиннадцать уѣдегъ, а двѣнадцатый безотлучно при ней находится.

Живетъ купеческая дочь у братьевъ-разбойниковъ, живетъ—тѣшится. Провѣдала какъ-то мать ея, купчиха, что она жива и находится на такомъ-то островѣ, у такихъ-то людей; досадно стало ей, думаетъ: „неровенъ часъ, пожалуй, явится домой, все отцу рассказать, а тотъ вспомнить прошлое, и мнѣ тогда не сдобровать“, и задумала она дочь извести. У нея было одно такое платье, что, кто его на себя надѣнетъ, сейчасъ же умретъ, а если снять его съ мертваго человѣка, мертвый сейчасъ сдѣлается живымъ. Не долго думая, сложила она это платье въ узелокъ, подозвала къ себѣ свою вѣрную старуху и говоритъ: „иди, передай отъ меня дочери поклонъ и снеси ей это платье“. Старуха отнесла купеческой дочери на островъ узелокъ съ платьемъ и передала ей отъ матери поклонъ, а сама повертѣлась, повертѣлась около нея, позавидовала ея житью, распрощалась и ушла домой. Купеческая дочь такъ

обрадовалась подарку матери, что и сказать нельзя: изъ рукъ не выпускаетъ. „Посмотри, братецъ“, говоритъ она разбойнику, что при ней оставался, „какой подарокъ прислала мнѣ моя родная матушка! А ну я помѣрю, будетъ ли платье мнѣ въ лицу“; надѣла—и тутъ же хлопнулась на полъ, стала мертвой. Разбойникъ хотѣлъ было догнать старуху и убить, да вспомнилъ принятую присягу и тутъ же, около сестры, закололъ себя ножомъ.

Пріѣхали съ промысла разбойники, увидали своего брата и сестру мертвыми и говорятъ: „теперь наша очередь пришла умереть“. Сказано—сдѣлано. Положили они сестру въ томъ самомъ платьѣ, въ какомъ она умерла, въ дубовый гробъ, дубовый гробъ вложили въ другой, желѣзный, а желѣзный—въ золотой, отнесли гробъ на высокую гору и привязали къ самой верхушкѣ большого дерева,—похоронили сестру, а сами вернулись домой, вырыли посреди двора глубокую яму, снесли туда мертвого брата, вошли сами, закопались, и всѣ умерли.

Разъ на этотъ самый островъ пріѣхалъ издалека на охоту какой-то царевичъ. Долго онъ охотился, гонялся за всякимъ звѣремъ, къ вечеру заблудился: куда ни пойдетъ, въ какую сторону ни свернетъ—нѣтъ нигдѣ выхода. Приказываетъ онъ своему слугѣ взлѣзть на дерево, посмотрѣть, не видать ли гдѣ огня. Слуга взлѣзъ на высокое дерево, на самую верхушку, глянулъ: далеко-далеко виднѣется огонекъ. Царевичъ и направилъ свой путь на тотъ огонекъ. Ъхалъ, ѣхалъ по лѣсу и добрался до того мѣста, гдѣ на деревѣ висѣлъ золотой гробъ—онъ-то и свѣтилъ ему, какъ огонекъ. Увидѣлъ царевичъ на деревѣ гробъ и приказалъ людямъ снять его. Сняли; царевичъ привезъ его къ себѣ домой и поставилъ во дворцѣ, въ своей комнатѣ. Прошло немного времени, взяло его любопытство, не даетъ ему гробъ покою, хочется ему знать, кто въ немъ лежитъ: „дай“, думаетъ, „посмотрю“; раскрылъ гробъ, посмотрѣлъ, да такъ и обмеръ: такой красавицы онъ еще въ

жизнь свою не видалъ. Лежить купеческая дочь мертвая, а чуть не говорить. Долго царевичъ смотрѣлъ, любовался, все ждалъ, не очнется ли красавица—нѣтъ, сталъ искать, нѣтъ ли въ гробу какой записки, хотѣлъ узнать, какого царя она дочь есть,—ничего не нашелъ. Съ тѣхъ поръ онъ рѣже сталъ ѣздить на охоту; больше проводилъ времени у себя въ комнатѣ, любовался на свою мертвую красавицу. Никто не зналъ—ни отецъ, ни мать, что находится въ комнатѣ царевича.

Разъ царевичъ отлучился за камиль-то дѣломъ, вазетса, на охоту уѣхалъ. Царь вошелъ въ его покой, увидалъ въ золотомъ гробу красавицу, догадался, отчего его сынъ рѣже повидалъ свою комнату, и отдалъ приказъ непремѣнно похоронить красавицу до пріѣзда сына, чтобъ она больше не смущала его своей мертвой красотой.

Собрались всё придворные царя въ комнату царевича, пришла и царица и говорить своему супругу-царю: „прикажи слугамъ обыскать гробъ, нѣтъ ли въ немъ какой бумаги, чтобъ знать, изъ какой земли эта дѣвица: нужно похоронить покойницу такъ, какъ хоронять въ ихъ землѣ“. Стали искать: искали, искали—нѣтъ ничего, принялись снимать платье, нѣтъ ли тамъ какой бумаги, да только что сняли, красавица открыла глаза и приподнялась. „Ахъ, какъ же я долго спала!“ сказала она.

Тутъ вернулся царевичъ. „Еще дольше спала бы ты, моя ненаглядная царица, еслибъ не я“, сказалъ онъ и рассказалъ все, какъ было. Царевичъ женился на купеческой дочери. Жили они сперва согласно, счастливо, радостно, а потомъ мужъ и сталъ замѣчать, что его жена ходитъ невеселая, все будто скучаетъ, горюетъ. Царевичъ спрашиваетъ ее: „скажи мнѣ, пожалуйста, изъ какой ты земли родомъ и кто твой отецъ“.

— „Ничего я не помню“, отвѣчаетъ жена: „знаю только, что было у меня двѣнадцать братьевъ; всё они одинаково любили, холили меня. Ждала бы я увидѣть ихъ опять подлѣ себя“.

Нечего дѣлать, снарядилъ царевичъ корабль и поѣхалъ съ женой на тотъ островъ, гдѣ жили разбойники. Отыскали разбойничью могилу; царевичъ и спрашиваетъ у жены: „это могила твоихъ братьевъ?“

Увидала купеческая дочь всѣхъ своихъ братьевъ мертвыми, заплакала и стала просить мужа, чтобъ онъ досталъ живой воды оживить ихъ. Царевичъ привезъ живой воды. Купеческая дочь брызнула этой водой на самаго младшаго разбойника, тотъ всочилъ и спрашиваетъ ее: „скажи мнѣ, сестрица, что это за человѣкъ съ тобой?“

— „Я—такой-то“, отвѣчаетъ царевичъ: „а это—моя жена“.

— „Тебѣ она—жена, а мнѣ—сестра“, сказалъ разбойникъ и—не успѣлъ царевичъ оглянуться—отсѣкъ ему мечомъ голову.

— „Ахъ, братецъ!“ закричала купеческая дочь: „что ты надѣлалъ? вѣдь, ты убилъ моего мужа, убей теперь и меня!“

— „Нѣтъ“, говоритъ разбойникъ, „тебя я убивать не стану: я на это присяги не принималъ, а такую присягу принять: кого изъ мужчинъ увижу около тебя, того сейчасъ же долженъ убить“.

Заливается купеческая дочь горячими слезами, убивается; хватилась живой воды, хотѣла оживить своего мужа—нѣтъ, всю разлила въ суматохѣ. И стала она просить-молить разбойника, чтобъ онъ съѣздилъ за живой водой оживить ея мужа и всѣхъ братьевъ.

— „Хорошо“, говоритъ разбойникъ, „я съѣзжу за живой водой, только ты отдай мнѣ въ залогъ голову твоего мужа, чтобъ она въ дорогѣ была при мнѣ: тогда я буду знать, что ты отсюда нивудя не уйдешь“.

Взялъ разбойникъ голову убитаго царевича и поѣхалъ за живой водой. Нашелъ воду, встать оживилъ ею голову царевича, такъ что она стала говорить, и вернулся къ сестрѣ, купеческой дочери. „Ахъ, братецъ!“ говоритъ она ему, „кто-то утратилъ тѣло моего мужа—нето звѣрь, нето птица“, и ста-

ла просить брата, чтобы онъ сыскалъ его. Какъ только разбойникъ ушелъ на поиски, голова царевича заплакала: „ахъ ты, милая моя жена, не могла ты уберечь-уварулить моего тѣла!“ а далѣе и говорить: „если придетъ твой братъ, да скажетъ, что нигдѣ нѣтъ моего тѣла, вели ему перебить всѣхъ звѣрей на островѣ; пусть онъ у каждаго звѣря въ нутрѣ посмотритъ, не осталось ли тамъ хоть кусочка моего тѣла, тогда горю помочь можно; если въ звѣряхъ не найдеть, велю ему перестрѣлять всѣхъ птицъ на островѣ и въ нихъ искать“.

Вернулся разбойникъ ни съ чѣмъ. Сестра стала просить о томъ, что говорила ей голова царевича.

Перебилъ-перестрѣлялъ разбойникъ на островѣ всѣхъ звѣрей, всѣхъ птицъ—нѣтъ нигдѣ тѣла царевича. Вотъ онъ идетъ обратно къ сестрѣ, купеческой дочери, и думаетъ про себя: „что же я надѣлалъ? всѣхъ звѣрей, всѣхъ птицъ перебилъ!“ Надобно знать: когда двѣнадцать братьевъ-разбойниковъ поселились на островѣ, то всѣ приняли такую присягу: тогда только не жить на свѣтѣ, когда на островѣ не будетъ ни звѣрей, ни птицъ. „Если я оживлю моихъ братьевъ“, продолжалъ раздумывать разбойникъ, „то они, какъ узнаютъ, что я перебилъ всѣхъ птицъ и звѣрей, присягу измѣнилъ, тотчасъ зарубятъ меня; а теперь они мертвые, нѣтъ надо мною никакой присяги, и сестра—мнѣ больше не сестра“. И рѣшилъ разбойникъ жениться на купеческой дочери; пришелъ и сказалъ ей объ этомъ.

Купеческая дочь подумала: „царевича мнѣ ужъ больше, звѣрно, не видать въ живыхъ, а этотъ разбойникъ лицомъ даже красивѣе моего мужа-царевича“, и согласилась быть его женой. Стала купеческая дочь женой молодого разбойника, а голову царевича оставила при себѣ.

13. Золотой фонарь.

Неизвѣстно гдѣ и когда жилъ одинъ царь. Умерла у него жена-царица и оставила ему дочь-невѣсту. Царь былъ еще

молодъ и красивъ и задумалъ жениться на другой. Сколько онъ ни ѣздилъ, сколько ни присматривался, ни приглаждался къ краснымъ дѣвицамъ, не нашелъ ни одной, которая хоть лицомъ или словомъ напомнила бы ему его любимую покойницу-жену. Затужилъ, загоревалъ бѣдный царь: не хочется ему вдовымъ остаться, а невѣсты по душѣ нѣтъ. Посмотрить, посмотреть царь на свою дочь—еще пуще въ тоску ударится. „Эхъ“, думаетъ, „еслибъ такую себѣ сыскать, какъ дочь моя: вылитая покойница, и портрета не надо“. Думалъ-гадалъ царь и рѣшилъ жениться на своей дочери, рѣшилъ и приказъ отдалъ, чтобы дочь къ вѣнцу готовилась.

Бѣдная царевна какъ узнала о томъ, стала своего отца упрашивать да молить: „не губи меня, родной батюшка!“ Такъ куда! царь и слышать не хочетъ. „Хорошо“, говоритъ, наконецъ царевна отцу, „такъ и быть, я выйду за тебя замужъ, только къ завтрашнему дню сдѣлай такъ, чтобы вокругъ нашего дворца было большое озеро-море, чтобы по этому озеру-мору плавали большіе и малые корабли, царскіе и боярскіе, вольные купеческіе и удалые разбойничьи, чтобы эти суда-корабли прямо къ нашему крыльцу приставали и намъ за провозъ золотомъ отдавали“.

Просыпается утромъ царская дочь, смотритъ: все готово: кругомъ царскаго дворца стоитъ большое озеро-море, по немъ ходятъ на бѣлыхъ парусахъ корабли всякіе, прямо къ крыльцу пристають и царю за провозъ товаровъ золотомъ отдаютъ. Недешево стоила царю эта затѣя.

— „Хорошо“, говоритъ царская дочь своему отцу, „такъ и быть, выйду за тебя замужъ, только къ завтрашнему дню сдѣлай большой золотой фонарь, чтобы тотъ фонарь свѣтилъ на все наше озеро-море, чтобы корабли издалека могли его видѣть, къ нашему царскому крыльцу подъѣзжать, самые дорогие товары намъ продавать“.

Просыпается утромъ царская дочь, смотритъ: все гото-

во: оволо высокаго царскаго крыльца, на самомъ берегу озе-
ра-моря, стоитъ дорогой золотой фонарь, самъ собою сіяетъ,
все кругомъ освѣщаетъ; корабли его усмотрѣли, прямо къ цар-
скому крыльцу подлетѣли, за прововъ царю чистымъ золотомъ
платать, а съ него за товары втрое глядятъ. Самъ царь ди-
вится своей затѣй, не чаеть на дочери жениться, ждетъ—не
дождется, когда всему будетъ конецъ, чтобъ итти подъ вѣ-
нецъ. Всякихъ дорогихъ товаровъ для своей дочери онъ столь-
ко накупилъ, что, кажется, за нихъ всѣ денежки изъ своей
казны купцамъ сбылъ.

— „Хорошо“, говоритъ царская дочь отцу, „такъ и
быть, выйду за тебя замужъ, только къ завтрашнему дню из-
готовь мнѣ самое дорогое приданое, чтобы все то приданое
могло помѣститься въ одномъ маленькомъ сундучкѣ“.

Просыпается утромъ царская дочь, смотреть: все готово:
предъ нею стоитъ маленькій сундучокъ—подъ мышку взять,
полнымъ полонъ всякаго рѣдкаго добра; все въ немъ такъ хит-
ро сложено и уложено; всѣмъ добромъ можно весь дворецъ
закидать; вещи все отличныя, доброты заграничной—вчера
только царемъ накуплены. Чего-чего только въ хитромъ сун-
дучкѣ не лежало: и дорогія покрывала, и койка, и коней
тройка, и всякая малость—царской дочери на радость.

— „Ну“, говоритъ царская дочь своему отцу: „теперь,
батюшка, я готова быть твоею женою, вечеромъ вынче и свадь-
бѣ быть; позволь только мнѣ, государь, сходить на могилу
моей покойной матушки; пойду, поголошу да *благословеніе ис-
прошу*, а тамъ веди меня съ собой подъ вѣнецъ“.

Пошла царская дочь на могилу матери проститься, а
царь отъ радости пирь-гульбу затѣваетъ, всѣхъ къ себѣ во
дворецъ созываетъ. Собрались цари и бары, купцы и разбой-
ники-удальцы—всѣ къ царю оверомъ-моремъ приплыли. Царь
думалъ для пира у купцовъ всякаго товару накупить, чтобъ
было на пиру густо, да ему сказали, что въ его царской

казнѣ—давно ужъ пусто: деньги убиты на важныя работы: на постройку озера-моря, золотого фонаря, а всего больше ушло дочери въ сундучокъ.

Вотъ приходитъ царь въ церковь подъ вѣнецъ—такой молодецъ, что гости кругомъ его столпились, и глаза у нихъ отъ его красоты помутились. Стоитъ царь въ церкви и ждетъ своей невѣсты, ждетъ часъ, другой и больше, а царевны все нѣтъ и нѣтъ. „Ну“, думаетъ царь сердито, „не время теперь убиваться—съ мертвой матерью простаться, пора и подъ вѣнецъ“.

Вдругъ входитъ въ церковь царскій гонецъ и говоритъ: „такъ и такъ, ваша царская милость, гдѣ ни ходили, ни искали—нигдѣ не могли найти вашей дочери“.

Царь—изъ церкви да домой; все обыскали, обшарили, перетрясли, съ мѣста на мѣсто разъ до десятку перенесли; искалъ самъ царь, искали гости—нѣтъ нигдѣ невѣсты-царевны, какъ въ воду ушла.

— „Нѣтъ“, говоритъ царь, „у меня больше спрятаться негдѣ—кругомъ вода; только и можетъ быть одна бѣда: какъ шла она отъ матери въ церковь въ горѣ, такъ и бросилась въ море“. Но никто—ни други, ни слуги, ни самъ царь не догадались заглянуть въ золотой фонарь. А царская дочь еще съ позаранку въ него забралась, да тамъ и осталась.

Такъ и не пришлось царю жениться на своей дочери. Послѣ своихъ затѣй онъ сталъ жить совѣшъ худо: ѣлъ только по два блюда, кораблей въ нему приплывало мало и въ царскую казну оттого не пребывало.

Приплываетъ разъ къ царскому дворцу на кораблѣ изъ дальнихъ странъ богатый купецъ, посмотрѣтъ у царя разныя диковинки, а больше всего золотой фонарь. Увидалъ онъ, что царь живетъ въ большой бѣдности, во всемъ терпитъ великую нужду—ни продать ему нечего, ни купить у него ничего онъ не можетъ, и сталъ онъ у царя торговать золотой

фонарь: „продай“, говоритъ, „я тебѣ за него хорошія денежки отсчитаю“.

Царь радъ былъ этому случаю: давно золотой фонарь торчитъ у него на глазахъ безъ дѣла; онъ не зналъ, куда его сбыть, и продалъ купцу.

Купецъ поставилъ фонарь на видномъ мѣстѣ своего корабля и поплылъ торговать въ другія земли. Приплылъ онъ къ новому царству, разбилъ, раскинулъ большой шатеръ, въ шатрѣ поставилъ золотой фонарь и сталъ торговать да барышевать. Только какъ утромъ ни хватится купецъ—анъ многихъ самыхъ дорогихъ товаровъ не достаетъ, да и въ деньгахъ большой недочетъ, а у купца, извѣстно, все на перечетъ. Куда могло все это дѣваться, купецъ просто ума не приложить: все будто такъ крѣпко было заперто. Такъ замѣтилъ купецъ пропажу изъ своего шатра разъ, замѣтилъ другой, поставилъ на ночь вокругъ шатра караулъ крѣпкій, думалъ вора изловить,—ничто не помогаетъ: утромъ какъ зашелъ онъ въ свой шатеръ да посмотрѣлъ: въ немъ почти пусто, еще больше товаровъ не хватаетъ, и все золото уворовано. „Эге!“ думаетъ купецъ: „заѣхалъ же я въ разбойничью сторону! тутъ мнѣ не торговать: больно ужъ ловежъ народъ воровать; такъ и безъ рубашки останешься!“ И сталъ купецъ свои товары, какіе уцѣлѣли, сносить на корабль, чтобъ ѣхать на торгъ въ другой край, вдругъ смотритъ: входитъ въ его шатеръ молодой царевичъ. Накупилъ царевичъ много всякихъ товаровъ, денегъ еще больше того отдалъ и спрашиваетъ купца: „не продашь ты золотой фонарь?“

— „Почему не продать,“ отвѣчаетъ купецъ: „у насъ за вѣтнаго ничего нѣтъ“, и продалъ.

Очутился золотой фонарь въ горницѣ молодого царевича, стоитъ на видномъ мѣстѣ.

Была у этого царевича невѣста немилая: царь собирался насильно женить его на ней. Вотъ однажды царевичъ уѣзжаетъ

на охоту и приказывает своей невестѣ: „если хочешь мнѣ понравиться, смотри, убери безъ меня хорошенько мою комнату.“ Ворочается онъ съ охоты, смотритъ: все въ горенкѣ убрано не по старому—все встало да на мѣстѣ, такъ что любо-посмотрѣть; вездѣ шелкъ да ковры, откуда что взялось. Посмотрѣлъ царевичъ свою постель и говоритъ своей невестѣ: „славно ты мою перину перебила, подушки перетрусила“.

Невеста ему и говоритъ: „ужъ это я для тебя хлопотала, всѣ руки отмотала, свое приданое достала, чтобъ въ твоей комнатѣ пристало“.

Въ другой разъ уѣзжаетъ царевичъ на охоту и приказываетъ своей невестѣ: „если хочешь мнѣ понравиться, изготовь мнѣ хороший ужинъ.“ Ворочается съ охоты, смотритъ: на столѣ у него богатый ужинъ: вина и всякія печенья, съѣсть или испить—мое почтенье! Удивился царевичъ.

Невеста ему и говоритъ: „все сама пекла, варила, свои, бабушкины вина для тебя добыла; за печеньемъ устала ходить, чтобъ тебѣ угодить“.

— „Завтра ѣдемъ въ церковь вѣнчаться“, говоритъ царевичъ: „только изготовь въ утру дорогой шелковый коверъ подъ ноги, чтобъ было на чемъ въ церкви стоять подъ вѣнцомъ, да шелковый платочекъ, чтобъ было за что намъ въ церкви держаться“.

Утромъ царевичъ раньше времени просыпается, глядь—диво! дверка золотого фонаря будто сама собою отворяется, изъ фонаря царская дочь на полъ спускается—вся серебромъ да золотомъ залита, шея дорогой монистой увита, лицо—что твое солнце! Подошла царевна къ столу, открыла свой маленькій сундучокъ, достала изъ него шелковый коверъ да платочекъ, положила на столъ да только что хотѣла опять уйти спрятаться въ фонарь, царевичъ и схватилъ ее за руку: „теперь не уйдешь отъ меня, милая моя!“ говоритъ ей.

— „Ахъ, царевичъ“, проситъ царская дочь, „не тронь

меня, дай досплю эту последнюю ночь въ своемъ золотомъ фонарѣ, тогда повѣзь буду твоей“.

Царевичъ отпустилъ царевну, и она затворилась въ своемъ золотомъ фонарѣ.

Утромъ входятъ въ царевичу въ горницу царь и царица, всѣ зятя и сватья—посмотрѣть невѣстину работу да заодно и въ церковь собираться ѣхать. Царь и царица стали работу невѣстину хвалить, зятя—хулить, такъ, нарочно—будто не прочно да криво и изготовлено не мило.

— „Ну-ка, царевичъ“, говорятъ невѣстины родители, „иди-ка сюда, теперь твоя череда—похвалить и оцѣнить, каковъ нашъ мастеръ“.

— „Хорошо“, говоритъ царевичъ, „сейчасъ вамъ всѣмъ и мастера этого покажу, что могъ все это и прочее другое такъ изготовить“.

Тутъ дверка золотого фонаря сама собою отворилась, и изъ фонаря во всей красѣ царская дочь явилась. Отерyla она свой сундучокъ и давай гостей закидывать всякими дорогими товарами: царя съ царицею забросала дорогимъ сукномъ, зятьевъ залила рѣдкимъ виномъ, а невѣстныхъ сватовъ засыпала всякой золотой монетой.

Всѣ удивились, перепугались, скорехонько изъ комнаты убрались, потому что сильно боялись, какъ бы она совсѣмъ съ головой ихъ не забросала. Осталась царская дочь съ царевичемъ въ комнатѣ одна, а въ сундучкѣ еще не видно дна: все оттуда ползетъ и лѣзетъ. Скоро комната наполнилась отъ пола до потолка всякимъ добромъ, золотомъ да серебромъ, такъ что веѣмъ стало тѣсно.

Царская дочь стала невѣстой царевича. Омъ на ней женился и получилъ въ приданое ея богатый сундучокъ. И сколько царевичъ, послѣ того, ни жилъ со своей женой, а все дивился, что его сундучокъ до дна никакъ не можетъ опорожниться.

Золотой фонарь царевичъ поставилъ повыше, на своей дворцовой крышѣ; онъ тамъ и до сихъ поръ сіяетъ, все царство освѣщаетъ, всѣхъ людей грѣетъ; земля отъ его тепла скорѣе прѣетъ, рожь, пшеница—все лучше отъ него стало родиться. Вотъ гдѣ бы намъ съ вами пожить да добра нажить, а нужду съ горемъ снить!

14. Братъ и сестра.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили себѣ мужъ да жена—старикъ со старухою. У нихъ было двое дѣтей: сынъ да дочь. Передъ смертью старики завѣщали своимъ дѣтямъ: „живите, дѣтки, дружно, въ любви и согласіи, совѣтуйтесь между собою во всемъ; когда одинъ изъ васъ уѣзжаетъ куда изъ дома, прощайтесь, а при встрѣчѣ здоровайтесь“. Старики умерли. Братъ и сестра въ точности исполняли завѣтъ своихъ родителей. Отъ стариковъ остался въ наслѣдство дѣтямъ завѣщій дворъ, который они и продолжали держать. Когда братъ и сестра сдѣлались взрослыми, онъ—женихомъ, она—невѣстой, сестра стала совѣтовать своему брату жениться: „давай, да давай, братецъ, женимъ тебя: пора-времячко уже наступило; не вѣкъ жить тебѣ бобылемъ, неженатому“. Женился братъ, по совѣту сестры, и сталъ жить со своей молодой женою; а сестра пока оставалась жить при братѣ.

Проходитъ годъ, другой. Жена и стала примѣчать, что мужъ ея ладно живетъ со своей сестрой. Очень не понравилось ей это, и задумала она разстроить мужа съ сестрой. У мужа былъ хорошій дѣвиной кобель; она возьми и зарѣжь его, а потомъ пришла къ мужу и говорить: „пойди, посмотри, чтѣ твоя милая сестрица надѣлала: зарѣзала твоего любимаго кобеля“. Мужъ хоть и повѣрилъ женѣ, но сказалъ: „чтожь такое? зарѣзала—такъ зарѣзала: кобель нашъ и сестра наша“, и ни словечкомъ не допрекнулъ сестру за собаку.

Еще пуще разсердилась жена. Отправилась она на конюшню и зарѣзала любимого жеребца мужа; зарѣзала, пришла въ мужу и говорить ему: „пойди, посмотри, что твоя хваленая сестрица надѣлала: зарѣзала твоего любимого жеребца“. Мужъ хоть и повѣрилъ женѣ, но сказалъ: „чтожь такое? зарѣзала—такъ зарѣзала: жеребецъ нашъ и сестра наша“, и ни словечкомъ не попрекнулъ сестру за жеребца.

— „Погоди же, молодущка!“ думаетъ жена: „я тебя допеку“. Родила она ребенка, зарѣзала, принесла въ комнату золовки, положила около нея, постель и сонную золовку выпачкала въ кровь и окровавленный ножъ положила тутъ же, а сама выбѣжала на дворъ, заголосила и говорить мужу: „вотъ до чего довела твоя любимая сестрица—зарѣзала моего роднаго дитя! Охъ, батюшки мои!“

Мужъ хоть и повѣрилъ женѣ, но сестрѣ про это ничто не сказалъ. Немного погодя, приказалъ онъ заперчь тройку лошадей, а самъ пришелъ къ сестрѣ и говорить: „поѣдемъ, милая сестрица, покатаемся“.

— „Зачѣмъ я поѣду съ тобою, братецъ, кататься?“ отвѣчаетъ она брату: „у тебя жена есть“.

— „Ничего“, говорить братъ: „я хочу съ тобою покататься, сестрица“. Сестра согласилась. Приѣхали они въ лѣсу, остановились. Братъ и говорить: „давай, милая сестрица, сойдемъ съ телѣги“. Сошли и пошли гулять по лѣсу. Ходили, долго гуляли. Увидалъ братъ пенець отъ большого срубленнаго дерева, остановилъ сестру да вдругъ и говорить ей: „влади, сестра, руки на этотъ пенець“. Только сестра успѣла положить руки, братъ и отсѣкъ топоромъ ихъ обѣ ниже локтей, отсѣкъ и говорить: „ну, милая сестрица, ступай теперь, куда душа твоя хочетъ“, а самъ—на телѣгу и ускакалъ домой въ женѣ.

Осталась дѣвушка одна въ лѣсу, горько заплакала и пошла, куда глаза глядятъ. Шла, шла она; и захотѣлось

ей ѣсть; смотритъ: стоитъ садъ, такой прекрасный да большой. Дѣвушка, не долго думая, и зашла въ этотъ садъ, оглядѣлась кругомъ, смотритъ: стоитъ хорошая-прехорошая яблоня, а на ней райскія яблочки—совсѣмъ низко висятъ. Хочется ей сорвать яблочко, да нечѣмъ; она протянула шею да ртомъ прямо съ дерева, съ вѣточки и сорвала яблочко, накушалась, отошла отъ яблони и въ тѣни другого дерева легла отдохнуть; легла да незамѣтно и заснула.

А садъ-то этотъ былъ царскій, и яблонка та была любимая у царевича; онъ каждый день считаль-провѣрялъ, цѣлы ли на ней яблочки. Пришелъ на этотъ разъ царевичъ въ садъ, подошелъ къ своей яблонкѣ, сосчиталъ яблочки, да одного и не досчитался. „Кто бы могъ сорвать—украсть яблочко съ моей любимой яблонки?“ подумалъ царевичъ. Сталъ онъ оглядываться да осматриваться по сторонамъ и увидалъ въ тѣни дерева спящую дѣвушку съ отсѣченными руками; посмотрѣлъ разъ, другой, третій, сначала издали, потомъ ближе, ближе и никакъ не можетъ оторвать отъ нея своихъ глазъ: безрукая дѣвушка царевичу показалась такою красавицей, какой онъ никогда и нигдѣ не видывалъ. Царевичъ побоялся разбудить ее и тихонько отошелъ, а потомъ бѣгомъ пустился къ отцу и рассказалъ ему обо всемъ. Пришелъ въ садъ самъ царь, поглядѣлъ на сонную дѣвушку, и ему она очень понравилась. Тутъ царевичъ, не долго думая, женился на безрукой дѣвушкѣ и сталъ крѣпко ее любить да миловать.

Вотъ пожилъ царевичъ со своей женой не много времени и отлучился изъ дома куда-то далеко, уѣхалъ на войну въ другое царство. Жена безъ него родила сына: руки до локтей и ноги до колѣнъ золотыя, на лбу—звѣзда, на затылкѣ—мѣсяцъ, тоже золотые. Царь-отецъ написалъ своему сыну-царевичу письмо, какой у него родился сынъ-молодецъ, и просилъ пріѣхать посмотреть, полюбоваться на него, написать и отправить со своимъ вѣрнымъ слугою. Отправился слуга

съ письмомъ въ путь-дорогу; шель, шель и—нужно же такъ случиться!—остановился на ночлегъ на томъ заѣзжемъ дворѣ, хозяйка котораго была та самая, что разлучила брата съ сестрой. Хозяйка распросила царскаго слугу, кто онъ, отъ кого и куда идетъ, и догадалась, что сестра ея мужа вышла замужъ за царскаго сына. Зло ее взяло. Когда царскій посланецъ заснулъ, она вытащила у него изъ дорожной сумки письмо, прочитала, что тамъ было написано, изорвала и вмѣсто него засунула въ сумку другое, свое, письмо. Въ своемъ письмѣ она писала царевичу: „родила тебѣ жена твоя сына съ сабачьей головой, съ кашпачьими руками и ногами; не знаешь, что и дѣлать съ нимъ“.

Царскій слуга доставилъ царевичу это письмо. Царевичъ прочиталъ его, отписалъ отцу: „сына моего, коли такою уродился, прошу беречь-хранить до моего приѣзда“, и отправилъ это письмо домой съ тѣмъ же царскимъ слугой. Дорогою слуга опять остановился почевать на томъ заѣзжемъ дворѣ, гдѣ ему подмѣнили письмо. Увидала хозяйка царскаго слугу, обрадовалась, приняла его, какъ знакомаго человѣка и за ужиномъ распросила его, откуда и съ чѣмъ онъ идетъ. Когда царскій посланецъ заснулъ, она вынула у него изъ дорожной сумки письмо царевича, прочитала и изорвала, а въ сумку вмѣсто него сунула свое письмо. Въ своемъ письмѣ она писала царю отъ имени царевича: „къ моему приѣзду чтобы не было во дворцѣ ни жены моей безрукой, ни сына; согнать ихъ со двора, чтобы глаза мои ихъ не видали, чтобы уши мои про нихъ не слышали“.

Прочитавши это письмо, царь съ царицею не знали, что дѣлать: они успѣли привыкнуть къ своей невѣсткѣ и полюбить ее, а въ своемъ вѣнцѣ съ золотыми руками и ногами, со звѣздой на лбу и съ мѣсяцемъ на затылкѣ они просто души не чаяли. Думали, думали они, гадали, гадали, какъ имъ быть, и порѣшили на томъ, что волю сына-царевича нужно ис-

полнить; снарядили они свою невѣстку въ путь-дорогу: завернули ей сына-ребенка въ пеленки, привязали оволо ея грудей полотенцемъ, чтобы онъ самъ могъ достать, когда захочется ѣсть, и отпустили на всѣ четыре стороны.

Пошла жена царевича куда глаза глядятъ. Долго шла она, много натерпѣлась, захотѣлось ей пить и такъ сильно, что она не знала, останется ли живой; смотреть: течетъ рѣчка, совсѣмъ небольшая рѣченка. Она подошла къ водѣ, да только нагнулась, чтобы ртомъ достать воду, ребенокъ и упалъ вмѣстѣ съ пеленками въ рѣку; и понесло его, катить-перекатываетъ съ боку на бокъ по водѣ. Что тутъ дѣлать? Кинулась бѣдная жена царевича къ сыну, хотѣла его схватить — не чѣмъ, рукъ нѣтъ; сбѣжить берегомъ рѣки за ребенкомъ, голосить что есть мочи; жалко ей сына: вотъ-вотъ утонетъ. Откуда ни возьмись, старичокъ на другомъ берегу рѣки, какъ разъ насупротивъ, увидалъ онъ женщину въ слезахъ и ребенка въ пеленкахъ на рѣкѣ и кричитъ женщинѣ: „хватай скорѣе ребенка, нето онъ у тебя сейчасъ утонетъ“.

— „Да чѣмъ же, дѣдушка, я его возьму? вѣдь, у меня рукъ нѣту“, говоритъ жена царевича.

— „Хватай скорѣе, я тебѣ говорю, нето утонетъ!“ Протянула она къ сыну одну руку, за ней другую, смотреть: обѣ руки цѣлы, будто и не были отрублены. Обрадовалась она, завернула сына въ пеленки и отправилась въ путь-дорогу. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Долго она ходила по бѣлому свѣту со своимъ сыномъ, долго блуждала, наконецъ, пришла на завзкій дворъ къ своему родному брату. Братъ не узналъ своей сестры, не узнала и жена его своей золовки: была она безъ рукъ, а теперь съ руками, и сама она никому не сказала про себя ни слова — какъ тутъ узнать? Нанялась жена царевича въ работницы къ своему брату. Порою сноха будто и угадывала свою золовку, да тутъ же и разувѣрялась: „нѣтъ“, думала, „это

не она: гдѣ ей было руки достать?" Такъ она и не знала, кто у нея въ работницахъ живетъ; однако частенько ни за что, ни про что придиралась въ ней, бранила ее, даже тогда, когда нужно было сказать ей спасибо. Маленькому сыну ея тоже приходилось тяжеленько: за всякую малость хозяйка бранила его и даже била. А мальчикъ росъ не по днямъ, а по часамъ, не по часамъ, а по минутамъ. На головѣ онъ всегда носилъ такую шапочку, чтобъ не было видно людямъ ни звѣзды, ни мѣсяца, на рукахъ — перчатки, а на ногахъ — сапожки. Никто, кромѣ матери, не зналъ, что онъ за ребенокъ. Мальчикъ подросъ и научился рассказывать сказки да такъ складно, что хозяйка готова была слушать его по цѣлымъ днямъ.

Нужно было такъ случиться, что царевичъ, отецъ этого мальчика, размысливая свою жену, заѣхалъ отдохнуть со своими людьми какъ разъ на тотъ звѣздый дворъ, гдѣ жила его жена въ работницахъ. Хозяйка отвела гостю отдельную комнату, и царевичъ легъ спать; но сколько онъ ни старался заснуть, не могъ: такъ сильно онъ печалился о судьбѣ своей жены и сына. Царевичъ всталъ съ постели и приказалъ позвать къ нему хозяйку. Когда та явилась, онъ сказалъ ей:

— „Нѣтъ ли у тебя, матушка, такого челоуѣка, чтобъ могъ рассказать мнѣ сказку? быть-можетъ, отъ нея я заснулъ бы. Если есть, приведи его ко мнѣ“.

— „Какъ не быть!“ отвѣчаетъ хозяйка: „живетъ у меня работница, у нея есть сынишка—такой мастеръ рассказывать сказки! Если угодно вашей милости, я приведу его сейчасъ“.

— „Веди, веди“, сказалъ обрадованный царевичъ.

И хозяйка привела къ царевичу его сына со звѣздой на лбу и мѣсяцемъ на затылкѣ; привела и хотѣла было сейчасъ же изъ комнаты уйти, да осталась послушать, про что станетъ рассказывать мальчикъ: она такъ всегда любила его сказ-

ки. Царевичъ, какъ только увидалъ мальчика, сейчасъ же приказалъ ему начинать сказку.

— „Хорошо, я расскажу сказку“, сказалъ мальчикъ: „только съ уговоромъ—не перебивать меня: кто перебьетъ, того ударю по головѣ вотъ этой толстой палкой“. Всѣ согласились, и мальчикъ началъ свою сказку.

„Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были братъ и сестра. Братъ любилъ сестру и сестра въ братѣ души не чаяла. Жили они между собою очень согласно, безъ совѣта другъ съ другомъ ни за какое дѣло не принимались. Но вотъ братъ женился, и злая сноха не влюбила золовку, стала на нее всякую напраслину наговаривать. Дѣло дошло до того, что братъ увезъ свою сестру въ лѣсъ, отрубилъ ей руки топоромъ и бросилъ ее одну въ лѣсу: думалъ, звѣри ее съѣдятъ. Но безрукая дѣвушка спаслась. Удалось ей какъ-то попасть въ царскій садъ; тамъ увидалъ ее сынъ царя и женился на ней. Послѣ того“...

— „Не правда, не правда это“, перебила мальчика хозяйка. Догадалась она, про что мальчикъ ведетъ свою сказку, и не могла утерпѣть, чтобъ не перебить его.

— „А, не правда!“ сказалъ мальчикъ и замахнулся на хозяйку палкой; но та не далась: схватила мальчика одной рукой за его руку, другой—за голову и стащила съ руки перчатку, съ головы—шляпочку. Комнату сразу такъ и осіяло!

— „Что ты есть за человекъ?“ спросилъ царевичъ мальчика.

— „Я—твой сынъ“, отвѣчалъ мальчикъ: „здѣсь живеть и моя мать, твоя жена“, и рассказалъ отцу про все, что надѣлала злая сноха. Царевичъ сейчасъ же отыскалъ свою любимую жену, сталъ ее обнимать да спрашивать, откуда у ней взяли руки. А слуги царевича привязали виноватую къ хвосту дикой лошади и ту лошадь пустили въ чистое поле; такъ отъ нея не осталось и слѣдовъ: всю ее лошадь разбила, разметала по чистому полю.

Царевичъ счастливый да радостный и теперь живетъ со своею женой да сыномъ-молодцомъ, у котораго на лбу-звѣзда, на затылкѣ-мѣсяцъ, а руки и ноги-золотыя.

15. Васютка и Аленушка.

Жили-были на этомъ свѣтѣ старикъ да старуха, бѣднѣе-пробѣднѣе. Былъ у нихъ сынъ—Васюткой звали—еще мальчикъ. Вотъ однажды Васютка и присталъ къ своей матери-старухѣ: „купи да купи мнѣ, матушка, *крючокъ да каючекъ* *): я буду ѣдить по рѣкѣ рыбу ловить да тебя, матушка, кормить. Мать купила крючокъ, и Васютка сталъ каждый день на рѣкѣ рыбу ловить да мать свою-старуху кормить. Уѣдетъ Васютка на каючѣ рыбу ловить, и цѣлый день его нѣтъ; вечеромъ мать придетъ на берегъ рѣки и зоветъ его домой, подзываетъ:

„Сыночекъ мой, Васюточка,
Плыви, плыви къ бережечку,
Ко желтому, ко песочку!
Несу тебѣ обѣдати,
Несу тебѣ *вечерати* **),
Несу тебѣ кашку,
Несу красну рубашку
И штанцы-мальцы^а“.

Услышитъ Васютка материнъ голосъ, приплыветъ къ берегу; идетъ съ матерью домой и рыбу въ мѣшечкѣ несетъ.

Подслушала какъ-то баба-яга, какъ мать подзываетъ Васютку къ берегу, и задумала его замануть къ себѣ. Вотъ однажды пришла она на берегъ рѣки раньше Васюткиной матери и заплѣла претолстымъ голосомъ:

„Сыночекъ мой, Васюточка,
Плыви, плыви къ бережечку,

*) *Крючокъ*—большая удочка. *Каючекъ*—родъ лодки.

***) *Вечерати* (шпрс.)—уживать.

Ко желтому, ко песочку!
Несу тебѣ объдати,
Несу тебѣ вечерати,
Несу тебѣ кашку,
Несу красну рубашку
И штанцы-мальцы“.

Услыхалъ Васютка голосъ и думаетъ: „моя матушка не тикимъ голосомъ зоветъ меня, у моей матери голосъ потоньше“, и не поѣхалъ къ берегу. Досадно стало бабѣ-ягѣ. Приходить она къ кузнецу и говоритъ: „кузнецъ, кузнецъ, скуй мнѣ такой голосокъ, какъ у Васюткиной матери“. Сковалъ кузнецъ бабѣ-ягѣ такой голосъ. Дождалась она другого вечера и пошла къ рѣкѣ подзывать Васютку. Услыхалъ Васютка голосъ, подумалъ, что мать его зоветъ, и подѣхалъ къ берегу. Баба-яга подхватила и утащила къ себѣ въ темный лѣсъ, гдѣ у ней была избенка и жила съ ней дочь ея, Аленушка. Принесла баба-яга Васютку въ избенку и говоритъ дочери: „Аленка, приманула таки я паренька-то; смотри, не вѣвай: выкупай его хорошенько да сжарь въ печкѣ, я его съѣмъ. Приглядывай здѣсь, а я пока схожу въ гости къ сосѣдкѣ“. Сказала и ушла со двора.

Аленка приволокла въ избу корыто, налила въ него воды, раздѣла Васютку и говоритъ ему: „полѣзай въ корыто, я тебя выкупаю“.

Васютка и говоритъ: „я купался всегда въ рѣкѣ, въ корытѣ състь не умѣю“.

— „Да вотъ такъ садись“, говоритъ Аленка. Васютка залѣзъ въ корыто и растаялся поперекъ его; голова и ноги изъ корыта свѣсились. „Эвѣй ты какой безтолковый“, смѣется Аленка: „не такъ легъ“.

— „Ну покажи, какъ нужно“, говоритъ Васютка. Аленка только что забралась въ корыто, Васютка и выкупалъ ее вмѣсто себя.

Истопила потомъ Аленка печку крѣпко-на-крѣпко, за-гребла кочергой жарь къ стороннѣ, подставила лопатку къ печкѣ и говоритъ Васюткѣ: „сидись на лопатку, я тебя въ печку посажу—мать велѣла“.

— „Да я садиться не умѣю“, говоритъ Васютка.

Стала Аленка сажать на лопатку Васютку, а онъ нарочно садится не такъ, какъ ей хочется. „Экій чудной ты какой“, смѣется Аленка: „вотъ такъ садись!“ и сама сѣла на лопатку, а Васютка—тутъ какъ тутъ и угодила ее въ печку. Такъ Аленка вмѣсто Васютки сжарилась въ печкѣ, а Васютка убѣжалъ въ садъ баба-яги, взлѣзъ на высокій дубъ и сидитъ, дожидается, что будетъ.

Пришла баба-яга домой, открыла печку и сѣла свое жареное, однѣ косточки оставила. Оглядѣлась—нѣтъ дочки, и закричала: „Аленка! Аленка! куда ты, паршивая, зрапопастилась? иди, дойдай Васюткины косточки!“ Аленки все нѣтъ и нѣтъ. Разсердилась баба-яга и вышла въ свой садъ, разбросала по саду косточки, стала по тѣмъ косточкамъ кататься да вувыряться и приговаривать: „поватаюсь, поваляюсь по косточкамъ Васюткинымъ!“

А Васютка съ дуба себѣ приговариваетъ: „поватаюсь, поваляюсь по косточкамъ Аленкинымъ!“

Услыхала баба-яга Васюткинъ голосъ, догадалась, кого она сѣла, и крикнула: „погоди же, голубчикъ, покажу я тебѣ, какъ кататься—валяться по косточкамъ Аленкинымъ“. Подбѣжала она къ дубу, на какомъ сидѣлъ Васютка, обхватила-зацѣпила его своими косами, дернула хорошенько—такъ и снесла дубъ съ корнемъ. Смотрить, а Васютка уже на другомъ дубѣ. Схватила, обняла баба-яга своими руками и этотъ дубъ, тоже съ корнемъ выворотила, а Васютка тѣмъ временемъ успѣлъ взлѣзть на третій дубъ. Принялась баба-яга подгрызать третій дубъ; грызла-грызла да и сломала самыя главный зубъ. Побѣжала къ кузнецу, чтобы вставилъ ей но-

вый зубъ да и другіе наострилъ, а Васютка сидитъ на дубѣ ни живъ, ни мертвъ. Видитъ: летитъ мимо него стадо гусей, одинъ гусь лучше другого, онъ и загѣлъ жалобно-прежалобно:

„Гуси, гуси-лебедята,
Возьмите меня на крылата,
Отнесите меня въ отцу, матери,
На родимую мою сторонку!“

А гуси отвѣчаютъ: „тамъ, позади насъ, летятъ помоложе,—ихъ попроси“.

Летитъ другое стадо гусей, одинъ гусь хуже другого. Васютка сталъ ихъ просить. Подхватили задніе гуси Васютку на крылья, принесли его домой и посадили на хатѣ около трубы. Заглянулъ Васютка въ трубу и слушаетъ: сидятъ за столомъ отецъ и мать его и дѣлятъ между собою блины. Старикъ говоритъ: „это—тебѣ, старуха, блинъ, а это—мнѣ, это—тебѣ, это—мнѣ“. А Васютка какъ закричитъ въ трубу: „а мнѣ что?“ Услыхали старикъ и старуха голоса своего сына, выбѣжали изъ хаты, сняли Васютку съ крыши, накормили его блинами и стали распрашивать, гдѣ онъ такъ долго былъ. Гусей тѣхъ старикъ забралъ себѣ, и Васютка до сихъ поръ ихъ кормитъ.

16. Росло-повыросло.

Жили старикъ да старуха; построили они себѣ хату на льду. Старикъ разъ кашлянулъ, старуха чхнула, хата и потонула. Это присказка, сказка будетъ впереди вотъ какая.

Жилъ себѣ старикъ со своей старухой. Все, что у нихъ было, они прожили; осталась одна горсть гороху. Сѣли старики доѣдать горохъ да и не примѣтили, какъ одна горошина скатилась со стола на лавку, съ лавки на полъ да тамъ и осталась. Спустия немного, лопнула горошина надвое, и изъ нея стало что-то расти.

— „Смотри, старикъ“, говорить старуха старику, „что это у насъ подъ лавкой растеть?“

— „А росло-повыросло“, отвѣчаетъ старикъ.

Обрадовалась старуха, стала смотрѣть, что будетъ; смотритъ: росло-повыросло упираеть подъ лавку. „Эй, старикъ, принимай лавку“, кричить старуха: „нето росло-повыросло некуда расти“.

Старикъ принялъ лавку. Росло-повыросло закачалось, зазеленѣло, стало подъ столъ упираться.

— „Эй, старикъ, принимай столъ“, кричить старуха: „нето росло-повыросло некуда расти“.

Старикъ сдвинулъ съ мѣста столъ. Росло-повыросло еще больше закачалось, зазеленѣло, стало верхушкой упираться въ потолокъ.

— „Эй, старикъ, принимай потолокъ“, кричить старуха: „нето росло-повыросло некуда будетъ расти“.

Старикъ принялъ потолокъ.

Давится старуха, смотритъ, что дальше будетъ: росло-повыросло начинаетъ уже въ крышу упираться. „Эй, старикъ, принимай крышу“, опять кричить старуха: „нето росло-повыросло некуда расти“.

Нечего дѣлать, принялъ старикъ и крышу. Тутъ росло-повыросло такъ закачалось, такъ стало расти—зеленѣть, что скоро дорасло до неба и уперлось въ него макушкой.

— „Ну, старикъ“, говорить старуха: „полѣзай-ка на небо да узнай, что тамъ дѣлается“.

Полѣзъ старикъ на небо, побылъ тамъ нѣкоторое время и опять спустился на землю.

— „Ну старичокъ, что ты тамъ, на небѣ, видалъ?“

— „Да видалъ твою и свою родню: моя-то родня живетъ тамъ да тѣшится, а твоя, старуха, роденюшка все чешется,—живетъ совсѣмъ плохо: ѣсть пить, нечего“.

— „Нечего! Никогда я тому не повѣрю; не твоя, а моя родня тамъ живетъ богато“, разсерчала старуха.

— „Когда не вѣришь“, говоритъ старикъ, „такъ полѣзай на небо, сама увидишь“.

Старуха согласилась, да побоялась сама лѣзть и попросила старика понести ее. Старикъ посадилъ ее себѣ на спину, подвязалъ сзади веревкой, чтобъ она не упала, а концы веревки взялъ въ зубы и полѣзъ, настрого приказалъ ей дорогой съ нимъ не разговаривать. Лѣзъ, лѣзъ, старуха не утерпѣла и спрашиваетъ его: „ну, что, старикъ, далеко еще до неба?“ Старикъ молчитъ, все лѣзетъ, сталъ уже до неба долѣзать. Старуха опять не вытерпѣла и говоритъ: „ты, старикъ, кажется, уже и небо пролѣзъ, дальше-то лѣзть некуда“. Старикъ только открылъ ротъ, хотѣлъ слово вымолвить, веревка вырвалась изъ зубовъ, и старуха полетѣла кубыремъ внизъ, на землю; летитъ, а сама ругаетъ да проклинаетъ старика. „Ну живи тамъ со своей родней!“ сказала она съ досадой, вырвала съ корнемъ росло-повыросло, чтобы старика нельзя было спуститься на землю, и стала жить одна. Вотъ сидитъ она одна да горюетъ, что старика оставила, глядь—старикъ является.

— „На чемъ же ты съ неба спустился?“ спрашиваетъ старика старуха.

— „На чемъ? развѣ ты забыла, когда мы съ тобой жили богато, какъ я всегда нищей братіи милостыню раздавалъ? вотъ на этой милостынѣ я и спустился съ неба на землю“.

— „Да какъ же это?“

— „А такъ: кому я давалъ холста кусочекъ, кому старый платочекъ, кому что другое, тѣ всѣ собрались, связали изъ моей милостыни длинную веревку и по ней спустили сюда, на землю, меня и всю мою богатую да праведную родню“.

— „А мою?“ спросила старуха.

— „Твою нельзя было спустить: твоя родня вся грѣшная; а грѣшныхъ людей та праведная веревка не удержива-

етъ. Ну, а теперь, старуха, прощай! уйду я жить къ своей богатой роднѣ“.

17. Пѣтухъ.

Жилъ себѣ старикъ со старухой; дожили они до того, что у нихъ всего-на-всего остался пѣтухъ да курица. Старуха разъ и говоритъ своему старику: „не хочу больше съ тобою жить, давай дѣлиться! бери ты себѣ пѣтуха, а я возьму курицу“. И старики подѣлились, стали жить въ разныхъ хатахъ: старикъ съ пѣтухомъ, а старуха съ курицей.

Разъ вспорили они, кому жить лучше. „Нѣтъ, старикъ“, говоритъ старуха, „что ты тамъ ни толкуй, а мое житье не въ примѣръ лучше твоего. Самъ посуди: у меня—курица, у тебя—пѣтухъ, курица мнѣ яйца несетъ, а пѣтухъ-то твой что?“

Зло взяло старика, что онъ дался старухѣ въ обманъ; схватилъ онъ ножъ и хотѣлъ пѣтуха зарѣзать. Пѣтухъ ему и говоритъ: „не тронь меня, хозяинъ, мы съ тобою не хуже старухи заживемъ; вотъ только дай мнѣ слетать въ одно мѣсто“; сказалъ, снялся и улетѣлъ. Прилетѣлъ онъ къ дому богатого купца, сѣлъ на его брашенныя ворота и ну кричать: „кукуреку! кукуреку!“ Увидалъ купецъ пѣтуха и говоритъ работникамъ: „поймайте его, вишь какой голосистый“. Работники схватили пѣтуха и отдали купцу, а купецъ оставилъ его на ночь въ лавкѣ: „утромъ“, думаетъ, „выпущу его къ своимъ курамъ“. Утромъ только купецъ за дверь да въ лавку, а пѣтухъ—прр! и улетѣлъ. Прилетѣлъ домой, сѣлъ на стариковъ плетень и ну кричать подъ самымъ окошкомъ: „кукуреку! кукуреку! неси, дѣдъ, скорѣе рогожку, разстилай на дворѣ, смотри, что я тебѣ принесъ!“ Выбѣжалъ старикъ изъ хаты, разостлалъ рогожку. Пѣтухъ и выложилъ цѣлую кучу денегъ—золото да серебро!

Разсердилась старуха, что старику такое счастье прива-

лило, и говорить: „а все же, старикъ, мнѣ лучше жить. Коли хочешь, давай снова дѣлиться—бери себѣ курицу, а мнѣ давай пѣтуха“. И старики снова подѣлились: старикъ взял себѣ курицу, а старухѣ отдалъ пѣтуха.

Старуха опять стала спорить, что ей жить теперь лучше: съ пѣтухомъ она всего можетъ достать, а старикъ можетъ деньги всѣ прожить и остаться при одной курицѣ. „Ужъ я достану себѣ добра не столько“, говорила старуха: „мнѣ пѣтухъ мой всего достанетъ“. Схватила старуха ножъ и ну по двору гоняться за пѣтухомъ: „я тебя, такой-сякой, зарѣжу!“ а сама и не думаетъ рѣзать, только такъ страшаетъ: „лети и неси поскорѣе того и этого, чтобъ всего было вдоволь!“

Ничего не сказалъ пѣтухъ, снялся и улетѣлъ. Съня старуха у окошка и ждетъ—не дождется своего пѣтуха. Вотъ прилетѣлъ пѣтухъ, сѣлъ на старухинъ плетень и ну кричать подъ окошкомъ: „кукуреку! кукуреку!“

Выбѣжала безъ памяти старуха изъ хаты и разостлала на дворѣ свой большой платокъ, да еще насыпала горсточку пшена и стала ждать, когда пѣтухъ выложитъ на платокъ богатство. Ждала-ждала старуха—нѣтъ ничего. „Хорошо же, голубчикъ, не хочешь отдать чествомъ, сама возьму“, рассердилась старуха, схватила пѣтуха за ноги, положила вверхъ брюхомъ и распоролла ему животь, смотреть—пусто. Еще пуще рассердилась старуха, побѣжала къ своему старику, хотѣла хорошенько его разбранить за пѣтуха да кстатѣ прихватить у него горсточку денегъ, смотреть: сидитъ старикъ въ своей хатѣ на лавкѣ, весь въ заплаткахъ, и нѣтъ у него ничего: все сразу пропало, какъ пѣтуха не стало.

18. Нотъ Котофемчъ.

Жили себѣ старикъ со старухой, жили сперва богато, хата была полна всякаго добра, а потомъ они все прожили и такъ обѣднѣли, что, случилось, по три дня ничего не ѣли. Изъ

всего богатства остался у нихъ одинъ котъ. Старуха и говорить своему старику: „слушай, старый, намъ пора kota согнать со двора: у насъ ничего не стало—ни мяса, ни сала“. А котъ лежитъ на печи и все слышитъ. Вотъ схватилась старуха за скалку, старикъ за налку и стали они вдвоемъ гнать kota со двора. Котъ съ печи да въ поле и побѣжалъ что есть мочи; къ ночи онъ встрѣтился съ лисой.

— „Сважи, котъ, кавая бѣда загнала тебя сюда“, спрашиваетъ лиса.

— „Жилъ я у старика со старухой“, отвѣчаетъ котъ: „они сперва меня кормили и жалѣли, Котомъ Котофенчемъ звали, а какъ имъ стало нечѣмъ кормится, они меня и—вонъ со двора. Не можешь ли ты, сестра, взять меня къ себѣ на прожитокъ? Тебѣ я не былъ бы въ убытокъ“.

— „Почему нѣтъ! вдвоемъ жить намъ не будетъ хуже“, отвѣчаетъ лиса: „будетъ теплѣе и веселѣе“.

И стала лиса жить съ котомъ въ одной норѣ, на горѣ. Вотъ уходитъ развѣ лиса изъ дому и привязываетъ коту: „ну, Котъ Котофенчъ, пойду я прогуляться съ барсукомъ, а ты смотри за моимъ домкомъ: гдѣ нужно, пылъ хвостомъ сотри, помнату подмети, все убери; гляди, свѣжей травы нарви и постель убери вонъ въ томъ углу; потомъ возьми иглу да шей мнѣ платье; да смотри, чуръ работатъ и не дремать“.

Котъ остался одинъ домосѣдомъ, а лиса со своимъ сосѣдомъ, барсукомъ, отправилась вечеромъ въ гости къ волку.

Въ тотъ день еще съ утра къ лисѣ забѣгала жена барсука и крѣпко просила лису, чтобы она съ ея мужемъ, парнемъ дюжимъ, сходила провѣдать волка. „Видишь ли, моя милая голубушка“, говорила барсучиха лисѣ: „вчера у меня на родинахъ былъ нашъ милый сосѣдушка, волеѣ-дѣдушка; онъ общался и даже влялся взять у меня къ себѣ въ ученье одного сына моего. Онъ, знаешь, одинокъ и холостякъ и такъ меня объ этомъ просилъ, что у меня не стало силъ отказатъ

ему. Еслибъ ты знала, моя милая, какъ я этому рада! Все, думаю, изъ сына моего выйдетъ какой-нибудь толкъ: онъ вѣдь, милая, умнѣйшій волкъ. Да что подѣлаешь? мой милѣйшій супругъ въ этомъ ничего не смыслитъ: какъ ни старалась я ему растолковать, какая намъ польза будетъ отъ того, да, вѣрно, мужа моего можетъ пронять только хорошая дубина. Этакая скотина! „Не дамъ“, говоритъ, „своего сына волку на срамъ. Какое тамъ у него особое ученье?“ — „Мое почтенье!“ говорю я, ты-то въ чему путному готовишь своихъ сыновей да дочерей? Землю-то копать? Изволь, говорю, сидѣть да глядѣть, какъ ты день-деньской пыхтишь да вряхтишь надъ своей провлятой земляной работой. Не повѣришь родная, недавно онъ опять затѣялъ строить новый домъ, такую нору, чтобъ шла сквозь всю гору. Такъ вотъ я пришла попросить тебя, милая, сходить за меня съ моимъ муженькомъ навѣстить и отблагодарить волка. А ужъ мнѣ гдѣ съ моей семьей тащиться“.

По этому случаю и шла лисица теперь къ волку съ барсукомъ, шла да то и дѣло барсука понукала, даже ругала, чтобъ онъ отъ нея не отставалъ. „Ну, батюшка мой“, бранила она барсука: „такого толстяка, прошу извиненья, я еще не встрѣчала отъ рожденья: ходить съ тобою истинное мученье. Неужто у тебя нѣтъ силъ, или ты, Господи прости, боишься свой жиръ растрясти?“ Вотъ приходять они къ дому волка. Лиса сама отправилась во внутреннй покой хозяина, а барсука оставила обождать въ прихожей: ты, дескать, парень негожій и здѣсь меня можешь обождать.

Въ гостяхъ у волка былъ и медвѣдь. Гость и хозяинъ стали спрашивать лису, гдѣ она бывала, что новенькаго слыхала.

— „Что я вамъ, братцы“, заговорила лисица, „такая птица, чтобъ всюду летать да вамъ вѣсти доставлять? Поселился у меня неизвѣстный звѣрь, богатырь Коть Котофеичъ, съ такою силой, что, мои милые, вамъ и вдвоємъ его не одолѣть“.

— „А нельзя на него хоть поглядѣть?“ спросилъ медвѣдь: „онъ, гляди, не побрезгаетъ въ намъ и въ гости зайти?“

— „А вотъ“, отвѣчаетъ лиса, „зажарьте для него цѣлаго быка, я за нимъ пошлю барсука“.

Волкъ и медвѣдь поймали быка, сжарили его цѣликомъ, положили на полянкѣ въ лѣсу и стали ждать-поджидать Кота Котофенча. Они побоялись встрѣтиться съ звѣремъ-богатыремъ и оба тутъ же, поблизости, спрятались: медвѣдь вѣлѣзъ на дерево, а волкъ около самаго быка закопался въ сухіе листья—одни глаза огонькомъ свѣтятся.

Пришелъ Коть Котофенчъ, сталъ ѣсть мясо жаренаго быка и замурыкалъ: „мал-мал-мал“. Волку слышалось, будто котъ говоритъ: „мало, мало“. „Вотъ какой богатырь! цѣлаго быка ему мало на обѣдъ!“ думаетъ онъ и отъ страху зашелестѣлъ листьями. Коть оглянулся на шелестъ, смотритъ: пара свѣтлыхъ волчьихъ глазъ свѣтится изъ-подъ листьевъ, да подумалъ, что то—мышь, бросилъ быка и прыгнулъ, глядь—волкъ, онъ отъ страху—на дерево, а тамъ—медвѣдь. Видитъ медвѣдь, что Коть Котофенчъ покончилъ съ волкомъ и къ нему добирается, испугался и схватился покрѣпче за суку. Сукъ подломился, и медвѣдь съ дерева свалился прямо на волка и однимъ концомъ сука насквозь пропоролъ волка, а другимъ себя завололъ. Коть Котофенчъ сидитъ на деревѣ да себѣ подъ носъ урчитъ: „мал-мал“. Барсуку тоже показалось, что котъ говоритъ: мало; „вотъ богатырь“, думаетъ онъ: „мало ему на обѣдъ быка, медвѣда и волка“—и съ испугу ну скорѣе нору копать и весь ушелъ въ землю.

Набралъ на это мѣсто старикъ, у каваго раньше жилъ котъ, увидалъ жаренаго быка и остановился. Коть Котофенчъ увидалъ его, спустился съ дерева, взобрался къ старику на плечо и отъ радости замукалъ: „мал-мал“. Волкъ съ медвѣдемъ подумали, что теперь коту мало и четверныхъ—и бы-

ка, и волка, и медвѣдя со старикомъ и отъ страху умерли. Старикъ содралъ съ нихъ шкуры, прикрылъ ими жаренаго быка, взялъ съ собою Кота Котофенча и пошелъ домой, чтобы послѣ вернуться за быкомъ.

А лиса только этого и ждала. Какъ ушелъ старикъ, она волка съ медвѣдемъ запрятала въ листья и стала стучаться въ двери къ барсуку. „Эй ты, выходи!“ и насилу достучалась. Выползъ изъ норы барсукъ; лиса ему и говоритъ: „Котъ Котофенчъ съѣлъ медвѣдя и волка цѣликомъ—однѣ шкурочки оставилъ; теперь онъ побѣждалъ воды напиться, чтобы къ быку опять воротиться, дождать. Тебѣ тоже не сдобровать; бери-ка скорѣе быка да тащи ко мнѣ въ нору. Я ужъ послѣ у себя дома довормлю Кота Котофенча“.

Барсукъ и приволокъ въ домъ лисы цѣлаго жаренаго быка, а потомъ поскорѣ побѣждалъ къ себѣ домой, къ своей подругѣ, на досугѣ про все ей подробно рассказать. „Ну, моя мать, въ твоей подруженькѣ-лисѣ пускать тебя я больше не намѣренъ“, такъ говорилъ барсукъ своей женѣ: „скажу тебѣ: она совсѣмъ неважная птица; если на что мастерица, такъ только сплетни собирать. И ты еще хотѣла отдать, по ея совѣту, волку моего сынишку? Знаешь ли, мидая: она держитъ у себя какого-то парнишку, Котомъ Котофенчемъ, кажется, прозывается. Такъ вотъ этотъ самый паренекъ успѣлъ сожрать и волка и медвѣдя за одинъ часокъ. Я самъ чуть тоже не влетѣлъ въ эту кашу и кумушку-лису кашу я таки порядкомъ побранилъ. Но Богъ меня хранилъ, я не далъ маху и отъ большого страху сейчасъ въ землю скрылся. Завтра же я затѣваю съ своей семьей такой домище, что этому Коту Котофенчу насъ съ тобою не сыскать“.

А старикъ вернулся съ котомъ домой веселый-превеселый; хоть ему не пришлось поживиться отъ своей находки ничѣмъ, зато съ тѣхъ поръ старики жили съ котомъ дружно, на свою долю не пѣняли и вота отъ себя не прогоняли.

19. Сказка безъ конца.

Жили-были сосѣдями пѣтушокъ да курочка. У пѣтушка была своя хатка, у курочки—своя. Приходить разъ пѣтушокъ къ курочкѣ и стучится въ окно:

— „Курочка, курочка, пойдемъ со мной въ лѣсъ за орѣхами!“

— „Обожди, братецъ, хатку подмету“.

Приходить пѣтушокъ въ другой разъ, опять стучится:

— „Курочка, курочка, пойдемъ со мной въ лѣсъ за орѣхами!“

— „Обожди, братецъ, рубашечку переменяю“.

Стучится пѣтушокъ въ третій разъ:

— „Курочка, курочка, пойдемъ со мной въ лѣсъ за орѣхами!“

— „А вотъ хатку замкну, ворота припру, тогда и пойду“.

И отправились пѣтушокъ съ курочкой въ лѣсъ за орѣхами. Нашли они въ лѣсу орѣшину, а на орѣшинѣ—много орѣховъ. Пѣтушокъ и говорить: „лети ты, курочка, на дерево“.

— „Нѣтъ, лети ты, пѣтушокъ!“ курочка отвѣчаетъ.

— „Нѣтъ ты, курочка!“ и заспорили, кому первому летѣть на орѣшину. Вотъ полетѣла курочка—не долетѣла; полетѣлъ пѣтушокъ—долетѣлъ. Сидитъ пѣтушокъ на орѣшинѣ и рветъ да щелкаетъ орѣхи. Курочка сидитъ внизу и проситъ: „пѣтушокъ, пѣтушокъ, сбрось и мнѣ орѣшекъ!“ Пѣтушокъ сбросилъ курочкѣ одинъ орѣшекъ; она его щелкнула—пустой. „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, сбрось еще одинъ орѣшекъ“. Пѣтушокъ еще сбросилъ съ дерева орѣшекъ. Курочка щелкнула—гнилой. Сбросилъ пѣтушокъ и третій орѣшекъ; этотъ орѣшекъ попалъ курочкѣ прямо въ глазъ и вышибъ.

Плачетъ курочка. Ёдутъ мимо бояре и спрашиваютъ: „ты что, курочка, плачешь?“

— „Мнѣ пѣтушокъ орѣшкомъ глазъ вышибъ“, отвѣчаетъ курочка.

— „Ты зачѣмъ, пѣтушокъ, курочкѣ глазъ вышибъ?“

— „Мнѣ орѣшина штаны разодрала“.

— „Ты, орѣшина“, спрашиваютъ *баяре* *), „зачѣмъ пѣтушку штаны разодрала?“

— „Меня козы обглодали“.

— „Вы, козы, зачѣмъ орѣшину обглодали?“

— „Насъ пастухъ не стережетъ“.

— „Пастухъ, пастухъ, ты почему козъ не стережешь?“

— „Меня хозяйка блинами не кормитъ“.

— „Хозяйка, хозяйка, ты почему пастуха блинами не кормишь?“

— „У меня свинья *опару* **) пролила“.

— „Свинья, свинья, ты зачѣмъ у хозяйки опару пролила?“

— „У меня волкъ поросенка унесъ“.

— „Волкъ, волкъ, ты зачѣмъ у свиньи поросенка унесъ?“

— „У меня охотникъ волченка убилъ“ ***).

— „Охотникъ, охотникъ, ты за что у волка волченка убилъ?“

— „У меня огонь хату сжегъ“.

— „Огонь, огонь, ты зачѣмъ у охотника хату сжегъ?“

— „Меня вода залила“.

— „Вода, вода, ты зачѣмъ огонь залила?“

— „Меня быки не пили“.

— „Быки, быки, вы зачѣмъ воду не пили?“

— „Насъ колода ****) не поила“.

*) Въ вариантѣ судьей является *попъ* (ст. Ардонская).

Ред.

**) *Опара*—обваренная вмяткомъ мука для хлѣбовъ.

Собир.

***) Въ вариантѣ вмѣсто этого отвѣта на тотъ же вопросъ читаемъ: „У бляхушка головка забодѣла, а утроба свинники захотѣла“ (ст. Ардонская).

Ред.

****) *Колода*—корыто, выдолбленное изъ куска толстаго дерева; въ него наливаютъ воду для скота.

Собир.

- „Колода, колода, ты почему быковъ не поила?“
- „Меня черви *поточили*“.
- „Черви, черви, вы зачѣмъ володу поточили?“
- „Насъ куры не клевали“.
- „Буры, куры, вы почему червей не клевали?“
- „Насъ просо не кормило“.
- „Просо, просо, ты почему куръ не кормило?“
- „Меня градомъ выбило“.

Обратный ходъ этой сказки таковъ: градъ идетъ просо бить, просо идетъ куръ кормить, куры идутъ червей клевать, черви идутъ колоду точить, колода идетъ быковъ поить, быки идутъ воду пить, вода идетъ огонь тушить, и т. д. *).

Сообщилъ завѣдывающій Слѣпцовскимъ
двухкласснымъ училищемъ *П. Семеновъ*.

*) Сказка эта рассказывается маленькимъ дѣтямъ на ночь, чтобъ они скорѣе уснули. Цѣль съ успѣхомъ достигается, благодаря монотонности рассказа.

Собир.

СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЯ ВЪ СТАНИЦѢ НАУРСКОЙ.

1. Терпѣливый и безстрашный Иванъ.

Неизвѣстно когда и въ какомъ царствѣ-государствѣ жилъ-былъ въ одномъ городѣ купецъ съ женой; у нихъ было два сына: старшаго звали Степаномъ, а младшаго Иваномъ. Степанъ былъ очень трусливъ, всего боялся; бывало какъ только стемнѣетъ, онъ на дворъ ни за что не выйдетъ, забѣется въ уголь или заберется на печь и сидитъ, только по сторонамъ поглядываетъ: боится, какъ бы не утащилъ его лѣпшій. Иванъ былъ совсѣмъ другой: четырнадцати лѣтъ, онъ ужъ былъ смышленъ, разговорчивъ, веселъ, помогать отцу въ торговлѣ, а главное не зналъ страха, ничего не боялся. Глядя на Ивана, родители не могли нарадоваться, а со Степаномъ не знали, что и дѣлать.

Разъ прѣхалъ къ нимъ въ гости попъ. Тара-бара, пьютъ, разговариваютъ купецъ съ попомъ и просидѣли до полуночи. Во хмѣлю купецъ и началъ рассказывать попу про своихъ сыновей: „вотъ у меня сынокъ, такъ сынокъ“, расхваливаетъ онъ Ивана: „читаетъ, пишетъ, помогаетъ мнѣ въ торговлѣ, а главное ничего не боится, а вотъ со Степаномъ мнѣ горе да и только: чуть стемнѣетъ, онъ ужъ и боится, забѣется въ уголь или заберется на печь и сидитъ, дрожить; нивагъ не могу отучить его отъ этого“.

— „Пустое“, сказалъ попъ: „Степана твоего легко исправить, онъ будетъ молодцомъ, а Ивана ты слишкомъ ужъ расхвалилъ: если онъ у тебя такой, что ничего не боится, такъ давай испытать; пусть Иванъ твой сходитъ въ выгонный трактиръ, принесетъ намъ оттуда вина, вотъ тогда мы и

узнаемъ, вправду ли онъ безстрашный“. Выгонный трактиръ находился на самомъ краю города, въ пустынномъ мѣстѣ; дорога къ нему шла мимо кладбища.

„Эй, Иванъ!“ позвалъ купецъ меньшаго сына: „возьми, сыночекъ, кувшинъ и деньги, да пойдѣ, принеси намъ изъ выгоннаго трактира вина!“.

Иванъ безъ отказа явился къ отцу, взялъ деньги и кувшинъ, поклонился, обернулся на одной ножкѣ и пошелъ за виномъ.

„Ну что?“ говоритъ купецъ, „не правду я сказалъ?“

— „Погоди“, сказалъ попъ: „вотъ мы испытаемъ его на дѣлѣ, да встаети я и Степана научу быть молодцомъ, онъ никогда больше ничего не будетъ бояться; только во всемъ слушайся меня. Возьми ты съ собою Степана, захвати бѣлую простыню и свѣчей, садись въ бричку и поѣдемъ со мной; что дальше будетъ, самъ увидишь“. Сказано-сдѣлано. Собрался купецъ съ сыномъ; попъ захватилъ изъ трубы сажѣ, сѣли всѣ трое въ бричку и поѣхали къ кладбищу. Приѣхали и остановились около того мѣста, гдѣ долженъ былъ проходить Иванъ. Попъ спряталъ лошадей за уголъ кладбища, выпачкалъ сажеею лицо Степана, накиннулъ на него простыню, поставилъ надъ канавой, далъ въ руки пучокъ зажженныхъ свѣчей, велѣлъ оскалить зубы, стоять неподвижно и ничего не отвѣчать, а самъ съ купцомъ засѣлъ тутъ же, въ канавѣ. Только что попъ успѣлъ все устроить, идетъ обратно изъ трактира Иванъ, идетъ и напѣваетъ себѣ пѣсенку; поровнялся со Степаномъ, увидѣлъ бѣлую фигуру, остановился: „кто стоять?“ обликнулъ. Степанъ—ни съ мѣста и молчитъ. Иванъ подошелъ ближе и крикнулъ громче: „отвѣчай, кто ты, или убирайся прочь!“ Степанъ не двигался и продолжалъ молчать. Иванъ крикнулъ въ третій разъ и еще громче: „говори же, кто ты есть? а нето слетишь у меня въ канаву“. Фигура стояла какъ каменная. Зло взяло Ивана; размахнулся онъ да какъ хватить бѣлаго человѣка по головѣ, тотъ такъ и сле-

тѣлъ кубаремъ въ канаву и растянулся, а Иванъ пошелъ себѣ своей дорогой, насвистывая пѣсенку, какъ ни въ чемъ не бывало. Купецъ и попъ подняли Степана, положили въ бричку и скорѣй домой, чтобы опередить Ивана; пріѣхали домой, снесли Степана въ отдѣльную комнату, осмотрѣли—ужась!—стиснуты зубы, черепъ раздробленъ.

— „Ну теперь наука кончилась: сынъ мой больше не будетъ бояться“, сказалъ купецъ. Попъ крикнулъ и замолчалъ. Сидятъ купецъ и попъ за столомъ, раздумываютъ.

— „Ну что, сыновокъ, принесть вина?“ спросилъ Ивана отецъ, когда тотъ вошелъ въ комнату.

— „Нѣтъ, не принесть“, отвѣчаетъ Иванъ: „когда я возвращался домой, увидѣлъ около кладбища на канавѣ человѣка, въ бѣломъ саванѣ, съ открытыми зубами, чернымъ, какъ уголь, лицомъ и съ пучкомъ зажженныхъ свѣчей въ рукахъ—вѣрно мертвецъ, я облякнулъ его до трехъ разъ, но онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ; тогда я размахнулся и хватилъ его кувшиномъ въ голову; кувшинъ разлетѣлся въ дребезги, и мертвецъ свалился въ канаву“.

— „Вѣдь, это ты убилъ своего брата, Степана“; сказали ему отецъ и попъ. Дѣлать нечего, положили они мертвого около печи и строго-на-строго приказали Ивану ни слова объ этомъ никому не говорить. Утромъ, чуть свѣтъ, купецъ будитъ свою жену: „вставай, жена, Степанъ нашъ Богу душу отдалъ, ночью чего-то испугался, упалъ съ печи, раздробилъ себѣ голову и убился до смерти“. Купчиха вскочила, кинулась къ сыну и завыла: она съ вечера рано легла спать и ничего не знала, что происходило въ домѣ. Поплакала, потушила купчиха по сыну, да дѣлать нечего, стала собираться къ похоронамъ, совѣтоваться съ мужемъ, гдѣ похоронить Степана.

За городомъ была построена церковь съ подземнымъ склепомъ, гдѣ хоронили особенно богомольныхъ старцевъ, заслуженныхъ и богатыхъ людей. Служили въ этой церкви толь-

во разъ въ годъ, въ день того святаго, во имя котораго она была построена; послѣ службы церковь запиралась на весь круглый годъ. По ночамъ въ церкви происходилъ страшный шумъ, стукотня; церковныя вещи разбрасывались по полу. Всѣ жители города боялись ходить въ эту церковь.

Въ подпольномъ склепѣ этой церкви купецъ и купчиха пожелали похоронить сына своего. Купецъ заплатилъ за мѣсто; попъ отпѣлъ погребеніе; Степанъ былъ снесенъ туда и похороненъ.

Жизнь купца и купчихи пошла по прежнему; о Степанѣ они стали забывать и даже были отчасти довольны, что Богъ прибралъ его къ себѣ; но Иванъ сильно измѣнился: сталъ печаленъ и задумчивъ, мало говорилъ, мало пилъ и ѣлъ и сильно похудѣлъ; все ему мерещился убитый братъ и слышался какой-то шопотъ надъ самымъ ухомъ: „ты—душегубъ, Каинъ-брато-убійца, покайся, тогда только будешь жить спокойно“. Разъ ночью, во время сна, Иванъ почувствовалъ, что его кто-то дергаетъ за руку; онъ вскочилъ и хотѣлъ было окликнуть, но голосъ его остановилъ: „не бойся, Иванъ!“ Вдругъ комната вся освѣтилась необыкновеннымъ свѣтомъ, и онъ увидѣлъ передъ собой сѣдого-пресѣдого старика. Старикъ обратился къ нему и сказалъ: „ты убилъ брата своего; я пришелъ спасти тебя. Чтобы вамъ всѣмъ не погибнуть, ты долженъ три дня и три ночи читать псалтырь надъ гробомъ брата“; послѣ этихъ словъ старикъ тотчасъ скрылся, вслѣдъ за нимъ исчезъ и свѣтъ. Съ того часа до самаго утра Иванъ не спалъ, все сидѣлъ на крыльцѣ да думалъ. Утромъ, чуть свѣтъ, рассказалъ онъ своимъ родителямъ, что видѣлъ и слышалъ за ночь, и объявилъ имъ, что непременно исполнить совѣтъ старика. Видѣніе повторилось, и всякій разъ невѣдомый старецъ совѣтовалъ ему покаяться. Родители не повѣрили и ни за что не хотѣли отпустить отъ себя сына на такое трудное дѣло, въ особенности мать; а когда Иванъ

сталъ ихъ неотступно просить, они позвали на совѣтъ попа. Попъ выслушалъ жалобу купца и купчихи и сказалъ: „на всё есть воля Божія“, и посоветовалъ имъ отпустить Ивана въ церковный склепъ. Жаль было купчихѣ сына, да нечего дѣлать; голосила по немъ, какъ по мертвому.

Утромъ на другой день попъ отслужилъ молебенъ, благословилъ Ивана на трудное дѣло, благословили и родители и дали ему толстую восковую свѣчу. Иванъ захватилъ съ собой псалтырь, ломтикъ хлѣба, кувшинчикъ воды и пошелъ. Мать со слезами проводила его за ворота, а отецъ и попъ пошли съ нимъ до самой церкви. Пришли къ церкви, отомкнули дверь склепа, впустили туда Ивана, распрощались, опять замкнули дверь и ушли. Иванъ зажегъ свѣчу, подвинулъ одинъ гробъ на середину склепа, сверху его поставилъ гробъ брата, на немъ положилъ псалтырь, ломтикъ хлѣба, поставилъ свѣчу и кувшинчикъ воды, третій гробъ подвинулъ для сидѣнья; потомъ помолился Богу, сѣлъ на третій гробъ, развернулъ псалтырь и началъ читать; читаетъ, а самъ все поглядываетъ въ карманные часы; смотреть: двѣнадцать часовъ дня, еще почиталъ, посмотрѣлъ на часы—десять ночи; всталъ немного, прошелся по склепу—вкругомъ гробовая тишина, онъ взялъ кувшинчикъ, напился воды, сѣлъ и началъ опять читать. Вдругъ, въ самую полночь, услышалъ онъ сильный трескъ, оглянулся назадъ—крышка одного гроба приподнялась, подлетѣла вверхъ, летала, летала и съ шумомъ упала на полъ; изъ гроба поднялся старей-престарей, огромнаго роста, старикъ и сталъ около своего гроба; такъ же точно поднялась крышка другого гроба, изъ него всталъ такой же старикъ, подошелъ къ первому и сталъ рядомъ съ нимъ; съ третьяго гроба крышка полетѣла въ сторону и едва не задѣла Ивана, ударилась въ стѣну и упала; изъ гроба всталъ безобразный старикъ: голова у него была голая, желтаго цвѣта, на лицѣ не было и признаковъ тѣла, челюсти съ большими зу-

бами выдавались вперед и были открыты, глаза выкатились и горѣли, какъ огонь; старикъ подошелъ къ первымъ двумъ мертвецамъ и сталъ съ ними рядомъ. Немного погодя, мертвецы схватились за руки и, поддерживая другъ друга, едва передвигая ногами, стали подходить къ Ивану; Иванъ отвернулся и продолжалъ читать. Мертвецы подошли къ Ивану и въ одинъ голосъ крикнули: „довольно тебѣ читать, давай лучше съ нами въ карты играть!“.

Иванъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ: „почему же и не поиграть“.

— „Только знай“, сказали мертвецы, „что мы будемъ играть съ такимъ уговоромъ: если ты насъ обыграешь, то ты будешь счастливъ, а если мы тебя обыграемъ, то тебѣ не быть живому“.

— „Хорошо“, сказалъ Иванъ, „давайте играть, посмотримъ, кто кого обыграетъ“, и закрылъ псалтырь. Мертвецы сѣли на гробъ рядомъ съ Иваномъ, достали карты, и игра началась. Сначала выигрышь влионился на сторону Ивана, а подъ конецъ обыграли мертвецы. Расвирыѣли мертвецы, разбросали карты, глаза у нихъ засверкали, безобразный скелетъ заласкалъ челюстями, и всѣ бросились на Ивана, но въ это время запѣли пѣтухи, и они сразу всѣ попадали ницъ, каждый въ свой гробъ. Иванъ накрылъ гробы крышками, сѣлъ на свое мѣсто и продолжалъ читать псалтырь.

Утромъ пришли въ склепъ отецъ и пощъ провѣдать Ивана, принесли ему новую свѣчу, свѣжей воды и хлѣба и стали спрашивать, какъ онъ провелъ ночь, и не было ли чего съ нимъ. Иванъ отвѣтилъ, что онъ провелъ ночь благополучно и ничего не видалъ. Отецъ и пощъ поговорили немного съ Иваномъ, попрощались, заменили дверь и ушли, а Иванъ сѣлъ и опять сталъ читать. Въ эту ночь съ нимъ было то же, что и въ первую, только мертвецы не могли добѣжать до своихъ гробовъ и попадали на полу. Иванъ повлакъ ихъ въ гробы и накрылъ крышками.

На-утро опять пришли отецъ и погъ, принесли хлѣба, воды и свѣчу и спросили, какъ онъ провелъ ночь. Иванъ опять не сознался; они распрощались, замкнули дверь и ушли. На третью ночь мертвецы встали изъ своихъ гробовъ раньше обыкновеннаго и играли въ карты съ большимъ азартомъ. Чѣмъ больше игра приближалась къ концу, тѣмъ сильнѣе въ склепѣ поднимался вой, хлопанье крыльевъ и царапанье когтей. Иванъ устоялъ, не струсилъ и обыгралъ мертвецовъ. Тогда въ склепѣ поднялся сильный вихрь, задулъ свѣчу, унесъ карты, перевернулъ кубшинъ съ водою, упалъ и гробъ Степана; двери сорвались съ петель, вихрь вырвался изъ склепа, поднялся въ воздухъ, и все стихло. Иванъ зажегъ свѣчу, смотритъ: всѣ мертвецы стоятъ на колѣнахъ, кланяются ему и говорятъ: „благодаримъ тебя, что ты избавилъ насъ отъ злыхъ духовъ, которые мучили насъ, не давали намъ покоя въ гробахъ“.

— „Благодарите Бога“, сказалъ имъ Иванъ: „встаньте и расскажите, что вы за люди“.

Мертвецы встали и сказали: „мы—преступники, великіе грѣшники“: „я убилъ своего отца и мать“, сказалъ первый; „я убилъ свою жену и еще восемь человѣкъ“, сказалъ второй, „а я убилъ трехъ сторожей и обокралъ церковь“, сказалъ третій; „мы поселились въ вельяхъ, каялись, но Богъ не принялъ нашего раскаянія, не простилъ насъ. Когда же мы умерли, то люди, считая насъ за богомольныхъ труженниковъ, похоронили въ этомъ склепѣ, и вотъ прошло уже болѣе ста лѣтъ, а земля насъ не принимала, и злые духи каждую ночь беспокоили, мучили насъ; въ церкви нельзя было служить: вещи всѣ мы разбрасывали по полу, злые духи производили шумъ; теперь всего этого не будетъ: въ церкви могутъ служить, когда угодно; твоимъ чтеніемъ и терпѣніемъ мы теперь избавлены отъ мучъ, освобождены отъ злыхъ духовъ“. „На память я дарю тебѣ вотъ эту вещичку“, сказалъ первый старикъ и передалъ Ивану маленькій крестъ.

ной крючокъ: „возьми и береги его; онъ тебѣ пригодится“. Второй далъ Ивану маленькія костяныя вилыца и сказалъ: „береги ихъ, они тебѣ будутъ нужны“. Третій старикъ сказалъ Ивану: „за городомъ въ рощѣ съ восточной стороны стоять три большихъ дуба; они выросли изъ одного корня и стоятъ рядомъ, средній изъ нихъ сухой; подъ этимъ дубомъ варить мѣдный котелокъ, полный золота; ты отрой его и возьми золото себѣ, а котелокъ береги, не бросай“. Мертвецы еще разъ поблагодарили Ивана, распрощались и легли спокойно каждый въ свой гробъ. Иванъ поставилъ гробъ брата своего на мѣсто, гдѣ онъ стоялъ и раньше, привелъ все въ порядокъ и пошелъ посмогнѣть, что стало съ мертвецами; только дотронулся до нихъ, смотреть: они превратились въ пыль. Иванъ накрылъ каждого крышкою, взялъ свѣчу и пошелъ разсматривать надгробныя надписи.

Утромъ пришли отецъ и попъ, увидѣли отворенную дверь склепа, перепугались, смотреть: на встрѣчу къ нимъ изъ склепа идетъ Иванъ цѣлъ, невредимъ. Тутъ онъ разсказалъ имъ, что онъ видѣлъ, и что произошло въ послѣднюю ночь; одно только скрылъ отъ нихъ, что подарили ему мертвецы. Отецъ и попъ въ ужасъ приходили отъ его разсказа и дивились ему; потомъ всѣ трое вмѣстѣ навѣсили двери склепа, замкнули и ушли домой. Мать выбѣжала навстрѣчу и отъ радости плакала. Ивана едва можно было узнать: такъ онъ за трое сутокъ измѣнился: поблѣднѣлъ, похудѣлъ, сталъ похожъ больше на мертвеца, чѣмъ на живого человѣка.

Недолго родителямъ Ивана пришлось радоваться: немного спустя послѣ того, ночью, явился Ивану прежній старикъ и сказалъ: „вина твоя и отца твоего еще не совѣмъ искуплена; ты долженъ собираться въ путь отыскать гору, которую я тебѣ укажу; перенеси съ терпѣніемъ все, что съ тобой случится, тогда ты будешь жить спокойно и счастливо. Иди ты на югъ солнца, за дремучіе лѣса, за высокія

горы, тамъ увидишь большую гору, въ полночь на ней поднимается огонь, на самой верхушкѣ найдешь глубокую яму, ты спустишься въ эту яму, а тамъ самъ узнаешь, что тебѣ придется дѣлать. Не забудь взять съ собою въ дорогу подарки мертвецовъ". Сказавъ все это старикъ и скрылся.

Иванъ выслушалъ приказаніе старика, и всю ночь не могъ заснуть все думая о странствіи. Утромъ онъ рассказывалъ родителямъ все, что приказывалъ ему невѣдомый старикъ, и объявилъ имъ, что непременно исполнить это приказаніе, пойдетъ, куда велитъ ему видѣніе. Опечалились родители, ни за что не хотѣли отпустить Ивана. „Ты у насъ одинъ“, говорили они: „кому мы отдадимъ все, что нажили? Мы съ тоски по тебѣ умремъ; нѣтъ, не ходи, сынокъ, оставься дома съ нами, утѣшь насъ на старости лѣтъ“. Но видѣніе являлось Ивану еще два раза и всякій разъ настойчиво требовало исполненія приказанія. Тогда Иванъ пошелъ въ рощу, отыскалъ три дуба, выкопалъ котелокъ съ золотомъ и принесъ домой; ночью высыпалъ на столъ въ своей комнатѣ золото и написалъ письмо родителямъ. „Дорогіе родители; не старайтесь меня разыскивать: я ушелъ, куда повелѣлъ мнѣ итти старикъ, оставляю вамъ золото, прошу раздать его бѣднымъ“, написалъ и положилъ на столъ; а самъ взялъ съ собою только подарки мертвецовъ да кусокъ хлѣба, помолился иконѣ и тихонько вышелъ изъ дома.

Утромъ родители ждали, ждали сына; скоро ли онъ встанетъ—нѣтъ. Отецъ пошелъ узнать, не заболѣлъ ли онъ; отворилъ дверь, смотритъ: постель не тронута, не помята стоитъ, а на столѣ лежитъ вуча золота и письмо. Онъ не былъ радъ золоту, подошелъ къ столу, дрожащими руками взялъ письмо, распечаталъ, прочиталъ и застоналъ. Узнала мать и впала въ безпамятство: такъ ей жаль было лишиться сына, едва-едва опомнилась; но потомъ отъ тоски заболѣла и умерла. Отецъ нанималъ людей, пускался самъ отыскивать Ива-

на, но сколько ни ъздилъ, гдѣ ни бывалъ, нигдѣ не встрѣтилъ сына, такъ и воротился домой, раздалъ золото бѣднымъ, какъ просилъ сынъ, да заодно распродалъ все свое имѣніе и поселился въ монастырѣ.

А Иванъ какъ ушелъ изъ дому, такъ и не думалъ возвращаться до тѣхъ поръ, пока не отыщеть горы, о которой говорилъ ему въ видѣніи старикъ. Долго онъ ходилъ по свѣту, не нашелъ горы той, даже не слышалъ ничего про нее, наконецъ, потерялъ надежду отыскать гору и рѣшился лишиться себя жизни, только не зналъ, какъ это сдѣлать; думалъ, думалъ и хотѣлъ повѣситься на какомъ-нибудь деревѣ. Но и тутъ— бѣда: на какомъ деревѣ ни попытается повѣситься, вѣтки отламываются, и онъ падаетъ внизъ невредимымъ. Что ни дѣлалъ онъ, чтобы умереть,— отыскивалъ логовища львовъ и тигровъ, ложился въ нихъ, думалъ, что звѣри придуть и растерзаютъ его, врывался къ звѣрямъ въ то время, когда они лежали въ логовищахъ, нарочно расталкивалъ ихъ, чтобы разозлить ихъ,— ничто не помогало: звѣри давали ему мѣсто возлѣ себя и не дѣлали ему никакого вреда. Такъ и оставилъ Иванъ намѣреніе умереть. Разъ взглявъ онъ на высокое дерево, посмотреть вдаль во всѣ стороны и видѣть: недалеко свѣтится огонекъ. Онъ слѣзъ съ дерева и отправился на этотъ огонекъ. Шелъ, шелъ, попадаетъ ему на пути рѣчка, а огонь свѣтится на другой сторонѣ. Иванъ хотѣлъ переплыть рѣчку и только ступилъ ногой, посмотреть: рѣчка покрылась льдомъ, онъ и перешелъ свободно на другую сторону. На другомъ берегу стояла низенькая избушка съ маленькимъ окномъ, въ ней-то и свѣтился огонекъ. Иванъ отыскалъ дверь и постучался. Изъ избушки вышелъ старый-престарый старичокъ, увидѣлъ Ивана и обрадовался: „ахъ, желанный мой, прошу пожаловать, войди, сынъ мой! какъ ты долго не являлся! я жду тебя уже десять лѣтъ. Ну, теперь твое странствіе приходитъ къ концу, садись и отдохни, а потомъ

я укажу тебѣ гору, которую ты ищешь". Иванъ сѣлъ, осмотрѣлся и узналъ въ немъ того самого старика, который являлся ему дома въ видѣніи. „Ну, послѣ отдохнешь“, сказалъ старикъ, „и поддержишься, а теперь я укажу тебѣ гору“. Только что они вышли изъ избы, какъ послышался гулъ-землетрясение, вспыхнуло на ближайшей горѣ пламя, вся мѣстность освѣтилась, потомъ вдругъ все стихло, и показалась гора. „Ну вотъ тебѣ гора, какая тебѣ нужна; на нее мы завтра отправимся“, сказалъ старикъ и повелъ Ивана въ избышку, накормилъ сотовымъ медомъ и уложилъ спать. Утромъ рано Иванъ проснулся, смотреть: старикъ стоитъ и молится. Иванъ всталъ и также сталъ молиться. Послѣ молитвы, они пошли въ лѣсъ. Старикъ взялъ съ собою корзину, еще раньше имъ приготовленную. Въ лѣсу они надрали съ деревьевъ лыкъ и свили изъ нихъ веревку, потомъ подерѣпили себя пищею, какую старикъ захватилъ съ собою изъ дому, и отправились на гору. Шли, шли они и вошли на самую вершину.

— „Сядемъ здѣсь“, сказалъ старикъ: „я расскажу тебѣ кое-что. Ты узнаешь меня?“

— „Я узналъ тебя съ перваго же раза, когда вошелъ въ твою хижину; ты—тотъ самый, который являлся мнѣ ночью въ домѣ отца моего“.

— „Да“, сказалъ старикъ, „я приходилъ, по повелѣнію Божию, объявить тебѣ, чтобы ты шелъ спасти брата своего и съ нимъ трехъ старцевъ, которые являлись тебѣ три ночи сряду въ церковномъ склепѣ. Затѣмъ являлся я объявить тебѣ, чтобы ты шелъ странствовать, отыскивать гору, на которой мы теперь сидимъ“. Прежде на этомъ мѣстѣ была прекрасная долина, и на ней стоялъ городъ, но люди въ немъ такъ развратились, что оставили свою вѣру и забыли истиннаго Бога. Отъ Бога мнѣ велѣно было объявить, чтобы они разбались, но когда я сталъ говорить имъ объ этомъ, то они и слушать не хотѣли, смѣялись надо мной,

плевали на меня, бросали въ меня грязью и камнями. Тогда Богъ разгнѣвался на злое людское племя и повелѣлъ мнѣ изъ города удалиться. Я вышелъ изъ города, оглянулся и увидѣлъ надъ городомъ черную тучу; туча быстро увеличивалась, вдругъ разразилась страшная гроза, и полился сѣрный дождь. Поутру я всталъ и увидѣлъ вмѣсто города вотъ эту гору. Я остался одинъ, сбѣлалъ себѣ на берегу рѣчки небольшую хижину и въ ней прожилъ сто тридцать лѣтъ. Во все это время я со слезами просилъ Бога о прощеніи погибшихъ людей. И вотъ теперь Богъ услышалъ мою молитву и посылаетъ тебя спасти городъ. Въ горѣ этой живутъ злые духи, которыхъ ты долженъ выгнать. Когда злые духи покинутъ это мѣсто, то снова явится городъ, и люди въ немъ будутъ жить, какъ прежде. Теперь съ Богомъ, ступай вотъ въ эту яму“. Старикъ привязалъ веревку къ корзинѣ, велѣлъ Ивану сѣсть въ нее и взять съ собою большую восковую свѣчу, благословилъ его и на прощанье сказалъ: „не бойся ничего: самъ Богъ будетъ съ тобой“, и спустилъ по веревкѣ въ яму.

Спустился Иванъ на дно, зажегъ свѣчу, осмотрѣлся кругомъ себя, видитъ—комната; онъ отворилъ дверь и вошелъ въ другую комнату, тамъ сидитъ мужчина съ трубкой во рту; на диванѣ лежитъ мальчикъ и держитъ въ рукахъ кошку; около печи стоитъ, нагнувшись, женщина съ лопатой, вынимаетъ хлѣбы. Иванъ всмотрѣлся поближе—оказывается, всѣ люди мертвы. Онъ взялъ одинъ хлѣбъ, котораго онъ не ѣлъ въ теченіе десяти лѣтъ, и вышелъ изъ комнаты, смотреть: передъ нимъ широкая улица, а по обѣ стороны улицы стоять большіе каменные дома; на улицѣ стоитъ экипажъ, запряженный паромъ лошадей, вучеръ держитъ возжи, а въ экипажѣ сидятъ двѣ барыни подъ зонтами и—тоже всѣ мертвы. Въ одномъ домѣ свѣтится огонь. Иванъ вошелъ туда, смотреть: въ комнатѣ стоитъ вода, на столѣ крупа

и картофель, а около печи лежать дрова. „Вот счастье привалило!“ подумалъ Иванъ и рѣшилъ приготовить себѣ супъ, заготовилъ все, развелъ огонь и поставилъ вариться. Въ это время вошелъ человѣкъ. „Ты зачѣмъ сюда пришелъ?“ закричалъ онъ на Ивана: „я хотѣлъ было приготовить пищу господину своему, а ты безъ спросу распорядился?“ Иванъ почувствовалъ, что его кто-то дергаетъ за полу, оглянулся и увидѣлъ старика. „Не бойся, Иванъ!“ говорить ему старикъ: „у тебя есть два подарка отъ мертвецовъ, дерни этого человѣка крючкомъ, а потомъ бей сколько угодно, да отширни вильцами, и онъ вмигъ исчезнетъ“; сказалъ и скрылся. Иванъ обратился къ незнакомцу съ извиненіемъ: „виновать, прости меня“, а самъ наклонился и дернулъ его крючкомъ, незнакомецъ—ни съ мѣста. Иванъ взялъ палку и давай его крестить, выбилъ ему руку, ногу, глазъ, потомъ ширнулъ его вильцами, и онъ исчезъ. Оказалось, что то былъ чортъ. Иванъ принялся доваривать супъ. Только что супъ сталъ закипать, изъ трубы послышался голосъ: „эй ты, разбойникъ, берегись!“ вдругъ изъ трубы выскочило туловище, потомъ руки, ноги и все тутъ же, на глазахъ Ивана, соединилось въ одно тѣло, затѣмъ выскочила голова, начала кататься по полу и что-то бормотать; руки захлопали въ ладоши, а туловище безъ головы задвигалось, пошло отплясывать трепака; потомъ вдругъ все измѣнилось: голова соединилась съ туловищемъ, и передъ Иваномъ сидитъ чиновникъ въ мундирѣ. „Ты зачѣмъ сюда зашелъ?“ закричалъ чиновникъ: „какъ ты смѣлъ обижать моего человѣка и распорядиться чужимъ?“ и перевернулъ котелъ съ супомъ: „вотъ иди за мной, я покажу тебѣ, какъ самовольничать!“ продолжалъ кричать чиновникъ. Они вышли на улицу, смотритъ Иванъ: передъ нимъ огромный домъ, освѣщенный разноцвѣтными огнями. Они вошли въ большую залу; среди залы стоитъ длинный столъ, весь уставленъ кушаньями и напитками; за столомъ сидятъ чиновники—всѣ въ мундирахъ, по срединѣ сидитъ старшій.

— „Ты зачѣмъ сюда?“ крикнулъ на Ивана грознымъ голосомъ старшій чиновникъ: „какъ ты смѣешь нарушать наше спойовствіе? тебѣ, вѣрно, жизнь надоѣла, такъ ты сюда пришелъ искать смерти? приготовьте висѣлицу!“ Слуги мигомъ начали передъ окномъ устраивать висѣлицу.

— „Виновать!“ сказалъ Иванъ, скрестя руки на груди: „мнѣ ужъ не быть теперь живому; такъ позвольте мнѣ проститься съ вами по нашему обычаю“, а самъ давно догадался, съ кѣмъ онъ говорить.

— „Простись!“ грозно проговорилъ старшій.

Иванъ подошелъ къ нему, поклонился до земли, сказалъ: „прости меня“ и дернулъ его крючечкомъ, такъ онъ обогнулся всѣхъ чиновниковъ, попрощался, каждого дернулъ крючечкомъ и сталъ на свое мѣсто.

Тутъ слуги доложили старшему, что висѣлица готова. „Ну, молодецъ, висѣлица для тебя готова“, сказалъ Ивану старшій чиновникъ.

— „Готова, только не для меня, а скорѣй для тебя.“

— „Какъ ты смѣешь мнѣ такъ говорить? да я тебя въ прахъ сейчасъ раздавлю!“ да только хотѣлъ было вскочить и — ни съ мѣста. Попробовали было другіе встать и тоже ни съ мѣста, а храмой, съ выбитымъ глазомъ, обѣгаетъ подъ окномъ да дразнить: „я говорилъ вамъ, что и съ вами будетъ то же, что со мной“. Иванъ вышелъ на дворъ, отыскалъ хорошую дубину, взялъ ее обѣими руками да и давай крестить то старшаго, по младшихъ чиновниковъ поочереды, бьетъ, а самъ приговариваетъ: „ну что же ты не вѣшаешь меня? бери, вѣшай!“ разбилъ всѣмъ имъ головы до крови. Чиновники корчились отъ боли, подняли страшный вой и, когда Иванъ отшвырнулъ каждого вильцами, всѣ разлетѣлись, кто куда попалъ. Вдругъ дома какъ не бывало, и Иванъ, вмѣсто роскошной залы, очутился подъ сараемъ; вмѣсто стола на сошкахъ лежалъ плетенъ, накрытый лошадиными кожами; вмѣсто закусокъ, лежало лошадиное

сырое мясо и кости, вмѣсто вина—кровь въ бутылкахъ. Иванъ вышелъ изъ-подъ сарая и идетъ по улицѣ, смотреть: передъ нимъ—другой, такой же богатѣйшій, домъ, въ окнахъ горитъ огонь. Иванъ вошелъ въ одну комнату—пусто, вошелъ въ другую—тоже самое, въ третьей—богатѣйшая зала!—горитъ лампада, среди залы стоитъ длинный столъ, обтянутъ краснымъ бархатомъ, на столѣ—стеклянный гробъ, а въ немъ лежитъ хорошая-прехорошая молодая дѣвушка; на гробѣ лежитъ книга въ бархатномъ красномъ переплетѣ, на верхней ея крышкѣ написано золотыми буквами: „кто эту книгу въ три дня и три noci прочитаетъ, тотъ будетъ самый счастливый въ мѣрѣ человѣкъ“. Иванъ хотѣлъ было уже приняться читать книгу, вдругъ сзади кто-то его дернулъ; онъ оглянулся и увидалъ знакомаго старика. „Не торопись читать“, сказалъ ему старикъ: „выслушай прежде, что я тебѣ скажу“; далъ ему воды, кропильницу и сказалъ: „теперь наступили для тебя самые тяжелые и трудные часы: тебя будутъ соблазнять, упрашивать, чтобы ты пересталъ читать, будутъ жечь огнемъ, грозить смертію, ты не оглядывайся назадъ, продолжай себѣ читать; а когда будутъ сильно приставать, ты кропи во всѣ стороны вотъ этой водой“. На прощаньи старикъ обвелъ кругомъ гроба черту; „за эту черту никто перейти не можетъ“, сказалъ онъ: „теперь начинай читать!“ и ушелъ.

Иванъ раскрылъ книгу и началъ читать, читалъ не болѣе какъ часъ, вдругъ явились къ нему три знакомыхъ мертвеца и взмолились: „Иванъ, молимъ тебя, оставь читать! ты насъ избавилъ отъ мукъ и опять предаешь на вѣчное мученіе“. Но Иванъ будто не слышитъ, читаетъ себѣ и читаетъ. Мертвецы послали ему проклятiя и ушли. За мертвецами пришелъ къ Ивану братъ его, Степанъ, и сказалъ: „за что ты мучишь меня? взгляни на меня, какъ я изнываю, перестань читать, оставь меня въ покоѣ!“ Иванъ не остановился, продолжалъ читать; братъ выругалъ его и ушелъ.

На другія сутки привели къ Ивану закованную въ цѣпи мать; мать пала передъ нимъ на колѣна и молитъ: „сынъ мой, я какъ умерла черезъ тебя, все время была спокойна, но когда ты началъ читать вотъ эту запрещенную книгу, меня заковали въ цѣпи и стали жестоко мучить; посмотри на меня, какъ я страдаю; умоляю тебя: оставь читать, и я буду по прежнему спокойна“. Иванъ только что хотѣлъ махнуть кропильницей, мать загремѣла цѣпями, отскочила отъ него, прокляла сына и ушла. Вслѣдъ за матерью вбѣгаетъ лакей такой сердитый. „Эй, сударь, оставь читать!“ кричитъ онъ Ивану: „пожалуй на расправу, хозяинъ требуетъ“. Иванъ продолжалъ читать, и лакей скрылся. За лакеемъ явился самъ хозяинъ. „Послушай, господинъ, ты почему не явился, когда я требовалъ тебя? объясни мнѣ, кто ты такой, и какъ ты осмѣлился безъ позволенія войти въ домъ и начать читать книгу? отвѣчай же, я спрашиваю тебя“ Но Иванъ не отвѣчалъ и продолжалъ читать. „А, ты и мнѣ не отвѣчаешь?“ кричитъ хозяинъ: „такъ я тебя сейчасъ заставлю отвѣчать: эй, вы, слуги, принесите желѣзные прутья и цѣпи, отдерите его хорошенько, да закуйте въ цѣпи!“ Вдругъ прибѣжала цѣлая толпа слугъ, гремятъ цѣпями, хлопаютъ прутьями, бѣгаютъ, суетятся около Ивана, но за черту перескочить не могутъ. Иванъ махнулъ кропильницей—всѣ цѣпи разлетѣлись, и толпа исчезла.

На третьи сутки появились ядовитыя змѣи, крокодилы, драконы, шипятъ, ревутъ—ужасъ!—отъ ядовитаго дыханія ихъ воздухъ становился удушливымъ, но Иванъ кропиль водою, и все пропадало. Неслись во весь опоръ огненные колесницы, запряженные огненными же лошадьми, и сѣдоки кричали: „эй ты берегись, посторонись, раздавимъ, сожжемъ!“ Но Иванъ кропиль ихъ водою, и все исчезало. Подъ самый конецъ третьихъ сутокъ явилось несмѣтное число вооруженныхъ воиновъ, хотѣли они было уже схватить Ивана, но тутъ онъ дочиталъ книгу до конца. Вдругъ сдѣлалось великое землетря-

сеніе, все страшно загудѣло... и исчезло. На дворѣ и въ комнатѣ стало свѣтло; крышка гроба поднялась, изъ гроба встала красивица—ее звали Лизой. „Ахъ, другъ мой, какъ я долго спала!“ сказала Лиза, сняла съ своей руки кольцо и надѣла Ивану на палець. До сихъ поръ Иванъ былъ загорѣлый, обросъ волосами, а какъ только крышка гроба поднялась, онъ вдругъ измѣнился, сталъ красавцемъ, одѣтъ богато, при золотыхъ часахъ, и на рукахъ блестѣли драгоценныя кольца. Иванъ взялъ Лизу подъ руку и вышелъ изъ комнаты въ роскошный садъ; въ саду было многое множество фруктовыхъ деревьевъ и душистыхъ цвѣтовъ. Съ востока поднялось солнце и освѣтило весь городъ; пѣли пѣтухи, птички щебетали и летали въ воздухѣ, ручейки журчали, и воздухъ наполнялся пріятнымъ запахомъ; на улицахъ слышались ѣзда экипажей и людской говоръ; въ церквахъ звонили въ заутрени. Весь городъ пришелъ въ движеніе: суетились, встрѣчались, здоровались, пожимали другъ другу руки и поздравляли съ добрымъ утромъ. Никто не зналъ, что они были 130 лѣтъ мертвы. Старикъ заповѣдалъ Ивану говорить жителямъ о несчастіи, которое постигало городъ, а только велѣлъ записать все бывшее въ книгу.

Съ тѣхъ поръ горожане измѣнились: стали добры, гостепріимны, никого не обижали и почитали истиннаго Бога. Иванъ и Лиза гуляли въ саду, любовались природою и другъ другомъ. Въ комнатахъ уже не было ничего того, что было прежде: всюду была роскошь и богатство. Отъ залы, въ которой Иванъ читалъ книгу надъ гробомъ мертвой Лизы, и отъ самаго гроба и слѣдовъ не осталось. Отъ всего у Ивана на память осталась только одна лампада, она и теперь не угасаетъ.

Скоро послѣ того Иванъ женился на прекрасной Лизѣ, и теперь они живутъ себѣ, поживаютъ да богатство проживаютъ, котораго имъ никогда и не прожить. Послѣ свадьбы Иванъ вспомнилъ про старика, приказалъ подать верховую

лошадь и поѣхалъ къ нему; подѣхалъ къ хижинѣ—она стояла тамъ же, гдѣ и прежде, но въ ней никого уже не было; на столѣ были вырѣзаны слова: „не старайся отыскивать меня: я умеръ въ ту же минуту, когда городъ ожилъ“. Тѣло старика не найдено, и имя его осталось не извѣстно.

2. Мертвая рука.

Въ одномъ селѣ жили богатые люди; жили они въ большомъ домѣ, на самомъ краю села, богатства свои хранили въ каменной крѣпкой, съ желѣзными дверьми, кладовой, подъ секретнымъ большимъ замкомъ; у нихъ была дочь, красавица Маша.

Въ дремучемъ лѣсу, тутъ же недалеко отъ села, жили семь братьевъ-разбойниковъ. Не разъ собирались разбойники ограбить богатое семейство и увести красавицу Машу, но никакъ имъ это не удавалось. Досадно имъ было. Вотъ дождались они темной осенней ночи и рѣшили во что бы то ни стало исполнить свое намѣреніе. Пришли и давай отпирать желѣзныя двери кладовой. Хозяинъ услышалъ шумъ, сразу догадался, что это пришли разбойники, и тихонько вылѣзъ въ окно дома на дворъ; только что разбойники отперли двери да вошли въ кладовую, онъ и захлопнулъ двери. Сидятъ всѣ семь братьевъ-разбойниковъ; некуда имъ выйти; такъ просидѣли они безъ хлѣба и воды тридцать дней и тридцать ночей: старикъ нарочно никому объ этомъ не говорилъ, хотѣлъ ихъ уморить голодомъ.

Разъ старикъ собрался ѣхать въ городъ на базаръ; строго настрого приказалъ онъ Машѣ-дочкѣ не ходить въ кладовую и дверей не отпирать, взялъ съ собою жену, сѣлъ и уѣхалъ. Наступилъ вечеръ. Страшно Машѣ одной оставаться дома, она и созвала своихъ подругъ къ себѣ ночевать. Въ разговорѣ съ подругами она проговорила, что родители не велѣли ей входить въ кладовую. Всѣмъ очень захотѣлось знать, что

тамъ, въ кладовой, находится такое, что нельзя туда заходить. Наступила ночь. Подруги сговорились посмотрѣть кладовую. Только что Маша отворила дверь, разбойники и выскочили оттуда. Дѣвушки испугались, спрятались въ домъ и со страху не успѣли затвориться. Разбойники вошли въ домъ; старшій изъ нихъ вынулъ изъ-за пазухи мертвую руку, дотронулся до подругъ Маши и умертвилъ ихъ, а Маша успѣла спрятаться такъ, что разбойники ея не нашли. Забрали разбойники все богатство и ушли, а мертвую руку взять съ собою забыли. Какъ только они ушли, Маша заперлась въ домъ вѣрѣчко-навѣрѣчко, взяла мертвую руку, дотронулась до подругъ, и онѣ всѣ ожили. Дорогой вспомнили разбойники про мертвую руку, возвратились назадъ и стали просить Машу отдать руку, обѣщали возвратить ей все забранное богатство; но сколько ни просили, сколько ни молили, Маша не отдала; такъ они и ушли.

На другой день пріѣхали родители Маши, узнали, что случилось въ домѣ, погоревали, потужили, побранилъ отецъ Машу, да дѣлать нечего: и то хорошо, что разбойники не увезли ее самое.

Ровно черезъ годъ, старшій разбойникъ пріѣхалъ въ родителиамъ Маши, одѣтый въ богатое платье, назвался купцомъ и сталъ сватать Машу. Родители съ радостью приняли гостя и, какъ Маша ни увѣряла, что женихъ не купецъ, а разбойникъ, не повѣрили ей и насильно выдали за него замужъ. Сыграли свадьбу, и разбойникъ увезъ жену свою въ дѣсь, въ домъ, гдѣ жили братья-разбойники. Маша привезла съ собою и мертвую руку. Живутъ. Вотъ и сталъ мужъ-разбойникъ просить Машу отдать ему мертвую руку, долго упрашивалъ, но Маша все отговаривалась, увѣряла, что сожгла ее и пепель развѣяла по вѣтру. Не вытерпѣлъ мужъ-разбойникъ, разсердился и сталъ бить, мучить жену, наконецъ, заперъ ее въ подвалъ на съѣденіе лвамъ, тиграмъ и разнымъ

гадамъ, но Маша умѣла приласкать ихъ къ себѣ: гладила ихъ и дѣлилась съ ними пищею, которую давали ей разбойники, и Богъ ее хранилъ; звѣри и гады не дѣлали ей никакого вреда.

Разъ разбойники уѣхали на свой промыселъ, а дверь подвала забыли заменить. Мама вышла изъ подвала, перелѣзла черезъ заборъ и убѣжала къ своимъ родителямъ. Только что она ушла, вернулись разбойники, узнали и пустились со всѣми своими гончими собаками за ней въ погоню. Гнались, гнались, собаки напали на слѣдъ и начали лаять. Догадалась Маша, что это за ней погоня, спрятаться — некуда. На ее счастье встрѣчается ей старичокъ-горшечникъ, ѣдетъ съ полнымъ возомъ горшковъ. Она рассказала ему про свое горе и просить спрятать ее. Старикъ сжалился надъ ней, усадилъ въ телѣгу и заложилъ горшками. Подѣхали разбойники и спрашиваютъ старика, не видалъ ли онъ молодую женщину, не проходила ли она. Старикъ притворился глухимъ и нѣмымъ, только мычалъ. Видятъ разбойники, что ничего имъ не добиться отъ старика, и пустились дальше. Маша вылѣзла изъ-подъ горшковъ и побѣжала въ лѣсъ, думала до ночи тамъ укрываться; но ей это не удалось: чуткія собаки опять напали на слѣдъ и начали лаять. На лай прискакали разбойники. Маша думала, думала, куда спрятаться, и взлѣзла на высокій вѣтвистый дубъ, взлѣзла и сидитъ, а мертвую руку все таки при себѣ держитъ. Никто не рѣшался взлѣзть на дубъ, всѣ боялись мертвой руки. Собаки визжали, лаяли, кидались на дубъ. Разбойники подумали, что Маша сидитъ на дубѣ, и давай пускать въ нее стрѣлы, но сколько ни бросали стрѣлъ, всѣ онѣ падали назадъ безъ всякихъ слѣдовъ крови: Маша всякую стрѣлу, какая попадала въ нее, вынимала изъ своего тѣла, вытирала фартукомъ и бросала отъ себя внизъ. Видятъ разбойники, что стрѣлы падаютъ внизъ, и на нихъ нѣтъ крови, подумали, что собаки ошиблись, что Маши на дубѣ нѣтъ, и воротились домой; они были увѣрены, что Машу въ лѣсу растерзали

дикіе звѣри. А Маша дождалась ночи, слѣзла съ дуба, вся израненная, прибѣжала домой и рассказала родителямъ все, что и какъ было.

Дня черезъ три мужъ Маши пріѣхалъ къ родителямъ ея развѣдать, не знаютъ ли они, гдѣ мертвая рука, а того и не зналъ, что жена его возвратилась домой и живетъ у своихъ родителей. Тестъ и теща приняли зятя-разбойника ласково, будто ничего не знаютъ про свою дочь, а Машу спрятали. Пока разбойникъ пилъ, ѣлъ да расхваливалъ Машу, благодарилъ тестя и тещу за то, что они выдали ее за него, Машинъ отецъ пошелъ за старостой. Скоро явился староста съ людьми; схватили разбойника и связали. Разбойникъ стоялъ, связанный по рукамъ, опустилъ глаза внизъ, отъ злости срезежалъ зубами, да нечего дѣлать—попался. Ввели Машу, жену его; она и рассказала, гдѣ находится разбойничій пріютъ. Ихъ всѣхъ переловили и казнили. Родители Маши скоро умерли, а Маша вышла за богатаго вупца, жила благополучно и счастливо.

3. Красная и зеленая сумки.

Въ одной деревнѣ жилъ мужикъ съ женою; жили они очень бѣдно, подчасъ и ѣсть было нечего. Вотъ разъ жена и говорить мужу: „что ты все сидишь дома? пойди куда-нибудь да заработай хлѣба!“ Не хотѣлось мужику идти, да дѣлать было нечего и пошелъ онъ въ поле. Идетъ, смотреть: люди молотятъ горохъ; онъ подошелъ къ нимъ, поздоровался: „Богъ на помощь!“ говорить: „не надо ли вамъ рабочаго?“

— „Надо“, отвѣтили молотальщики: „иди, бери цѣпъ и становись молотить съ нами“. Сталъ мужикъ работать, но работалъ такъ плохо и лѣнливо, что хозяйка за три дня дала ему только три горсти гороху. Взялъ мужикъ горохъ въ карманъ и пошелъ на мельницу смолоть. Смолоть горохъ, высыпалъ муку въ чашку, поставилъ на голову, идетъ домой и

поетъ: „сварю жинкѣ горохова киселя, чтобы жинка была весела“. Вдругъ откуда ни возьмись вѣтеръ и свалилъ чашку съ головы. Чашка разбилась, и вѣтеръ муку всю развѣялъ. Заплакалъ мужикъ и пошелъ, пришелъ домой и рассказалъ жинѣ про свое горе. Жена и давай его ругать на чемъ бѣлый свѣтъ стоитъ, а потомъ еще схватила ухватъ да и давай ухватомъ крестить, бьетъ, а сама приговариваетъ: „вотъ тебѣ, дуракъ, передъ будь умнѣе! ты взялъ бы чашку въ руки, тогда бы мука была цѣла“; отколотила и прогнала со двора: „ступай“, говоритъ, „къ старостѣ и пожалуйся на вѣтеръ, а не пойдешь, такъ и домой не ходи“. Нечего дѣлать, пошелъ мужикъ къ старостѣ, идетъ и плачетъ, всю дорогу проплакалъ. Приходитъ къ старостѣ и говоритъ: „батюшка, нашъ староста, заработалъ я три горсти гороху, смололъ и несъ домой. Поднялся вѣтеръ, свалилъ чашку съ головы и разсѣялъ всю муку; теперь мнѣ съ женой нечего ѣсть. Прикажи вѣтру, чтобы онъ отдалъ мнѣ мою муку“.

— „Хорошо“, отвѣтилъ староста, „я наважу вѣтеръ и прикажу бѣдныхъ людей не обижать, а вотъ тебѣ *красная сумка*: когда захочешь ѣсть, скажи только: „два изъ сумки!“ и тебя сейчасъ накормятъ, а когда наѣшься, скажи: „два въ сумку!“ и все тебѣ приберутъ“.

Мужикъ взялъ сумку, поблагодарилъ старосту и пошелъ домой. Только вышелъ изъ села, и захотѣлось ему узнать, правду ли староста говорилъ про сумку, остановился и крикнулъ: „два изъ сумки!“ Выскочили два молодца и начали было разставлятъ кушанья и напитки. Мужикъ увидѣлъ, что староста сказалъ правду, отъ радости не сталъ ничего ѣсть и крикнулъ: „два въ сумку!“ и все было опять прибрано, будто ничего и не было. Мужикъ взялъ сумку и пошелъ къ жинѣ; идетъ по селу да и вспомнилъ, что какъ разъ на пути живетъ его кума. „Дай найду, похвалюсь кумѣ“, думаетъ мужикъ про себя, „да кста-ти угощу ее“, и пошелъ. Приходитъ къ кумѣ и говоритъ:

„здорова, кума! садись-ка за столъ, я тебя угощу“. Кума сѣла, а мужикъ какъ крикнетъ: „два изъ сумки!“ тотчасъ выскочили два молодца и устали весь столъ кушаньями и напитками. Мужикъ видитъ, что всего достаточно и говоритъ: „довольно, два въ сумку!“ и молодцовъ какъ не бывало. Напился мужикъ отъ радости пьяный и заснулъ, а кума взяла его сумку и спрятала. Проснулся мужикъ—нѣтъ сумки; поплакалъ, потужилъ онъ, да дѣлать нечего и пошелъ ни съ чѣмъ къ женѣ. Приходить домой, жена выбѣжала навстрѣчу и спрашиваетъ: „ну что былъ у старосты?“

— „Былъ“, отвѣтилъ мужикъ.

— „Что же онъ тебѣ сказалъ?“

— „Да что? онъ вѣтеръ наказалъ, а мнѣ далъ красную сумку, да такую, что стоило только сказать: „два изъ сумки!“ и тотчасъ подавались различныя кушанья и напитки, на дорогѣ я зашелъ къ кумѣ отдохнуть, уснулъ, и сумка пропала“.

— „Ахъ ты, дуракъ, дуракъ!“ крикнула жена, схватила хватъ и опять было поволотила мужа, да онъ убѣжалъ. „Ступай опять къ старостѣ“, кричитъ она ему вслѣдъ, „да выпроси другую сумку, нето я тебя на смерть заколочу“.

Мужикъ пошелъ; пришелъ къ старостѣ и рассказалъ ему про свое горе. Староста даетъ ему *зеленую сумку*. Мужикъ опять поблагодарилъ его и пошелъ. Вышелъ въ поле, захотѣлось ему опохмѣлиться; не успѣлъ онъ сказать: „два изъ сумки!“ какъ изъ сумки выскочили двое съ кнутами и давай мужа крестить, чуть было не засѣкли до смерти, на силу мужикъ вспомнилъ сказать: „два въ сумку!“ тогда только перестали сѣчь и спрятались въ сумку. Мужикъ кое-какъ поднялся, взялъ сумку и пошелъ къ кумѣ.

Увидѣла кума другую сумку, кинулась къ куму и начала цѣловать. „А ну-ка, куманекъ, угости меня изъ твоей сумки!“

— „Можно“, говоритъ мужикъ и крикнулъ: „два изъ сумки!“ Выскочили два молодца и давай куму стегать кнутами,

ужь они стегали, стегали, настегали ей бока, сколько влѣзло.

— „Довольно, довольно, больше не хочу“, кричить кума, а они знай крестать ее. „Помилуй, кумъ, пощади!“

— „Отдашь красную сумку, такъ оставлю“. Кума бросила ему сумку, онъ крикнулъ: „два въ сумку!“ и молодцовъ какъ не бывало. Взялъ мужикъ обѣ сумки и пошелъ домой. Приходить и говорить женѣ: „ну вотъ теперь у меня двѣ сумки“.

— „Ну что же въ нихъ есть?“ спросила жена: „угости меня сначала, тогда и говори, въ чемъ дѣло“.

Мужикъ взялъ зеленую сумку и сказалъ: „два изъ сумки!“ высочили два молодца изъ сумки и давай стегать жену, всыпали ей, сколько влѣзло, били до тѣхъ поръ, пока мужикъ ихъ не остановилъ. Взялъ потомъ онъ красную сумку, крикнулъ: „два изъ сумки!“ и два молодца подали кушанья и напитки.

Съ тѣхъ поръ мужъ и жена стали жить хорошо: всякій разъ какъ жена начинала мужа ругать, стоило только ему показать зеленую сумку, и она сейчасъ переставала.

4. Помѣщикъ и крестьянинъ.

Жили себѣ старикъ да старуха, жили бѣдно-пребѣдно: всего-на-всего у нихъ была ветхая избушка да пѣтухъ. Подходилъ праздникъ Рождества, а старикамъ и разговѣться не чѣмъ. Старуха и говоритъ своему старичку: „праздникъ вотъ-вотъ подходитъ, а у насъ съ тобой нѣтъ ничего, кромѣ одного пѣтуха; если мы его зарѣжемъ, то у насъ будетъ только одно мясо, а хлѣба и всего другого ничего не будетъ. Понеси ты лучше пѣтуха на рынокъ да продай, а на вырученныя деньги купи яицъ, деревяннаго маслица для иконы, да фунтика два крупы и молочка горшочекъ, вотъ мы и проведемъ праздникъ“. Старикъ согласился, поймалъ пѣтуха, связалъ ему ноги и понесъ на рынокъ. Идетъ онъ по улицѣ го-

рода; его увидѣлъ съ крыльца помѣщикъ, остановилъ и спрашиваетъ: „что, старикъ, продаешь пѣтуха?“

— „Продаю“, отвѣтилъ старикъ.

— „Эй, Иванъ!“ крикнулъ помѣщикъ своему лакею, „возьми этого пѣтуха и снеси на кухню!“ сказалъ и велѣлъ пѣтуха снести на кухню, а потомъ и спрашиваетъ старика: „сколько же ты возьмешь за пѣтуха?“

— „Да рубликъ баринъ, пожалуйста“, отвѣтилъ старикъ.

— „Что ты, съ ума что ли спятилъ! да развѣ бываютъ пѣтухи по рублю?“

— „Какъ будетъ угодно вашей милости, а меньше не могу: дешевле рубля я никому бы его не продалъ“.

— „Возьми пять гривенъ“.

— „Дешевле рубля копеечки не могу уступить“.

— „Ну такъ пойдемъ же со мной“, и помѣщикъ повелъ старика въ конюшню. „Эй, Гришка, Мишка“, крикнулъ онъ лакеямъ, „возьмите этого старика, да отстегайте хорошенько кнутами!“ Конюхи повалили старика, раздѣли и давай пороть кнутами; отодрали какъ нельзя быть лучше и пустили. „Это тебѣ—деньги, старикъ“, сказалъ помѣщикъ: „ступай теперь съ Богомъ домой“.

Заплакавъ старикъ и пошелъ домой, едва передвигая ногами. У дверей избы выбѣжала къ нему навстрѣчу старуха и спрашиваетъ: „ну что? продалъ пѣтуха?“

— „Хорошо продалъ, посмотри, какъ меня помѣщикъ усоборовалъ. Старуха какъ глянула, такъ и ахнула, завывла. „Не плачь, старуха, я отплачу ему за пѣтуха и за себя“. Поплавали, потужили старика, да дѣлать нечего, провели праздники какъ пришлось: то былъ хоть пѣтухъ, а теперь и того нѣтъ.

Прошло нѣсколько времени; старикъ надѣлъ рваное платье, сумку и пошелъ побираться. Ходилъ въ разныхъ мѣстахъ, долго ходилъ, усталъ, пришелъ въ *духанъ*, который:

былъ около дома помѣщика, и присѣлъ отдохнуть. На ту пору-время прибѣжалъ въ духанъ лакей помѣщика—захотѣлось ему выпить водочки—выпилъ и сталъ разговаривать съ духанщикомъ.

— „Ну что у васъ новенькаго?“ спрашиваетъ его духанщикъ: „что подѣлываетъ помѣщикъ вашъ?“

— „Нашъ помѣщикъ хочетъ построить новые амбары, да плотниковъ не найдетъ. Я вотъ цѣлый день пробѣгалъ, все искалъ плотниковъ, да такъ и не нашелъ“. А старикъ слушаетъ да на усъ себѣ мотаетъ. „Постой же“, думаетъ онъ, „отплатю я тебѣ, баринъ, за пѣтуха и за себя“; собралъ денегъ и купилъ себѣ поддевку, кушакъ, вымылся, причесался, одѣлся, будто и не нищій, взялъ топоръ, пилу и пошелъ мимо дома помѣщика.

Увидѣлъ его помѣщикъ съ крыльца и крикнулъ: „эй, сударь, ты кто такой будешь?“

— „Я—плотникъ“, отвѣтилъ старикъ.

— „Не возьмешься ли ты построить мнѣ амбары?“

— „Отчего не вьяться, когда мы только этимъ и живемъ: у меня есть цѣлая партія работниковъ“, отвѣтилъ старикъ.

— „Вотъ и хорошо, такъ приходи же ко мнѣ часа черезъ два, поѣдемъ съ тобой въ рощу, ты отмѣтишь тамъ деревья, которыя будутъ годны для постройки, а потомъ вернемся и заключимъ условіе“.

— „Хорошо“, отвѣтилъ старикъ и ушелъ. Черезъ два часа является. Помѣщикъ велѣлъ заложить бричку, сѣлъ со старикомъ и кучеромъ и поѣхалъ въ рощу. У опушки рощи они остановились; кучеръ сталъ проѣзживать лошадей, а помѣщикъ и старикъ пошли въ рощу. Старикъ идетъ и намѣчаетъ деревья: это годное, вотъ это, это, а самъ идетъ все дальше да дальше и ведетъ за собою помѣщика въ лѣсъ. Видитъ старикъ, что они зашли уже далеко, вырубилъ хоро-

шую палку, схватилъ помѣщика за воротъ—старикъ былъ здоровый и сильный, а помѣщикъ совсѣмъ тщедушный—и сказалъ: „помнишь ты, какъ выдралъ меня за пѣтуха? вотъ я тебѣ теперь отплачу“, и давай его крестить палкою; крестилъ, крестилъ, еле живого оставилъ, а потомъ, на прощаньи, снялъ съ него золотые часы, вынулъ кошелекъ съ деньгами и сказалъ: „билъ я тебя за пѣтуха одинъ разъ, еще буду бить два раза“, и скрылся въ лѣсу. Помѣщикъ еле-еле доволокъ свои ноги до брички; кучеръ посадилъ его и повезъ домой. Сидитъ помѣщикъ дома, на бѣлый свѣтъ не показывается.

Проходитъ послѣ того недѣля, другая и третья, старикъ опять надѣлъ сумку и зашелъ въ тотъ же духанъ. Лакей помѣщика забѣжалъ въ духанъ, выпилъ водки и разговорился съ духанщикомъ. „Бѣда мнѣ съ моимъ баринномъ, совсѣмъ измучилъ меня“, жалуется онъ: „болѣетъ, каждый день гоняетъ за докторами, сталъ такой сердитый, что хотъ со двора бѣги; придетъ докторъ, станеть распрашивать, чѣмъ нездоровъ, а онъ отвѣтитъ: „узнай самъ, чѣмъ я нездоровъ, тогда допущу лѣчить себя“; докторъ пропишетъ лѣкарства, а онъ отвернется: „я совсѣмъ не тѣмъ боленъ“, говоритъ и отошлетъ отъ себя доктора, и сколько я ни приводилъ докторовъ, ни одного не допустилъ лѣчить себя“.

Старикъ догадался, чѣмъ боленъ баринъ, да долго не думая, на тѣ деньги, что забралъ у помѣщика, купилъ въ магазинѣ новый сюртукъ, брюки, сапоги, шляпу, сорочку, часы, вычернилъ волоса, перемѣнилъ голосъ и *нармиче*, одѣлся, надѣлъ очки и пошелъ гулять около дома помѣщика; на улицѣ у разнощика купилъ газету, сѣлъ на лавочкѣ возлѣ будки съ сельтерской водой, развернулъ газету и смотритъ, будто читаетъ. Какъ разъ на ту пору подошелъ въ будкѣ лакей помѣщика: захотѣлось ему выпить съ похмѣлья сельтерской воды. Старикъ и всмотрѣлся въ него, да таково пристально, и качаетъ головой.

— „Что смотришь на меня, качаешь головою?“ спрашивает его лакей.

— „Так смотрю; твоя не ждаровъ; много водка кушала“.

— „А ты почему знаешь?“

— Какъ моя не знать; моя дохтуръ-нѣмецъ, вся болѣзнь знаетъ“.

„Что-за докторъ!“ подумалъ лакей и побѣжалъ домой доложить больному барину. „Баринъ!“ говоритъ лакей, запыхавшись: „я сейчасъ видѣлъ доктора, который узнаетъ всѣ болѣзни“.

— „Дуракъ!“ закричалъ на него помѣщикъ, „что же ты не вель его сюда? отыскать сейчасъ и привести ко мнѣ!“ А старикъ-докторъ всталъ съ лавочки, заложилъ руки назадъ и идетъ навстрѣчу, будто прогуливается. Лакей побѣжалъ къ нему и говоритъ: „баринъ мой нездоровъ, просить зайти къ нему“.

— „Корошо, корошо, пойдемъ твой баринъ“, говоритъ старикъ и пошелъ къ помѣщику; входитъ въ комнату, кланяется и спрашиваетъ больного: „тѣмъ твоя нездоровъ?“

— „А вотъ если ты—опытный докторъ, такъ и узнай, тѣмъ я нездоровъ“.

— „Корошо, корошо, сейчасъ будемъ посмотрѣть,—разинь твоя ротъ, высунь языкъ и крути немного голова?“ Помѣщикъ раскрылъ ротъ, высунулъ языкъ и началъ крутить головою. „Ну, довольно, теперь моя знай, какой болѣзнь: твоя кто-нибудь побилъ“.

— „Вотъ это такъ докторъ!“ подумалъ помѣщикъ и сталъ слушать дальше.

„Это нишево“, продолжалъ старикъ-докторъ, „моя скоро твоя будетъ лѣшить, надо искать корошій теплый баня; кому есть въ саду баня, или близко лѣсъ баня?“ продолжалъ онъ свои разпросы, а самъ хорошо зналъ, что у барина есть своя баня въ рошѣ.

— „У меня есть своя баня“, сказалъ помѣщикъ.

— „Вотъ это корошо, очень корошо! такой и надо баня. Теперь моя пайдеть лѣкарства готовить, послѣ четыре часа моя придетъ, а твоя скажи: баня сейчасъ топить надо“.

— „Хорошо, баня будетъ готова“, отвѣтилъ помѣщикъ. Старикъ-докторъ ушелъ лѣкарство готовить, а помѣщикъ радъ, доволенъ, что нашелъ доктора, который узналъ, чѣмъ онъ нездоровъ, и приказалъ приготовить баню и на радости лакею подарилъ рубль: „вотъ тебѣ—награда“, говорить.

Старикъ-докторъ зашелъ въ лавку, купилъ хорошую плеть, спряталъ ее подъ сюртукъ и черезъ четыре часа явился къ помѣщику. „Ну что? готовъ баня?“

— „Готова, сейчасъ поѣдемъ“, отвѣтилъ помѣщикъ. Къ крыльцу подѣхала бричка съ кучеромъ и лакеемъ. Старикъ-докторъ увидѣлъ лакея и сказалъ: „лишней люди никому не надо“, и лакей остался дома. Приѣхали въ баню, гдѣ давно ожидалъ ихъ сторожъ, слѣзали и вошли въ предбанникъ. Старикъ-докторъ велѣлъ помѣщику немедленно раздѣваться и идти въ баню, а самъ вышелъ изъ бани, даетъ кучеру и сторожу рубль и говорить: „это—вамъ, поѣзжайте въ духанъ водку кушать, немного гуляй, тогда сюда приди, а моя будетъ лѣшить“. Сторожу и кучеру это и на руку: они сѣли въ бричку и—въ духанъ. Старикъ-докторъ устроилъ все какъ нельзя лучше, взялъ плеть, вошелъ въ баню, схватилъ помѣщика за руку и давай его парить своею плетью, бьетъ, самъ приговариваетъ: „билъ я тебя одинъ разъ за пѣтуха, а вотъ это въ другой разъ, еще и въ третій разъ буду бить“, избилъ до крови, потомъ выскочилъ изъ бани, взялъ бариновы кольца, часы, кошелекъ съ деньгами и—въ лѣсъ.

Возвратились кучеръ и сторожъ изъ духана, къ банѣ—никого не слышно. Кучеръ кашлянулъ около двери, затопалъ ногами.

Услышалъ помѣщикъ; „Гри-и-ш-ка! пойд-и сюда-а!“ едва

провелъ онъ голосомъ. Кучеръ—глядь въ баню и отскочилъ назадъ: помѣщикъ былъ весь въ крови. Его обмыли, одѣли, уложили на бричку и отвезли домой. Долго пролежалъ помѣщикъ, пока выздоровѣлъ.

Черезъ годъ или болѣе старикъ опять надѣлъ рваное платье и сумку и пошелъ развѣдывать, что дѣлается у помѣщика въ домѣ. Пришелъ въ знакомый духанъ и сѣлъ отдохнуть, смотритъ: лакей помѣщиковъ—тамъ.

— „Ну, прощай, братъ, я уѣзжаю“, говоритъ лакей духанщику, выпивая стаканъ водки.

— „Куда?“ спросилъ духанщикъ.

— „Помѣщикъ нашъ купилъ большое имѣніе; завтра въ 9 часовъ уѣзжаетъ, везетъ большую сумму денегъ расплатиться за имѣніе, и я ѣду съ нимъ“.

— „Хорошее дѣло“, подумалъ старикъ. У одного односельчанина онъ зналъ хорошую, проворную лошадь; денегъ не занимать стать, и купилъ онъ эту лошадь; потомъ подговорилъ себѣ молодого крестьянина: „вотъ тебѣ лошадь съ сѣдломъ—твои будутъ: пойдемъ со мной въ лѣсъ и засядемъ въ скрытномъ мѣстѣ; когда будетъ ѣхать помѣщикъ, ты подѣзжай къ тарантасу, ударь по немъ палкою и закричи: „билъ тебя два раза за пѣтуха и въ третій разъ буду бить“, и тогда скачи во весь опоръ, убѣгай, да смотри, чтобы тебя не догнали“. Вотъ спрятались старикъ съ крестьяниномъ въ лѣсу, дожидаются, смотрятъ: ѣдетъ помѣщикъ. „Ну, пора!“ говоритъ старикъ. Крестьянинъ сѣлъ на лошадь, поскакалъ къ тарантасу, ударилъ по немъ палкою и закричалъ: „билъ тебя два раза за пѣтуха, еще разъ буду бить“ и ускакалъ.

— „Стой!“ закричалъ помѣщикъ кучеру и лакею: „отстегните пристяжныхъ, догоните подлеца“. Кучеръ и лакей пустились въ погоню, а помѣщикъ приподнялся на тарантасѣ и кричитъ имъ вслѣдъ: „догоните его, подлеца, поймайте! вотъ теперь я тебя, мошенника, расказню!“ А старикъ—тутъ какъ

туть, подерался сзади, стащилъ помѣщика съ тарантаса, да и давай опять крестить; всыпалъ сколько вѣзло, потомъ—въ тарантасъ, за шкатулку съ деньгами и бѣжать: „нѹ, прощай, баринъ!“ сказалъ онъ на прощаньи: „теперь мы съ тобой квиты“, и ушелъ въ лѣсъ.

Кучерь и лакей гнались, гнались за сѣдокомъ, не догна-ли, такъ и воротились назадъ; въ тарантасу, смотря: помѣщикъ лежитъ весь избитый.— „Что такое?“ спрашиваютъ.

— „Опять подлець-старикъ избилъ меня за пѣтуха, да еще взялъ шкатулку съ деньгами и сврылся въ лѣсу“, сказа-лъ помѣщикъ, едва дыша. Слуги отвезли его домой чуть живого.

Съ того времени помѣщикъ совсѣмъ обѣднѣлъ, заболѣлъ и скоро скончался, а старикъ со своею старухою перешелъ на житье въ другое село, купилъ себѣ на деньги помѣщика хорошій домикъ и прожилъ остальные дни припѣваючи. Уми-рая, онъ оставилъ часть денегъ старухѣ на пропитаніе, а остальные роздалъ бѣднымъ, нищимъ и сиротамъ.

5. Три калмыка (анекдотъ).

Три калмыка захотѣли выучиться говорить по-русски. Дол-го они думали, какъ этого добиться, и рѣшили отправиться въ городъ, кто въ какой хочетъ, рѣшили и разошлись въ разныя стороны. Невѣзѣстно, сколько времени и гдѣ они учились... воротились, сошлись вмѣстѣ и стали рассказывать другъ другу, кто чему научился: одинъ говорить, что онъ выучилъ по-русски *мы*, другой—*ни за то, ни за се*, а третій—*такъ и надо*. Идутъ они по дорогѣ, разговариваютъ, вдругъ попадается имъ убитый человѣкъ; они остановились, смотря, толкуютъ между собою. Въ это самое время проѣзжалъ мимо слѣдователь, уви-дѣлъ убитаго человѣка, остановился и спросилъ у калмыковъ: „кто убилъ?“

- „Мы“, отвѣтилъ первый калмыкъ.
 - „За что вы его убили“?
 - „Ни за то, ни за се“, сказалъ второй.
 - „Въ Сибирь васъ за это, мошенниковъ!“
 - „Тавъ и надо“, отвѣтилъ третій.
- Калмыковъ схватили, судили и сослали въ Сибирь.

Сообщилъ учитель Наурскаго станичнаго
училища *В. Пятирублевъ*.

СКАЗКИ, ПРЕДРАЗСУДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ЗА- ГАДКИ,

записанныя въ станицѣ Умазанъ-Юртовской.

1. Сынъ вдовы.

Жила себѣ старуха-вдова съ сыномъ; жили они въ большой бѣдности; всего-на-всего у нихъ была плохая хижина и небольшой садикъ. Старуха ухаживала за садикомъ и тѣмъ питалась, а сынъ жилъ въ работникахъ, договорился съ хозяиномъ въ годъ за 5 руб.

Прожилъ старухинъ сынъ годъ, получилъ отъ хозяина заработанныя деньги сполна и пошелъ домой къ матери. Дорогой встрѣчается ему человѣкъ, ведетъ въ поле старую собаку, убить хочетъ.

— „Продай мнѣ собаку!“ говоритъ ему сынъ вдовы.

— „Купи“.

— „Сколько тебѣ за нее?“

— „Пять рублей“, шутя сказалъ тотъ. Старухинъ сынъ отдалъ свои 5 рублей, взялъ собаку и пошелъ домой. Приходить. Мать и спрашиваетъ его: „гдѣ же деньги?“

— „Да вотъ купилъ собаку“, отвѣчалъ сынъ.

Мать побранила, побранила его, да нечего дѣлать, и наняла его въ работники на другой годъ, тоже за 5 рублей.

Прожилъ онъ другой годъ, получилъ расчетъ и идетъ домой къ матери. Дорогой встрѣчается ему человѣкъ, несетъ въ поле кошку, хочетъ убить за ея проказы.

— „Продашь кошку?“ спрашиваетъ его сынъ вдовы.

— „Продамъ, купи“.

— „Что тебѣ за нее?“

— „Пять рублей“.

Отдалъ старухинъ сынъ свои пять рублей, взялъ кошку и пришелъ домой. Мать узнала, что сынъ за заработанныя деньги купилъ кошку, выругала его, какъ только могла, и отдала въ работники на третій годъ за ту же цѣну.

Выслужилъ вдовинъ сынъ въ работникахъ третій годъ, получилъ отъ хозяина заработанные пять рублей и идетъ домой. На дорогѣ встрѣчаетъ онъ возъ съ хворостомъ; въ хворостъ забралась змѣя и сидитъ; два мужика опрокидываютъ возъ, хотая убить змѣю. Старухинъ сынъ подходитъ къ мужикамъ и говоритъ: „продайте мнѣ змѣю!“

Мужики удивились, что на дурня напали, и съ насмѣшкой говорятъ: „купи“.

— „Сколько вамъ за нее?“

— „Пять рублей“.

Отдалъ старухинъ сынъ 5 рублей, взялъ змѣю, положилъ ее за пазуху и пошелъ домой.

— „Гдѣ же твои деньги?“ спрашиваетъ его мать.

— „А вотъ“, вынулъ онъ изъ-за пазухи змѣю и положилъ на столъ. Мать испугалась и бросилась было бѣжать вонъ изъ избы, но сынъ успокоилъ ее, и она воротилась. Больше уже мать не пустила его въ работники, и стали они жить вмѣстѣ, живутъ, ухаживаютъ за садомъ, тѣмъ и кормятся.

Уходятъ они въ садъ работать на цѣлый день, вечеромъ приходятъ домой—у нихъ все приготовлено: и печка истоплена, и кушанье готово. Такъ повторялось каждый день. Мать дивилась, кто бы могъ все это дѣлать, и захотѣлось ей узнать, кто готовить кушанья. Однажды отправилась она съ сыномъ въ садъ, работала, работала да и ввдумала навѣдаться домой, посмотреть: печка топится; на столѣ лежитъ змѣиная рубашка, и въ избѣ—никого. Старуха взяла да и сожгла змѣи-

ную рубашку въ печкѣ. Немного погодя, является въ избу съ ведрами красная дѣвица и говорить старухѣ: „эхъ, старуха, ждала ты почти цѣлый годъ, еще подождала бы три дня, и я была бы женою твоего сына“. Приходитъ сынъ старухи. Дѣвица обратилась опять въ змѣю и говорить ему: „ну теперь носи меня къ моему отцу, въ матери“.

Сынъ вдовы взялъ змѣю и понесъ; несетъ день, другой, третій и заходитъ въ дремучій лѣсъ, смотреть: въ лѣсу стоитъ трехъэтажный домъ, весь стеклянный. Изъ дома выходитъ отецъ змѣи и говорить дочери: „чѣмъ же награждать молодца—дать ему мѣшокъ золота, или кольцо?“ Дочь настояла на томъ, чтобы отецъ далъ ему кольцо. „Возьми это кольцо“, говоритъ она своему молодцу на прощаньи: „когда захочешь пить или ѣсть, только перебрось его съ руки на руку, къ тебѣ явятся три молодца, и ты требуй отъ нихъ, что тебѣ будетъ угодно,—все тебѣ будетъ въ точности исполнено“.

Сынъ вдовы взялъ кольцо и пошелъ домой. Шелъ, шелъ онъ, и захотѣлось ему ѣсть. Онъ снялъ съ пальца кольцо да только перебросилъ съ руки на руку, къ нему явились три молодца и говорятъ: „что угодно?“

— „Сдѣлайте мнѣ такъ, чтобы на этомъ мѣстѣ былъ домъ, и въ немъ было что ѣсть и пить“. Не успѣлъ онъ это сказать, какъ явился большой и хорошій домъ. Онъ зашелъ въ домъ, смотритъ: на столахъ—чего хочешь; онъ наѣлся, напился, чего ему хотѣлось, и пошелъ дальше. Пришелъ домой, перекинулъ кольцо съ руки на руку, явились три молодца и мигомъ передѣлали бѣдную хижину въ богатые хоромы.

Пожилъ сынъ вдовы дома нѣкоторое время и говорить матери: „иди ты къ царю и сватай за меня его дочь“. Долго мать не соглашалась итти, долго отговаривала его бросить эту затѣю, сынъ все не унимался: „иди да иди“, говорить; нечего дѣлать, пошла старуха къ царю и объяснила ему, чего желаетъ ея сынъ.

Царь призвалъ къ себѣ сына вдовы и говоритъ: „хорошо, выдамъ за тебя мою дочь, только сдѣлай къ утру хрустальный мостъ отъ твоего дома до моего дворца“. Сынъ вдовы согласился и ушелъ домой. Дома онъ перебросилъ кольцо съ руки на руку, явился къ нему три молодца, онъ и приказалъ имъ сдѣлать хрустальный мостъ, отъ его дома до царскаго дворца, сказалъ и легъ спать. На-утро откуда что взялось! явился хрустальный мостъ отъ дома старухина сына до самаго царскаго дворца. Царь остался доволенъ работой жениха и потребовалъ, чтобы такой же мостъ былъ построенъ къ утру отъ дворца и до церкви. Старухинъ сынъ и этотъ приказъ исполнилъ въ точности: на утро явился другой мостъ, отъ царскаго дворца до церкви. Царь согласился выдать за него свою дочь-царевну. Жениха и невесту повели по хрустальному мосту въ церковь вѣнчать.

Отпраздновали свадьбу, и сталъ жить старухинъ сынъ съ женою-царевною въ полномъ счастьѣ и довольствѣ: все у нихъ было, чего только душа пожелаетъ.

Прошло немного времени, сыну вдовы вздумалось испытать жену; ночью перебросилъ онъ съ руки на руку кольцо и обратилъ хоромы въ прежнюю полуразрушенную хижину. Утромъ проснулась жена, увидѣла, что она — не въ богатомъ домѣ, а въ простой полуразвалившейся хижинѣ, и съ того времени стала сильно печалиться, наконецъ, когда мужъ спалъ крѣпкимъ сномъ, сняла съ него кольцо и ушла къ отцу.

Узналъ старухинъ сынъ, что жена сняла у него кольцо и ушла къ царю, и что царь хочетъ его повѣсить, призываетъ къ себѣ кошку и собаку и посылаетъ ихъ во дворецъ утащить у царской дочери, его жены, кольцо.

Кошка и собака пошли. Только что они показались во дворецъ, въ это время вылезъ изъ-подъ полу мышинный царь; кошка и поймала его. Взмолился мышинный царь, просить кошку отпустить его на волю. Кошка и говоритъ ему: „собери ты

всѣхъ мышей и прикажи имъ утащить у царской дочери кольцо и принести мнѣ, тогда я тебя отпущу на волю". Мышинный царь согласился, созвалъ мышей и послалъ за кольцомъ. Царевна въ это время спала и кольцо держала во рту. Прибѣжали мыши и давай искать кольцо; отыскиали. Одна мышь забралась къ царевнѣ на лицо и хвостикомъ защебетала въ носу. Царевна проснулась, чихнула, и кольцо выпало изо рта. Мыши тотчасъ подхватили кольцо и принесли кошкѣ; а кошка и собака понесли его старухину сыну, своему хозяину.

На дорогѣ пришлось имъ переправляться черезъ рѣку. Собака и говоритъ кошкѣ: „садись на меня и держи въ зубахъ кольцо, и такъ поплывемъ; а когда я устану, прыгай въ воду, я сяду на тебя и возьму кольцо". Сказано-сдѣлано. Плывутъ собака и кошка чрезъ рѣку; плыли, плыли и половины рѣки еще не проплыли, а уже собака совсѣмъ устала. Кошка прыгнула въ воду, собака сѣла ей на спину, да только хотѣла взять кольцо изо рта кошки, кольцо и упало въ воду. Что тутъ дѣлать? Задумались, не знаютъ, какъ достать кольцо. Собака посмотрѣла въ воду и увидѣла на днѣ рѣки огромнаго рака; долго не думая, бросилась она въ воду и поймала его. Оказалось, что то былъ царь-ракъ. Взмолился онъ передъ собакой отпустить его на волю, въ воду. „Прикажи своимъ ракамъ на днѣ рѣки достать кольцо и принести сюда, такъ пушу", сказала ему собака. Ракъ свиснулъ, крикнулъ, и со всѣхъ сторонъ собралось множество раковъ; царь-ракъ отдалъ имъ приказаніе немедленно достать со дна рѣки кольцо и отдать его собакѣ. Нырнули всѣ раки на дно рѣки и долго искали кольцо, не могли отыскать; наконецъ, ракъ съ одной влѣшней нашель и принесъ собакѣ. Собака отпустила рака-царя, взяла кольцо и побѣжала съ кошкой домой, что было силы.

Прибѣжали, смотрятъ: хозяина дома нѣтъ: по приказанію царя, его повели уже на висѣлицу. Кошка перепрыгнула черезъ людей и передала кольцо хозяину. Вдовинъ сынъ

перебросилъ его съ руки на руку, вдругъ явились три молодца, разогнали, по его приказу, народъ и повѣсили рабочихъ. Такъ онъ и избавился отъ висѣлицы; воротился домой, перебросилъ кольцо съ руки на руку, снова перемѣнилъ хижину на богатый домъ, какой былъ и прежде; только съ этихъ поръ не влюбилъ онъ свою жену, не желалъ ее имѣть и зажилъ себѣ самъ; чего только хотѣлъ, все получалъ чрезъ свое кольцо.

2. Мужикъ и разбойники.

Не далеко отъ селенія, между кустовъ, въ землянкѣ, жили два разбойника. Разъ зашли они въ кабакъ, сидятъ, пьютъ, разговариваютъ о своихъ походахъ. „Сколько, братъ, мы съ тобой ни воровали, никто насъ не могъ поймать“, сказалъ одинъ разбойникъ другому.

Тутъ же сидѣлъ одинъ мужикъ; слушалъ, слушалъ онъ разговоръ разбойниковъ и говоритъ: „вотъ вы хвалитесь, что васъ никто не поймалъ съ краденнымъ, а украдете у меня свинью?“

— „Украдемъ“.

— „Нѣтъ не украдете“, и заспорили разбойники съ мужикомъ на сто рублей, ударили по рукамъ и разошлись. Мужикъ взялъ полкварти водки, пришелъ домой, размѣшалъ водку съ отрубями и далъ свиньѣ. Свинья поѣла все и тотчасъ опьянѣла, лежитъ недвижима. Мужикъ внесъ ее въ избу, положилъ въ люльку, закуталъ пеленками, а самъ легъ съ женой спать.

Ночью пришли разбойники въ мужику на дворъ и давай искать свинью, всѣ закоулки обыскали, куда ни заглядывали, нигдѣ не нашли. Они вошли въ избу, обшарили всѣ углы, — нѣтъ и тутъ. Зло взяло разбойниковъ, да нечего дѣлать; вышли они изъ избы, сѣли на заваленкѣ и стали думать, гдѣ бы могъ дѣвать мужикъ свинью. Вдругъ притихли, слуша-

ютъ: мужикъ ночью проснулся и спрашиваетъ жену: „дома свинья?“

— „Дома, въ люльѣ“, отвѣчаетъ жена.

Разбойники услышали разговоръ мужика съ женой, навели на нихъ сонъ, взяли изъ люльки свинью и ушли. Проснулся мужикъ, кинулся въ люльѣ—нѣтъ свиньи. „Это украли разбойники“, подумалъ онъ и пустился за ними въ погоню; бѣжалъ, бѣжалъ—не догналъ. Что тутъ дѣлать? и придумалъ онъ вотъ какую хитрость: надѣлъ на себя *жельзное путо* *) и давай нарочно возлѣ землянки разбойниковъ прыгать и звѣнѣть. Разбойники слышали и подумали, что то лошадь прыгаетъ, одинъ разбойникъ и говорить другому: „покарауль, братъ, свинью, а я пойду, приведу лошадь“ и пошелъ. Мужикъ позвѣнѣлъ, позвѣнѣлъ путомъ, да замѣтилъ, что одинъ изъ разбойниковъ вышелъ за лошадью, снялъ съ себя путо, подошелъ къ землянкѣ и, будто товарищъ воротился съ поисковъ, говорить съ досадою разбойнику, что оставался въ землянкѣ: „вездѣ исходилъ, всюду искалъ—нѣтъ нигдѣ лошади, пойди еще ты, поници, а я здѣсь посижу, покараулю“. Разбойникъ ушелъ за лошадью, а мужикъ, не долго думая, взялъ свинью на плечи и былъ таковъ, ушелъ домой. Искали, искали оба разбойника лошадь—нѣтъ; вдругъ встрѣчаются. „Ты зачѣмъ здѣсь?“ спрашиваютъ одинъ другого.

— „А ты же меня послалъ“.

— „Да я еще не приходилъ въ землянку, какъ ушелъ“.

— „Ну, такъ это былъ мужикъ; значитъ, и свинью унесъ“.

Прибѣжали они къ землянкѣ, смотрятъ: свиньи нѣтъ; они—въ догонку за мужикомъ, догнали и не стали отнимать свинью, а будто и не разбойники, побѣжали впередъ до двора мужика; прибѣжали, смотрятъ: на дворѣ виситъ бѣ-

*) *Жельзное путо*—цѣпь съ жельзными охватами для спутыванья ногъ (переднихъ) лошади, съ замкомъ. „Толкв. слв. жив. влкр. яз.“ Дала, III, 496.

лье, сохнетъ. Одинъ зажегъ кучу конопля, что лежала среди двора, а другой надѣлъ сорочку мужиковой жены, бѣгаетъ по двору, ругается, будто жена. Приходитъ мужикъ домой, смотритъ: у него во дворѣ—пожаръ, и жена бѣгаетъ и кричитъ какъ сумасшедшая. Второпяхъ передаетъ онъ свинью женѣ, чтобы она отнесла ее въ избу, а самъ принимаетъ заливаетъ огонь. А разбойникамъ того только и нужно: за свинью и были таковы. Мужикъ залилъ огонь, входитъ въ избу, будитъ жену и спрашиваетъ: „гдѣ же свинья?“ Жена отвѣчивается, что она не видѣла свиньи и знать ничего не знаетъ. Догадался мужикъ, что то были разбойники, сталъ придумывать, какъ бы ему возратить свинью. Время уже было позднее, скоро и разсвѣтаетъ начнетъ. Мужикъ зналъ, что недалеко отъ землянки разбойниковъ есть болото; побѣжалъ онъ, что было мочи, туда, спялъ съ себя одежду, вывалился весь въ грязь, прибѣжалъ въ землянку раньше разбойниковъ и сѣлъ въ углу. Разбойники пришли въ землянку и бросили свинью на полъ. Сидѣли, сидѣли они, одинъ разбойникъ и говоритъ другому: „давай, братъ, закуримъ!“ досталъ кремень, огниво и сталъ выбивать огонь: разъ, разъ—искры засверкали и освѣтили землянку. Разбойники глядь—въ углу сидитъ что-то черное, подумали, что домовою и давай Богъ поги изъ землянки.

Ужъ разсвѣло. Разбойники прибѣжали въ село и зашли въ кабакъ, думали получить съ мужика сто рублей, по договору. Тѣмъ временемъ мужикъ свинью принесъ домой, передалъ женѣ и явился въ кабакъ къ разбойникамъ.

— „Ну теперь давай намъ сто рублей!“ пристали къ мужику разбойники.

— „За что?“ спрашиваетъ мужикъ.

— „Какъ за что? а по договору, за украденную свинью?“

— „Моя свинья—дома“.

Пошли къ мужику, смотреть: правда, свинья во дворѣ, и пришлось разбойникамъ отдать мужику сто рублей.

3. Жена-спорица.

Въ одномъ селеніи жилъ старикъ со старухой; дѣтей у нихъ не было. Когда, бывало, старикъ побьетъ старуху за что-нибудь, она и идетъ къ помѣщику жаловаться. Помѣщикъ вызоветъ старика къ себѣ и накажетъ розгами.

Однажды старикъ нашелъ въ лѣсу кладъ, деньги зарытыя въ землѣ, и думаетъ: „если выкопать деньги съ чужимъ человѣкомъ, то придется дѣлить пополамъ, а если съ женой—она при ссорѣ донесетъ, разболтаетъ барину“; думалъ, думалъ да и порѣшилъ взять къ себѣ на помощь жену. Ничего не говоря заранѣе женѣ, онъ купилъ на базарѣ зайца, севрюгу, нѣсколько бубликовъ и пошелъ со всей покупкой въ лѣсъ, тамъ, около того мѣста, гдѣ были зарыты деньги, бублики повѣсилъ на кусты, зайца положилъ въ *вентерь* *), а севрюгу запуталъ въ *пружокъ* **) на чистомъ мѣстѣ, устроилъ все и пришелъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Наступила ночь. Мужикъ взялъ съ собою жену и тайкомъ отъ сосѣдей пошелъ въ лѣсъ выкапывать кладъ. Идутъ, разговариваютъ, пришли въ лѣсъ; мужикъ и говоритъ женѣ: „въ этомъ мѣстѣ на кустахъ растутъ бублики; можетъ-быть, на нашу долю и теперь есть; пойдемъ, не сорвемъ ли“ и подводитъ ее къ кустамъ, на которыхъ днемъ повѣсилъ бублики. Увидала старуха бублики, обрадовалась: „а вѣдь и вправду растутъ!“ и стала собирать съ кустовъ бублики. Собрали старики бублики и пошли дальше, идутъ. „Постой, старуха“, говоритъ опять старикъ, „здѣсь я ставилъ вентерь, пойди посмотри, не попался ли туда заяцъ“; поднимаетъ вентерь и показываетъ старухѣ: „смотри: пришелъ сюда купаться и попалъ въ вентерь“. Старуха повѣрила. Они взяли зайца и пошли дальше. Идутъ; старикъ

*) *Вентерь* — (отъ вѣт?) сѣтчатый рыболовный снарядъ на концентрическихъ обручахъ. „Толкъ. слов. жив. вѣкр. яз.“, В. И. Дала М. 1868 г. I, стр. 156. *Ред.*

**) *Пружокъ* (у—пругій)—сназокъ, пленка на лучкѣ (согнутомъ прутѣ) для ловли птицъ (рабчиковъ). *Ibid.* IV, стр. 474. Изд. 1865 г. *Ред.*

и говорить старухѣ: „я тутъ неподалечку, на полянкѣ, ставилъ пружокъ, пойти посмотреть, не попалась ли какая рыба“. Подходятъ къ пружку, смотрятъ: точно—въ пружкѣ завязла рыба. „Видишь?“ говоритъ старикъ, „вышла на лужокъ попасться и попалась“. Старуха и этому повѣрила; они взяли рыбу и пошли дальше.

Выкопали старики деньги, взяли съ собой и несутъ домой въ селеніе. Пришлось имъ проходить мимо барскаго двора, слышать: на дворѣ кричатъ буйволята. Старуха спрашиваетъ старика.

— „Что это такое?“

— „Молчи“, говоритъ старикъ, „это барина черти дерутъ“.

Старуха и этому повѣрила. Принесли старики деньги изъ лѣсу домой и стали жить припѣваючи. Такъ прошло нѣсколько времени; они жили мирно, не ссорились, и никто не зналъ, откуда у нихъ взялось богатство. Ни съ того, ни съ сего вдругъ они поссорились: старикъ побилъ старуху, а та пошла къ барину съ жалобой на него да и рассказала, что старикъ нашелъ въ лѣсу кладъ, выкопалъ и взялъ себѣ.

Помѣщикъ призываетъ старика и съ гнѣвомъ спрашиваетъ, правда ли, что онъ нашелъ кладъ, и грозитъ наказать его за утайку.

— „Кто вамъ это сказалъ?“

— „Твоя жена“.

— „Помилуйте, баринъ, моя жена настоящая дура, развѣ ей можно вѣрить?“

— „Да, дура!“ говоритъ старуха: „ты скажешь, и то—неправда, что, когда мы съ тобой шли въ лѣсъ выкапывать деньги, нашли бублики на кустахъ—тамъ выросли? или то—неправда, что въ вентерѣ нашли зайца? или то, что на лугу въ пружкѣ нашли рыбу?“ Тутъ старуха вспомнила еще крикъ, который она слышала, когда со старикомъ шла изъ лѣсу

мимо двора помѣщика, вспомнила, что ей тогда сказалъ старикъ, и сказала: „когда мы въ лѣсу деньги брали, то въ это время васъ, баринъ, черти драли“.

Разсердился баринъ на старуху, счелъ ее положительно дуροю и приказалъ всыпать ей горячихъ.

Такъ старикъ оправдался передъ баринномъ, свободно сталъ пользоваться найденными деньгами и зажилъ себѣ припѣваючи.

4. Лиса и волкъ.

Бѣжить однажды лиса по лѣсу, смотритъ: на дорогѣ лежитъ гусь; она обрадовалась находкѣ, подходитъ ближе—неладно: впереди гуся прилажена *калева* *). Поняла она хитрость и стала придумывать, какъ бы ей воспользоваться гусемъ и не попасться въ калеву. Думала, думала, и побѣжала къ волку, говоритъ: „куманекъ, я поймала гуся и не могу ѣсть его, потому что сегодня—пятница, не хочешь ли ты съѣсть его?“ Волкъ сдуру повѣрилъ лисѣ и пошелъ съ нею къ добычѣ. Увидѣлъ гуся и сразу бросился къ нему. Калева схватила его за шею и подняла вверхъ. Виситъ волкъ, не можетъ задними ногами достать земли. Лисѣ этого и нужно было: она побѣжала къ гусю и ѣсть.

— „Ты же сказала, что сегодня—пятница, постничаешь, а теперъ ѣшь?“ спрашиваетъ ее волкъ.

— „Тому—пятница, куманекъ, кто пятнами землю не достанетъ“, отвѣтила лиса, съѣла гуся и убѣжала.

Предразсудки.

- 1) Зашумитъ рѣка и закричатъ лягушки—будетъ дождь.
- 2) Звенитъ въ ухѣ—получишь извѣстіе.

*) *Калева*, *калва*, *каливо*—крошка, зерно. „Толков. слов. жив. вѣкр. яз.“, В. И. Дала. М. 1865, II, стр. 694. (Ред.). Такъ называется петля для ловли птицъ и животныхъ; она привязывается къ упругой вѣткѣ, которая поднимаетъ добычу съ петлей на шею вверхъ.

- 3) Увидѣть во снѣ ходсть—скоро отъѣзжать въ дорогу.
- 4) Кто чихнетъ, того непременно кто-либо будетъ угощать или тому предстоитъ счастливая дорога *).
- 5) Чешется лѣвая бровь—ругаютъ, правая—хвалятъ.
- 6) Услышишь во снѣ голосъ, который назоветъ тебя по имени,—будешь удаленъ отъ должности.
- 7) Безпричинная скука—предвѣстникъ несчастья.
- 8) Отправляешься куда-либо по дѣлу—не кури: дѣло не удастся.
- 9) Вставая утромъ съ постели, не становись на полъ лѣвой ногой: цѣлый день будетъ неудача **).
- 10) Если ѣдешь по дѣлу, и заяцъ перебѣжитъ тебѣ дорогу впереди, воротись назадъ, иначе непременно случится неприятность ***).
- 11) Если впереди перейти дорогу женщина съ пустыми ведрами, воротись лучше назадъ, нето потерпишь неудачу.
- 12) Воеетъ на дворѣ собака—быть несчастью въ хозяйствѣ.
- 13) Надѣнешь нечаянно платье на изнанку—поссоришь-ся съ близкимъ человѣкомъ.
- 14) Во снѣ увидѣть пожаръ—быть дракѣ.
- 15) Выпадетъ во снѣ зубъ—умреть въ семьѣ дитя.
- 16) Увидишь во снѣ, что оторвется подошва сапога,—умреть мужъ (жена).
- 17) Въ ведро или какую-либо другую посуду съ водой не смотри долго: увидишь чорта.

Пословицы и поговорки.

- 1) Зубовъ не точи на чужіе калачи.
- 2) Кто пашенку оретъ—всегда пѣсенки поетъ, кто торгуетъ—тотъ всегда горюетъ.

*) Сравни въ „Сборникѣ“. Вып. VI. Отд. I, стр. 40, № 40.

Ред.

**) Сравни въ „Сборникѣ“. Вып. VII. Отд. II, стр. 61, № 8.

Ред.

***) Сравни въ „Сборникѣ“. Вып. III. Отд. II, стр. 99, № 4.

Ред.

- 3) Голова подумала—ноги унесли.
- 4) Ходилъ за сто верстъ царскаго виселя хлебать.
- 5) Не мала баба хлопить та купыла порося.
- 6) Часомъ—съ квасомъ, порою—зь водою.
- 7) Вздумалъ богатѣть—купилъ козу, а сѣна нѣтъ.
- 8) Бѣдному жениться—ночь коротка.
- 9) Плакала, что денегъ нѣтъ, деньги нашла—счастье потеряла.
- 10) Снаружи ягодка красива, да внутри слишкомъ кисла.
- 11) Красивъ, какъ свинья въ дождь.
- 12) Домъ—не ворохъ, не поджигай: такъ сгорить.
- 13) Плакала кукушка, что дѣтей отдала въ люди.

Загадки.

- 1) Крикнула утка—за моремъ чутка, сбѣжались дѣтки—не одной матки. Утка—*церковный колоколъ*, дѣтки—*люди*.
- 2) Вотъ тѣнь-потетень—выше города плетень. *Церковь*.
- 3) Висить—мотается, всякъ за него хватается. *Крючокъ въ дверяхъ*.
- 4) Раскину я балки и вложу толстяка. Балки—*оглобли телѣги*, толстякъ—*лошадь*.
- 5) Прийшла темнота пидь наши ворота, пытае лепету, чи дома понура. Темнота—*волкъ*, лепета—*собака*, понура—*свинья*.
- 6) Выса высить—хода ходить, выса впала—хода звила. Выса—*яблоко*, хода—*свинья*.
- 7) Маленькій Абрамъ черезъ гору свиней гналъ. Абрамъ—*гребешокъ*, гора—*голова*, свиньи—*вши* *).
- 8) Среди лѣсу лежитъ скрученное желѣзо. Желѣзо—*змѣя* **).

*) Вариантъ: Маленькій, горбатенкій все поле проскакалъ. *Ред.*

***) Сравни въ „Сборникѣ“ вып. VI отд. II, стр. 186, № 5 и 14.

9) Стоитъ надъ водою—трясетъ бородою. *Камышъ.*

10) Ъду, Ъду—слѣду нѣту; рублю, рублю—щепокъ нѣту. Человѣкъ съ *веслами* въ рукахъ плыветъ на *каюкъ*.

11) Летѣла тетеря ни нынѣ, ни теперь, упала въ лебеду, и по нынѣ не найду. *Пуля.*

12) Два стоятъ, два ходять, а два минуются. Стоятъ *небо* и *земля*, ходять *солнце* и *лѣсякъ*, минуются *день* и *ночь*.

Сообщилъ учитель Умаханъ-Юртовскаго

станичнаго училища *В. Кикоть*.

СКАЗКА „ВОРЪ“

записанная въ слободѣ Воздвиженской, Терской области.

Жилъ себѣ кузнецъ; у него было три сына. Пока достатокъ въ домѣ былъ, сыновья жили при отцѣ, никуда не отлучались, а когда все, что было въ хозяйствѣ, было прожито и стало больше жить нечѣмъ, кузнецъ приказываетъ своимъ сыновьямъ идти въ люди, учиться ремеслу, въ какому хочеть, чтобъ было чѣмъ зарабатывать на пропитаніе. Сыновья собрались и пошли. Шли, шли, смотрятъ: перекрестокъ, дорога расходится въ разныя стороны; они остановились, раздумываютъ, куда идти, уговорились на томъ, что старшій братъ пойдетъ направо, средній—прямо, а младшій—налѣво, и такъ сдѣлали. При разставаніи они дали другъ другу обѣщаніе ровно черезъ годъ опять сойтись на томъ мѣстѣ, съ котораго расходятся.

Проходитъ годъ. Собрались братья на назначенномъ мѣстѣ и стали рассказывать, кто чему научился. „Я выучился столярному мастерству“, сказалъ старшій братъ; „а я—портняжному“, сказалъ средній. Младшій не хотѣлъ, чтобъ братья знали его ремесло, и молчалъ; наконецъ, когда братья стали приставать къ нему, не вытерпѣлъ, сказалъ: „я выучился воровать“. Такъ поговорили, поговорили они и пошли къ отцу. Отецъ очень обрадовался приходу сыновей. Старшій и средній тотчасъ же объявили, въ какому ремеслу научился, а младшій молчалъ: ему стыдно было признаться; наконецъ, когда отецъ долго не переставалъ допрашивать его, не вытерпѣлъ, сказалъ: „я научился хорошо воровать“.

У отца въ это время былъ гость. „Если ты умѣешь хорошо воровать“, сказалъ гость, „то украдь у меня коня“.

Воръ согласился въ ту же ночь украсть коня. Гость попрощался съ кузнецомъ и пошелъ домой; дома онъ созвалъ всѣхъ своихъ слугъ, объявилъ имъ, что ночью придетъ воръ красть коня изъ конюшни, и строго приказалъ стеречь его. Только что смерелось, вѣрные слуги дружно принялись за дѣло: одинъ сѣлъ на коня верхомъ, другой взялъ за голову, третій за хвостъ и четыре ухватились за ноги, — всѣ не спятъ, боятся прозѣвать вора.

Наступила ночь. Воръ взялъ съ собой большую бутылку водки и осторожно зашелъ во дворъ, посмотреть: семь человекъ держатъ коня, и всѣ собаки спущены съ цѣпей, ходятъ по двору; къ коню и подступиться нельзя; вотъ онъ и пустился на хитрость: пробрался въ домъ хозяина, укралъ его платье, надѣлъ на себя, вышелъ на дворъ, подошелъ къ слугамъ, которые стерегли коня, и спрашиваетъ: „не приходилъ воръ?“

— „Нѣтъ не приходилъ“, отвѣтили слуги.

— „Должно-быть, и не придетъ; спасибо вамъ, выпейте-ка за труды“, сказалъ воръ и сталъ угощать слугъ водкою: по рюмкѣ, по другой, по третьей... слуги и опьянѣли. „Идите спать!“ сказалъ и ушелъ. Слуги думали, что то былъ хозяинъ, разошлись, кто куда, и залегли спать. Воръ, долго не думая, связалъ собакъ попарно хвостами, сѣлъ на коня и уѣхалъ.

Наступило утро. Хозяинъ проснулся — нѣтъ коня. Дивится, что семь слугъ не могли уберечь одного коня, да нечего дѣлать, и пошелъ къ кузнецу за конемъ. „Если ты украдешь у моей жены нарядъ“, сказалъ онъ вору, „тогда я признаю тебя настоящимъ воровъ“. Воръ и на это согласился. Хозяинъ возвратился домой, заперъ нарядъ въ сундукъ на замокъ, ключи отдалъ женѣ и легъ спать.

Наступила ночь. Воръ надѣлъ на себя одежду хозяина, что осталась у него послѣ первой кражи, пошелъ на кладбище, выкопалъ изъ могилы мертвеца, принесъ на плечахъ и сталъ его совать хозяину въ окно. Хозяинъ подумалъ, что

въ окно лѣзетъ воръ, и выстрѣлилъ. Мертвецъ упалъ, а воръ скрылся за уголъ дома и ждетъ, что дальше будетъ. Хозяинъ всталъ съ постели, одѣлся и пошелъ упрятать убитаго вора подальше, чтобы не пришлось еще отвѣчать за него. А воръ замѣтилъ, что хозяинъ вышелъ изъ дому, вошелъ въ домъ и говоритъ хозяйкѣ, будто мужъ: „ахъ, какъ я усталъ! зато теперь не опасно: вора нѣтъ и не будетъ; дай-ка, жена, мнѣ ключи; теперь можно твой нарядъ вынуть изъ сундука: не страшно“, а самъ за нарядъ, да изъ двора и пустился бѣжать домой со всѣхъ ногъ. Хозяинъ вернулся домой и сказалъ: „ахъ, какъ я усталъ! зато теперь не опасно: вора нѣтъ и не будетъ“.

„Что ты все твердишь одно и то же?“ сказала жена сердито: „только что говорилъ и опять то же самое повторяешь?“

Хозяинъ открылъ сундукъ, смотритъ: наряда нѣтъ, и руками развелъ. Такъ и согласился онъ признать младшаго сына кузнеца настоящимъ воровъ.

Сообщилъ воспитанникъ Закавказской
учительской семинаріи *Е. Максимильяновъ*.

